

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ

2022. №27-1

ISSN 2307-6364

Учредитель, издатель:
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ. 2022. № 27-1
Научный журнал

*Номер журнала включает материалы мероприятия, реализуемого при грантовой поддержке
фонда «Русский мир»*

Редакционная коллегия:

А. А. Ворожбитова (г. Сочи,
Россия), гл. редактор – д-р филол.
наук, д-р пед. наук, профессор

Анна В. Кузнецова (г. Ростов-на-Дону,
Россия), зам. гл. редактора –
д-р филол. наук, профессор

О. А. Бурукина (г. Москва, Россия;
г. Женева, Швейцария),
канд. филол. наук, доцент

Л. Ю. Буянова (г. Краснодар,
Россия), д-р филол. наук, профессор

В. И. Супрун (г. Волгоград, Россия),
д-р филол. наук, профессор

Редакционный совет:

В. И. Аннушкин (г. Москва, Россия)

С. К. Башиева (г. Нальчик, Россия)

И. В. Гайдамашко (г. Сочи, Россия)

О. Н. Иванищева (г. Мурманск, Россия)

Г. И. Исина (г. Караганда, Казахстан)

В. И. Карасик (г. Москва, Россия)

Э. Р. Лассан (г. Вильнюс, Литва)

И. Лукс (г. Карлсруэ, Германия)

И. Микулацо (г. Пула, Хорватия)

Е. В. Пономарева (г. Москва, Россия)

Г. М. Романова (г. Сочи, Россия)

И. А. Стернин (г. Воронеж, Россия)

О. В. Тимашева (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58131 от 20 мая 2014 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет.

Журнал включен в базу Научной электронной библиотеки elibrary (Российский индекс научного ци-
тирования): http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37965

Адрес учредителя, издателя:
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Адрес редакции, типографии:
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94
Тел.: +7-918-305-44-87

E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
Сайт журнала: <http://www.lingvoritorika.ru/>

Выходит с 2002 г.
Периодичность – 1 раз в год
Свободная цена

Подписано в печать 22.12.2022

Формат 21 х 29,7/4

Уч.-изд. л. 31,6. Усл. печ. л. 28,8

Тираж 500 экз. Заказ № 1011

Редакторы
О. А. Бурукина, А. А. Ворожбитова,
И. Н. Иванова

Технический редактор
В. В. Чернышова

ISSN 2307-6364

© ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», 2022

Founder, publisher:
Federal Budget Educational Institution of Higher Education
“Sochi State University”, Russia

LINGUISTIC & RHETORICAL PARADIGM:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS. 2022. № 27-1
Scientific Journal

*The journal issue includes materials of the event supported by “**Russkiy Mir Foundation**” grants*

Editorial Board:

A. A. Vorozhbitova (Sochi, Russia),
Ch. Editor – Dr. of Philology,
Dr. of Pedagogics, Professor

Anna V. Kuznetsova (Rostov-on-Don, Russia),
Deputy Editor –
Dr. of Philology, Professor

O. A. Burukina (Moscow, Russia;
Geneva, Switzerland),
Candidate of Philology, Associate Professor

L. Yu. Buyanova (Krasnodar, Russia),
Dr. of Philology, Professor

V. I. Suprun (Volgograd, Russia),
Dr. of Philology, Professor

Editorial Council:

V. I. Annushkin (Moscow, Russia)

S. K. Bashiyeva (Nalchik, Russia)

I. V. Gaydamashko (Sochi, Russia)

O. N. Ivanisheva (Murmansk, Russia)

G. I. Issina (Karaganda, Kazakhstan)

V. I. Karasik (Moscow, Russia)

E. R. Lassan (Vilnius, Lithuania)

I. Lux (Karlsruhe, Germany)

I. Mikulatso (Pula, Croatia)

E. V. Ponomareva (Moscow, Russia)

G. M. Romanova (Sochi, Russia)

I. A. Sternin (Voronezh, Russia)

O. V. Timasheva (Moscow, Russia)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-58131 of May 20, 2014.

Information product for children over 16 years.

The Journal is included in the Scientific Electronic Library (Russian Science Citation Index):
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37965

Address of the founder, publisher:

354000, Sochi, Plastunskaya Str., 94

Address of the editorial office,
of the printing house:

354000, Sochi, Plastunskaya Str., 94

Tel.: +7-918-305-44-87

E-mail: alvorozhbitova@mail.ru

Journal site: <http://www.lingvitorika.ru/>

Published since 2002

Frequency – one issue per year

Free price

Signed into print 22.12.22

Format 21 x 29,7 / 4

Publish. print sheets 31,6. Print sheets 28,8

500 copies. Order № 1011

Editors

O. A. Burukina. A. A. Vorozhbitova,

I. N. Ivanova

Technical Editor V. V. Chernyshova

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»**СОДЕРЖАНИЕ**

Вступительное слово	7
Краткая биография Людмилы Петровны Егоровой.....	13

**Раздел I. К 90-летию со дня рождения ученого-филолога:
републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)**

Егорова Л. П. Пейзаж в произведениях К. Г. Паустовского (1958)	15
Егорова Л. П. Постмодернизм в искусстве и действительности (1999).....	26
Егорова Л. П. Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения (2001).....	30
Егорова Л. П. Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения (2002)	40
Егорова Л. П. Гамбургский счёт антропоцентрического литературоведения (2003)	47
Егорова Л. П. Социология художественного текста вчера и сегодня (2004)	53
Егорова Л. П. Духовность художественной литературы: типология дискурса (2006)	63
Егорова Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) (2007)	70
Егорова Л. П. Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций (2008).....	75
Егорова Л. П. Историко-функциональное изучение литературы как проблема литературоведения (2012).....	80
Егорова Л. П. Формирование национальной идентичности средствами художественной литературы (2014) ...	89
Егорова Л. П. Травелог И. С. Соколова-Микитова: (имагологический аспект) (2018).....	92
Егорова Л. П. Ставропольский текст в военной тетралогии Ю. Слепухина (2018).....	98

**Раздел II. Антропоцентрические, языковые и дискурсивные аспекты
лингвориторической парадигмы¹**

Бондаренко А. И. (г. Самара). Механизм формирования ценностных понятий действительности через мифологизацию реальности.	106
Бушев А. Б. (г. Тверь). Лингвориторика и изучение речевой агрессии.	109
Ефименко Т. Н. (г. Тамбов). Риторические особенности бесконфликтного общения в СМИ: когнитивный аспект	113
Иванова Н. К., Малкова Ю. Л., Логачева О. И. (г. Иваново). Английский язык для специальных целей в цифровую эпоху: проблемы перевода на русский язык профессионально-ориентированной литературы.....	117
Изюмская С. С. (г. Ростов-на-Дону) Информационное поле российских СМИ XXI века: функциональный статус англицизмов и «категория автора»	121
Малевинский С. О. (г. Краснодар). Психические свойства в структуре языковой личности	124
Самарина А. Г. (г. Тамбов). Переводческие ошибки: креативность или начало конфликта?	128
Свердлова Н. А. (г. Иркутск). Принципы формирования языковой ноосферы билингва	132
Тарасов М. И. (г. Смоленск). Аристотелевское учение о топосах в свете развития современной лингвориторической парадигмы	135
Филиндаш Л. В., Паудяль Н. Ю. (г. Москва). Обусловленность языка экскурсии экспозиционно-музейным дискурсом	139
Чалимбаева А. Д. (г. Нур-Султан, Республика Казахстан). Образовательный дискурс как один из видов институционального дискурса	142

**Раздел III. Феномены литературного творчества в лингвориторической парадигме:
речемышлительные аспекты**

Ананьева С. В., Джумагалиева У. З. (г. Алматы, Республика Казахстан). Поэт мысли и слова: взгляд на творчество М. Ю. Лермонтова из XXI века.....	147
Бондаренко А. И. (г. Самара). Стилистические особенности построения художественного образа (на примере англоязычных текстов).....	150
Демченко А. С., Нурмаганбет К. Е. (г. Алматы, Республика Казахстан). Номадические мотивы в лирике Б. Каирбекова	153
Джинджолия Г. (г. Пльзень, Чешская Республика). Аспекты эволюции идиостиля Б. Пастернака	158
Добровольская М. Г. (г. Москва). «Слово» в художественном мире Достоевского	162

¹ В разделы II–V включены материалы исследований в рамках программы Стратегической сессии проекта «V Международная Неделя русского языка в Сочинском государственном университете» (2022 – 2023) под эгидой фонда «Русский мир».

Калиева А. К., Ананьева С. В. (г. Алматы, Республика Казахстан). Творческая индивидуальность писателя как феномен советской культуры.....	167
Лян М. (г. Мурманск). Примета в дискурсивном пространстве художественного произведения	170
Орда Г. Ж. (г. Алматы, Республика Казахстан). Детская литература в Казахстане: тренды развития	174
Пэн Лин, Янгутова Р. Р. (г. Сиань, Китайская Народная Республика). Легенды о поэтах Средней Азии: понимание сущности поэзии.....	178
Разуваева Л. В., Шерстникова С. В. (г. Воронеж). Анализ предмета сравнения как части компаративной конструкции (на примере рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет»).....	183
Стеркина Н. И. (г. Москва). Федор Степун как литературная личность русского зарубежья: лингвориторический аспект (Ф. Степун «Встречи»)	186
Шемелева Т. В., Сапожникова А. В. (г. Краснодар). Средства и способы формирования эмоционального фона «счастье» в малой прозе Захара Прилепина.....	189

Раздел IV. Непрерывное лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система

Беляева М. Ю. (г. Славянске-на-Кубани). Проект «Звучащая метафора»: выбор поколения	192
Емельянова Е. В., Абдуллина Н. У., Имашева И. А. (г. Актюбе, Республика Казахстан). Профессиональная направленность содержания текстов по русскому языку для неязыковых специальностей	196
Ерофеева И. Н., Жукова М. Ю. (г. Санкт-Петербург). Экскурсионно-музейная педагогика как один из актуальных путей формирования профессиональной творческой личности при обучении русскому языку как иностранному	202
Иванчук И. А. (г. Санкт-Петербург). Лингвориторические факторы эффективности речевой деятельности чиновника (основные направления программы дополнительного образования в сфере государственной службы)	206
Ковалевская И. И. (г. Минск, Республика Беларусь). К вопросу о профессиональной подготовке переводчиков экономического профиля	210
Курьянович А. В., Серебrenникова Е. А. (г. Томск). Формирование национальной идентичности билингвальной языковой личности: ресурс учебного курса регионально-мультикультурной направленности	214
Маслов Ю. В. (г. Минск, Республика Беларусь) Конструктивистский подход к структурированию вузовского учебного пособия по межкультурной коммуникации	218
Пантелеева Е. А. (г. Москва). К вопросу формирования речемыслительной культуры в процессе лингвориторического образования	223
Усанова О. Г., Семёнова О. Р. (г. Челябинск). Лингвориторический компонент как средство повышения мотивации будущих учителей к профессиональной деятельности в ходе изучения дисциплины «Педагогическая риторика»	226

Раздел V. Творческая лаборатория исследователя-методиста: закономерности речемыслительной деятельности профессиональной языковой личности

Страхова З. П. (г. Сочи). Речь как ведущий способ коммуникации языковой личности в системе реализаций субъекта дискурсивных процессов	230
Страхова З.П. (г. Сочи). Мышление как фундамент речемыслительной деятельности языковой личности ..	238

Рецензия

Иванова И. Н. (г. Ставрополь). Рецензия на издание: Егорова Людмила Петровна (1932 – 2019): биобиблиографический указатель / научные редакторы: А. А. Фокин, П. К. Чекалов; составители: М. В. Агаркова, С. В. Колесова, Т. Ю. Кравцова; ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова», отдел краеведческой литературы и библиографии. – 2-изд., доп. – Москва: Альпен-Принт, 2022. – 138 с. – ил.	248
---	-----

CONTENTS

Welcome Message	7
Brief Biography of Lyudmila P. Egorova	13

**Part One. To the 90th Anniversary of the Philologist: Republishing of Selected Research Articles
by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)**

Egorova, L. P. Landscape in the works of K. G. Paustovsky (1958)	15
Egorova, L. P. Postmodernism in art and reality (1999)	26
Egorova, L. P. Hermeneutics and phenomenology as an arsenal of modern literary studies (2001)	30
Egorova, L. P. Interpretation as a phenomenon of anthropocentric literary studies (2002)	40
Egorova, L. P. The Hamburg account of anthropocentric literary studies (2003)	47
Egorova, L. P. Sociology of literary text yesterday and today (2004)	53
Egorova, L. P. The spirituality of fiction: a typology of the discourse (2006)	63
Egorova, L. P. Literary aspects of imagology (innovations and tradition) (2007)	70
Egorova, L. P. The creative individuality of a writer: the problem of definitions (2008)	75
Egorova, L. P. Historical and functional study of literature as a problem of literary criticism (2012)	80
Egorova, L. P. Formation of national identity by means of fiction (2014)	89
Egorova, L. P. Travelogues by I. S. Sokolov-Mikitov: imagological aspect (2018)	92
Egorova, L. P. The Stavropol text in Yu. Slepukhin's military tetralogy (2018)	98

Part Two. Anthropocentric, Linguistic and Discursive Aspects of Linguistic & Rhetorical Paradigm¹

Bondarenko A. I. (Samara). The mechanism of forming value concepts of objective reality through the mythologization of individual reality	106
Bouchev A. B. (Tver). Linguistic & rhetorical and verbal aggression studies	109
Efimenko T. N. (Tambov). Rhetorical features of conflict-free communication in mass media: cognitive aspect	113
Ivanova N. K., Malkova Y. L., Logacheva O. I. (Ivanovo). English for specific purposes in the Digital age: problems of professional literature translation into Russian	117
Izyumskaya S. S. (Rostov-on-Don). The information field of the Russian media of the 21st century: The functional status of anglicisms and the "category of the author"	121
Malevinskiy S. O. (Krasnodar). Mental properties in the composition of a linguistic personality	124
Samarina A. G. (Tambov). Translation errors: creativity or an emerging conflict?	128
Sverdlova N. A. (Irkutsk). Principles of formation of the bilingual language noosphere	132
Tarasov M. I. (Smolensk). The Aristotelian doctrine of <i>topoi</i> in the light of the development of the modern linguistic & rhetorical paradigm	135
Filindash L. V., Paudyal N. Yu. (Moscow). Conditionality of the excursion language by the exposition and museum discourse	139
Chalimbayeva A. D. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Educational discourse as one of the types of institutional discourse	142

**Part Three. Phenomena of Literary Creativity in the Linguistic & Rhetorical Paradigm:
Speech and Cognitive Aspects**

Ananyeva S. V., Jumagaliyeva U. Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan). The poet of thought and word: a close look from the 21st century at the creativity of Mikhail Lermontov	147
Bondarenko A. I. (Samara). Stylistic features of constructing the artistic image (based on examples from English texts)	150
Demchenko A. S., Nurmaganbet K. Y. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Nomadic motifs in the lyrics of Bakhyt Kairbekov	153
Dzhindzholia G. (Pilsen, Czech Republic). Aspects of the evolution of B. Pasternak's idiostyle	158
Dobrovolskaya M. G. (Moscow). The "word" in Dostoevsky's artistic world	162
Kalieva A. K., Ananyeva S. V. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Creative individuality of the writer as a phenomenon of Soviet culture	167

¹ Sections II–V compile research materials within the programme of the 6th Strategic Session of the project "The 5th International Week of the Russian Language at Sochi State University" (2022 – 2023) under the auspices of the Russkiy Mir Foundation.

Liang M. (Murmansk). Omen in the discursive space of a literary work.....	170
Orda G. Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Children's literature in Kazakhstan: development trends	174
Peng Ling, Rita R. Yangutova (Xian, People's Republic of China). Legends about the poets of Middle Asia: understanding the essence of poetry.	178
Razuvaeva L. V., Sherstnikova S. V. (Voronezh). Analysis of the object of comparison as part of a comparative construction (on the example of A. Kuprin's story "The Garnet Bracelet").....	183
Sterkina N. I. (Moscow). Fyodor Stepun as a literary personality of the Russian diaspora: the linguistic aspect (F. Stepun. Meetings)	186
Shemeleva T. V., Sapozhnikova A. V. (Krasnodar). Means and methods of forming the emotional background in Z. Prilepin's short prose.....	189

Part Four. Continuing Linguistic & Rhetorical Education as an Innovative Pedagogical System

Belyaeva M. Y. (Slavyansk-on-Kuban). Project "Sounding Metaphor": The choice of a generation	192
Emelyanova E. V., Abdullina N. U., Imasheva I. A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan). Professional orientation of the content of texts in the Russian language for non-linguistic specialties.	196
Erofeeva I. N., Zhukova M. Y. (St. Petersburg). Excursion & museum pedagogy as one of actual ways of forming a professional creative personality while teaching Russian as a foreign language	202
Ivanchuk I. A. (St. Petersburg). Linguistic & rhetorical factors of the effectiveness of the officer's speech activity (The core directions of the additional educational programme in the field of public service).....	206
Kovaleuskaya I. I. (Minsk, Republic of Belarus). To the issue of professional training translators specialising in economics	210
Kuryanovich A. V., Serebrennikova E. A. (Tomsk). Formation of the national identity of a bilingual linguistic personality: A resource for a training course with a regional and multicultural orientation.	214
Maslov Y. V. (Minsk, Republic of Belarus). The constructivist approach to elaboration of a university student manual on intercultural communication.....	218
Panteleeva E. A. (Moscow). To the issue of the formation of speech-thinking culture in the process of linguistic & rhetorical education.....	223
Usanova O. G., Semyonova O. R. (Chelyabinsk). Linguistic & rhetorical component as a means of increasing the motivation of future teachers for professional activities while studying the course of "Pedagogical rhetoric"	226

Part Five. Creative Laboratory of the Methodologist Resercher: Professional Linguistic Personality's Tendencies of Communicative Cognitive Activity

Strakhova Z. P. (Sochi). Speech as a leading way of the linguistic personality's communication within the system of realizations of the subject of discursive processes.....	230
Strakhova Z. P. (Sochi). Thinking as a fundamental of the speech-cogitative activity of the linguistic personality ...	238

Book Review

Ivanova I. N. (Stavropol). Book review: Lyudmila Egorova (1932 – 2019): Bio-bibliographic index. Eds by A. A. Fokin, P. K. Chekalov; compiled by M. V. Agarkova, S. V. Kolesova, T. Yu. Kravtsova; GBUK "Stavropol Regional Library n. a. Lermontov", Department of local history literature and bibliography. – 2nd ed., add. – Moscow: Alpen-Print, 2022. – 138 pp. – ill.	248
---	-----

Вступительное слово

В этом году отмечается 90-летие со дня рождения известного советского и российского литературоведа, крупного специалиста по русской литературе и литературе народов Кавказа, профессора Северо-Кавказского федерального университета Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019). Этот юбилей, до которого она не дожила три года, предоставил научной общественности России возможность оценить вклад ученого в отечественное литературоведение, кавказоведение и ставропольведение (изучение «ставропольского текста», «ставрополианы»).

Можно с полным правом назвать 2022 год годом Людмилы Петровны Егоровой. Московское издательство «Флинта» выпустило целую серию переизданий её книг: в электронном виде – «О романтическом течении в советской прозе», «История литературы Ставрополя. XX век»; в печатном виде и электронно – литературно-краеведческие очерки «Русские писатели на Северном Кавказе», учебное пособие «История филологии». Московское издательство «Альпен-Принт» издало учебное пособие «Литература русского зарубежья (непрочитанные страницы)». Две последние рукописи подготовлены к печати стараниями учеников Л. П. Егоровой, профессоров Петра Константиновича Чекалова и Александра Алексеевича Фокина (научный редактор пособий – профессор Ирина Николаевна Иванова). Они же явились научными редакторами Библиографического указателя Л. П. Егоровой, подготовленного Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени М. Ю. Лермонтова при жизни ученого, в 2019 году; в значительно дополненном виде его 2-е издание вышло в 2022 юбилейном году в «Альпен-Принт».

Большой вклад в осмысление творческого наследия выдающегося учёного-филолога вносит и данный выпуск журнала «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» – благодаря публикации в первом разделе ряда избранных статей Людмилы Петровны, дающих достаточно целостное представление о ее творческом пути; некоторые из работ выходили в малотиражных сборниках и ныне труднодоступны для исследователей.

Моё личное знакомство с Людмилой Петровной Егоровой трудно назвать даже шапочным. Я как-то оппонировал в диссертационном совете в Ставрополе, Людмила Петровна в то время было заместителем председателя совета. Мы вежливо поздоровались, я сказал пару фраз о своём впечатлении от её интересных книг, которые к тому времени мне были известны. Может быть, общение продолжилось бы после заседания, но я в тот же вечер уезжал домой, поэтому на встрече после успешной защиты пробыл недолго.

И странное дело: вроде бы мы почти не общались, а такое впечатление, что Людмила Петровна постоянно присутствует в моей жизни. Всё, конечно, объясняется её книгами, при чтении которых естественным образом возникает диалог с их автором. Было интересно читать её литературно-краеведческие очерки о русских писателях на Северном Кавказе, о литературах народов Северного Кавказа, о новом взгляде на советскую классику и многие другие издания.

Работая над изданием избранных произведений Романа Петровича Кумова (1983 – 1919), я столкнулся с именем литератора Ильи Дмитриевича Сургучёва, написавшего проникновенный некролог об этом донском писателе – «Делающие имя стране». Книга Р. П. Кумова вышла в Волгограде в 2008 году, и в том же году ученик Людмилы Петровны Александр Алексеевич Фокин защитил в Ставрополе докторскую диссертацию «И. Д. Сургучев: творческая биография писателя в свете художественной антропологии». Сама Л. П. Егорова также внесла большой вклад в исследование творчества этого крупного писателя русского зарубежья, участвуя в ежегодных Сургучёвских чтениях и публикуя статьи в сборниках материалов конференций. Возвращение забытых имён русских литераторов – важное дело в осмыслении и понимании единого процесса отечественной культуры. Так состоялась ещё одна незримая переключка, я вступил в новый виртуальный диалог с Людмилой Петровной.

Л. П. Егорова занимает важное место в российской науке. Ею написаны ставшие уже классическими учебники, учебные пособия, монографии, статьи, посвящённые анализу литератур народов России и филологии в целом. Воспитанные ею ученики продолжают развивать идеи Учителя, осмысливая её творческое наследие и донося его уже до своих учеников и последователей. Републикация статей Людмилы Петровны в журнале «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» является важным этапом в непрерывном процессе научного познания отечественной культуры и определения в нём места филологического творчества Людмилы Петровны Егоровой.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Людмила Петровна Егоровна была исключительно продуктивно работающим ученым, мудрым и проницательным. Она умела замечать такие аспекты разрабатываемого направления исследования, которые обладали обширным эвристическим потенциалом в течение длительного времени, оставаясь перспективными и сейчас.

Читая работы Л. П. Егоровой, невольно вовлекаешься в строго выстроенную научную аргументацию. При этом в ее трудах нельзя обнаружить ни шаблонных фраз, ни клише: стиль ее работ всегда точен, ясен, прост и одновременно метафорически насыщен и выразителен.

Людмила Петровна была прекрасным педагогом и научным руководителем. Под ее началом выросло много исследователей, чьи имена значимы для развития отечественного литературоведения.

Кузнецова Анна Владимировна, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры отечественной литературы
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Мы, студенты филфака Ставропольского государственного педагогического института 1986–1991 гг., познакомились с Людмилой Петровной не сразу. Ее дисциплины появились у нас только на третьем-четвертом курсе, но, конечно, мы много слышали о ней от старшекурсников и выпускников, и это всегда были восторженные отзывы.

Одно из самых ярких впечатлений раннего студенчества. Зима 1986 года. Первый курс филфака сидит в библиотеке и жалуется на жизнь: много задают, ничего не успеваем... И вдруг в читальный зал входит Людмила Петровна. С огромной, чуть не в метр высотой, стопкой журналов. Там были «Наш современник», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Иностранная литература» и все, что мы знали и особенно чего не знали. Она сдает эту стопку, ей приносят такую же... И мы понимаем, что вот так у нее каждый месяц! Вот по такой же стопке! И она это успевает прочитать! (Впоследствии подтвердилось). И так нам тогда стало стыдно за свою якобы перегруженность и занятость... Тридцать пять лет прошло, а эта сценка стоит перед глазами. Я очень люблю рассказывать о ней своим студентам (тоже таким же «перегруженным»), уже не заставшим, к сожалению, Людмилу Петровну, но знающим ее по написанным ею учебникам, пособиям и по рассказам ее учеников, к числу которых и я имею честь принадлежать...

О ее лекциях. Это было впечатление вдохновения, творчества (вот именно педагогического творчества), свободы и той легкости владения материалом, которая достигается только годами упорного труда. Она «провоцировала», как Сократ, задавая неожиданные вопросы. Все ее ученики помнят эти листочки, которые надо было сдать в конце пары... И самое главное, что любые вопросы можно было задавать ей! И не бояться показаться глупым...

Наше обучение пришлось на время грандиозного слома, в том числе гуманитарной парадигмы. И надо сказать, что Людмила Петровна, разумеется, воспитанная в определенной мировоззренческой и эстетической системе, была невероятно чуткой и открытой к новому. Она была прекрасным подтверждением замечательной истины: учитель живет, пока учится. Она не только учила, она и училась с нами и на наших глазах, и было частью и радостью – участвовать в этом процессе...

Именно Людмила Петровна была инициатором проведения научной конференции по проблемам постмодернизма на кафедре истории новейшей отечественной литературы, еще тогда, когда это не стало модным. От нее мы услышали имена ученых-структуралистов и постструктуралистов. В своих пособиях по ВКР и истории филологии она всегда представляла научное творчество того или иного ученого четко, ясно, максимально активно, выделяя главное, формулируя сложные идеи так, что хотелось прочитать оригинал.

Я многому научилась у Людмилы Петровны (надеюсь, что это так). И помимо невероятного объема знаний и умения этими знаниями пользоваться, передавать их (а это разные таланты, и здесь они совпали), у нее было еще одно редкое качество. Это умение уважать и слушать тех, кто младше, понимание того, что любой из твоих студентов знает что-то, чего не знаешь ты: какую-то книгу, фильм, имя, новое явление в искусстве, и это может быть интересным, неожиданным, может что-то дать тебе, доктору и профессору. Она умела серьезно и внимательно слушать и аспиранта, и студента-первокурсника, интересовалась их мнением по сложным вопросам литературоведческой науки, в которых, разумеется, была гораздо более компетентна...

У нее было невероятное трудолюбие. Она учила учиться, самостоятельно читать и конспектировать, учила культуре работы с текстом, с цитатой. Ножницы и клей тоже были ее рабочими инструментами: ведь тогда нельзя было дать команду «вырезать» и «вставить». И ее статьи рождались из бесконечных полос написанного текста, вставок, ссылок, склеек... Это была лаборатория мысли, которую помнят все ученики Людмилы Петровны. Когда я вижу слово «Учитель», написанное с прописной буквы, я вспоминаю её.

Иванова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета

Думаю, надо подчеркнуть уникальность Людмилы Петровны Егоровой для научного пространства именно Юга России, ее несокрушимый авторитет для всех мыслимых научных инстанций – для кафедр, прежде всего, северокавказских университетов, она, безусловно, ученый № 1 в сфере гуманитаристики (единственная, кто действительно объединяет ученых всех республик Кавказа, «под которую» – уж простите за штамп – они всегда смогут собраться!!!).

Она – ученый-символ, коих просто сегодня не осталось в нашем регионе. Она связывала центр и периферию, достаточно вспомнить ее особый статус в столичных университетах, в МГУ, прежде всего, а также в Институте мировой литературы РАН и др.

И обязательно об учениках – профессорах практически на всех историко-литературных кафедрах между Черным и Каспийским морями, свято чтущих ее память, передающих ее открытия новым поколениям ученых.

И еще востребованность ее вклада в современной науке, апелляция к нему.

Добавлю, что сейчас в ПГУ и республиканских писательских организациях идет активная работа над пятитомным изданием «Антологии литературы народов Северного Кавказа» (уже вышел в издательстве «Снег» первый том, посвященной поэзии). Над этим грандиозным проектом поистине витает дух незабвенной Людмилы Петровны!!! Ее до сих пор остающиеся непревзойденными по объективности авторской идентификации и глубине научного анализа «Очерки» о литературе нашего региона очень многое определяют в подготовке будущих учителей в СКФО и филологов самого широкого профиля – от рустистов до германистов, китаистов и арабистов.

Шульженко Вячеслав Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства, руководитель отделения литературного творчества Пятигорского государственного университета, член Союза писателей России

Имя профессора Л. П. Егоровой вошло в историю Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева и сегодня является олицетворением литературоведческой научной школы вуза. Молодая чета Л. П. Егоровой и А. П. Сидельковского приступила к работе в тогдашнем Карачаево-Черкесском госпединституте с первых же дней возобновления его работы после возвращения депортированного в годы Великой Отечественной войны карачаевского народа из Средней Азии и Казахстана в 1957 году.

Многие поколения наиболее известных учителей сельских школ республики – ее ученики, более того, молодая поросль ученых-литературоведов Карачаево-Черкесии 60–70-х годов свои первые шаги в исследовательской деятельности осуществляли под ее научным руководством.

Своими первыми наукообразными студенческими опусами я тоже обязан Людмиле Петровне. Она была очень требовательным и в то же время справедливым человеком, Учителем с большой буквы. Ее имя до сих пор не только в университете, но во всей республике произносят с благоговением.

В одной из ее первых книг «Дороги дружбы» (Черкесск, 1969), которая она выпустила, работая в пединституте, Людмила Петровна поместила целое созвездие литературных портретов писателей и поэтов Карачаево-Черкесии, что было новым явлением для того времени. В этой книге, вспоминая свои первые годы работы в институте, она писала: «На заочном отделении филологического факультета КЧГПИ учились известные поэты области Б. Тхайцухов, А. Ханфенов, В. Абитов, А. Семенов. Выступили со сборниками произведений М. Чотчаев, Б. Аппаев, Д. Гочияев, Ш. Дибиров. Немало удачных дебютов знает литгруппа стационара». Фамилий и примеров такого рода в книге множество. И абсолютное большинство из перечисленных писателей и поэтов Карачаево-Черкесии – это те, кто позже составил список «классиков национальных литератур народов Карачаево-Черкесии». В их становление свою немалую лепту внесла и Людмила Петровна, будучи их преподавателем литературоведческих курсов на филологическом факультете.

Таких примеров много. Стало быть, в становлении и развитии литератур народов Карачаево-Черкесии и литературоведческой науки вклад профессора Людмилы Петровны Егоровой немалый. Ее имя достойно увековечения.

Пазов Сергей Умарович, кандидат филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики,
проректор по научной работе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева
в 1992 – 2020 гг., ныне – директор Центра исследования языков народов Карачаево-Черкесии

Романтик науки. В честь доктора филологических наук, профессора Людмилы Петровны Егоровой. Сегодня 2 сентября – ее день рождения (пост в Фейсбуке, 2020 г.)

В 2001 году на Международной леоновской конференции очень крупный леоновед В. И. Хрулев, один из редакторов романа Леонида Леонова «Пирамида», сокрушался, что не видит среди участников Людмилу Петровну Егорову, и поведал мне, ее ученику, какое впечатление на сообщество литературоведов произвела монография Людмилы Петровны «О романтическом течении в советской прозе».

«Вы представить себе не можете, какой фурор произвела эта небольшая книжка тогда, в шестидесятые!», – говорил этот уже очень немолодой человек, и глаза его молодо засверкали. Следует заметить, что этот разговор был в начале двухтысячных годов, а монография, о которой с таким пиететом говорил этот крупный ученый, вышла в 1966 году.

Для меня именно этот разговор высветил фигуру Людмилы Петровны от начала ее научной деятельности до самых последних дней и минут.

Она всегда была равной своим героям – советским романтикам. Самого замечательного течения в советской культуре и литературе, к которому относятся Паустовский, Луговской, Тихонов, Всеволод Иванов, Либенский и др.

Для романтиков главным является идеал. И они не только не теряли его из виду, но и вся их деятельность направлена на его созидание. Это требует высоты духа, его горения. У Людмилы Петровны эта высота духа выражалась во всем ее облике. В ее особой посадке головы: она как бы все время находилась там – в эмпиреях. Эта высота духа выражалось и прямо в очень высоком тембре голоса, почти без обертонов.

Ее мало волновали личные бытовые проблемы. Она была абсолютно бескорыстна, она была бесрѐбренником.

Горение духа Людмилы Петровны позволило ей быть на переднем крае науки до самых последних мгновений. Венцом ее научной и педагогической деятельности стала «История русской литературы XX века. Первая половина. В 2 кн. Под ред. Егоровой Л. П.», которую каждый желающий может скачать в ПДФ.

Если говорить о педагогической деятельности Людмилы Петровны, то я, к сожалению, у нее не учился как студент и могу сказать о ней только как о научном руководителе. Она и здесь была романтик. Никакие приходящие мотивы, кроме научных, ее не интересовали. Как всякий настоящий романтик, Людмила Петровна и здесь была предельно ответственна. Она очень долго не решалась на самостоятельное руководство, а была консультантом зав. кафедрой Л. М. Чмыхова.

Не знаю, как было в других случаях, но в случае со мной она окормляла меня на протяжении всей аспирантуры: от выбора моей кандидатуры в аспиранты, выбора темы, первых планов и почеркушек, до выбора оппонентов и самой защиты. Будучи настоящим ученым-исследователем, она обладала и редчайшей способностью вникать в творческий ритм своих подопечных и никогда никого не торопила.

Зато как она радовалась успехам своих учеников! Один из ее подопечных, Александр Фокин, рассказывал, как она почти танцевала, размахивая письмом с отзывом на автореферат, в котором очень авторитетный ученый поддержал главный тезис диссертации А. Фокина.

В 2008 – 2009 гг. и далее Людмилу Петровну привлекли проблемы имагологии, то есть проблематика инноваций и традиций. Если согласиться, что знания передаются «из рук в руки», из уст в уста, и что личность учителя транслируется в ученике, то учителем (первым научным руководителем) Людмилы Петровны был известный лермонтовед, доктор филологических наук А. В. Попов, учившийся в Бакинском университете у поэта и ученого Вячеслава Иванова во время пребывания того в качестве профессора университета. Тогда получается, что через цепочку трансляций Людмила Петровна ведет традицию от Вячеслава Иванова.

Следовательно, поэзия Вячеслава Иванова, в частности, стихотворение «Русский ум» приоткрывает глубинные свойства личности Людмилы Петровны Егоровой:

РУССКИЙ УМ

Своначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неустойчив, так ясен,
Так весел он – и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

Анатолий Андреевич Дуров, кандидат филологических наук, до 2009 г. – доцент кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского университета, создатель учебно-методической лаборатории «Образовательные аспекты регионального культуроведения»

Людмила Петровна Егорова – мой проводник в академический мир

Меня познакомили с профессором Егоровой в 2005 году, когда мне было почти 23 года, я была выпускницей Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

Познакомили мои преподаватели с кафедры русской и зарубежной литературы – Елена Владимировна Дмитриченко и Снежана Владимировна Бревнова, за что им большое спасибо.

Людмила Петровна к тому времени уже 33 года как защитила докторскую диссертацию, была известным и уважаемым профессором, заместителем председателя докторского диссертационного совета Ставропольского государственного университета, возглавляла научные коллективы по разработке актуальных проблем в филологии, руководила научной школой, была автором учебников для высшей школы, оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям в ведущих вузах нашей страны...

Академическая величина, известный ученый-филолог! Изучение ее трудов, которые помогали понять русскую литературу и литературу народов Северного Кавказа, уже тогда являлось обязательным компонентом образовательной программы. И я, вчерашняя студентка филологического факультета небольшого вуза в небольшом городе...

Сейчас мне кажется фантастикой, что Людмила Петровна согласилась сотрудничать со мной, быть моим научным руководителем по диссертации с довольно неакадемической темой, спорным предметом исследования: мы писали про современную женскую прозу с точки зрения гендерного аспекта. И услышали довольно много критики в Ставропольском государственном университете, особенно от профессора Вячеслава Михайловича Головка.

Возможно, мотивом согласия был тот факт, что дипломную работу я писала у дочери Людмилы Петровны – Александры Анатольевны Ворожбитовой, в то время заведующий кафедрой русского языка Сочинского университета, доктора филологических наук, доктора педагогических наук, профессора. И, наверное, хорошо себя зарекомендовала.

И правда, тема у нас с Людмилой Петровной оказалась «горячей» для дискуссий, как сейчас проблематика нейрописма, книги Павла Пепшерштейна и искусственного интеллекта «Пытаясь проснуться».

В 2005 году тема гендерных исследований в России только начинала входить в научный мир, а современную российскую литературу некоторые исследователи обозначали как словесность, а не литературу.

И для меня сегодняшней, доцента Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, руководителя магистерской программы «Психология управления и социальных коммуникаций» Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), решение профессора Егоровой поддержать отчаянно смелую и дерзкую аспирантку говорит о ее неиссякаемом потенциале исследователя, настоящего ученого, личности с широким профессиональным кругозором, глубокой, мудрой, дающей шанс неизведанному стать частью академической науки, для которой важно понять смыслы новых направлений, новых акцентов, новых тем.

Людмила Петровна так определила тему диссертации: «Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой». И мы имели большой успех на защите: нас хвалили без меры и предложили продолжить исследование в докторской диссертации.

Для меня очень трогательным было наше единство и взаимопонимание с Людмилой Петровной. Мы, такие разные по возрасту, темпераменту, эпохам, городам, жизням, манере защищать исследуемое, стали единым целым в этой диссертации, читая и анализируя, дополняя друг друга в понимании современной женской

прозы через произведения наших современниц Татьяны Толстой, Людмилы Петрушевской, Людмилы Улицкой, чьи рассказы я читаю и сейчас.

Людмила Петровна была моим вдохновителем и Учителем, моим наставником и строгим критиком, моим проводником в научный мир и в сложные темы, моей большой поддержкой, когда казалось, что нужно было выбрать другую тему – после очередной дозы критических замечаний на предзащитах; моим оберегом и очень уважаемым мною человеком, который поверил в меня, в мой потенциал – по сути, очень юного исследователя, и дал возможность в 25 лет стать кандидатом филологических наук.

Мое уважение к ней и моя признательность навсегда в моем сердце.

Наше общение с Людмилой Петровной продолжилось и после защиты, последний раз мы виделись в Ставрополе в феврале 2019 года: навспоминались от души...

Незадолго до своей смерти Людмила Петровна прислала мне книгу с небольшими фрагментами ее автобиографии, где она рассказывает, что начала читать в 5 лет, что читала все: Пушкина, Некрасова, Кэрвуда, что книги были ее лучшими друзьями. И свою любовь к чтению она пронесет через всю жизнь и напишет: *«литературоведческий анализ не может быть основной целью урока литературы в школе. Иначе часто идёт заучивание материала без понимания и, почти всегда, без любви к литературному произведению, без желания его прочитать и найти нужные слова для интерпретации»*.

Профессор Егорова научила меня, что ценность чтения в любви к чтению, в самопознании через литературные произведения и их героев, в понимании психологических мотивов автора, логики развития сюжета, ценностных идей героев.

Прямо сейчас я разрабатываю новый курс лекций по лидерству для магистрантов МГИМО, и одну из тем я обязательно посвящу вопросу о личности лидера, обращаясь, в том числе, и к героям русской литературы.

Александр Чацкий, Евгений Онегин, Маша Миронова, Григорий Печорин, Тарас Бульба, Илья Обломов, Евгений Базаров, Алеша Карамазов, Андрей Болконский, Наташа Ростова, Данко, профессор Воланд, Юрий Живаго, героини книги «А зори здесь тихие...», героини городской прозы Юрия Трифонова... продолжать можно долго. Каждый сможет выбрать близкие себе типы лидеров, узнавая в них себя, обратившись к прочитанным книгам, как пел Владимир Высоцкий:

И злодея следам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить,
И, друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.

В моей же классификации лидеров есть такой тип: «тот, кто создает лидера» – это наши родители, наши учителя, наши наставники в жизни.

С уверенностью могу утверждать, что основоположником моего лидерства была Людмила Петровна Егорова.

Галина Александровна Пушкарь, аспирант профессора Л. П.Егоровой, кандидат филологических наук, доцент факультета Высшая школа государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент МГИМО

Учебное пособие Л. П. Егоровой «История филологии», изданное в 2020 году за счет гранта фонда «Русский мир» ко II Международному форуму русистов в Сочи, в электронном виде было разослано коллегам. Ниже приведены выдержки из откликов языковедов (на адрес дочери, А. А. Ворожбитовой):

«Спасибо Вам за замечательную книгу, написанную Вашей мамой. Я как раз сейчас читаю аспирантам курс “История языкознания”».

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

«Очень рад получению Вашего (...) письма, да ещё с таким замечательным пособием Вашей матушки. (...) Её тема – то, чем я мучительно занимаюсь и коплю, потому что материала столько, что его не вместить в малое пособие... Книгу Людмилы Петровны просмотрел всю – очень много материала, полезнейшего и для многих неизвестного».

Владимир Иванович Аннушкин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

«Я решил Вам написать, так как сегодня прочитал присланную вами книгу Людмилы Петровны Егоровой. Спасибо.

Я приветствую и горячо поддерживаю републикацию трудов профессора Л. П. Егоровой. Эти труды, на мой взгляд, есть свидетельство того, что наши литературоведческие школы достигли значимых результатов. Это весь контекст: и Лихачев, и Лотман, и представители стиховедения, и Корман – это столичные и региональные исследователи второй половины XX века.

Синтез литературоведческих теорий и исследования языковой ткани художественного текста необходим, что доказывает обращение к истории филологии и теории литературы Л. П. Егоровой.

Книга Л. П. Егоровой о филологии очень взвешенная. Мне, конечно, был интересен конец XX века. Тут Людмила Петровна уже как участник процесса литературоведческого. Помню, с каким уважением говорили мне мои коллеги – историки литературы – о Л. П. Егоровой.

Я помню, Георгий Исаевич Богин ездил на конференции к Людмиле Петровне, и когда-то еще в XX веке она опубликовала мою очень слабенькую работу о Солженицыне и мне, аспирантике, написала.

И потом я еще раз участвовал – уже по приглашению А. А. Ворожбитовой – в конференции в Ставрополе по теории литературы. И там были самые современные теории взаимодействия разных кодов в искусстве, рассуждения о семиотике, о реализме, о художественности, об экфрасисе, что доказывает постоянный интерес ученого к новым идеям. Без чего нет науки. Сборник конференции позволил понять, что Л. П. Егорова была окружена единомышленниками, научной школой. Присланный тогда красивый сборник трудов конференции подарил в библиотеку – пусть изучают, пусть помнят».

Александр Борисович Бушев, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета

... Мое детство прошло в Карачаевске, под стук печатных машинок. Родители переехали в новый, только оторванный педагогический институт из Ставрополя, где познакомились, когда папа был преподавателем, а мама студенткой (родом оба из Ростова-на-Дону). По рассказам мамы, Людмилы Петровны Егоровой, когда я родилась, жили в деревянном бараке, и она очень боялась пожара. Возвращаясь домой, взлетала на пригорок – и с облегчением выдыхала: «Стоит». Потом появилась двухкомнатная квартира: маленькая комната моя, а в так называемом «зале» папа и мама, печатают каждый за своим столом. Ритуал перед сном: мама рассказывает мне «о писателях», читает стихи. Телевизор у нас появился позже всех, когда я была уже в шестом классе, – «чтобы не отвлекал от чтения».

Родители часто бывали в научных командировках. Иногда со мной ночевала соседка-заочница, она рассказывала, какая замечательная у меня мама, как ее любят студенты, восхищаются ею. Когда я в 14 лет была в пионерском лагере, так часто вспоминала про нее, что под конец срока девочки говорили: «Когда уже за тобой придет мама, хоть посмотреть на нее, что за мама такая особенная, по которой можно так сильно скучать». Потом я тяжело заболела, меня перевезли в детскую краевую больницу. Мама в ней и жила, выхаживая меня. Так родители вернулись в Ставрополь.

Помню, как впервые поехала с докладом на научную конференцию в Черкесск – мама организовала «научное крещение». Посоветовала мне тему кандидатской диссертации: творчество русскоязычных писателей Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны. В этом проявилось ее научное чутье на перспективную проблематику. Эпоха битвы с фашизмом меня очень увлекла, в докторской по языкознанию глава посвящена военной публицистике, потом и сама руководила двумя соискателями по теории языка на ее материале.

А ведь был момент, когда я увлеклась пением и забросила кандидатскую. Из другой комнаты услышала диалог родителей. Папа-психолог: «Если не хочет, не нужно заставлять. Пусть занимается тем, чем она сама хочет». А мама возмущенно восклицает: «Но у нее же явная способность к преподаванию русского языка! Ни в коем случае нельзя бросать диссертацию!». Внушала, что пение для меня не дело жизни, а только «прекрасное увлечение в свободное время». И, конечно, оказалась права.

Без определяющего влияния мамы в выборе стержневого направления в приложении усилий не было бы потом еще двух докторских диссертаций. Советовалась с ней и по кандидатским работам учеников, по лингвистике и по педагогике, высылала авторефераты «на ревью» как теоретика-методолога. Она составила проект программы моих собственных исследований — для стимула, чтобы я активнее и сама развивалась как ученый.

Мама не раз повторяла: «Ты на экране читаешь текст, в узком пространстве не видишь целого. Нужно обязательно листать распечатанные страницы». Или: «У тебя очень длинные предложения, невозможно читать! Разбивай на простые, компьютер очень хорошо этому учит, подчеркивает зеленым».

У нас в ходу было выражение: редактировать «крупным помолом» и «мелким помолом». У мамы на первом плане была именно целостная речемыслительная архитектура дискурсивного процесса: «Меня мелкий помол не интересует, только крупный!». А я на любой мелочи застревала и говорила: «Когда я все по полочкам раскладываю, то понимаю, что это во мне от папы. Но где же во мне хотя бы что-то от тебя? Почему я не вижу в тексте то, что видишь ты!?!». Меня всегда поражала эта тайна ее уникального интеллекта большого ученого.

... Помню, как среди абитуриентов впервые слушала мамино публичное выступление. Она стоит в фиолетовом платье возле флипчарта, комментирует схему. Поразила неожиданная красота голоса, который я слышала всю жизнь: в нем появились совершенно особые обертоны, грудные, завораживающие. И так до последних дней: звоню – в трубке телефона звучит все тот же молодой, красивый, вдохновляющий голос. Этот голос-камертон Людмилы Петровны Егоровой – навсегда в сердцах ее близких, ее учеников.

Александра Анатольевна Ворожбитова, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской и русской филологии Сочинского государственного университета, Почетный работник ВПО РФ

Краткая биография Людмилы Петровны Егоровой

(02.09.1932 – 16.10.2019)

Доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор Северо-Кавказского федерального университета, создатель научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа». За 60 лет научно-педагогической деятельности отмечена орденом «Знак почета», орденом Дружбы, медалью «За доблестный труд» и другими наградами, отличник народного просвещения Узбекской ССР, Заслуженный профессор Ставропольского государственного университета, Заслуженный профессор Северо-Кавказского федерального университета, премия Главы г. Ставрополя.

Родилась 2 сентября 1932 г. в Ростове-на-Дону. После смерти матери в возрасте трех лет переехала в Ставрополь с бабушкой и тетей. В 1950 г., по окончании школы № 1, поступила на историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института. Со второго курса занималась в научном кружке профессора Андрея Васильевича Попова, приобщилась к азам литературного краеведения. Окончив институт с

отличием в 1954 г., поступила в аспирантуру к А. В. Попову, увлеченно исследовала творчество К. Г. Паустовского.

После завершения аспирантуры Л. П. Егорова с мужем переехала в г. Карачаевск, где начала трудовую деятельность в Карачаево-Черкесском пединституте. В 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию. Среди первых изданных книг – «Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии» (1964), «Дороги дружбы» (1969) и др. Всесоюзную известность автору принесло новаторское исследование «О романтическом течении в советской прозе» (1966).

В 1972 г. в Москве Людмила Петровна защитила докторскую диссертацию по теме «Русская проза 1920 – 1930-х годов в её связях с жизнью народов СССР (типология и поэтика)». Диплом был выписан в 1976 г., спустя четыре года. В 1977 г. решением ВАК при Совете Министров СССР ей было присвоено учёное звание профессора. В том же году Л. П. Егорова из Карачаевска вернулась в Ставрополь в качестве заведующего новой кафедрой советской литературы родного Ставропольского пединститута.

Л. П. Егорова вела исследования в сферах типологии литературно-художественных течений и функционального изучения литературы на материале как русской литературы, так и литератур народов России, в области изучения творчества русскоязычных писателей, а также произведений национальных авторов, переведенных на русский язык. В центре внимания ученого, прежде всего, находились литературы народов Северного Кавказа.

Статьи о Л. П. Егоровой представлены в справочниках «Кто есть кто в русском литературоведении» (М., 1992), «Кто есть кто в кавказоведении» (М., 2000), «Современное кавказоведение. Справочник персоналий» (Ростов-на-Дону, 1999). К 87-летию Л. П. Егоровой, при жизни ученого, Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова подготовила Библиографический указатель «Егорова Людмила Петровна» (2019), который в дополненном виде переиздан в 2022 г. Москве.

Профессор Егорова возглавляла научные коллективы по разработке конкретных актуальных проблем, руководила докторскими и кандидатскими диссертациями, являлась заместителем председателя докторского диссертационного совета (СГУ), членом кандидатского диссертационного совета (ТаГППИ). Многократно оппонировала докторские и кандидатские диссертации в МГУ, МГПУ, МПУ, РГУ и других вузах.

Профессор Л. П. Егорова – автор множества научных статей, книг, выходявших в Москве, Ставрополе, Черкесске, Сочи, в том числе фундаментальных учебников по русской литературе XX века. Печатались в журналах «Дружба народов», «Дон», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Филологические науки» и др.

Научные, учебные, методические труды Л. П. Егоровой широко используются в вузах и многократно переиздавались в центральных издательствах. Автор фундаментальных учебников по русской литературе XX века, тонкий исследователь, профессор Егорова вела активную просветительскую деятельность, направленную на популяризацию русской классики и ознакомление с новинками российской литературы. В

области изучения литературы Северного Кавказа Л. П. Егорова являлась научным лидером, ведущим теоретиком-методологом и авторитетнейшим экспертом.

В Сочинском государственном университете профессор Л. П. Егорова читала авторские учебные курсы для студентов-филологов в 2004–2010 гг., при этом являлась организатором и научным руководителем

I и II Международных научно-практических конференций «Художественная литература и Кавказ» (2005, 2007 гг.).

Людмила Петровна оказывала консультативную помощь при проведении докторского диссертационного исследования «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» (1992–2000 гг.) и создании одноименной научной школы СГУ, в подготовке публикаций ее представителями, консультировала аспирантов-филологов СГУ (2000 – 2019 гг.).

Л. П. Егорова осуществляла концептуальное руководство I и II Международными научно-методическими конференциями «Творчество русскоязычных писателей, покинувших Россию в 80-

90-е годы XX века: проблемы системного осмысления и популяризации» (2015, 2017 гг.), реализованными под эгидой фонда «Русский мир»; второй раз – в рамках комплексного филологического проекта «Профессиональная языковая личность: Международный форум русистов в Сочинском государственном университете».

Научная школа функционального изучения литературы профессора Л. П. Егоровой

Основные вузовские площадки:

- Северо-Кавказский федеральный университет (профессора Л. И. Бронская, И. Н. Иванова и др.);
- Ставропольский государственный педагогический институт (профессора А. А. Фокин, П. К. Чекалов и др.);
- Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (профессор А. В. Кузнецова и др.);
- Пятигорский государственный университет (профессор В. И. Шульженко и др.);
- Карачаево-Черкесский государственный университете (профессор Т. А. Чанкаева);
- Сочинский государственный университет (концептуальное сотрудничество с научной школой «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты», научный руководитель профессор А. А. Ворожбитова).

Крупные издания последних лет

Егорова Л. П. История русской литературы XX века : учебник. – Вып. 2 : Советская классика: новый взгляд. – Ч. 1 / Л. П. Егорова, П. К. Чекалов. – М. : МГПО ; Ставрополь : Изд-во СГУ, 1998. – 199 с.

Егорова Л. П. История русской литературы XX века : учебник. – Вып. 2 : Советская классика: новый взгляд. – Ч. 2 / Л. П. Егорова, П. К. Чекалов. – М. : МГПО ; Ставрополь : Изд-во СГУ, 1998. – 156 с.

Егорова Л. Литературы народов Северного Кавказа. Очерки. – Ставрополь : Кн. изд-во, 2004. – 412 с. Переиздания, доработанные в виде учебного пособия: электронные: М. : ФЛИНТА, 2014; 2019. – 326 с.; печатное: М. : ФЛИНТА, 2020. – 516 с.

История русской литературы XX века. Первая половина. В 2 кн. / Под ред. Л. П. Егоровой. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2004. – Кн. 1 – 318 с. Кн. 2 – 751 с. Электронные переиздания: М. : ФЛИНТА, 2014; 2019. Кн. 1 – 450 с. Кн. 2 – 935 с.

Егорова Л. П. Русские писатели на Северном Кавказе : литературно-краевед. очерки. – Ставрополь : Кн. изд-во, 2007. – 204 с. Переиздания: печатное, электронное: М. : ФЛИНТА, 2022. – 204 с.

Егорова Л. П. Выпускные квалификационные работы по русской литературе : учеб. пособие для студентов вузов по направлению «Филология». – М. : Высшая школа, 2009. – 295 с. Электронные переиздания: М. : ФЛИНТА, 2014; 2019. – 296 с.

Егорова Л. П. История литературы Ставрополя. XX век / Л. П. Егорова; НОЦ «Музей региональной литературы и литературного краеведения» / под общей ред. проф. А. А. Фокина. – Ставрополь : Изд-во ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2012. – 580 с. Электронное переиздание: М. : ФЛИНТА, 2022. – 582 с.

Егорова Л. П. История филологии : учеб. пособие / Л. П. Егорова. (Подготовлено к печати П. К. Чекаловым). – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. – 194 с. Переиздания: электронное: М. : ФЛИНТА, 2021. – 195 с.; печатное, электронное: М. : ФЛИНТА, 2022. – 196 с.

Раздел I.

К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей
профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)

Part One.

To the 90th Anniversary of the Philologist: Republishing of Selected Research Articles
by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)

Пейзаж в произведениях К. Г. Паустовского (1958)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Пейзаж в произведениях К. Г. Паустовского // Сборник трудов Ставроп. пед. ин-та. – Ставрополь, 1958. – Вып. 13. – С. 333–357.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, пейзаж, образы природы, метафора, художественные средства.

УДК. 821.161. 1

Landscape in the works of K. G. Paustovsky (1958)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Pejzazh v proizvedeniyah K. G. Paustovskogo (Landscape in the works of K. G. Paustovsky) // Sbornik trudov Stavrop. ped. in-ta. – Stavropol', 1958. – Вып. 13. – С. 333–357.

Keywords: K. G. Paustovsky, landscape, images of nature, metaphor, artistic means.

UDC 821.161. 1

Константин Паустовский известен далеко за пределами нашей Родины. Его лучшие произведения – «Кара-Бугаз», «Колхида», рассказы о Мещерском крае, «Повесть о лесах», «Рождение моря» – переведены на десятки языков. Очерк «Кара-Бугаз» положительно оценивали М. Горький, Ромен Роллан, Н. К. Крупская. Писателем тончайшей наблюдательности и великолепного владения добротным русским языком назвал Паустовского Михаил Шолохов.

Однако творческий путь маститого писателя сложен и противоречив, отдельным произведениям не хватает жизненной правды и глубины, некоторые его высказывания глубоко ошибочны. Творчество Константина Паустовского еще не раз станет предметом серьезных дискуссий, но ценность его отдельных сторон и сейчас не подлежит сомнению. К числу таких бесспорных достижений писателя принадлежат картины природы, занимающие в его произведениях значительное место. В историю советской литературы Константин Паустовский вошел как признанный мастер пейзажа.

Пейзажи в произведениях К. Г. Паустовского выполняют различные идейно-художественные функции. В одних случаях они отражают грандиозные изменения, происшедшие в стране за годы Советской власти, славят новую жизнь; в других – раскрывают роль природы в жизни человека, утверждают ее как среду, без которой нельзя жить и работать людям. Картины природы, в которой Паустовский видит идеал красоты, помогают художнику оттенить прекрасное в нашей повседневной жизни, создать типические характеры. Мастерски выписанные, основанные на многочисленных наблюдениях автора, пейзажи позволяют наглядно показать природные особенности страны. Наконец, все пейзажи, раскрывая богатство и красоту русской природы, способствуют воспитанию любви и привязанности к родной земле. «...Чувство природы одна из основ патриотизма», – говорит Паустовский. Подробно описав Мещерский край, он заканчивает очерк пророческими

и вдохновенными словами: «И если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было – этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь».

Творчески развивая традиции классиков, Константин Паустовский в пейзажных зарисовках воплощает мысли и чувства своих современников; картины природы в его произведениях прославляют новую жизнь. Следуя горьковским заветам, писатель большое внимание уделяет меняющемуся на глазах пейзажу советской Родины. Новый пейзаж отражает результаты человеческих усилий и потому вызывает радость и гордость за человека. При этом художественные приемы К. Паустовского многообразны: он изображает грандиозную панораму обновленной Родины с высоты птичьего полета («Рождение моря»), он смотрит на страну глазами человека, долгие годы не видевшего свой край, и потому острее воспринимающего его новый облик («Рождение моря», «Путешествие на старом верблюде»), а порой ему достаточно бросить взгляд за окно скорого поезда, чтобы рассказать о грандиозных преобразованиях («Симферопольский скорый»). К. Паустовский не только констатирует факты, но и передает волнение и чувство гордости советского человека, любящего родную страну.

В рассказе «Симферопольский скорый» попутчик писателя, пожилой почвовед, поведал ему любопытную историю. Еще будучи гимназистом, он из окна вагона заметил одинокую хату. Она стояла в степи под Курском. «Около нее не было даже плетня. Ветер нес пыль, и хата стояла в этой пыли, как в тумане». В другой раз он заметил деревушку, «такую же нищую и унылую», оборванных ребятишек, выпрашивающих куски хлеба. «У меня на глазах росла нищета. Вы понимаете, вместо одной жалкой хаты их стало несколько», – рассказывал почвовед. Описания нищих дореволюционных деревень хорошо знакомы нам и по произведениям русских классиков. Вспомним окрестности крепостной деревни, запечатленные в «Записках охотника» Тургенева: овраг, кое-как превращенный в грязный пруд, исчезающие «площади». В рассказе Паустовского нищета и убожеству старой деревни противопоставлены картины зажиточной счастливой жизни. Проезжая по знакомым местам после революции, почвовед каждый раз видел новое: «Появились молодые вишневые сады. Хаты помолодели. У завалинок пышно цвели красные и желтые мальвы. Однажды я увидел школьников. Они бежали с книжками. Межи, заросшие бурьяном, исчезли. Вся степь ходила волнами спелой пшеницы. Потом появилась ветряная электростанция. Сады разрастались. Вдоль улиц уже шумели ветлы... Вместо старых хат то тут, то там уже стояли новые дома, крытые черепицей». Так на смене контрастных картин писатель раскрывает судьбу деревни.

Константин Паустовский является непревзойденным мастером пейзажа социалистической страны. В его зарисовки органически входят черные стрелы экскаваторов и огни больших строек, которые становятся такими же необходимыми в поэтическом арсенале художника, как звезды, луна и другие традиционные образы пейзажной лирики. Белый след реактивного самолета в рассказе «Клад» кажется таким же поэтичным, как «слабо блестящая звезда», как белеющие в темноте цветы шиповника. Герои повести «Рождение моря», ленинградцы, приехавшие на строительство канала, вспоминают романтику белых ночей, когда «заря горит, не угасая, на золотой игле адмиралтейства». «А здесь была уже крошечная южная ночь, – пишет автор. – И экскаватор шагнул в эту ночь, неся на стреле маленькую красную светящуюся звезду, она была далеко видна над степью». Этим сопоставлением Паустовский как будто говорит: ночь на строительстве Волго-Дона не менее достойна поэзии, чем не раз воспетые белые ночи.

Пейзажи Константина Паустовского раскрывают колоссальную роль природы в жизни человека. По глубокому убеждению писателя, природа не только источник материального богатства страны, но и могучая сила, формирующая национальный характер народа, его язык и культуру. Такой взгляд полностью соответствует народному, исторически сложившемуся воззрению на природу, которое нашло свое отражение в произведениях прошлого. «Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца!» (1) – восклицал Гоголь, всматриваясь в бескрайние просторы России. Эти слова вспоминаются при чтении статьи Паустовского «За красоту родной земли». Он пишет: «Русская литература, музыка, живопись, вся наша великолепная культура, наконец, история – все это неразрывно срослось с красотой русской земли. Она наложила отпечаток на формирование характера нашего народа – великодушного и талантливого, простого и мужественного». Наиболее яркое художественное воплощение эта мысль писателя нашла в «Повести о лесах», в главе, посвященной композитору Чайковскому. Константин Георгиевич правильно утверждает, что непревзойденная красота музыки Чайковского рождена близостью к простому народу и родной природе, которую глубоко понимал и любил композитор. Прекрасная картина залитого солнцем соснового леса подкрепляет мысль писателя и убеждает нас в том, что природа действительно является могучим источником вдохновения. Благодаря этому последующие строки не вызывают никаких сомнений в их достоверности: «Разнообразие и сила освещения вызвали у Чайковского то состояние, когда вот-вот случится что-то необыкновенное, похожее на чудо... Его нельзя было терять. Надо было тотчас возвращаться домой, садиться за рояль и наспех записывать проигранное на листах линованной бумаги».

Для каждого писателя-пейзажиста характерно свое, особенное восприятие природы. М. Пришвин, например, наблюдая и описывая природу, познает в ней самого себя, свои страдания и радости. Для К. Паустовского природа – вечно живой и неиссякаемый источник красоты, наслаждаясь которой, человек обогащает свой духовный мир. Не случайно, определяя чувство прекрасного, писатель сравнивает его с душевным состоянием человека, залобовавшегося природой: «Будто вся свежесть дождей, ветров, дыхания цветущей земли, полуночного неба и слез, пролитых любовью, проникает в наше благодарное сердце и навсегда овладевает им». Природа, по мысли писателя, является «величайшей силой в моральном и эстетическом развитии народа». Она удовлетворяет эстетические запросы человека. В рассказе «Днепровские

кручи» Паустовский сочувственно пересказал слова старого колхозника деда Мыколы. «Человеку не только противно проживать в тех местах, где посадили да вырублены кущи, а еще и трудно работать. Один труд в зеленой леваде, а совсем иной труд – на поганом болоте... лоза эта, вы скажете пустяки, да от тех пустяков скребет у людей на сердце... Нужно, чтобы человек жил посередине красоты... Тогда на душе делается хорошо и привязанность рождается до своей земли и до своего дела». Об этом же говорит и сам писатель в своих публицистических выступлениях.

Стремление к красоте, а значит, и пристальное внимание к природе является неотъемлемой частью духовного облика развитого человека, строителя коммунистического общества, и К. Паустовский правильно осознает природу как «среду, без которой человеку нельзя жить и работать в полную меру сил». Не случайно писатель обращается к пейзажным зарисовкам не только в художественных произведениях, но и в каждой статье, выступлениях и заметках. Глубокий интерес Паустовского к природе свидетельствует о полноте и богатстве его жизненных впечатлений, о постоянном стремлении к прекрасному, но он отнюдь не является формой бегства от сложности жизни, как это было у некоторых писателей прошлого, например, у Аксакова. Прекрасное в природе не отдаляет Паустовского от реальной жизни, а, наоборот, подчеркивает красоту последней. Вот как отзывался Паустовский о Мещере: «...кочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзначай на вид оно ни было...» Это не художественное преувеличение: писатель действительно шел от постижения красоты скромной русской природы к прославлению духовного богатства простых, незаметных тружеников. Стремление раскрыть красоту в обыкновенном, будничном с тех пор становится лейтмотивом его творчества. Писателем были созданы образы лесничего Петра Матвеевича («Старый челн»), аптекаря Дмитрия Сергеевича и старика по прозвищу Утиль («Во глубине России»). Активно выступая против бессмысленного уничтожения природных богатств, Паустовский не смог пройти и мимо других вопиющих недостатков, еще бытующих в нашей жизни. Так, в «Письме из Тарусы» (1956) впервые зазвучали несвойственные раньше автору критические нотки. Писатель гневно говорит об отсутствии дорог, водопроводов, о скверных условиях работы в школах... Писатель как бы соотносит явления действительности с тем эстетическим идеалом, создать который ему помогла красота природы.

Красота русской природы, воплощенная в пейзажах Паустовского, помогает писателю глубже раскрывать идею своих произведений. «Задача у меня была самая скромная, – объясняет он замысел очерка «Во глубине России», – рассказать хотя бы самые незначительные случаи, свидетельствующие о талантливости и простосердечии русского человека». Художественной убедительности писатель достигает прежде всего тем, что образы героев даны им на фоне русской природы, скромной и ничем внешне не примечательной: однако писатель-патриот тоже нашел в ней черты истинной и глубокой красоты, подчеркивая этой аналогией идейно-художественный смысл рассказа. Всем знакомы кусты цветущего шиповника, но когда Паустовский пишет: «шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный», то у читателя к обычному представлению примешивается чувство восторга. Поэтический образ вырастает из реального сходства явлений (цветущий убор кустика действительно напоминает праздничный наряд) и придает сказанному новый смысл. Эпитеты – «нарядный», «праздничный» – соответствуют дальнейшему описанию: Дмитрию Сергеевичу его труд представляется самым **увлекательным** из всех занятий, настой, приготовленный им, действует **превосходно**, книга «фармакопея» была **увлекательней** всех романов. Понятно, что ликующий мажорный тон пейзажа создает у читателя приподнятое настроение, необходимое для правильного восприятия последующих страниц, которые без такого вступления могли бы показаться напыщенными.

Напротив, гибель красоты природы символизирует гибель прекрасного в жизни. На первых страницах книги Паустовского «Исаак Левитан» есть такая картина: прекрасный, похожий на горный хрусталь лед под безжалостными сапогами прохожих превращается в жидкую грязь. Этот образ предваряет рассказ о жизни художника, чью душу изо дня в день попирали нищета, грубая сила, произвол...

В основе рассказа «Австралиец со станции Пилево» лежит контраст между прошлым и настоящим русской деревни, который дан через восприятие его героя Вани Зубова. После смерти отца Ваня уехал в Сибирь на заработки, потом попал в Австралию. Много забот и горя выпало на долю мальчика, и только после революции он смог вернуться на обновленную счастливую Родину. Сопоставляя прошлое и настоящее деревни, писатель славит новую жизнь. Идейному замыслу в рассказе подчинены не только композиция и художественная деталь, но и пейзаж. Надоедливый октябрьский дождь гармонирует с переживаниями мальчика, охваченного страхом перед далекой Сибирью, но как хороша и щедра природа, встретившая Ваню после его скитаний: «Земля отдыхала от богатого и тяжелого урожая, она как будто спала в голубых туманах, в шелесте тихих лесов. Ее дыхание было свежим, исцеляющим прежние обиды».

Пейзаж является выразительным средством характеристики героя. Картина грозы в рассказе «Старый челн» позволила художнику противопоставить скромному лесничего Петра Матвеевича его блестящим попутчикам. Чтобы показать духовное убожество последних, Паустовский говорит об их отношении к природе. Эти небрежные «аристократы», разговаривающие о гостиницах, портье и ресторанах, совершенно равнодушны к живой прелести мелькающих за окном пейзажей. Режиссер всматривался в грозное небо с таким видом, будто оно было театральной постановкой: «Какая гроза! Как здорово сделано!» «Что случилось?» – спросила сухая маленькая женщина в лиловой пижаме. Ее щебечущая красота исчезла с первым раскатом грома». Характеристика исчерпана!

Пейзажи Константина Паустовского глубоко и полно отражают природу нашей страны. «Географические координаты» его произведений различны: одинаково мастерски рисует он субтропические леса Кавказа и среднеазиатскую пустыню, скалистые берега Крыма и Северный Урал, но самые лучшие, проникновенные краски писатель отдал среднерусскому пейзажу, его задумчивым водам, лесам и полям и неяркому северному

небу. Природа в произведениях Паустовского выступает как огромный, живущий по собственным законам мир, в который читатель уходит надолго. Этот мир воспроизведен оригинальными художественными средствами, поэтому путевые очерки и рассказы Паустовского воспринимаются нами в русле богатейших традиций русской классической литературы, литературы Тургенева, Аксакова, Бунина, Пришвина, Арсеньева.

Среди пейзажей К. Паустовского нередко можно встретить описания городов. Они построены на удачном сочетании характерных, тщательно отобранных деталей из различных сфер жизни. В одном из ранних очерков «С берегов Куры» писатель кратко и образно охарактеризовал природные условия Тифлиса, особенности городской архитектуры и красочную панораму восточного базара. Людей, попавших в Эривань, поражает снежная громада Арарата. Паустовский тонко подметил это чувство и положил его в основу своего описания в очерке «В тысячелетней пыли»: «Арарат на рассвете встает над персиковыми садами Эривани... Он преследует вас, и где бы вы ни были, у себя за спиной вы чувствуете снежную громаду легендарной, высоко взметенной в небо сказочной горы» (2). Эмоциональные эпитеты – «легендарная», «сказочная» – переносят нас в атмосферу восточной народной поэзии, взлелеянной Араратом. Чтобы сделать описание более наглядным, писатель очень уместно упоминает о персиковых садах Эривани, создавая яркое представление о южном зеленом городе. Так же своеобразны описания Махачкалы, Красноводска, Астрахани, Симбирска и т. д. Остановимся на отрывке из наиболее зрелого произведения писателя – «Беспокойная юность» (1955). «Я помню Арзамас с плетеными корзинами румяных крепких яблок и таким же обилием похожих на эти яблоки таких же румяных куполов...

Нижний Новгород ударил в лицо пахнущим рогожами волжским ветром. Это был город русской предприимчивости, оптовых складов, бочек, засола – буйная перевалочная пристань в истории России».

Всего несколько строк, но за ними встают два так непохожих друг на друга города дореволюционной России, и в том, что они нарисованы рядом, есть своя логика поэтического контраста. Образ Арзамаса складывается из двух первых запоминающихся зрительных впечатлений – яблоки и купола церквей. Больше его вспомнить нечем, и вы погружаетесь в атмосферу маленького провинциального городка, с его садами и соборами. Подобный прием встречается у М. Пришвина: писателя, посетившего город Повенец, поразил постоянный звук колокольчика – это по улицам бродили коровы (3). Один факт дает достаточное представление о городе в целом.

Полной противоположностью сонному Арзамасу является Нижний Новгород. Он ударил в лицо ветром, и это не только ветер с реки, но и дыхание жизни, деловой, кипучей. Волжский ветер пахнет рогожами, напоминая о нескончаемом потоке барж; они, как и оптовые склады и бочки, необходимая принадлежность торговых центров.

Однако Нижний Новгород дан не только через внешние, сразу бросающиеся в глаза признаки, но и через раздумье автора: «Это был город русской предприимчивости... буйная перевалочная пристань в истории России». Эта фраза вызывает у читателя ряд ассоциаций, в памяти оживают исторические сведения... Так, опираясь на жизненный опыт читателя, на его представления, знания, на его творческое воображение, Паустовский добивается необычайной краткости описаний. Этому он учится у классиков русской литературы (вспомним описание ночного Пятигорска в «Герое нашего времени» или советы Чехова начинающим писателям).

Посмотрим, как изображен у Паустовского ландшафт. Пейзажист совершает «открытие» страны художественными средствами. Первым значительным произведением писателя является его книга «Кара-Бугаз» (1932), которая, по словам Ромена Роллана, свидетельствует о становлении нового жанра в советской литературе, показывающего отдельные географические пункты (4). Большое место в книге уделено описанию залива. Вначале оно дается через восприятие путешественника Жеребцова, который якобы в 1847 году обследовал берега Кара-Бугаза и нанес их на карту. Живость и непосредственность рассказа объясняются удивлением ученого XIX века, еще не искушенного последними достижениями современной науки. Из письма и отчета Жеребцова можно составить полное представление о рельефе, климате, растительности, о составе морской воды, которые мы бы получили из материалов действительной научной экспедиции. Эти сведения придают книге большую познавательную ценность. Внешняя беспорядочность описания соответствует логике первого впечатления – глаз лейтенанта Жеребцова подмечает то особенности рельефа и почв, то отсутствие растительности: «Северный берег крут и обрывист и состоит из засоленной глины и белого гипса, ни травы, ни деревьев нет...» Паустовскому удалось передать гнетущее чувство тоски и одиночества, охватившее Жеребцова на берегу залива: в научное описание местности вклиниваются эмоциональные определения – «унылые горы», «негостеприимные воды», «мертвая и серая вода залива». Затем, сохранив форму сухого делового разговора, Паустовский включает в книгу новейшие научные сведения о заливе, результаты химических исследований, материалы конференции. Этим он разрушает грани между художественным и научно-популярным очерком. Новаторство Паустовского было понято не сразу, но впоследствии художественное своеобразие «Кара-Бугаза» оказало существенное влияние на развитие советского очерка; в 30-е годы редкий критик не ссылался на книгу Паустовского как на пример, достойный подражания.

Совсем по-иному раскрывает Паустовский природные особенности Мингрелии. «Колхида» – повесть. Пусть характеры ее действующих лиц не разработаны глубоко и полно, но в повести есть твердые сюжетные линии, развивающиеся во времени, поэтому описание ландшафта вплетено в книгу еще более органично и тонко. Природа властно напоминает о себе прекрасными пейзажами: ей подчинены мысли и дела героев. Старик Пахомов раскрывает перед Невской особенности флоры Мингрелии, и читатель чувствует не только разговорные интонации, но и мимику рассказчика: «Из-за болот здесь страшная бедность растительных форм. **Посудите сами: ольха и опять ольха, будь она проклята».**

Так же образно изображен в книге рельеф страны. Он показан через воспоминания охотника Гулии и раздумья автора. Органическое слияние двух линий повествования позволяет достичь необычайного

художественного совершенства, сохранив почти научную точность. Например: «Море подпирало теплую воду в болотах. Страна была плоской, как лист бумаги, и не больше, чем лист бумаги, выдавалась над уровнем моря. У тихих рек не хватало силы, чтобы вынести воду в море. Прибой бил им в лицо. Реки медленно поворачивали и долго текли вдоль морского берега, пока находили спокойный залив и море, наконец, принимало их воды».

Единственное в этом отрывке сравнение (страна плоская, как лист бумаги) способствует точности и наглядности описания. Большую поэтичность последнему придает метафора, олицетворяющая природу, – «прибой бил им в лицо». В сочетании с другими немногочисленными тропами («тихие реки», «реки медленно поворачивали») она подчеркивает сходство явлений природы с действиями, переживаниями, раздумьем человека. Подобный художественный прием в пейзажах Паустовского мы отметим еще не раз, хотя в каждом отдельном случае степень и цель олицетворения будут различны. Умело сопоставляя явления природы с человеческими переживаниями, Паустовский глубоко раскрывает перед читателем жизнь природы, следуя в этом замечательным художникам слова – Чехову и Пришвину.

В 1935 году К. Паустовский создает оригинальное произведение «Черное море», которое было задумано как художественная лоция, собрание интереснейших фактов из жизни морских глубин и побережий. Книга была одобрена М. Горьким. Писатель увлекательно рассказал о морской улитке «торедо», о двойной черноморской весне, создал настоящую «геологическую поэму» о Кара-Даге. Его описания точно передают своеобразную и яркую природу Крыма: «Вода в бухте отражала скалы. Цвет их был суров, но не однообразен. Скалы были черные, красные, желтые, как охра». Изредка их перерезали пласты «зеленых, белых и синеватых пород. Но у всех этих красок было общее свойство – их покрывал сизый налет, свойственный окалине. Очевидно, это были следы космического огня и пепла».

За исключением одного метафорического эпитета («цвет их был суров»), в отрывке нет поэтических фигур и тропов. Писатель, подобно живописцу, стремится передать краски Крыма, его описание основано на зрительном восприятии. В то же время можно ощутить почти исследовательский подход писателя к картинам природы (объяснение причин сизого налета на скалах).

Описания природы в таких произведениях Паустовского, как «Кара-Бугаз», «Колхида», «Черное море», убеждают нас в том, что писатель серьезно и глубоко изучал природные условия отписываемого края. Он сообщает о себе: «У меня есть некоторые наклонности краеведческого типа, это у меня с детства. Я страстно любил раскрывать белые пятна на карте» (5). В процессе работы над книгами Паустовский использует не только собственные богатейшие наблюдения, но и научные описания. В свое время Горький многим советовал читать специальную литературу (6). Недавно доктор географических наук Молчанов в статье «Не в ладу с фактами» (7) указал на многочисленные ошибки и неточности в описаниях среднеазиатской флоры и фауны у С. Айни, С. Бородина и др. В этом отношении книги К. Паустовского, как и другого крупного писателя-природоведа М. Пришвина, безупречны. Это отмечают крупнейшие географы – Саушкин и Покшишевский. У писателя нет верхоглядства. Когда в 1934 г. в государственном издательстве художественной литературы проходило обсуждение «Колхиды», кто-то из присутствующих бросил реплику, что Паустовский все-таки писатель, а не ботаник. Ответное выступление Паустовского содержало настоящую программу действий и художественное кредо автора. «Если вы собираетесь писать о ботанических вещах, – говорил Паустовский, – то, конечно, нужно если не быть ботаником, то быть в курсе основных ботанических теорий, основных современных достижений в этой области... Любой вопрос, затронутый в книге, требует большой предварительной и изыскательной работы. Иногда эта работа выливается в одну строчку» (8). Паустовский не раз подчеркивал, что, работая над «Кара-Бугазом», он изучал геологию, химию, труды географов. В этом сказались традиции Гончарова и Чехова, которые, отправляясь один в Японию (на фрегате «Паллада»), другой на Сахалин, предварительно изучили большое количество научных источников.

Богатство неожиданных знаний – сильнейшая сторона пейзажей Паустовского: это отмечено в многочисленных письмах читателей (9). Из произведений Паустовского можно узнать, какие ветры дуют на Азовском море («Рождение моря»), как растет чай («Колхида») и какие сложные процессы происходят в морских глубинах («Черное море»). «Разве любая область знаний, изученная неожиданно и как бы некстати, не составляет величайшей ценности для развития человека?» – говорит своим творчеством К. Паустовский. Он видит «бездну поэзии» в любой науке. В книге о писательском труде Паустовский особенно подчеркнул, что внесение научных сведений в художественное произведение делает последнее более полноценным: «Одно дело ночь с безмянным и потому недостаточно выразительным небом, и другое дело та же ночь, когда поэт знает законы движения звездной сферы и когда вода осенних озер отражает не созвездие вообще, а блистательный Орион».

Смелое введение научных фактов в художественное произведение говорит о новаторстве писателя. Долгое время считалось, что поэзия не допускает научных подробностей. Н. Г. Чернышевский писал однажды: «Та точность решений, которая нужна в статье политического или экономического содержания, противна духу поэзии» (10). Дальнейшее сближение литературы с жизнью во многом уточнило это высказывание критика. Немало ценного познавательного материала содержит «Остров Сахалин» Чехова, к которому как нельзя лучше подходит известное горьковское определение: «Очерк стоит где-то между исследованием и рассказом» (11). Значительным событием в советской литературе последних лет явилось «Путешествие по советской Армении» М. Шагинян. Эта книга – настоящая художественная энциклопедия страны. Много интересных специальных подробностей внесли в художественную литературу писатели-природоведы. Новаторство Паустовского состоит в удачных, одному ему присущих способах сочетания научности со взлетом фантазии и лиризмом. Произведения Константина Георгиевича посвящены отдельным географическим пунктам, но их композиция не повторяет имеющихся в литературе образцов, например, «Острова Сахалина». Паустовский не стремится к

строгой последовательности изложения, он не сразу раскрывает тайну кара-бугазской воды, а сменой картин жизни, взятых из различных эпох, показывает, как несколько поколений ученых постепенно приближались к разгадке залива (Жеребцов, Ремизов, современные исследователи). В «Черном море» жизнь морских глубин изучает лирический герой, но автор показывает непреднамеренность его занятий. Тема органической жизни моря то выдвигается на первый план, то отступает перед другими вопросами, поднятыми в книге. Писатель акцентирует свое внимание на эпизодах, послуживших толчком к изучению моря. Его произведение не дает читателю строго систематических знаний, но оно вызывает заинтересованность, желание изучать тайны природы. В бессистемности преподносимых знаний есть своя логика: Паустовский передает процесс познания человеком окружающего мира, открыто выражает мысли и чувства исследователя. Самое ценное в его книге – непосредственность автора, почти детская ясность зрения. Можно скользнуть равнодушным взглядом по сухому сообщению об актинии, но как не разделить с писателем его неподдельное удивление: «Когда я увидел актинию, я долго не мог поверить, что это не цветок, а животное». Радость первого познания придает книге Паустовского романтическую окрыленность.

В том случае, когда писатель непосредственно использует научные источники – выдержки из морских логий («Кара-Бугаз», «Черное море»), из энциклопедических словарей («Кара-Бугаз»), он добивается органического слияния последних с тканью художественного повествования. Даже в тех случаях, когда Паустовский почти дословно использует текст логии (картина боры в «Черном море»), нельзя не заметить глубокого отличия от первоисточника. Описание боры у Паустовского связано с фабульной линией, оно значительно короче, в него внесены личные наблюдения автора, которые делают описание более живым и непосредственным, а его порядок более логичным. Таким образом, главную прелесть его описания составляет благородная простота художественной прозы, простые, ясные и выразительные предложения: «Как начинается бора? Над голым хребтом Варада выползают белые клочья облаков. Они похожи на рваную вату. Облака переваливают через хребет и падают к морю».

Образность и выразительность описания боры достигается изобразительными средствами языка. Для лишнего растительности хребта писатель выбирает метафорический эпитет «голый», есть он и в тексте логии. Но для того, чтобы дать наглядное представление о форме облаков, писатель сам вводит простое, основанное на реальном сходстве предметов сравнение: «...кочья облаков... похожи на рваную вату...» Тремя глаголами переданы процесс движения облаков и их огромная масса: облака «...**выползают... переваливают** через хребет и **падают** к морю». Таким образом, специальные, почти научные сведения получают в книгах К. Паустовского свое второе рождение; они органически входят в ткань художественного повествования.

Во второй половине 30-х годов К. Паустовский обращается к среднерусскому пейзажу, которому суждено было сыграть решающую роль в дальнейшем развитии таланта художника. С тех пор, вот уже на протяжении 20 лет, Паустовский остается неизменным певцом Мещерского края. К писателю пришла заслуженная слава лучшего советского пейзажиста.

Художественное совершенство пейзажей Паустовского этого периода становится особенно заметным при сопоставлении их с ранними произведениями писателя, в последних можно найти много субъективных импрессионистических образов, надуманных сопоставлений, несколько не отражающих реальной сущности предметов и явлений: «Ночь, скользкая, как шкура бегемота», «ртутным блеском, глазами трупа светила луна» («Минетоза»), «море мылило шхуну пеной... хохотало» («Романтики»), «предрасветное до звона молчанье...», «...разворачивался, как знойная повесть, закутанный в синий ковер тяжелого неба и желтую пыль тифлисский день» (очерк о Нико Пиросманишвили). От подобной вычурности не свободны и позднейшие произведения писателя. В «Кара-Бугазе», «Колхиде», «Оресте Кипренском» наряду с правдивыми реалистическими пейзажами можно встретить и такие сравнения и эпитеты: «Сухой, как проклятье, Мангышлак», «жара низвергалась белыми, как соль, реками», «белая жара», «ночь великая, как прошлое».

Высокую художественность мещерских пейзажей нельзя объяснить лишь одним возрастающим опытом писателя. Большую роль здесь сыграла и сама тема его творчества. Паустовский не раз говорил, что разгадка писательской зоркости Пришвина лежит в простоте и некоторой суровости русской природы: «Простота говорит сердцу сильнее, чем блеск, множество красок... на простоте яснее выступают качества земли, острее делается взгляд, собраннее мысль». Легко обозначить словами яркие и резкие краски юга, но для того, чтобы раскрыть всю прелесть «обыкновенной» земли, надо владеть всем огромным богатством изобразительных средств языка, надо уметь различать не только основные тона, но и оттенки красок. К. Паустовский признавался, что только знакомство с природой Средней России убедило его в том, что «язык должен быть прост и ясен, что он должен быть сродни чистоте и точности окружающих вещей, явлений, красок».

Для своих пейзажей писатель тщательно отбирает самые характерные черты среднерусской природы, достигая тем самым типичности пейзажного образа. Герой «Повести о лесах», композитор Чайковский, вспоминает дорогу к Рудому Яру: «сначала по просеке, где около пней растет розовый иван-чай, потом березовым грибным мелколесьем, потом через поломанный мост над заросшей речкой и по изволоку вверх, в корабельный бор. Он вспоминал этот путь, и у него тяжело билось сердце. Это место казалось ему наилучшим выражением русской природы».

В рассказах о Мещерском крае нет непосредственных авторских указаний на типичность картин природы, изображенных писателем, но она чувствуется в тщательном отборе характерных деталей. «Путь в лесах – это километры тишины, безветрия, – говорит Паустовский. – Это липкие маслоки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осинового листвя, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светлячки...»

Разбирая этот отрывок, невольно вспоминаешь слова Чехова: «В описаниях надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы при прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина» (12).

Паустовский тоже перечисляет мелкие, но характерные особенности Мещерского леса (безветрие, легкая возня птиц, грибы, земляника). В самом начале отрывка он дает оригинальное образное выражение – «километры тишины, безветрия», – которое придает поэтическое звучание всему отрывку, создавая образ огромного, необъятного леса. Зрительная и осязаемая картина создается характерным для Паустовского сочетанием изобразительных и эмоциональных эпитетов. Первые, точно определяя какую-то одну, главную сторону предмета или явления, вызывают у читателя представление о предмете или явлении в целом – «липкие маслоуки», «осторожное перепархивание птиц». Вторые передают читателю настроение, взволнованность автора – «горжественный свет».

Вместе с тем типичные картины природы в произведениях Паустовского сохраняют неповторимую прелесть каждого отдельного уголка, каждого явления природы. Из рассказа в рассказ переходят леса, реки, озера Мещеры, но писатель не повторяется: он умеет показать жизнь природы в ее неустанном развитии – в определенное время года, в определенные часы суток. Особенно привлекают автора «переходные» состояния природы – сумерки, рассвет, наступление ненастья. «Природа неистощима в своем разнообразии, – указывает Белинский, – и дело не в том, чтобы поэзия представляла ее в сколько можно обширных картинах, а в том, чтобы она умела схватить особенности каждого ее явления» (13). У писателя-природоведа есть безграничные возможности для наблюдений за окружающим миром. В природе все «лично» и, как говорит М. Пришвин, «ни одна кряква не похожа на другую, и иволги поют на разные голоса». Эти слова и художественная практика Пришвина свидетельствуют о том, какое большое значение придавал Пришвин индивидуализации образов, взятых из мира живой природы. Единство общего и индивидуального находим мы и в пейзажах Паустовского. «Утро, когда начинался этот рассказ, – пишет он, – наступило пасмурное, но теплое. Обширные луга были политы ночным дождем, а это значило, что не только в каждом венчике блестела капля воды, но все великое множество трав и кустов издавало резкий и освежительный запах» («Во глубине России»). В данном случае все художественные средства направлены писателем на то, чтобы передать поэзию именно этого неповторимого утра. Паустовский подчеркивает свежесть и аромат воздуха, настоящего на травах, – так бывает только после дождя. И, наконец, один только штрих – капельки воды, блестящие на цветах, – дает возможность представить, как неповторимо прекрасно омытое дождями летнее утро.

Живой образ природы в произведениях искусства создается совокупностью чувственно воспринимаемых особенностей ее явлений – формы, цвета, движения, света, звука. Пейзажисту необходимо слышать, видеть, ощущать окружающую природу и перевести свои наблюдения на язык образов. Этот синкретизм впечатлений, в прошлом нашедший наиболее полное выражение в описаниях Тургенева, лежит в основе пейзажей Паустовского. Он соответствует жизненной правде, восприятию здорового человека. Обратимся к очерку «Вторая Родина»:

«К четырем часам утра небо на востоке начинает зеленеть. Просыпаются птицы на мшарах, курлычут журавли, воркуют горлинки. С тяжелым свистом пролетают над головой дикие утки.

Костер гаснет. Его горький дым сливается с предрассветным туманом. Туман клубится от воды, плывет косматыми островами, поднимается до верхушек ольхи и берез, и озеро превращается в море – берегов не видно.

В черной воде и тумане начинает играть рыба... Темные спины щук всплывают над водой и гонят к берегам широкие ленивые круги. Начинается клев. Челн шуршит по листьям лилий и останавливается у края бездонной заводи. Слышно, как с ветки ольхи падает в озеро роса. Вода неподвижно налита в берега, как черное стекло».

Пейзаж построен на гармоничном сочетании зрительных и слуховых ощущений, для которых найдено точное словесное обозначение. Паустовский отмечает постепенность изменения цвета в природе («небо **начинает зеленеть**»), он улавливает все звуки, пришедшие на смену ночному безмолвию, и подбирает слова, которые своим звучанием напоминают звуки природы – журавли **курлычут**, а горлинки **воркуют**. Звуковое восприятие крика уток у автора неразрывно связано с ощущением полета медлительных, тяжеловесных птиц, и с помощью метафорического эпитета «**тяжелый свист**» он создает зримый и цельный художественный образ.

Каждый абзац отрывка передает определенный момент картины рассвета – сначала появляется предрассветный туман, **затем** начинает играть рыба. Уже достаточно светло, потому что можно хорошо рассмотреть водную поверхность озера. Сравнивая ее с черным стеклом, писатель вызывает зримое представление о темной блестящей неподвижной воде. Для того, чтобы читатель **увидел**, как медленно расходятся по воде круги, автор выбирает метафорический эпитет «**ленивые круги**».

Наблюдательность К. Паустовского поразительна: он слышит шорох падающего листа («Желтый свет»), он различает тонкие запахи – отцветающего шиповника, листьев ивы, медуницы. «Жара густо настаивалась на хвое. Кричали медведки... Устало никла трава, пахло горячей сосновой корой и сухой земляникой» («Последний черт»). Однако не все его пейзажи представляют собой подобные синтетические картины. Во многих произведениях отчетливо сказалось стремление писателя построить пейзаж исключительно на зрительном восприятии. О пейзажах Паустовского говорят, что они «живопись в прозе». Он, подобно живописцу, придает большое значение расположению компонентов пейзажа, колориту, освещению. В подтверждение своих слов приведем отрывок из очерка «Кордон 273»:

«Когда совсем рассвело, мы сели отдохнуть на обочине. Молодая осина дрожала над головой лимонными нежными листьями. Они тихо слетали, запутывались в паутине, в кустах волчьей ягоды...

С крутого песчаного холма открылась внизу пойма неизвестной реки. За ней подымались в небо сосновые боры, кремни дремучих лесов. На их краю виднелась деревня, и стояла во мгле, как видение, очень высокая, почерневшая от времени, деревянная церковь.

Туман лежал в пойме синеватой водой. Только вершины стогов темнели над ним маленькими островами...».

Этот пейзаж исключительно живописен. Крупным планом на правой части «полотна» выделен песчаный косогор с высоко взметнувшимся в небо деревом. Здесь виден каждый летающий лист, алеют на кустах ягоды, трепещет тонкая паутина. Из-за косогора виден второй план – дальний: синеватая пойма реки, за ней темной полосой тянется лес, и неясные очертания деревни растворяются в утреннем тумане. Автор соблюдает требование перспективы; по мере удаления в глубину пространства контуры предметов становятся менее четкими, рельефность объема сглаживается, краски сливаются в один темный тон. Только силуэт церкви виден ясно: он как бы симметричен осине.

Паустовский точно определяет цветовые оттенки – синеватый туман, почерневшая церковь, но большинство красок читатель «видит» сам: это естественный цвет песчаного косогора, волчьих ягод, небо – белесое, сероватое: солнце еще не взошло. Общий колорит картины «холодный», а то ощущение покоя и тишины, которое рождается при взгляде на полотно, здесь вызывают непосредственные лирические интонации автора. Для того, чтобы читатель сильнее почувствовал, как прекрасно и красочно дерево в его осеннем убранстве, Паустовский использует метафорический эпитет – «лимонные нежные листья».

Зоркости зрения Паустовский учится у живописи. В книге о писательском труде он рассказал, как однажды, во время грозы, он получил от своего попутчика-художника настоящее наставление по искусству живописи. «Живопись учит смотреть и видеть», – сочувственно цитирует Паустовский слова Блока. Писатель оказался необычайно талантливым учеником, его способность различать оттенки красок и освещения делает честь любому живописцу, а умение найти нужное слово для обозначения цвета говорит о великолепном знании русского языка. Приведенный выше отрывок из «Черного моря» был также построен на зрительном восприятии, но там писатель сумел уловить лишь основные резкие тона – черные, красные, желтые. В рассказах о Мещерском крае Паустовский использует богатейшую палитру словесных красок. Он отмечает все цветовые эффекты, оттенки атмосферы, он мастерски рисует и рассвет, и вечернюю зарю, и сумерки. Еще в одном из ранних очерков писатель сумел подметить поразительный момент наступления сумерек, когда «на несколько минут все вокруг теряет краски. И небо, и пепельные горы, и сады в розовом дыму миндаля становятся загадочными, бесцветными и серыми» (14). Картины рассвета в целом ряде рассказов – «Фенино счастье», «Подарок», «Сивый мерин» и др. – основаны исключительно на зрительном восприятии художника. Он подмечает, как из ночного сумрака постепенно проступают живые краски земли и неба: «бледное сияние воздуха», «багровая мгла, похожая на дым пожара», мгла «светлела», делалась «все прозрачней». Сквозь нее были видны нежные, «золотые и розовые» облака. «Земля начала одеваться в багрянец и ржавчину сжатых полей, в сырую зелень озимей, в пурпур осиновых листьев». Паустовский подмечает оттенки атмосферы и игру солнечных бликов, закрепляя наблюдения красочными эпитетами – «синий и мгlistый струящийся день». Зрелый Паустовский не пишет: «Жара низвергалась белыми, как соль, реками», а накладывает на свой пейзаж реальные краски засухи: «Тусклый розовый дым висел над лугом. Сквозь этот дым просвечивала бледная синева, а над седьми ивами висело желтое солнце». Исключительно на зрительных впечатлениях основана у Паустовского характеристика времен года. Художник фиксирует малейшее изменение цветов и силы света. В повести о Левитане, в рассказах «Жёлтый свет», «Ночь в октябре», «Фенино счастье», в «Повести о жизни» он становится настоящим певцом осенних красок: «Я видел сухую листву не только золотую и пурпурную, но и алую, коричневую, черную, серую и почти белую». Характерной чертой осени, отмечает Паустовский, является «приглушенное освещение». «День был уже осенний, вполсвета, – пишет он, – солнце не давало полного сияния, тени на земле лежали неясные, размытые». Воздух был «чище, холоднее, и дали были глубже, чем летом». Паустовский говорил, что на полотнах Левитана «ощутим воздух, обнимающий своей прозрачностью каждую травинку, каждый лист и стог сена», и в своих пейзажах он также стремится показать, как влияет воздух на очертания предметов, на четкость рисунка и краски: «Но удивительнее всего в этих местах был воздух. В нем была полная и совершенная чистота. Эта чистота придавала особую резкость, даже блеск всему, что было окружено этим воздухом... Далеко было видно каждую нитку паутины, зеленую шишку в вышине, стебель травы» («Кордон 273»).

Большое место в рассказах Паустовского занимает рефлективное, или дополнительное освещение: в «Повести о лесах» он отмечает, что стволы сосен тоже отбрасывают свет на подлесок и на траву – «очень слабый золотистого розоватого тона... заросли ив и ольхи над озером были освещены снизу голубоватым отблеском воды».

Таким образом, пейзажи Паустовского полно и точно передают естественное солнечное освещение, воздушную среду, тончайшие цветовые оттенки, наблюдаемые автором в природе. Их с полным правом можно назвать пленэрной живописью. Это свидетельствует о том, что писатель творчески использовал не только традиции русской классической литературы, но и достижения живописи. В подчеркнутой живописности пейзажей проявилось своеобразие таланта художника.

Характерной чертой Паустовского-пейзажиста является стремление познать окружающий мир. В рассказах о Мещерском крае мы найдем обилие «живых подробностей», тонких наблюдений, свидетельствующих об аксаковских традициях в творчестве Паустовского. Писатель говорит: «Нельзя писать книги и не знать, какие травы растут на лесных полянах, где восходит Сириус, чем отличаются листья берез от листьев осин...». В его очерке «Мещерская сторона» раскрывается обширный, исполненный поэзии мир народных примет, предсказывающих погоду и связанных с цветом неба, с росой и туманами, дымом костра. Сочетание красочных и эмоциональных эпитетов («багровая зловещая мгла», «томительные, нагоняющие сон дожди», «пушистый пепел») с точными определениями («горьковатый дым», «сырой ветер», «обложной дождь») придает описанию впечатляющую силу. Спокойная интонация рассказчика способствует

безыскусственности и непринужденности речи. Так же образно рассказывает писатель о флоре и фауне средней России. Мы узнаем, как встречаются рассвет жаворонки, горлинки, утки, получаем представление о том, как играет рыба, погружаемся в заманчивый мир разнообразных листьев, венчиков, лепестков, тычинок, колосьев. В рассказах Паустовского не только перечислены цветы и травы Мещеры – гвоздика, дрема, зверобой, цикорий и другие, – но нередко даются их описания: «желтоватые, непрочные кисти таволги», «широкие, как сабля, листья айра», «зеленые, покрытые со всех сторон мягкими иглами плоды стрелолиста», «белые плавучие цветы водокраса с красноватой сердцевинкой» и т. д. Писатель подчеркивает самые характерные, самые выразительные признаки растений: в таволге – это желтизна, форма соцветия и хрупкость, у айра интересны широкие зеленые листья, сравнение их с саблей дает наглядное представление о форме. Плоды стрелолиста привлекают внимание своими мягкими иглами, а для плавающих на воде цветов водокраса действительно характерно сочетание белых лепестков и красноватой сердцевинки.

Немного численными штрихами умеет писатель передать процесс уженья и внешний вид пойманной рыбы. «Вдруг поплавок туго и медленно уходит вкось, в таинственные озерные глубины. Бамбуковое удилице гнется, леска режет воду и видно, как под челноком сверкает и извивается полосатый окунь», – читаем мы в очерке «Вторая Родина». Из многих признаков окуня писатель выбирает всего три, но они создают зримый, яркий образ. На цвет окуня красноречиво указывает эпитет – «полосатый». Состояние, трепет пойманной рыбы, блеск чешуи переданы выразительными глаголами «сверкает и извивается». При этом нельзя не вспомнить знаменитое тютчевское: «желтый лист, крутясь, слетает на дорогу» (15). Паустовский, продолжая традиции русской классики, придает выразительности художественной детали большое значение. Он говорит, что «подробность необходимо нужна только в том случае, если она характерна, если она может сразу, как лучом света, вырвать из темноты ... любое явление». Именно на таких необходимых, характерных деталях построено описание окуня.

Немало страниц писатель посвятил животным. Паустовский – мастер живых сценок, раскрывающих повадки зверей. Таковы картины знакомства рыжей таксы Фунтика с котом Степаном («Жильцы старого дома»), кошачьей осады у хозяйского кукана с рыбой («Мещерская сторона») и проделки рыжего кота-ворюги («Летние дни»). Художник пластично изображает каждое движение животного и вместе с тем он, подобно Пришвину, подчеркивает в повадках и эмоциях зверей и птиц то, что напоминает человеческую жизнь.

Может возникнуть вопрос: имеет ли смысл такая изощренная наблюдательность писателя, его пристальное внимание к игре света и красок, к многообразию растительности, к повадкам животных? Не становятся ли они самоцелью? Нет, конечно. Паустовский постоянно подчеркивает, что постоянная глубокая любовь к Родине, к родной природе, рождается из знания: «Только исследуя какой-нибудь клочок нашей страны, можно понять, как она прекрасна и как мы привязаны к каждой ее тропинке, роднику, к каждой старой сосне и даже робкому попискиванию лесной пичуги». Тонкая наблюдательность Константина Паустовского обогащает читателя, придает зоркость зрению, помогает глубже и полнее воспринимать природу нашей любимой Родины.

В основе пейзажей Паустовского лежит тот же принцип «родственного внимания» к природе, который характерен для творчества Пришвина, сказавшего замечательные слова: «Со всей этой летающей, плавающей, бегающей тварью я чувствую родственную связь» (16). Поэзия природы – это поэзия жизни, которая близка и дорога человеку: наблюдая природу, он осознает себя частью огромного окружающего мира. Пейзажи Паустовского потому и рождают глубокое душевное волнение, восторг, что писатель во всем умеет уловить трепет жизни – и в колебании вершин деревьев, и в пересвисте птиц, и в мягком освещении. Трудно передаваемая, скрытая поэзия, – говорит он, – живет в «палых листьях», «тонком ледке», «в мохнатых комьях снега». С этим согласится каждый, кто любит природу.

Природа близка и понятна человеку потому, что в ней самой есть различные состояния, напоминающие периоды человеческой жизни – расцвет, увядание. «Молодо-зелено» говорят в народе о неопытной юности, а читая слова поэта: «Полнеба обхватила тень, Лишь там, на западе, бродит сиянье, – Помедли, помедли, вечерний день, Продлись, продлись очарованье» (17), мы очень хорошо понимаем, что здесь идет речь об угасании человеческой жизни. На таких реальных аналогиях и строятся художественные описания природы, «...красоту в природе составляет то, что напоминает нам о жизни...» (18), – таков принцип материалистической эстетики, выдвинутый еще Чернышевским. Чтобы точнее передать состояние природы, писатель обозначает его понятным для каждого, специфически человеческим словом. Умение соотносить явления природы с человеческим состоянием особенно характерно для К. Паустовского. В «Повести о лесах» он рисует картину гибели прекрасного дерева, сравнивая падение сосны с человеческим страданием: сосна «вздрагнула и застонала», «ударилась о землю», «затрепетала хвоей». Нередко в его произведениях можно встретить такие выражения: «устало никла трава», «осень умирала. Смерть ее была похожа на чуткий сон», «юная осень», «девочка – весна».

Иногда человек воспринимает природу только сквозь призму своих субъективных переживаний. В таком случае антропоморфизм в картинах природы достигает своей высшей точки. Пейзаж утрачивает свой объективно-познавательный смысл и становится выразительным средством передачи эмоций автора. Паустовский высоко ценил умение Бунина и Пришвина «наполнять природу окраской человеческих дум и настроений». Это мастерство присуще и самому Константину Георгиевичу. Вместо доказательства приведем отрывок из очерка «Вторая Родина»:

«Кроме того, у Зотовых не дадут спать петух и корова. Оба они дряхлые старики, и, как всем старикам, им по ночам не спится и приходят в голову печальные мысли. Петух хрипло поет всю ночь безо времени, не соблюдая петушиных часов. После каждого крика долго прислушивается, не отзовутся ли где соседские петухи. Но вокруг спят черные леса, спит вода в озерах и ни один петух не откликается даже за краем этой темной земли...

Корова тяжело стонет всю ночь, и в ее шумных вздохах явственно слышны слова: «Ох, боже мой, боже мой!».

Глубоко лиричен этот отрывок, темная бесшумная ночь навевает на человека не то грусть, не то сосредоточенность, и он переносит свои переживания на животных. И невольно вспоминаются строки другого художника слова – Бунина: «Вот опять была ночь – сон или действительность. И опять наступает утро – действительность или сон. Чанг стар, Чанг пьяница, он все дремлет» («Сны Чанга») (19).

Эта ярко выраженная лирическая струя придает очарование пейзажам Паустовского: ведь простая копия природы, будь она самая точная, никогда ни у кого не вызовет восторга. «Природа, – как замечает писатель, – будет действовать на нас со всей своей силой только тогда, когда мы внесем в ощущение ее свое человеческое начало, когда наше душевное состояние, наша любовь, наша радость или печаль придут в полное соответствие с ней и нельзя уже будет отделить свежесть утра от света любимых глаз и мерный шум леса от размышлений о прожитой жизни...» В книгах Константина Георгиевича интересные сами по себе наблюдения согреты понятной и дорогой для каждого любовью автора к изображаемому. «Краски и свет в природе надо не столько наблюдать, сколько ими попросту жить. Для искусства годится только тот материал, который завоевал место в сердце», – говорит Паустовский. Эмоциональность писателя помогает нам под покровом простоты и скромности увидеть прекрасное: «На первый взгляд это тихая и немудрая земля под неярким небом, но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце начинаешь любить эту обыкновенную землю». И читатель, замороженный искренним чувством автора, тоже влюблен в лесные чащи и зеркальную гладь озер, которых, быть может, он никогда и не видел. Для передачи своих эмоций и настроения Паустовский использует определенные художественные приемы. Он мастер метафорического эпитета, отражавшего чувства автора: «этот лесной, задумчивый край», «этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты», «лесной край уходил в нежную мглу, рядился в прощальный туман». Пейзажные зарисовки нередко сопровождаются лирическими отступлениями и комментариями автора, но писатель вводит их очень осторожно, не засоряя произведение ненужными подробностями. Приведем примеры авторской правки рассказа «Желтый свет» (в скобки заключены вычеркнутые писателем фразы): «Впервые я услышал шелест падающего листа, неясный звук, похожий на детский шёпот (и почему-то у меня забилося сердце)». «Разлив звездного блеска почти нестерпим. Я зажмурился (никогда ни летом, ни зимой я не видел такого неба)» (20). Такого рода поправки внесены автором и в рассказ «Оправдание». В результате остались только те проявления авторского «я», которые устанавливают необходимый контакт с читателем. Автор, как умный, талантливый проводник, ведет спутников по родным просторам, он обращает их внимание на многие явления природы, которые часто остаются незамеченными. Оставляет Паустовский и те лирические отступления, в которых отражено его восхищение русской природой: «Если бы можно было замедлить ход времени, чтобы долго голубел над озером этот тихий свет и этот удивительный день, чтобы можно было долго следить за тенью птиц на воде, за едва приметным блеском, подымавшимся к небу».

Литература, как и живопись, располагает своими специфическими художественными средствами, которые непосредственно обращены к чувству прекрасного и вызывают восторг у читателя и зрителя. В живописи – освещение, мягкость красок, легкий туман, как бы скрадывающий очертания предметов; в литературе, кроме указанных выше тропов, непосредственных лирических отступлений, большую роль играет поэтический синтаксис и музыкальный ритм фразы. Этими приемами Константин Паустовский владеет в совершенстве. Взволнованный лирический пейзаж в его произведениях нередко сочетается с бытовыми зарисовками, тем самым писатель избегает излишней патетики. «...Восторг не терпит никаких возгласов и внешнего выражения», – говорит он. Синтаксис бытового пейзажа необычайно прост; в противоположность этому сложные предложения с повторами, плавным течением фразы и ритмическими переборами создают впечатление раздумья, сосредоточенности. В рассказе «Фенино счастье» речка Дубна кажется автору какими-то сказочными далекими водами, «где цветут, не отцветая, плакучие ивы, и что ни день, то синева небес, солнце, паутина, летящая по ветру над пахитями...» Строки пейзажа поражают своей музыкальностью, основанной на чередовании ударных и безударных слогов: *где цве тут, не от цве та я, пла ку чи е и вы*.

Певучая мелодия строки западает в душу, и Паустовский властно подчиняет читателя своему настроению. Писатель уделяет большое внимание ритму прозы, он добивается такой расстановки слов, чтобы фраза воспринималась без напряжения, вся сразу. Так, в одной из фраз рассказа «Клад» нарушен обычный порядок слов, и она сразу приобрела характер двустипшия, музыкальность которого усилена анафорой: «Лесной этот край лежал за Окой». К. Паустовский обладает талантом гармоничного сочетания группы предложений в единое целое, звучащее, как музыкальный аккорд, многие его пейзажные зарисовки воспринимаются, как лирические стихотворения в прозе. Приведем отрывок из рассказа «Во глубине России»:

«Шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный, покрытый множеством острых бутонов. Цветение его совпадало с самыми короткими ночами – нашими, русскими, немного северными ночами, когда соловьи гремят в росе всю ночь напролет, зеленоватая заря не уходит с горизонта, и в самую глухую пору ночи так светло, что на небе хорошо видны горные вершины облаков. Кое-где на их снеговой крутизне можно заметить розоватый отблеск солнечного света. И серебряный рейсовый самолет, идущий на большой высоте, сверкает над этой ночью, как медленно летящая звезда, – потому что там, на той высоте, где пролетает его путь, уже светит солнце».

Сила поэтического воздействия этих строк таится не только в поэтической лексике и красочных сравнениях (об этих сторонах пейзажей Паустовского мы уже говорили выше), но и в самой структуре фраз. Причудливые разветвления причастных, придаточных оборотов, обособленных определений, аллитерации и ассонансы, внутренний ритм фразы – все использовано писателем. Мелодия и ритм прозы направлены на создание ликующего мажорного тона пейзажей, который соответствует бодрости и оптимизму лирического героя книг К. Паустовского, преисполненного гордости за великую советскую Родину.

Богатство и разнообразие природы – неиссякаемый источник великого и могучего русского языка. Это очень хорошо понимает Паустовский, когда говорит, что для полного овладения языком «необходимо постоянное общение не только с простыми русскими людьми, но и с пажитями и лесами, водами, старыми ивами». Действительно, за каждым словом почти всегда стоит конкретное, или, как говорит Паустовский, живописное содержание. Что такое, например, поземка, ростепели, капель? С этими словами связаны не только отвлеченные понятия, но и эмоции, и конкретные зримые образы, основанные на прошлом опыте человека. Кому не знакома бодрящая свежесть ледяного ветра или то чувство обновления и радости жизни, которое просыпается в душе в первые весенние дни. Но в суете городской жизни мы постепенно утрачиваем богатство зрительных восприятий, связанных с тем или иным словом, мы начинаем произносить эти слова почти машинально, нередко путая значения. И вот писатели возвращают нам первоначальный смысл и свежесть слов. В рассказах К. Паустовского «Мещерская сторона», «Клад» и особенно в книге о писательском труде «Золотая роза» рассыпано много поэтических находок, ценных наблюдений, позволяющих за привычными словами увидеть реальное явление. Мы узнаем «на ощупь, на вкус, на запах», что такое полночь в сентябре, дремучие леса, глухомань, чем отличается спорый дождь от грибного и т. д. Например: «Слово «спорый» означает быстрый, скорый. Спорый дождь льется отвесно, сильно. Он всегда приближается с набегавшим шумом. А мелкий, грибной дождь сонно сыплется из мелких туч, и лужи от этого дождя всегда теплые. Он не звенит, а шепчет что-то свое усыпительное, чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой. Лесной перегной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы».

Паустовский в совершенстве владеет богатым и поэтичным «словарем» русской природы. В «Золотой розе» он приводит «лесные», «полевые», «луговые» слова, слова о временах года, о растениях, о животных; слова, связанные с туманами, ветрами и реками. Они дают представление как о русской природе, так и о богатстве языка. Благодаря своему мелодичному звучанию «природные» слова, как говорит Паустовский, «излучают поэзию». Вот как замечательно подан Паустовским словарь ранней весны: «Начинаются **оттепели, ростепели; капели** с крыш; снег делается **зернистым, ноздреватым**, оседает и чернеет. Его **съедают** туманы. Постепенно **развозит** дороги, наступает **распутица**. На реках появляются во льду первые **промонны** с черной водой, а на буграх **проталины** и **проплешины**». Неиссякаемым источником этого поэтического словаря является для Паустовского живая народная речь – язык паромщиков, пастухов, пасечников, рыбаков, у которых «что ни слово, то золото», а также книги таких знатоков природы, как Пришвин, Горький, Аксаков, Лесков, Бунин. «Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они то шелестят, как травы, то бормочут, как родники», – писал Паустовский, и нам ясно, что и он является талантливым учеником и последователем Пришвина, что его язык также впитал в себя все очарование русской природы.

Подведем итог всему сказанному: в лице К. Г. Паустовского в советскую литературу пришел выдающийся пейзажист, сумевший в картинах природы выразить чувство эпохи, наше советское мироощущение, пейзажист, чье мастерство является поистине художественным и заслуживает глубокого и всестороннего изучения. Паустовский творчески продолжил традиции русской классической литературы, и у него, в свою очередь, есть немало учеников и последователей. Его характерные интонации мы угадываем в пейзажных зарисовках молодых писателей – Ю. Нагибина, С. Антонова, Ю. Казакова, О. Кольчева.

Велика познавательная и воспитательная ценность произведений К. Г. Паустовского, они пробуждают у читателя глубокую любовь к Родине и ее природе, способствуют формированию хорошего художественного вкуса. Лучшие из них должны занять свое законное место в программах семилетних и средних школ, во внеклассном чтении учащихся. «Природа не умирает, и поэтому не может умереть то, что написано о ней со знанием, поэтической точностью и любовью», – в этих словах К. Паустовского предопределена судьба и его собственных книг: среди самых поэтических страниц советской литературы всегда будут жить его вдохновенные строчки о бескрайних просторах страны.

Библиография

1. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1949. – С. 254.
2. ЦГАЛИ, ф. 2119, оп. 1, ед. хр. 5, стр. 11.
3. Пришвин, М. М. Избранные произведения / М. М. Пришвин. – Москва : ГИХЛ, 1952. – В 2 т. – Т. 2. – С. 203.
4. ЦГАЛИ, ф. 2119, оп. 1, ед. хр. 5, стр. 15, 42.
5. ЦГАЛИ, ф. 2119, оп. 1, ед. хр. 5, стр. 81.
6. Горький, А. М. Собр. соч. в 30 т. / А. М. Горький – Москва: ГИХЛ, 1955. – Т. 30. – С. 149.
7. Молчанов, Л. Не в ладу с фактами / Л. Молчанов // Октябрь. – 1956. – № 9. – С. 190–191.
8. ЦГАЛИ, ф. 2119, оп. 1, ед. хр. 5, стр. 75.
9. ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 527.
10. Русские писатели о литературном труде. – Ленинград : Советский писатель, 1955. – Т. 2. – С. 342.
11. Горький, А. М. Собр. соч. в 30 т. / А. М. Горький. – Москва : ГИХЛ, 1955. – Т. 30. – С. 151.
12. Русские писатели о литературном труде. – Ленинград : Советский писатель, 1955. – Т. 3. – С. 359.
13. Белинский, В. Г. Собр. соч. в 3-х т. / В. Г. Белинский. – Москва : ГИХЛ, 1949. – Т. 2. – С. 561.
14. ЦГАЛИ, ф. 2119, оп. 1 ед. хр. 5, стр. 2.
15. Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1946. – С. 76.
16. Пришвин, М. М. Избранные произведения / М. М. Пришвин. – Москва : ГИХЛ, 1952. – В 2 т. – Т. 1. – С. 131.
17. Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1946. – С.90.
18. Чернышевский, Н. Г. Избранные педагогические произведения / Н. Г. Чернышевский. – Москва : Академия педагогических наук, 1953. – С. 147.
19. Бунин, И. А. Рассказы / И. А. Бунин. – Москва : ГИХЛ, 1955. – С. 219.
20. ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 7386, стр. 388.

Постмодернизм в искусстве и действительности (1999)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Постмодернизм в искусстве и действительности // Русский постмодернизм: материалы межвузовской научной конференции / под ред. проф. Л. П. Егоровой. – Ставрополь, 1999. – С. 6–15.

Ключевые слова: постмодернизм, постмодерн, модернизм, литературный процесс «девяностых», художественные тенденции литературы конца XX в.

УДК 7.011.22

Postmodernism in art and reality (1999)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Postmodernism v iskusstve i dejstvitel'nosti (Postmodernism in art and reality) // Russkij postmodernizm: materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii / pod red. prof. L. P. Egorovoj. – Stavropol', 1999. – S. 6–15.

Keywords: postmodernism, postmodernism, modernism, literary process of the 1990s, artistic trends of literature of the late 20th century.

UDC 7.011.22

В литературной жизни России последнего десятилетия трудно найти понятие, вызывающее более страстные споры и дискуссии, чем постмодернизм. Оно долго оставалось в сфере критических баталий с присущими им эмоциональностью и фрагментарностью в аргументации. Не миновали они и студентов Ставропольского государственного университета. Самым большим энтузиастом и пропагандистом постмодернизма (подчас вопреки нам) был тогда студент, а ныне старший преподаватель кафедры культурологии Л. В. Пирогов, автор ряда серьезных и интересных статей. В 1991 году в СГУ мной был прочитан пробный спецкурс по поэзии с разделами по концептуализму и метаметафоризму. Понятие «другая литература» было введено в нашу программу общего курса «История русской литературы XX в.» (Москва – Ставрополь, 1990). Но в то время о целостном объективном анализе постмодернизма в учебных курсах говорить было рано. Теперь же, когда проходит пора непосредственной критической реакции – её пик пришелся на 1992–1993 годы, – своё слово должны сказать литературоведение и вузовская методика. Занимаясь этой проблемой с 1995 года, как частью более общего кафедрального проекта, мы постоянно учимся деланное в других вузах. В 1997 году первые строки о постмодернизме появились, наконец, в учебной программе МГУ. В Белоруссии, в Минске, вышло первое учебное пособие Г. Л. Нефагиной «Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX века» (1998) с разделами «Другая проза» и «Постмодернизм». Таким образом, у литературоведов появилась и практическая цель: обеспечить на высоком научном уровне образовательный процесс.

Но что же такое постмодернизм? В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой такого понятия, естественно, нет, хотя «романтизм», «реализм», «модернизм» даны, и не только как литературоведческие понятия. Более странно, что его нет и в словаре языковых изменений конца века (1998), где есть уже и «постперестройка» и «постсоветский». Согласно указанным словарям, мы можем руководствоваться только значением приставки «пост», и тогда, исходя из этимологии слова, постмодернизмом можно назвать любой виток человеческой истории и культуры, ибо он – модернистский по

отношению к предшествующему и постмодернистский по отношению к прапредшествующему. Так, естественно, постмодернизм в литературе рассматривать нельзя (хотя попытки такие были), но определенные оттенки – вневременные и обобщающие – в наше понимание постмодернизма это обстоятельство вносит.

В специальных словарях, например, в «Словаре культуры XX века» (1997) В. П. Руднева, в «Аполлоне» (1997), постмодернизм определяется как основное направление современной философии искусства и науки. По сути так же он определен и в словаре «Культурология. XX век» (1997), уточняется только, что речь идет о гуманитарных науках, что это широкое культурное течение последних двух десятилетий. На наш взгляд, уточнение совершенно ошибочно, т.к. за рубежом это направление складывалось и манифестировалось с середины XX столетия. И в России 80–90-е гг. – это даже не становление постмодернизма, а его выход из андерграунда. Тогда и явления, которые по своей сущности были авангардистскими, а не «пост», но искусственно исключенными из литературной жизни предшествующих десятилетий, стали восприниматься наряду с постмодернизмом и даже отождествляться с ним (визуальная поэзия, эксперименты, отраженные в «Голубой лагуне», поэтические группы, только сейчас открытые на страницах «Нового литературного обозрения» и др.).

К уже сказанному в нашей статье о разграничении понятий «постмодернизм» и «постмодерн» (см.: 4.1 настоящего издания) добавим: для Евгения Ермолина, автора журнала «Континент», постмодерн – это только эпоха пост-Нового времени, а постмодернизм – лишь вектор литературного развития, к которому критик относится крайне негативно (1). Но понятия «постмодерн» и «постмодернизм», особенно в сфере литературоведения, практически выступают как синонимы, ибо нюансы смысла определяются контекстом.

Наиболее глобальное содержание понятие «постмодернизм» (или «постмодерн») получает тогда, когда оно выступает синонимом пост-Нового времени. Обратим внимание на то, что в этом случае понятие «постмодернизм» антиномично не только эпохе модернизма в культуре рубежа XIX–XX веков и первой половине XX века, но и нескольким векам Нового времени. Современные историки, культурологи полагают, что Новое время пришло к самоотрицанию: его главная константа заключалась в самоутверждении человека, и оно длилось, пока была жива вера в Человека. Но уже модернизм обнаружил противоречия и принес разочарования: вспомним «Крушение гуманизма» Александра Блока. Больше того, Бодлер был предтечей не только модернизма, но и постмодернизма. Однако в своей системности постмодернизм – явление середины и конца XX в. И вот как оно воспринимается в текущей критике:

«Эпоха постмодерна – это такая ситуация в культуре, когда кризис модерна стал очевидным. Когда Новое время исчерпало свои духовные и творческие потенциалы» (2).

Обнажилось дно, стало ясно, что человек не самодостаточен. Король гол, и это – предпосылка, которая и определила направление новых культурных процессов. Конечно, эпигоны модерна еще долго не переводились и не переводятся. Но разрыв совершился, и в своем актуальном смысле и значении Новое время от нас уже отрезано» (2).

Печать постмодерна как знака пост-Нового времени лежит на *всех* сферах нашей жизни – на экономике и политике, на культуре и науке, образовании. Теряют свою четкость вероисповедания: крестившиеся (даже в зрелом возрасте) в православии не чураются эзотеризма, увлекаются учением Кришны. Постмодернизм находят даже в сфере моды: Юдашкина называют постмодернистом за сочетание в костюмах несочетаемых предметов. Постмодернизм оказывает влияние и на близкую нам сферу – науку о литературе. Как констатируют теоретики, в отечественном литературоведении формируются нетрадиционные филологические практики, тяготеющие или к философско-онтологической интерпретации текста, или к свободной постмодернистской игре с ним (3). Налицо сближение творческой и научной парадигм, представление о мире как Хаосе в художественной литературе оборачивается определенной эклектичностью в литературоведении. Но это не та недопустимая эклектика, которую можно увидеть, например, в классификациях вопреки законам логики, на основе различных критериев. Здесь дело в другом: в современном литературоведении, как и в художественной литературе, востребованы самые разные традиции – Гумбольдта и Афанасьева, Веселовского и Фрейзера, Фрейда и Юнга, структурализма и рецептивной эстетики, нарратологии и т. д., то есть смешиваются традиции всех времен и народов, и они снимаются в едином поле интертекстуальности. Опора на традиции уже не предполагает глубокого погружения в ауру той или иной школы. Эволюция ученого идет гораздо быстрее, чем раньше, и Ю. М. Лотман предстает перед нами не только как создатель «Структуральной поэтики», но и как автор книги «Культура и взрыв». Самые разные сведения усваиваются в снятом виде на основании широко бытующей в научном мире информации. Происходит трансформация разных научных подходов в деятельности одного ученого. Эта современная «эклектичность» показалась бы, наверное, странной филологу, забредшему к нам из девятнадцатого века. Но все это рождается вследствие обширности информационного поля, от которого творческий человек не может и не должен искусственно отгораживаться.

Однако вернемся к непосредственному предмету нашего обсуждения – постмодернизму в художественной литературе. Попробуем, с учетом присутствующей на конференции студенческой аудитории, вписать постмодернизм в привычную для студентов сетку понятий: романтизм, реализм, модернизм. Говоря упрощенно, романтизм – это изображение мира в личности, реализм – личности в мире с ее детерминированностью обстоятельствами. Модернизм начинается с востребованности традиции романтизма (неоромантизм), но и личность, и мир здесь уже совсем другие: не мир, а двоимире, стремление к трансцендентному; личность расшатывает собственную основу, приходя к амбивалентности этических ценностей. Что же касается постмодернизма, то в нем уже нет ни личности, ни мира в традиционном их понимании. Мир уже не Космос, а Хаос без возможности и даже без желания человека как-то его упорядочить. Такое мировосприятие лежит в основе авторской позиции, авторской картины мира. Эпатирующий жест Р. Барта, провозгласившего «смерть автора», следует понимать как утрату определенного типа авторства, как

крушение мифа о суверенности творца произведения, что подтверждается постоянным осознанием интертекстуальности, зачастую ироничным вольным обращением с текстами других писателей, обилием всякого рода ремейков, а также идеями компьютерных проектов с бесконечными вариациями сюжетных линий. Уже многочисленные размышления на эту тему дополняет интересная обобщающая статья словацкого исследователя В. Марчок «Контуры авторства в постмодернизме». Эти контуры определяются конфронтационным одиночеством автора как в литературной ситуации, так и в жизни: автор, нередко манифестированный, выступает прежде всего как деструктор всякого рода мифов и иллюзий, как «глашатай» неприятных «правд» или «опыта», чем и объясняется читательская, нередко негативная реакция на произведения постмодернистов. В. Марчок также отмечает модификацию компетенции авторского высказывания, которую, вслед за автором «Расчлененного Орфея» Ихабом Хассаном называет имманентным возрастанием силы высказывания. «Отказ от перспективы ярко выраженной субъектности и тенденциозной рациональности уравнивается здесь иррациональностью и фантазией, обусловленной тем, что автор – постмодернист хочет быть или интуитивно является глашатаем вселенского хаоса...» (4).

С другой стороны подходит к этой проблеме И. Роднянская (5). Также полагая, что «смерть автора» – не экстравагантная выдумка деконструкционистов, она понимает под ней исчезновение образа повествователя в его словесной соотнесенности с изображаемыми лицами и положениями, отказ от правдоподобного романного вымысла Нового времени, его (вымысла) разложение на изначальные составляющие: откровенный вымысел и «бывальщину», что влечет за собой и перегруппировку в системе жанров. Автор как залог правдоподобного романного вымысла уступает место автогерою (что, на наш взгляд, особенно характерно для постмодернизма), либо рассказчику. Нарастающая экспансия автогероя, по И. Роднянской, – реакция, с одной стороны, на анонимность личности в эпоху «восстания масс», с другой, – на новые философские веяния, что приводит к усилению авторской рефлексии, к интеллектуализации вымысла. Разумеется, в этом случае речь идет о глобальных процессах, затрагивающих литературу не только постмодернизма, но для понимания феномена последнего это особенно важно. Увлеченные идеей децентрации, то есть исчезновения центра как смысла, постмодернисты вместо автономной реальности классического романа, создают, по выражению И. Роднянской, литературу по краям, *ad marginem*.

Уход писателя от ответа на главные – «вечные» – нравственно-этические вопросы, деструктивность образов-персонажей, представляющих то телесный «низ», то интеллектуальный «верх»; эротико-эсхатологические мотивы, появившиеся еще в модернизме, а теперь доведенные до гротескности, стали своего рода джентльменским набором характеристики постмодернизма. Глубина тайны жизни такого автора не волнует: «другой» в постмодернизме всего лишь фишка, марионетка. Фантасмагория постмодернизма определяется не только снами, характерными для модернизма, но и наркотическими видениями. Отсюда оборванность, непроясненность, запутанность сюжетных линий (а иногда – и полное их отсутствие), мозаичность, антихронопоичность. Не случайно говорят, что хронотоп современной прозы определяется психушкой или местом между кладбищем и свалкой.

Уже модернизм отказался (хотя бы частично) от мимезиса как от основополагающей категории искусства, постмодернизм же поставил вопрос о «другой» – виртуальной реальности. Как не раз отмечалось, российский читатель созрел для вступления с автором в «совершенно новые отношения, такие, когда участие в интеллектуальной игре и фантазийное раскрепощение важнее, чем жажда живой жизни» (6). Вместе с тем, наряду с вовлечением в языковые и сюжетные игры, не исключено и обычное, «наивное» восприятие читателем постмодернистского текста, ибо последний намеренно построен таким образом, что он различными способами даст возможность понять его смысл (7), то есть возможен тот взаимопереход между элитарной и массовой культурой, который предсказывал еще Фидлер.

В постмодернизме востребованы культурные ценности буквально всех времен и народов, но в очень специфическом преломлении. Поражает пресловутая интертекстуальность, возведенная в постмодернизме в квадрат и даже в куб (отсюда «цитатность», пародийность). Тотальная компьютеризация и господство интернета, думается, тоже не за горами даже в России, что оказывает воздействие на специфику художественного образа в постмодернизме.

Как мы должны ко всему этому относиться?

На сегодняшний день в отношении к постмодернизму утвердились следующие точки зрения:

1. По мнению самих постмодернистов и их апологетов, определенный этап завершен. Речь идет о «конце постмодернизма» (М. Эпштейн) о постпостмодернизме (В. Курицын).

2. С точки зрения академической науки, «трудно отрицать существование постмодернизма..., его присутствие в литературной жизни, но нет исследовательских аргументов в пользу утверждения, что на параллельных путях развития словесности постмодернистской структуре уготована эстетическая победа» (8).

3. Претендующая на авторитетность суждения критика объявила о «преодолении» постмодернизма, о возвращении литературы конца 90-х годов на реалистическую стезю (9). Отсюда и мелькание таких определений постмодернизма, как «тупиковая ветвь», «паразитирующая ветвь».

Возрождение в середине 90-х реалистической традиции в прозе, связанное с именами О. Ермакова, О. Павлова, А. Варламова, действительно укрепило позиции противников постмодернизма – Н. Ивановой, В. Сердюченко, П. Басинского, Е. Ермолина и др. Укрепились и позиции самих писателей, тяготеющих к реалистическому письму, тогда как раньше, по словам О. Павлова, впускание реальности в литературу выглядело «достаточно неприличным».

Думается, однако, что, подводя итог определенному отрезку развития отечественной литературы, мы должны сейчас говорить о другом. Во-первых, оценивая отечественный постмодернизм, нельзя отрывать его от явлений мирового литературного процесса. Достижения или потери постмодернизма в целом надо мерить

не узкими национальными рамками, но и успехами таких постмодернистских бестселлеров, как «Александрский квартет» Лоренса Даррелла, «Имя Розы» Умберто Эко и «Хазарский словарь» Милорада Павича. (Наверное, не слишком преувеличивает современная критика, говоря, что другая эра европейской культуры началась именно с «Хазарского словаря».)

Во-вторых, чтобы оценить роль каких-то тенденций, явлений в истории литературы, нельзя оперировать малыми временными величинами. Развитие постмодернизма в рамках андерграунда привело к замедленному его развитию. Выход его на поверхность в 90-е годы скорее принес с собой какие-то изменения в самом явлении, связанные не с сущностью этапа развития, а с новизной в его функционировании. Фактически об активной роли постмодернизма мы можем говорить лишь применительно к 90-м годам, а это слишком малый срок для широкообъемных выводов. Это все равно, что оценивать достижения модернизма только по 90-м годам XIX века. Если искать какое-то специальное определение эпатажным и деструктивным чертам постмодернизма 90-х гг., я бы предложила назвать его неодакадансом, по ассоциации с декадансом 90-х гг. прошлого века, который тоже был встречен бурей негодования со стороны Толстого, Чехова, Бунина, Серафимовича, особенно – Горького, и который, если его ограничивать рамками одного десятилетия, по большому счету не дал ничего, кроме того, что он был первой, самой ранней стадией модернизма. И это – **главное**. Представим себе на минуту, что мы живем не в 1998, а в 1898 году: разве могли бы мы видеть тогда историческое значение 90-х годов XIX века для русской литературы? Наверняка и наши 90-е годы в системе Большого времени правильно оценят не скоро. Вряд ли кто будет помнить тогда имена писателей, о которых сейчас ожесточенно спорят, но посвященная постмодернизму 90-х строка в историю литературы вписана будет. Тем более, что постмодернизм наших дней, очевидно, включает в себя явления, не только сходящие со сцены (например, концептуализм), но и нарождающиеся.

Кроме того, зададимся вопросом, а каковы критерии «тупиковости» ситуации постмодернизма. То, что он не дал общепризнанных художественных ценностей? Да, шедевров пока нет, но давайте на минуту представим, что модернизм не дал таких имен, как Блок, Маяковский, Мандельштам, Цветаева. Означало бы это, что модернизма как этапа в развитии русской литературы не было? Разве писатели второго и третьего ряда не оказывали влияния на общую литературную ситуацию, в которой и традиционный реализм обрел новаторские черты, дал таких замечательных художников, как Бунин, Зайцев? Кроме того, воздействие модернизма испытали и писатели, активно с ним сражавшиеся, – Горький, Серафимович. Безусловно, что и в настоящее время писатели–реалисты не проходят мимо постмодернистских экспериментов, наличие альтернативного течения оказывает существенное влияние на литературный процесс, трансформирует и сам реализм. Так, явно к постмодернизму эволюционирует Маканин, в его романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» явно превалирует постмодернистская природа творчества.

При оценке переходных явлений надо видеть точку отсчета: от чего к чему эволюционирует писатель. Надо также учитывать степень переходности. Одно дело рассказ В. Маканина «Кавказский пленный», другое – его последний роман. Еще более неясны и спорны границы, пролегающие иногда между модернизмом и постмодернизмом в творчестве одного писателя, – В. Аксенова, Саши Соколова и др. Очевидно, являются дискуссионными и основания для классификации течений внутри самого постмодернизма. Последний – явление многоликое, это не только большое количество групп и неформальных объединений (сколько их было!), но и писатели, рамки этих объединений давно переросшие. Многие художественные тенденции, грубо говоря, смешиваются, живут в общем контексте, границы между ними утрачиваются, и одной из, а может, и главной причиной является то, что писатель подвержен глобальному воздействию широкого информационного поля, он не может, как раньше, замыкаться на себе и своей группе, как символисты на «башне» Вяч. Иванова, которые долго не хотели замечать тех, кто смел их преодолеть.

Сейчас нередки утверждения: писатель имярек – не постмодернист, однако он использует постмодернистскую поэтику. Одно и то же произведение – «Анкету» Слаповского, например, – могут относить то к реализму, то к постмодернизму. Но ведь это все а priori. Надо исследовать художественные явления самого разного плана, сопоставляя произведения реализма и постмодернизма, «другой литературы» и постмодернизма.

Наша задача быть честными и объективными «регистраторами» всего происходящего в литературном процессе, фиксировать все его тенденции, помнить, что наша собственная интерпретация – преходяща.

Библиография

1. Ермолин, Е. Между кладбищем и свалкой. Постмодернизм как паразитическая версия постмодерна / Е. Ермолин // Континент. – № 89. (1996. – №3). – С. 334.
2. Ермолин, Е. Между кладбищем и свалкой. Постмодернизм как паразитическая версия постмодерна Е. Ермолин // Континент. – № 89. (1996. – №3). – С. 338.
3. Курилов, В. Актуальные проблемы современной отечественной теории литературы / В. Курилов // Филологический Вестник Ростовского госуниверситета. – 1997. – № 1. – С. 7.
4. Марчок, В. Контуры авторства в постмодернизме / В. Марчок // Вестник МГУ. – Сер. 9. – 1998. – № 2. – С. 52.
5. Роднянская, И. [Выступление за круглым столом] / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 1998. – № 2.
6. Роднянская, И. [Выступление за круглым столом] / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 1998. – № 2. – С. 22.
7. Контуры авторства в постмодернизме // Вестник МГУ. – Сер. 9. – 1998. – № 2. – С. 54.
8. Николаев, П. Современный литературный процесс глазами теории / П. Николаев // Филологические науки. – 1997. – № 2. – С. 12.
9. Иванова, Н. Преодолевшие постмодернизм / Н. Иванова // Знамя. – 1998. – № 4. См также ее выступление за «круглым столом» // Вопросы Литературы. – 1998. – № 2.

Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения (2001)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: научно-метод. семинар «TEXTUS». – Санкт-Петербург ; Ставрополь, 2001. – Вып. 6. – С. 78–86.

Ключевые слова: герменевтика, феноменология, культурно-историческая школа, феноменологический подход, герменевтический подход, герменевтико-интерпретационный метод.

УДК 801.73

Hermeneutics and phenomenology as an arsenal of modern literary criticism (2001)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. *Germevenitika i fenomenologiya kak arsenal sovremennogo literaturovedeniya (Hermeneutics and phenomenology as an arsenal of modern literary criticism)* // *Principy i metody issledovaniya v filologii: konec HKH veka : nauchno-metod. seminar «TEXTUS».* – SPb. Stavropol', 2001. – Vyp. 6. – С. 78–86.

Keywords: hermeneutics, phenomenology, cultural-historical school, phenomenological approach, hermeneutical approach, hermeneutical-interpretative method.

UDC 801.73

Постсоветский исследователь постоянно попадает в положение неопита, не слишком хорошо разбираясь в основах учений, прошедших путь своего развития много десятилетий назад. Естественная трудность познания нового в этом случае помножена на искусственную изоляцию научной мысли в СССР от мировой науки, и последствия этого будут сняты еще не скоро. Именно такими, ограниченными в силу необходимости, суждениями хотел бы поделиться с читателями автор данной статьи, ставя своей целью некоторое упорядочение материалов к заявленной теме и освещение истории вопроса, без которой трудно понять его современное состояние. Разумеется, методикой интерпретирования смысла художественного произведения практически всегда владели русская демократическая критика (Белинский, Добролюбов, Писарев), «культурно-историческая школа», традиции которой продолжило марксистское социологическое литературоведение. Так что интерпретированием, толкованием смысла произведения наше литературоведение занималось. Другое дело – было оно субъективным или объективным, личностным или подчиняющимся идеологическим стереотипам, приближающимся к истине или абсолютно далеким от нее, но это была интерпретация. Основной закон функционирования литературы (а функционирование есть постоянная смена интерпретаций) действовал, разумеется, и в советский период. Другое дело, что тогда не развивалась теория интерпретации, была под негласным запретом ее терминология. Были забыты или не воспринимались как герменевтические достижения русской науки рубежа веков; игнорировались этапы истории мировой герменевтики.

Истоки герменевтики уходят в глубины истории – в социально-мифологическую герменевтику Античности, а ее название связывают с именем Гермеса. Помимо его прямой функции толкователя божественной воли, о глубинном смысле герменевтики напоминает и само его имя: семантика корня *herme* означает тайну, сокровенность, закрытость (ср. вошедшие в русский язык слова «герметический», «эрмитаж»). Таким образом, Гермес выступал носителем тайны, чего-то, требующего раскрытия. Однако уже в античной герменевтике наряду

с герменевтикой мифа (обряды, ритуалы, культы, оракулы, прорицания) развивалась и герменевтика Логоса (Сократ, Аристотель, Платон), толковались не только сакральные тексты, но и литературные.

Новым этапом в развитии герменевтических идей было учение гностиков. Известная в этом плане фигура опять же носила имя Гермес Трисмегист (Трижды величайший). По мнению известного русского философа Владимира Соловьева (1853–1900), это был вымышленный автор теоретического учения, имя которому было дано в честь античного божества (22, с. 537–538). Учение Трисмегиста – своеобразное сочетание трех элементов: египетского многобожия, иудейско-христианского монотеизма и греческого философского идеализма. О его значении в истории герменевтики говорит вышедший в 1998 г. в Киеве капитальный свод текстов и их толкований под названием «Гермес Трисмегист и герменевтическая традиция Востока и Запада».

Затем наступила многовековая эпоха средневековой экзегетики.

Как и все мировые религии, христианство исходило из сакральной сути Слова (вспомним библейское: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Первым теоретиком-герменевтом можно считать Блаженного Августина (354–430), впервые теоретически осмыслившего герменевтические процедуры как определенную совокупность приемов и правил экзегетики. Главным из них можно считать разграничение значения и смысла слова, на которое опирается и современная герменевтика.

Из религиозно-богословской сферы герменевтика вышла лишь в XIX веке, благодаря деятельности Фридриха Шлейермахера (1768–1834), хотя сам он был теологом, религиозным философом протестантского уклона и свои разработки начинал в рамках экзегетики. Но вскоре он их перерос, и его имя обозначило веки теоретической герменевтики. Исходной целью его учения было противостояние непониманию. В труде Шлейермахера «Герменевтика» отводится важнейшая роль «отдельному человеку» – реципиенту, от таланта и восприимчивости которого зависит познание смысла чужой речи (28, с. 227). Шлейермахер разрабатывает учение о понимании как репродуктивном воспроизведении первоначального замысла автора на основе конгенитальности духовных миров. Речь идет не о предметно-содержательном значении текста, а о понимании автора как мыслящей индивидуальности, о проникновении в его психологию. Шлейермахер заложил основы научной методологии интерпретации, ввел понятие герменевтического круга: понимание целого через часть и понимание части через целое. Выходом из круга является совпадение смысла и интерпретации.

В дальнейшем герменевтика заняла важное место в трудах Вильгельма Дильтея (1833–1911) в его системе наук о духе (гуманитарных). Главное внимание он уделял исторической интерпретации. В основу понимания исторических текстов Дильтей положил метод психологической реконструкции и выдвинул в качестве звена, соединяющего интерпретатора и интерпретируемого, нечто третье, что современная философия трактует как культурно-историческую реальность. Применительно к литературоведению можно сказать, что дильтеевская герменевтика, ориентированная на классическую немецкую философию, исходила из содержания, из идеи произведения. Таким образом, несмотря на уязвимость некоторых их частных суждений, можно сказать, что Шлейермахер и Дильтей заложили основы теории интерпретации как учения о межличностном понимании, о межкультурном взаимодействии, и это практически, подчас в снятом виде, стало использоваться в отечественном литературоведении уже на рубеже XIX–XX вв., прежде всего учеными школы Потебни. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона свидетельствует, что в этот период в научном обиходе были такие термины, как герменевтика и ее синоним – экзегетика. Особенно отмечено понятие герменевтическая цепь – передача учения от учителя к ученику (что в древности хранилось в тайне от непосвященных). Понятие «интерпретация» трактовалось тогда лишь как юридический термин, как толкование законов и юридических сделок: не случайно в трудах Веселовского использовался термин экзегеза (греч. *exegesis* – толкование). Сейчас эти понятия воспринимаются как синонимы, но следует иметь в виду и существенное различие: экзегеза – начальная форма интерпретации, отличающаяся целостностью восприятия мира и текста. Искусство интерпретации, постепенно вычлняясь из всеохватывающей сферы экзегезы, отражало внутреннюю дифференциацию в сфере мышления, так что контекст употребления термина «экзегеза» Веселовским можно считать предметом специального рассмотрения. Это позволит полнее представить уровень отечественной герменевтики на рубеже XIX – XX веков.

Но вскоре на авансцену науки выходит феноменология.

В работе семинара «Textus» феноменологический метод приоритетен, но широкому читателю целесообразно начать с уточнения понятий. О каких феноменах идет речь? Буквально феномен – это явление, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, который составляет сущность того же феномена, но постигается только разумом. Разные оттенки смысла понятия «феномен», представленные в «Метафизике...» Канта и особенно в «Феноменологии духа» Гегеля, учитывались русской литературной критикой XIX века. В следующем столетии Николай Бердяев (1874–1948) на сопоставлении феноменального и ноуменального строил свою типологию художественного творчества (см.: 9, с. 5–6).

При всей традиционности понятия «феномен» философское учение о феноменах сознания сложилось только в XX веке – как школа Эдмунда Гуссерля (1859–1938), чьи фундаментальные труды стали философской классикой. Речь шла о субстанциональных сущностях, о феноменах сознания, его интенциональности, т.е. обязательной направленности актов сознания на какой-либо предмет. Отсюда понимание интенциональности как опознаваемости и представляемости (в этом вопросе у Гуссерля был непосредственный предшественник – Франц Brentano (1838–1917), который разграничил сознание как направленность на объект и данность объектов в сознании). Сознание в чистом виде – абсолютное Я, которое одновременно есть центр потока сознания человека, – как бы конструирует мир, внося в него «смыслы». Все виды реальности, с которыми имеет дело человек, объясняются из актов сознания, и, хотя мир существует объективно, понять и объяснить его может только человек. Гуссерлианство рассматривает структуру сознания как поток феноменов – идеальных объектов мысли, на которые направлено сознание. Так получают новую жизнь понятия «интенция», «интен-

циональный предмет», «эйдос» (яркий зримый образ уже отсутствующего предмета, передающий его сущность). Таким образом, предметом феноменологии становятся акты «чистого сознания», исключаящие все эмпирическое, внешнее.

Наивно-натуралистическое понимание сознания просто как образного представления предметов, когда образ восприятия предмета совпадал с ним по определению, стало отходить в прошлое. Гуссерль ставил целью выявление «беспредпосылочной» (взятой вне какой бы то ни было эмпирики) сущности и структуры познания; им было введено понятие *Epoche* – отвлечение от реалий окружающего мира, ибо для исследователя важна не сама реальность, а то, как она воспринимается и осмысливается человеком. Отсюда проистекает общность концепций феноменологии и герменевтики: человек воспринимает объекты бытия через смыслы сознания, т.е. сам вносит смыслы в осознаваемые им предметы, хотя зачастую полагает, что исследует только первичное бытие вне сознания.

Акты сознания, как отметил еще Brentano, делятся на акты представления, акты суждения, акты душевных переживаний. Если в психологии восприятие, фантазия, память, мышление, эмоциональные состояния есть переживания, содержание сознания, но сам переживаемый или воспринимаемый предмет в своей собственной сущности не исследуется, то Гуссерль акцентировал различие между содержанием восприятия и воспринимаемым предметом, между субъективностью воспринимающего **Я** и объективностью самого предмета. Вопреки усвоенному нашим поколением традиционному «сущность является, явление существенно», у Гуссерля явление вещи – не сама вещь, оно – переживание. Но что такое переживание? В обыденном сознании «и прошлое я вновь переживаю...» означает, что **Я** погружается в сложный комплекс восприятия и оценок объективных событий, с ним происходивших. В феноменологическом смысле переживание не имеет статуса реального содержания, оно (реальное содержание) – тоже акт восприятия. Для субъекта между осознаваемым содержанием и его переживанием нет никакого различия. Один и тот же предмет может восприниматься как плохой или хороший, как красивый или безобразный, но в сознании субъекта то или иное качество будет реальным. Мир смысла аккумулируется в сознании индивида и в то же время он независим от этого сознания. Гуссерль исследует имманентное бытие сознания с его невидимыми и неконтролируемыми механизмами. Как писал уже в наше время философ феноменологической ориентации Мераб Мамардашвили (1930–1990), «полнота феноменальна, т.е. она может быть только в виде феномена, а не на уровне реального охвата предмета, реального прохождения всего расстояния до предмета, до наших кусков души, которые разбросаны вокруг и которые ни в какое конкретное время собрать мы не можем. Не успеем. А феномен есть то, что сокращает, то, что своей феноменальной видимостью дает нам феноменальную полноту, реально невозможную» (14, с. 379). Удивительно точное описание процесса познания не только научного, но и художественного.

Философ должен иметь дело с сознанием, избавленным от иллюзий и прагматизма; он ищет чистый акт сознания. Конечно, гарантия истинности такого знания остается под большим вопросом, но, тем не менее, это шаг к истине, и он не мог не привлечь внимания герменевтов. Хотя современный интерес к герменевтике усилился лишь в середине XX века, т.е. позже общепризнанных достижений феноменологии, связанных прежде всего с именем Гуссерля, само зарождение новых герменевтических идей происходило именно в ее русле: феноменологи сделали определенный шаг и в области герменевтики. Феноменология, предложившая новую интерпретацию основополагающих понятий, не могла не учитывать многовековой герменевтический опыт.

Надо заметить, что некоторая противоречивость концепций Гуссерля, его эволюция как философа определили широкий спектр воздействия его традиций на научные направления самых разных ориентаций – на феноменологию, герменевтику, экзистенциализм, – творчески развивающие «свои» вопросы. (Были случаи, когда Гуссерль «не узнавал» собственных идей или протестовал против их искажения.) Общепризнанно его влияние на литературоведение: среди представителей «феноменологической школы» – И. Пфайфер, Р. Ингарден, Э. Штайгер, Г. Башляр и др.

В целом феноменологический подход, как никакой другой, оказался сопряжен с другими научными методами и подходами, был изначально положен в их основу или способствовал их актуализации. На феноменологическое исследование структуры произведения опирался структурализм. Поскольку феноменология – это конструирование мира с помощью интенции (направленного сознания), и в результате такой работы сознания создается смысл, можно увидеть связь между феноменологией и рецептивной эстетикой (новейшей разновидностью герменевтики), в основе которой лежит триада автор-произведение-читатель. Думается, что в таких случаях вряд ли можно говорить о феноменологическом методе (как о таковом, дабы не лишать методологической приоритетности другие научные направления и школы), скорее о феноменологическом **подходе** как понятии более широком и достаточно дискретном, открывающем разные свои грани.

Ключевой фигурой, обозначившей пересечение феноменологии и герменевтики, стал Мартин Хайдеггер (1889–1976), чья приверженность к тому или иному научному направлению стала дискуссионной. В историко-философских исследованиях Хайдеггер проходит и как феноменолог, и как герменевт, и как экзистенциалист, знаменуя собой общие духовные истоки указанных направлений. С начала 30-х гг. становится популярным развитое Хайдеггером столкновение феноменологии как философской герменевтики, что дало толчок становлению новой теории интерпретации. Им подчеркивались бытийственная предрешенность интерпретации, особая роль интерпретатора, который интерпретирует не только произведение, но и самого себя, привносимый им смысл.

Тесная связь герменевтики и феноменологии, особенно заметная в деятельности М. Хайдеггера, была очень четко определена Полем Рикером (род. в 1913): «Феноменология остается необходимой предпосылкой герменевтики, и в то же самое время феноменология не способна определить себя без герменевтики (цит. по: 12, с. 74-75). Рикер ведет речь о «прививке» герменевтики к феноменологии. (Именно этим объясняется, на наш взгляд, и сама эволюция феноменологии.) Но открытия феноменологов были важны и для герменевтов, в

частности то, что значения, по Гуссерлю, отрываются от реального субъекта, обретают независимое от субъекта идеальное бытие (уже Дильтей свои последние произведения писал под влиянием Гуссерля). Феноменологическую предпосылку для современной герменевтики дал тезис об определяющей роли опыта. Таким образом, плодотворна мысль Рикера о том, что при всей «чужеродности» герменевтика «может срастись с феноменологией» (18, с. 81). Общим для них был интерес к истолкованию смыслов, ибо феноменология рассматривает активную деятельность сознания как порождение смысла. Близость обоих направлений проявилась даже в том, что феноменологическая **интерпретация** уходила своими истоками в теорию герменевтики, да и «Поэтика» феноменолога Штайгера (1946) породила в немецком литературоведении поток интерпретаций разного типа. И феноменологическая критика, и литературная герменевтика считали художественное произведение завершённым лишь на уровне читательского восприятия (отсюда – общий интерес к проблеме читателя). Тяга к синтезу продолжается вплоть до наших дней, до создания «герменевтико-феноменологической теории искусства» современного исследователя Вольфганга Ширмахера.

Встреча двух направлений дала мощный толчок развитию современной герменевтики в лице Ханса Гадамера (род. в 1900), который считал долгом подчеркнуть истоки собственных концепций: «... добросовестность феноменологической дескрипции, вменённая нам в обязанность Гуссерлем, широта исторического горизонта, который раскрыл всякому философствованию Дильтей, и не в последнюю очередь взаимопроникновение обоих этих импульсов с третьим, полученным несколько десятилетий назад благодаря Хайдеггеру...» (5, с. 43). В его капитальном труде «Истина и метод. Основные черты философской герменевтики» (1960), в статье «Эстетика и герменевтика» (1964) развиты хайдеггеровские идеи онтологической философии и герменевтики. Собственно, как уже не раз отмечалось, и Гадамер, и Рикер в противовес распространяющейся субъективистской интерпретации пытались поставить герменевтические изыскания на феноменологическую основу, усилить их доказательность.

Итак, пройдя определённый путь развития, традиционная герменевтика пережила пору кардинального обновления методологических позиций, обусловленных достижениями феноменологии. Для нас в теоретическом плане становится важным момент рефлексии, выявляющий не только сходство, но и различие методов. Первые шаги в этом направлении были сделаны ещё в начале 80-х гг. под обязательным тогда флагом критики буржуазной философии. Но по своей результативности подобные работы (см.: 12) несколько не устарели.

Принципиальная разница феноменологического и герменевтического подходов очевидна. Она, **во-первых**, заключается в разных предметах исследования. Как писал П. Рикер, «... герменевтика сохраняла теоретические задачи, отличные от интересов конкретной феноменологии. Тогда как феноменология ставила вопрос о смысле по преимуществу в когнитивном и перцептивном измерениях, герменевтика, начиная с Дильтея, ставила его в плоскости истории и наук о человеке» (18, с. 81). (Это несколько не исключало обязательного подчеркивания общности подходов, продолжим цитату: «Но это был и с той, и с другой стороны тот же фундаментальный вопрос об отношении между смыслом и Я».) Если феноменология ставит целью обнаружение сущностных структур сознания, то герменевты делают предметом исследования то, что этим сознанием создано, то есть текст. В этом плане примеры из феноменологической эстетики Гартмана, Ингардена или из современных феноменологических разработок в отечественном литературоведении (о них речь пойдет ниже) тоже говорят о воздействии на них герменевтических идей. И их авторы тоже являются, говоря словами П. Рикера, «учениками текста». В самом деле, Гуссерль, выделяя такие слои феномена, как 1) словесный, 2) конкретное психическое переживание, 3) значение и смысл, 4) феномены чистого сознания, не интересовался двумя первыми слоями. Сущность феноменологии для него представлена тем, что находится за словесным слоем и психическим переживанием, тогда как для герменевта существенны и первые два слоя (существенны они, как мы увидим ниже, и для феноменологической эстетики, и для филологической феноменологии, получивших герменевтическую прививку).

Герменевтика же выделением слоев не занимается и вообще выступает против их резкого разграничения. Словесный слой и конкретные психические переживания (причем не только адресанта, но и адресата) обретают для нее особо важное значение.

Герменевтика признает (в отличие от позднего Гуссерля) объективные характеристики предмета герменевтического исследования результатов работы сознания. Но значения, созданные субъектом, уже не зависят от него и живут гораздо дольше. Эти значения не могут реализовываться без непрерывного их включения в понимающее сознание. Непрерывное функционирование сознания обеспечивает постоянную преемственность в наследовании достижений культуры и литературы. Но опыт «чистого сознания» у герменевтов редуцируется в опыт «бытия-в-мире» (Хайдеггер), и его составляющими стали опыт культурно-исторический и эстетический, хотя все это ставится в связь с «языковым оформлением бытия» (12, с. 85).

Во-вторых, разграничение проистекает из разных оттенков по сути общего взгляда на язык, ведь предметом герменевтического анализа являются фиксированные в языке значения, взятые как результат функционирования сознания. А феноменологический метод требует обособления значений от словесного выражения (12, с. 77, 82).

У феноменологов, по определению Рикера, язык «снимает себя в интенциональной направленности» (12, с. 83), это – нечто внешнее по отношению к сути сознания. Но уже Хайдеггер, который в этом плане выступает не как феноменолог, а как герменевт, и за ним Гадамер подчеркивают неразделимость языка и бытия-в-мире. Язык – это понимаемый мир, он изначален и абсолютен, воплощая в себе сущность мира и человеческого опыта, он развивается во времени и истории: «Языковой характер понимания суть *конкретность действительности исторического сознания*» (5, с. 453, курсив Гадамера – Л. Е.).

В-третьих, принципиальное отличие герменевтики от феноменологии – это многозначность толкования интенционального предмета – в отличие от феноменологической однозначности. Если для феноменологии

фактором, определяющим работу сознания, является само сознание, то в герменевтике продукт мыслительной деятельности «снова осваивается понимающим сознанием» (12, с. 76). Если ранняя феноменология претендовала на выявление идеального «чистого» значения, то герменевтика поставила вопрос об изменчивой значимости, т.е. значимости, зависящей от воспринимающего субъекта. Герменевтика не теряет связь с жизненным опытом субъекта. В этом случае филолог-исследователь выступает не столько автором, сколько соавтором, вносящим свое в исторически складывающуюся интерпретацию того или иного текста и, говоря словами Рикера, парадигма интенциональных отношений передвигается с логического плана на план восприятия – проблема, которую в России в конце XIX в. разрабатывал А. Потебня (1835–1891).

В-четвертых, – и это разграничение представляется нам итоговым – следует иметь в виду сам характер работы сознания. Если феноменология 20–30 гг. делала акцент на выявлении смыслообразующей деятельности сознания, то герменевтика – на смысловывявляющей деятельности сознания. В первом случае роль **Я** обрела конституирующее, всеобщее значение, тогда как герменевту важна экспликация бытия-в-мире, выявляемого через текст. Если поздняя феноменология социально-историческую картину мира воспринимает только через призму субъективности, то герменевт выявляет социальные феномены через исторически развивающийся язык. Актуализация смысла в феноменологии происходит в «логическом времени», в чистом времени восприятия, а в герменевтике – в историческом времени. Кроме того, герменевтологов¹ интересует и сфера бессознательного. В эпоху психоанализа герменевтика «расценивает вопрос об интерпретации символики бессознательного как один из центральных и считает необходимым дать эту интерпретацию» (12, с. 84).

Итак, несмотря на близость, герменевтика и феноменология остаются самостоятельными методами познания, оказавшими влияние и на литературоведческую мысль².

Остановимся несколько подробнее на отечественной герменевтической традиции, и не только из соображений приоритетности, а потому, что Александр Потебня, Густав Шпет (до революции), Михаил Бахтин (с конца 50-х гг.) имели непосредственный выход в российскую науку, влияли на нее своими концепциями, даже если при этом не осознавалась специфика герменевтики как таковой. К сожалению, в России она разделила судьбу гнетки и кибернетики, феноменологии и психоанализа, компаративистики и других, объявленных в свое время «лженауками»; ее традиции были искусственно прерваны. Поэтому современный читатель начинает ее изучение с книг Хайдеггера и Гадамера, со справочников по зарубежной философии, зарубежному литературоведению. Между тем, идеи герменевтики в России на рубеже XIX–XX вв. развивались весьма успешно, а главное, они тоже получили феноменологическую «прививку». Например, Г. Г. Шпет (1879–1940), как и Хайдеггер, работал в двух направлениях: его перу принадлежат труды по проблемам герменевтики и феноменологии (29, 30). Формулировка Шпета *Феноменология как основная наука* свидетельствует о понимании автором важности «феноменологической прививки» и к герменевтике. Погибший в ГУЛАГе последователь Гуссерля подчеркнул, что «мы теперь имеем совсем новую постановку вопроса о понимании» (29, с. 257), а «сама феноменологическая рефлексия становится у Шпета герменевтическим актом» (30, с. 188).

Главным в процессе понимания и интерпретации произведения стало сознание воспринимающей текст личности. Поэтому нельзя переоценить вклад основателя так называемой психологической школы Потебни, рассматривающего интерпретацию как производную от восприятия литературного произведения. Уже к 20-м годам стало формироваться понимание пределов интерпретации (А. Скафтымов). Оригинальные герменевтические разработки предложил М. Бахтин (1895–1975), подчеркнувший, что у «мира есть смысл» (1, с. 361). Собственно, многие положения современной герменевтики были предвосхищены М. Бахтиным в его работах «К методологии гуманитарных наук», «Проблемы текста», «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» и др. В основе эстетики Бахтина лежит принцип диалогичности, т.е. межличностной коммуникации **Я** и **Другого**: быть – значит общаться. Подчеркивая безграничность диалогического контекста, Бахтин особое внимание уделял общению с художественным текстом, порождающим не только согласие с его автором, но и спор с ним. Ведь в отличие от предмета точных наук – вещей безгласных, гуманитарные науки имеют дело с «говорящим бытием», а создатель художественного текста адресует его другому полноправному сознанию.

Теория диалога стала важнейшей составляющей герменевтического понимания **Слова** вообще и прежде всего слова художественного. Слово ставит перед человеком вопросы, заставляя выяснять его (слова) смысл. Так происходит встреча **Другого** со **Мной** как в глобальном масштабе (придя в мир, человек через Слово усваивает культуру и ментальность этноса), так и в конкретных случаях непосредственного общения, в том числе и прежде всего с автором художественного произведения. Диалогическая природа слова обуславливает и диалогическую природу словесного искусства. То, что Бахтин называл «памятью жанра», также может быть осмыслено в свете герменевтики.

Есть и другие примеры объективной соотнесенности концепций Бахтина и современных герменевтов. Его тезис об обязательной *укорененности* подлинно художественного произведения в культуре, его толкование традиций легко сопоставляется с принципами Гадамера: «При понимании того, что передано нам исторической традицией, не просто понимаются те или иные тексты, но вырабатываются определенные представления и постигаются определенные истины» (6, с. 38). Таким образом, независимо от того, из какого источника – из Гадамера или Бахтина почерпнет исследователь эту идею, он осознает, что все мы находимся в общем глобальном потоке традиций, вступаем в диалог с ними, пытаемся воздействовать на них, и это в равной мере касается и творца художественного текста, и его интерпретаторов. Гадамер считает, что во временном интервале, разделяющем писателя и современного интерпретатора его произведения, и раскрываются позитивные и продуктивные возможности понимания, которые, таким, образом, оказываются в прямой зависимости от исторической жизни произведения – жизни в веках. Современному читателю в нем открываются такие смыслы, о которых не мог знать автор.

Тогда что же принципиально нового дает нам знакомство с переведенными, наконец, на русский язык работами Гадамера? П. Рикера?

Герменевтика исходит из особой роли слова и языка в целом в жизни человека, а еще Дильтей говорил, что лишь в языке глубина души находит исчерпывающее и объективное выражение. Гадамер – ученик Хайдеггера, по определению которого, слово побуждает человека к пониманию и постижению смыслов, в нем заключенных; в слове открываются пласты времени, пространства – подчеркнута значимость слова не как знака-оформителя мысли, а как высшего начала, развивающего само мышление. Для Хайдеггера язык есть дом бытия, а мыслители и поэты – хранители этого жилища человека. «Язык не просто передает в словах и предложениях все очевидное и все спрятанное как разумеющееся так-то и так-то, но впервые приводит в просторы разверстого сущее как такое-то сущее» (22, с. 103), – писал Хайдеггер, и это положение экстраполируется на работы его предшественников. Справедливо замечено, что в наши дни смотреть, например, на проблему внутренней формы слова у Потебни можно только сквозь призму Хайдеггера. Таким образом, хотя русская религиозная философия и поэзия Серебряного века много говорили о сакральной сути Слова, в силу их многолетней выключенности из сознания нескольких поколений четкость научных посылок приходит к нам сейчас в трудах Хайдеггера и Гадамера. Поэтому вслед за Гадамером, в капитальном труде которого «Истина и метод» рассматриваются параметры языка, литературоведы подчеркивают, что «слово – ИСТОЧНИК энергии мысли, ее хранитель и катализатор» (13, с. 9).

Современная герменевтика дает читателю более глубокое осознание неразрывности процессов интерпретации и понимания, осознание значимости понимания, которое перестает отождествляться со знанием как таковым и воспринимается как со-знание. Это, конечно, исконный тезис философской герменевтики, восходящей еще к Шлейермахеру и Дильтею. Первый связал интерпретацию текста с самой природой понимания и подчеркнул роль бессознательного в ней, второй обосновал значение интуиции в понимании (он сам демонстрировал искусство понимания на примерах интерпретации литературных текстов) и место герменевтики в теории познания наук о духе. Но современная герменевтика сосредотачивает внимание не столько на самом феномене понимания, что является прерогативой психологии, сколько на условиях, при которых возможно адекватное понимание. Поэтому в популярных философских изданиях можно встретить определение герменевтики как философского учения, по которому средством и целью человеческого бытия является понимание. По Гадамеру, именно феномен понимания пронизывает все связи человека с миром (5, с. 39), и его важнейшим условием является подлинное владение языком, ведущее к постижению смысла. Однако просто «понимание языка еще <...> не включает в себя никакой интерпретации – это жизненный процесс» (5, с. 448). Необходимо «истинное взаимопонимание..., осуществляемое в среде языка». (См. выше и о теории диалогизма Бахтина.) Что же касается понимания художественных произведений, то здесь подчеркивается феномен самого понимания, ибо человек читающий «соотносит свои тексты... также и с самим собой» (5, с. 399), а сам принцип герменевтики и заключается в том, чтобы перенести смысловую связь из чужого мира в собственный. (В принципе, тезис не новый, но он своевременно включен в новую научную парадигму.)

Современные последователи герменевтических идей отмечают особый характер филологической герменевтики в ряду других литературоведческих подходов: это эмоционально-интеллектуальная деятельность, своего рода духовная жизненная позиция интерпретатора. Современная герменевтика трактует интерпретацию как самореализацию понимания, рефлексии над пониманием. Для Гадамера всякое понимание есть интерпретация, что подчеркивает важность не только факта понимания, но и проблемы правильного изложения понятия³. Верность тезису демонстрирует и новое поколение герменевтов, и для П. Рикера столь же важна необходимость опосредовать всякое понимание интерпретацией⁴: «...Под герменевтикой я понимаю теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов» (18, с. 3).

Герменевтика настаивает на объективности интерпретации, связывая ее с позицией автора высказывания, ибо истолкование «крепко держится за смысл самого текста». Интерпретатор должен «выяснить мнение автора», «дополнить и прокомментировать текст», обращаясь к другим источникам; подняться над личными субъективными пристрастиями (хотя они признаются неизбежными), ибо «понимает лишь тот, кто сам не участвует в игре. Таково требование науки» (5, с. 395).

Поднимаясь над частностями и давая универсальные способы интерпретации, герменевтика оперирует концепцией герменевтического круга: чтобы понять целое (произведение, например), необходимо понять его части, но, чтобы понять часть, необходимо понять целое. Практически это означает, что произведение не может быть понято сразу, и лишь каждое новое прочтение приближает к постижению его смысла. Но это касается не только имманентного познания, но и рассмотрения произведения в широком историко-культурном (или литературном) контексте, по отношению к которому произведение выступает как часть целого.

Признание герменевтики важнейшим и даже универсальным методом познания из сферы научных поисков и дискуссий уже перешло в современные вузовские учебники по философии, культурологии и, конечно же, теории литературы. «Герменевтика ныне является методологической основой гуманитарного знания (наук о духе), в том числе искусствоведения и литературоведения» (26, с. 106), – утверждает, например, автор новейшего учебника по теории литературы Валентин Хализев. Методологический подход с позиций герменевтики означает учет литературоведом коммуникативной функции искусства, универсальных законов восприятия, понимания и истолкования художественного текста, т.е. его интерпретации, которая ныне признана важнейшей составляющей литературоведения. Поэтому современный филолог не может не опираться как на отечественные, так и на западноевропейские традиции феноменологии и герменевтики.

Что касается феноменологии, то проблема «феноменология и литературоведение» пришла в советскую Россию вместе с переведенной на русский язык статьей венгерского исследователя. Дердь Михай Вайда дал подробную историю вопроса и сформулировал наиболее актуальные проблемы (3, с. 5–52.). Однако в России

еще ранее был известен ученик Гуссерля Роман Ингарден (9), чьи работы появились в русском переводе еще в 1962 году. Свои эстетические теории он создавал в полемике с Гуссерлем. Наиболее известна его работа «О литературном произведении» (1931). В ней выявлена многослойная структура художественного текста и связанная с нею полифония. Когда в 70-е годы в отечественной науке стали разрабатываться феноменологические аспекты, связанные с архитектурой произведения, было актуализировано, хотя и критически, ингарденское уровневое членение произведения: а) звучание слов, б) значение слов и суждений, в) изображаемый мир (люди, вещи, события) с его отношениями и связями, г) «виды» (организация повествования с определенной точки зрения).

Современные феноменологически-литературоведческие штудии в России непосредственную связь с гуссерлианством как таковым, как нам кажется, утратили (или не имели вовсе). Особенность рецепции феноменологических идей в 80-х гг. XX века – в разнообразии спектров «послойного» анализа в тексте, напрямую не связанных с дефинициями Ингардена или Гартмана. Юрий Боров уже в 1981 году рассматривает иерархический статус пластов, составляющих структуру произведения, и «взаимодействие человека с различными внутренними и внешними средами». Соединяя методологический подход со структурным, Юрий Боров вслед за Лотманом раскрывает на материале пушкинского «Медного всадника» специфику пластов художественного произведения через «систему отношений местоимений», отражающую взаимодействие личности и мира (2, с. 61–62). Капитальный труд Борева широко известен, так что воспроизводить здесь его классификацию надобности нет. Однако нетрудно заметить, что, будучи специалистом по эстетике, Боров почти не принимает во внимание интересующую литературоведа «плоть искусства», тогда как количество пластов-носителей общефилософских идей явно избыточно. Очевидно, поэтому несколько лет спустя (в 1988 г.) философ Юрий Кудрявцев, исходя из того, что «художественное произведение, если оно поистине художественное, всегда есть философия», предложил его трехкруговой анализ. Подчеркнув, что произведение может достигнуть третьего круга, но может и не пойти дальше второго или даже первого, Ю. Г. Кудрявцев выделяет следующую проблематику кругов, отражающих событийное, временное, вечное (11, с. 40):

1. Событийное – сюжетика, изображение быта («арифметика жизни», которой нередко ограничивается поверхностный читатель).

2. Временное (повторяющаяся в жизни «алгебра бытия») – общечеловеческое.

3. Вечное (если писатель смог его достичь) – философское постижение всего глубинного смысла бытия.

Трехкруговой анализ, по мнению Кудрявцева, раскрепощает исследователя, позволяет ему преодолеть зависимость от идеологических установок, от необходимости постоянно ощущать связь с ними литературных героев (в случае общеизвестности их прототипов). В период перестройки концепция Кудрявцева (хотя она и не получила резонанса) была достаточно новаторской, освобождающей литературу от псевдомарксистских догм.

Гораздо более известна вышедшая в 1987 году и включенная в программу по теории литературы монография Владимира Тюпы «Художественность литературного произведения» (24). Говоря о художественной реальности (ее составляющие – психологическая реальность авторского сознания и лингвистическая реальность текста), В.И. Тюпа выделяет 6 ее уровней:

– ситуация (имеется в виду досуговая ситуативность «всеобщего мирового состояния»)⁵;

– сюжетно-фабульный уровень, который, по замечанию автора, феноменологическому описанию поддается особенно легко;

– предметно-психологическая детализация;

– архитектура голосов (система речевых характеристик);

– композиция (не построение вообще, а собирание единого высказывания из фрагментов);

– ритм, его «магнитное поле», воссоединяющее автора, героя и читателя в едином строю интонационного переживания.

Выделенные В. И. Тюпой слои художественной реальности характеризуются автором как «своего рода «матрешка» из трех пар одновременных по происхождению «превращенных» форм духовно непосредственного освоения мира человеком» (24, с. 87). Мифологическая ситуация и ритмическая организация речи – общеэстетические слои всякого произведения искусства. Сюжетосложение и композиция включают в себя «средние слои» – детализацию, речевые характеристики. Последние два, по мнению Тюпы, наиболее «молодые» слои, запечатлевают творческую индивидуальность писателя. При этом уровни могут быть развиты неодинаково, повышенная интенсивность разработки одного слоя может сочетаться с редуцированностью, с «приглушенностью» или «бледностью» другого, а роль стилевой доминанты может приходиться на разные пласты художественной реальности» (24, с. 88). Обстоятельность теоретического анализа в монографии Тюпы обусловила его вклад в методологию исследования.

Широкому кругу читателей сборников ставропольского семинара «TEXTUS» известен положительный опыт феноменологического подхода в области лингвистики текста К. Э. Штайн, который плодотворно используется и литературоведами. Можно назвать также статью волгоградских ученых «Литературное произведение как предмет феноменологического анализа» (23, с. 67–74). У филологов Санкт-Петербургского университета возрождается интерес к феноменологическим аспектам наследия Б. М. Энгельгардта (1887–1942). Мы полагаем возможным среди литературоведческих методов и подходов обозначить и феноменологический, ориентированный как на «послойное» рассмотрение произведений, идущее от Гартмана и Ингардена, так и на выявление «прафеноменов» (архетипов), продемонстрированное Г. Башляром. Изымая литературное произведение из контекста социальных связей, феноменологический метод сосредотачивает внимание на его онтологии. В сочетании с другими методами феноменологический оптимально раскрывает тайны художественного творчества, подвластные лишь ему.

Но несмотря на определенные успехи феноменологического литературоведения, абсолютного признания оно пока не получило. Если герменевтика открыто признается методологической основой науки о литературе, то идеи феноменологии в теории литературы используются пока что в снятом виде (в рассмотренных выше чисто литературоведческих работах даже нет ссылок на философов-феноменологов). В уже упомянутом выше новом учебнике В. Е. Хализева «Теория литературы» герменевтике посвящается несколько параграфов, тогда как понятия «феноменология» нет даже в предметном указателе, и ссылки автора на работы Тюпы с феноменологией, таким образом, не связываются. Больше того, далеко не во всех публикациях, где употреблены понятия «феномен», «феноменальный», речь идет о феноменологии, скорее, в них развиваются положения Бердяева о феноменальном и ноуменальном. Между тем востребованность двух ярких ветвей философской мысли XX века очевидна, о чем свидетельствуют и новые переводы в области феноменологии (6, 16). Полная изолированность герменевтики от феноменологии противоречит истинному положению вещей. Литературоведу необходимо видеть и общее в фазах их развития, и, главное, специфику герменевтического подхода, принципиально отличного от феноменологического, о чем мы говорили выше. (Заметим, что за рамками нашего обзора осталась проблема «герменевтика и деконструкция», которой уделял внимание А. Лашкевич (13, с. 74–81) и которая рассматривается в специальном издании «Герменевтика и деконструкция» – СПб., 1999.)

Что касается герменевтики, то она интегрирует научное знание и практическое сознание в личностное знание. А поскольку, говоря словами Мамардашвили, перейти «от собственной внутренней ясности» к высказыванию об этих вещах вслух – «очень трудно» (15, с. 270), то герменевтика дает определенные правила и методику интерпретирования⁶. В этом плане интересны личные опыты столпов герменевтики Хайдеггера и Гадамера, которые не только ссылались на Фридриха Гельдерлина, но и дали образцы интерпретаций стихотворений «Слово» Стефана Георге (Хайдеггер) и «Не действуй наперед» Пауля Целана (Гадамер).

Для оценки и интерпретации художественного произведения применяются герменевтические – истолковательные – процедуры. Их цель, во-первых, прояснить **Слово**, которое без этого может остаться герменевтически закрытым, во-вторых – поддержание постоянной рефлексии над самим процессом познания. При этом учитываются такие категории, как «предпонимание», «герменевтический круг», которые работают и сегодня, что подтверждает популярность издания «Художественная рецепция и герменевтика» (М., 1985).

На философскую герменевтику Х.-Г. Гадамера опирался известный немецкий литературовед Ханс Роберт Яусс (1921–1997). Для последнего было важно, что Гадамер реабилитировал традицию как условие самопонимания исторического сознания. На рубеже 50–60-х гг., будучи одним из основателей нового немецкого университета в Констанце (Румыния), ориентированного на междисциплинарные гуманитарные исследования⁷, Яусс в рамках исследовательского проекта «Поэтика и герменевтика» создал свою группу. Одна из первых работ Яусса, получивших широкую известность, – *Literarische Tradition und gegenwärtiges Bewusstsein der Modernität* (1965). Так было положено начало новому направлению – «рецептивной эстетике» – популярному в Европе (особенно во Франции) и в Америке. Книга Яусса «История литературы как провокация» (1970) была переведена на 16 языков, кроме, к сожалению, русского: глава из книги была опубликована в «Новом литературном обозрении» только в 1995 г. (29) и стала образцом рецептивной эстетики. Хотя имени Яусса в советском литературоведении нет даже в 9-м (дополненном) томе КЛЭ (1978) и Литературном энциклопедическом словаре (1987), идеи выдающегося литературоведа оказывали воздействие на процесс постижения культурного наследия в СССР. Большой резонанс имела озвученная М. Б. Храпченко концепция историко-функционального изучения литературы, которую можно считать отечественным вариантом рецептивной эстетики, что способствовало актуализации герменевтической традиции в отечественном литературоведении⁸. Заслуга Яусса не только в том, что он ввел в концепцию литературоведческих исследований феномен читателя (и психологическая школа Потебни, и теория диалогизма Бахтина тоже подводили к этому): он увидел в читательской публике смыслополагающую инстанцию для всего литературного процесса и выдвинул на первый план смыслопорождающую и смыслозадающую функции литературы и искусства. Им была предпринята конкретная разработка исследовательского аппарата, в котором учитываются жизненные и литературные горизонты ожидания читательской публики. Это позволило вписать историю литературы в более общий контекст истории. Яусс придавал большую роль эстетической дистанции, позволяющей описать механизмы принятия и отторжения, актуализации и забвения тех или иных литературных произведений. Эти мысли ученого нашли отражение и в более позднем его труде «*Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik*» (1982).

Исходя из работ Гадамера, Яусс свои положения отстаивал и в полемике с ним. Вел Яусс диалоги и с Ю. Хабермасом, и с П. де Маном. Итоги методологических дискуссий 60–80-х гг. подведены им в 1993 году в последней книге «*Wege des Verstehens*» («Пути понимания»).

Постперестроечная волна сделала известными российскому читателю и работы американского герменевта-литературоведа Эрика Дональда Хирша (род. в 1928). Прежде всего, надо назвать такие его книги, как «Достоверность интерпретации» (1967), «Три измерения герменевтики» (1972), «Цели интерпретации» (1976), пропагандистами которых выступила Е. Цурганова (27, с. 199–201). За Хиршем закрепилась репутация сторонника классической герменевтики XIX века, требующей реконструкции авторского смысла как основы канонических интерпретаций, но удержание и актуализация положительного опыта прошлого представляются не менее значительным, чем новации. В противовес новой критике и деконструктивизму, Хирш считает, что, хотя интерпретация определяется системой ценностей и этическим выбором интерпретатора, игнорирование личности автора произведения недопустимо и все созданные интерпретации должны быть соотнесены с авторским замыслом. Если мы ранее (20, с. 3–9) полагали авторскую позицию как средостение в соотнесенности литературоведческой интерпретации и анализа, то сейчас мы можем сослаться и на «принцип авторской авторитетности» Хирша. Принцип авторской авторитетности выступает как критерий достоверности интерпретации (в нашей концепции – *предела*, что очень важно для полемики с теми, кто эти пределы отрицает).

Весьма актуальной можно считать и идею «трех измерений в герменевтике»: дескриптивного, нормативного, концептуально-исторического. Собственно, от этих измерений и ведут свое начало разные направления в герменевтически ориентированном литературоведении.

Таким образом, современная герменевтика представляет собой не только и, может быть, не столько классический метод познания, но совокупность интерпретационных моделей и методик, которые, тем не менее, сохраняют свою методологическую специфику. Поэтому мы считаем возможным говорить о герменевтико-интерпретационном методе в литературоведении.

Примечания

1. Разграничение понятий «герменевт» (ведущий процедуру интерпретации), «герменевтик» (обобщающий накопленный опыт), «герменевтолог» (занимается еще и вопросами истории и методологии герменевтики) предложено А. В. Дашкевичем (13, с. 23–24).

2. Мы сказали об основополагающем значении идей феноменологии и герменевтики для теории литературы. Но нельзя не сказать об их влиянии непосредственно на художественное творчество, что, естественно, стимулирует и феноменологические аспекты теории литературы. Придавая основополагающее значение интенциональности сознания, гуссерлианство оказывало влияние и на писателей. Для последних становятся актуальными «археологические» раскопки души, рецепция причуд памяти, рефлексия непосредственных (до-рефлексивных) впечатлений. Художник утверждает ценность «потока сознания» в его естественном (а не подчиненном рационалистическим схемам) течении. «В поисках утраченного времени» М. Пруста, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина – выразительные примеры отражения в романе онтологического или экзистенциального опыта. Как писал позднее о первом из них Мераб Мамардашвили, сама эта усложненная и необычная форма романа связана с задачей, которую философ сформулировал так: «...Понять самого себя». В целом же в современном литературоведении обозначилось несколько проекций феноменологического на художественное творчество. В романе Бунина можно видеть отечественную феноменологическую традицию, наметившуюся в трудах Г. Шпета, А. Лосева, и в литературоведении, применительно к «Жизни Арсеньева», появляется такое определение романной разновидности, как феноменологический роман (14, с. 302–321) и, естественно, особая методика его исследования.

3. Подчеркивание неразрывности процессов понимания и интерпретирования не противоречило осознанию их специфичности ни в герменевтике, ни, особенно, в когнитивной психологии. (78–80). О новейших подходах к проблеме *понимание/интерпретация* в рецептивной эстетике см.: Вольфганг Изер в Москве (4, с. 124, 126).

4. Но с Рикером трудно согласиться, когда он резко противопоставляет интерпретации теорию интуиции; последняя играет в интерпретировании заметную роль, и, как уже справедливо сказано, интуиция в герменевтике не исключает логику, а лишь требует ее гибкого применения (14).

5. Имеется в виду тезис Гегеля, считавшего, что всякое великое произведение, подобно мифу, тоже заключает в себе формулу, в которую укладывается осознающая себя жизнь читателя. Мифологический пласт обеспечивает прорыв к мировой целостности, погружение частных явлений в стихию первоначал бытия (не отождествлять с сознательным мифологизмом и мифопоэтикой).

6. Определенные правила и методики филологической герменевтики сложились (с учетом положений Аристотеля – и Блаженного Августина) уже к середине XIX века в работах Ф. Шлейермахера, позже они разрабатывались Дильтеем.

7. Почти одновременно подобные исследования были начаты в СССР. В 1963 году в Ленинграде состоялся первый симпозиум по комплексному изучению литератур с 1968 года. В системе АН СССР развернулась интенсивная работа комиссии комплексного изучения художественного творчества под рук. П. С. Мейлаха, ежегодно издававшей коллективные труды по данной проблематике.

8. В развитии этого научного направления принимал участие и автор этих строк как руководитель проекта (17) и рецензент (7).

Библиография

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва, 1975.
2. Боров, Ю. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника» / Ю. Боров. – Москва, 1981.
3. Вайда, Д. М. Феноменологическая традиция / Д. М. Вайда // Художественное произведение и личность. – Москва, 1975.
4. Вольфганг Изер в Москве // Вестник МГУ. – 1999. – № 5.
5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основные черты философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва, 1988.
6. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. / Э. Гуссерль – Москва, 1999.
7. Егорова, Л. П. Изучение читателя продолжается / Л. П. Егорова // Русская литература. – 1979. – №1.
8. Егорова, Л. П. Время и судьбы русских писателей / Л. П. Егорова // Вопросы литературы. – 1982. – №4.
9. Егорова, Л. П. Актуализация межнаучных связей / Л. П. Егорова // Русская литература XX века в современной школе: Вопросы теории и методики. – Ставрополь, 1996.
10. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – Москва, 1962.
11. Кудрявцев, Ю. Т. Трехкруговой анализ художественного творчества / Ю. Т. Кудрявцева // Вест. МГУ. Сер. 7. – 1988. – № 5.
12. Кулэ, М. Х. Феноменология и герменевтика: сходство и различие методов / Кулэ М. Х. // Критика феноменологического направления современной буржуазной философии. – Рига, 1981.

13. Дашкевич, А. В. Рецептивно-герменевтический подход в литературоведении / А. В. Дашкевич. – Ижевск, 1994.
14. Мальцев, Ю. В. Иван Бунин. 1970 – 1953 / Ю. В. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне – Москва, 1994.
15. Мамардашвили, М. Лекции о Прусте / М. Мамардашвили. – Москва, 1995.
16. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Санкт-Петербург, 1999.
17. Проблемы функционального изучения литературы. – Ставрополь, 1975.
18. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – Москва, 1995.
19. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – Москва, 1995.
20. Русская классика XX века: Пределы интерпретации / Пушкинский Дом РАН, СГУ. – Ставрополь, 1995.
21. Славская, А. Н. Интерпретация как предмет психологического исследования / А. Н. Славская // Психологический журнал. – 1994. – № 3. – Т. 15.
22. Соловьев, В. С. Гермес Трисмегист / В. С. Соловьев // Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург, 1893. – Т. VIII а.
23. Суродина, Н. Р. Литературное произведение как предмет феноменологического анализа / Н. Р. Суродина, Л.В. Щеглова // Социокультурные исследования. Вып. 3. – Волгоград, 1997.
24. Тюпа, В. И. Художественность литературного произведения / В. И. Тюпа. – Красноярск, 1987.
25. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – Москва, 1993.
26. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва, 1999.
27. Цурганова, Е. А. Герменевтика / Е. А. Цурганова // Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник. – Москва, 1996.
28. Шлейермахер, Ф. Д. Э. Герменевтика / Ф. Д. Э. Шлейермахер // Общественная мысль IV. – Москва, 1993.
29. Шпет, Г. Г. Герменевтика и ее проблемы (окончание) / Г. Г. Шпет // Контекст 1992. – Москва, 1993 (начало см.: Контекст – 1989).
30. Шпет, Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы / Г. Г. Шпет. – Томск, 1986.
31. Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Х. Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12.

Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения (2002)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2002. – Вып. 29. – С. 100–109.

Отмечены основные параметры антропоцентрического литературоведения, выявлена органическая связь интерпретации с антропоцентрической парадигмой. Излагаются основные положения теории литературоведческой интерпретации, разработанной учеными Ставропольского государственного университета.

Ключевые слова: интерпретация, антропоцентрическое литературоведение, параметры литературоведческой интерпретации, теория интерпретации.

УДК 801.73

Interpretation as a phenomenon of anthropocentric literary studies (2002)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Interpretaciya kak fenomen antropocentricheskogo literaturovedeniya (Interpretation as a phenomenon of anthropocentric literary studies) // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2002. – Vyp. 29. – S. 100–109.

The article highlights key parameters of anthropocentric literary criticism. The author reveals the organic connection of interpretation with the anthropocentric paradigm. The article covers the main provisions of the theory of literary interpretation developed by Stavropol State University researchers.

Keywords: interpretation, anthropocentric literary criticism, parameters of literary interpretation, theory of interpretation.

UDC 801.73

В постсоветский период на новом этапе развития отечественного гуманитарного знания обрело второе дыхание функциональное изучение литературы. Функциональный подход зримо увеличивал возможности антропоцентрических аспектов науки о литературе, ибо человеческий фактор в нем был опредмечен реципиентом литературного произведения. Объективность литературоведческого анализа стала активно и, главное, теоретически обоснованно дополняться субъектностью его (произведения) интерпретации (23, 26, 27).

Востребованность интерпретирования объясняется антропоцентрической парадигмой современной филологии. Это особенно наглядно в лингвистике, где наблюдаются и быстрое распространение термина «языковая личность», и новации когнитивистики. В литературоведении смена парадигм была не столь заметной ввиду антропологического характера самого объекта исследования, ибо художественную литературу справедливо называют человековедением, и в определенных параметрах литературоведение антропоцентрическим было всегда. Нам это завещано «реальной критикой» XX в. и подкреплено известными афоризмами: «Литература – учебник жизни» (Чернышевский); «Человек – это звучит гордо» (Горький). Унаследовав эти традиции, советское литературоведение, хотя и рассматривало человека односторонне, вело исследования, особенно после «оттепели», и сквозь призму психологии, и сквозь призму этики, нравственных исканий, что опять-таки замыкалось на человеке. Это отражалось в самих названиях литературоведческих книг и статей 60–80-х гг., где понятия «концепция человека» и «человек» тиражировались многократно. Больше того, феномен «советского человека», каким он отразился в советской литературе, его самопожертвование, самоотречение, самодисциплина – то, что в постсоветской России получило обидное наименование «совок», – до сих пор привлекает за-

падных исследователей в противовес «фрагментарному» и «нестабильному» западному (и постсоветскому тоже) субъекту.

Но что действительно делало позицию тогдашнего литературоведения уязвимой – это невнимание к личности, и оно определялось исходными позициями: в предметном указателе к сочинениям Маркса и Энгельса *личность* занимает неизмеримо меньшую «площадь», чем *человек*, тогда как в XX в. философия, включая и труды русских религиозных философов, прошла путь от понятия «человек» к образу личности. Положение послеоктябрьской критики и литературоведения усугублялось большевистской доктриной, отраженной в дневнике Д. Фурманова, автора знаменитого для советской литературы романа «Чапаев»: «Цену человеческой жизни и даже личности мы свели к нулю – тем больше подняли мы цену любого крошечного общественного – явления». В. А. Лавров (15), приведя эти слова, второй полюс парадигмы обозначил горьковскими, отчасти вынесенными в заглавие его статьи: «Народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности». По иронии истории, это было сказано Горьким в «Несвоевременных мыслях», которые вернулись в литературоведение лишь в постсоветский период.

Смену акцентов в 90-е гг. обозначили, например, книга Л. Колобаевой «Концепция личности в русской литературе рубежа XX – XXI веков» (М., 1990), многочисленные статьи о современной литературе. И писателями, и критикой было понято, что, в отличие от родовых признаков и особенностей человека как индивида, личностные его качества формируются лишь в определенных условиях, не только внешних, но и внутренних, и конец 80-х и 90-е годы прошли под знаком повышенного интереса к внутреннему миру человека, к проблемам нравственного выбора, что сопровождалось интенсивной переоценкой ценностей, тяготением к подлинной духовности воспринимающего художественную литературу сознания. Трактовка личности как этического феномена, понимаемого лишь в его отношениях к другим личностям (М. Бубер, М. Бахтин), акцентирует внимание на последнем звене триады: *писатель – произведение – читатель*.

По сравнению с предшествующим этапом интерпретирования текста (70-е – начало 80-х гг.) интерпретатор стал свободным от обязательности классового подхода к литературным шедеврам, от одностороннего понимания человека только как совокупности общественных отношений. Крамольная ранее мысль о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми интересами стала аксиомой, значительно расширяя тематический спектр и пафос литературоведческих работ. На Западе движение литературоведения к антропоцентризму имело другие причины: неудовлетворенность засильем структуралистских и постмодернистских концепций, интенсивное развитие когнитивистики, высокий уровень работ по герменевтике и рецептивной эстетике. Но такие различия в движущих мотивах не мешают ощущать, что отечественная наука о литературе ныне входит в общий контекст западного литературоведения.

Однако антропоцентрическое литературоведение рубежа XX – XXI вв. несет в себе противоречивые тенденции: с одной стороны, идет возрождение гуманистических традиций, с другой – оно (возрождение) происходит в условиях постмодерна, когда «новое время исчерпало свои духовные и творческие возможности», когда «стало ясно, что человек не самодостаточен», и это предопределило направление новых культурных процессов (11, с. 334). Ведь еще в рамках модернизма утверждение антропоцентризма несло в себе противоречия. Бердяев говорил, что в футуристическом искусстве (переходном от модернизма к авангарду) «человек разорван в клочья» (2, с. 211). Не случайно А. Блок в 1919 г. неоднократно выступал с докладом «Крушение гуманизма», противопоставляя вслед за Шпенглером и Бердяевым цивилизацию подлинной культуре. «Когда на арене европейской цивилизации появилась новая движущая сила – *не личность, а масса*, – наступил кризис гуманизма», – утверждал Блок (курсив мой – Л. Е.). То, о чем говорил поэт, было пророческим предвестием того, что несколько десятилетий спустя обосновал Р. Гвардини. Последний трактовал «человека массы» как прямую противоположность личности и добавлял, что слово «масса» не несет у него никакой отрицательной оценки: «...Просто человеческая структура, связанная с техникой и планированием. Конечно, не имея еще никакой традиции, более того, вынужденная пробивать себе дорогу наперекор еще значимым традициям, она проявляется сейчас более всего в своих отрицательных свойствах» (24, с. 267). Проявляется в том числе и в характере «массовой культуры», в обилии «чтива», не выдерживающего критики с позиций этических и/или эстетических.

Ныне в ситуации постмодернизма развитие компьютерных технологий, виртуальная реальность, которая начинает соперничать с действительностью, корректируют характер антропоцентризма. Формируются нетрадиционные филологические практики, тяготеющие или к философско-онтологической интерпретации текста, или к свободной постмодернистской игре с ними (14). Литературоведение порой превращается в игру ума, в эссеистику. Налицо сближение творческой и научной парадигм: представление о мире как хаосе в художественной литературе оборачивается определенной эклектичностью в литературоведении. В современном литературоведении, как и в художественной литературе, востребованы самые разные традиции – Гумбольдта и Афанасьева, Веселовского и Фрэзера, Фрейда и Юнга, структурализма и рецептивной эстетики, нарратологии и т.д., то есть смешиваются традиции всех времен и народов, и они снимаются в едином поле интертекстуальности. Опора на традиции уже не предполагает глубокого погружения в ауру той или иной школы. Эволюция идей ученого идет гораздо быстрее, чем раньше, и Ю. М. Лотман, например, предстает перед нами не только как создатель структуральной поэтики, но и как автор книги «Культура и взрыв». Происходит трансформация разных научных подходов. Самые разные сведения усваиваются в снятом виде на основании широко бытующей в научном мире информации. Эта современная «эклектичность» показалась бы, наверное, странной филологу, забредшему к нам из девятнадцатого века; она рождается вследствие обширности информационного поля, от которого творческий человек не может и не должен искусственно отгораживаться. Однако быстрая смена концепций, которые зачастую не имеют укорененности в научной традиции фундаментального литературоведения, может иметь негативные последствия. Возникает необходимость, например, в создании развернутой

теории литературоведческой интерпретации, предвещающей сам процесс интерпретирования художественных текстов разных национальных литератур и разных исторических периодов.

Начиная с 1995 г. кафедра истории новейшей отечественной литературы СГУ реализовывала проект «Параметры литературоведческой интерпретации» (18), где функционирование произведения в большом времени раскрывалось как смена его интерпретаций. Научный коллектив сосредоточил усилия на этапах и проблемах развития отечественной литературы (как русской, так и северокавказских), являющих такую смену, о чем свидетельствуют сборники материалов всероссийских конференций, учебные пособия, защита кандидатских и докторских диссертаций. В результате разработки одной проблемы, хотя и на разном историко-литературном материале, складывается определенная концепция теории литературоведческой интерпретации, в разработке которой, кроме руководителя проекта, принимали участие А. А. Дуров, А. Н. Силантьев, А. А. Фокин, И. Н. Иванов. Ниже представлены ее основные положения с указанием личного вклада каждого из разработчиков.

1. Остается актуальным вопрос о границах и предмете функционального исследования как части антропологического литературоведения. При всей плодотворности междисциплинарных связей и комплексного подхода¹, определяющих необходимую многогранность призмы интерпретирования художественного текста, эти связи позитивны лишь до определенного предела. Об опасности утраты литературоведением *своего предмета* приходится напоминать не только в историческом ракурсе, при рассмотрении трудов культурно-исторической школы или марксистского литературоведения, но и в связи с современными дискуссиями² о «научной критике» на страницах «Вестника МГУ» по книге М. Макеева «Спор о человеке» и «новом историзме» в «Новом литературном обозрении» по статье А. Эткинда (28).

Мы не оспариваем оригинальности и полезности работ, выполненных в рамках новых методик; они позволяют преодолеть наш постперестроечный страх перед идеологией, преломление которой в художественном творчестве весьма активно изучается западным литературоведением (в «новом историзме» она интегрирована с неотрейфидистскими концепциями). Однако, например, пафос А. Эткинда, ратующего за «самоотречение филологии», за полное разрушение границ между литературой и нелитературой, текстом и не-текстом» (28), вкупе с абсолютным отрицанием сторонниками «нового историзма» значения работ формальной школы, в частности, Ю. Тынянова, для литературоведческой теории интерпретации также неприемлем. Теория интерпретации не противопоставляет себя поэтике, хотя и видит призму интерпретации не только в ней. При всем том, что литературоведению всегда было тесно в рамках поэтики, и в интерпретации художественного текста оно тяготело и тяготеет не только к философии, но и к психологии, истории, социологии, богословию, ныне – к семиотике, культурологии, синергетике, *оно должно остаться литературоведением*. Если социальная психология изучает процесс и особенности восприятия художественного произведения, социология – воздействие литературы и общества в целом на читателя, зависимость его восприятия от общественного и обыденного сознания определенной эпохи, если педагогика, к которой тяготеет так называемое школьное литературоведение, открывает наиболее эффективные пути и методы приобщения читателя к литературе и устранения ложного понимания произведений прошлого, то функциональное литературоведение изучает именно *произведение*, давая его современную интерпретацию, обращая внимание на те особенности структуры, которые образуют современный «читательский вариант». В то же время можно говорить о совпадении предмета интерпретации в литературоведении и когнитологии, ибо в процессе литературоведческого интерпретирования мы имеем дело прежде всего с когнитивными структурами. Литературоведческая интерпретация есть частный случай интерпретации в когнитологии, где она рассматривается как когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий. В литературоведении также предусматривается выделение промежуточных (локальных) и глобальных целей интерпретации в их, на наш взгляд, еще более сложной связи (на основе герменевтического круга); осознание интерпретатором не только целеполагания автора, но и свойств контекста произведения. Вопрос о литературоведческой интерпретации может быть решен только в рамках более широкой классификации типов интерпретации художественных текстов, т.к. они могут быть реализованы в пределах других гуманитарных наук. Нами предложена классификация типов интерпретации не только по основным формам и содержательно-смысловой сути, отвечающей и литературоведческим аспектам, но и по принадлежности интерпретирующему субъекту (им может быть и художник слова, и интерпретирующий его творчество литературовед, и ученый любой другой специальности), по функционированию в социокультурной ситуации, что также соотносится со всеми другими типами интерпретации.

На современном этапе развития филологии новая социокультурная ситуация, когда на первый план выдвигаются антропоцентрические концепции, обязывает не только литературного критика, но и литературоведа к *личному* переосмыслению текста и многих привычных понятий и положений, таких, как исторически-конкретное и вечное, национальное и общечеловеческое, нравственные ориентиры общества и индивида и т.д. Однако нами обоснована и приоритетность понимания и анализа авторской позиции в процессе интерпретирования художественного произведения, что, с одной стороны, ограничивает сферу анализа, а с другой – кладет предел модным в наши дни представлениям о полной безграничности интерпретации. В постперестроечный период поток новых интерпретаций русской классики XX – первой половины XX в. буквально захлестнул

¹ Представляется ценным высказанное однажды замечание В. В. Курилова: «Комплексный подход может быть плодотворен в рамках общей картины объекта, задающей участки той или иной науки в их соотносительности друг с другом. Без этого отдельные исследования, представляющие разные науки, «разбредутся» в разные стороны, и объект разорвется на части».

² Доклад «Антропоцентрическое литературоведение: современные дискуссии» был прочитан нами на семинаре «Textus» и будет опубликован в сборнике его материалов, посвященных социологии текста.

журналы, газетную периодику, однако он явно нуждается в критической оценке. Воздействие произведения на читателя предопределено идейно-эстетическими установками автора и особенностями его поэтики, а в ряде случаев и его личностью, когда рядом с книгами незримо пребывает и духовный облик автора, и он имеет самостоятельную этическую и эстетическую ценность. Понимание художественного мира писателя с позиций современного философского и научного знания, безусловно, вносит дополнительные смыслы в его интерпретирование; важно только, чтобы они не противоречили авторской позиции, или это должно быть оговорено специально, в форме полемики.

Отсюда возможность «диалога» интерпретатора с автором интерпретируемого произведения (Егорова Л. П. (8, 9, 10)).

2. Интерпретация раскрывается как «диалог» интерпретатора и интерпретируемого с участием не только автора и читателя (или автора, героя и читателя), но и «наадресата». Субъектную организацию произведения следует рассматривать не как конгломерат отдельных систем субъектов – автора, героя, читателя и наадресата, а в их самоорганизации в единое художественное целое. Именно на субъектном уровне и осуществляется трансляция культуры, в том числе и как трансляция личности от одного человека к другому. Основным компонентом процесса трансляции является процедура интерпретации. В трансляции доминирует эмотивно-аксиологическая деятельность – прерогатива интерпретирующего субъекта. Иными словами, понятие «трансляция культуры» позволяет описать процесс передачи культуры не только в сфере объектных отношений, как независимые от человека процессы трансформации и инновации, происходящие на уровнях синхронии и диахронии, но и в сфере субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений...

Любая интерпретационная парадигма, основанная на принципе изоморфизма¹, уже по определению является статической парадигмой, описывающей «строение», а не «процесс». Применение такой парадигмы порождает структурный смысл. Однако кроме структурного смысла в аспекте взаимоотношения интерпретатора и интерпретируемого возникают и другие смыслы, и прежде всего тот, который можно назвать интонированным. Генезис интонированного смысла восходит к бахтинским категориям «хвалы и хулы». Основной формой интонированного смысла является метафора. Она двойственна, двухкомпонентна и возникает только в условиях нарушения категориальных границ (Н. Арутюнова). Другой важнейшей формой интонированного смысла является маска. Интонированный смысл свидетельствует об изменениях, происходящих с интерпретируемым объектом. Но такие же изменения происходят и с интерпретатором, в зависимости от того, какую точку зрения по отношению к интерпретируемому он занял – «сверху», «снизу», «третьей стороны». Три рассмотренных выше смысла, порожденные разными точками зрения и по-разному воздействующие на личность интерпретатора в разные периоды его научной деятельности, можно рассматривать как фазы единого процесса становления личности интерпретатора, что позволяет объединить три вышеуказанных смысла единым понятием «становящегося смысла». На этом уровне возникают новые смыслы, обогащенные органическим единством различных компонентов структуры. Категория органического единства «хвалы» и «хулы», смеха и слез и т.д. позволяет расширить пределы интерпретации и выйти к единству «большого» и «малого» опытов.

Интонированный смысл не является факультативным по отношению к структурному смыслу, скорее он является доминантным и диктует характер структуры и ее динамики.

Для того чтобы приступить к интерпретации, например, прозаического произведения, необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить установку автора как интерпретатора реальности; во-вторых, установку на интерпретацию реальности героями интерпретируемого произведения; в-третьих, необходимо учесть читательскую (исследовательскую) установку. Решающее влияние на установку оказывает признанная тем или иным субъектом ценность. Именно ценность задает перспективу актуального события/диалога. Эта перспектива преломляется через три архитектурные точки субъекта: я-для-себя, другой-для-меня, я-для-другого, которые взаимосвязаны с участниками события/диалога, в нашем случае – с автором, героем, наадресатом.

Категория ментальности на материале литературных образов может быть интерпретирована как минимум на трех уровнях: 1) на уровне индивидуального творчества, диалога автора и героя; 2) на уровне эпохального диалога; 3) в историческом диалоге. Процесс интерпретации завершается репрезентацией, то есть моделью – художественной или научной – мира и человека (Дуров А.А. (5, 6, 7)).

3. В попытке построения теории интерпретации первичной данностью является сознание; оно является как субъект, действенное начало рефлексии, а рефлексия – это конституирующая деятельность сознания. Предмет рефлексии (назовем его дискурсом) тем самым отличен от субъекта. Дискурс есть топос рефлексии, который она же и наполняет объектами. Интерпретируемость есть жизнь сознания в дискурсе, определяющая его как текст. Другими словами, сущностная характеристика текста в его интерпретируемости.

Сравнение разных типов интерпретации – образной и понятийной – выявляет их общие черты. Для художника-творца текстом-объектом является первичная реальность, а художественный текст представляет собой результат интерпретирующей ее деконструкции. Мир действительности, требуя означивания его реалий, является как язык. Очевидно, не всякий выход на языковой уровень уже может рассматриваться как интерпретация. Необходимо разграничить знание об объекте изучения и его интерпретацию (знание реально, а интерпретация виртуальна). Процесс познания в триаде *автор – произведение – читатель* предполагает обратную связь: от читателя к произведению и пониманию авторской позиции. Но если читатель оценит поставленный художником вопрос как свой собственный, если он повторит путь, параллельный авторскому, то налицо будет

¹ Изоморфизм — понятие, выражающее тождественность, идентичность форм. В данном случае речь может идти об интерпретации на основе описательной поэтики, что само по себе не дает возможности подняться на уровень антропоцентрического литературоведения.

не познание текста – наступит его интерпретация, которая опять-таки может быть реализована на разных уровнях – от обыденного сознания до научной рефлексии. Рефлексия интерпретирующего сознания манифестируется соположением и соотношением текста-объекта и текстов уже имеющихся интерпретаций.

Интерпретации всегда предшествует понимание текста, обеспечивающее сохранение некоторых инвариантов в прямом и обратном отображениях: «Текст-оригинал ↔ Текст-интерпретация». Само употребление привлекаемых интерпретатором слов – «свидетельство» понимания, его материя и форма, но не его сущность. Они (слова) задают, очерчивают пространство возможного смысла, и при этом до-языковой компонент активности понимания вовлекается в процесс понимания с максимальной интенсивностью. Не являясь языковым синонимом, понимание входит в язык через систему его значений, образующих суть материи текста. Разграничение смысла и значений – еще один аспект процесса интерпретирования. Понимание есть возможность употребления языка и возможность построения интерпретации, как образной, так и понятийно-логической, с той только разницей, что интерпретатор-литературовед означает мир художественный.

При интерпретационном подходе к художественному тексту возникает проблема универсалий. Как было сказано еще в древности, «порядок словесности движутся вперед, вращаясь». При внешнем различии в моменты синхронии диахроническая связь художественных систем остается. Определяющая роль в процессе интерпретирования принадлежит не регистрации частных, составляющих особенности содержания и формы произведения, а интерпретации их значимостей на основе сопоставления и толкования. Состоявшаяся интерпретация не может опровергать текст, как бы ни расходилась она с другими интерпретациями; текст остается шире любого своего истолкования. Но интерпретация тоже стремится к расширению, вовлекая в себя контекст более широкий, чем произведение одного автора, контекст, взятый в аспекте взаимных соответствий и различий. Такая интерпретация оказывается независимой от идиостиля художника.

Разнообразие форм и содержания конкретных реализаций филологической интерпретации текста очевидным образом континуально бесконечно. В качестве минимального варианта сам объект интерпретации собственным наличием определяет ее начальную структуру. В предельном случае заданная методом исследования структура интерпретации идет не от текста, а к нему. Текст уподобляется «человеку говорящему» в космической вертикали, и интерпретация задает его (текста) горизонт. Несомненно, текст является «мерой всех вещей» в пространстве своей интерпретации (Силантьев А.Н. (21, 22)).

4. Отталкиваясь от общепринятого понимания интерпретации как рефлексии над пониманием, следует учитывать двойственный характер рефлексии: 1) размышление над той или иной проблемой, мыслью (имеющей внешний повод); 2) анализ собственных мыслей, переживаний, воспоминаний. Это подводит к пониманию различий между интерпретацией и реинтерпретацией, с учетом того, что латинское происхождение приставки «ре» привносит в уже сложившееся понимание интерпретации как минимум два противоположных значения: повторение и противодействие. Первый, отмеченный выше, тип рефлексии – это и есть то, что в литературоведении и других гуманитарных науках понимается как интерпретация; второй же тип рефлексии трактуется нами как реинтерпретация. Другими словами, реинтерпретация – это интерпретация интерпретации. Таким образом, ставится вопрос разграничения предметов интерпретации и реинтерпретации, которые (имплицитно или эксплицитно) выделяются в результате ответа на вопрос: *что я интерпретирую?* Установление объектов интерпретации позволяет заключить, что основу литературно-художественной традиции составляет интерпретация как процесс реконтекстуализации (смены контекста), в результате которого возникает «новый предмет» интерпретации. Однако принципиально новое понимание произведений искусства возникает лишь тогда, когда интерпретирующий субъект подвергает каждый последующий объект интерпретации новой рефлексии, то есть реинтерпретации. Происходит вторичное кодирование, реализуемое в реинтерпретационных текстах, которые представляются одновременно и новаторскими, и традиционными, но совершенно на ином творческом уровне. Это относится как к литературоведческой (понятийной), так и к художественной интерпретации/реинтерпретации.

Рефлексирующая традиция, таким образом, и есть тот миг, момент соединения прошлого и настоящего, в результате которого появляется то, что мы называем традиционной культурой, традиционным текстом. Прошлое становится опорой распознавания образов, символов, их расшифровки и интерпретации. Языковая рефлексия литературной традиции представляется нам сущностью слова, а это может означать и гипотетическое «изначальное слово», стоящее у истоков вселенной, и некий существенный «корневой» смысл, глубоко упрятанный внутри каждого произносимого слова.

Именно такая интерпретация (рефлексия традиции) помогает понять, почему практически каждый ее факт обладает способностью привлекать внимание: традиция, как конфликт, в который непосредственно вовлечены на правах объекта и субъекта соответственно прошлое и настоящее, благодаря третьей стороне реинтерпретации очищается от инертных элементов и превращает читателя (а литературовед – тоже читатель) в соучастника, содействителя процесса передачи и обретения традиции, каждый элемент которой возобновляется в его восприятии бесконечное количество раз (Фокин А. А. (25)).

5. В связи с изложенным возникает вопрос о специфике интерпретирования «пафоса» произведения (по терминологии Г. Н. Пospelова) или «модуса художественности» (термин В.И. Тюпы). Под ними понимается идейно-эмоциональная оценка писателем изображаемого, тип авторской эмоциональности, соотношенной с соответствующими или неожиданно контрастными типами ситуации и героями. Чувства возвышенного и драматизма, героика и трагизма, сентиментальность и романтика, юмор и ирония – суть душевные состояния, процедируемые автором на те или иные стороны художественного произведения. Последнее в свою очередь вызывает их у читателя и определяет характер его интерпретации. Степень адекватности восприятия авторской эмоциональности (и шире – «модуса художественности») и воссоздания ее в читательской, в том числе и в литературоведческой интерпретации проблематична: интерпретация может соответствовать или не соответ-

воват авторской трактовке изображаемого, представлять ее неполной или даже искаженной. Наиболее интересен здесь аспект иронии с ее амбивалентной природой.

Средствами выражения иронии могут быть как собственно текстовые языковые факторы (так называемые иронические сигналы), так и внетекстовые, предполагающие наличие у реципиента «фоновых знаний» – то есть ирония второго уровня. Именно последняя представляет большой интерес для литературоведческой интерпретации. Более высокая ступень иронии обусловлена включением в ее поле трагического и обретением ею экзистенциального статуса. Она становится позицией личности, принципиально дистанцирующейся от любого «объекта», которым в пределе может стать вообще вся действительность. Пройдя в своем развитии ряд этапов, на стадии романтизма ирония обрела особый статус: если **Я** стало конституирующим, а субъективность отныне – законодатель объективности, то интеллект получает неслыханную свободу. Подчиняясь исключительно своему произволу, **Я** строит и разрушает целые вселенные. Ирония как апология субъективности, будучи объектом литературоведческой интерпретации, может оказывать воздействие и на ход самого интерпретирования.

В начале XX в. крушение классического гуманизма, открытие нового художественного видения, деструктивного, расчленяющего мир, лишающего его целостности и гармонии, оказали влияние как на художественные интерпретации (когда, например, священная мистерия обернулась «балаганчиком» Блока), так и на восприятие и интерпретирование самой литературы модернизма. В постмодернизме¹ ирония обретает глобальный характер, распространяясь на интерпретацию всей предшествующей культуры.

Необходимо добавить, что «взаимоотношения» текстовой иронии и интерпретации представляются весьма противоречивыми и интересными для исследователя. С одной стороны, авторская ирония может способствовать интерпретации, подсказывать ей верное направление (в случае, если интерпретатор достаточно подготовлен к восприятию иронии, как бы работает на волне автора). С другой стороны, ирония имеет ярко выраженную тенденцию препятствовать вообще любой однозначной интерпретации, постоянно играя с потенциальным читателем-интерпретатором, сбивая его со следа, а иногда откровенно издеваясь над ним (В. Набоков, Д. Барт и др.). В первом случае объектами текстовой иронии являются другие тексты (например, идеологии, философские системы, социальные явления и т.п.), а интерпретатор – предполагаемый союзник, единомышленник автора. Во втором – в роли объекта текстовой иронии выступает сам продуцирующий эту иронию текст, его автор... и ожидаемый текстом интерпретатор (особенно интерпретатор первого типа).

Интерпретация подобных текстов возможна лишь при конгениальности интерпретатора автору и необходимо должна учитывать свою собственную ограниченность, не относиться к себе всерьез, принимая правила иронической игры.

В целом можно сказать, что ирония, выступая то в роли подсказчика, то провокатора, должна обязательно быть одним из инструментов интерпретатора (а не только автора), если он заинтересован в адекватности своей интерпретации ироническому тексту (Иванова И. Н. (12, 13)).

Сложившаяся на кафедре концепция интерпретирования текста коррелирует с другими новейшими направлениями в антропологическом литературоведении: с одной стороны, – с «филологической герменевтикой» школы Г. И. Богина (Тверь), с другой – с «новым историзмом» и «научной критикой», о которых мы говорили выше. Концепции пересекаются, но во многом далеко не совпадают, а пересечения объясняются опорой на общие традиции. Так, Л. И. Бронская, характер исследования которой сложился еще в 1995 – 1997 гг. (в рамках проекта «Параметры литературоведческой интерпретации»), рассмотрела концепцию личности в автобиографической прозе писателей русского зарубежья в широком контексте религиозно-философской антропологии (3, 4). Анализируя произведения И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина, она воссоздала панораму развития философско-антропологической мысли первой половины XX в., как западноевропейской, так и отечественной, представленной В. Соловьевым, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, И. Ильиным, Б. Вышеславцевым. По сути дела, здесь речь идет о том же принципе *avant la lettre* (вперед литературы), что и в «новом историзме», особенно когда автор подробно рассматривает русскую идею как национальную концепцию творчества. Глобальность события, разمتавшего три миллиона русских людей по миру, прежде всего предполагала социально-философское осмысление свершившегося. Обширная и глубокая характеристика самой «русской идеи» предшествует анализу ее художественного воплощения, и, таким образом, литературный дискурс соединен с другими типами дискурса: задачи, поставленные писателями-эмигрантами, выходили за пределы только художественных. Такая возможность основана на завете Д. С. Лихачева: «Наука может развиваться только тогда, когда в ней существуют разные школы и разные подходы к материалу» (16, с. 614).

В настоящее время на кафедре разрабатывается новый проект коллективного исследования на 2002 – 2005 гг. «Роль мотивного анализа в процессе интерпретирования художественного текста». Выявление антропоцентричности содержания мотивов и их роли в интерпретации разных типов представляется весьма актуальным. При этом учитывается классификация самих мотивов (чем занимаются другие научные центры).

Разработка теории интерпретации ведется в сотрудничестве с межкафедральным научно-методическим семинаром «Textus» под руководством К. Э. Штайн, много сделавшей для развития междисциплинарных связей в филологии. Рассматриваемые на семинаре проблемы органично вливаются в антропоцентрическую филологию – не только в лингвистику, но и в литературоведение.

Библиография

¹ Проблемам интерпретации постмодернистского текста посвящены статьи преподавателя СГУ Л. В. Пирогова (19 и др.), ныне сотрудника редакции «Литературной газеты» и автора многих публикаций на ее страницах.

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва, 1979.
2. Бердяев, Н. А. Из книги «Смысл истории» / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – №1.
3. Бронская, Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX в. (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин) / Л. И. Бронская. – Ставрополь, 2001.
4. Бронская, Л. И. Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин / Л. И. Бронская. – Ставрополь, 2001.
5. Дуров А. А. Интерпретация как «диалог» интерпретатора и интерпретируемого // Филологические науки. – Ставрополь, 1997.
6. Дуров А. А. Методологические проблемы интерпретации эстетического субъекта художественной прозы // Когнитивная парадигма. – Пятигорск, 2000.
7. Дуров А. А. Проблемы интерпретации ментальности в художественной прозе (субъектный подход) // Человек. Язык. Искусство: Материалы международной научной конференции (МППУ). – Москва, 2001.
8. Егорова Л. П. Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения // Принципы и методы исследования в филологии в конце XX в. – Санкт-Петербург ; Ставрополь, 2001.
9. Егорова Л. П. Литературоведческая интерпретация как магистральный путь изучения художественного произведения // Филология на рубеже тысячелетий. – Ростов-на-Дону, 2000.
10. Егорова Л. П. Что такое когнитивное литературоведение? // Когнитивная парадигма. – Пятигорск, 2000.
11. Ермолин Е. Между кладбищем и свалкой. Постмодернизм как паразитическая версия постмодерна // Континент. – 1996. – №3. (№89).
12. Иванова, И. Н. Ирония. Из истории понятия / И. Н. Иванова // Вестник СГУ. – 1995. – Вып. 10. – С. 57 – 66.
13. Иванова, И. Н. Ирония в художественном мире В.Я. Брюсова / И. Н. Иванова // Русская литература XX в.: пределы интерпретации. – Ставрополь, 1995.
14. Курилов, В. Актуальные проблемы современной отечественной теории литературы / В. Курилов // Филологический вестник Ростовского гос. университета. – 1997. – №1.
15. Лавров, В. А. «Приобрести сознание своей личности» (Над страницами истории советской литературы) / В. А. Лавров // Русская литература. – 1998. – № 3.
16. Лихачев, Д. С. Как оживить литературоведение, сохранить национальное достояние / Д. С. Лихачев // Вестник РАН. – 1993. – Т. 63. – № 7.
17. Макеев, М. Спор о человеке в русской литературе 60–70 гг. XIX в.: Литературный персонаж как познавательная модель человека / М. Макеев. – Москва, 1999.
18. Параметры литературоведческой интерпретации: Программа комплексного научного исследования / Сост. Л. П. Егорова. – Ставрополь, 1997.
19. Пирогов, Л. В. К проблеме анализа и интерпретации постмодернистского текста // Текст как объект многоаспектного исследования / Л. В. Пирогов. – Санкт-Петербург ; Ставрополь, 1998.
20. Русская литература XX в. Пределы интерпретации // Сборник материалов научной конференции (СГУ–Пушкинский Дом РАН). – Ставрополь, 1995.
21. Силантьев, А. А. От «предмета знания» – к смыслу произведения / А. А. Силантьев // Проблемы филологии. – Ставрополь, 1996.
22. Силантьев, А. А. Текст и интерпретация. Русская литература в современной школе: Вопросы теории и методики / А. А. Силантьев. – Ставрополь, 1996.
23. Теория литературы: Программа / Сост. П. А. Николаев, В. Е. Хализев. – Москва : МГУ, 1996.
24. Феномен человека. Антология. – Москва, 1993.
25. Фокин, А. А. К вопросу о поэтической реинтерпретации / А. А. Фокин // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Дергачевские чтения, 2000. – Екатеринбург, 2001.
26. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва, 1999.
27. Чернец, Л. В. Функционирование произведения / Л. В. Чернец // Введение в литературоведение. – Москва, 1999.
28. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – №47.

Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения (2003)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Гамбургский счёт антропоцентрического литературоведения: [научная статья] // Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Междунар. науч. конф. (14–15 мая, 2003 г.). – Ставрополь, 2003. – Ч. 1. – С. 3–15.

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоцентрическая парадигма, антропоцентрическое литературоведение.

УДК 82.0

Hamburg account of anthropocentric literary studies (2003)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Gamburgskij schyot antropocentricheskogo literaturovedeniya (Hamburg account of anthropocentric literary studies): [nauchnaya stat'ya] // Antropocentricheskaya paradigma v filologii : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (14–15 maya, 2003 g.). – Stavropol', 2003. – CH. 1. – S. 3–15.

Keywords: anthropocentrism, anthropocentric paradigm, anthropocentric literary studies.

UDC 82.0

Рассказанная Виктором Шкловским байка про гамбургский счет была им очень точно соотнесена с положением дел в литературной критике (12, с. 5) и, как свидетельствуют публикации последних лет, не устарела до сих пор. Не лишним будет вспомнить о ней и сегодня, когда мы пытаемся выяснить, какое же литературоведение можно назвать антропоцентрическим. Как оно соотносится с более общими представлениями об антропоцентрической парадигме в современной филологии.

Научная парадигма – совокупность, система научных представлений, теоретических установок, терминов, принятых на каждом этапе развития науки. Это система основных научных достижений, по образцу которых организуется исследовательская практика ученых в конкретной области знаний. (Научную литературоведческую парадигму необходимо отличать от «парадигмы художественности» – совокупности творческих принципов, эстетических установок, творческих возможностей художественного открытия мира в тот или иной исторический период.) Если в лингвистике поворот к антропоцентрической парадигме был ознаменован интересом к носителю языка, языковой личности, к когнитивистике и теории коммуникативности, к лингвокультурологии, то в литературоведении смена парадигм проявилась не столь очевидно и резко. Наука о литературе антропоцентрична по определению: объект ее исследований – художественная литература, которую называют человековедением. Иногда это подчеркивается даже названием публикуемых работ (яркий пример – вышедший уже вторым изданием в 1999 г. капитальный труд Б. Т. Удодова «Пушкин: художественная антропология»).

В литературоведении скорее речь идет, во-первых, о возвращении к антропоцентризму после увлечения структуральной поэтикой, во-вторых, о смене акцентов в предмете исследования, пожалуй, даже о противопоставлении «истинного» антропоцентризма «ложному». (Конечно, такое противопоставление не может не показаться натяжкой и скорее должно восприниматься как прием, заостряющий наше внимание на рассматриваемом вопросе.)

Как известно, антропоцентризм есть воззрение, согласно которому человек – центр (или центральное звено) и высшая цель мироздания. Наиболее активно и принципиально по-новому оно заявило о себе в эпоху Ренессанса как широкое общественное движение против аскетизма и подавления природных устремлений человека, в защиту его прав. Концепция человека занимала важное место и в философии Нового времени, в том числе в марксистских настроениях. Маркс, выдвинувший тезис о человеке как совокупности общественных

отношений, полагал, что сознание человека всецело определяется общественным бытием и свойства личности также детерминируются социальной средой, жизнью социума; критерием истины на всех уровнях считалась только общественная практика. (Отсюда социологический уклон советского марксистского литературоведения и неглубокое, формальное понимание им проблемы человека как личности.) С этих пор умами владеет антинomia антропо- и социоцентризма и тяга к их синтезу при осознании полной противоположности мировоззренческих ориентаций.

«Для антропоцентриста подлинной, наиболее достоверной реальностью являются конкретные живые люди, их качествами он объясняет особенности образуемого ими общества. Для социоцентриста все прямо противоположно: особенностями общественного устройства он объясняет свойства членов общества. В первом случае действует правило, согласно которому «каковы люди – таково и общество». Во втором: «каково общество – таковы люди»» (9, с. 16).

Существенные коррективы понимания антропоцентризма внесла неклассическая философия рубежа XIX – XX вв., выдвинувшая свой идеал человека. Диапазон предлагаемых концепций был широк, но в основном спорили между собой две – идея ницшеанского сверхчеловека в ситуации, когда «Бог умер», и русская религиозная философия с ее экзистенциальной диалектикой божественного и человеческого. В период, называемый русским Ренессансом, проявился обостренный интерес к проблеме человека, формировались антропоцентрические по своему характеру варианты и художественной, и исследовательской парадигм. Этому способствовало утверждение модернизма с его апофеозом личности, что непосредственным образом сочеталось со стремлением к трансцендентному. На гуманитарную культуру влияли идеи А. Шопенгауэра, его «воли к жизни» (у Ницше она обернулась «волей к власти»), А. Бергсона с его культом интуиции. «Философия жизни» противостояла рационализму, призывала к проникновению в тайное тайных человека. Но философский и литературный модернизм распатывал собственную основу, приводя к амбивалентности этических ценностей и, особенно в футуризме, к искажению антропоморфности и ренессансной гармонии образа самого человека. «Погибает человек как величайшая тема искусства» (1, с. 211), – констатировал Н. Бердяев. Выдвижение на арену истории массы, катастрофичность в этой ситуации положения личности воспринимались как «крушение гуманизма» (А. Блок).

На путь исследования влияет предмет исследования. Модернизм накладывал отпечаток если не на литературоведение начала века в целом, где господствовали традиции культурно-исторической школы и философия позитивизма, то на интерпретации писательской и философской критики (Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок, Н. Бердяев и др.). Антирационалистическое решение проблемы человеческого бытия подготавливало почву для философии экзистенциализма с его идущим еще от Кьеркегора «страхом и трепетом» перед лицом Бога. Но если Кьеркегор говорил о Боге, то экзистенциализм утверждал, что судьба человека зависит исключительно от него самого. И религиозный вариант экзистенциализма (Ясперс, Бердяев), и, позже, атеистический (Хайдеггер, Сартр) выдвигали на первый план субъектность человека, его бытие-в-мире, подверженное случайностям, отмеченное бессилием разума.

Экзистенциализм был новым этапом антропоцентрической философии, утверждавшей открытость субъекта вовне, в объективный мир, и его право свободного выбора. Высшую инстанцию бытия человека экзистенциалисты видели в его сознании, и в этом проявляется их близость гуссерлианской феноменологии. Предметом экзистенциализма и ориентированной на него литературоведческой интерпретации является непосредственное переживание человеком собственной жизни, которая выступает для него наивысшей и наиболее близкой реальностью, ценностью. Но во второй половине 20-х годов эта тенденция была надолго приглушена марксистским пониманием человека, и только в постсоветский период литературоведы смогли по-настоящему приобщиться к богатому философскому наследию рубежа XIX – XX вв. Все четче осознается близость литературоведческой и философской парадигм, о чем в наши дни убедительно пишет Сергей Бочаров:

«В XIX веке, ближе к его концу, открылось умственное окошко, в которое напряженно стали смотреть такие умы, как Достоевский, Ницше, Соловьев, и другие за ними. Это была оценка человека как заново и по-новому вставший вопрос... Оценка человека как родового существа в новейшей истории человечества, открывшейся революцией конца XVIII столетия. (...) Достоевский был включен сильнейшим образом в ту утопию о человеке в виде идеи нового человека, которая так или иначе, в разных идейных вариантах, проходит сквозь наш XIX век начиная, пожалуй, с Гоголя – вплоть до ницшеанского человека-артиста у Блока в результате «крушения гуманизма» и до, затем, советского «нового человека»» (3, с. 151)

Литературоведение не могло не принимать во внимание этого обстоятельства, но учитывало его в соответствии с господствующей в тот или иной период общей парадигмой. И в советские времена появлялось немало работ, где «человек», «личность», «гуманизм» были ключевыми словами; в их свете оценивались правдивость, жизненность произведения, но часто за апофеоз человечности выдавались литературные схемы, за гуманизм – нечто действительно противоположное, а в итоге искажалось человековедческое содержание литературы. «Гамбургский счет» – критерий истинности антропоцентрического литературоведения – был фактически сведен к нулю. В одних случаях литературоведы шли за писателями, поэтизировавшими предательство по отношению к близким людям и общечеловеческим ценностям, во имя так называемых классовых интересов, в других – в этом были повинны они сами, искажая позицию писателя. Нам уже приходилось говорить о неправомерности сегодняшнего отношения к героям Б. Лавренева, А. Фадеева, ибо оно основано не на художественных открытиях, а на литературоведческих стереотипах, весьма далеких от понимания истинной трагедии названных авторов. Показателен диапазон суждений о Григории Мелехове – от осуждения «отщепенца» до признания «очарования в человеке». И это не просто разброс мнений, обусловленный многогранностью понимания человеческого у самих потребителей художественной литературы (что было бы естественным), но прежде всего отсутствие необходимой философской культуры, системы знаний в области философской антропологии.

Нравственное сознание, понимание того, «что такое хорошо, что такое плохо», искажалось и искажается тезисом «нравственно только то, что служит делу...». «Дело» может быть не столь утопичным, как «дело коммунизма», может быть даже весьма полезным социуму, переживающему кризисное состояние, но в любом случае прагматичность исследователя вступает в противоречие с самодостаточностью человека как личности, что противоречит сущности антропоцентризма.

Возникший в 1960-е годы интерес к антропологической проблематике в марксизме (прежде всего в работах Э. Ильенкова), по понятным причинам, не получил в СССР должного резонанса, а в наши дни он снят нигилистической реакцией на марксизм в целом. Несмотря на отдельные достижения, филологическую мысль в целом не особенно затронуло становление философской антропологии. Открытие запрещенного в СССР Ницше оказалось достаточно поверхностным. Перенесение феноменологического метода Гуссерля в сферу этики, предпринятое Максом Шелером, в нашей аудитории вообще мало известно. Завещанная Кантом идея охватить человеческое существование во всей его полноте через отношение человека к окружающему миру, значительно развитая в онтологии уже возвращенного нам Хайдеггера, опять же ориентиром не стала. Персоналистская традиция русской религиозной философии Бердяева, Лосского, Флоренского, Шестова в литературоведческих трудах принимает хорошо знакомую по советским временам форму начетничества и выдергивания ходовых цитат, которые начинают кочевать из работы в работу.

Думается, что от поверхностного знания философской антропологии страдает не только литературоведение, но и сама общая антропология, где образ человека «от сложения разных данных никак не складывается» (И. Фролов). Он и не сложится, пока в комплексной по своему характеру дисциплине, именуемой «человековедением», не займут своего места открытия не только науки, но и искусства, художественной литературы, преломленные через призму философии и искусствоведения.

Итак, первым необходимым условием развития антропоцентрического литературоведения является обновление философско-методологического арсенала исследователя. Нужна не простая смена ориентиров (от Маркса, Ленина до Бердяева и Флоренского), а более глубокое проникновение в образную природу произведения с помощью философского скальпеля, внимание к экзистенциальным основам бытия и их воплощению в поэтике произведения. В наши дни стали появляться работы, которые знаменуют новые плодотворные тенденции в антропоцентрическом литературоведении. В них раскрываются художественное постижение таких метафизических категорий, как совесть, стыд и т.д. (достаточно вспомнить ряд сравнительно недавних публикаций на страницах авторитетного журнала «Русская литература»). Это делается и на уровне концептов, и на уровне мотивов, являющих собой яркий пример антропоцентричности, ибо, по Лихачеву, концепт является результатом контаминации значения слова с индивидуальным опытом человека.

Выделим также вышедший в 2001 г. коллективный труд филологов Томского госуниверситета «Проблема страха в русской литературе XX века» под редакцией Т. Л. Рыбальченко (серия «Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог», Вып. 3). Проблема раскрыта на разном материале: психологические и методологические аспекты комплекса «стыд – страх» в прозе Ф. Сологуба, страх как составляющая индивидуального и национального сознания в повестях Е. Замятина, «метафорический страх» и «страх жизни» у разных авторов и т.д. И это, очевидно, не единственный пример успешности антропоцентрического литературоведения.

Второй важный аспект антропоцентрической парадигмы в литературоведении – учет своеобразия субъекта и объекта научной деятельности.

Антропоцентрическим литературоведение делает прежде всего субъект исследования. Разумеется, осознание необходимости современного философского базиса, о котором мы только что сказали, – это тоже неотъемлемая черта субъекта исследования, но в данном случае речь идет о более всеобъемлющей человеческой его ипостаси, или, как говорил известный теоретик литературы А. В. Михайлов, о «человеческой» стороне науки о литературе:

«Никакой литературовед не в силах отрешиться в себе от человека, «просто» судящего о литературе, а попытки добиться этого приводят, как известно, к парадоксальным результатам, одним словом – к омертвлению литературоведческой «продукции».

Невозможность отмежеваться от «обыденных» суждений для всей науки и от «просто» человека в себе для литературоведа – это просто реальность этой науки, реальность, с которой надо просто считаться» (7, с. 244).

Роль субъекта исследования особенно велика *при выборе того или иного научного метода или подхода*, при всей их равнозначности перед лицом большой науки. Субъект исследования проявляет себя в процессе интерпретирования художественного текста. Поэтому можно сказать, что точкой отсчета антропоцентрической парадигмы в современном литературоведении являются 1990-е гг., когда важнейшим направлением в науке о литературе была признана интерпретация – в отличие от анализа, имеющего функцию подчиненную и призванного обеспечить максимальную объективность интерпретации. Наиболее адекватен антропоцентрическому литературоведению историко-функциональный подход. Функционирование художественного произведения в большом времени есть смена его интерпретаций, в изучении которой на первое место выходит человеческий фактор в лице не только интерпретатора-специалиста, но и рядового читателя. Обозначая общие контуры антропоцентрической парадигмы в литературоведении, мы не можем не отметить ведущую роль в ней интерпретирования художественного текста. Не будем здесь подробно раскрывать этот тезис, отсылая читателя к нашим уже опубликованным работам и трудам коллег (6).

Антропоцентричность литературоведения конца XX века проявилась в отходе от структурализма: «текстоцентризм» сменился «героцентризмом», вниманием к конкретному носителю общечеловеческих ценностей, к процессу самопознания человека. В этом плане неудивительно возвращение к, казалось бы, противоположным направлениям: социологическому литературоведению, традициям культурно-исторической школы, к психоана-

лизу, с учетом, разумеется, их ограниченности в давнем и недавнем прошлом. (Кстати, и в самой исторической науке XX века заметны новые тенденции, развивающиеся с опорой на ментальные структуры человеческого сознания: влияние известной французской школы «Анналов» проявилось в изучении рядового человека как субъекта истории в его социокультурной обусловленности.) Противопоставление антропоцентрического литературоведения социологическому не столь категорично, как структуральному, здесь более часты симбиозные воззрения, их синтез, что реализовано ныне в работах М. С. Макеева «Спор о человеке в русской литературе 60–70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека» (М., 1999), Н. Н. Старыгиной «Русский полемический роман 1860–1870 годов: концепция человека, эволюция, поэтика» (М., 1997); труд совсем другого плана, но движущий литературоведение в том же направлении – «Хлыст» А. Эткинда. Возможно сопоставление таких работ с англо-американским «новым историзмом», что нисколько не умаляет заслуг отечественной науки, а лишь свидетельствует об общих поисках в одном направлении. Полнокровную жизнь обретает в наши дни и метод, ориентированный на междисциплинарный синтез с культурологией.

Рассмотрим теперь специфику объекта антропоцентрического исследования – художественного произведения – и, вслед за феноменологически ориентированным литературоведением, выделим в нем те «слои» (Р. Ингарден), «пласты» (Ю. Боров), которые коррелируют с уровнями антропоцентрической парадигмы, ибо в них репрезентированы разные типы взаимоотношения личности и мира. Перечислим их в нашей редакции и в сокращении (мы уже писали (5), что у Борева количество пластов-носителей общефилософских идей явно избыточно).

Итак, **1 пласт** – художественное самоосознание человеком себя как личности – главный носитель философско-психологической проблематики; **2 пласт** – художественные коммуникации «я» и «другого» – носители нравственной проблематики; **3 пласт** (у Борева 3–4) – взаимодействие личности с социумом – носители социально-политических и социально-философских проблем; **4 пласт** (5–6) – личность и природная среда, в том числе «вторая природа» – носители натурфилософской и соционатурфилософской проблематики; **5 пласт** (7) – человек и мироздание – главный носитель религиозной или глобальной философско-метафизической проблематики (2, с. 60–63).

Предложенная Боровым «концепция пластов», проясняющая художественную концепцию произведения, может быть уточнена важными для антропоцентрической парадигмы пластами, выделенными В. Тюпой (в формулировке автора – уровнями): сюжетно-фабульным, предметно-психологическим, а также уровнями композиции, архитектоники голосов, общего ритма произведения, воссоединяющего автора, героя и читателя и едином строе интонационного переживания (10).

Принимая во внимание данные концепции «пластов», «слоев», «уровней», раскрывающих художественную концепцию человека, мы считаем, что в них при всей их антропоцентричности (прежде всего у Борева) недооценивается литературный герой. Как известно, Л. Гинзбург ключевым вопросом литературы называла воплощенное в литературном герое понимание человека. Поэтому в антропоцентрической парадигме актуализируется категория «литературный герой». Последняя, хотя и является «производной» от художественной концепции человека, ее персонафицирует, представляет в целостности (гармоничной или дисгармоничной), адекватной человеку в реальной жизни. Поэтому литературный герой стоит над другими формами воплощения авторской позиции в произведении, подчиняет их себе. Он, герой, прежде всего репрезентирует художественную антропологию в самой прямой и непосредственной форме, как в эпических произведениях, прозе, драме, так и в лирике (лирический герой).

Это не просто действующее в произведении лицо, но и носитель точки зрения на действительность, на самого себя и других персонажей (Н. Д. Тмарченко). Поведением литературного героя управляют мотивы деятельности, цели, ценностные ориентации.

Различные ипостаси литературного героя – тип, характер, персонаж как второстепенное действующее лицо (или субъект высказываний, не доминирующих в речевой структуре произведения) – должны учитываться в контексте антропоцентрического литературоведения. Все это художественные эквиваленты концепта «человек», занимающего в художественном произведении центральное место, и достижения русской литературы в этом плане значительны. К сожалению, советское литературоведение отставало от опыта художественного творчества. К глубинам изображения внутреннего мира человека в произведениях золотого и Серебряного веков, к произведениям писателей, творивших в 1920–1930-е гг., – Платонова и Булгакова, Шолохова и Леонова, даже Горького («Рассказы 1922–1924 гг.», «Жизнь Клима Самгина»), – литературоведы приступили лишь в последние десятилетия XX в. Критики-современники проходили сами или вынуждены были проходить мимо богатства и художественного своеобразия, например, писателей-психологов. Г. П. Федотов, внимательно следивший из-за рубежа за состоянием литературы на родине, писал: «С наибольшей прямолинейностью и даже грубостью борьба с психологизмом в литературе велась в Советской России. Психология в романах считалась чем-то вроде политического преступления. Интерес к внутреннему миру человека был объявлен буржуазным. Романы, в которых этот интерес сумел пробиться сквозь цензурные рогатки, можно пересчитать по пальцам (11) Слова Г. Федотова, быть может, излишне запальчивы, так как в конце 20-х годов рапповская критика (прежде всего в лице Фадеева) призывала учиться психологизму у Л. Толстого, но в целом атмосфера литературной жизни Федотовым схвачена верно.

Парадоксально, что в системе литературоведческих терминов не значится понятие «личность», чаще оно употребляется как синоним понятия «человек». В известных всем филологам работах, в названиях которых значится «концепция человека» (Э. Полоцкой о Достоевском и Чехове) или «концепция личности» (Л. Колобаевой о русской литературе рубежа XIX–XX веков, А. Бочарова о советской прозе 60–70 гг.), по большому счету один и тот же объект исследования, и именно так он воспринимается читателем. Между тем в определенный период развития советской литературы (20-е – и особенно начиная с 1930-х гг.) эти понятия макси-

мально разводились. Известны негативные оценки личности Д. Фурмановым, А. Толстым; в те годы пропагандировалось понимание человека как винтика в государственной машине, как «маленького человека», не спасало и добавление: «маленький, великий...» (М. Горький). Расхождение между тенденциозно публицистическими выступлениями тех лет и реальной художественной практикой – важный предмет для историка литературы. Но и при изучении творчества современников необходимо видеть весь диапазон понятия «личность». В этой философской категории все важнейшие характеристики человека синтезированы как принцип его самоидентификации, как особый способ бытия человека в мире. В современных трактовках личности учитывается диалогичность мышления по Бахтину-Буберу и раскрывается самоопределение и самоутверждение индивида через отношение к «другому». Именно в пространстве «другого» развертывается личность в процессе деятельности. Интересна запись известного психолога А. Н. Леонтьева, сделанная после беседы с писателем Владимиром Тендряковым: «Я нахожу, имею свое «Я» не в себе самом (его другие находят во мне!) а в других, в другом, вне меня существующем – в собеседнике, в любимой, в природе...». И на основе подобных утверждений психологами делаются выводы о предельной представленности индивида в других людях, о его инобытии в них. Благодаря этому личность обретает особое бытие, не совпадающее с телесным бытием индивида (8). Индивидуализм, эгоистичность литературного героя, то есть разрыв его коммуникаций с миром становится главной причиной отчуждения и самоотчуждения. Вечные ценности в их соотношении с исторической конкретностью человеческого бытия, напротив, должны переживаться личностью как собственные смысловые ориентации.

Потребность индивида быть личностью и успешность или неуспешность реализации этой потребности – важная составляющая художественных концепций и одновременно сторона объекта литературоведческих исследований.

При изучении художественной концепции человека во внимание принимаются прежде всего такие литературоведческие категории, как «литературная эпоха» и «литературное направление». В оценке первой сошлемся, например, на работу М. М. Голубкова (4). Говоря о второй категории, подчеркнем, что она характеризуется типом соотношенности личности героя и мира, его «бытия-в-мире». Не устаревает формула У. Р. Фохта: романтизм изображает мир в личности, а реализм – личность в мире (по сути дела мировой историко-литературный процесс движется чередованием таких фаз, несущих в себе мету времени). Интересно, что в книге «Освобождение Толстого» Бунин сформулировал свое реалистическое кредо таким образом: «...Человек должен осознавать в себе свою личность не как нечто противоположное миру, а как малую часть мира огромного и вечно живущего». Такая позиция отличается от позиции модернистов-неоромантиков, чье Я обретало гипертрофированные масштабы.

Мир героя анализируется, по Бахтину, в единстве пространственных и временных его, мира, аспектов, поиск ведется с учетом хронотопа, которым, кстати, определяются жанр и жанровые разновидности. Разгадку структуры личности философы и психологи ищут в особом пространстве – во внутреннем пространстве личности. Оно многогранно, ибо каждый человек, а в нашем контексте – литературный герой сам творит свое личностное пространство. Личностное время и личностное пространство, говоря языком психологии, перцептуальны, т.е. обусловлены особенностями восприятия самого человека. Это обстоятельство выводит литературоведа, с одной стороны, к феноменологии (это успешно делается, например, в буниноведении – в работах Ю. Мальцева, Л. Колобаевой), с другой, – позволяет воспринимать бахтинский хронотоп как *личностный* хронотоп. Становление личности, ее погруженность в пространство индивидуальной жизни субъекта – важный предмет художественного исследования, как и (другой пример) рассмотрение личности в пространстве межличностных связей, особенно важное для трактовки художественно-обобщенного образа массы, особенно рабочих коллективов в литературе периода первой русской революции и воюющих армий в Гражданскую войну.

Наряду с изучением хронотопа, выделим значимость *мотивного анализа* как для раскрытия образа литературного героя, так и для художественной концепции человека в целом. При этом имеются в виду не только антропные мотивы, т.к. сам по себе мотив, любой, – это и выражение авторской позиции, и эстетическая характеристика литературного героя.

Антропоцентрическая парадигма, как видим, предполагает функциональность аспектов тех или иных уровней поэтики. Важнейшие категории, будь то жанр, стиль, композиция, сюжетостроение и т.д. и т.п., интересуют литературоведа-«антропоцентрика» лишь в той мере, в какой они работают на постижение общей философско-этической и эстетической концепции произведения и внутреннего мира его героев. Ими можно (и должно) заниматься весьма подробно и тщательно, уделяя внимание наиболее репрезентативным для данного произведения категориям, находить и подчеркивать их внутренние системные связи с авторской концепцией человека. И здесь есть свой открытия, но изучение этих категорий в полном объеме не может быть основной целью антропоцентрического литературоведения.

Итак, нами выделено четыре основных принципа антропоцентрической парадигмы в литературоведении на современном этапе.

1) Философско-углубленное понимание самой проблемы антропоцентризма (философской концепции человека) в контексте всего пласта философской культуры конца XIX – XX вв.

2) Возрастание роли субъекта научного исследования (выбор наиболее оптимальных для этого методов исследования, приоритет литературоведческой интерпретации).

3) Качественно иной взгляд на объект исследования – художественное произведение: *актуализация* в нем таких уровней, как «художественная концепция человека» и «литературный герой»; подчинение анализа всех остальных литературоведческих категорий системно-центрического литературоведения (важнейших и самодостаточных при других исследовательских парадигмах) раскрытию художественной концепции человека и образа литературного героя.

4) Переакцентуация в поэтике в целях ее соответствия антропоцентрической парадигме и максимального раскрытия авторской позиции.

В заключение остановимся на, казалось бы, частном, но очень важном вопросе. Сложность *сегодняшней* ситуации в том, что при нашем возвращении к религиозным основам антропоцентричность и в научной, и тем более в художественной парадигмах вроде бы ставится под сомнение. Наглядный пример – спор двух современных писателей Б. Можаяева и А. Курчаткина (в передаче последнего, на страницах «Вопросов литературы» за 2002, №2): «Можаяев защищал принцип антропоморфный, человекоцентричный принцип абсолютно атеистического ощущения мира, где никакому Богородителю нет и не может быть места ... человек – мера всему». Но для Курчаткина «Бог, небеса – вот мера, которой поверяется человек». Думается, что противопоставление этих двух позиций вовсе не снимает вопроса о человеке – *центре* художественных и научных исканий, как он не был снят и в предшествующие эпохи. Не будем более правоверными, чем яркие личности Возрождения, когда, «не отрицая Бога, действительным адресатом философского интереса стал человек» (В. Канке), чем представители русского религиозного Ренессанса начала XX века. Именно последние как раз способствовали тому, что и литературные шедевры истолковывались сквозь призму философско-антропоцентрических исканий. Так, в труде Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание» подавляющее большинство глав названо по именам героев Достоевского, ибо философа привлекала прежде всего их человеческая сущность. Пусть она противопоставлена известному горьковскому: «Человек – это звучит гордо!», ибо гордыня в православии – грех, но человек оставался в центре интеллектуальных и художественных исканий. Симптоматично название статьи Н. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского». В большей или меньшей мере о человеке Достоевского писали также С. Франк, Ф. Степун, Л. Шестов, С. Булгаков, и наряду с ними А. Белый, Вяч. Иванов и др.

Антропоцентризму не надо противопоставлять теоцентризм. Последний действительно подчиняет личность строгим христианским постулатам, а порой отождествляет ее с понятием Божьей ипостаси: «Личность в христианстве есть начало божественное и само Божество» (Л. Карсавин). Но в этом случае религиозное миропонимание противопоставляется не столько антропоцентризму, сколько социоцентризму, утверждающему, что человек становится личностью благодаря его включенности в социальную жизнь. Этому религиозная философия противопоставляет путь обретения личности в единении человека с Богом, когда личность усматривается в человеке не как данность, а как предмет стремления – к совершенному, божественному бытию. И тем не менее эта концепция по сути своей антропологическая, не вступающая в противоречие с антропоцентрическим литературоведением. Конечной целью боготворчества является именно человек, а теоцентрическая концепция является бескомпромиссным утверждением ценности и достоинства человека, обратившегося к Богу.

Международная конференция «Антропоцентрическая парадигма в филологии», проводимая Ставропольским государственным университетом, – первый шаг на пути коллективного постижения поставленной важной проблемы. На конференцию было подано более 220 заявок из вузов России и ближнего зарубежья, и это свидетельствует о том, что предложенная для обсуждения проблема волнует многих. Но представленные материалы показывают: подавляющее большинство статей сводится к констатации художественной антропологии как таковой на примерах, охватывающих с максимальной полнотой русскую литературу XIX – XX вв., а также произведения других литератур. Здесь много свежих и интересных наблюдений, но важно выявление тех уровней в науке о литературе, которые впрямую отвечают раскрытию антропоцентрического характера литературоведения. И здесь так же необходим «гамбургский счет», ибо на конференцию были представлены и работы, никакого отношения к антропоцентрической парадигме не имеющие (они отклонены), или же она проявлена слабо. Вместе с тем читатель предлагаемого сборника может убедиться в значительности многих исследований, раскрывающих плодотворность антропоцентрической парадигмы. Она максимально приближает литературное произведение к читателю, познающему человека через эстетическое переживание.

Библиография

1. Бердяев, Н. А. Из книги «Смысл исканий» / Н. А. Бердяев // Новый мир. – 1990. – № 1.
2. Боров, Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки / Ю. Б. Боров. – Москва, 1981.
3. Бочаров, С. Г. «Ты человечество презрел». Об одном сюжете русской литературы и его актуальности / С. Г. Бочаров // Новый мир, 2002. – № 8.
4. Голубков, М. М. XX век как литературная эпоха / М. М. Голубков // Русская литература XX века: итоги и перспективы. – Москва, 2002.
5. Егорова, Л. П. Герменевтика и феноменология как арсенал современного литературоведения / Л. П. Егорова // Textus: Принципы и методы исследования в филологии в конце XX века. – Санкт-Петербург – Ставрополь, 2001.
6. Егорова, Л. П. Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения / Л. П. Егорова // Вестник Ставропольского университета. – Вып. 29. – 2002.
7. Михайлов, А. В. Несколько тезисов о теории литературы / А. В. Михайлов // Литературоведение как проблема. – Москва, 2001.
8. Петровский, А. В. Индивид и его потребность быть личностью / А. В. Петровский, В. А. Петровский // Вопросы философии. – 1982. – № 3.
9. Семенов, Е. В. Эвристическое значение оппозиции антропо- и социоцентризма / Е. В. Семенов // Психологический журнал. – 1994. Т. 15. – № 6.
10. Тюпа, В. И. Художественность литературного произведения / В. И. Тюпа. – Красноярск, 1987.
11. Федотов, Г. Ф. «Ессе homo». О некоторых гонимых «измах» / Г. Ф. Федотов // Феномен человека. Антология. – Москва, 1993.
12. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет / В. Б. Шкловский. – Ленинград, 1928.

Социология художественного текста вчера и сегодня (2004)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Социология художественного текста вчера и сегодня // Этика и социология текста. – Ставрополь, 2004. – Вып. 10. – С. 118–127.

Ключевые слова: художественный текст, отечественная культурно-историческая школа, социологизм, социологический метод, новый историзм, историко-литературный процесс.

УДК 316.74:82

Sociology of literary text yesterday and today (2004)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Sociologiya hudozhestvennogo teksta vchera i segodnya (Sociology of literary text yesterday and today) // Etika i sociologiya teksta. – Stavropol', 2004. – Вып. 10. – С. 118–127.

Keywords: literary text, national cultural and historical school, sociologism, sociological method, new historicism, historical and literary process.

UDC 316.74:82

Социология текста, т.е. изучение его как феномена социального и, в свою очередь, влияющего на жизнь социума, имеет давнюю историю. Подтверждением этой мысли может служить содержание капитального труда Ю. Н. Давыдова «Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля» (М., 1968). Не противопоставляя друг другу социальную и эстетическую функции искусства, Ю. Давыдов вычленил интересующий нас аспект, подчеркнув, что и в платоновском, и в аристотелевском описании образ художника не всегда оставался равным самому себе: «Подчас он как бы разрывается и выступает перед нами в виде двуликого Януса – либо в том смысле, что оба его лика выступают одновременно, либо в том смысле, что появление одного из них неизбежно (хотя и молчаливо) предполагает – и вызывает к жизни – представление о другом, остающемся в тени до поры до времени» (7, с. 282–283). Эта «двуликость» особенно ясно должна осознаваться современным литературоведением, когда после некоторого разочарования в текстоцентричности литературоведческих штудий исследователи вновь возвращаются к антропоцентричности художественной литературы и, следовательно, к ее социологичности¹, не забывая при этом всего того, что было наработано в области изучения литературы как феномена художественного познания.

Необходимость изучения традиций заставляет нас вспомнить и вклад в литературоведение культурно-исторической школы. Трудно переоценить популярный в России трактат Ипполита Тэна «Философия искусства» (1865–1869), положивший конец господству нормативной эстетики. Историзм в понимании закономерностей литературно-исторического развития, его генезиса, обусловленного «расой, средой, моментом», сказался в трактовке художественного произведения, в котором и ныне на первый план выступают вопросы этнонациональной идентичности, социальной среды и времени. Последнее следует понимать как время включенности писателя в историко-литературный процесс, ибо «момент» предопределяет и уровень художественный (произведения Пушкина не были бы «пушкинскими», родился писатель на столетие раньше).

Мировоззрение и нравы эпохи как первопричины появления (и понимания) произведения стали главным предметом изучения отечественной культурно-исторической школы, основателем которой был А. Н. Пыпин (1833–1904). При всех издержках концепций этой школы (влияние на нее позитивистской философии, взгляд на художественное произведение прежде всего как на источник познания, недооценка самодостаточности искусства, специфики его влияния на жизнь), приводивших к отождествлению истории литературы с историей общественной мысли, гражданской историей, культурно-историческая школа оказала колоссальное влияние на развитие русского литературоведения в XX веке и прежде всего на литературоведение марксистское. (На Западе основоположники марксизма к И. Тэну относились довольно сдержанно, там линия преемственности шла от Гегеля²).

Марксистское литературоведение, поставившее как глобальную проблему «литература и общество» было еще более социологическим, хотя в отличие от социоцентризма О. Конта его формулировки были не столь жесткими. «Обстоятельства изменяются вместе с людьми», – писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе», стремясь подчеркнуть диалектическое взаимодействие человека и общества. Однако в «Капитале» личность капиталиста или земельного собственника является для автора лишь «олицетворением экономических категорий, носителем определенных классовых отношений и интересов». Это заставляет вспомнить реплику горьковского героя пьесы «Враги»: «И добрый – хозяин, и злой – хозяин. Болезнь людей не разбирает». «Врагов» высоко ценил Г. В. Плеханов³, наиболее жестко ориентированный социоцентрист, который стоял у истоков марксистского литературоведения в России. (Хотя сама по себе крайность любой позиции не представляет угрозы объективному рассмотрению явлений. Важно, чтобы она не навязывалась как единственно верная.)

Однако нельзя не заметить последующего сведения оригинальных идей первопроходцев темы к штампам: литература – «зеркало», а писатель в этом случае выглядит только как этнограф-бытописатель. Вот что пишут современные специалисты в области социологии литературы:

«Марксизм, оказавший сильное влияние на социологию литературы, внес в сложный социокультурный мир обманчивый порядок, установив иерархию базиса и надстройки (...) В свое время основоположники марксистского подхода понимали обусловленность духовных явлений способом производства как сложно опосредованную структуру различных по природе, силе и механизму факторов взаимодействия. Зато их последователи уже трактовали отношения между надстройкой (сферой искусства, литературы) и базисом (экономикой) как жестко и однозначно детерминированные⁴. И если Плеханов признавал значение промежуточных культурно-идеологических структур (мифология, религия, обычаи) для интерпретации художественных явлений, то ортодоксальные литературоведы-марксисты – П. Лафарг, Ф. Меринг, А. Луначарский, В. Фриче и другие – видели в произведении непосредственное выражение идеологии и интересов тех или иных социальных групп» (б, с. 7–8, 13–14).

Нельзя не вспомнить и политический парадокс литературоведения советского периода. Социологическое по своему существу, оно, тем не менее, категорически отвергло социологическую школу 20-х гг. (В. Фриче, В. Переверзев). Официальные обвинения в вульгарном социологизме, очевидно, имели основания, но не к ним только сводилось существо социологической школы (этот вопрос выходит за рамки нашей статьи). Истинная причина не просто идеологических, но и политических репрессий по отношению к литературоведам-социологам (а не к формалистам, например, хотя в прессе их критиковали очень жестко) имела далекую от литературоведения подоплеку: ЦК РКП(б) выступил против социологической школы и критиков РАПП, громивших Переверзева, так как и та, и другие претендовали на монопольное марксистское истолкование литературных явлений. Руководство ЦК правящей партии страны только себя считало гегемоном литературного развития и ни с кем, в том числе и с РАПП, своей властью делиться не хотело. Прямую угрозу своему владычеству ЦК видел именно в социологических исследованиях литературы. Фактически ликвидируя крестьянство как класс, Сталин не мог мириться, например, с интересом В. Переверзева к крестьянской литературе, поэтому разгром его школы и «год великого перелома» пришлись на один – 1929 год.

Обратимся непосредственно к материалам, давно ставшим библиографической редкостью, где откровенно подчеркивалось, что переверзианство стремилось к гегемонии в области литературоведения, оно перестало быть «спутником марксизма-ленинизма, но подменило его собою» (23, с. 5). Переверзева обвиняли в ревизии марксизма за его утверждение образной природы искусства. В предисловии к материалам дискуссии с негодованием подчеркивалось: «Переверзев полагает, что объектом искусства, его предметом является социальный характер, «система поведения», воспроизводимая в образе», тогда как, по мнению его оппонентов, с точки зрения марксизма (явно вульгаризированной), объектом всякой идеологии, в том числе и искусства, является окружающая действительность» (22, с. 7). Верноподданническую критику возмущало и стремление Переверзева к изучению стиля. Одним из главных обвинений, предъявленных ученому, стали следующие слова из его работы «Марксизм и литературоведение», в которых современному читателю трудно усмотреть что-либо крамольное: «Рассматривая художественное произведение как образ, а образ – как проекцию социального характера, неизбежно приходишь к признанию понятия стиля основной литературоведческой категорией. В стиле и обнаруживается детерминированность, ограничение, отсутствие произвола в сфере искусства... С этой точки зрения изучить художественное произведение значит через отнесение его к общим категориям творчества и стиля раскрыть его социальную обусловленность, потому что именно стиль и является художественным эквивалентом социальной закономерности» (22, с. 26).

Здесь можно посчитать дискуссионной лишь фразу об эквивалентности художественного социальному, но критиков Переверзева интересовало вовсе не это. Для них было неприемлемым само отношение стиля к «основным литературоведческим категориям»: они к последним отнесли прежде всего мировоззрение писателя, воплощаемое в идее произведения. Негодование вызывали фразы Переверзева «литературная эволюция сводится к смене литературных стилей» и то, что политике и классовой борьбе в переверзевской классификации «отведена второстепенная роль, а на деле ее влияние сводится к нулю» (22, с. 31) и т.д. Лишний раз досталось Переверзеву за то, что не осудил «реакционную клевету на революцию» в творчестве Ф. М. Достоевского.

И хотя выступивший вслед за основным докладчиком Переверзев показал его несостоятельность и поддержки, а первый же выступающий сравнил доклад со студенческим выступлением в силу малой компетентности его автора, участь Переверзева была решена, несмотря на попытки его сторонников защитить учителя. Переверзеву не удалось закончить свое обстоятельное заключительное слово: ему стало плохо. Дальнейшее заключительное слово главного «обвинителя», а главное, «Резолюция Президиума Коммунистической Академии о литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева» (она заняла три убогих страницы печатного текста) изобиловали политическими обвинениями, напоминаниями о меньшевистском прошлом ученого. От-

талкаяваясь от действительного дискуссионного момента в программе Переверзева: «... Всякий художник в состоянии познать и отразить действительность лишь своего класса или общественной прослойки», – резолюция подчеркивала, что переверзевская теория «особенно вредна и опасна», что она направлена, с одной стороны, против пролетарской литературы, а с другой, – против литературной политики в отношении крестьянской и попутнической литературы (22, с. 200). Резолюция явно соответствовала политике фактического уничтожения крестьянской литературы – с конечной целью ЦК РК ВКПб. И она была выполнена на сто процентов: вспомним судьбу так называемых крестьянских писателей – С. Клычкова, Н. Клюева, П. Орешина и др.

При рассмотрении социологии текста нельзя миновать имя крупнейшего русского мыслителя М. Бахтина. Его написанный, очевидно, в соавторстве с П. Н. Медведевым труд «Формальный метод в литературоведении» (1928) был направлен против концепции ОПОЯЗа как формальной школы. Очередные задачи литературоведения определялись в нем как отражение идеологической среды в содержании литературного произведения, а художественная структура последнего рассматривалась лишь в соотнесенности с отражением идеологического кругозора писателя (не будем забывать, что прямолинейность формулировок «марксистского литературоведения», репрезентированного в данном труде, явно принадлежит П.Н. Медведеву). Тем не менее критику вульгарных представлений о литературе как отражении идеологической среды, когда литература – «самостоятельная и своеобразная идеология – сводилась к другим идеологиям и без остатка в них растворялась» (16, с. 25), автор (и очевидно, это уже Бахтин) относит и к марксистским литературоведческим штудиям того времени. Бахтин подчеркивал: «Для историка литературы – марксиста наиболее существенным является отражение бытия в формах самой литературы как таковой, т.е. *социальная жизнь, выраженная на специфическом языке поэтического произведения*» (16, с. 26; курсив мой – Л. Е.).

Автор не допускал проецирования любого структурного элемента художественного произведения – например, героя или сюжета – непосредственно в реальную жизнь: «Для настоящего социолога герой романа и событие сюжета, конечно, гораздо больше скажут именно как элементы художественной структуры, т.е. на своем собственном художественном языке, чем их наивные непосредственные проекции в жизни» (16, с. 27), что подробно и конкретно было показано на примере образа тургеневского Базарова:

«Так трудно отделить лежащую в его основе вневидимую идеологию от опутывающей ее чисто художественной ткани... И художественная структура романа в целом, и художественные функции каждого из его элементов сами по себе не менее идеологичны и не менее социологичны, чем включенные в них этические, философские или политические идеологемы. Но художественная идеологичность романа для исследователя литературы непосредственной, первичной, чем только отраженные в нем и дважды переломленные вневидимые идеологемы» (16, с. 28–29).

В книге Медведева-Бахтина подробно раскрываются предмет, задачи и метод социологической поэтики. Критикуются «ложные представления о художественных явлениях, как о каких-то... отрешенных от социальной действительности самодовлеющих идейных сущностях, точно идеи могут рождаться вне социального общения» (16, с. 39). Художественная структура для М. Бахтина не может быть «внутренне несоциальной», а именно такой она предстает в «социологических поэтиках» 20-х гг., которые и критикуются им за «полный разрыв между идеологическими (нелитературными) и художественными требованиями и подходами» (16, с. 43). Социальное задание, по Бахтину, должно переводиться на язык самой поэзии, оно должно предстать как «поэтическое задание», которое лишь в конечном счете обретет социальный смысл. Учиться «понимать язык поэзии как с начала до конца социальный язык» должны не только писатели, но и литературные критики. Атака на формализм (а этому посвящены три части книги из четырех) ведется Бахтиным именно с этой позиции, так как ОПОЯЗ отстаивал несоциальность художественной структуры как таковой.

Однако в рассматриваемой книге социологизм трактовок художественной литературы лежит, как говорится, на поверхности. Более глубоко его раскрывает концепция диалогизма Бахтина: «Его понятие «диалогичности», – пишут современные исследователи, – ... лучше всего определяет бесконечную систему связей между литературными текстами». В свете идей Бахтина для отношений литература/общество «открываются новые аналитические перспективы, причем применительно не только к настоящему, но и к прошлому, так как бахтинское «диалогичное видение» глубоко исторично и позволяет проследить, как от эпохи к эпохе менялось само понятие литературы и трансформировались литературные стили и жанры» (6, с. 70).

Не менее популярным в 20-е годы был труд П. Н. Сакулина «Социологический метод в литературоведении» (1925). Исследователь начинал работу в рамках культурно-исторической школы и стремился синтезировать ее достижения с постреволюционными трактовками литературы как явления общественного сознания. Им дан обстоятельный обзор вариаций социологизма в трудах зарубежных и отечественных ученых и общественных деятелей, включая не только Плеханова, но и Троцкого (30). Как и Бахтин, Сакулин не прибегал к прямолинейным «классовым» трактовкам, а говорил об «идеологической окрашенности художественных произведений и искусства в целом», так что его социологизм, как и социологизм Бахтина, носил «культурологический характер» – Сакулиным также подробно рассматривался вопрос о «литературной среде».

Особенно выделяя такие проблемы, как социология формы, литература как социальный фактор, Сакулин подчеркивал рациональность двух подходов к проблеме: рассмотрение литературы как функции социального прогресса и литературы как фактора, в свою очередь влияющего на социальный, культурно-исторический процессы, – идеи, востребованные и современной научной мыслью.

В этот период – в 20–30-е гг. – преобладала социологическая критика, тяготеющая к своему непосредственному объекту – социологическому роману, превалирующему в современной литературе. Здесь необходимо выделить статью Н. Берковского «О социальном романе» (1929). Полемизируя с Переверзевым (дань политической ситуации), он дал такую характеристику предмету своего исследования: «В социальном романе людской материал современности размещается по признакам общественного класса, острая полемика классов и

групп кладется угольным камнем». Берковский дал подробную классификацию всех параметров социального романа, которая не устарела и в наши дни (1).

Теоретики литературы привлекала соотнесенность социологического и исторического методов. Б. Эйхенбаум еще в 1914 г. писал: «Исторический метод я не смешиваю с социологическим, а считаю, что последний восходит к первому. Хотя бы цель исследования была по существу и социологической, метод... все равно остается историческим, идея развития все равно стоит в центре» (37).

Как вариант социоцентризма марксизм продолжал свое развитие в XX веке, и не только в России, но и на Западе, где реализовался подход к литературе как совокупности идеальных и идеологически опосредованных систем отражения социальной действительности. Он был обоснован в трудах Д. Лукача и его последователей⁵. Интерес к социологии текста особенно возрос на Западе, начиная со второй половины 50-х гг. XX века⁶. Появилась книга Р. Эскарпи «Социология литературы» (1958), в 1960 г. был создан литературно-социологический центр под руководством Р. Эскарпи и Н. Робин. В Германии с конца 80-х гг. был начат выпуск серии «Социологические тезисы», а в 1968 г. в Бонне вышла антология Г.-Н. Фюгена «Пути литературной социологии», куда были включены и статьи марксистов – Г. Плеханова, В. Ленина, Ф. Меринга, Д. Лукача. Фюген стремился определить социологию литературы как область социологии, которая, во-первых, исследует литературу как объективацию социального отношения и социального опыта, а во-вторых, направлена своим познавательным интересом на взаимоотношения между людьми, которые обуславливают представления, традицию, проникновение и способ создания литературы и ее содержания.

Обращение к марксистской социологии у литературоведов Запады было достаточно плодотворным, так как в отличие от советской России, где марксизм понимался догматически и подменялся политическими ярлыками, за рубежом творческая свобода теоретиков литературы ничем не ограничивалась. Если Эскарпи и Фюген были позитивистами, то Т. Адорно (1903–1969) был крупнейшей фигурой марксистски ориентированной литературной социологии. Марксистские феномены «овеществления» и «отчуждения» Адорно распространял не только на капиталистическую культуру, но на все этапы ее развития. В изданной посмертно капитальной «Эстетической теории» (1970) он, пользуясь категориями марксистской философии, раскрывал идеологическое содержание эстетики; им много сказано и об автономности (имманентности) произведения искусства, понимаемого, однако, как социальный феномен. Адорно полагал, что любая общность, например, лирического произведения, несомненно является по своей сути общественной («Речь о лирике и обществе»).

Работавший во Франции и Бельгии Л. Гольдман (1913–1970) разрабатывал идеи, близкие концепции В. Фриче и В. Перверзева. О своих неомарксистских позициях в социологии литературы заявлял А. Хаузер (1892–1980), эмигрировавший из-за нацистских преследований из Австрии в Англию, так что его труды, например, «Социология искусства» (1974), выходили одновременно в Англии и Германии. В трудах указанных авторов – и немарксистской, и марксистской ориентации – вырабатывались концепции производства, распределения и потребления художественных ценностей. Различные причины такого обращения к социологической проблематике были в свое время активно рассмотрены Г. Фридендером (33).

Представители рецептивной эстетики Х. Яусс, В. Изер связали социологические проблемы текста со смежной его восприятия, с дифференциацией категорий читателей. Интересно, что Яусс синтезировал социологические идеи с наследием формальной школы. В работе «Средневековая литература и история жанра» он подчеркивал, что введение Ю. Тыняновым доминанты, организующей сложную систему произведения, позволяет придать чрезвычайную методологическую продуктивность явлению, которое Яусс называл «смешением жанров», «межжанровыми связями». Он поставил вопрос о различии жанровых структур 1) с независимой функцией и 2) с функцией зависимой или сопутствующей (иногда структура жанра выявляет себя лишь в сопутствующей функции). Яусс предложил определять жанр «не в логическом смысле», но уточняя состав жанровых групп в соответствии с тем, насколько жанр способен самостоятельно конституировать конкретные тексты (как в синхронии, так и в диахронии). Жанрология Яусса принципиально важна как для западной рецептивной эстетики, так и для ее отечественного аналога – историко-функционального изучения литературы. Подчеркивая социальную функцию жанра, значимость жанрового горизонта ожидания (понятие, близкое к тому, что Бахтин называл «памятью жанра»), Яусс раскрывает их роль в понимании жанра читателем, что является важной (но далеко не единственной) предпосылкой интерпретации художественного текста.

В ГДР и в России – после долгого перерыва – также начинает развиваться литературная социология. Это коллективная монография «Общество – литература – чтение» (Weimar, 1973) под редакцией М. Наумана, где рассматривалась роль адресата художественного произведения, и этапный, не утративший своего значения труд «Литература и социология» (М., 1977) под редакцией В.Я. Канторовича и Ю. Б. Кузьменко. В последний были включены статьи как общеметодологического уровня – о пределах социологического изучения произведений искусства Ю. Суровцева, – так и исследования эмпирического характера – В. Канторовича, В. Переведенцева. Важность эмпирических исследований утверждалась такими важными для советской науки трудами сотрудников Российской государственной библиотеки (тогда – ГБЛ), как «Книга и чтение в жизни небольших городов» (М., 1973), «Проблема чтения и формирования человека развитого социалистического общества» (М., 1973). Данная тема интересовала и Комиссию АН СССР по взаимосвязям литературы, искусства и науки под руководством Б. Мейлаха.

Накопленный эмпирический материал требовал теоретических и методологических обобщений, о чем свидетельствовало появление изданного «Наукой» сборника «Вопросы социологии искусства» (М., 1979). Функции художественной культуры рассматривались в нем в основном на материале музыки и киноискусства. Но такие проблемы, как соотношение социологии и искусствознания (статья И. Левшиной), ценностно-нормативного «согласия» в художественной культуре (статья Ю. Перова), специальная публикация библиографии по социологии искусства с 1961 по 1973 гг., сделали эту книгу интересной и для литературоведов.

Вышла в свет и монография Ю. В. Перова «Художественная жизнь общества как объект социологии искусства» (Л., 1980), где впервые было теоретически обосновано понятие «художественная жизнь», рассмотрены ее динамика, структура, взаимосвязь субъектов художественной деятельности – художника и публики. Здесь же впервые были обозначены проблемы массовой литературы. Книга Перова подводила необходимые для данного этапа развития науки многолетние дискуссии о социологии художественного творчества, расширяла кругозор литературоведов, углубляя их понимание проблемы. Эти труды, однако, не давали основу для конкретной литературоведческой (а не социологической) практики. Социологический подход к изучению литературы и в 80-е годы сводился к проблеме отражения в художественном творчестве ситуаций и конфликтов социальной жизни без обогащения методики такого изучения, без осознания и выявления специфики художественного открытия тех или иных явлений в жизни общества. Отсутствие особых успехов в области социологического литературоведения было достаточно закономерным: наука о литературе в целом переживала эйфорию от ставших доступными и «не запретными» трудов формалистов, структуралистов, как отечественных, так и зарубежных. Переиздания книг трудов социологов 20-х г. не были столь популярны, а возобновление интереса к ним носило в основном характер заполнения белых пятен в истории отечественного литературоведения и не более.

Новый всплеск интереса к социологии искусства в литературоведческом ее варианте (т.е. когда предметом исследований является не публика и не социальные условия функционирования литературы, а сама литература) обозначила книга Б. Дубина, Л. Гудкова «Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы» (М., 1994). В дальнейшем авторский коллектив стал международным: мы имеем в виду брошюру Л. Гудкова, Б. Дубина, В. Страды «Литература и общество: введение в социологию литературы» (М., 1998). Авторы рассматривают ряд вопросов, казалось бы, традиционных (подчеркивается влияние Гегеля на марксистскую и неомарксистскую эстетику), но осмысленных по-новому. Российские и итальянский исследователи, дав обстоятельный очерк развития социологического литературоведения в России и за рубежом, подчеркнули особую сложность проблемы, которая предстает уже в обозначении связи между двумя понятиями. Сеть связей литературы с обществом и с другими социальными его институтами поистине безгранична, их динамическая совокупность и составляет культуру. Далее связи между литературой и обществом разграничиваются авторами согласно типам этого общества: традиционные, тоталитарные (коммунистические или нацистские, где литература подчиняется предельно разросшейся власти) и современные демократические, где «власть расщеплена и мобильна», а воздействие на литературу оказывает не столько власть, сколько рынок. В последнем случае отношения литературы и общества «бесконечно разнообразятся» (6, с. 10). Пафос рассматриваемой работы – в отказе от популярных в прошлом узко социологических трактовок, когда писатель того или иного исторического периода модернизировался в духе так называемых задач текущего момента, превращался в рупор определенных классов и политических сил, а его концепция подгонялась под заголовки свежих газет. Современные литературоведы осмысливают проблему социального в контексте общечеловеческого: «... Общество, отраженное в одно и то же время Достоевским, Толстым, Тургеневым и другими, можно бы считать разве что некоей результирующей этого процесса отражения отражений, способной так или иначе упорядочить различные зеркальные образы. В действительности, «мир Достоевского», «мир Толстого», «мир Тургенева» и т.п. – это части изменчивого, постоянно развивающегося космоса – не столько России на определенной фазе XIX в., хотя именно на ее почве каждый из этих миров и возник, сколько человеческой истории в Большом времени, которое перекрывает любое определенное Малое время и впадает в Вечность» (там же).

Современная социология актуализирует такое понятие, как творческий (художественный) мир, и хотя подчеркивает его функцию «определения» (отражения) реальности, но оговаривает особое целостное отношение писателя к действительности, «определенной и пережитой таким образом». Акцент на базовом отношении между литературой и обществом, лежащим в основе творческого мира каждого отдельного писателя, – лишь одна составляющая современной социологической концепции, которая здесь же дополняется второй (раньше эти стороны обычно репрезентировались в разных работах). Эта вторая – проблема литературного рынка: издательство, авторских прав, книжных магазинов, рекламы, и эта проблема, по мнению международного научного коллектива, тесно переплетается со сферой эстетики. После того, как произведение издано, оно из сферы производства переходит в сферу потребления. В последнем выделяется два уровня: 1) успеха (неуспеха) и распространения произведения среди обычных читателей и 2) интерпретация и оценка критики.

Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда пытаются соединить социологический подход со структурализмом и его предшественницей – формальной школой: «между этими «до» и «после» по отношению к художественному произведению лежит, по выражению русских формалистов, «литературная техника» – то, как произведение «сделано» и как этот процесс «литературной выделки» меняется во времени. Современные социологи литературы, таким образом, не чуждаются вопросов художественной структуры и литературной эволюции» (6, с. 11).

В традиционном изучении литературных вкусов публики авторы видят определенную рутинность, ибо в них игнорируются литературная техника условного изображения (в том числе и социальных феноменов). Литературная действительность неявно и негласно отождествлялась с социальной. Оптимальной в их работе представляется «размытость» грани между социологией литературы и собственно литературоведением. Эту грань авторы определяют как некую общую зону исследовательских интересов, не умаляющих статус ни одной, ни другой науки.

Функциональные особенности классики, которая в период «резкого социального изменения... превращается из мифологема ушедшего золотого века в утопическую проекцию нового мира» (6, с. 39). (Как здесь не вспомнить замечания И. Роднянской и Р. Гальевой о том, что «Медный всадник» Пушкина в период перестройки выполнял функцию текущей литературы.) Авторы рассматриваемого труда выделяют в сложившейся жанровой системе роман как жанр, формирующий широкую читательскую публику и вне ее не существую-

щий. Это позволяет поставить вопрос об учении как о социокультурном феномене. Еще более углубляется рассмотрение в главе «Массовая литература как социальный феномен», где анализируется социальная организация «массового успеха» и сам феномен массовости (6, с. 54). При этом рассмотрение социологической проблематики массовой литературы опирается на системный анализ ее поэтики и на специфику функционирования (6, с. 48–52). Констатируя раскол литературы на авангардную, классическую и массовую (признак индустриального и постиндустриального общества), авторы тем не менее подчеркивают, что противопоставление элитарного и массового с середины XX века окончательно теряет принципиальную остроту, массовое искусство и само обрело признанных и изучаемых классиков (6, с. 56). Поэтому в массовой литературе собственно социолог видит прежде всего внутрикультурную проблему – проблему определенного уровня культуры, тогда как для литературоведа она интересна как определенный раздел словесности.

Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда дали подробную структурную характеристику социальному институту литературы. Ее социальная система складывается из совокупности социальных ролей и сети устойчивых каналов коммуникации, но наряду с этим важно и «групповое» ее измерение: конкуренция и борьба разных групп, в том числе и «поколений», за признание публики, критики, издателей⁷. Эти группы вытесняются с центра на обочину (и наоборот), меняются литературные вожди и литературные каноны, происходит смена доминирующих жанров и поэтик. В этом процессе большую роль играют литературная критика и библиотеки. Литературная система той или иной страны (с учетом ее исторических и региональных особенностей) – это предмет социологически ориентированного литературоведения, и в данном труде интересны сопоставительные характеристики литературных систем Франции, США, СССР. В конечном итоге можно увидеть связь, казалось бы, таких экстралитературных факторов, как издательские стратегии, оформительские и типографские решения, на собственно литературную (жанрово-стилевую) эволюцию, особенно при переводах и переделках (29), однако в отечественном литературоведении эти вопросы практически не рассматривались.

Мы столь подробно останавливались на коллективном труде Л. Гудкова, Б. Дубина, В. Страды потому, что это единственный пока современный обобщающий труд на тему «Литература и общество». И до, и после него появлялись работы, рассматривавшие отдельные частные проблемы: читательского восприятия произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского и др. (32), социологический анализ чтения в современной России (17), коммуникативная функция литературы (3).

Сегодня особенностью российского литературоведения является его открытость зарубежным исканиям, поиск явственно общих методологических стыков, освобождение от страха перед «чуждыми влияниями», что вовсе не мешает самостоятельности научных поисков в соответствии с российской ментальностью и традициями. Недавно прошедшие дискуссии о «новом историзме» в редакции журнала «Новое литературное обозрение» (2001, № 47) и о «научной критике» в редакции «Вестника МГУ» (сер. 9, 2000, № 5) подтвердили, во-первых, приверженность западного и российского литературоведения антропоцентрической парадигме: акцентирование общечеловеческого содержания литературных образов и сегодняшняя тяга литературоведения к антропоцентризму обусловлены неудовлетворенностью имманентным анализом, исчерпанностью структурализма и постструктурализма. Во-вторых, дискуссии позволили увидеть точки пересечения в, казалось бы, абсолютно не связанных друг с другом научных поисках. Надо сказать, что в обеих дискуссиях антропоцентризм литературоведения во главу угла не ставится, а дискутируется методология исследований, давшая название дискуссиям. В «Вестнике МГУ» это «научная критика» – термин, предложенный самим М. Макеевым (15), автором обсуждаемой книги «Спор о человеке в русской литературе 60–70 гг. XIX века: Литературный персонаж как познавательная модель человека» (М., 1999). В «Новом литературном обозрении» рубрика названа «Споры о “новом историзме”», т.е. о направлении в американском литературоведении конца 80 – начала 90-х гг. (Оно находится уже за пределами энциклопедического словаря «Современное зарубежное литературоведение» (1996) И. А. Ильина и Е. А. Цургановой.)

Итак, вначале скажем о «новом историзме», который является наиболее идеологизированным аспектом современного антропоцентрического литературоведения. Он заявил о себе в начале 80-х гг. и пришел в Россию статьями Стивена Гринблатта (5), Луи Монроза (19) на страницах «Нового литературного обозрения». Новое направление пропагандируется благодаря усилиям одного из редакторов журнала – Сергея Козлова (12; 13). Исходным моментом «нового историзма» является преодоление страха перед идеологией, чему способствовали публикации К. Гирца и прежде всего наиболее известная из них, вышедшая в 1973 г., «Идеология как культурная система» (4). В силу своей антропоцентричности «новый историзм» легализует прямые сопоставления между идеями автора и его жизни, между теориями эпохи, опредмеченными в художественных текстах, и ее практиками (11, 13). Понятие «новый историзм» вошло в американский «Словарь литературоведческих терминов» Абрамса (1993, 1998) (эта словарная статья воспроизводится С. Козловым (15, с. 7–8)). Называя тех, чьи идеи повлияли на «ново-историческую концепцию», – Луи Альтюссера (марксистского мыслителя-ревизиониста), М. Фуко, М. Бахтина, известного социолога и антрополога Клиффорда Гирца, – Абрамс подчеркнул, что в 90-е годы «новый историзм» занял место деконструкции как господствующая форма исследовательской практики.

Корни «нового историзма», который сейчас воспринимается как направление американской мысли, находятся в английской литературной критике 70-х годов, хотя там он более известен под названием «культурный материализм» (Р. Уильямс, Д. Доллинмор и Э. Сифилд). Считается, что культурный материализм обязан своим появлением марксизму, но создал свою методологию, опираясь на различные подходы, в том числе и постструктуралистские. «Культурный материализм» рассматривает литературное произведение в контексте, включающем в себя социальные, политические и экономические элементы. Отражая специфику европейского менталитета, «культурный материализм» порой соперничает с «новым историзмом», однако их многое сближает, и прежде всего интерес к литературной презентации идеологии, внимание к взаимодействию текста и контек-

ста, так что линия разграничения здесь весьма условна (28, с. 12). По определению С. Козлова, американский «новый историзм» и его английский ответвление были с самого начала насквозь проникнуты просветительски-марксистским пафосом разоблачения социальных иллюзий..., все определялось установкой на демистификацию властных отношений» (13, с. 124).

Формулируя кредо «нового историзма», исследователи выделяют два подхода к социологии художественного текста: 1) рассмотрение его в идеологическом контексте, созданном социальными и политическими событиями; историческое своеобразие в данном случае обнаруживается через детали рецепций; 2) рассмотрение лингвистической модели текста под указанным углом зрения (27).

В России предметом дискуссии, однако, стали не базовые сведения об англо-американском «новом историзме», а статья А. Эткинда «Новый историзм: русская версия» (38). Российскому читателю надо учесть, что полемический пафос такого ярого сторонника «нового историзма», как А. Эткинд, направлен не против отечественных современных литературоведческих практик, а против западных теоретиков раннего постмодернизма и деконструктивизма, ибо в тексте, по его мнению, надо искать не логические противоречия а la Деррида, но воплощение ситуативных проблем времени.

Методология «нового историзма», по Эткинду, сочетает три компонента: 1) интертекстуальный анализ текста, который размыкает границы текста, связывая его с многообразием других текстов – его предшественников и последователей (это то, что, на наш взгляд, связывает новую теорию с новым постмодернизмом); 2) дискурсивный анализ, который размыкает границы жанра, реконструируя прошлое как единый многоструйный поток текстов (т.е. для Эткинда становятся неважными жанровые дефиниции, которые обычно ограничивают исследования спецификой одного жанра, и в этом отличие «нового историзма» от рецептивной эстетики Яусса); 3) биографический анализ, который размыкает границы жизни, связывая ее с дискурсами и текстами, среди которых она проходит и которые она продуцирует (явное воскрешение памятных моему поколению рубрик «Литература и жизнь»).

В связи с обсуждением проблем «нового историзма» актуализируется целый ряд частных и общих методологических задач: необходимость разработки теории прототипов (И. Смирнов), ограничение презумпции интертекстуальности, которая не должна отрицать реальности вне текста (А. Эткинд). Особенно подробно Эткинд выделяет способность текста изменять реальность – то есть человека и окружающую его среду, и здесь важно включение текста в идеологический и общекультурный дискурс. Задержанный текст, текст вне дискурса «остается памятником эпохи; включенный в дискурс, текст оказывается субъектом истории». Если бы, утверждает Эткинд, такие тексты, как «Что делать?», «Архипелаг ГУЛАГ», не были прочитаны, русская история была бы иной: «Эпоху делает публика, а публику делает чтение», «власть над обществом обеспечивается властью над текстом и принадлежит она интерпретатору...» (38, с. 16). Для Эткинда литературный текст – посредник между предшествующими и последующими событиями, между прошлым и будущим. Эпистемология наблюдений над преобразованием жизни в текст (текстостремительный, по определению Эткинда, подход) и текста в жизнь (текстобежный) ждет своего критика.

Эткинд признает, что «новый историзм» по необходимости эклектичен и междисциплинарен. Одной из очевидных его целей является разрушение границ между текстом и не-текстом, литературой и не-литературой. В этом он особенно противоположен русской формальной школе, структурализму, так как для последних центральным пунктом была уникальность эстетического своеобразия литературного произведения. Кстати, о несовместимости «нового историзма» с принципами тыняновской поэтики говорили и С. Козлов, и оппоненты Эткинда – Л. Гудков и Б. Дубин. Последние подчеркнули крах ОПОЯЗа в том, что была заблокирована сама возможность, сама культурная ценность субъективности и ее операциональное, дисциплинарно-антропологическое выражение в методике познания. Вывод «новоисториков» неоправданно категоричен: если русский филолог готов оставить Тынянова в стороне, то его дорога облегчается. Русский филолог изначально приучен мыслить историю литературы в тыняновских категориях, а в рамках «нового историзма» для такой истории нет места; тыняновская парадигма, по мнению С. Козлова, плохо совместима с сегодняшними гуманитарными задачами (15). Кстати, в защиту Ю. Тынянова – справедливо – и против концепции «нового историзма» – излишне резко, на наш взгляд, – выступил И. Шайтанов (35).

Что же тогда общего у «нового историзма» и русской филологии, той, которая к традициям формальной школы не сводится? В русском контексте, говорит Эткинд, «новый историзм» может выглядеть просто как возвращение к историческому материалу, к здравому смыслу, к детали: к тому, что всегда было увлекательно в истории и, в частности, в истории литературы. Дополняя это суждение аргументами участника дискуссии С. Козлова, надо подчеркнуть, что сам по себе историзм всегда был важен для культурно-исторической школы и для марксистского литературоведения. Это базовая установка и базовая ценность для исследовательского сознания. Поэтому цель публикаций по поводу «нового историзма», подчеркивает С. Козлов, – поставить русского читателя в положение Журдена: парадигма, которой практически наш литературовед владеет, называется «новым историзмом». Есть, однако, и различия: русские привыкли соотносить текст с жанровым контекстом, а не социальными институтами; социология литературы в строгом смысле этого слова у нас пока не развита. Однако «новый историзм» пересекается с семиотикой культуры Лотмана – не со структуральной поэтикой, а с его статьями о семиотике поведения и с его трактовкой образа Хлестакова. Козлов формулирует, чем эта позиция Лотмана близка новому историзму: 1) Лотман соотносит литературу с другими типами дискурса и недискурсивными практиками; 2) затрагивает тему власти и властных отношений; 3) работы Лотмана соотносимы с идеями предшественника «нового историзма» К. Гирца. В конечном итоге Лотман оказывается близок «новому историзму», его идея анализировать синхронные отношения между размытыми видами текста в пределах одной культурной системы. Эта особенность интертекстуального анализа *avant la lettre* (впереди литературы) действительно предложена Лотманом (14, с. 293–325) в его интерпретации образа Хлестакова. Декаб-

рист Ипполит Завалишин, корнет Роман Медокс, о которых ведет речь Лотман, – это не прототипы образа Хлестакова, а разные тексты одной культурной системы.

Образцом «нового историзма», хотя и не называемого автором, считается также книга О. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (2000). Ее автор подвергает критике текстологию советской эпохи, результаты которой зависели от идеологического контекста текстологической деятельности⁸.

В таком «новоисторическом» ключе было бы, наверно, заманчиво подробно рассмотреть образы фонвизинского Митрофанушки и пушкинского Петруши Гринева, которых Ключевский в свое время причислил к одному историческому типу, а современные пушкиноведы с этим полемизируют. Из современных работ назовем книги И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» (М., 1996) и «Самоубийство как культурный институт» (М., 1999). В последней, как уже говорилось на том же обсуждении, метафоризация суицида в дискурсе о нем исследуется наряду с воплощением таких «метафор» в людских судьбах. В капитальном труде А. Эткинда «Хлысты. Секты, литература и революция» (М., 1998) грани между собственно литературоведением и социологией, историей явно стираются, автор сам признает, что лучшие образцы «нового историзма» уже не кажутся филологией. Эткинд называет это самоотречением филологии, полагая что «новый историзм» дает шанс филологии на иную жизнь – более творческую, связанную с важнейшими из чувств читателей (37, с. 112). Однако вопрос о «самоотречении» филологии, повторяем, представляется нам спорным.

При всем том, что статья Эткинда подверглась резкой критике со стороны Л. Гудкова и Б. Дубина за упрощение проблемы, одним она близка российскому читателю: в ней ощущаются близкие «новому историзму» традиции культурно-исторической школы и марксистского литературоведения. Но в коллизии «новый историзм» / русская филология одни и те же импульсы порождают совершенно разные эффекты. Внимание к господству / подчинению – это компенсация социального бессилия и там, и у нас. Но американские исследователи фактически отождествляют культуру и политику, а русские их противопоставляют, что соответствует ментальности и традиции русского литературоведения. Близость позиций американских и русских исследователей связана с выбором материала и методикой исследования, разница – в существе позиции и пафосе исследователя. Если на Западе марксистские теории активно дополнялись неофрейдизмом, то в России современные литературоведы лишь стремятся уйти от крайностей и догматизма его советского варианта, а в ряде случаев лишь ограничиваются заменой идеологических постулатов.

Можно согласиться с теми, кто считает, что «новый историзм» долгое время будет единственным полем взаимодействия русской и американских культур, взаимной диффузией двух дискурсов. Подтверждением является, на наш взгляд, книга М. Макеева «Спор о человеке в русской литературе 60–70 гг. XIX века: Литературный персонаж как познавательная модель человека» (М., 1999). Хотя в ней не встречается термин «новый историзм», но есть ссылки на работы Гирца «Идеология как культурная система» и на послесловие к ней Зорина. Изучение художественного произведения в работах «нового историзма» и в книге Макеева почти рядоположно. Макеев также ориентируется на исторический и идеологический дискурсы (с апелляцией к Овсянко-Куликовскому), у него имеет место резкий разрыв с формальными и структуралистскими подходами к тексту, есть также выпады против формальной школы, в частности, против Б. Томашевского, для которого персонаж лишь подсобное средство для классификации и упорядочения мотивов. Критикуется в этом плане и французский структурализм, и постструктуралист Р. Барт. Но Макеев возражает и против «теории отражения» как слишком прямолинейного понимания идей Маркса: в «теории отражения» искусство теряет свое познавательное значение, а образ сводится к иллюстрации. По Макееву, литература закрепляет явления жизни и возвращает их ей. Таким образом, здесь главной остается проблема восприятия, которая, как мы говорили выше, является центральной проблемой функционального изучения литературы.

Макеев исходит из того факта, что писатель неизбежно является носителем определенной идеологии и проецирует в тексте как ее возможности, так и ее заблуждения. Автор обсуждаемой книги неоднократно повторяет, что вымышленный мир произведения должен соотноситься с образом человека, конструируемым идеологией (15, с. 31). Персонаж как модель человека должен соотноситься со структурой идеологии; только исследуя последнюю, мы можем понять структуру литературного персонажа. Вторая составляющая его концепции – эстетические требования красоты, целесообразности, гармонии. Это соотношение, конечно, потенциально конфликтное (здесь, на наш взгляд, слышится отзвук былого антиномичного разделения формы и содержания). Поэтому Макеев предпочитает называть свой труд не литературоведением, а критикой, но критикой научной. Таким образом, в книге Макеева можно увидеть близость к позиции «нового историзма», но без его фрейдистской «закваски».

Выступавшие в дискуссии, соглашаясь с Макеевым, отмечали, что понимание изображенного в тексте человека не может быть ограничено эстетическими требованиями, как бы они ни понимались. И хотя «использовать литературу как материал для «разговора о жизни» безусловно сложно и в разных отношениях опасно, но почему-то все-таки хочется...» (20). Сколь ни очевидна ненаучность на сегодня В.О. Ключевского, искавшего «и нашедшего» в русской жизни предков Онегина, или наивность К. Леонтьева, выбиравшего между графом Вронским и графом Толстым, их обаяние, по мнению современных исследователей, и сейчас живо (20). Выступавшие отметили и то, что литература в книге Макеева не уподобляется идеологии, так как репрезентирует живую сложность человека и проблемы его понимания.

Думается, что обе дискуссии – о «новом историзме» и «научной критике» – свидетельствуют о возможностях разных исследовательских подходов, о плодотворности многообразия поисков в науке о литературе.

Есть и другие более специфичные аспекты социологии текста: мы имеем в виду феминистски ориентированное литературоведение (36) и гендерное литературоведение в целом, которое в основном развивается на Западе, но в последние годы заявило о себе и в России. На базе Московского государственного лингвистиче-

ского университета регулярно проводятся международные научные конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» (1999, 2001), где рассматриваются, в частности, проблемы «Гендер как социокультурный феномен», «Текст и дискурс: гендерные аспекты анализа» и др. Гендерные аспекты литературоведения рассматривались докладчиками не только тематически, не только по линии так называемой «женской» поэзии или прозы, но и на уровне структуры произведений. Был сделан вывод, что за имплицитными концепциями «мужского» и «женского» поэтических текстов стоят устойчивые стереотипы, фиксирующие различия гендерных ролей самопрезентации (Г. Иванченко). Надо отметить специальный выпуск журнала «Филологические науки» (2000, № 3), где представлены образцы гендерного подхода к произведениям писателей разных эпох и уровней – Е. Ган, А. Толстого, А. Марининой и др.

Традиционное социологическое литературоведение, будучи сейчас «не в чести», не утрачивает своего реального значения для познания феномена художественного текста. Мы можем сослаться на собственный опыт социологической интерпретации повести А. Платонова «Котлован» (9). Из других отдельных публикаций современного социологического литературоведения выделим также статью Д. Хикс «Как сделана «Баня» М. Зощенко: Газетно-журнальный контекст рассказа писателя 20-х гг.». Автор досконально рассматривает «газетный аспект» творчества писателя, его установки на документ и на факт, предопределившие введение в рассказ фельетонных приемов, построение сюжета на основе фактов, подчеркнутых из читательских и рабкоровских писем. В частности, Д. Хикс усматривает параллели к «Бане» в публикациях журнала «Красный ворон» и видит в них основу зощенковской пародии, сказа, сатиры. Социологический подход, по мнению автора, позволяет постичь истинный характер дарования Зощенко, чего нельзя сказать об исследованиях последних лет. Например, в книге «Михаил Зощенко: поэтика недоверия» (1999) А. Жолковский, стремясь к преодолению культурно-социологических трактовок и делая из Зощенко писателя общечеловеческой психологической проблематики, уводит от творческого своеобразия зощенковской прозы (34).

Отвергая классовый подход к литературе, который оставлял за пределами историко-литературного изучения многие истинно художественные ценности («Мастер и Маргарита» Булгакова, «Чевенгур» Платонова и т.д.), искажал и вульгаризировал произведения советской классики, мы, тем не менее, полагаем, что сам по себе социологический подход не ответственен за искажения и вульгаризацию, имевшие место в советском литературоведении. Это объективный научный метод изучения литературы, соотносящий художественный феномен с исторической жизнью, жизнью современного социума с его философскими и нравственными исканиями... Это важно подчеркнуть не только потому, что без этого трудно объяснить деформацию литературного процесса, имевшую место в 30–40-е гг., но и потому, что в наши дни обновилась парадигма философско-этической интерпретации текста, пересматриваются социологические трактовки. Тем самым открываются широкие возможности для нового понимания историко-литературного процесса в России в XX веке и обновления методологии исследования⁹. Думается, что социологический подход приемлем и для учебных курсов истории литературы, что будет плодотворной интерпретацией художественного текста и через призму социологии. (Разумеется, студенты должны при этом хорошо ориентироваться в других областях литературоведения – в исторической поэтике, в мифопоэтике, в сравнительном литературоведении.) Нельзя не согласиться с теми, кто считает: социология художественного текста – наиболее устойчивая и непреходящая доминанта российского литературоведения. Обновляется и будет обновляться далее ее методика, ее соотношение с другими направлениями научной мысли, но остается вечной проблема «литература и общество», привлекающая внимание исследователей на каждом новом этапе развития истории страны, судьбы народа и отдельной личности.

Примечания

1. На первый взгляд, социо- и антропоцентризм – понятия антиномичные, что очевидно уже из сопоставления позиций Конта и Спенсера. Однако в первом случае речь идет о влиянии общества на формирование человека, то есть человеческое объясняется социальным, а во втором парадигма, согласно которой человек есть центральное звено и конечная цель мироздания, природа человека изначально мыслится социальной. Но и в том и в другом случае, социальное выступает как необходимое звено в цепи умозаключений. «В споре антропо- и социоцентризма не может быть победителей!» и «поляризация сознания – норма, а не патология» (29, с. 24).

2. Достаточно сказать, что в известном двухтомнике «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» (М., 1983) имя Гегеля упоминается более 70-ти раз.

3. Напомним читателям такие известные его работы, как «Письма без адреса» (1899–1900), «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии» (1905), «К психологии рабочего движения. (Максим Горький, «Враги»)» (1907), «Искусство и общественная жизнь» (1912).

4. Сошлемся на новейшие исследования и оценки «возвращенных» концепций социологов: 12; 24; 26; 27. См. также: 9; 21 и т.д.

5. Вышедшая в 1923 г. работа Д. Лукача «История и классовое сознание» сыграла большую роль в становлении социально-философских аспектов искусствознания. Последователями Лукача были: в СССР – М. Лившиц с его группой, сплотившейся в 30-е гг. вокруг журнала «Литературный критик»; во Франции – Л. Гольдман и социокритики, в Германии – Л. Левенталь.

6. В ряду зарубежных социологических исследований отметим и труды Абраама Моля и прежде всего его «Социодинамику культуры» (М., 1973), рассматривающие указанную проблему с точки зрения информационно-кибернетического подхода. А. Моль формирует представление о социокультурном цикле, важнейшим компонентом которого (в свете теории массовых коммуникаций) является функционирование культурных ценностей в обществе: «...Социодинамика должна быть направлена не на содержательную сторону культуры – идею Бога, идею Родины или идею Холодильника, – а на саму эволюцию» (с. 320). То есть речь идет об ускорении или замедлении эволюции культуры. Поскольку Моль не учитывает содержательный компонент художественного произведения, его концепция в социологическом литературоведении практически не используется.

7. Эти идеи интересно развивает и Ю. Никуличев в статье «К социальной истории русской литературы» (Вопросы литературы. – 1998. – № 6), в частности, он разграничивает на материале русской литературы XIX века парадигмы социально-биографические и социально-литературные.

8. Свою позицию в полемике с ниспровергателями его книги Проскурин изложил в статье «История литературы и идеологические контексты» (Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50), что тут же вызвало негативную реакцию И. Шайтанова (35, с. 21–23).

9. Примечательно сравнительно недавнее интервью обозревателя журнала «Звезда», взятое у писателя, культуролога и журналиста Михаила Берга. «Социальное отношение – вот что интересовало Берга. Это нормально. «Текстом» уже не интересуется никто», – такова исходная посылка журнала, которую, конечно, нельзя абсолютизировать, но нельзя и не прислушаться к мнению М. Берга: «Если мы убираем социальный фон, то искусство превращается в один из способов самореализации, интересной разве что для рутинных психологов» (31, с. 232).

Библиография

1. Берковский, Н. Мир, создаваемый литературой / Н. Берковский. – Москва, 1989.
2. Боров, Ю. Критика современных буржуазных эстетических концепций / Ю. Боров. – Москва, 1977.
3. Вейдеман, Р. Литература как послание / Р. Вейдеман // Вышгород-Таллинн. – 1977. – № 4–5.
4. Гирц, К. Идеология как культурная система / К. Гирц // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 29. (Русский перевод фрагмента книги, вышедшей в 1973 г.)
5. Гринблатт, С. Формирование «Я» в эпоху Ренессанса / С. Гринблатт // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35.
6. Гудков, Л. Литература и общество: введение в социологию литературы / Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда. – Москва, 1998.
7. Давыдов, Ю. Н. Искусство как социологический феномен / Ю. Н. Давыдов. – Москва, 1968.
8. Днепров, В. Потери: Г. В. Плеханов и эстетика 30-х годов / В. Днепров // Лит. обозрение. – 1989. – № 4.
9. Егорова, Л. П. Зловещая реальность утопии (опыт социологической интерпретации повести А. Платонова «Котлован») / Л. П. Егорова // Анализ художественного текста на школьном уроке (теория и практика). – Санкт-Петербург; Ставрополь, 1996. – Вып. 2.
10. Живая мысль. К столетию со дня рождения Г.Н. Пospelова. – Москва, 1999.
11. Зорин, А. Идеология и семантика в интерпретации Клиффорда Гирца / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 29. (Русский перевод фрагмента книги, изданной автором в 1978 г.)
12. Дезлов, В. На rendez-vous с «новым историзмом» / С. Козлов // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 42.
13. Козлов, С. Наши «новые истористы» / С. Козлов // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50.
14. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – Москва, 1988.
15. Макеев, М. С. «Спор о человеке» в русской литературе 60–70 гг. XIX века: Литературный персонаж как познавательная модель человека / М. С. Макеев. – Москва, 1999.
16. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении (Серия «Бахтин под маской») / П. Н. Медведев. – Москва, 1993.
17. Мелихов, А. Если соль перестает быть соленой / А. Мелихов // Октябрь. – 1999. – № 4.
18. Михайлова М. В. Становление марксистской методологии литературоведческого анализа / М. В. Михайлова // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. – Рига, 1989.
19. Монроз, Л. Изучение Ренессанса: Поэтика и политика культуры / Л. Монроз // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 42.
20. Мотейонайте, И. В. «Выпьем за человека, Барон!» / И. В. Мотейонайте // Вестник МГУ. Сер. 9. – 2000. – № 5.
21. Николаев, П. Марксистское литературоведение / П. Николаев. – Москва, 1983.
22. Против механистического литературоведения. Дискуссия о концепции В.Ф. Переверзева. – Москва, 1930.
23. Раков, В. П. Из истории советского литературоведения / В. Раков. – Иваново, 1983.
24. Раков, В. П. О В.Ф. Переверзеве – по-новому / В. Раков // Контекст-1992. – Москва, 1993.
25. Садыкова, Л. Во времени, в России и в пространстве: Современный читатель в поисках новых прочтений классики / Л. Садыкова // Литературная учеба. – 2001. – № 1.
26. Семенов, Е. В. Эвристическое значение оппозиции антропо- и социоцентризма / Е. В. Семенов // Психологический журнал. – Т. 15. – 1994. – № 6.
27. Соловьева, Н. Английский «новый историзм» / Н. Соловьева // Литературоведение на пороге XXI века. – Москва, 1998.
28. Соловьева, Н. А. «Культурный материализм» – приближение к марксизму? / Н. А. Соловьева // Вестник МГУ. Сер. 9. – 2001. – № 5.
29. Тартье, Р. Автор в системе книгопечатания / Р. Тартье // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13.
30. Троцкий, Л. Литература и революция (Напечатано по изданию 1923 года.) / Л. Троцкий. – Москва, 1991.
31. Труд и референт: Интервью М. Берга журналу «Звезда». Подготовила Надежда Григорьева // Звезда. – 2000. – № 2. – С. 232.
32. Федяев, Д. М. Литературные формы приобщения к бытию / Д. М. Федяев. – Омск, 1998.
33. Фридлиндер, Г. М. Социологические аспекты литературоведения / Г. М. Фридлиндер // Фридлиндер Г. М. Методология литературоведческого исследования. – Ленинград, 1984.
34. Хикс, Д. Как сделана «Баня» М. Зощенко: Газетно-журнальный контекст рассказов писателя 20-х гг. / Д. Хикс // Филологические записки (Воронеж). – 2000. – № 14.
35. Шайтанов, И. «Бытовая» история / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2002. – № 2.
36. Шоре, Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века. К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX в.) / Э. Шоре // Литературоведение на пороге XXI века. – Москва, 1998.
37. Эйхенбаум, В. Письмо А.С. Долинину от 20. 02. 1914 г. / В. Эйхенбаум // Звезда. – 1996. – № 5.
38. Эткинд, А. «Новый историзм»: русская версия / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 47. (В дискуссии по статье также приняли участие И. Смирнов, И. Козлов, Л. Гудков и Б. Дубин.)

Духовность художественной литературы: типология дискурса (2006)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Духовность художественной литературы: типология дискурса // Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII – XXI веков: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Л. И. Бронской, О. И. Лепилкиной, А. А. Фокина. – Ставрополь : Ставропольское книжное издательство, 2006. – С. 11–23.

Ключевые слова: духовность, художественная литература, типология дискурса; дискурс духовный художественный, христианский, антихристианский, атеистический, секуляризованно-духовный, научный.

УДК 82.01

Spirituality of fiction: the philosophy of the discourse (2006)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Duhovnost' hudozhestvennoj literatury: tipologiya diskursa (Spirituality of fiction: the philosophy of the discourse) // Problemy duhovnosti v russkoj literature i publicistike XVIII – XXI vekov : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. L. I. Bronskoj, O. I. Lepilkinoj, A. A. Fokina. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. – S. 11–23.

Keywords: spirituality, fiction, the typology of the discourse; spiritual artistic discourse, Christian, anti-Christian, atheistic, secularized spiritual, scientific.

UDC 82.01

Для определения типологии рассматриваемого нами дискурса (речевой практики) вначале необходимо решить проблему дефиниций понятия «духовность». В дореволюционной России, где утверждалась уваровская формула «Православие. Самодержавие. Народность», понятие духовной жизни изначально связывалось с религиозным его толкованием, о чем свидетельствуют данные языка (*духовное училище, духовенство, духовник*). Духовные качества человека рассматривались в русле его движения к Богу, что подтверждает и «Библейская энциклопедия». Оставляя за рамками нашей статьи зафиксированную в ней многозначность понятия «дух», отметим лишь дефиниции, относящиеся к нашей теме: духовность определяется как «различные дарования, служения и действия от духа Божия», как «благодатные дары, совершающие новую жизнь в человеке и служащие к его освящению и спасению» (1, с. 204–205). Для спасения души и вступления на путь праведничества необходимы преодоление греха, раскаяние в греховных поступках и мыслях. Ключевым словом к постижению духовности является Милосердие (Милость) – одна из высших христианских добродетелей, означающих дела Милости телесной и духовной. В первом случае это означало подать милостыню, питать алчущих, напоить жаждущих, одеть нагого, посетить страждущих и узников, помочь страннику принять его в свой дом или устроить странноприимный дом. К духовным делам Милости относились следующие добродетели: обратить грешника на путь истинный и молиться за него, научить истине и добру заблуждающегося, дать добрый совет находящемуся в затруднении и опасности, утешить печального, не воздавать за причиненное зло (прощать обиды). Если в сфере разума (рационализм) определяющей доминантой духовной жизни является мышление, сознание, то христианская религиозная вера делает акцент на нематериальных аспектах – воле, воображении, интуиции.

В типологии дискурса, раскрывающей проблему духовности русской литературы, т.е. дискурса художественного, мы исходим из дихотомии дискурса секуляризованного (светского) и религиозного, понимая под последним обращение художника как к мировым религиям, так и к языческим верованиям.

Рассматриваемый в таком плане художественный дискурс представлен огромным корпусом текстов отечественной и мировой литературы, которые в европейских литературах имеют либо ветхозаветный, либо новозаветный (евангельский, христианский) прецедентный текст, или же в своей художественной идеологии в той или иной степени и форме воплощают постулаты христианства. В исламском мире аналогичным прецедентным текстом является Коран. На путях взаимодействия и взаимообогащения литератур происходит обмен духовными ценностями, в художественной форме раскрывается культурный потенциал других мировых религий, его значимость для иноконфессионального мира (пушкинская трактовка Корана, коранические мотивы у других русских писателей, мотив Богородицы в поэме «Мариам» Махмуда, пережившего величайшее потрясение в католическом храме, и т.д.).

Рефлексия над духовным художественным дискурсом, породившая специфический научный дискурс христианского типа, была актуализирована на постсоветском этапе, когда появились капитальные тематические сборники «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков» (1994), «Русская литература XIX века и христианство» (1997) и др.; статьи в научной периодике, особенно в журнале «Русская литература». Проводились международные конференции в Пушкинском Доме РАН, которые даже приурочивались к пасхальным дням, их материалы также публиковались (17).

В русле означенных научных исканий обратимся к *художественному христианскому дискурсу*, стоявшему непосредственно у истоков русской литературы; роль христианства в развитии литературы Древней Руси давно стала предметом специального изучения. Опыт русских писателей Нового времени также свидетельствует о сохранении в их художественном мире досекуляризованных представлений о личности, что «определяет как структуру персонажей, так и авторское освещение их духовного существа» (14, с. 25). Нельзя не согласиться с В. А. Котельниковым, который в статье «О христианских мотивах у русских поэтов» на страницах журнала «Литература в школе» (1994 №3) подчеркнул, что христианство внесло в словесность высокое начало, дало особый строй мысли и речи.

Наиболее значимым в этом плане представляется творчество Ф. Достоевского, а в XX веке – Б. Зайцева, И. Шмелева. Однако евангельский текст может быть прецедентным как в христианском, так и в *антихристианском* дискурсе: ранние поэмы В. Маяковского, повесть «Крылья» М. Кузмина (5, с. 300–307). Он может контаминировать с пантеизмом, как у Ф. Тютчева, Н. Клюева наряду с христианскими ярко выражены языческие начала (4, с. 316–340). Христианские и антихристианские тенденции могут сочетаться, как, например, в стихах раннего А. Платонова об умершем Боге и надежде на возвращение его к людям (5, с. 348–360).

При этом в антихристианском дискурсе следует выделить дискурс *атеистический*, в котором Бог либо всецело отрицается, либо не видится главным устройщиком порядка на земле. В этом случае говорится словами лермонтовского Демона: Бог «занят небом, не землей». В тоже время в советский период сформировался особый тип антихристианского дискурса, который даже атеистическим назвать нельзя. Александр Твардовский, вспоминая разрушенные храмы и гонения на священнослужителей, остроумно сказал, что все это делалось с таким остервенением, будто люди не были атеистами, а предали Сатане. Для атеиста, не верящего в существование Абсолюта или считающего его непознаваемым, вера его соотечественников не могла быть предметом ненависти и вандализма, ибо являлась одним из важнейших способов этнической и конфессиональной самоидентификации. Вспомним строки известного русского поэта позапрошлого века: «... Бог угнетенных. Бог скорбящих, Бог поколений, предстоящих Пред этим скудным алтарем» (курсив мой – Л. Е.). Дискурс же насильственно-богоборческий (богоборческий по-советски) характерен для многих произведений советской литературы: не только у упомянутого выше В. Маяковского, но и Д. Бедного, Э. Багрицкого – автора ранее широко известной поэмы «Смерть пионерки». Неуважение к святыням предков нанесло обществу большой нравственный урон.

Остановимся подробнее на христианском дискурсе русской литературы. Степень его полноты и разработанности, монолитности или дискретности в творчестве того или иного писателя должна утверждаться не априорно, а на основе скрупулезного анализа его художественного мира вкупе с автоинтерпретациями, а также выводами исследователей, т.е. подкрепляться дискурсом научным. Христианский дискурс понимается нами широко, как одно из проявлений христианской цивилизации и культуры, к которым принадлежит Россия. Как справедливо было замечено и священнослужителями, и культурологами, русская литература является христианской, потому что говорит о человеке-христианине не в смысле его принадлежности к Церкви, а в смысле тех ценностей, которые являются для него основными. Даже не будучи связанным с христианством в его церковно-бытовом обличии, такой дискурс предполагает христианский подход к человеку и ко всем событиям, в которых он участвует (18, с. 75), а в «движении лирического дискурса... широко вовлекается аскетическая традиция – ее речевые жесты, ее лексика, тропы и пр.» (10, с. 21).

Мы поддерживаем пафос полемики современного исследователя С. Мартыановой с публицистом О. Чайковской, отрицающей, как положительный фактор, причастность героев русской классики к христианской основе бытия. Ведь с традициями христианского гуманизма связывают, например, художественные открытия романтизма XIX века, отмечая в его героях «беспокойство, томление духа, смятение, поиск истины, веры, ответственность человека перед самим собой, защиту личного достоинства, чести» (14, с. 26). С христианством связана и такая важнейшая составляющая русской литературы, как ее реализм. В. Кантор писал: «Завет реалистического понимания жизни – основная установка христианства как ведущего фактора общественного развития, усвоенного и прочувствованного русской культурой» (9, с. 129). Байронически-индивидуалистический вариант литературного героя в русской литературе не стал alter ego автора, а в основе собирательного образа народа у писателей-реалистов Л. Толстого и Ф. Достоевского, в деревенской прозе

второй половины XX века лежит соборность¹, которая стала предметом фундаментального литературоведческого исследования И. Есаулова (8).

В христианском дискурсе русской литературы можно выделить особый дискурс, непосредственно сосредоточенный на вопросах Православия. Условно назовем его православным (святоотеческим), помня, что в России христиане, как правило, православные. В православном дискурсе у верующего автора и героя – протагониста есть живое ощущение бытия в Боге (М. Дунаев). Например, нельзя не согласиться с выводом современного литературоведа, что Православие представляет такую параллель к Достоевскому, без которого духовная природа его творчества не может быть понята во всей полноте (5, с. 179), и этот вывод опирается на философские штудии Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева. Известное изречение Достоевского: «... Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» является ключом к интерпретации литературного героя в православном дискурсе. Авторская позиция в нем раскрывается полярной типологией героев: Версильову, Ивану Карамазову, Ставрогину противопоставят Алеша Карамазов, Зосима, Тихон. Рядом с положительными героями Достоевского можно поставить лесковских праведников.

В православном дискурсе ставятся проблемы бытия Божия, бессмертия души в их единстве и неразрывной связи с православным учением, с понятием греха, совести и т.д. Об этом часто говорят на примере исповеди-проповеди в произведениях Достоевского. В таком ракурсе рассматриваются произведения Б. Зайцева и И. Шмелева в исследованиях Л. И. Бронской (2), А. М. Любомудрова (12), называющего этих авторов православными писателями. Православный дискурс предполагает изучение художественного произведения с позиции религиозного сознания его творца и требует от интерпретатора-литературоведа уважительного отношения к позиции писателя (хотя сам литературовед такую позицию может и не разделять).

А. М. Любомудров подчеркнул необходимость обновления литературоведческой методологии, что позволит более убедительно отделять православный дискурс от пограничных, выявлять, когда и каким образом секуляризованная литература Нового времени приближалась к тому, чтобы стать на путь воцерковления (12). Здесь же шла речь и о разнонаправленности русской литературы, ибо трудно подыскать единый духовно-мировоззренческий статус для Бунина и Шмелева, Гоголя и Тургенева. Для собственно православного дискурса, на наш взгляд, невозможна контаминация с мифопоэтическим дискурсом, который в общем плане остается христианским, но в нем нет принципиальной разницы между восприятием произведений, созданных на основе античных, ветхозаветных или христианских мифов, поэтому, например, автобиографические произведения Б. Зайцева, И. Шмелева противоположны по своему пафосу роману И. Бунина «Жизнь Арсеньева» (7, с. 34). Кстати, именно Зайцев писал о том, что у Бунина нет «чувства греха» и ответственности перед Богом.

Однако христианский дискурс, лишенный истовости православной веры, можно встретить не только у Бунина, но и у Тургенева. К такому выводу можно прийти, например, на основе публикации В. Головки «Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И. С. Тургенева» – писателя, который неоднократно говорил о своем равнодушии к религии и у которого «отсутствует эстетическое выражение евхаристического² понимания мира» (5, с. 231–248). При этом надо учитывать разную степень его (дискурса) насыщенности христианскими мотивами и их репрезентации непосредственно в художественных произведениях. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в этом плане породил наибольшее число споров и дискуссий: представители православной церкви считают, что булгаковский роман о Пилате – Евангелие, написанное «от лица Воланда, то есть с точки зрения Сатаны» (иерей М. Дудко). Мы полагаем, что в таком случае речь может идти о дискурсе, развивающемся не в русле собственно религиозных исканий, а, повторяем, в парадигме мифопоэтики – мощной традиции мирового искусства, при которой христианский миф стоит в одном ряду с другими мифами как феноменами культуры.

Эволюцию к такому типу дискурса пережил, несмотря на свое деревенское религиозное воспитание, С. Есенин. Начав с утверждения революции как реальности религиозной утопии, Есенин затем отходит от такой трактовки, что позволило Н. Солнцевой заметить: в православной теме Есенин не более чем лирик.

К особому типу христианского дискурса следует отнести произведения, граничащие с ересью, отклонением от официального вероучения. Их авторы – писатели, считающие себя христианами, но взывающие Третьего Завета. Такой тип дискурса превалировал в литературе Серебряного века, воплощая собой идеал так называемого богоискательства, широкого неохристианского философско-религиозного течения в среде либеральной интеллигенции. Не удовлетворенные догматами официальной церкви, русские философы и писатели, начиная с Владимира Соловьева, стремились к примирению религиозного сознания и разума, к глубокой теоретической разработке вопросов теологии, к изменению и совершенствованию жизни на основах обновленного христианства. В лице Д. Мережковского, которого интересовало осмысление мировой истории как противоборства божественного и дьявольского, русский модернизм переосмыслил церковно-

¹ Мы придерживаемся определения соборности, данного Л. Гудковым: «Тип сверхличностного объединения людей в вере в спасение, в которой исчезают все частные различия» (Новое литературное обозрение. — 1998. — № 31. — С. 360). Применительно к художественному дискурсу мы считаем эти понятия синонимами (см. 15), но в строгом смысле слова святоотеческий дискурс означает творения отцов церкви, причисленных к лику святых.

² Правомерность употребления в данном тексте определения «евхаристический», на наш взгляд, подкрепляется не только общепринятым значением понятия «евхаристия» — причастие, одного из церковных таинств, но и этимологией древнегреческого слова, означающего благодарение, наполненность человека доброй радостью. В православном дискурсе такая контаминация смыслов выражает особенность мироощущения и миропонимания глубоко религиозного человека.

догматические и позитивистские представления о месте и назначении человека в мире, заменяя их идеями нового религиозного сознания. В противоположность православной аскезе, освятившей материнство, но не близость, ему предшествующую, в художественном дискурсе Серебряного века сущность человеческого бытия понималась как единство Эроса и Танатоса, а Эрос трактовался как путь приближения к трансцендентному. Амбивалентность концепции Эроса (равенство любви и греха, по Брюсову) открывала в литературе эпохи модернизма широкий доступ к эротике.

Такой «неоеретический» или близкий к нему дискурс смог выразить сложный путь духовного прозрения писателя. Об этом свидетельствует, как мы уже говорили, лирика и поэма «Двенадцать» Блока (7, с. 222).

Параллельно богоискательству развивались идеи Льва Толстого. Признавая, что царство Божие внутри нас, сводя Евангелие к моральной проповеди, он отказался от церковного ритуала (вспомним пародийное описание действий священнослужителя в романе «Воскресение»), за что и был отлучен от церкви. Этот факт породил своего рода маргинальный дискурс в «Анафеме» А. Куприна, исполненный внутреннего протеста при, казалось бы, благоговейном отношении к церковному ритуалу.

Еще ранее в России сложился эзотерический дискурс (3) – мasonicкая литература, произведения Е. Блаватской, Е. Рерих. Он принципиально отличается от того, который мы определили как неоеретический, подчеркнув его органическую связь с христианским. Религиозно-этический, эзотерический дискурс, напротив, принципиально ориентирован на различные мировые религии. Однако антропософские, оккультные мотивы в литературе Серебряного века сближают эзотерический и неоеретический дискурсы.

В годы революции и Гражданской войны в России христианские ценности любовь, вера, милосердие, брак, семья подверглись разрушительным атакам. «Но что такое это людоедство..., эта кровавая классовая борьба, возведенная в принцип, это всеобщее человеконенавистничество, как не практическое отрицание самого начала христианского общежития, более того, – самой сути религии вообще!» (16, с. 19), утверждал Е.Н. Трубецкой. В революции Россия пережила насильственную дехристианизацию, что, по словам Витторио Страды, предопределило отличие русской литературы от литературы европейской (14, с. 298). Общеизвестны пагубное воздействие на русский литературный язык языкового экстремизма со стороны советского государства (он коснулся прежде всего христианского пласта русской лексики) и абсолютная несовместимость большевистских нравственных постулатов с христианскими ценностями: вместо «Не убий!» – «Убей его!» (врага) и нравственно только то, что служит построению коммунизма, как заявил В. И. Ленин на III съезде Комсомола. Художественная литература и кинематограф очень многое сделали, чтобы внедрить в сознание советских людей «безбожную мораль».

Подтверждением последнего тезиса может служить диалог свояков и друзей у Алексея Толстого: Телегин, обязанный жизнью Рошину, знал его как белого офицера, но хотя белогвардеец Рошин ранее спас жизнь Телегину, последний теперь готов выдать его контрразведке. Автор «Хождения по мукам» выстраивает параллелизм в развитии сюжета, чтобы доказать правомерность «нравственного» постулата большевизма, отстаивавшего так называемый «пролетарский гуманизм». Зато Константин Федин, написавший свой роман «Города и годы» гораздо раньше, не позволил герою выдать своего спасителя, за что и был нещадно раскритикован советским литературоведением. Таким образом, граница по-разному понимаемой духовности предопределила и разные типы дискурсов в советской литературе.

Однако при всей идеологической экспансии «безбожников» их идеалы включали в себя пусть искаженные, но родственные христианству постулаты. Еще на заре советской власти на диспутах с наркомом просвещения А.В. Луначарским священнослужители подчеркивали, что пропагандируемая им мораль во многом фактически не расходится с христианскими заповедями. Как марксист, Луначарский это отрицал, но моменты сходства – проповедь аскетизма в настоящем, обещание райской жизни в будущем, – безусловно, были, тем более что Луначарский приписывал писателю функцию жреца. И даже моральный кодекс строителя коммунизма, принятый в 1960-е годы и вдохновлявший советских литераторов, имел своим «протожанром» Нагорную проповедь. Показательна одна из первых дискуссий в Институте мировой литературы в годы «перестройки» – «Коммунизм и христианство» (1988), а вскоре литературоведы вспомнили и о том, что еще в начале XX века Евангелие стало протожанром знаменитого горьковского романа «Мать», а его автор затем выступил и с повестью «Исповедь», подтверждая, что «богостроительство» в среде социал-демократической интеллигенции стало составной частью творческого метода социалистического реализма. Это приводило к тому, что советский художественный дискурс (если он не был воинственно-атеистическим) по ряду позиций сближался с христианским дискурсом, даже если по форме это был диалог-спор, как в пьесе С. Алешина «Все остается людям». В лучших своих чертах художественная презентация коммунистической морали несла в себе немало положительного.

Таким образом, в советской литературе сложился уникальный секуляризованно-духовный дискурс. Он мог сочетаться с антихристианским, как, например, у Маяковского, но чаще не опускался до богохульства. Такая секуляризованная духовность не противоречит христианским ценностям. Хотя религиозная вера в бессмертие души трансформировалась в веру в бессмертие человеческого деяния, но экстаз веры оставался таким же. Его истоки уходят в классику XIX века, когда духовность человека стала некоторыми писателями трактоваться вне религиозности, как противопоставление мещанско-обывательской самоуспокоенности (А. Чехов, М. Горький и др.). Это был дискурс-интертекст, слагаемый из знаковых хрестоматийно известных цитат: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар...» (А. Чехов); «Мещанство – проклятие мира, оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод» (М. Горький); «Жизнь дается человеку один только раз, и прожить ее надо так, чтобы...» (Н. Островский). Такой дискурс утверждал смерть-подвиг, но прославлял и жизнь как служение высшим ценностям. Подобная трансформация наблюдается и за рубежом. Так, на конференции «Сакральное вне религии» (2005) в Париже, судя по информации С. Зенкина, в

«Новом литературном обозрении» (№ 75, с. 439) прямо указывалось, что религиозные модели сознания не могли полностью исчезнуть – они лишь переместились в другие, внецерковные области жизни.

В советской литературе черты сакральности обрели коммунистические идеалы, но из писателей второй половины XX века мало кто, кроме официозных и ангажированных, сводивших все к лозунгам, трактовал коммунизм как реальность (как и загробную жизнь души), однако секуляризованно-духовный дискурс обладал большой силой воздействия на юных читателей. Цитирую по памяти, поэтому, возможно, с некоторыми разночтениями, строки Веры Пановой, воспринятые как программа действий: «Нет, никогда человек не скажет: «Я всем доволен, мне ничего не надо». Всегда открыта земля для новых семян и никогда не сняты леса для строителя. А тот, кто произнес такие слова, тот мертв. От него нечего ждать живым». Утверждение вечного поиска в труде и творчестве, непрестанный труд души («душа обязана трудиться», по словам известного поэта) не вступали в антагонистическое противоречие с нравственными заповедями христианского дискурса, которые сохранялись у людей, уживаясь с атеистическим воспитанием в обществе

Христианское мироощущение «к XIX веку оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже активно «работать» и на подсознательном уровне» (14, с. 152), и это, прежде всего, сказалось на художественном творчестве. У потенциала атеистического гуманизма, лежащего в основе секуляризованно-духовного дискурса, очевидно, есть предел – как он есть и у концепции автономности и независимости человека, его ориентации *только* на свой разум и на свою волю, что порождало утопические идеалы преобразования общества. Исторический опыт показывает, что эта тенденция довольно быстро вырождалась в откровенный, поверхностный индивидуализм: в том случае, когда мотивы всех мыслей и эмоций отыскиваются только внутри человека, индивид перестает быть личностью, «ибо сама идея личности подразумевается при обращении к высшему, надличностному началу», а надличностные истины содержатся уже в «коллективном бессознательном», не выводимом из индивидуальности человека (13, с. 51).

Надо также подчеркнуть, что секуляризованно-духовный художественный дискурс использовал открытия христианского дискурса. Зарубежные критики не раз указывали, что даже «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского – это своего рода неожитийный жанр, и экстаз, который переживают герои-безбожники, на самом деле был сродни религиозному. Авторское противопоставление положительных литературных героев (носителей высокого нравственного начала) отрицательным остается в русской литературе XX века доминирующим вплоть до 1960-х годов. (И только позже эти понятия начинают размываться, возвращая читателей к амбивалентности добра и зла, утверждаемой в русском модернизме Серебряного века.)

Советский секуляризованно-духовный дискурс должен изучаться и в наши дни. Он сохраняет свой воспитательный потенциал, хотя, воспринимаясь в другом историко-культурном контексте, подвергается определенным коррективам. Перед исследователями проблемы духовности стоит вопрос об утверждении того ценного, что было создано советской литературой с учетом дифференцированного подхода к духовности и многоаспектной типологии ее дискурса.

Специфика дихотомического дискурса духовности в современной России нами уже рассматривалась (6). Здесь мы повторим лишь значимый тезис протоиерея А. Гостева: «Человек постиндустриального общества становится безличным, одиноким и манипулируемым, он гонится за удовольствием, позволительным в любом виде. *Главное не противоречить системе (производство – потребление – политкорректность) и зарабатывать деньги для удовлетворения потребностей, этой же системой формируемых*». Заметим, что именно против этого выступали и многие советские писатели 1970 – начала 1980-х гг., (Ю. Бондарев в «Береге» и др.), так что далеко не все из сказанного тогда следует относить к осуждаемому ныне официозу.

В современной художественной литературе проявляются черты особого художественного дискурса, преобладающего в литературе постмодернизма. Порой он превращается не просто в антихристианский, а в сатанинский. На другом полюсе оказываются те немногие произведения современной прозы (например, повесть «Джвари» Валерии Алфеевой), которые показывают путь человека к Богу, запечатлевают момент поиска Божественной истины представителями нового «перестроечного» поколения. Между ними располагаются многочисленные варианты.

Таким образом, применительно к художественному дискурсу духовности мы говорим о разных типах дискурса – христианском (с его достаточно широкой амплитудой текстов), антихристианском и секуляризованно-духовном. Проблема их сосуществования и взаимопроникновения нами отчасти тоже намечена, но нуждается в дальнейшей разработке.

Что касается научного, т.е. литературоведческого дискурса, то очевидно, что до недавнего времени самый значительный план современных исследований, посвященных библейским (ветхо- и новозаветным) мотивам, к православной духовности отношения не имеет. Исследователи чаще всего анализируют и интерпретируют художественный текст с позиции мифопоэтики, рассматривая в том или ином тексте художественную реализацию христианского мифа. (Лишь в редких случаях литературоведы исходят из духовно-христианской позиции создателя текста или из индифферентности писателя по отношению к религии.) На дихотомию христианский/мифопоэтический дискурс накладывается позиция самого субъекта исследования, который может и православный дискурс толковать только как мифопоэтический, но может придать оттенок истовой религиозности и обычному мифопоэтическому тексту. Учет такой двойной рецепции усложняет работу литературоведа в этом направлении и требует особого внимания к типологии духовности.

Сложность сегодняшней ситуации в том, что при возвращении общества к религии правомерность антропоцентрической парадигмы и в литературоведении, и в художественном творчестве вроде бы ставится под сомнение. Не только профессор Московской Духовной Академии Михаил Дунаев отрицает антропоцентризм (4), есть и другие наглядные примеры. Сравним позиции двух современных писателей – Б.

Можаева и А. Курчаткина (в передаче последнего): «Можаев защищал принцип антропоморфный, человекоцентричный принцип абсолютно атеистического ощущения мира, где никакому Боговдохновению нет и не может быть места... человек – мера всему». Но для Курчаткина «Бог, небеса – вот *мера*, которой поверяется человек» (11, с. 168).

Думается, однако, что противопоставление этих двух позиций вовсе не снимает вопроса о человеке как *центре* научных и художественных исканий, как он не был снят и в предшествующие эпохи. Не будем более правоверными, чем яркие личности Возрождения, когда, «не отрицая Бога, действительным адресатом философского интереса стал человек» (В. Канке), чем представители русского религиозного Ренессанса начала XX века. Именно последние как раз способствовали тому, что и литературные шедевры истолковывались сквозь призму философско-антропоцентрических исканий. Высота человеческого в них измерялась высотой божественного, т.е. христианской духовностью. Для Л. Карсавина личность в христианстве начало божественное и само Божество, а в труде Н. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание» (1946) подавляющее большинство глав названо именами героев Достоевского, ибо философа привлекала, прежде всего, их, героев, *человеческая сущность*. Пусть она противопоставлена известному горьковскому: «Человек – это звучит гордо!», ибо гордыня в православии – грех, но в центре интеллектуальных и художественных исканий оставался человек. Симптоматично также название статьи Н. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского». В большей или меньшей мере о человеке Достоевского в этом плане писали также С. Франк, Ф. Степун, Л. Шестов, С. Булгаков, и наряду с ними А. Белый, Вяч. Иванов и др. Тема «Персонажи русской классики и христианская антропология» (14, с. 25) и в современном литературоведении остается актуальной. Религиозное миропонимание (теоцентризм) в данном случае противопоставляется не столько антропоцентризму, сколько социоцентризму, утверждающему, что человек становится личностью *только* благодаря его активной включенности в социальную жизнь. Этому религиозная философия противопоставляет путь становления личности в единении человека с Богом, когда личность усматривается в человеке не как данность, а как предмет стремления – к совершенному, божественному бытию. Такая концепция по сути своей антропологическая, и антропоцентрическое литературоведение в противоречие с нею не вступает. Конечной целью боготворчества является именно человек, и теоцентрическая концепция, подчиняющая личность строгим христианским постулатам, а порой отождествляющая ее с понятием Божьей ипостаси «Христос терпел и нам велел» и т.д., является бескомпромиссным утверждением ценности и достоинства *человека*, обратившегося к Богу.

Перечисленные нами положения и составляют, на наш взгляд, методологическую основу литературоведческих исследований, авторы которых обращаются к типологии дискурса духовности в художественной литературе.

В заключение подчеркнем границу между научным и богословским дискурсами духовности литературы как вида искусства.

Богословский дискурс также возродился в постсоветский период. В нем литературные произведения интерпретируются и оцениваются с позиций религиозного самосознания самого интерпретатора. Самый яркий пример – многотомное собрание сочинений профессора Московской Духовной Академии М. Дунаева, который выстраивает свою концепцию русской литературы именно таким образом. Сокращенный вариант (1056 страниц) представлен книгой М. Дунаева «Вера в горниле сомнения. Православие и русская литература XVII – XX веков» (М., 2002). Согласно его богословской концепции, «уровень душевный постигается средствами эстетическими, этическими, эмоциональными и лишь отчасти рациональными. Уровень духовный доступен познанию верой» (4, с. 11). Богословско-литературоведческие труды публикуются и в церковных периодических изданиях.

В наши дни намечился новый виток интереса к христианскому дискурсу русской литературы; о чем свидетельствует появление новых книг: «Пасхальность русской словесности» (М., 2004) И. А. Есаулова, «Стихи о Прекрасной Даме Александра Блока: поэтика религиозного символизма» (Великий Новгород, 2003) Т. В. Игошевой. В Вестнике МГУ (2005, № 5) опубликована статья Д. А. Крылова «Идея Софии, «религиозное дело» Владимира Соловьева и символизм Андрея Белого». Важно только, чтобы за конкретикой все более расширяющегося круга художественных явлений, входящих в орбиту исследований, не оказалась обойденной типология дискурса русской литературы, репрезентирующей богатство идейно-художественных подходов к проблеме духовности.

Соотнесенность общетеоретических проблем дискурса и аксиологии художественных произведений в научном и богословском дискурсах составляет, на наш взгляд, серьезную проблему, которая может быть решена лишь коллективными усилиями всего культурного российского сообщества.

Библиография

1. Библейская энциклопедия. – Москва, 1990.
2. Бронская, Л. И. Религиозно-философская концепция И.С. Шмелева // Вестник СГУ – 1999. – Вып. 22.
3. Ворожбитова, А. А. Антропоцентризм русского и переводного эзотерического дискурса: лингвориторический аспект / А. А. Ворожбитова, К. К. Сунгуртян // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – Сочи, 2003.
4. Дунаев, М. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник» / М. Дунаев // Аргументы и факты. – 2005. – № 12.
5. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994.

6. Егорова, Л. П. Диалоги на рубеже столетий: светские и церковные трактовки проблем духовности в современной России / Л. П. Егорова // Церковь и общество. 160 лет совместного служения на Юге России. – Ставрополь, 2004.
7. Егорова, Л. П. Иван Бунин. Александр Блок / Л. П. Егорова // История русской литературы XX века (первая половина). – Кн. 1. – Ставрополь, 2004 – С. 3–57; 174–229.
8. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. – Петрозаводск, 1995.
9. Кантор, В. «Принцип христианского реализма» или Против утопического своеволия / В. Кантор // Вопросы литературы. – 1998. – № 6.
10. Котельников, В. А. Язык Церкви и язык литературы / В. А. Котельников // Русская литература. – 1995. – № 1.
11. Курчаткин, А. [выступление в дискуссии] / А. Курчаткин // Вопросы литературы. – 2002. – № 2.
12. Любомудров, А. М. О православии и церковности в русской литературе / А. М. Любомудров // Русская литература. – 2001. – № 1.
13. Панова, О. Ю. «Ното Dei»: Трансценденция Эго у Карла Юнга и Франца Кафки / О. Ю. Панова // Вестник МГУ, сер. 9. Филология 2004. – № 1.
14. Русская литература XIX века и христианство. – Москва, 1997.
15. Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005.
16. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – Москва, 1994.
17. Христианство и русская литература. – Сб. 1–4. – Санкт-Петербург, 1997–2002.
18. Шаповалов, В. Д. О категориях культурно-исторического процесса в России / В. Д. Шаповалов // Свободная мысль. – 1993. – № 1.

Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) (2007)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1–2. – С. 31–39.

Ключевые слова: художественная литература, имагология, литературоведческая имагология, этнонациональная ментальность, инонациональный мир, межкультурная коммуникация.

УДК 82.01

Literary aspects of imagology (innovations and tradition) (2007)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “*To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)*”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. *Literaturovedcheskie aspekty imagologii (innovacii i tradiciya) (Literary aspects of imagology (innovations and tradition))* // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki.* – Rostov-na-Donu. – 2007. – № 1–2. – S. 31–39.

Keywords: fiction, imagology, literary imagology, ethno-national mentality, foreign world, intercultural communication.

UDC 82.01

Художественная литература играет большую опосредующую роль, во-первых, в создании определенного имиджа народа и страны, эту литературу создавших, во-вторых, она выступает как канал художественной коммуникации, знакомя свой народ с другими народами. Соотнести накопленные в науке о литературе данные с новыми научными принципами и терминами – задача весьма актуальная.

Имагология (англ. image – образ) изучает рецепцию страны (народа) другим народом, разграничивая истинные и фальсифицированные представления о ней. Иногда имагология трактуется расширительно, включая не только «другое» («чужое»), но и «свое» – понятия, обычно воспринимаемые в оппозиции. Предметом имагологии является прежде всего область взаимной рецепции представителей крупнейших держав: Россия – США, Россия – страны Западной Европы, религиозно-конфессиональные противостояния (христианство и мир ислама); возможность толерантности в их взаимоотношениях. Но не меньшее значение имеет репрезентация отношений с ближайшими соседями России (странами СНГ) и народами в полиэтничных регионах внутри нашей страны. «Знание о других народах и сообщение им достоверной исчерпывающей информации о собственном этносе составляет неотъемлемую часть имагологии» (Зеленина, 2002). В целом имагология трактуется как рецепция и репрезентация «другой» культуры, т.е. рассматривается в парадигме межкультурной коммуникации.

Имагологию как междисциплинарное научное направление в основном связывают с культурологией. Между тем «учение об образах» весьма значимо и для литературоведения и именно в этой области имеет давние и весьма продуктивные традиции.

Наиболее подробно общетеоретический аспект имагологии изложен в статье В. Б. Земскова «Образ России “на переломе” времен» (3), где делается попытка описания «имагологических инструментов и механизмов». Именно эта статья положена нами в основу сопоставления имагологических и литературоведческих подходов к познанию реальности.

Суммировав сформулированные В. Б. Земсковым принципы и подходы имагологии, можно увидеть, что большинство из них литературоведы исповедовали давно, подтверждая тезис, что новое – это хорошо забытое старое. Автор статьи и сам подчеркивает: «Картина мира той или иной страны в пространстве другой культу-

ры всегда имеет достаточно длинную историю» – и называет исходной хронологической планкой древнейшие цивилизации, Средние века. Действительно, первые характеристики сопредельных народов были даны еще Геродотом, а русские летописи сообщали о половцах (кипчаках), хазарах, гуннах, о татаро-монгольском нашествии. Внимание к жизни и быту других народов, прежде всего тех, чьи судьбы скрестились с историей восточных славян, а затем Московского государства – характерная черта русской литературы с первых ее шагов. Увековеченное создателями Галицко-Волынской летописи предание, широко известное современным читателям по поэтическому переложению А. Майкова – «Емшан», представляется нам самым ярким из первых фактов плодотворного обогащения русского эпического сознания образом «другого», воспринятым не как «чужое», а уже как «свое».

Современная имагология взяла на вооружение принцип историзма, плодотворность которого наглядно подтверждают именно художественные образы, раскрывающие разную степень оппозиции «своего» и «другого», и именно к ним могут быть отнесены следующие слова: «Старое никогда не исчезает, и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о “другом”, и в том, что касается его “положительных”, и в том, что касается его “отрицательных” сторон» (3). Именно современное звучание художественных образов народов-соседей, созданных на протяжении веков, и интерес к ним современного читателя побудили автора рассматриваемой статьи сказать, что в имагологии речь должна идти не об эволюции, хотя эволюционный момент он полностью не отрицает, а о наращивании новых характеристик, которые «не элиминируя старого, образуют дополнительные ряды». Мы же, соглашаясь со сказанным, сделаем акцент и на собственном «эволюционном моменте», зависящем от социокультурной ситуации. Образ Кавказа в русской литературе зависел от движения эстетической мысли в XIX в., когда она (литература) в лице Пушкина и Лермонтова прошла путь от романтизма к реализму. Вначале далекий экзотический край, ставший узлом противоречий эпохи, воспринимался как романтический символ «вольности святой». Становление реализма с его глубочайшим анализом социальных отношений и «диалектикой души» повлекло за собой страстный протест против собирательно-обобщенного наименования всех горских народов «черкесами», дифференциацию многочисленных народностей, пристальное внимание к жизни и конкретности быта каждой из них, проникновение в глубины души «другого». Вершиной реализма в имагологическом плане справедливо считают посмертно опубликованную в 1912 г. повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат».

Но наряду с эстетическими предпосылками на эволюцию рассматриваемой темы воздействовал и новый поворот в русско-кавказских отношениях. Упрочение разнопорядковых – хозяйственно-экономических и культурных – связей, хотя и проложенных по кровавому пути Кавказской войны, позволил писателям, а вслед за ними и литературоведам представить Кавказ более многогранно и объемно. Постепенно в круг художественных исканий русских писателей вошли не только Кавказ, Закавказье, Крым, но и Украина, Прибалтика, Молдавия, Поволжье, Башкирия, Север, Сибирь. Произведения русских авторов – П. Мельникова-Печерского, В. Короленко, В. Шишкова, М. Пришвина и многих других – были подчас единственным источником, из которого читатель черпал сведения о жизни башкир, чувашей, вотяков-удмуртов, черемисов, марийцев, тунгусов, якутов, ненцев и многих других народов.

В XX в. изменились сами пути приобщения художника к инациональному миру, что не могло не сказаться на его художественной репрезентации, к нему теперь вели не только участь ссыльных «государственных преступников» (хотя и в первой половине XIX в. бывали исключения – путешествия Пушкина в Арзрум и на Урал), но и свободно выбранная дорога путешественника, исследователя. И это относилось не только к кавказским маршрутам, но и к художественному открытию других национальных регионов. Возросла и познавательная ценность художественных произведений в плане описания быта, нравов, поэтического творчества «инородцев». Разумеется, и в первой половине XIX в. наблюдалось взаимодействие литературы с русской наукой, но если тогда наибольшая роль принадлежала «посреднику» между литературой и наукой – художественно-географическому очерку, «путешествиям» ныне забытых литераторов, то в конце века большую работу по изучению истории и быта национальных регионов непосредственно выполняют известные художники слова. В начале XX в. складывается особый тип писателя, научно-этнографические интересы которого не «снимались» художественным творчеством, а продолжали жить как бы внутри его (М. Пришвин, В. Шишков, Н. Гумилев). Они (интересы) не были чужды и автору «Хаджи-Мурата»¹, и В. Короленко в его «Сибирских рассказах», и Бунину – певцу Украины.

После революции общее развитие темы определялось, конечно, «социальным заказом», работой писательских «бригад» и «комиссий», но в этом надо видеть не только идеологическое давление, но и реальную возможность для русского писателя досконально изучить жизнь, быт героев будущих произведений. Оппозиция свое/другое не без влияния большевистской идеологии обрела односторонний характер подстановки «чужого» вместо «своего», о чем свидетельствовал и выбор иноязычных псевдонимов (Амир Саргиджан – Сергей Бородин), и подчеркивание специфики генезиса титульной нации: «Ах, мусульмане те же русские, и русским может быть ислам» (В. Хлебников); «И во мне кипит и пенится кровь Батыевой тропы» (Б. Корнилов). Уже тогда стали делаться акценты на полном родстве и единстве народов: «Хоть волос русский у меня, но мы с тобой во многом схожи» (П. Васильев).

¹ Многолетняя (с 1896 по 1904 г.) работа Л. Толстого над историческими источниками к «Хаджи-Мурату», его переписка с очевидцами драмы его героя выходят за пределы обычного сбора материалов для художественного произведения и становятся подлинно научным исследованием, опирающимся как на личные наблюдения Л. Толстого в период пребывания на Кавказе в 1850-х гг., так и на его позднейшие изыскания.

В первые послереволюционные годы, когда поиски новых путей в искусстве порой сопровождались полемическим отрицанием классического наследия, в разработке данной темы опоры на традиции почти не ощущалось. Очень скудными были и исторические сведения о связях русских писателей-классиков с национальными, как тогда говорили, окраинами. Однако с середины 1920-х гг. у русских литераторов зреет мысль о преемственности традиций. Так, ее глубоко ощущал С. Есенин: «Издrevле русский наш Парнас Тянуло к незнакомым странам, И больше всех лишь ты, Кавказ, Звенел загадочным туманом».

Репрезентация образа «другого» в XX в. становится неотъемлемой частью литературной практики. Параллельно факты художественной имагологии подкреплялись научной рефлексией над ней. И. В. Киреевский, не отрицая, впрочем, живописности горского бытия в «Кавказском пленнике» Пушкина, еще полагал, что эти картины лишают поэму целостности: «Все описания черкесов, их образа жизни, обычаев, игр и т.д., которыми наполнена первая песнь, бесполезно останавливают действие, разрывают нить интереса и не вяжутся с тоном целой поэмы» (5, с. 33). Но уже В. Г. Белинский, подчеркнувший, что Кавказ взял полную дань с музы поэта, увидел художественную самодостаточность кавказских образов и картин и в то же время их органическую связь с художественным целым.

То, что литература лучше знакомит народ с народом, утверждал еще А. М. Горький-критик. О том, что специфика жизни этноса поддается только «на ласку образа», уже в конце минувшего века не раз говорил Г. Гачев. В советский период в литературоведении сложилось целое направление, которое в ретроспективном плане можно назвать имагологическим. Особенно активно, как теперь говорят, имагологические исследования развивались в 1960–1970-е гг.: напомним о книгах и диссертациях К. Зелинского, В. Шошина, автора этих строк. Работы по наиболее близкой читателям «Известий ЮФУ» теме «Русская литература и Кавказ» – Р. Юсуфова, В. Лебедева, В. Балуашвили, И. Богомолова, Г. Маргелашвили и др. – имели своего рода аналоги на местном материале в республиках Поволжья, Сибири, Средней Азии. Если ранее акцент делался на художественном открытии новых этнических миров, то в указанный период идеологической составляющей таких литературоведческих исследований было взаимообогащение литератур, утверждение новой исторической общности людей (идея, восходящая к евразийству, но использованная советской пропагандой). Распад СССР внес в нее существенные коррективы. Призыв сохранить «единое культурное пространство», с которым выступали и Д.С. Лихачев, и другие выдающиеся литературоведы, воплотить в жизнь не удалось. Однако вопрос об общероссийском полиэтничном и многоконфессиональном единстве – это вопрос выживания страны. Литературоведение выступает как один из важнейших каналов связи, позволяющий включить литературу в диалог культур, рассмотреть ее как фактор межкультурной коммуникации.

Исследование русской литературы писателями, а вслед за ними и литературоведами этнонациональной ментальности других народов дополнялось образом России и русского человека в произведениях национальных литератур мира и России. И здесь на литературоведение возлагались особые функции: оно становилось уже посредником не только между русским читателем и отечественной художественной имагологией, но и между ним и соответствующими образами других литератур, при этом они (образы) уже впитывали в себя рецепцию отечественного литературоведа. Оппозиция свое/другое теперь значительно усложнялась.

Однако исследования подобных артефактов до последнего времени не имели четкой научной «прописки», что сказало на их теоретическом уровне. Чаще всего они проходили под рубрикой литературных связей и взаимодействий национальных литератур, что мало соответствовало действительному положению вещей: многие народы – предмет художественной репрезентации русских писателей – зачастую не имели ни своей литературы, ни даже письменности. А если и имели, то к знакомству с ней художественное открытие другого мира вовсе не сводилось, оно было намного шире и полнее. Поэтому и современная посылка: «Имагология – это часть компаративистского литературоведения» (Глоссарий Русского гуманитарного Интернет-университета) – представляется нам недостаточно корректной. Богатый и многовековой опыт русской литературы, открывавшей все новые этнографические пространства, убеждает в непосредственном художественном освоении таких пространств, которое не может быть сведено только к проблеме литературных связей. Сфера литературных связей, хорошо выявляющая определенные стороны поэтики (сюжетологии, изображения внутренней жизни персонажа и др.), не могла заменить непосредственного изучения писателем жизни и быта другого народа и воплощения познанного в оригинальных художественных образах. Поэтому в формулировках тем фундаментальных исследований, относящихся, как мы говорим сейчас, к имагологии, на рубеже 1960–1970-х гг. приходилось прибегать к наивной описательности, например: «Русская проза в ее связях с жизнью народов СССР». Ныне изучение литературных явлений в аспекте имагологии определяет и методологический, и теоретический их уровень (см. 6, 7, 8).

Из теоретических наработок советского времени нам представляется важным определение основного предмета исследования литературоведческой имагологии (инонационального характера), предложенное в наших ранних работах. Ведь предметом художественного познания становится не национальный (как бы адекватный национальной специфике данной литературы) характер, а такой, который можно условно назвать «инонациональным». В этом определении подчеркивается рецепция – восприятие и художественное освоение типа человеческого поведения (поступков, мыслей, переживаний, речевых особенностей), обусловленного иной национальной принадлежностью. Инонационального характера, как такового, объективно не существует, это лишь *художественная реальность*, и речь идет о национальном характере, воспринятом и воплощенном другой национальной литературой. Основываясь на традиционной для художественной литературы категории («характер литературный»), инонациональный характер не сводится к «зеркальному» отражению реальных черт, присущих представителям тех или иных наций, он несет в себе авторскую оценку «другого», выражающую нравственно-эстетическую концепцию человека. В эпических и лиро-эпических жанрах глубинно раскрываются навстречу друг другу, синтезируются две этнонациональные ментальности – художника и его ге-

роя. Этот синтез знаменует собой один из важнейших путей взаимообогащения национальных культур, а не просто литературных связей, которые, повторяем, возможны, но вовсе не обязательны, ибо создание национального характера имеет место и при отсутствии литературы у народа, который такой характер представляет. В любом случае ведущую роль играют не литературные воздействия, а непосредственное изучение «другой» действительности, приобщение писателя к инациональной духовной культуре в самом широком смысле этого слова. Поэтому в эссе важнейшим критерием в оценке изображенного писателем инационального характера является исторически правильное постижение национальных черт бытия и сознания «другого», отражение в его облике духовно-нравственного опыта его народа, с которым он сверяется при выборе жизненной позиции. «В познании человеком других людей... могут быть выделены этическая и аксиологическая характеристики» (1, с. 4), – утверждают психологи. В художественном произведении эти характеристики поданы через эстетическую призму. Такому критерию отвечали «удэгейские» главы в социально-психологическом романе А. Фадеева «Последний из удэге», «татарские» главы в философском романе Л. Леонова «Дорога на океан» и другие.

Как отрядный факт отметим, что в работе В. Земскова сфере литературы и искусства в имагологических поисках придается наибольшее значение. Высказывается – и справедливо – сожаление о том, что «все меньшую роль, как в составе культуры Пост-Современности, так и в имагологической рецепции и репрезентации играют литература, искусство». Именно в этом автор видит причины преобладания грубых, «жестких» стереотипов, которые затрудняют международный диалог, порождают монологизм, нетерпимость, конфликты цивилизационно-религиозного характера. Подчеркивается особо значимое воздействие художественных образов на конфликтные ситуации: в трагических условиях «искусство воссоздает мир «другого» не как другого/ «чужого», а как *иного*».

Вместе с тем вызывают несогласие резкое разграничение имагологии и идеологии, порой со ссылкой на авторитет известного чешского писателя М. Кундеры, утверждающего, что место идеологии занимает культурология. Думается, такая недооценка идеологического начала не соответствует действительности и происходит из негативного отношения к господствовавшей многие годы марксистско-ленинской идеологии, но это отношение нельзя экстраполировать на идеологию как таковую. Имагология, потребность в которой порождена мировым процессом глобализации и которая отвечает острой потребности взаимопонимания народов, идеологична по определению. Художественные образы также несут в себе идеологическую составляющую – систему взглядов и идей общества, к которому принадлежит художник, даже если он находится с ним в конфронтации. Соотнесенность его миропонимания с идеологическими постулатами как его времени, так и времени бытования произведения – необходимый аспект работы литературоведа.

Что касается других понятий – стереотип и имидж, наряду с художественным образом рассмотренных в статье В. Земскова, то они также могут использоваться в литературоведении. «Стереотипы рассматриваются как первичные имагологические формы, которые могут служить для построения образов». В. Земсков подчеркивает, что «стереотипы гнездятся, так сказать, в глубинах культурно-бессознательного. Они никогда не исчезают, способны активизироваться и обнаружить актуальность и в самые неожиданные моменты и во вполне предсказуемых ситуациях». И в этом плане они представляют интерес и для литературоведения. Но в целом подлинно художественное открытие инационального мира, хотя и несет в себе стереотипные представления, чаще порожденные самой же литературой, стереотипность преодолевает. Это отмечено и В. Земсковым: «В отличие от «плоскостного» и однозначного стереотипа образ многомерен и многозначен. Это мир многоаспектный, целостный, но одновременно и дифференцированный, в отличие от неразложимых стереотипов».

Следует обратить внимание на подчеркнутое В. Земсковым разграничение понятий «стереотип» и «имидж». Отмечая их близость, автор в то же время справедливо считает, что «исходя из сегодняшнего словоупотребления, следовало бы закрепить за «имиджем» функцию создания политпропагандистского стереотипа, специально вырабатываемого в целях идеологической, геополитической борьбы на международной арене». «Имиджи могут опираться на стереотипы «классические», трансформировать их в современных целях, могут создаваться заново (например, блуждающие стереотипы современных пропагандистских кампаний)». Понятие «имидж» целесообразно использовать в литературно-критической интерпретации так называемых идеологических (политических) романов и повестей, литературных киносценариев, откровенно публицистических и тенденциозных. К ним относятся произведения об афганской войне, о событиях 1990-х гг. на Кавказе. Наибольшую известность получили романы А. Проханова, но и остальные произведения в своей совокупности отвечали задачам геополитики советского, а позже – российского государства. В последнем случае они отражали общественные настроения слоев, разных по своей идеологической ориентации.

В заключение подчеркнем социальную значимость имагологии, ее роль в жизнеобеспечении этносов и государств и необходимость выделения художественной литературы и науки о ней в особо важный раздел имагологии. Вместе с тем ее литературоведческие аспекты должны изучаться не как иллюстративный материал, а в своей художественной специфике и самодостаточности. Именно в таком направлении ведется работа в научной лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» Ставропольского государственного университета. Сошлюсь на адресованную широкому читателю нашу книгу «Русские писатели на Северном Кавказе» (см. 2). Нравственно-эстетический потенциал художественных образов будет способствовать укреплению мира и дружбы между народами в условиях новых геополитических реалий.

Библиография

1. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – Москва, 1982.
2. Егорова, Л. П. Русские писатели на Северном Кавказе: Литературно-краеведческие очерки [XX век] / Л. П. Егорова. – Ставрополь, 2007.

3. Зеленина, Л. В. Новые отрасли гуманитарного знания / Л. В. Зеленина // Московский государственный университет культуры и искусств. Кафедра библиотековедения. – Москва, 2002. – URL: <http://libconds.narod.ru>. – Текст : электронный.
4. Земсков, В. Б. Образ России «на переломе» времени (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В. Б. Земсков // Новые Российские гуманитарные исследования. – 2006. – URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/81/>. – Текст : электронный.
5. Киреевский, И. В. Избранные статьи / И. В. Киреевский. – Москва, 1984.
6. Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока / Отв. ред. В. Е. Багно. – Москва, 1998.
7. Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. – Москва, 2002.
8. Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов / В. А. Хорев. – Москва, 2005.

Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций (2008)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения: сб. материалов Междунар. научной конф. / ред.-составитель Л. П. Егорова. – Ставрополь : изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. – С. 3–12.

Ключевые слова: индивидуальность, творчество, личность, литературная личность, индивидуальность писателя, творческая индивидуальность.

УДК 82.01

Creative individuality of the writer: the problem of definitions (2008)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya: problema definicij (Creative individuality of the writer: the problem of definitions) // Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya: teoreticheskie aspekty izucheniya : sb. materialov Mezhdunar. nauchnoj konf. [Tekst] / red.-sostavitel' L. P. Egorova. – Stavropol': izd-vo Stavropol'skogo gos. un-ta, 2008. – S. 3–12.

Keywords: individuality, creativity, personality, literary personality, writer's individuality, creative individuality.

UDC 82.01

Печать творческой индивидуальности лежит на каждом значительном художественном произведении. Постановка проблемы творческой индивидуальности писателя отвечает задачам изучения художественной антропологии (человековедческого аспекта литературного произведения), ее теоретическому осмыслению в науке о литературе. Рассмотрим проблему дефиниций, раскрывающих значение того или иного понятия, соотношенность категорий «творческая индивидуальность» и «творческая личность».

Как понятие философии и психологии «индивидуальность» означает своеобразие, совокупность качеств и исключительных свойств, выражающих сущность особенного, т. е. свойств *отдельного* индивида. Последний в «Толковом словаре русского языка» определяется как «отдельная личность». Соответственно, определение «индивидуальный» трактуется как «личный», свойственный данному индивиду, отличающемуся характерными признаками от других. Поэтому понятия «индивидуальность» и «личность» порой понимаются как синонимы, хотя они самодостаточны: под индивидуальностью понимаются особенности характера и психического склада, отличающие одного индивида от другого, а под личностью – человек как «носитель каких-нибудь свойств», в том числе и присущих другому. Указанные понятия были четко разграничены еще в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Индивидуальность, по определению автора словарной статьи, – то, чем одно существо отличается от других (преимущественно в психическом отношении); то, что свойственно только данному существу одному и делает его тем, что оно есть. Понятие «личность» в том же словаре раскрывалось в трех аспектах: телесная личность, психическая личность, социальная личность, что предусматривало констатацию не только индивидуального – особенного – но и общего.

Такое философское истолкование понятия сохранилось и в наши дни: в отличие от личности, индивидуальность – специфическое, неповторимое в индивиде (9, с. 176). «Личность» более широкое понятие, чем «индивидуальность», при изучении личности акцент делается не только на своеобразии, но и на социализации индивида, на его способности интегрироваться в человеческое сообщество, понимать не только себя, но и другого.

Применительно к художественной литературе подобное разграничение понятий «индивидуальность» и «личность» встречается еще на рубеже XIX–XX вв., по крайней мере, у М. Горького. В статье «Разрушение личности» (1909) он, исходя из контекста высказывания, последовательно обращается то к одному, то к другому понятию:

«В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление – понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбах ее народа, об ее роли на земле.

Как человек, как личность, писатель русский доселе стоял освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, к литературе, к усталому в труде народу, грустной своей земле» (3, с. 66).

Известна и другая горьковская характеристика русских писателей-классиков, где акцент сделан именно на индивидуальности каждого: «тоскующий Лермонтов», «грустный Тургенев», «больная совесть наша – Достоевский» и т. д. Горьковские определения, разумеется, не претендовали на научность, но различие между понятиями «личность» и «индивидуальность» они иллюстрировали хорошо,

В советском литературоведении оба указанных понятия употреблялись с акцентом на специфике творческого труда художника слова: «творческая индивидуальность», «личность художника», «литературная личность» (последнее было введено Ю. Тыняновым). Но в качестве официального термина признавалась «творческая индивидуальность». Это подтверждают публикуемый ниже историографический обзор О.Л. Шатохиной и П.К. Чекалова и данные предметного указателя одного из изданий семинара «Textus» – «Три века русской метапоэтики», где в выступлениях советских поэтов второй половины XX в. часто встречается понятие «индивидуальность» (8, с. 941).

Иная картина наблюдается в наши дни. Задумавшись над причинами, по которым на рубеже 1980–1990-х гг. понятие «творческая личность», столь популярное в 1960–1970-х гг., исчезло со страниц литературоведческих изданий. Для советского периода характерно невнимание к личности, и оно определялось исходными идеологическими позициями: в предметном указателе к сочинениям Маркса и Энгельса «личность» занимает неизмеримо меньшую «площадь», чем «человек», тогда как в XX в. философия, включая и труды русских религиозных философов, прошла путь от понятия «человек» к образу личности. Положение советской критики и литературоведения усугублялось большевистской доктриной: жесткая ленинская, идущая от радикального народничества, позиция в вопросах партийной дисциплины накладывала отпечаток и на другие стороны жизни, в том числе и на литературу. В. Маяковский – яркая личность в поэзии. Резко полемизируя с противниками его поэтического Я («Я для пролеткультовца все равно что неприличность»), он в поэме «Владимир Ильич Ленин», тем не менее, создал уничижительный образ «единицы». Так выстраивалась оппозиция «личность – коллектив» (прежде всего партийный): «Единица! Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка. Кто ее услышит? – Разве жена! И то если не на базаре, а близко. <...> Единица – вздор, единица ноль». Подобная позиция отражена и в дневнике Д. Фурманова, автора знакового для советской литературы романа «Чапаев»: «Цену человеческой жизни и даже личности мы свели к нулю – тем больше подняли мы цену любого крошечного общественного явления». В.А. Лавров, приведя это высказывание (7), первый полюс оппозиции обозначил горьковскими словами: «Народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности». (По иронии истории, это было сказано Горьким в «Несвоевременных мыслях», которые вернулись к читателю и в литературоведение лишь в постсоветский период на фоне ужасающей картины правды о репрессиях и преступлениях против личности.)

В условиях резко негативного отношения к традициям формальной школы в советский период было отвергнуто и забыто тыняновское понятие «литературная личность»; возобладало понятие «творческая индивидуальность». Однако оно толковалось расширительно и обязательно включало в себя личностные характеристики. Так, словарная статья Л. И. Тимофеева и С. П. Тураева – составителей «Словаря литературоведческих терминов» (1974) – была справедливо направлена против тех, кто не видел различий «между одним и другим писателем, если они по происхождению и общим убеждениям принадлежат к одному и тому же классу». Статья внесла свою лепту в борьбу с вульгарным социологизмом от литературоведения, и творческая индивидуальность правильно трактовалась авторами как «неповторимые качества». Однако последние сразу включались в более общий контекст: «неповторимые качества» буквально в рамках одного предложения рассматривались как «отражение особенностей литературы эпохи и направления, к которым он (писатель) принадлежит». Разговор о «своем» у писателя, о его «неповторимых качествах» сразу же сводился к их подчиненности «определенным закономерностям». Фактически определение «творческая индивидуальность» под пером составителей словаря стало синонимом понятия «творческая личность».

Так понятия, по сути своей разные, становились рядоположными при лидирующей роли понятия «творческая индивидуальность». Позиция составителей словаря отражала уровень литературоведения 1960–1970-х – трудов И. Неупокоевой, М. Храпченко, Б. Костелянца, Б. Бурсова и др. Вспомним наиболее авторитетное издание под грифом Академии наук «Художественный текст и творческая индивидуальность писателя» (1964). В статье И. Г. Неупокоевой «Писатель – литературное произведение – общество», утверждалось: понятие «творческая индивидуальность» шире, чем только представление о мастерстве, о характере таланта, артистизме, оно включает и направленность таланта, ту эстетическую позицию писателя, которая никогда не может быть только эстетической, но всегда является выражением определенной общественной его позиции. «Творческая индивидуальность» и «личность писателя» в работах тех лет выступали, в сущности, как одно понятие, которое предполагало, что «все советские писатели стоят на позициях единого марксистско-ленинского мировоззрения». При этом понятие «личность» без эпитета «литературная» больше понималась как личность биографического автора, нежели как литературоведческая категория, выявляемая специальным филологическим анализом.

Проблема творческой индивидуальности наиболее подробно разработана в одной из глав книги М.Б. Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы». Понятия «творческая индивидуальность» и «личность писателя» им также трактуются как синонимы: «Творческая индивидуальность – это личность писателя в ее важнейших социально-психологических особенностях, ее видение и художественное претворение мира...» (12, с. 79, курсив мой. – Л. Е.). Но Храпченко предостерегал против отождествления творческой индивидуальности с «житейской личностью» художника. Известным литературоведом были сделаны и акценты, касающиеся самого существа творческой индивидуальности: к ним он относил индивидуальное *видение* мира; в его трактовке М.Б. Храпченко следовал за Тургеневым, который в писателе ценил «свой голос», «свои собственные нотки», а также оригинальность в способе мышления, в убеждениях и, конечно, в стиле (12, с. 60-61).

Но, повторяем, в целом под творческой индивидуальностью в советском литературоведении в основном понималась творческая личность – понятие, на наш взгляд, более широкое, чем творческая индивидуальность, выявляющее не только индивидуальное, но и общее, вплоть до общности по направленческим и «теченческим» критериям, по выбору литературных традиций. (Хотя сам выбор той или иной традиции – это тоже проявление творческой индивидуальности.)

В периоды «перестройки», а позже – тотального отвержения в 1990-х гг. всего советского, протест против недавнего поправа прав личности (осознанный или даже неосознаваемый) выдвинул на первый план именно эту категорию. В литературоведении стало возрождаться и определение Ю. Тынянова «литературная личность». Первым шагом в этом направлении стала опубликованная еще в 1980 г. статья В. Эйдиновой, в которой были подробно репрезентированы основные положения выдающегося представителя формальной школы. Для Тынянова, как показано Эйдиновой, «литературная личность» писателя соотносима с его «биографической личностью», но отнюдь не равна ей и должна рассматриваться в оппозиции «совпадение/несовпадение». Грани писательского «Я» связаны друг с другом сложно, «не прямо», а подчас и конфликтно, что показано Тыняновым на примере Тютчева. Отношения реальной личности поэта и личности, открывающейся в его творчестве, – предмет специальных литературоведческих штудий (а не только биографических изысканий), ибо понятие «литературная личность» используется в основном для выявления специфики художественного мира и понимается как нечто создаваемое в самом творчестве художника, в его произведениях.

Степень отхода от «живой» личности творца, по Ю. Тынянову, может быть различной. Во-первых, может происходить персонификация авторского Я, его, как говорил Тынянов, «оличение». Особая активность биографического «Я» становится литературным приемом: «Эмоциональные нити, которые идут непосредственно от поэзии Блока, стремятся сосредоточиться, воплотиться и приводят к человеческому лицу за нею» (19, с. 123). Однако само это «лицо» – плод искусства. Поэтому категория «литературная личность» сопрягается с индивидуальным стилем (сейчас чаще употребляется термин «идиостиль»), с такими понятиями, как персонаж, сюжет, жанр, художественная речь, столь индивидуальная в поэзии Крылова, Катенина, Пушкина в начале XIX века, а в следующем столетии у Ахматовой, Маяковского, Пастернака и др. (см.: 11, с. 74–78). К сожалению, статья В. В. Эйдиновой прошла незамеченной.

На рубеже 1990–2000 гг. термин «литературная личность» (или «творческая личность») стал встречаться чаще. Однако в содержательном плане возвращенное понятие отличалось тем же синкретизмом, что в недавнем прошлом «творческая индивидуальность». Фактически понятие «творческая личность», «литературная личность» стали обозначать то же самое, что во времена М. Б. Храпченко обозначалось понятием «творческая индивидуальность». Естественно, что из двух понятий, относимых к одному явлению, одно оказывается лишним, и теперь забвению подверглось именно понятие «творческая индивидуальность», ассоциируемое с советским литературоведением.

Но являются ли оба понятия синонимами? На наш взгляд, можно говорить о присущем каждому из них своему содержательному объему. Поставленная на сегодняшней конференции проблема творческой индивидуальности не должна растворяться в указанном большом массиве научных текстов более широкой направленности. Попытаемся сформулировать, какие именно постулаты антропоцентрической парадигмы (см. 2) имеют самое непосредственное отношение к решаемой проблеме.

Еще в 1983 году в «Кратком словаре по эстетике» под ред. М. Ф. Овсянникова в определении «творческая индивидуальность» более четко, чем в предшествующем одноименном словаре (1980), акцентировалось *единство* врожденных качеств (музыкальный слух, чувство цвета, ритма, объема, формы, мировоззрения (точнее – видения мира – Л. Е.)), внутреннего мира художника, проявляющихся в художественном творчестве. Особенности индивидуальности проявляются в способности *избирательно* реагировать на объект творчества, т.е. здесь можно говорить о своеобразии интенциональности (Гуссерль) – направленности сознания на предмет, что позволяет художнику не просто пассивно воспринимать внешний мир, а создавать свою художественную реальность, *свой* мир, наполняя его неповторимым содержанием, смыслом и значением. «Мирообразующее» сознание художника подтверждает: в художественном произведении «нет объекта без субъекта», истина, которая востребована разными направлениями литературоведения (см., например: 5, с. 350).

Как писал в свое время П. Зарев, «Достоевский со своими героями и их сложным внутренним миром приближается к познанию истин, которые неизвестны Толстому. И наоборот, доступное Толстому не только как тема, тип характера, но и как тип переживания чуждо Достоевскому». Достоевский и Толстой – психологи, и все же они различаются друг от друга тем, как понимают психику человека и «какие ее стороны их привлекают» (6, с. 79). И с этим нельзя не согласиться. Остановился П. Зарев и на другой антиномии русской прозы: «То, что волнует и привлекает Шолохова, не трогает Паустовского» (6, с. 43). Разумеется, данное

противопоставление не может пониматься тотально: литературная личность одного и другого художника слова питалась общечеловеческими идеалами, в том числе и любовью к родной природе (вспомним лирическое отступление «Степь родимая...» в «Тихом Доне» и объяснение в любви к Мещере). Но как творческие индивидуальности Шолохов и Паустовский действительно разнятся: их избирательное отношение к окружающему миру, расстановка смысловых и эмоциональных акцентов, стилевые формы выражения понятного и прочувствованного порой просто несопоставимы.

Выразительно сравнение, к которому прибегает современный писатель Сергей Есин, характеризуя мир литературы: «Есть писатели-ручейки (...), но есть и писатели-океаны». На наш взгляд, в этой образной классификации писателей просвечивают дефиниции понятия «литературная личность». Мы разграничиваем их по степени масштабности эстетического пересоздания жизненных впечатлений, по мировосприятию, идеалам. Но обратим внимание на продолжение высказывания С. Есина: «*Масштабы при взгляде изнутри и снаружи – разные*» (4, с. 10, курсив мой – Л. Е.). Смена ракурсов рассмотрения проблемы, рассмотрение ее «изнутри» выдвигает на первый план изюминку творческой индивидуальности, даже если это писатель-ручеек (как Паустовский) в сравнении с писателем-океаном (Шолохов). Высокая эстетическая ценность творений первого – тоже непреложный факт.

Индивидуальность художника – это его интеллектуальный, эмоциональный, нравственный настрой, это только ему присущее чувство прекрасного, неповторимый характер его творческого воображения. «Величие индивидуальности заключается в *специфике* отношения к царству ценностей» (10, с. 176, курсив мой – Л. Е.). И здесь «разброс» вариаций может быть гораздо большим, чем при сравнительно-типологической характеристике литературной личности писателей одной эпохи, накладывающей отпечаток на их эстетические и этические установки, на общность традиций, на отношение к жизненному материалу, проблематику произведений, предметно-образительную сферу. Ведь один писатель «лучше видит, другой – лучше слышит, у одного стереоскопическое зрение, у другого – двухмерное. Один видит Мир в ярких живописных пятнах, у другого он подернут, как при дожде, вуалью серого цвета. Но все это лежит за текстом, читатель имеет дело с уже готовой картиной; и. может быть, поэтому так важно признание самого писателя главной "лабораторией изнутри"» (4, с. 6).

В процессе творческой деятельности «творческая индивидуальность» фактически «растворяется» в личности. Тем не менее, она составляет ее «изюминку», ее своеобразие. Творческая индивидуальность – это в большей мере сфера проявления *таланта*, чем его судьбы: талант может реализоваться или не реализоваться в тех или иных условиях социальной среды, и именно это обстоятельство будет определять характер литературной личности. Масштабность последней определяется всей совокупностью литературного творчества писателя. Творческая индивидуальность проявляет себя в более узком диапазоне литературной деятельности, прежде всего в индивидуальном стиле (в отличие от стиля эпохи или направления). С. Н. Есин, соединяя в себе художника слова и теоретика литературы, справедливо писал, что «прикосновение к слову, расстановка слов в определенном порядке уже несут некий субъективный момент: «Стиль, с моей точки зрения, явление природное (...) Можно родиться с естественным умением складывать слова и ставить их друг возле друга в определенной последовательности, наиболее выгодной для смысла» (4, с. 11–12). Сказанное относится не только к речевому стилю, о котором говорит Есин: не только речь, но и чувство перспективы словесно-художественного целого, способы гармонизации частей и целого, т.е. вся «закономерность формы» (А. А. Соколов) делают стиль настоящего художника слова индивидуально-неповторимым. Проблема идиостилия самодостаточна, и мы в рамках небольшой статьи рассматривать ее не будем; подчеркнем лишь, что классический афоризм «стиль – это человек» зримо вписывает проблему стиля в рамки антропоцентрического литературоведения.

Проблема творческой индивидуальности позволяет решать и пресловутую проблему интертекстуальности. С. Есин справедливо пишет: «...Чужой текст – лишь «корсет» писательской индивидуальности, которая или есть, или ее нет» (4, с. 11).

Творческая индивидуальность раскрывается через писательскую самоидентификацию, которую определяют как «зафиксированную в тексте рефлексию писателя над своей особостью: кто я? каков мир? какое место в нем я занимаю? и какое среди людей? что я им хочу сказать? в чем мой талант? каково мое отношение к слову и к литературе? как я вижу, слышу, чувствую, мыслю? и какими способами перевожу это в слова и в произведения? чем отличаюсь от других писателей? что меня с ними сближает? писательство – это какая-то отдельная сущность во мне (чужой голос Бога, дьявола, вселенной) или моя неотъемлемая часть? в чем моя писательская сила? слабость? и смогу ли?» Поставив эти вопросы, Есин подчеркивает: специфика писательской самоидентификации не сводится только к содержанию – рефлексии над особенностями дара словесного творчества, но имеет отношение и к форме письменной фиксации этой рефлексии, и обобщает: применительно к фигуре писателя такая самоидентификация позволяет раскрыть бытие писателя в писателе (4, с. 8–9). Отсюда придание особой важности изучению писательского тезауруса, понимаемого как «персональная картина мира».

Писательскую самоидентификацию, на наш взгляд, надо рассматривать как автоинтерпретацию и соотносить с метапоэтикой, т.е. с понятийным истолкованием собственного творчества в широком (13) или, скорее, только в узком смысле этого слова (только непосредственно в рамках самого художественного текста). Но и в этом случае самоидентификация касается лишь осознаваемых писателем особенностей своей творческой индивидуальности, осмысления *своего* места в мире, *своего* голоса в литературе, а не осмысления произведения как такового, в целом, с какими-то относящимися только к нему частностями и подробностями.

Сущность понятия «творческая индивидуальность» может проясниться и на стыке понятий «биографический автор» и «автор как субъект художественного сознания». «Биографический автор»

«реальная творческая личность», существующая во внехудожественной, «первичной», реальности (В. Прозоров). Автор как субъект художественного сознания выражается произведением как целостной художественной системой (Б. Корман); под ним можно понимать лирический субъект в поэзии (С. Брайтман). Напомним, что существенные коррективы в биографический подход к исследованию внес блестящий критик начала XX века Ю. Айхенвальд: «Сущность художественного произведения определяется индивидуальной психикой его творца». Протестуя против сведения биографии писателя к житейским фактам или событиям общественной жизни, он писал: «Внешняя жизнь сама по себе еще ничего не значит. А жизнь внутренняя, то, что только и важно, сама скажется в творении писателя, хочет он того или нет» (1, с. 20, 23).

Нисколько не отождествляя биографического автора с автором в его внутритекстовом художественном воплощении, подчеркнем, что учитывать духовную биографию *реального* автора необходимо, особенно в лирике. При характеристике творческой личности и при выявлении творческой индивидуальности в лирической поэзии биография поэта обретает большую значимость, нежели в произведениях других литературных родов – в эпических произведениях и драматургии. Как писал М. Бахтин, в лирике автор растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной и ритмической форме. Отсюда кажется, что автора нет, что он сливается с лирическим героем, или наоборот, нет лирического героя, а только автор («К философии поступка»). Лирический герой и автор биографический, как говорит Бахтин, вступают в диалог. В поэзии как будто аккумулировано абсолютно неразрывное единство личности поэта (биографического автора) и лирического субъекта, и вопрос о разграничении понятий «творческая личность» и «творческая индивидуальность» (на котором мы делали акцент выше) как будто – подчеркиваем: как будто – снимается.

Можно предположить, что разграничение понятий «личность» и «индивидуальность» в литературоведении зиждется на двойственной природе самой художественной литературы, которая выступает и как форма общественного сознания, и как вид искусства. Понятие «творческая индивидуальность» коррелирует именно с последней ипостасью. Однако понятно, что над всем главенствует принцип понимания произведения как художественного целого. Если в научном поиске исследовательская мысль вычленяет те или иные аспекты проблемы, то в реальном творческом процессе и литературная личность, и творческая индивидуальность предстают в органической неразрывности, что предостерегает от упрощения и схематизации.

Представленные на конференцию доклады отразили две тенденции в современном понимании творческой личности и творческой индивидуальности. На наш взгляд, категория «творческая индивидуальность», как неповторимость, уникальность писателя, отличающая его от даже очень близких ему по духу собратьев по литературному цеху, зримо выражена во многих публикациях сборника. Вместе с тем в него включены и статьи, репрезентирующие широкое понимание категории «творческая индивидуальность». Дискуссия может быть продолжена.

Библиография

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. – Москва, 1994.
2. Антропоцентрическая парадигма в филологии. В 2-х книгах / Ред. составитель Л. П. Егорова. – Кн. I. Литературоведение. – Ставрополь : СГУ, 2003.
3. Горький, М. Собр. соч. в 30 томах, Т. 24. / М. Горький. – Москва : ГИХЛ, 1953.
4. Есин, С. Н. Писатель в теории литературы и проблема самоидентификации / С. Н. Есин // Филологические науки. – 2005. – № 6.
5. Западное литературоведение XX века. – Москва, 2004.
6. Зарев, П. Стиль и личное мироощущение / П. Зарев // Единство и многообразие. Литературно-художественная критика в НБР. – Москва, 1979.
7. Лавров, В. А. «Приобрести сознание своей личности» (Над страницами истории советской литературы) / В. А. Лавров // Русская литература – 1998. – № 3.
8. Три века русской метапоэтики. Легитимация дискурса. Антология в 4 томах. Том IV. XX век / Под общей ред. проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь : СГУ, 2006.
9. Тынянов, Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Тынянов. – Москва, 1977.
10. Философский энциклопедический словарь. – Москва, 1997.
11. Эйдинова, В. В. Ю. Тынянов о «литературной личности» / В. В. Тынянов // Филологические науки. – 1980.
12. Храпченко, М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – Москва, 1972.
13. Штайн, К. Э. Метапоэтика: «Размытая» парадигма / К. Э. Штайн // Филологические науки, 2007.

Историко-функциональное изучение литературы как проблема литературоведения (2012)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Историко-функциональное изучение литературы как проблема литературоведения // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы : материалы Междунар. научно-практ. конф. (18–19 мая 2012 г.) / под общ. ред. А. А. Фокина. – Ставрополь, 2012. – С. 8–17.

Ключевые слова: литературоведческая интерпретация, историко-функциональный подход, принципы метапредметности в преподавании литературы.

УДК 82-94

Historical and functional study of literature as a problem of literary criticism (2012)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Istoriko-funkcional'noe izuchenie literatury kak problema literaturovedeniya (Historical and functional study of literature as a problem of literary criticism) // Istoriko-funkcional'noe izuchenie literatury i publicistiki: istoki, sovremennost', perspektivy : materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. (18–19 maya 2012 g.) / pod obshch. red. A. A. Fokina. – Stavropol', 2012. – S. 8–17.

Keywords: literary interpretation, historical and functional approach, principles of meta-subject in the teaching of literature.

UDC 82-94

Понятие «историко-функциональное изучение литературы» стало известно и оказалось на пике популярности в самом начале 1970-х гг. прошлого века. Оно было обосновано на отчетном собрании Отдела литературы и языка Академии наук СССР, где его руководителем академиком М. Б. Храпченко были подведены итоги состояния литературоведения за 1972 год.

Докладчик сетовал на то, что классическая литература, в частности, русская, нередко изучается таким образом, что она оказывается в значительной мере изолированной от современной культуры, от духовных запросов человека. «Исследователи зачастую стремятся так «связать» произведения классиков с эпохой, их породившей, что становится совершенно непонятным, почему они вызывают живейший интерес последующих поколений, в том числе наших современников» (4, с. 315). За это был подвергнут критике фундаментальный труд «Проблемы русского реализма», и ему противопоставлялся теоретико-методический уровень издания «Русская литература конца XIX – начала XX века». В последнем – связи русской литературы прошлого с духовной жизнью нашего времени выступали более отчетливо. И это происходило, по мнению М. Б. Храпченко, не только потому, что здесь рассматривался иной, более близкий к нам период развития литературы, но и вследствие того, что историко-генетический метод автора раскрывал в более сложном, обогащенном виде. Отсюда следовал вывод: «Все более и более ясной становится важность изучения жизни художественных произведений, их социально-эстетической функции... Но, к сожалению, попыток его широкого применения пока не видно. Бесспорно, что значительно интереснее осуществить поисковую работу, чем десятый, а может быть, и сотый раз добросовестно повторять то, что уже сказано, многократно варьировать и компилировать уже сделанное» (4, с.316).

Подчеркнув односторонность историко-генетических исследований, М. Б. Храпченко высказал желание, чтобы наряду с ними велось бы исследование социально-эстетической функции художественных произведений и литературы в целом. Метод таких исследований он предложил назвать историко-функциональным.

Его цель – раскрыть реальные формы и виды воздействия художественных произведений на различные слои читателей в разные исторические периоды; показать многозначность творческих созданий, их место и роль в современной художественной культуре, значение для духовной жизни нашего времени, для идеологии времени.

Концепция М. Б. Храпченко подкупала свежестью взгляда на состояние советского литературоведения, на кризисные явления в историко-генетических, как их называл Храпченко, исследованиях, автором которых явно не хватало свежих тем и материалов (до взрыва интереса к исследованиям «возвращенной» литературы осталось более десяти лет). То, что было изучено советским литературоведением к началу 1970-х гг., несомненно проясняло (в пределах марксистско-ленинской идеологии) историко-познавательное значение «разрешенных» и пропагандируемых литературных памятников, но к ним не сводилась эстетическая значимость всей русской литературы. Необходимость расширения поля исследования уводила литературоведов к поиску малозначительных фактов. М. Б. Храпченко отмечал, что чем больше ученый замыкается «в мелочных исторических и историко-бытовых комментариях», чем обстоятельнее локальные литературные сопоставления, тем меньше открывается простора для уяснения самого существа жизни литературных произведений». Он говорил о распространении малопродуктивных изысканий, касающихся бытового окружения писателя. Отсюда – неудовлетворенность традиционными литературоведческими работами.

Впервые подступ к данной проблеме был сделан Храпченко еще в 1968 г. в 10-м номере журнала «Вопросы литературы», в статье «Время и жизнь литературных произведений». Но тогда, как частная статья, она такого резонанса, как его выступление в ОЛЯ АН СССР, не получила. Однако почти одновременно рассматриваемая проблема функционального изучения литературы занимала умы и таких выдающихся литературоведов, как М.М. Бахтин и Д.С. Лихачев. В 1970 г. в 11-й книге журнала был опубликован ответ Бахтина на вопрос редакции «Нового мира». Прочитав фрагменты: «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности. Говоря несколько упрощенно и грубо: если значение какого-нибудь произведения сводить, например, к его роли в борьбе с крепостным правом (в средней школе это делают), то такое произведение должно полностью утратить свое значение, когда крепостное право и его пережитки уйдут из жизни, а оно часто еще увеличивает свое значение, то есть входит в большое время <...> Жизнь великих произведений в будущих, далеких от них эпохах, кажется парадоксом. В процессе своей посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания. Мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», какого мы теперь знаем <...> Смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох» (1, с. 331–332).

Такое направление литературоведческих исследований Бахтин не противопоставлял традиционному историко-эстетическому изучению. Напротив, он подчеркнул значимость познания литературоведом эпохи, в которую произведение было создано, и, больше того, ценил укорененность такого произведения в культуре предшествующего периода. («Все, что принадлежит только настоящему (т.е. эпохе создания произведения – Л. Е.) умирает вместе с ним», – писал он.) Называя писателя пленником *своей* эпохи, *своей* современности, Бахтин предостерегал от излишне прямолинейного и поверхностного «осовременивания» произведений. Он подчеркивает, что последующие времена освобождают его из этого плена и литературоведение должно способствовать этому освобождению, ибо полнота его произведений раскрывается только в *большом времени*. Каждый образ, по Бахтину, нужно понять и оценить на уровне большого времени. Литературовед должен показать как укорененность произведения в культуре, предшествующей его созданию (аспект достаточно традиционный), так и его новые смыслы, порожденные уже последующими (после создания произведения) эпохами.

По сути дела, о том же – о двух задачах литературоведения – Бахтин ведет речь и в публикации «Из записей 1970–1971 годов»: «Первая задача – понять произведение так, как понимал его сам автор, не выходя за пределы его понимания. Решение этой задачи очень трудно и требует обычно привлечения огромного материала».

Вторая задача – использовать свою временную и культурную вневременность. Включение в наш (чужой для автора) контекст ...» (1, с. 349).

Так суждения М. Бахтина оказались созвучными статье М. Б. Храпченко, опубликованной в 1968 г., хотя взаимного интереса друг к другу обоими авторами проявлено не было. Для идеологии того времени было естественно не делать ссылок на М. Бахтина.

На идеи нового научного направления – историко-функционального литературоведения – откликнулся и Д. Лихачев, хотя непосредственных отсылок к историко-функциональному методу в его статьях тоже не было. Но протест против того, что литература все чаще начинает рассматриваться только с точки зрения теории информации, то есть с чисто познавательной стороны искусства, сближает его позицию с позицией Храпченко. Еще в 1965 г. он писал: «Если бы литературоведческий анализ художественной сущности произведения претендовал бы на полное раскрытие для читателя его эстетического содержания, эстетическая ценность художественного произведения была бы обеднена» (2, с. 49).

«Произведение искусства не только сообщает, информирует, но и провоцирует некую эстетическую деятельность читателя, зрителя, слушателя. Эстетическое впечатление от него связано не только с получением информации, но одновременно и с ответным действием воспринимающего лица <...> Произведение искусства в его восприятии читателем, зрителем или слушателем – вечно осуществляющийся творческий акт» (2, с. 63). Признавая, что творческий акт искусственного в искусстве зрителя и неискусственного совершается на различных уровнях, Лихачев тем не менее ценит любое читательское восприятие именно как объект науки о литературе.

По его мнению, «каждое новое воспроизведение художественного произведения может продвигаться вглубь, открывать неизвестное ранее. Одна из тайн искусства состоит в том, что воспринимающий может даже лучше понимать произведение, чем сам автор, или не так, как автор <...> Обязательны свои художественные ассоциации, которыми встречает каждая новая эпоха гениальное произведение. Художественное произведение может вызвать большую научную литературу, которая будет вскрывать различные стороны его художественного существа, никогда его не исчерпывая. Многие в этой литературе удивило бы самого автора, но это не означает, что в этом удивительном «многочисленном» все неверно» (2, с. 68).

Но ученый предостерегал: «Чем ближе мы к проникновению в художественную сущность литературного произведения, тем более опасность субъективизма в интерпретации этой художественной сущности» (2, с. 59)

Ко времени опубликования этих высказываний Д.С. Лихачева академик М. Б. Храпченко в упомянутом выше докладе по итогам деятельности ОЛЯ АН СССР уже сделал новый шаг к утверждению нового направления в науке о литературе, наконец, получившего свое институциональное наименование: историко-функциональное литературоведение. Но дело было даже не в названии, а в том, что в условиях авторитарного режима и давления определенной идеологии для любого начинания очень важной была поддержка «сверху». М. Б. Храпченко, возглавлявший тогда Отделение литературы и языка Академии Наук СССР, смог сделать предложенный им план реальностью, привлечь к нему внимание многих литературоведов, в том числе и автора этих строк, и предопределил их творческие планы. Вскоре эта работа Храпченко или ее варианты были опубликованы в журнале «Знамя» (1973, №1), в его книге «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы» (1975), в «Контексте – 74» (М., 1975) и др. На Бюро ОЛЯ был утвержден план подготовки коллективных трудов силами ученых Института мировой литературы в системе РАН, результатом которого явился выпуск в 1979 – 1981 гг. трех книг под редакцией профессора Н. В. Осьмакова.

В историко-функциональном изучении литературы последнее слагаемое определения – «функциональное» – указывает не столько на структурный функционализм, когда речь идет о функциях тех или иных элементов структуры произведений, сколько на функционирование произведения как художественного целого в большом времени. И эта задача легла в основу нового проекта, разработка которого была возложена на Институт мировой литературы. Исследование действенной роли литературы прошлого, исследование ее общественно-эстетической функции в новых исторических условиях привлекало ученых особыми задачами, до той поры не получившими сколько-нибудь широкого осуществления, тем более, что функционирование произведений в воспринимающей (читательской) среде литературоведения, в отличие от социологии, практически не изучалось.

Думается, что к такому обоснованию «верхи» советского литературоведения были подвинуты успехами нового научного метода так называемой рецептивной эстетики (Х. Яусс, В. Изер). Разумеется, достижения зарубежной литературоведческой мысли в те годы «замалчивались», и даже само понятие «рецептивная эстетика» широким кругам филологов известно не было. Между тем выдвижение на первый план читательского восприятия действительно роднит историко-функциональное изучение литературы с западной рецептивной эстетикой, но в этих направлениях были и принципиальные различия:

1) Западная рецептивная эстетика, отвергая структурализм, тем не менее развивалась в обстановке широкого признания структурно-семиотических исследований. «Рецептологами» читатель мыслился прежде всего как важнейшая составляющая структуры художественного произведения, как категория, сформированная авторским сознанием (читатель имплицитный и эксплицитный). В историко-функциональных исследованиях имелся в виду реальный читатель-реципиент, в том числе и читатель-критик или литературовед.

2) Читательское восприятие в западной рецептивной эстетике рассматривалось с учетом достижений феноменологии и филологической герменевтики М. Хайдеггера, Х. Гадамера, с учетом разработанной теории интерпретации, т.е. всего того, что в советском литературоведении оказалось востребованным лишь в 1990-е гг. В историко-функциональном литературоведении были актуализированы только отечественные традиции в области интерпретирования художественного текста, и, как оказалось, весьма значительные, начиная с трудов В. Г. Белинского и статьи И. А. Гончарова «Миллион терзаний», концепции психологической школы.

3) В западной рецептивной эстетике не уделялось внимания современному прочтению произведений в том смысле, который придается ему в отечественном научном и особенно образовательном контекстах.

Современное прочтение произведения в отечественной науке о литературе означает его включение в широкое ассоциативное поле сегодняшнего дня, в переосмысление его в соответствии с новым уровнем сознания современного читателя, его нового жизненного, социального и духовного опыта, позволяющего воспринимать произведение иначе, чем воспринимали его многие предшествующие поколения. В 1990-е годы этому способствовали, с одной стороны, необходимость новой трактовки классической литературы в современной новой социокультурной ситуации (это был процесс крайне противоречивый, с большими издержками и потерями); с другой, – пересмотр соотношения понятий «анализ» и «интерпретация» в филологических исследованиях, подчеркивание приоритетной роли интерпретации, многогранной по своему характеру, даваемой через разные призм: не только теоретико-литературную (эстетическую), но и философскую, социологическую, этическую, психологическую, религиозной духовности и т.д. Не секрет, что возможности иных интерпретаций, кроме как с позиций теоретико-литературных (поэтики), многие филологи категорически отрицают, и все, что противоречит самодостаточности поэтики, объявляют публицистикой, а не литературоведением. Здесь есть свои подводные камни и ограничения: литературоведческая, да и литературно-критическая интерпретация не должны игнорировать художественную природу произведения, делать его иллюстрацией к тезисам других наук, которые также могут обращаться к художественному произведению, как к аналогу жизни. (Возможно, на стыке этих двух проблем будут реализовываться современные проблемы метапредметности в образовании и человековедческой сущности гуманитарных дисциплин).

Однако из 90-х годов вернемся в 1970-е. Именно с той поры – с начала 1973 г. – берет начало и научная школа функционального изучения литературы в Ставропольском государственном университете, этапы становления которой отражены в хронике, публикуемой в данном сборнике. Первое издание – коллективная монография «Проблемы функционального изучения литературы» (Ставрополь: СГПИ, 1975) имело положительный резонанс и предопределило научные интересы кафедры истории русской литературы XX века (ныне кафедры истории новейшей отечественной литературы) СГУ на многие годы.

Основным материалом исследования в вышедшей в Ставрополе работе были читательские интерпретации («читательские варианты произведения», как мы их тогда назвали). Они позволили выявить те грани классического наследия, которые оказались наиболее интересны и близки читателям начала 1970-х гг. В коллективной монографии освещались такие вопросы, как разграничение предмета исследования читательского восприятия в разных научных дисциплинах, как структура произведения (в том ее изводе, который в эти годы уже вошел в марксистское литературоведение), соотносительность разных ее (структуры) уровней с читательским восприятием. Было очевидно, что социально-эстетическая функция классических произведений в разные эпохи, в том числе и в наши дни, определяется их структурой. Наиболее созвучные времени компоненты структуры (включая и внелитературные ассоциации, о которых шла речь выше) в сознании читателя выступают не в отдельности, а в определенной, целостной и законченной системе, образуя читательский вариант произведения. В зависимости от того, какие особенности структуры актуализируются, а какие приглушаются, нейтрализуются, в читательском сознании может измениться соотношение между всеми компонентами структуры и их значимость в целостном художественном мире произведения. Меняющийся характер связей между элементами идейно-художественной структуры, с одной стороны, и особенностями читательского восприятия, обусловленного современным уровнем общественного сознания, с другой, – должен быть в поле зрения литературоведов.

Новые структурные связи и соотношения, возникшие в процессе восприятия произведения, образуют особую целостность, которая и была прослежена авторским коллективом на конкретных примерах: «Кавказский пленник» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Кроткая» Ф. М. Достоевского, «Крыжовник» А. П. Чехова, некоторые переводные произведения.

Проведенное нами исследование показало, что читательский вариант произведения всегда несет в себе историческую и социальную обусловленность. Сопоставление полученных нами данных с читательскими документами 20-х годов (исследования В. Кухарского, Н. Банк и А. Виленкина и др.) подтвердило, что в первое послеоктябрьское десятилетие в идейно-художественной структуре на первый план выступали те ее компоненты, которые непосредственно выражали социальную позицию писателя. И чем отчетливее она выражалась, тем яснее выявлялось живое звучание произведений. «Требование социальной полезности» в те годы фактически означало требование участия произведения в острой классовой борьбе. Отсюда проистекало мнение, что большинство произведений русских классиков «политически мертво», что они «далеки от современности» («Очень хорошо, а к теперешнему не приложишь»). Следствием этого были особая популярность таких писателей, как Пушкин, Некрасов (взятых, однако, в особом социально-нравственном аспекте «разоблачения помещиков»), с одной стороны, и сожаление, что Чехов, например, «мало ненавидит старые классы», – с другой. Читательское восприятие вводило художественный феномен в систему социальных отношений и выявляло его объективное содержание. Несмотря на достаточно широкий диапазон субъективности (отпечаток пола, возраста, личного опыта и вообще казусов восприятия), основная мотивация у рабоче-крестьянского читателя была, в сущности, единой. (Читатель – женщина, например, на первое место ставила вопросы женской эмансипации, но они тоже представляли острую социальную проблематику.)

Современные (для начала 1970-х гг.) читательские варианты классических произведений не утратили своего классового содержания, но сама по себе классовость – исторически изменяющаяся категория. Закономерности развития «классовой» психологии в значительной мере модифицировались (в наши дни утвердилось понятие «социальные страты»), нарастала потребность в познании соотношения классового и общечеловеческого. В новых исторических условиях наблюдалось повышенное внимание к духовной жизни современника, к преемственной связи между так называемыми вечными ценностями и нравственными, эстетическими идеалами современности. Отсюда – изменения в структуре читательских вариантов произведений Пушкина, Лермонтова, обострившийся интерес к Чехову, Достоевскому. В их произведениях для читателя на первый план начинают выступать компоненты, выражающие классовые симпатии писателя *опосредованно*. Преимущественное внимание уделялось этическим, эстетическим идеалам автора, его способности к познанию всех глубин и противоречий человеческой психики.

Ставропольские авторы рассматриваемого труда отдавали себе отчет в том, что в ряде случаев рассмотренные документы читательского восприятия скорее отвечают запросам злободневности, чем углубленному познанию эстетической природы искусства. Но можно ли с абсолютной точностью провести разграничительную линию между ними? И не является ли порой злободневность в истолковании произведений искусства внешним проявлением *более* глубоких нравственных поисков связи времен, независимых от той ситуации, которая побудила читателя увидеть ее аналог в том или ином классическом произведении? Ведь это не противоречит общеизвестному положению, что восприятие художественного произведения осуществляется через субъективное сопереживание читателем объективного содержания произведения и что через это восприятие читатель идет к пониманию самого себя. Кроме того, вопрос о живом функционировании классического наследия нельзя подменять вопросом о филологической специальной подготовке читателя: это проблемы хотя и взаимосвязанные, но различные.

Наблюдая процесс функционирования классических произведений, мы не могли не обратить внимания на своего рода синхронность обновления читательских вариантов классических произведений, с одной стороны,

и развития современной литературы, с другой. Современная жизнь классических произведений и появление новых – это две могучих ветви на едином дереве духовной культуры человечества. В определенном социально-психологическом климате общества освоение их плодов взаимно обусловлено. Вот только один частный пример: надо было появиться повестям Б. Васильева, Е. Носова, чтобы возник интерес к мировосприятию тургеневских героев – Хоря и Калиныча, при полном понимании того, что современные хори и калинычи и их взаимоотношения намного сложнее.

При всем огромном значении современной литературы в жизни общества, классика успешно соперничает с ней, и не только в силу своего художественного совершенства. Новые явления жизни воздействуют на сознание людей не непосредственно, а через более или менее устоявшиеся «привычные» стереотипы восприятия. Традиционная приверженность к популярным образам национальной и мировой классики, подкрепляемая и влиянием среды, и системой образования, заставляет каждое новое поколение искать понимание мира, времени и самого себя прежде всего в образах классического искусства. Дон Кихот, Гамлет, Растињьяк, Плюшкин, Обломов – образы, связанные с определенными историческими условиями, но раскрывают черты человеческих характеров, которые проявляются и на новых этапах исторического развития.

Разумеется, была в нашей книге и в последующих за ней статьях и обязательная дань времени: заверения в верности «марксистско-ленинскому партийному подходу к литературе», выпады против «идеалистических концепций», но мы, естественно, остановились на том, от чего не будем отказываться и десятилетия спустя, в том числе и от критики концепций, трактующих читательское восприятие как творчество, *равное* процессу создания произведения, интерпретации без каких-либо границ и пределов.

Кроме того, концепция рассматриваемого труда ограничивается только читательской интерпретацией произведения, в дальнейшем она расширялась благодаря разработкам ученых других периферийных научных центров – В. В. Прозорова (Саратов), Г. Н. Ищук (Тверь, тогда Калинин), исследовавших проблему читателя в сознании художника слова, Н. С. Травушкина (Астрахань). Заметим, что В. В. Прозоров и в дальнейшем неоднократно подчеркивал многоаспектность проблемы читателя – и как аспект приложения «всякого рода интерпретаторских, посреднических усилий», и как важнейшего ориентира для писателя – творца художественного произведения. Литературоведу важно понять, «в какой мере представления художника о своем читателе, о своем адресате влияют на творческую индивидуальность мастера, на процесс, и в конечном счете, на результат творчества» (3, с. 3–4).

В «большом» литературоведении история обозначенного М. Б. Храпченко направления складывалась следующим образом. Согласно утвержденному на Бюро ОЛЯ АН СССР плану, о котором мы сказали выше, под ред. проф. Н. Осьмакова была издана серия трудов, подготовленных Институтом мировой литературы: «Русская литература в историко-функциональном освещении» (1979), «Литературные произведения в движении эпох» (1979), «Время и судьбы русских писателей» (1981). Подготовка трудов шла не без дискуссий. М. Б. Храпченко писал автору этих строк в июле 1976 года: «Естественно, что по этим вопросам будут споры. И они уже начинаются. Я имею в виду, в частности, недавнее заседание Бюро отделения литературы и языка, на котором обсуждались проблематика и ход работы над коллективной монографией «Русская литература XIX века в историко-функциональном освещении», подготовленной Институтом мировой литературы. Скептики (а они были) не решились открыто выступать против новых исследований, ограничившись некоторыми сомнениями относительно их значения. Дискуссия развернулась собственно между участниками коллективного труда. Один из них (например, У. Р. Фохт) считал, что основной материал для исследователя здесь во власти критика, другие же настаивали на широком привлечении различных материалов и документов, в том числе писем, дневников современников и т.д.

Не всегда ясно осознавались связи и цели функционального изучения литературы, место нового направления в ряду уже существующих. Но все это совершенно естественно. Ведь функциональное изучение литературы находилось на стадии становления. В результате конкретных исследований многое примет верный облик и одновременно претерпит изменения».

Первая книга серии, изданная ИМЛИ, «Русская литература в историко-функциональном освещении» открывалась вводной теоретической статьей Н. В. Осьмакова. Подчеркивалась актуальность проблемы и необходимость тщательного изучения сложных и динамичных соотношений между идейно-художественным содержанием прошлого и социально-эстетическими потребностями настоящего времени, отмечалось, что классические произведения по-разному воспринимаются, интерпретируются в различные периоды их длительной социально-эстетической жизни. Отмечались традиции в решении этих вопросов, начиная с Белинского и Потебни, с активизации отмеченных еще В. Гумбольдтом междисциплинарных связей (литературоведение, лингвистика, психология).

Важным было то, что в этом труде было узаконено понятие «литературоведческая интерпретация». «В историко-функциональном исследовании литературы на первый план выступает тщательное изучение различных интерпретаций смысла художественного произведения в разные периоды его эстетической жизни <...> В результате такого исследования произведение предстает перед нами не в статике своего первоначального бытования, как при историко-генетическом изучении, а в динамике дальнейшего, все углубляющегося осмысления его содержания в движении исторических эпох вплоть до современного прочтения». Говорилось Н. В. Осьмаковым и о трудностях изучения читателя прошлых эпох, хотя такие сведения в архивах и опубликованных мемуарах, дневниках сохранились и могут быть использованы. Была подчеркнута необходимость расчленения понятия «реципиент» на его составляющие (имелись в виду и читатель как таковой, в узком, обыденном употреблении этого слова, и читательское восприятие как одна из форм бытования литературного произведения).

Представляя статью Н. В. Осьмакова широким кругам филологов, издательство подчеркнуло, что если при историко-генетическом изучении произведение предстает перед нами как бы в статике своего первоначально-

го бытования, то в итоге историко-функционального исследования выявляется динамика дальнейшего, все углубляющегося осмысления его содержания в движении исторических эпох вплоть до современного прочтения. При этом наблюдается единство двух взаимосвязанных процессов: воздействие произведений на внешний мир (на общественное сознание эпохи и читателей) и внутренняя эволюция смысла произведения, обусловленная воздействием «извне», со стороны эпохи и читателей. Иначе говоря, эпоха, выдвигающая на первый план определенные общественно-политические и художественно-эстетические задачи, и специфическое для данного времени читательское восприятие являются основными и тесно взаимосвязанными факторами, воздействующими на процесс функционирования произведения. Дополнительными факторами – литературная критика и литературоведение данной эпохи. Особый аспект функционирования литературы – отражение произведения в последующем художественном творчестве (например, появление лермонтовского Печорина в значительной мере обусловлено и пушкинским Онегиным, который в свою очередь генетически связан с грибоедовским Чацким). При рассмотрении этого аспекта необходимо «не столько обоснование преемственной связи между произведениями, сколько выяснение функциональных притяжений между ними».

Проблема функционирования конкретных литературных произведений нашла верное разрешение в статьях И. Усок, В. Касаткиной, И. Елизаветиной и др. Особо плодотворным был обозначенный Осьмаковым аспект инонационального бытования произведений (как в оригинале, что в наши дни встречается редко, так и в переводах, по которым к тому времени уже была проделана большая исследовательская работа).

Развивая далее мысль о многогранности проблемы функционирования художественного произведения в целом и отдельных его героев, У. Гуральник рассмотрел «перевод» словесных образов на языки других искусств – театра, кино, телевидения, живописи, музыки.

Особенно отметим статью Э. Полоцкой, считавшей, что Чехов выходит на авансцену читательской аудитории преимущественно «накануне исторических катаклизмов. Время переоценок перед серьезными процессами в жизни общества – это и есть время наибольшего интереса к Чехову».

Указанный трехтомник Института мировой литературы позволил поставить вопрос о принципах отбора литературного материала для историко-функционального анализа и интерпретации художественного текста. Конечно, почти в каждом произведении можно найти что-то созвучное человеку наших дней, именно потому, что он человек и ничто человеческое ему не чуждо. Но, видимо, все дело в весомости потенциала современного прочтения произведений прошлого. А эта весомость в трехтомнике ИМЛИ имела место далеко не всегда. Получалось «уравнивание» произведений авторов, разных по своим историко-культурным масштабам, что возможно в сборнике научных работ, а не в коллективной монографии, которой должен был стать трехтомник ИМЛИ. Очевидно, надо исходить не просто из возможностей современного прочтения: ему можно подвергнуть любой текст, была бы, как говорится, охота, а из реальной и настоящей необходимости обращения именно к тем, а не иным произведениям. Такая необходимость уже подтверждена запросами духовной жизни нашего общества, а не диктуется случайностью читательского интереса или прихотью режиссера-постановщика.

Но и при таком предлагаемом нами сравнительно четком отборе произведений, преследующем интересы общества в целом, мы не должны забывать об определенной дифференциации современного читателя, учитывать социальные и демографические факторы, уровень образования и общественно-политической активности, социально-психологические особенности, микросоциальное окружение. И здесь очень могли бы помочь специалисты по социологии чтения, но помочь в особо лаконичной форме изложения своих выводов, которую можно было бы сравнить с надводной частью айсберга, остальные девять десятых которого составляют уже опубликованные и известные капитальные труды социологов. Важно, чтобы, опять-таки не проводя исследований по исследованиям, читатель такой монографии мог для себя кратко ответить на вопрос: какая у нас существует дифференциация читателя художественной литературы? Что в ней носит социологический характер, а что объясняется другими причинами, как эта дифференциация позволяет осмыслить функционирование классики на современном этапе? Можно ли говорить о преобладающем типе читателя, несмотря на его классовые, возрастные различия, разные уровни образованности?

Останавливаясь на собственно литературоведческом ракурсе исследования, хотелось бы отметить соотношение смежных направлений историко-функционального изучения литературы, подробно исследующего каждый этап жизни великого творения и его современного прочтения. Нуждается ли последнее в первом? Безусловно. Но форма использования достижений историко-функциональных исследований здесь другая, не требующая подробного изложения результатов исследования (не требуется и скрупулезное рассмотрение целей всей совокупности фактов, присущее трехтомнику ИМЛИ), а, так сказать, подчеркивающая лишь его некоторые вехи. Эти вехи должны быть связаны либо с рубежами эпох, либо с авторитетом реципиента.

Не продолжая далее обзор трехтомника, отметим, что положительно откликнулся на поставленную в нем проблему и ИРЛИ (Пушкинский Дом) в лице Г. Фридлендера. В своей книге он писал, что задача литературоведения состоит не только в том, чтобы объяснить причины возникновения того или иного литературного произведения в данную эпоху, описать все своеобразие его внутренней структуры, осветить ее общественно-историческую значимость, эстетическую и индивидуально-психологическую обусловленность, но и в том, чтобы помочь раскрыть для современных и будущих поколений живые и действенные стороны содержания и формы художественных творений даже отдаленных для нас эпох, уточнить и расширить нашу способность их художественно воспринимать и «заражаться ими». Фридлендер еще раз подчеркнул, что классическое художественное произведение вступает в *непредусмотренные* его создателем отношения с новыми эпохами (5, с. 92). Институт русской литературы (Пушкинский Дом), научным сотрудником которого был Г. М. Фридлендер, в конце 1986 г. провел Всесоюзную научную конференцию «Русская советская классика: историко-литературные и функциональные аспекты изучения». (Хотя задумывалась она только как обсуждение проблем

историко-функционального изучения.) На ней автор этих строк выступила с докладом «Горький и современность», опубликованным как в сборнике материалов конференции, так и в журнале «Русская литература».

В русле историко-функционального литературоведения воспринимаются книги и статьи ученых «социалистического лагеря» ГДР, Болгарии, Венгрии. Как говорил Р. Вейман: «Предмет истории литературы не просто литература прошлого, а наше сегодняшнее отношение к этой литературе, которая вновь оживает для нас именно в силу этого отношения».

Первые «официальные» итоги историко-функционального изучения литературы за 10 лет его существования были подведены (достаточно официально) П. А. Николаевым в книге «Марксистско-ленинское литературоведение» (М., 1983). Автор – заведующий кафедрой теории литературы МГУ, руководитель ОЛЯ АН СССР после М. Б. Храпченко, «узаконил» метод историко-типологического изучения литературы и подчеркнул его отличие от понимания термина «функция» в структуралистском литературоведении. В охарактеризованном Николаевым направлении речь шла не о функциях тех или иных элементов структуры произведения, а об исторической функции тех художественных достижений, которые передаются из века в век и обогащают современный познавательно-художественный опыт. Как показательный пример решения историко-функциональных проблем, П. А. Николаев привел книги И. Золотусского о Гоголе (М., 1979), открывшего положительные моменты в «Выбранных местах из переписки с друзьями», и Ю. Лощица «Гончаров» (1977). Заметим, что понятие «историко-функциональное изучение литературы» появилось и в «Краткой литературной энциклопедии» (М; 1987).

Значимость историко-функционального изучения литературы подтвердил и Михаил Эпштейн. В известной книге «Парадоксы новизны» он сравнивал два наиболее популярных подхода: если в генетическом своем аспекте литература изучается как итог всех предыдущих жизненных и творческих процессов, то в функциональном – как предпосылка всех последующих.

Были и желающие умалить значение работы, проделанной в 1970–первой половине 1980-х гг. И все же, например, рецензент журнала «Новое литературное обозрение» в рецензии на сборник статей памяти Г. Н. Ищука, вышедшем в 1984 г., отмечал, что в 1970-х гг., когда в отечественном литературоведении господствовал нормативно-оценочный подход к литературе, была сделана попытка ввести в категориальный аппарат фигуру читателя и «тем самым несколько ослабить претензии на абсолютность и окончательность интерпретации и оценок».

В основе процесса интерпретирования художественного текста лежали как их актуализация, так и переосмысление, резко возросшие в условиях смены идеологических и экономических ориентиров и всего уклада жизни страны. Когда в начале 1990-х обострился вопрос о маленьком человеке, чью жизнь разрушает верховная власть, то, как справедливо заметила критика, пушкинский «Медный всадник» стал выполнять роль текущей литературы. Однако переосмысление коллизий произведения с учетом изменившейся социокультурной ситуации, интерпретация, которую не мог предполагать автор, тем не менее не должна противоречить авторской позиции, а быть ее логическим развитием. В противном случае интерпретатор имеет право открыто полемизировать с автором, но ни в коем случае не выдавать свою точку зрения за авторскую. Возможности адекватного понимания и интерпретирования художественного произведения были подняты на новую высоту благодаря расширению методологического арсенала отечественного литературоведения, доступности трудов зарубежных авторов, начиная с Ф. Шлейермахера и заканчивая Г. Гадамером и П. Рикером. В наши дни симптоматично возрождение интереса к герменевтике как к учению о принципах понимания и истолкования текста, в недрах которого и зародилась теория интерпретации. Проблема автора и диалогическая природа интерпретации актуализировались интересом к наследию М. М. Бахтина. Большой интерес в отечественной филологии вызывали суждения об интерпретации В. Хализева, Л. Чернец, Ю. Борева, Г. Богина и др.

В теоретическом плане современное историко-функциональное изучение литературных произведений находит опору в антропоцентрической парадигме сегодняшнего литературоведения, более того, функциональный подход зримо увеличил возможности такой антропоцентрики, ибо человеческий фактор в нем был определен читателем (в том числе и критиком, литературоведом), воспринимающим литературное произведение. Функциональное изучение литературы имеет дело с неоднозначностью его восприятия и интерпретации произведения, как в эпоху его создания, так и в последующие. Проблема интерпретации, таким образом, выходит на первый план. И этому вопросу также посвящен ряд публикаций нашей кафедры.

Расширение историко-функциональных исследований предъявляет особые требования к интерпретатору, особенно когда он обращается к произведениям «давно минувших дней». С. Аверинцев в статье «Наш собеседник – древний автор» охарактеризовал интерпретатора как толмача и переводчика в присутствии древнего автора и своего современника, в ситуации человеческого общения с тем и другим. Он (на это надо обратить особое внимание) отвергает путь, когда из контекста исторических связей вырывается отдельная мысль или аспект образа для демонстрации того, что они общечеловечны и понятны нашему современнику.

На рубеже XX – XXI вв. на новом этапе развития гуманитарного знания, и в области философии, и в области литературоведения, функциональное изучение литературы обрело второе дыхание. Объективный литературоведческий анализ художественного произведения стал активно и, главное, теоретически обоснованно дополняться неизбежной субъективностью его (произведения) интерпретации. В связи с этим встал вопрос о пределах интерпретации, по которому совместно с Пушкинским Домом РАН нами была проведена научная конференция «Русская классика XX века: пределы интерпретации» (1995), а позже изданы теоретические сборники «Антропоцентрическая парадигма в филологии» в 2-х книгах (Ставрополь, 2003), «Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения» (Ставрополь, 2008). Так, не ставя вопросы интерпретирования текста специально, авторский коллектив расширял представления о возможностях литературоведческой интерпретации.

В новой социокультурной ситуации поток новых интерпретаций русской классики буквально захлестнул журналы, газетную периодику начала 1990-х г. и явно нуждался в теоретическом осмыслении. К наиболее значительным публикациям начала XXI века следует отнести капитальную монографию научного сотрудника Института мировой литературы Э. Полоцкой ««Вишневый сад»: Жизнь во времени» (2003). Интерпретация чеховской пьесы рассматривалась с момента ее появления до современных исследований и постановок; подчеркивалась ее современность и злободневность в любую эпоху. Э. Полоцкой освещались и другие аспекты историко-функционального изучения: жизнь «Вишневого сада» в сознании не только исследователей, но и художников слова и современников – М. Горького и писателей последних эпох на примере творчества М. Булгакова и Л. Петрушевской. Очевидно, что печатью нового прочтения в большей или меньшей степени отмечены и другие монографии о русских классиках: Е. Краснощековой о Гончарове (1997), Ю. Манна о Гоголе (2007), В. Ветлицкой о «Братьях Карамазовых» Достоевского (2007) и многие другие.

Особого внимания заслуживала «реабилитация» произведений советской классики, перечеркнутых событиями рубежа 1980–1990-х гг. При их изучении встает нелегкий вопрос об оценке талантливых произведений прошлого, несущих на себе большевистскую идеологическую нагрузку. Эту идеологию восприняло, как свою, немало достойных людей, прежде всего молодых, преданных идеалам социализма и прекрасных в этой своей вере и преданности. Эти черты, однако, воспитанные конкретно-исторической и страшной в своей сущности обстановкой, уже неотделимы от общечеловеческой преданности идеалам. Нельзя не согласиться с критиком Е. Щегловой, возмущенной тем, что в перестроечную эпоху из литературы оказались вычеркнутыми произведения, вовсе этого не заслуживающие («Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева (6)).

Это стало основным направлением нашей работы. Итогом стала вузовская «История русской литературы XX века. Первая половина» (Ставрополь, 2004), посвященная как современному прочтению «возвращенной» классики, так и переосмыслению произведений, покрытых «хрестоматийным глянцем» советской идеологии. Первый вариант этого раздела «Истории...» был опубликован еще в 1998 г.

В качестве основного аспекта изучения авторы избрали позицию художника-творца. Лишь на ее основе интерпретация произведения будет не субъективно-произвольным толкованием текста, а действительно современным его прочтением, потребность в котором возникает в каждую переломную эпоху. Многообразие методологических подходов к изучению литературного произведения проявилось в различных типах его интерпретации, выбор которых определяется не только склонностями авторов глав, но и объектом изучения, целевым заданием. В наши дни, когда меняются представления об историческом процессе и открываются перспективы ничем не ограниченного объективного истолкования происходивших в XX столетии событий, мы считаем актуальной интерпретацию словесного творчества через философско-этическую и социологическую призмы. Последняя особенно целесообразна при изучении произведений советских писателей, которые сами такому подходу не были чужды, поднимали проблему «человек и история», рассматривали ее в широком историческом контексте революции и Гражданской войны, выявляя общечеловеческое как конкретно-историческое. В других случаях (а иногда и одновременно) оказалась целесообразной интерпретация текста сквозь призму мифопоэтики, традиций структурно-семиотического анализа, бахтинологии. Различие подходов к интерпретации художественного текста в одном издании не ведет к эклектике, ибо эти различия обусловлены сложной природой самого объекта изучения.

Итак, в наши дни функциональное изучение литературы – широкая область литературоведения, актуализированная интересом к проблеме художественной коммуникации. Выявляя жизнь литературного произведения в историческом времени, исследователи ведут научный поиск в нескольких аспектах:

- изучение проблемы читателя – читательской интерпретации (в том числе и квалифицированного читателя) – как важнейшей проблемы литературной коммуникации;
- современное литературно-критическое и литературоведческое прочтение литературной классики, выявление исторических этапов такого прочтения; изучение влияния современного литературного творчества на духовную жизнь общества с учетом его социокультурной стратификации и позиции интерпретирующего субъекта.
- выявление роли литературно-художественных традиций на последующих этапах литературного развития, выявление функционирования тем, мотивов, образов, жанров, отдельных художественных приемов в разные исторические эпохи и т. д.
- функционирование литературного текста в инонациональной среде, выявление функций художественного перевода как одной из форм художественной интерпретации.
- выявление функций литературного произведения в изучении творческой биографии писателя и его творческой индивидуальности.

Перспективы историко-функциональных исследований, на наш взгляд, могут быть представлены следующими направлениями:

1. Дальнейшая разработка теоретических проблем историко-функционального изучения литературы, прежде всего теории литературоведческой интерпретации. Разработка современных теоретических аспектов изучения проблемы читателя, дальнейшее развитие литературоведческой имагологии, рассматривающей восприятие художником слова и его читателем инонационального мира и т.д.

2. Расширение сферы применения историко-функционального подхода к изучению разных национальных литератур. Для Юга России особое значение приобретают функциональные исследования современных произведений северокавказских авторов, т.к. любая национальная литература всегда осознавалась как человековедение, как феномен, несущий в себе целостное и всестороннее знание о человеке.

3. Вовлечение в сферу историко-функционального литературоведения и преподавателей литературы в высшей и средней школах; переосмысление принципов метапредметности в указанном аспекте.

В заключение повторим справедливое утверждение В. В. Прозорова в его письме к автору этих строк: «...Сам историко-функциональный подход никуда не исчез: он претворялся в самые различные исследования, касающиеся восприятия классических текстов в более поздние времена...»

Библиография

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва, 1979.
2. Лихачев, Д. С. О филологии / Д. С. Лихачев. – Москва : Высшая школа, 1989.
3. Прозоров, В. В. О читательской направленности художественного произведения / В. В. Прозоров // Литературные произведения и читательское восприятие. – Калинин : КГУ, 1982.
4. Храпченко, М. Б. Потребности жизни, проблемы научных исследований [из доклада на годичном собрании Отделения литературы и языка] / М. Б. Храпченко // Известия АН СССР. Сер. ОЛЯ 1973. – Вып. 3.
5. Фридендер, Г. М. Методологические проблемы литературоведения / Г. М. Фридендер. – Ленинград : Наука, 1984.
6. Щеглова, Е. Человек страдающий (Категория человечности в современной прозе) / Е. Щеглова // Вопросы литературы. – 2001. – №6.

Формирование национальной идентичности средствами художественной литературы (2014)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Формирование национальной идентичности средствами художественной литературы // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2014. – № 24 (151). – С. 80–83.

В статье раскрывается роль учебного курса литературы народов Северного Кавказа в формировании общероссийской национальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, этническое и национальное, имагология, инонациональный характер.

УДК 821

Formation of national identity by means of fiction (2014)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Formirovanie nacional'noj identichnosti sredstvami hudozhestvennoj literatury (Formation of national identity by means of fiction) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya. – 2014. – № 24 (151). – S. 80–83.

The article reveals the role of the course of literatures of the peoples of the North Caucasus in the formation of the all-Russian national identity.

Keywords: identity, ethnic and national, imagology, foreign character.

UDC 821

В Северо-Кавказском федеральном университете в процессе формирования общероссийской национальной идентичности большую роль играет предусмотренный учебным планом бакалавриата учебный курс «Литературы народов Северного Кавказа и литературное краеведение».

Как известно, в литературном процессе северокавказского региона участвует около двадцати литератур: осетинская, адыгские, абазинская, карачаевская и балкарская, ногайская, чеченская и ингушская, литературы народов Дагестана, русская литература Ставрополя. Этот поистине необъятный материал представляет собой важнейшую культурно-эстетическую ценность, формирующую идентичность на разных уровнях. «Художественная литература лучше всего знакомит народ с народом» (М. Горький), вызывая интерес к его жизни, быту, искусству, обеспечивая понимание его места в полиэтничном государстве.

Теоретико-методологические основы изучения курса «Литературы народов Северного Кавказа» разрабатывались и разрабатываются в рамках одноименной лаборатории при кафедре отечественной и мировой литературы. На протяжении нескольких десятилетий лаборатория накопила опыт научной, образовательной и культурно-просветительской деятельности по формированию общероссийской идентичности. При этом учитывалось, что художественная литература самодостаточна и надо не навязывать ей пропагандистские цели и задачи, а признать необходимость деполитизации литературного образования. Художественное произведение должно изучаться как феномен, воздействующий на эстетические, а через них и на нравственные чувства читателя, поднимающий его духовный мир на уровень общечеловеческих ценностей. Комплексное воздействие художественной литературы на читателя при необходимой акцентуации тех или иных проблем способствует решению следующих задач:

– раскрыть идейно-эстетический и нравственный потенциал художественной литературы, способствующий укреплению мира и дружбы народов на юге России, с учетом новых геополитических реалий;

- исследовать пути современного художественного решения кавказской темы в русской классической литературе и русской литературе XX–XXI веков; дать интерпретацию литературного наследия в новой социокультурной ситуации;

- изучать истории литератур Северного Кавказа в контексте всероссийского литературного процесса, уделяя особое внимание современному состоянию северокавказских литератур, их роли в стабилизации обстановки в полиэтничном регионе;

- выявить новое в проблематике исследований в области литературных связей; раскрыть значение перевода как одной из ведущих форм литературных связей и взаимодействия, которая, являясь средством межкультурной коммуникации, способствует укреплению общероссийской национальной идентичности;

- выявить роль литературоведения и критики, педагогики, методики преподавания литературы в гуманизации межэтнических отношений; показать необходимость совершенствования методологического и теоретического арсенала научных исследований.

С начала 2000 г. при кафедре функционирует Музей региональной литературы и литературного краеведения под руководством проф. А. А. Фокина. Научный аспект проводимой лабораторией и музеем работы обеспечивает необходимое информационное поле и теоретические предпосылки изучения конкретного материала. Этот аспект за последнее десятилетие представлен нашими монографиями «Литературы народов Северного Кавказа» (2004), «Русские писатели на Северном Кавказе» (2007), «История литературы Ставрополя. XX век» (2012), сборниками научных статей под ред. А. А. Фокина: «Русская литература на Северном Кавказе» (2011), «Современная литература Северного Кавказа: герои, сюжеты, поэтика» (2011), материалами Международных научных конференций, проведенных нами на базе Сочинского государственного университета «Художественная литература и Кавказ» (2005, 2007) и др.

Теоретические предпосылки изучения курса отрабатываются на основе междисциплинарных связей. Так, курс «Литературы народов Северного Кавказа» помогает разобраться в теоретической проблеме соотношения понятий «этническое» (гр. *ethnos* – народ) и «национальное». В советский период они употреблялись как синонимы, и, в основном, широко распространенным было понятие «нация» (лат. *natio* – народ) по отношению ко всем народам полиэтничного сообщества. Но в 1990-е годы понятие «нация», «национальный» стало связываться лишь с государственными функциями и атрибутикой, а все народы, входящие в состав полиэтничного сообщества (в Российскую Федерацию), характеризовались как этносы, имеющие характерные особенности. Понятие «нация» относится к народу, имеющему свою государственность; говорят о так называемой «титупной нации» (так, например, называют русских, давших свое название государству: Россия). Но другие этносы, являющиеся субъектами Российской Федерации, реализуют свои национальные интересы вкупе с титульной нацией. Повторим строки ногайского поэта Исы Капаева: «Мы в могучую державу прочно спаяны навек и величие по праву делит каждый человек». Понятие «национальная идентичность» указывает на осознание всеми этносами и их представителями своей принадлежности к одному государству, как было в годы Великой Отечественной войны (1). У граждан РФ необходимо формировать *общероссийскую* национальную идентичность. В художественном произведении понятие «национальная гражданская идентичность» органически связана с характером этноса, его ментальностью, сложившимся у него образом мира (2).

Органическое единство этнических и национальных особенностей каждого народа позволяет говорить о его этнонациональной ментальности (3) и, следовательно, о его этнонациональной идентичности. В литературоведении раскрывается художественное воплощение обеих составляющих двуединого понятия. И если при раскрытии понятия «национальное» акцентируется *общность* государственных интересов всех народов, составляющих Федерацию, то «этническое» раскрывает культурно-историческое, языковое своеобразие каждого народа, его мифологию, обряды, обычаи, этикет, психологические особенности характера, формы художественной культуры. На индустриальном и постиндустриальном этапах развития человечества этническое испытывает нивелирующие влияния более распространенных культур, что при всей объективности этого процесса несет в себе и негативные стороны. Сохранение этнического своеобразия культур всех народов Российской Федерации является важнейшей задачей, решаемой с помощью образования. Опираясь на художественные произведения, необходимо выделить так называемые общечеловеческие ценности, присущие всем народам мира (любовь к матери, к детям, любовь к родной земле, ее природе и т. д.), обретающие у каждого народа неповторимое этническое воплощение.

Другой важнейшей теоретической проблемой учебного курса является глубокий анализ инонациональных характеров, точнее – характеров этносов, создаваемых представителями литератур других этносов. В наши дни (в связи со становлением новой научной дисциплины – имагологии) такой, в общем-то, традиционный для литературоведения аспект называют имагологическим (4). И его значимость для формирования общероссийской национальной идентичности трудно переоценить: постоянно перекрещивающиеся оценки жизни, быта, культуры разных этносов и создают в художественной литературе полюса притяжения и отталкивания, формируя в итоге общее поле интересов, цементирующее российскую государственность. Начало этому процессу положила русская классика (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой и многие другие). Эта тенденция была продолжена как русскими писателями XX–XXI веков, так и представителями многочисленных литератур Северного Кавказа. Образ русского человека, освобожденный от унифицированной, откровенно пропагандистской заданности советского периода в произведениях северокавказских авторов имеет особо важное значение.

Курс «Литературы народов Северного Кавказа» знакомит обучаемых с краткой историей литературы отдельных северокавказских этносов, разных по языку, ментальности, глубинным истокам. Но в своей совокупности эти литературы имеют немало общего, что является следствием региональной общности этносов – их исторического развития, взаимодействия и взаимообогащения культур, общности традиций его народов. Студенту, особенно филологу, важно увидеть, как типологическое единство литератур Северного Кавказа, общие

мотивы, образы, традиции, рожденные общностью исторического, культурно-этнического сосуществования, так и единство, являющееся следствием постоянного взаимодействия северокавказских литератур, а также русско-кавказских литературных связей.

Наиболее очевидны общие мотивы в литературах разных этносов и, прежде всего, мотив героического подвига в годы Великой Отечественной войны *всех народов* Советской России. Этот подвиг продолжает вдохновлять и современных писателей. Приведем как пример оборону Брестской крепости. Эта тема была поднята еще в 1950-е гг. в художественно-документальных книгах русского писателя Сергея Смирнова, наиболее известной из которых стала «Брестская крепость» (1964). Но позже рядом с нею стали книги писателей других этносов. В них освещалось героическое участие чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне, и в это же время, вопреки законам логики и нравственности, было совершено выселение их близких, а сами герои тоже были отправлены в ссылку. Писателей Северного Кавказа особенно привлекает, что в обороне Брестской крепости приняли участие 300 героев из ЧР и РИ. Над этой темой много лет работал известный чеченский прозаик Халид Ошаев (1897–1977), автор книги «Брест – орешек огненный», изданной в 1968 г. и переизданной в 1990 г. В 2012 г. вышла повесть «Шагнувший в бессмертие» ингуша Бориса Шадыжева, получившая большой резонанс и переизданная за пределами Ингушетии. Она посвящена последнему защитнику Брестской крепости, офицеру Советской армии – ингушу Уматгирею Барханову. Впечатляюща концовка повести: Барханов «двигался вдоль плаца <...>. Он торопился опередить фашистов, чтобы его не скосила автоматная очередь. Уматгирей вынул из кобуры пистолет и выстрелил себе в висок. И упал. Упал лицом на Запад...». Только на Запад, только лицом к врагу, как этого требовал кодекс горской чести, и герои отдали честь даже немецкие офицеры. Подвиг всех народов России в Великой Отечественной войне широко освещается и в русской литературе Ставрополя, и в каждой из литератур республик Северного Кавказа.

Общие для всех литератур темы и проблемы, рассмотренные в каждом разделе учебного курса, посвященном литературе того или иного этноса, на следующем этапе должны быть рассмотрены обобщенно и стать предметом рефератов, докладов на научных конференциях, курсовых и выпускных квалификационных работ. Студенты опираются на широко известные труды сотрудников Института мировой литературы Р. Ю. Юсуфова, К. К. Султанова, которые помогут им продолжить работу в этом направлении; на работу Р. Я. Фидаровой «Северокавказский литературный регион как общность особого типа»; на монографию А. Х. Мусукаевой «Северокавказский роман» (Нальчик, 1993) и последующие работы ее многочисленных учеников, рассматривающих ту или иную проблему на всем массиве северокавказской прозы; труд «Кавказский феномен русской прозы» (Пятигорск, 2001) В. И. Шульженко и его дальнейшие работы, расширяющие проблему художественного текста до «кавказского текста» в литературах, включая русскую литературу; работы А. М. Казиевой и Т. З. Толгурова, исследующих северокавказскую поэзию как единство и др. Указанные и многие другие авторы помогут выявить черты семантически-художественной общности литератур Северного Кавказа; сходство этапов их становления, типологию жанрового развития, общие темы и проблемы, близость характеров и конфликтов, философско-эстетический потенциал образов кавказской природы могут быть представлены в едином проблемном контексте. Так, проблеме «Личность и национальное бытие в северокавказской прозе 1970-х гг.» следует рассмотреть на примерах повестей 1970-х гг. карачаевца М. Батчаева, ногойца И. Капаева, аварца М. Расула и др. Значение этих произведений заключается в художественном открытии молодого героя, сопоставимого с героями русской, так называемой молодежной прозы. Он ищет и находит гармонию со своим этномиром, но к середине 1990-х гг. такая гармония была утрачена (повести лакца Хачилавы и аварца Рустама Гаджиева). В наши дни та же проблема отношений личности и этноса поднимается в романе «По закону гор» ингушского писателя Берса Евлоева, герой которого вновь пытается обрести гармонию с этномиром.

Обращаясь к религиозным мотивам, весьма актуальным для современных северокавказских литератур (образ «Мост Сират» стал общим местом для многих произведений), мы тем самым проясняем и проблему идентичности человека, живущего в межконфессиональном пространстве, и проблему ментальности, под которой понимается образ мышления, духовная настроенность как отдельного человека, так и того сообщества, к которому он принадлежит. При всем региональном своеобразии художественного решения указанных общих проблем и мотивов, они вписываются в общероссийский литературный контекст, позволяя воспитывать толерантное отношение и уважение к духовным ценностям всех народов России и укрепляя общероссийскую национальную идентичность.

Библиография

1. Егорова, Л. П. Единство народов СССР в 1941 – 1945 гг. как национальная идея (на материале художественной литературы) / Л. П. Егорова // Вестник Ставропольского государственного университета. Т. 65. – 2009. – С. 191–199.
2. Попова, М. К. Национальная идентичность в литературоведении / М. К. Попова, В. В. Струков // Филологические записки Воронежского государственного университета. – Выпуск 15. – 2000. – С. 244–254.
3. Этнонациональная ментальность в художественной литературе. – Ставрополь : СГУ, 1999. – 260 с.
4. Егорова, Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиции) / Л. П. Егорова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1–2. – С. 31–39.

Травелог И. С. Соколова-Микитова (имагологический аспект) (2018)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Травелог И. С. Соколова-Микитова (имагологический аспект) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4 (32). – С. 134–141.

На общем фоне современной имагологии исследуется проза русского писателя И.С. Соколова-Микитова (1892 – 1975). Литературоведчески интерпретируются воссозданные им географические и этнические ареалы, прежде всего Кавказа и Средней Азии, что связано с восприятием писателем незнакомой природы, инонационального характера и бытового уклада жизни, этой природой обусловленных, и что предполагает выявление имагологического характера поставленной в статье проблемы. Раскрывается своеобразие травелогов «У синего моря», «По горам и лесам» Соколова-Микитова, воссоздающих облик Родины в ее поликультурном единстве, не связанных только с одним локусом; отмечаются особенности их стиля, обусловленные романтическим восприятием увиденного и познанного. Свообразие травелога как жанра оттеняется сравнением (насколько это позволяет объем статьи) указанных травелогов и рассказа Соколова-Микитова «Охота на Кавказе», в котором в большей степени проявилась основная особенность творческой индивидуальности Соколова-Микитова как художника повседневности. В травелогах, напротив, всплески романтического восприятия путешественником увиденного дают о себе знать гораздо чаще, как например, в травелоге «У синего моря», в главе «Зеленый край» в образе охотника-азербайджанца Али, и сочетаются со вниманием писателя к переменам социального бытия народов СССР.

Автор статьи полемизирует с Е. К. Чхаидзе (Бохум, Германия), которая в публикации на литературном материале утверждает, что при распаде СССР якобы «всплыли двойные идеологические стандарты, прикрытые маской дружбы народов». Подобное её утверждение противоречит публикуемым ею же оценкам западных исследователей – М. Терри и Д. Мура, говоривших о Советской России, как об империи «положительной деятельности», о её политике деколонизации. Анализ травелога Соколова-Микитова «У синего моря», его одноименной главы, и главы «Город ветров», а также травелога «По горам и лесам» (глава «В горах Тянь-Шаня») раскрывает достижения национальных республик – Азербайджана и Киргизии – в 1930-е гг. и подтверждает полемические положения.

Ключевые слова: имагология, травелог, географически и этнически значимые ареалы, проблемно-тематическая классификация, биографические предпосылки, становление творческой индивидуальности писателя, реалистические и романтические элементы в стиле.

УДК 821.161.1

Travelogues by I.S. Sokolov-Mikitov (imagological aspect) (2018)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Travelogues by I. S. Sokolov-Mikitov (imagological aspect) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2018. – № 4 (32). – С. 134–141.

Against the general background of modern imagology, the author explores the prose of the Russian writer I.S. Sokolov-Mikitov (1892–1975). Based on literary criticism, the author interprets the geographical and ethnic areas recreated by the famous Russian traveller, primarily the Caucasus and Central Asia, associated with the writer’s unique perception of the unfamiliar nature, the foreign character and everyday way of life, due to this nature, which involves identifying the imagological nature of the problem posed in the article.

The article reveals the originality of the travelogues “By the Blue Sea” and “Across the Mountains and Forests” written by Sokolov-Mikitov, which recreate the image of the Motherland in its multicultural unity, not associated with one locus only; the features of the style, due to the romantic perception of what he saw and learnt. The originality of the travelogue as a genre is highlighted by a comparison (as far as the volume of the article allows) of these travelogues and Sokolov-Mikitov’s story “Hunting in the Caucasus”, in which the main feature of Sokolov-Mikitov’s creative individuality as an artistic depicter of everyday life was manifested to a greater extent. The travelogues, on the contrary, contain bursts of romantic perception by the traveller of what he saw, which can be felt much more often, as, for example, in the travelogue “By the Blue Sea”, in the chapter “Green Land” – in the image of the Azerbaijani hunter Ali, and are combined with the writer’s attention to the changes in the social life of the peoples of the USSR.

The author of the article argues with E. K. Chkhaidze (Bochum, Germany), who, in her publication based on literary material, claims that during the collapse of the USSR, allegedly “double ideological standards surfaced, previously covered with a mask of friendship between peoples.” Such a statement of hers contradicts the assessments of Western researchers she had previously published – M. Terry and D. Moore, who spoke of Soviet Russia as an empire of “positive activity”, and about its policy of decolonization.

The presented analysis of Sokolov-Mikitov’s travelogues “By the Blue Sea”, his chapter of the same name, and the chapter “The City of Winds”, as well as the travelogue “Through Mountains and Forests” (a chapter “In the Tien Shan Mountains”) reveals the achievements of the national republics – Azerbaijan and Kyrgyzstan – in the 1930s and confirms the polemical provisions.

Keywords: imagology, travelling, geographically and ethnically significant areas, problem-thematic classification, biographical backgrounds, the formation of the creative individuality of the writer, realistic and romantic elements in style.

UDC 821.161.1

Введение. Одной из задач, стоящих перед литературоведческой имагологией, да и перед литературоведением в целом, является ликвидация белых пятен в истории русской литературы XX века. При широком круге блистательных имен писателей, обращавшихся к инациональной проблематике, к инациональному характеру как предмету художественного открытия, и огромном количестве посвященных им трудов в современной истории русской литературы XX века такие пятна ещё остаются. Примером может служить творчество русского прозаика Ивана Сергеевича Соколова-Микитова (1892–1975). Неумная страсть Соколова-Микитова к путешествиям, предопределившая тематическую многогранность его творчества, была направлена на воссоздание целостного (а не отдельных его региональных аспектов) облика родины, её этнической многоликости, подкрепленной абсолютной неповторимостью контрастов её природных зон. *По широте охвата* такого многообразия, подлинной художественности его воплощения Соколов-Микитов не имеет себе равных в советской литературе 1920-х–1960-х гг. По словам Константина Федина, Соколов-Микитов «очень рано и безошибочно открыл в себе основную особенность своего прирожденного дара – страсть путешественника <...> И что гораздо важнее: путешествия для Соколова-Микитова – это не простое преодоление пространства и собирание впечатлений. Нет, это длительное и глубокое изучение человека, долгая жизнь с этим человеком в условиях самых разнообразных» (9, с. 236–237).

Хотя книги Соколова-Микитова переиздавались многократно, в том числе собрания сочинений, в литературоведении проза Соколова-Микитова остаётся если и не совсем белым, то весьма туманным пятном. Не приходится говорить о том, что в такой ситуации обращение к наследию И. С. Соколова-Микитова, несущему в себе волнующее нас сегодня содержание (межэтнические отношения, отношение человека к окружающей человека природе), весьма актуально.

Обзор литературы. Теоретико-методологические положения. Мы исходим из того, что читатель, обратившийся к нашей статье, может (и должен) ознакомиться с биографическими предпосылками становления творческой индивидуальности И. С. Соколова-Микитова (7). Не востребованы и изредка появлявшиеся в разные годы в печати работы о Соколове-Микитове: статьи А. Горелова, В. Лакшина; очерки М. Смирнова, В. Смирнова и др.

В общетеоретическом плане (имагологический аспект данной статьи) научное осмысление проблемы истине неисчерпаемо. Литературоведческая имагология в своих истоках восходит к известным теоретическим трудам или даже отдельным статьям В. М. Топорова и Ю. М. Лотмана, Г. Д. Гачева и Ю. Д. Левина, А. Ю. Большаковой и других выдающихся отечественных литературоведов-классиков. В своем становлении эта область науки имеет двоякий аспект: 1) образ России в мировой литературе и 2) инациональные образы мира в русской литературе. Среди современных отечественных работ, посвященных тому или иному аспекту и непосредственно манифестирующих принципы имагологии как научной дисциплины, сложившейся за рубежом во второй половине XX века, необходимо особо выделить труды В. Б. Земскова, В. А. Хорева и др. Наше отношение к новой научной дисциплине мы уже высказывали и дали обзор ее принципов и основных публикаций (4). За последнее десятилетие в области имагологии появились новые исследования и учебные пособия: монография В. Б. Земскова (5) (М., 2015), статья В. А. Котельникова (6), а также журнальные публикации А. А. Гаврикова (2010), А. Р. Ощепкова (2010), И. В. Папиловой (2011), В. А. Лукова (2011), В.П. Трыкова (2015); «Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов» под редакцией О. Ю. Полякова (Киров, 2012) и др.; различные учебные пособия. С 2014 года в Томском государственном университете выходит специальный научный журнал «Имагология и компаративистика», в котором большое внимание уделяется травелогам в русской литературе XIX–XX вв. В современном литературоведении сложилась традиция путевые книги, циклы очерков, дневниковые записи, посвященные географическим и этническим ареалам, называть травелогами (от англ. Travel – путешествие). Термин родился в области гораздо

более широкой культурно-зрелищной западной практики, в научных трудах он употребляется и в ретроспективе. Фундаментальный обзор новейших зарубежных публикаций по «путешествиям» (без употребления термина «травелоги») дан в рецензиях К. Б. Егоровой (2) и Р. Ю. Данилевского (1) на современные зарубежные труды (11, 12).

Методология исследования. Применяемые в статье научные методы традиционны: социологический и метод описательной поэтики. Как известно, принципы социологического литературоведения требуют от исследователя последовательной, а главное, объективной соотнесенности воссозданной писателем художественной реальности с оценкой происходящих или происходивших в социуме событий, пусть даже в «снятом» виде. Социологический метод несет в себе определенную ограниченность, на его основе целесообразно изучать творчество тех писателей, которые уделяют особое внимание социальной проблематике в специфических жанрах, например, в художественной очерковой литературе, в публицистическом романе. Однако степень погружения художника слова в мир социальных отношений может быть самой разной. У Соколова-Микитова она предопределена особенностями его творческой и человеческой индивидуальности, страстью познания иных миров, стремлением понять человека иного этнического мира в его неразрывной связи с природой, взрастившей подобный, инонациональный для писателя характер. Другими словами, мы вступаем в область имагологии.

Избрав объектом исследования травелоги Соколова-Микитова, мы уделяем первостепенное внимание тем из них, где предметом писательского внимания (и, соответственно, исследовательского интереса) стали особенности межэтнических отношений, обнаруживаемых в период длительных путешествий повествователя. Цель данной статьи – на фоне современного состояния имагологии раскрыть богатство содержания травелогов Соколова-Микитова, художественно воссоздающих имагологически значимые географические и этнические ареалы.

Результаты и дискуссия. Имагологический аспект предполагает преобладание интереса к конкретике впервые познаваемого или вновь узнаваемого писателем этнонационального мира как такового, к разработке системы его притяжения/непритяжения, оценок, итоговых выводов; поэтому тематическая классификация внутри травелога в этом случае является преобладающей, и в большинстве случаев именно она определяет содержание обширнейшего раздела «Путешествия» в 3-м томе собрания сочинений Соколова-Микитова, вышедшего в 1985 – 1987 гг. Здесь представлены Крайний Север, Кавказ, Средняя Азия и другие регионы России. Травелоги Соколова-Микитова порой формируются без строгой «привязки» к тому или иному локусу, о чем свидетельствуют названия его произведений: например, «По горам и лесам», где европейский север, Приуралье соседствуют с Киргизией и Кавказом, или «У синего моря», где «героями» выступают и Астрахань, и Махачкала, и Баку.

Так, в травелогe «У синего моря» Соколов-Микитов приглашает читателя вместе с ним посетить столицу Дагестана: «Под вывеской, у входа в магазин, прислонясь к стене, стоят два горца в бешметах и овчинных шапках. На их лицах надменное спокойствие, небритая щетина на крутых подбородках червонит золотом <...> Я люблюсь этими неподвижно окаменевшими у стены людьми» (8, с. 24). В этой подглавке – «Махач-Кала» – дано географически точное и в то же время художественно-выразительное описание природных условий в определенные времена года: «По улицам ветер несет пыль, забивает глаза степным песком. <...> Построенный во времена прежние, город скучен и сер. Каменные горы, как синие, грозные тучи, отгораживают запад» (8, с.23–24). Казалось бы, заурядные подробности, но сама интонация автора, его заключительная фраза переводит сказанное в лирико-романтический план. И хотя Махачкала не привлекает писателя, но в ней живут замечательные охотники, угадывающие по направлению ветра день охотничьей удачи, и это для писателя главное. В живописно-проникновенных подробностях изображена охота на дудаков (8, с. 23–24).

Образ охотника-азербайджанца Али в том же травелогe «У синего моря», в главе «Зеленый край», раскрыт в более конкретном и в то же время эмоциональном ключе, непосредственно отражает особенности восприятия повествователя. «Я с удовольствием, с братским чувством смотрю на его лицо, на плечи, на тонкие сильные ноги с необыкновенной легкостью несущие его стройное тело. Как легко, как волно и неутомимо одолевает он самые крутые подъемы!» (8, с. 101). Эта эмоциональная характеристика варьируется и в дальнейшем: «Все любезно в этом, радующем мое сердце открытом и простом человеке: открытое и веселое его лицо, походка, сильные и ловкие руки, приветливая его улыбка, необычайно легко движется он по земле. Быстро и мягко, как у зверя, скрадывающего свою добычу, ступают его ноги, обутые в пастушеские чуваки... Тяжелым и неуклюжим кажусь я рядом с ним на земле» (8, с. 103). Охотник Али, как и другие любимые герои Соколова-Микитова, – первоклассный мастер своего дела. «Здесь – в диком пустом лесу – он чувствует себя хозяином, вольной птицей» (8, с. 101). Чувство собственного достоинства, постоянно подчёркиваемое писателем в людях гор, проявляется в его спокойствии, в веселой, а то и загадочной улыбке, всегда ласковой и дружелюбной. Даже сухие, тонкие морщины, по наблюдению автора, *приветливо* собираются у его переносья.

В характеристике Али сразу возникают романтические нотки, выражающие индивидуальные особенности восприятия повествователя: «Есть что-то стремительное, гордое во всей его легкой, сильной фигуре. И дикою птицей, чистым горным воздухом, запахом леса веет от охотничьих его лохмотьев» (8, с. 103). Соколова-Микитова глубоко волнует духовная близость человека другого, казалось бы, мира: «Здесь я слышу, как бьется сердце Али, и в лад его сердцу мое бьется крепко и сильно» (8, с. 104). Автор задается вопросами: «Что объединяет нас у костра в глубоком диком лесу? Какие связывают и роднят чувства на охотничьем нашем пути?» (8, с. 104). Вскоре на них даются ответы: художника с малых лет неудержимо привлекали простые, близкие природе люди. Романтический пейзаж оттеняет портрет охотника: «И как чудесна, как таинственна, тиха окружающая наш костер зимняя ночь!» (8, с. 104).

Картины природы в очерках И. Соколова-Микитова раскрывают душевный мир не только аборигенов, но и самого автора-повествователя. В отличие, например, от известного горьковского цикла очерков «По Союзу Советов» с его индустриальными пейзажами, многие яркие азербайджанские страницы в травелоге «У синего моря», в одноименной главе посвящены чудесному охотничьему краю, где вмешательство человека не нарушило природной красоты. Об этом мы уже писали (3, с. 77–79).

В травелоге «У синего моря», говоря о Баку, Соколов-Микитов рассказал и о противоположном берегу Каспия, о Красноводске, ныне Туркменбаши. Суровая к человеку природа согрета лирическим воодушевлением автора травелога, переданным особым поэтическим синтаксисом: «В окрестностях знойного города не найдешь горсти плодородной земли, не увидишь ни единого зеленого деревца, ни зачерпнешь ни капли студеной воды.

Камень и песок.

Песок и камень.

И – воспаленный, красноватый свет морского залива, определивший название знойного города» (8, с. 34 – 35).

В другом травелоге – «По горам и лесам» – в главе «В горах Тянь-Шаня» Соколов-Микитов, переходя к подробному описанию Средней Азии, не забудет о контрасте пустынь Каракумов и азиатских гор. Не только пески Каракумов придают своеобразию среднеазиатскому пейзажу – своеобразны и горы Тянь-Шаня, не случайно посвященная последним подглавка называется «В небесных горах». Воспевший красоту гор Кавказа (8, с. 145), Соколов-Микитов тем не менее признается, что в Азии сразу поражает иной, чем на Кавказе, масштаб: «Здесь для путешественника, собравшегося в дальнюю дорогу, ничтожным считается расстояние в сотни километров горного пробега» (8, с. 107), а горные ложбины производят дикое, пустынное впечатление. «Все кажется первобытным здесь: и желтые азиатские горы, и небо с грозowymi недвижными облаками, и глиняные стены горных айлов...» (8, с. 110). Азия для него – «далекая сказочная горная страна, имя которой некогда влекло к себе самых отважных и предприимчивых путешественников. Здесь человек чувствует величие земли» (8, с. 121–122).

По-иному воспринимает автор и пастухов-киргизов. Своеобразие национального киргизского характера улавливается автором с первых же страниц повествования. Этому способствует и особое бытовое окружение героев, их занятия, пища: «Пастухи доят маток-кобыл. Кобылье теплое молоко льется в сосуд. Как водится, табунщики потчуют гостей кумысом» (8, с. 109). В противоположность темпераментным кавказским горцам, горцы Тянь-Шаня неторопливы, спокойны. Питье кумыса, замечает автор, происходит торжественно; степенно и чинно движется заздравный дружеский пир-той во славу знатного акына. «... Спокойно и важно опорожняют свои чаши пирующие гости-киргизы. Лица их светятся оживлением. В их смехе и движениях много детского, непосредственного» (8, с. 112). Воссоздан портрет старого акына-юбиляра и выступления других певцов, состояющих в своем древнем искусстве и раскрывающих легендарный мир киргизского героического эпоса «Манас» (8, с. 112 – 114).

Травелог, разумеется, не единственный жанр, отвечающий имагологическому содержанию. Его специфику может оттенять, например, рассказ, где, как правило, история знакомства с другим народом достигается подробно раскрытыми эпизодами из жизни одного героя, тогда как в травелоге речь о героях идет в основном в калейдоскопе картин, событий (у Соколова-Микитова – из охотничьей жизни), в потоке воссоздания внутренних переживаний автора. Вот почему рассказ «Охота на Кавказе», где крупным планом выведен образ охотника-абхазца Нестора, весьма близкий по своему содержанию к травелогам, тем не менее, в 3-ий том собрания сочинений, посвященный путешествиям автора, включен не был и печатался отдельно. Заметим, что Соколов-Микитов как писатель тяготел к реалистическим традициям литературы конца XIX – начала XX веков, и в рассказе «Охота на Кавказе» он особенно внимателен к подробностям инационального быта и характеров, воспринятого как *реалии повседневности*. В травелогах того же автора всплески романтического восприятия увиденного дают о себе знать гораздо чаще. Оппозиция травелог/рассказ соответствует разграничению романтического и реалистического восприятия окружающего: в первом случае раскрывается мир в личности, а во втором – личность в мире (У. Фохт).

К сожалению, в современных публикациях по литературоведческой имагологии вклад союзного государства в развитие национальных окраин Советской России освещается подчас односторонне-негативно. Так, например, в аннотации статьи Е. К. Чхаидзе (Бохум, Германия) утверждается, что при распаде Советского Союза «всплыли двойные идеологические стандарты, прикрытые маской дружбы» (10, с. 190). Она считает, что поликультурное советское пространство было скреплено только идеологией дружбы народов, относится к нему с недоверием. В таком контексте выражение «двойные стандарты» подразумевает тайную цель, противоположную заявленной, корыстные побуждения, выгоду идеологов дружбы народов. Однако кроме цели сохранения территорий Российской империи для формирования нового централизованного социалистического государства, другой цели у советского правительства не было, и она открыто манифестировалась им без всякой «маски». Так что же на самом деле имело место в России в конце 1920-х – 1930-х гг.? Идеология дружбы народов или «маска дружбы», прикрывающая «двойные идеологические стандарты»? Какие именно? Приведенная нами строка аннотации статьи, опубликованной в нашей стране, идет вразрез даже с её содержанием, так как в ней приводятся выдержки из трудов тех западных специалистов (М. Терри и Д. Мур), которые подчеркивали антиколониальный характер советской политики, называя СССР империей «положительной деятельности». Они отмечали ступени такой политики: образование национальных территорий, где говорили на собственных языках, развитие индустрии, медицины, издание классических произведений национальной литературы, открытие культурных учреждений и т.д. И даже ущемление исконно русских территорий в сравнении с размахом строительства в национальных окраинах и, следовательно, улучшение жизни их населения воспри-

нималось как выполнение интернационального долга. Доманифестные формы межэтнического напряжения, о которых идет речь в статье Е.К. Чхаидзе, в те годы почти не проявлялись, а из ошибок «регионального планирования» мы бы назвали только попытки придать цивилизованное ускорение жизни народов Крайнего Севера. Впрочем, ошибки в живом процессе строительства новой жизни были естественны, и не они определяли пафос созидательной деятельности молодого многонационального государства. Проявления бытового национализма выполняли скорее роль констатации оппозиции свое/иное, нередко сдобриваемой чувством юмора. Думается, что переход доманифестационных форм в манифестационные объясняется не только наступлением эпохи гласности, как считает Е. К. Чхаидзе, но и ослаблением экономики, отсутствием дифференцированного подхода к национальным республикам с учетом их исторического развития, одним словом, всем, что определялось понятием «застой», ставшим предвестием распада СССР.

Что бы ни говорилось современными авторами о романтически-утопическом характере идеологии дружбы народов в СССР, она стала общенациональной идеей, объединяющей в едином трудовом порыве русских и нерусских, и подтвердила свою жизненность в годы Великой Отечественной войны. (То, что на новом этапе исторического развития она потребовала серьезной корректировки, дифференцированного подхода, выходит за рамки данной статьи.) Все сделанное в советский период в бывших национальных окраинах *было реальным вкладом* в их обустройство, вызвавшим чувство гордости и глубокого удовлетворения у всех народов России. Успехи в развитии промышленности, медицины, образования, науки и культуры не могли не привлекать внимание писателей. Разумеется, в большом потоке публикаций могли быть и были произведения слабые, конъюнктурные, но были и те, что составили гордость советской литературы: «Кара-Бугаз» и «Жень-шень» Константина Паустовского, «Кавказские рассказы» и «Жень-шень» Михаила Пришвина, лирика Владимира Луговского и многих других, кого не заподозрить в пристрастии к официозу. Они писали об успехах, порой даже только ростках новой жизни, потому что это была *правда*. В этом ряду стоит и имя Соколова-Микитова, выходящее из области только охотничьей тематики.

Так, уже в травелог «У синего моря» Соколов-Микитов тоже не преминул сказать, что новый переплавляющийся в горниле великого строительства Кавказ мало похож на Кавказ «Героя нашего времени». Развивая свою мысль далее, писатель говорит, что в золотых садах Дагестана тоже хозяйничают новые люди, что вместо карательных отрядов, предававших огню и мечу немирные аулы, по горам разъезжают отряды студентов-агрономов с пневматическими ранцами за плечами и пульверизаторами в руках. «Утверждающая будущее новая жизнь со всех сторон обступает некогда маленький городишко» (8, с. 24).

В травелог «У синего моря» Соколов-Микитов также описал жизнь в Талышских горах, на Ленкоранской низменности, в одноименном городке, но в нем есть и глава «Город ветров» – о Баку. Она по своему содержанию отчасти сопоставима с азербайджанскими страницами Максима Горького из цикла очерков «По Союзу Советов». Предметом поэтического описания становятся и добываемая из недавнего морского дна нефть, «черная кровь земли, чудесно заключающая в себе энергию солнца», и культура советского производства. Автора особенно впечатляют контрасты прошлого и настоящего, например, в рассказе об успехах озеленения Баку. В отличие от горьковского очерка о Баку, в «Городе ветров» картины социалистических новостроек оттеняются экзотическими рассказами о старом быте восточных магнатов, ханских дворцах. Но главное для Соколова-Микитова – это сегодняшний день региона. В том же травелог в одноименной главе им рассказана история бывшего беспризорника Абдуллы, студента Азербайджанского университета, отправившегося в научную экспедицию в качестве ассистента известного профессора. «Поразительные времена, удивительные люди» (8, с. 59), – таков вывод автора из пересказанной им истории. Дружба народов раскрывается писателем как дружелюбное отношение местных жителей к русскому человеку, неожиданно оказавшемуся в их краю. Соколову-Микитову дорого, что его проводник-охотник Али рассказывает ему талышскую сказку о братской дружбе. Не преминув сказать: «Я люблюсь открытым его лицом, простодушной детской его улыбкой» (8, с. 99), писатель приводит её текст (8, с. 99 – 100). Когда-то старый азербайджанец-рыбак потчевал автора травелога печеной на углях рыбой. «... И, поглядывая на меня с улыбкой, дружески говорил рыбак:

– Душа мой, пожалуйста, с нами откушай и хорошенько запомни нашу старинную поговорку: “Кто хоть раз покушал в Азербайджане кутума, тот непременно вернется”» (8, с. 75). Это предсказание сбылось, и через два года писатель вновь оказался в Ленкорани, множа дружеские встречи. Приезжому русскому, как самому близкому человеку, герои рассказывают о своих делах. Пастух-талыш, Демир, зашедший в чайхану попить горячего чаю, рассказывает русскому о предстоящей свадьбе сына Али и уходит, напевая заздравную свадебную песню (8, с. 77 – 78). Знакомство с Демиром, переживающим радость счастливого отцовства, по видимому, продолжилось: одетый в овчинную шубейку, старую пастушью шапку с вытертым бараньим мехом, он вновь встретился рассказчику на палубе парохода.

Монолог Демира пространен. В нем говорится о том, как герой поверил «ученому человеку», отпустил старшего сына Али и младшего Ибрагима в город, взвалив на свои плечи всю заботу об отаре. «Пришел советский человек, сказал надо учиться твоим детям, Демир». И вот уже один сын вернулся: Али стал врачом, Демир впервые едет на пароходе в город, чтобы повидаться со своим младшим сыном. Очерк завершается словами героя: «Скажи же, душа мой, можно ли верить такому делу?» (8, с. 94).

Чувство собственного достоинства, привлекшее автора и его читателей в горах Кавказа, в высокой степени присуще и пастухам-киргизам – героям травелога Соколова-Микитова «По горам и лесам» (глава «В горах Тянь-Шаня»). Дружелюбно, как с равными, беседуют они с приезжими людьми. И вновь, как и в облике охотника-азербайджанца Али, главным в портретной характеристике героев становится проявление дружеских чувств к русскому гостю: «Я вижу обожженные ветром лоснящиеся лица, бороды, черные смеющиеся глаза, белые зубы. От множества улыбок кажется еще светлее. Черная рука киргиза касается моего плеча. Слышу дружеский смех, шутки и пожелания. Киргиз говорит что-то, и по улыбкам и дружеским жестам угадываю

дружеские слова...» (8, с. 109). И это – рассказ на фоне реальных достижений республики. Повествователь приятно «разочарован» горными трактами Киргизии, не уступающим хорошим европейским дорогам, электричеством в аилах, новым школьным зданием.

Заключение. Таким образом, страницы рассмотренных нами травелогов Соколова-Микитова, посвященные строительству новой жизни, и сейчас не утратили своего познавательного и воспитательного значения и будут способствовать воспитанию дружественных чувств у народов-соседей, укреплению братских взаимоотношений между людьми. Особо подчеркнем, что, хотя Абхазия и Азербайджан, Киргизия и Туркмения, о которых столь проникновенно писал Соколов-Микитов, ныне находятся за пределами России, исторически сложившиеся связи не могут не интересовать читателей по обе стороны государственной границы нашей страны, читателей *сопредельных* государств, имевших важную страницу общей истории. Такие абхазские, азербайджанские, туркменские, киргизские страницы Соколова-Микитова являют собой имагологически значимый объект художественного исследования именно в силу своей временной протяженности в читательском восприятии, когда меняющийся исторический статус ареалов подчеркивает единую природу образа другого народа, независимо от государственных границ их стран.

Библиография

1. Данилевский, Р. Ю. Путешествие как культурный феномен. Русские на Западе, европейцы в России / Р. Ю. Данилевский // Русская литература. – 2016. – № 3. – С. 272–274.
2. Егорова, К. Б. Хождения в святую землю XII–XX веков: мифы и реальность в русских и чешских паломничествах / К. Б. Егорова // Русская литература. – 2015. – № 3. – С. 254–256.
3. Егорова, Л. П. Азербайджанские страницы русской очерковой прозы (М. Горький, И. Соколов-Микитов, писатели-фронтовики) / Л. П. Егорова // Дружба и мир – культурные ценности Азербайджана и России. – Баки : Elm və təhsil, 2016. – С. 56–83.
4. Егорова, Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиции) / Л. П. Егорова // Известия Южного федерального университета – ЮФУ. – 2007. – № 1–2. – С. 31–39.
5. Земсков, В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / В. Б. Земсков. – Москва : Издательство «Гнозис»; Санкт-Петербург : Издательство «Центр гуманитарных инициатив», 2015. – 352 с.
6. Котельников, В. А. "Немецкий текст" в жизни и творчестве А. К. Толстого (к 200-летию со дня рождения поэта) / В. А. Котельников // Русская литература. – 2017. – № 4. – С. 22–39.
7. Кузьмичев, И. С. Соколов-Микитов / И. С. Кузьмичев // Русская литература XX века: Био-библ. словарь: В 3-х томах. – Москва : ОЛМА ПРЕСС Инвест, 2005. – С. 379–381.
8. Соколов-Микитов, И. Собр. соч. В 4-х томах. – Т. 3. / И. Соколов-Микитов. – Ленинград : Худож. литература, 1986. – 592 с.
9. Федин, К. Писатель. Искусство. Время / К. Федин. – Москва : Советский писатель, 1980. – 592 с.
10. Чхайдзе, Е. К. Советские осколки: национальный дискурс и его роль в постсоветской «деколониализации» / Е. К. Чхайдзе // Имагология и компаративистика. – Томск : изд-во Томского гос. университета. – 2017. – № 2(8). – С. 190 – 213.
11. Kšicová, D. Cesty do Svaté Země XII.–XX. století. Mýty a realita v ruských a českých cestopisech / D. Kšicová. – Brno : Masaryková Univerzita, 2013. – 335 s.
12. Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg, 16.–19. April 2013/Hrsg. von Larissa Polubojarinova, Marion Kobelt-Groch und Olga Kulishkina. – Kiel : Solivagus-Verlag, – 2015. – 582 S.
13. Imene, R. The reliability of research work in the absence of theoretical bases / R. Imene, D. Abadi // XLinguae. – 2018. Т. 11. – № 1XL. – P. 310 – 321.

Ставропольский текст в военной тетралогии Ю. Слепухина (2018)

Егорова Людмила Петровна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный профессор СКФУ

Аннотация. Данная статья представлена в юбилейном разделе журнала «К 90-летию со дня рождения ученого-филолога: републикация избранных научных статей профессора Людмилы Петровны Егоровой (1932 – 2019)», который дает целостное представление о становлении и творческом пути выдающегося ученого-гуманитария, филолога-методолога, создателя научной школы «Функциональное изучение литературы» и лаборатории «Литературы народов Северного Кавказа» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Впервые опубликовано: Егорова Л. П. Ставропольский текст в военной тетралогии Ю. Слепухина // Зарубежная Россия XX век. Слепухинские чтения–2016: труды Междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург : Ладога, 2018. – С. 121–144.

Ключевые слова: Ю. Г. Слепухин, роман «Перекресток», синтезированный образ, образ города, ставропольский текст, топонимы, городские ареалы, сравнительный анализ, поэтический символ, литературное краеведение.

УДК 821.161.1

Stavropol text in Yu. Slepukhin's military tetralogy (2018)

Lyudmila P. Egorova

North Caucasus Federal University, Russia
355009 Stavropol, Pushkin Str., 1a
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Distinguished Professor of the North Caucasus Federal University

Abstract. This article is presented in the Anniversary Section of the journal – “To the 90th anniversary of the philologist: the republication of selected research articles by Professor Lyudmila P. Egorova (1932 – 2019)”, which provides a holistic view of the formation and creative path of the outstanding humanist, philologist and methodologist, and the founder of the research school “Functional Studies of Literature” and the laboratory “Literatures of the Peoples of the North Caucasus” at the North Caucasus Federal University.

First published on: Egorova L. P. Stavropol'skij tekst v voennoj tetralogii Yu. Slepukhina (Stavropol text in Yu. Slepukhin's military tetralogy) // Zarubezhnaya Rossiya XX vek. Slepukhinskie chteniya–2016 : trudy Mezhdunar. nauch. konf. – SPb. : Ladoga, 2018. – S. 121–144.

Keywords: Yu. G. Slepukhin, the novel “The Crossroads”, synthesized image, image of the city, Stavropol text, toponyms, urban areas, comparative analysis, poetic symbol, literary local lore.

UDC 821.161.1

Огромный и пока ещё недооценённый вклад Ю. Г. Слепухина в развитие отечественной прозы о Второй мировой войне побуждает нас подробно исследовать генезис его тетралогии и, в частности, обратиться к истокам художественного воплощения образа города Энска, главного «героя» первых двух романов тетралогии, а затем – в отдельных эпизодах – и заключительного. Как известно, отрочество и ранняя юность Слепухина, тогда Кочеткова, прошли на Ставрополье, и именно *первые*, а значит, наиболее эмоционально запоминающиеся события должны были наложить неизгладимый отпечаток на восприятие будущего писателя. Этот отпечаток достаточно легко вычитывается в тексте тетралогии, как в развертывании сюжета, так и в ретроспекции воспоминаний героев, что представляет интерес и в литературоведческом плане.

В какой мере в содержании хотя бы первого романа тетралогии, где, как признавался сам писатель, он рассказал о своих школьных друзьях, отражены реалии ставропольской жизни? Этот вопрос, разумеется, интересует и местных краеведов, и читателей. В генезисе (и только в генезисе!) роман «Перекресток» – это ставропольский текст. Первый вариант был написан еще в 1949 г. в Аргентине, а по данным сестры обдумывался еще в 1946 г. в Бельгии. По собственному признанию автора, романом это стало потом: «Вначале я совершенно не представлял себе, что, собственно, намерен написать. Знал лишь о чем: это должен быть рассказ о моих школьных друзьях, о неповторимой обстановке последнего предвоенного года, о небольшом городке на юге России, где я тогда жил. Словом, весь замысел – совершенно еще не ясный мне самому – был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией» (3, с. 393).

Однако о соотнесенности биографий главных литературных героев – Сергея Дежнева, Володи Глушко, Татьяны Николаевой, Людмилы Земцевой – и их прототипов (хотя документально подтвержден пока только один из них) можно говорить лишь применительно к «Перекрестку», и то лишь по отношению к их школьной жизни. Наиболее выразительный пример – дальнейшая, во втором романе, судьба Володи Глушко, своей жизнью заплатившего за убийство фашистского гебитскомиссара Кранца. Как писала нам Н. А. Слепухина, в какой-то мере прототипом образа Володи был Ю. Голынец, судьба которого, однако, оказалась благополучной.

(Кстати, приятель Сергея Дежнева однажды упомянут в романе и под фамилией прототипа: Юлька Гольнец (2, т. 1, с. 33)). К моменту, когда, вернувшись в СССР, Юрий Григорьевич пытался разыскать своих друзей, приезжал в Ставрополь, Гольнец уже жил в Москве, где они в конце концов встретились. Таким образом, дальнейшая судьба героев подчинялась уже развитию художественной концепции тетралогии как романа историсофского и панорамного с постоянной в нем сменой действия. Герои Слепухина оказываются и по одну, и по другую сторону фронта, их жизненные судьбы связаны с теми или иным перипетиями разветвленных сюжетных линий; их образы раскрываются введением обширных дневниковых записей, пространственных диалогов, мастерством несобственно-прямой речи. Дар художника слова помог Ю. Г. Слепухину, опираясь на жизненные реалии, не копировать их, а отталкиваясь от них, воссоздать новый, *художественный мир*, в котором его герои вступают во «взрослую» жизнь: «их вывели на перекрёсток» (2, т. 1, с. 378), озарённый пламенем великой войны. Яркие, самобытные характеры друзей, заинтересовавшие будущего писателя, дополненные собственными авторскими переживаниями, предопределили выразительность, запоминаемость образов героев, оставшихся верными юношеской дружбе.

Если бы мы сейчас располагали ранним текстом, то есть тем, что Слепухин не считал романом, возможно, мы нашли бы в нем куда больше ставропольских реалий. Но город Энск в «Перекрестке», – конечно, не только Ворошиловск, как тогда назывался Ставрополь. Энск – это и аграрно-индустриальный город Проскуров (с 1954 г. – г. Хмельницкий, центр одноименной области на Украине). Создание художественно-целостного синтезированного образа города, местности, народа встречалось в литературе и раньше. Но создавая образ русско-украинского города, Слепухин настойчиво следует точности топонимики двух городов. Это становится приметой его стиля.

Так, часто повторяющееся в тетралогии название главного проспекта города, казалось бы, ассоциирующегося со Ставрополем, в реальности соотносится уже с городом Проскуровым, для которого улица Фрунзе стала его визитной карточкой (см.: БСЭ, 1978). Это говорит о большой привязанности автора к местам, в которых прошли его отрочество и юность: в большей мере в Ставрополе, но отчасти и в Проскурове, так как на Украине он жил почти год, в 1943 г. – с первых дней января включая ноябрь, когда семья Кочетковых была угнана в Германию. Благодаря художественно-концептуальной установке автора тетралогии, в ней появилось характерное для «Перекрёстка» русско-украинское двуязычие, не считая того, что трамвайных линий (ранние пятигорские впечатления детства) в Ставрополе никогда не было из-за горного рельефа города. Во втором романе «Тьма в полдень» описание оккупированного города Энска выглядит еще более обобщенным, соответствующим западной части СССР. Обобщенно-типический (а не только ставропольский) энский текст об этом периоде жизни города очевиден и в смещении хронологических рамок повествования. Оккупация в Ставрополе началась не в августе 1941 г., как в Энке, а 3 августа 1942 г. Оккупированный Энск – не Ворошиловск еще и потому, что о взятии немцами Ворошиловска в начале августа 1942 г. есть специальная запись в дневнике Людмилы Земцевой, хотя сам выбор названного города тоже симптоматичен. В Энке оккупация длилась на год с лишним больше, преступления захватчиков и разрушение города были сопоставимы с жизнью других городов страны, а не со Ставрополем.

Сказанное подтверждается исследованием доктора исторических наук Б. И. Ковалева «Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой отечественной войны 1941 – 1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина “Тьма в полдень”» (3, с. 284–300). Автор статьи систематизирует факты, относящиеся к городам Смоленск, Луга, Орел, Пушкин, Павловск и др., и приводит соответствующие им выдержки из романа Ю. Г. Слепухина, подтверждающие типичность указанных фактов. Историк делает вывод: «Поразительно, что Юрий Слепухин практически словно цитирует документы, которые тогда ему были недоступны. Нужно было обладать феноменальной памятью, писательским чутьем, а также честной гражданской позицией, чтобы в конце 60-х гг. прошлого века дать всестороннюю характеристику нацистского оккупационного режима в нашей стране» (3, с. 300).

Слепухин, очевидно, черпал подробности из множества рассказов перемещенных лиц, с которыми сводила его судьба на дорогах войны. Юноша умел слушать людей, а они были из разных населенных пунктов СССР, запоминать сказанное ими. Кроме того, на Украине эшелон с остарбайтерами, в котором в Германию уехала семья Кочетковых, вообще формировался долго (3, с. 22): было что не только услышать, но и увидеть. Вот почему подробности оккупации, которые помнятся ставропольским старожилам, и в романе Слепухина порой расходятся. Важное различие в том, что в Ставрополе оккупация в целом не была абсолютно типичной ввиду ее ограниченного во времени срока (менее полугода). Разумеется, уже в первые дни ужас населения вызывала массовая гибель евреев; этот ужас переживают и герои тетралогии. Но в целом оккупационный быт в Ставрополе еще не устоялся, не успел сложиться, стать таким, каким он показан на примере города Энска, да и цели, которые ставил перед собой оккупационный режим в Ставрополе, были иными (1, с. 109). В Ставрополе не было показательных казней, применявшихся гитлеровцами в других оккупационных зонах. Репрессивная машина нацизма начала набирать обороты только в последние месяцы, когда погибло немало юных ставропольцев, вступивших в борьбу с захватчиками (1, с. 170–179). Возможно, некоторые личные впечатления Слепухина от пережитой оккупации были им сняты в силу особых художественных задач, связанных с общим ощущением начала оккупационного режима в разных городах страны.

Однако нам важно другое: не столько конкретное воссоздание событий военных лет, происходивших в Ставрополе, а первые и потому особенно важные для эмоционального настроения повествователя звуки и краски военных дней. Они могли быть восприняты Слепухиным только в Ставрополе, и они абсолютно точно соответствовали действительности, что автор этих строк может подтвердить собственными воспоминаниями о специфическом грохоте бомбежки 3 августа 1942 г. и каком-то омерзительном скрежете, поражающем человека. Готова подписаться под каждой строкой из романа «Тьма в полдень»: «С бешеным свистом и воем прошел

самолет совсем низко, и прямо над ними, как показалось всем – потом второй, третий; сухой и деловитый звук пулеметов каким-то странным диссонансом вплелся в этот разнузданный ураган звуков» (2, т. 1, с. 448). Впервые только в Ставрополе Слепухин мог видеть и людей, гнущихся под тяжестью мешков, взятых из разбитых складов.

Итак, хотя полностью «ставропольского текста» даже в первых двух романах тетралогии Слепухина нет, однако говорить о многих его элементах, отдельных деталях можно. Даже первая фраза «Перекрестка» о южном экспрессе, которым тогда еще майор Александр Семенович Николаев, Дядяша, везет осиротевшую племянницу Татьяну в Энск, вызывает ассоциацию с «небольшим городом на юге России» (3, с. 393), где тогда, по собственному его признанию, жил писатель. В романе прямо указаны и ближайшие к Ворошиловску населенные пункты. Татьяне довелось побывать в пионерском лагере на Кавминводах; упоминается и Микоян-Шахар (ныне Карачаевск): об этом соцгороде в предвоенные годы на Ставрополье было много разговоров, ему посвящались страницы краевых газет.

Немало в тексте и узнаваемых топонимов самого Ставрополя и его окрестностей. Рассказывается о «Татарской балке» (Татарском городище), где можно при желании найти обросший зелеными окисями наконецник скифской стрелы (2, т. 1, с. 722). Неоднократно упоминание о Казённом (Русском) лесе, об Архиерейских прудах: так по старинке горожане продолжали называть Комсомольские пруды, ныне превращенные в Комсомольское озеро. Упоминания о прудах и их окрестностях – проходят через «Перекресток» (2, т. 1, с. 84, 241, 249, 289). Архиерейские пруды остаются поэтическим штрихом в воспоминаниях героев и в годы военного лихолетья наряду с другими славными достопримечательностями родного города (2, т. 1, с. 722; т. 2, с. 815). Во «Тьме в полдень» они – и место злодеяний фашистских варваров (2, т. 1, с. 699), а мы знаем о расстрелах на Холодном роднике.

Автор-повествователь хорошо знал и юго-восточную окраину тогдашнего Ставрополя (здесь, кстати, прошло детство автора данной статьи). От здания крайзо (ныне пр. К. Маркса, № 15), где работал отец будущего писателя, Юрий шёл мимо Ярмарочной площади, которая с 1938 г. носила название «Площадь Орджоникидзе», а сейчас здесь возвышается здание цирка. Путь подростка (Юрий переехал в Ставрополь в 11 лет) лежал мимо 64-й школы, откуда в ясную погоду был хорошо виден Эльбрус. Далее путь проходил по пологому спуску вниз, называемому сейчас улицей Ковалева. Здесь также имелись свои достопримечательности: например, упомянутый автором Гулиевский яр (ныне в городской части почти засыпанный и застроенный), а значит, и мельница Гулиева. Сейчас почти невидимая за новыми зданиями, она в предвоенные годы возвышалась над этим районом города, но она, как и 64-я школа, в романах не упоминается, возможно, в силу ставропольской специфичности, тогда как Слепухин в образе города Энска воссоздавал художественный синтез разных городов, порой убирая слишком колоритные их детали. Зато упоминается Ипатовский *переулочок* (так более точно названа в романе улица Ипатова, которая перед войной действительно называлась Ипатовской). Правда однажды, уже в «Тьме в полдень», короткому Ипатовскому переулку была придана несвойственная ему протяжённость. Володя Глушко, убив полиция, стремится попасть к «этому переулку, выходящему потом на Пушкинскую» (2, т. 1, с. 724), но общее направление пути героя указано абсолютно точно: на Пушкинскую выходит параллельная и буквально рядом с ним лежащая улица Дзержинского (ранее Александровская).

Не раз в военной тетралогии упоминается ставропольский бульвар. Вид на него открывается из окна Татьяны: «Бульвар был действительно красив. Заиндевелые, густо опущенные снегом ветви, резко освещенные белыми фонарями, сияющим сказочным узором, были врезаны в угольно-черное небо» (2, т. 1, с. 127). Рассказано, как Татьяна и Сергей Дежнев, идя из кинотеатра по бульвару, дошли до здания обкома (2, т. 1, с. 102), в котором угадывается ставропольский крайисполком; о куполе этого здания идет речь и позже (2, т. 1, с. 412).

Узнаваемы и приметы бывшего губернаторского дома с «грудастыми кариатидами», где при советской власти долгие годы размещался крайком партии. Но в «Перекрестке» Слепухин разместил в нем Дворец пионеров (как бы пророчески предвещая, что современный ставропольский Дворец детства на улице Ленина тоже получит строящееся здание краевого Дома политпросвещения). А во время оккупации в губернаторском доме размещался гебитскомиссариат, где работала Татьяна Николаева (2, т. 1, с. 685).

Городской парк, описанный в «Перекрестке», это современный Центральный парк. «Пройдя по центральной аллее, они (Сергей и Татьяна – Л. Е.) переглянулись и свернули в одну из боковых, уже наполненную сумерками летнего вечера.<...> Далеко, на главных аллеях, светлячками мелькали огни фонарей, от танцевальной площадки иногда доносило какую-то развеселую музыку, но вокруг них было все так же тихо и безлюдно» (2, т. 1, с. 265–266).

Что-то неуловимо родное, знакомое не одному поколению коренных ставропольцев, ощущается в описании энского сквера, напоминающего ставропольскую Соборную гору, чаще называемую по советской привычке Комсомольской горкой. Даже в финале тетралогии, когда Татьяна поднимается по широкому гранитным ступеням к месту подвига-гибели подпольщика Володы Глушко, эти детали как-то связываются воедино и со старинным административным зданием, где много лет размещался крайисполком (а во время оккупации – немецкий штаб), и с афишами кинотеатра, и близостью к базару (именно базару, как тогда говорили, а не рынку), где куплены цветы для «встречи» с Володей (2, т. 2, с. 981). Исторически достоверна и такая деталь: на Комсомольской горке в период оккупации велось захоронение немецких солдат (2, т. 1, с. 658), что подтверждено и ставропольскими краеведами.

В том же романе, идя на квартиру, где проживает семья офицера, служившего с Николаевым, выйдя из городского транспорта, Татьяна проходит по улице Коминтерновской (теперь Маршала Жукова), минуя перекресток (с улицей Дзержинского), мимо стадиона (2, т. 2, с. 978). Этот маршрут у горожан популярен и сейчас.

Заметим, что с реальными городскими топосами у Слепухина связаны и домашние адреса действующих лиц. Пушкинская улица, где живет подруга Татьяны Люся Земцева, – это современная улица Пушкина. На ней

и около нее, на Зоотехническом переулке (улица и переулок в 1938 г. «обменялись» названиями) и сейчас сосредотачиваются вузы города. Именно там помещает автор научно-исследовательский институт токов высокой частоты, связанный с оборонной промышленностью, где работала доктор физико-математических наук Галина Николаевна Земцева, мать Люси. Однако такого учреждения в Ставрополе не было. По вкладу в науку здесь лидировал сельскохозяйственный институт (в те годы он назывался зооинститутом), где в середине 1930-х годов читал лекции знаменитый генетик Николай Вавилов. В газете «Власть советов» от 2 апреля 1936 г. приведены его слова: «Я не думал, что в Ворошиловске встречу такой огромный и хорошо оборудованный зооинститут». Кстати, на других страницах романа институт, где работала Земцева, назван не НИИ токов высокой частоты, а биологическим (упоминается «длинная решетчатая ограда биологического института» (2, т. 1, с. 455), однажды – и прямо сельскохозяйственным. Но, видимо, специальность известного физика для матери Люси Земцевой понадобилась автору для обоснования версии НКВД. Обвиняя Людмилу, там тянули ниточку и к ее матери, крупному ученому, побывавшему в научной командировке в Германии. Квартира Земцевых угадывается в одном из зданий бывшей учительской семинарии, главное здание которой, по данным историка-краеведа Г. А. Беликова в книге «Старый Ставрополь» (2009), было построено «буквально напротив» Ставропольского женского епархиального училища (ныне – главный корпус Аграрного университета по улице Мира). Вскоре позади учительской семинарии было построено еще два дома, где находились большая библиотека, актовый зал, а также общежитие для учащихся. По-видимому, в одном из этих двух домов автор и поселил мать и дочь Земцевых. В середине 1930-х гг. эти дома перешли к Ставропольскому сельскохозяйственному институту. Сейчас – это детские сады «Журавушка» и «Росинка» с выходом на улицу Лермонтова.

Большая усадьба учительской семинарии с фруктовым садом простиралась до нынешней улицы Пушкинской, куда выходил фасад дома уже для преподавателей семинарии. Если учесть, как мы сказали выше, что улицы Пушкинская и Зоотехническая в 1938 г. «обменялись» названиями, то в любом случае можно сказать, что Людмила Земцева жила на Пушкинской. Но скорее всего проход в её квартиру был и со стороны нынешней Пушкинской улицы через двор дома № 27, также входившего в территорию усадьбы учительской семинарии. Сейчас, заходя во двор дома № 27, мы сразу же наталкиваемся на то, что сад, когда-то славившийся, как замечено в романе, громадными клумбами, уже полностью «отрезан» от дома (его «отрезали» дважды). Описание прекрасного сада становится лейтмотивом повествования, несовместимым с ужасом войны:

«Теплая августовская ночь, запах цветущего табака – и немецкие самолеты, ревушие над степными дорогами <...> В том, что все это сосуществовало одновременно, неразрывно переплетаясь одно с другим, было что-то непостижимое, чудовищное, способное довести до безумия...» (2 т. 1, с. 455).

Длительное время спустя разговор Татьяны и подпольщика Лёши Кривошеина происходит в кабинете матери Людмилы, окно которого, затененное буйно разросшимися за последний год кустами чубушника, выходило в сад. «Послеобеденное солнце, прорываясь сквозь расцвеченную желто-белыми звездочками листву, озаряло комнату мягким, словно подводным, немного призрачным светом. И эти солнечные пятна, играющие на подоконнике, и запах цветущего чубушника, и мирное гудение влетевшей в окно пчелы, и корешки за пыльными стеклами книжных шкафов – все это было настолько несовместимо с войной, с оккупацией, с темой их разговора, что Таня опять испытала уже знакомое ей странное чувство полной нереальности окружающего» (2, т. 1, с. 703). Подобные описания рождают обоснованные предположения, что Юрий Григорьевич очень хорошо знал этот сад, и его радовало, что сад впоследствии был отдан детям. После войны в окне кабинета Люсиной матери Татьяна видит «стриженные головенки», умиляясь: «Как хорошо, что догадались отдать дом для маленьких» (2, т. 2, с. 979). Видимо в этом фрагменте, уже завершающем всю тетралогию, романа «Ничего, кроме надежды» воплощены послевоенные впечатления Ю. Г. Слепухина, который сразу по возвращению в Россию в 1957 г. посетил Ставрополь.

Сергея Дежнева автор «определил» на жительство на Старый форштадт. (А в духе повседневных разговоров того времени упоминается, что опекавшая Татьяну мать-командирша ушла ночевать к родственнице на Новый форштадт.) Когда, осознав серьезность своего чувства к Татьяне, Сергей направляется пешком к ее дому, то он идет по нынешней улице Ковалева вверх, по пологому спуску к мельничному яру (в романе он назван ещё и гулиевским), к водоразборной будке, как бы встречаясь со своим детством (2, т. 1, с. 124). Эта изумительная по лирическому звучанию страница романа в то же время была очень точной картиной зимних ребячьих развлечений, что мы можем подтвердить и своими воспоминаниями. Сергею Дежневу автор отдал собственные переживания, о чем говорила вдова писателя, посетившая Ставрополь в 2017 г. В своё время, читая «Перекрёсток», она с сомнением отнеслась к необходимости упоминания об истёртой тюленьей курточке мальчика, скатившегося с горы, услышав в ответ: «А это у меня была такая курточка, я носил её несколько лет». Приведем указанный фрагмент романа:

«За водоразборной колонкой – там, где улица начинает полого спускаться Мельничному Яру, – слышался гомон ребячьих голосов. Остановленный воспоминаниями, Сережка долго стоял и смотрел на галдевшую толпу.

Ещё три-четыре года назад он и сам не пропускал ни одного такого вечера: прибежал из школы, пообедал, кое-как приготовил задания и – кататься, до самой темноты, пока не начнут сходиться к колонке матери, выслушавая каждая своего и оглашая улицу пронзительными криками: «Юрка-а! Вовка-а-а!! Ступай домой – вот погоди, отец тебя выпорет!..»

Мальчишка в истёртой тюленьей курточке пробежал мимо, прижимая к груди маленькие салазки, добежал до спуска, ловко упал и понесся вниз, раскинув ноги ласточкиным хвостом. Сережка смотрел ему вслед со странным чувством. Не то чтобы он завидовал, нет... тут что-то другое, сразу даже и не определишь. Раньше все было интереснее, ярче как-то. Любая мелочь блестела, как бутылочный осколок на солнце. <...>

А сейчас все как-то уже не так. Правда, интереснее стало жить в другом смысле, это верно. Вот, скажем, такие вопросы приходится решать... На эти несколько минут, вспоминая детство, он забыл о Тане, и сейчас вернувшаяся мысль о ней обдала его волною тепла. «Таня», – шепотом сказал Сережка, впервые – даже в мыслях – называя ее по имени. Как она тогда, на лестнице, сказала ему: «Сережа» тоже в первый раз, нарушая школьную традицию. Одно это слово сблизило их больше, чем мог сблизить год знакомства...

Сережка выкурил папиросу, стоя на одном месте. Стали замерзать ноги. Ребятишки начали расходиться по домам – шли мимо в синих сумерках, волоча салазки и ковыляя на коньках, громко шмыгали носами, перекивались, кого-то дразнили. Сережка нашел в кармане гривенник, потряс в сложенных кузовком ладонях. Решка – пойду, орел – не пойду... нет, не так пойду, если орел. Вышла решка. Он озлился и зашвырнул гривенник в чей-то сад. Вот назло пойду! Тоже, гадать вздумал...» (2, т. 1, с. 124–125).

Казалось бы, в описании спуска в «Перекрестке» есть противоречие: Старый форштадт, его десять Старофорштадских линий сейчас в сознании горожан связываются, прежде всего, с другой частью города, например, по маршруту троллейбуса № 2, начиная с улицы 8 марта к югу. Но ведь Старый форштадт тянулся далеко на восток. Когда в детстве об открывающейся от 64-й школы и до сих пор волнующей и манящей меня дали я спрашивала: «Что это?», мне отвечали: «А это дорога на Старый форштадт». Очевидно, туда можно было добираться и из этой части города, и подобное объяснение мог слышать и будущий автор «Перекрестка». Но очевидно, сам выход героя в центр города с восточной стороны Старого форштадта – плод художественного вымысла.

Примечательна художественная функция описания дома Дежнева на улице Челюскинцев (в жизни – одна из старофорштадских линий, носивших в конце 1930-х гг. имя Чернышевского): «Широкая, в подмерзших рытвинах и колдобинах с высокими тротуарами, с обмерзшей водоразборной колонкой на углу, покривившимися дощатыми заборами и подслеповатыми домишками» (2, т. 1, с. 616). Воспоминания о родном доме сопровождают Сергея в его фронтовой жизни.

Дорога к дому Володи Глушко на противоположной – северной – окраине города пролегла по Подгорному спуску. Юноша переживал, что родители получили разрешение строиться на окраине, а ему так хотелось остаться в квартире, расположенной в центре. Теперь и Подгорный спуск – давно центр города, но сохранивший свой исторический колорит. До войны несколько улиц носили название Подгорная, различаясь лишь нумерацией. В «Перекрестке» подробно описаны кривые переулочки с лебедой и пышным лопухом, козы на привязи возле канав, домики в два-три окна с геранями и занавесочками, с серебристыми от старости дощатыми заборами, «и каждую весну метет по узеньким тротуарам бело-розовая метелица вишневого и яблоневого цвета» (2, т. 1, с. 151).

К сожалению, мы пока не знаем, какой дом послужил прообразом дома, где жил Герой Советского Союза Николаев, Дядяша Татьяна. «Дом комсостава» в Ставрополе нам неизвестен. Краеведы свидетельствуют, что военные специалисты жили в сохранившемся и сейчас одноэтажном доме по улице Мира № 268. Знакомо ставропольцам словосочетание «Дом летчиков». В самом начале 1940-х гг. в Ставрополе появился военный аэродром на месте сегодняшнего жилого массива, именуемого в просторечии Осетинкой. В 1942 г. здесь обособился 750-й авиационный полк. Семейным летчикам, по словам Г.А. Беликова, было предоставлено здание в 4 этажа, бывшего общежития Пединститута, а также двухэтажный дом по новой улице, тогда же названной Авиационной. Строительство здания под общежитие было почти завершено еще летом 1938 г., о чем сообщалось в газете «Молодой ленинец» от 29 июля с указанием адреса: «по улице Дзержинского». В нем имелись центральное паровое отопление и ванны. Сейчас это пятый учебный корпус Северо-Кавказского федерального университета, хотя в нем сохранилось и крыло квартир. Но многие другие приметы перечисленных Домов не совпадают с многократно описанным в «Перекрестке» четырехэтажным домом, похожим на московский, где раньше жила Таня, и, главное – с окнами на бульвар. Даже если до новой застройки этого района города из окна 4-го этажа общежития бульвар и виднелся, то такой непосредственной близости к нему, какая просматривается в романе, у общежития на Дзержинского не было.

Очевидно, в каждой словесной зарисовке зданий в романе и не стоит искать фотографической точности. Отдельные запомнившиеся будущему писателю детали могли сочетаться достаточно произвольно: дом старый или новый, кирпичный, закругленные сверху окна, необычная для Ставрополя этажность, удаленность от тротуара и т.д. (помнится, перед войной горожане много говорили и о новом четырехэтажном жилом доме для сотрудников НКВД по улице Ленина 213, даже специально ходили посмотреть на окаймляющий оригинальный зеленый дворик, строгий серый дом, который в наши дни, увы, покрыли... белой и ярко-желтой краской). Важно, что Слепухин архитектурные новации видел и запомнил именно в Ставрополе. Богатство ассоциаций художественных деталей в романе с реальными топонимами Ставрополя просто поразительно.

Важнейшим слагаемым ставропольского текста в «Перекрестке» стало воссоздание жизни школы № 46, где учились главные герои романа и сам автор-повествователь, хотя к началу войны они окончили только «восьмилетку», а не выпускной десятый класс, как в романе. Это, очевидно, диктовалось художественной концепцией произведения и хронотопом «перекресток». Выше мы упоминали о ставропольской школе № 64, мимо которой не мог не пройти будущий писатель, и ее нумерация была ассоциативна с номером 46 в романе. (Номер этой исторически реальной, но не упомянутой в романе 64-й школы определялся по ее принадлежности к ведомству железной дороги. Школа с таким номером и сейчас находится в самом начале нынешней улицы Дзержинского, недалеко от хорошо знакомого Юрию Кочеткову здания крайзо. Но это была *не та* школа.) Под описание школы номер 46 из романа «Перекресток» подходит школа № 4, где будущий писатель окончил «восьмилетку». В предвоенные годы она, выстроенная на месте взорванного Троицкого собора (ныне там гостиница «Интурист»), была гордостью города. Её фасад выходил не на проспект, как сейчас гостиница, а отделялся от него кованой оградой, как и в свое время собор, и небольшой прогулочной территорией. Это было

красивое новое, как подчеркнул писатель, здание напротив бульвара: Николаев однажды видел, как Таня, направляясь к школе, *пересекла* бульвар.

«Черный ход» из школы вел на «боковую тенистую улочку», на которой спасаются бегством Сергей и Татьяна (2, т. 1, с. 265). Это – улица Рылеева, которая, раздвоившись, образует проходы, соединяющие главный проспект города с улицей Орджоникидзе. По самому узкому из них ребята ушли из школы. За рамками романа осталось то, что первый раз здание 4-й школы пострадало от бомбежки 3 августа 1942 г., когда погиб учитель пения и несколько учеников. В восстановленном корпусе поселились немецкие солдаты. Уже окончательно здание было взорвано немцами при отходе из города.

Под стать прекрасному зданию был и школьный педагогический коллектив, оставшийся в доброй памяти ее учеников, а у их потомков – благодаря письмам-воспоминаниям (1996) выпускника школы Владимира Федоровича Рязанцева краеведу Г. Беликову. Последний любезно познакомил нас с ними, и мы имеем достоверные сведения о полном составе педагогического коллектива школы, об отдельных выдающихся, не побоимся этого слова, учителях. Их педагогические принципы можно охарактеризовать современным термином «эмпатия» – безоценочное принятие другого человека, его поведения. Другими словами, эмпатия – это сопереживание, способность учителя к эмоциональной отзывчивости на переживания учеников, сознательное (но в то же время и подсознательное) альтруистическое стремление к укреплению межличностных отношений. Неслучайно В. Ф. Рязанцев подчеркивал, перефразируя известный партийный лозунг тех лет: «Учителя и ученики были едины. ТАК было, такими мы были». А в романе «Перекресток» Людмила Земцева, выражая и позицию повествователя, создает подлинный панегирик учителям 46-й школы, абсолютно не противоречащий приведенным выше воспоминаниям Рязанцева о педколлективе реальной СШ № 4:

«Вот о чем я буду больше всего жалеть, вспоминая школу, – о наших чудесных преподавателях. Какие мы, в сущности, все к ним невнимательные, даже неблагодарные. Поговорить с препом полчаса на школьном вечере – и то уже считается чуть ли не великим подвигом. А ведь они всегда с такой охотой посещают школьные вечера, так рады каждому случаю поговорить со старшим учеником попросту, вне класса, по-дружески» (2, т. 1, с. 333).

Сравнительный анализ писем Рязанцева и текста романа Слепухина «Перекресток» окончательно убедил нас в том, что 46-я школа в тетралогии – это довоенная 4-я школа: совпадают или почти совпадают имена и характеристики учителей. В романе сохранено имя и отчество учителя русского языка и литературы Сергея Митрофановича. Его подлинная фамилия Бедняков в тетралогии была заменена на Свиридов, что не противоречит возможным в связи с ней ассоциациям. Она восходит к имени Спиридон, означающему «надёжный, духовный». Наконец, в годы создания «Перекрестка» почти все знали фамилию известного композитора Г. Свиридова, автора вокальной музыки на слова известных поэтов. Новая фамилия, данная писателем Сергею Митрофановичу, вполне соответствовала интересу учеников к его распевной манере чтения стихов, о чем подробно рассказано в романе. Легкая ирония Татьяны в адрес Сергея Дежнева, пытавшегося подражать учителю, не снижает ее и других учеников впечатлений: Сергей Митрофанович стихи читает «очень хорошо» (2, т. 1, с. 387).

Образ Сергея Митрофановича, особенно близкого будущему писателю учителя-словесника, раскрыт в «Перекрестке» наиболее подробно и полно. Своим восхищением Слепухин наделяет и героев тетралогии, даже «технаря» Сергея Дежнева. С каким-то благоговением он помогает учителю донести домой книги, и мы узнаем, что Сергей Митрофанович жил недалеко от школы, возле кинотеатра в старом трехэтажном, с башенкой на углу доме. Именно этот дом в романе «Ничего, кроме надежды» ищет Сергей, побывав в освобожденном Энке, а мы и сейчас угадываем в нем здание на углу улиц Карла Маркса и Розы Люксембург (хотя в романе назван не проспект Фрунзе, а улица Карла Либкнехта (2, т. 2, с. 571)). (Возможно ко времени написания последнего романа Ю.Г. Слепухин знал о замене в названии проспекта имени Сталина – в романе Фрунзе – на Карла Маркса.) Документальных подтверждений того, что прототип Свиридова жил в этом большом доме, мы не имеем, но то, что в нем жили другие преподаватели СШ № 4, факт достаточно известный.

Сергей Митрофанович был единственным из преподавателей, оставшимся без прозвища. В действии он впервые появляется в непринужденном разговоре со встреченными на улице Сергеем и Татьяной. Отозвав Сергея, он подсказывает ему «уже не как учитель ученику, а как мужчина мужчине» правила поведения: помочь однокласснице нести набитый книгами портфель (2, т. 1, с. 118). Лучшей аттестацией учителя были незначай приходящие на ум его ученикам (уже в житейских ситуациях) примеры из уроков: рассказ о некрасовских женах декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь (2, т. 1, с. 131); после гибели брата Сергея – Николая Татьяна вспоминает, что, по словам учителя, у Пушкина можно найти ответ почти на любой вопрос, и перечитывает пушкинское «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». И хотя философский смысл стихотворения Татьяне пока недоступен, это был труд взрослеющей души, приведший к «нестерпимому, рвущему сердце чувству жалости к Сергею» (2, т. 1, с. 187).

За школьной суетой Сергей Митрофанович успевае заметить волнение Сергея в первый день последнего для юноши учебного года, когда, наконец, состоялось его и Татьяны объяснение: учитель подбадривает его (2, т. 1, с. 262-263). Он исподволь учит Сергея бороться за свою любовь, «если это, разумеется, любовь настоящего мужчины», приводя в пример героя А. К. Толстого, простого викинга. Именно к нему обращается Сергей за советом, что подарить девушке в день рождения. «Хитрый старик по обыкновению подхватил его под локоть и, словно ни о чем не догадываясь, стал долго распространяться о том, что выбор подарка дело серьезное – и зависит главным образом от личности того, кому подарок предназначен» (2, т. 1, с. 282). Получив попутный урок этикета, и даже тактично предложенные ему деньги, Сергей преподносит Татьяне огромный букет белых роз, как бы предвосхищая ее признание: «Знаешь, я ведь загадала: если ты принесешь мне цветы, то все будет хорошо» (2, т. 1, с. 283).

Татьяне, случайно встретив ее на городской улице, Свиридов дает дельный совет – поступать на филфак. Девушка подробно пересказывает его слова Сергею: «Имей в виду, что у тебя вообще есть литературные способности. Я это давно понял еще по твоим сочинениям. Даже если ты не будешь писать сама, что вообще я считаю возможным, то, во всяком случае, литературное образование тебе получить не мешает, из тебя может получиться литературовед или редакционный работник. Так и сказал, представляешь?» (2, т. 1, с. 272). И в дальнейшем (мы об этом узнаем уже за рамками тетралогии – в романе «Киммерийское лето») Татьяна сама становится Учителем с большой буквы. Как видим, и Татьяне, как и Сергею, автор отдал свои юношеские впечатления от сокровенных бесед с учителем, и сам многие десятилетия, как свидетельствует Н. А. Слепухина, вспоминал Сергея Митрофановича, предопределившего его судьбу писателя.

Иная по характеру и склонная к философствованию Людмила Земцева в своем дневнике размышляет над словами Сергея Митрофановича о коллективизме и индивидуализме, над его нестандартным неоднозначным истолкованием этих понятий: «Действительно, сколько раз я замечала – например со знакомыми девочками, – что многие сейчас и в самом деле не могут побыть наедине с собой и одного часа. Одной ей “скучно”» (2, т. 1, с. 332). А вскоре Сергей Митрофанович преподавал своим воспитанникам еще один урок, преподнес на восьмое марта каждой из учениц букетик подснежников, сопроводив словами: «Надеюсь, молодые люди не обидятся? Собственно, это вы должны были бы дарить цветы своим одноклассницам, но, коль скоро никто из вас не догадался, я позволил себя взять это на себя. Будем считать, что цветы преподнесены мужской половиной человечества». И Земцева добавляет: «Мальчишки сидели все красные! Какой милый старик» (2, т. 1, с. 333). Такому учителю нельзя сказать неправду, слукавить: вспомним откровенное признание Людмилы о предложенной Свиридовым теме сочинения «Мои планы на будущее» и ее объяснение, почему она отказалась его писать, сославшись на головную боль (2, т. 1, с. 334).

Заметим, что учительский дар Сергея Митрофановича Беднякова как прототипа романного героя Сергея Митрофановича Свиридова, был по достоинству оценен ставропольской общественностью. О нем писала краевая пресса, например, газета «Орджоникидзевская правда», освещая на своих страницах начало 1939/1940 учебного года в средней школе № 4. К сожалению, в архивах города нам ничего не удалось узнать о дальнейшей судьбе С. М. Беднякова, о ее соответствии/несоответствии роману «Тьма в полдень», где Сергей Митрофанович сыграл большую роль в судьбе Володи Глушко. Потрясенный случившимся (вынужденным убийством полицейского) Володя, почувствовав кого-то за своей спиной, с трудом воспринимает своего бывшего учителя литературы – «полного человека с козлиной бородкой, в чеховском пенсне на черном шнурочке». Сергей Митрофанович не только сообщает Татьяне о выполнении Володей задания, но и принимает участие в судьбе своего ученика (2, т. 1, с. 735–737). Художественно-историческая ценность созданного писателем образа, неразрывно связанного с судьбами его воспитанников – главных героев военной тетралогии, несомненна.

Талантливый преподаватель Александра Марковна Моткина, погибшая в оккупации вместе с другими евреями, также выведена в романе, хотя сочетание ее имени и отчества здесь произносится легче: Елена Марковна, а фамилия ее в романе – Вейсман (в выборе фамилии, очевидно, сказались интерес писателя к известному немецкому зоологу и неприятие Слепухиным идеологической кампании против «вейсманизма-морганизма» и советских генетиков). В. Ф. Рязанцев посвятил ей, А. М. Моткиной, несколько теплых страниц в упомянутых выше воспоминаниях. В романе Слепухина Елена Марковна – классный руководитель Татьяны, талантливый воспитатель, о чем свидетельствует подробно воссозданная на десяти страницах романа ее беседа с дядей школьницы (2, т. 1, с. 335–345).

Именно эти два учителя – Свиридов и Вейсман, близкие к своим прототипам, – показаны в романе крупным планом в сценах выпускного бала 21 июня 1941 г. (2, т. 1, с. 384–387).

Известная в городе учительница немецкого языка Людмила Яковлевна Меранвиль, работавшая в школе № 4, в романе не выведена, но героини – и Людмила, и Татьяна, – не раз на удивленные вопросы немцев об их прекрасном владении немецким языком отвечали, что немецкий учили в школе (2, т. 1, с. 540; т. 2, с. 529).

Другие картины из жизни 46-й школы в романе Ю.Г. Слепухина «Перекресток» также соответствуют реалиям жизни школы № 4 г. Ставрополя. Мы не знаем, был ли прототип у бывавшего в 4-й школе героя-танкиста Александра Николаева, Дядисаши Татьяны, ставшего кумиром многих учеников, но о том, что его история также приближена к реальности, свидетельствует корреспонденция в газете «Сталинские ребята» от 12 декабря 1940 г. В ней рассказано о пионерском сборе, посвященном встрече с военно-морским летчиком, орденоносцем Алексеем *Николаевичем* Грачевым, участником боевых сражений на Халхин-Голе, военных событий в Польше, в Финляндии. По желанию школьников он подробно рассказал о борьбе с белофиннами, о главном плацдарме войны – Карельском перешейке; привел несколько эпизодов из боевой жизни летчика. Нетрудно заметить, что перечисленные военные компании полностью соответствуют этапам жизненного пути литературного героя Александра Николаева, вызывавшего живой интерес одноклассников Татьяны и ее учителей, сверяющихся с мнением зашедшего в школу кадрового военного свои тревоги за близких людей (2, т. 1, с. 345); подробно воссоздана в романе и встреча героя-танкиста с учащимися:

«Этой зимой (февраль 1939 – Л. Е.) майора пригласили в школу прочитать доклад на вечере, посвященном Дню Красной Армии. Класс Николаевой целую неделю был в волнении – приедет или не приедет. Майор приехал в назначенный день и час, в парадной форме, поблескивая двумя орденами Красного Знамени и полученной в прошлом году юбилейной медалью «XX лет РККА». Таня сидела в пятом ряду и так задавалась, что не услышала ни слова из того, что говорил Дядяша. После короткого доклада он долго отвечал на вопросы, а потом в зале разразилась буря восторга...» (2, т. 1, с. 42): майор подарил школьникам роскошный полуметровый макет танка.

Летом 1939-го Николаев принимал самое непосредственное участие в событиях на Халхин-Голе, а об их подробностях Таня слышит уже от лейтенанта Сарояна, захватившего к ней в пионерский лагерь по поручению

майора (2, т. 1, с. 55). 30 августа Татьяна читает в газете указ: «...Наградить званием Героя Советского Союза с одновременным вручением ордена Ленина...» майора Николаева Александра Семеновича» (2, т. 1, с. 67). В первый день учебного года «свинцовый ветер уже метет по дорогам Польши». Но о начале Второй мировой войны «в Энке еще ничего не известно». Таня все ждет возвращения Дядисаши из Монголии, но он так и не приехал. «Ничего, – думала Татьяна, засыпая, – завтра-то уж обязательно...».

Как видим, то, что в жизни школы, судя по газетной корреспонденции, было кратким эпизодом, в романе становится развернутой фабульной линией с поэтапным рассмотрением событий жизни кадрового военного. Обещавший после Халхин-Гола приехать в Энск Дядяша «не приехал ни на следующий день, ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу», а в воскресенье по радио сообщили, что Красная Армия перешла границу Польши, беря под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии (2, т. 1, с. 73–74). И вот школьники уже обсуждают начало войны с Финляндией, и весь девятый класс был занят событиями на Карельском перешейке. Людмила Земцева записывает в своем дневнике от 14 декабря: «Т (агыня) боится, чтобы не послали туда (в Финляндию – Л. Е.) Александра Семеновича, от него давно нет писем» (2, т. 1, с. 145). Лишь 30 марта 1940 г. был подписан мирный договор с Финляндией, а в конце мая Николаев, уже полковник, вернулся в Энск, испытывая сердечную боль из-за гибели боевых товарищей, получивших приказ атаковать минные поля без артподготовки. Но он понимал, что «означала граница в 30-ти километрах от Ленинграда» (2, т. 1, с. 202).

Подчеркнём, что ставропольский текст в тетралогии становится поэтическим символом малой родины героев, прежде всего Сергея Дежнева, которому представляется, что, идя дорогами Великой Отечественной войны на запад, он идет к «...Энску с Татарской балкой, с прудами в Казенном лесу, почему-то называемыми по старинке Архиерейскими, с 46-й школой и Домом комсостава, где жила Таня, и тем домиком на Челюскинской, где жили когда-то он сам, и мама, и Зинка, и Коля, еще живой...» (2, т. 2, с. 473–474).

К сожалению, нам до сих пор неизвестны адрес или адреса, по которым в Ставрополе проживали Кочетковы. Очевидно, что после переезда в конце 1937 г. из Пятигорска в Ставрополь, они жили где-то в районе крайзо по направлению к Мельничному яру. И дело не только в том, что с этими местами связаны воспоминания писателя о ребячьих забавах (см. выше), но и сообщенный нам Н.А. Слепухиной штрих из воспоминаний сестры писателя о том, как её, совсем маленькую, брат с мальчишками спускал с горы в коляске. Такая деталь была бы невозможна, если бы квартира Кочетковых находилась далеко от крайзо.

В 1940 г. отец писателя Г. П. Кочетков получил повышение по службе: оставаясь главным агрономом крайзо, он становится начальником управления агротехники и механизации. Можно предположить, что последние годы его семья жила в доме по улице Пушкина, 27, где, как свидетельствуют краеведы, проживало переехавшее в Ставрополь высшее руководство краевого аппарата. (Кстати, именно в 1940 году в этом доме поселилась и прокурор Абрамова, о чем говорит мемориальная доска на доме № 27.) Возможно, здесь жил и будущий писатель, поселив в соседнем доме и свою героиню Людмилу Земцеву. Основанием для такого предположения служит прилежавший к дому прекрасный сад, описание которого мы приводили выше как лейтмотив всей тетралогии.

Все отмеченные нами в романах Слепухина узнаваемые ставропольские реалии свидетельствуют о том, что, хотя применительно к его романам и нельзя буквально говорить о ставропольском тексте (это всё-таки энский текст), его отдельные элементы, ставропольские мотивы в них есть. И не только в первых двух романах тетралогии, но и в остальных; часто эти элементы появляются в ретроспекциях. Ставропольские мотивы, сохраняя первозданность юношеского восприятия автором воссоздаваемых им событий, придают тетралогии особый лирический колорит, не случайно её называют лирическим эпосом. Не приходится говорить о важности этого обстоятельства для литературного краеведения.

Библиография

1. Беликов, Г. А. Оккупация Ставрополя / Г. А. Беликов. – Ставрополь : изд. Надыршим А.Г., 2016. – 248 с.
2. Слепухин, Ю. Г. Избранное: [в 5 т.] / Юрий Слепухин. – Санкт-Петербург : Ладога, 2005.
3. Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сборник статей и материалов / отв. ред.: Н. А. Слепухина. – Санкт-Петербург : Фонд Слепухина. – 560 с.

Раздел II. Антропоцентрические, языковые и дискурсивные аспекты лингвориторической парадигмы

Part Two. Anthropocentric, Linguistic and Discursive Aspects of Linguistic & Rhetorical Paradigm

Механизм формирования ценностных понятий действительности через мифологизацию реальности

Бондаренко Александр Иванович

Самарский государственный институт культуры, Россия
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167
кандидат педагогических наук, доцент
Email: alexbond.55@mail.ru

Аннотация. В статье на литературных и публицистических примерах раскрываются механизмы формирования ценностных понятий действительности через мифологизацию реальности, определяется актуальность использования данных механизмов в учебном процессе и практической деятельности специалистов разных областей знания. Выявляется разница между целями и задачами мифологизации при создании художественного образа и при формировании осознанной или неосознанной новой реальности.

Ключевые слова: мифологизация, действительность, реальность, механизмы формирования, ценностные понятия, художественный образ.

УДК 37.034

The mechanism of forming value concepts of objective reality through the mythologization of individual reality

Alexander I. Bondarenko

Samara State Institute of Culture, Russia
167 Frunze str., Samara, 443010
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: alexbond.55@mail.ru

Abstract. Using literary and journalistic examples, the article reveals mechanisms of forming value concepts of objective reality through the mythologization of individual reality, and assesses the relevance of using mechanisms in the educational process and practical activities of specialists in various fields of knowledge. The author reveals the difference between the goals and objectives of mythologization when creating an artistic image and when forming a conscious or unconscious new individual reality.

Keywords: mythologization, objective reality, individual reality, mechanisms of formation, value concepts, artistic image.

UDC 37.034

Введение. Проблема мифологизации картины мира достаточно глубоко изучена и широко представлена в научной литературе [Пятигорский 1996: 289]. Дальнейшее движение в этой области возможно и необходимо на основе изучения реального художественно-литературного, публицистического, исторического материала и выявления механизмов формирования ценностных понятий при создании художественного образа и определения осмысленной действительности в действии в противопоставлении мифической реальности индивида. Актуальность изучения этих механизмов в современных условиях вызвана потребностью развенчания искусственно созданных или неосознанно формируемых в сознании мифологических структур реальности в мировоззрении человека.

Более того, как отмечают исследователи, «современность – по причине агрессивной рациональности-сверхмифологична» [Пивоев, 1991: 111] и логика воображаемого способна соединить несоединимые элементы, и при утверждении одних фактов действительности, одновременно утверждать диаметрально противоположные представления реальности индивида [Осаченко 1994: 176].

Современная мифологизация сознания приводит к неадекватному представлению связей и отношений реальности, ложному отображению шкалы ценностей в словесном знаке, немотивированным и прагматическим установкам и агрессивному речевому поведению [Галанина 2013: 129]. Изучение данных механизмов имеет важное значение при работе со студентами творческих факультетов – журналистов, филологов, режиссеров, а также специалистами в области психологии творчества и психологии истории.

Материалы и методы. Для практического анализа мы выбрали рассказы А.П. Чехова и небольшой фрагмент из романа Г. Мелвилла «Моби-Дик, или Белый кит».

Методы – стилистический анализ с элементами нарративного анализа, в некоторой степени семиотический анализ как вскрытие кодов (смыслов) разных уровней. Такой комплексный подход применялся к глагольным конструкциям действия, рассматриваемым в их последовательности в тексте.

Гипотеза: изучение изменений характера и качества избранных конструкций позволит понять приём автора произведения по созданию «новой» действительности или ложного представления о событии в глазах героев, т.е. мифологизировать событие и создать иную реальность.

Обсуждение. В рассказе А.П.Чехова «Добрый немец» [Чехов 1962: 18, 31–44, 45–54] наблюдается следующая диалектика механизма мифологизации событий и создания «своей» реальности главным героем Иваном Карлычем. Рассмотрим последовательность действий героя при формировании его новой реальности.

1 – «...на цыпочках подошел к двери...» 2 – «...зажег спичку...» 3 – «...на кровати спала женщина...» 4 – «...на другой кровати лежал громадный мужчина...» 5 – «...зажег другую спичку...» 6 – «...сжег одну за другой пять спичек...» 7 – «...и картина представлялась все такою же невероятной, ужасной и возмутительной...» 8 – «...У немца подкосились ноги, и одеревенела от холода спина...» 9 – «...не желает жить с распутной женщиной...» (и так далее по тексту).

А.П. Чехов выстраивает следующую последовательность столкновения действительности и реальности, созданной для себя героем: 1 – неадекватность восприятия действительности; 2 – формирование иллюзии, построение своей «реальности»; 3 – построение ложного действия; 4 – развитие ложного действия; 5 – сопоставление героем действительности с придуманной собственной «реальностью».

В рассказе А.П. Чехова «Враги» схема развития событий и мифологизация действительности героем рассказа Абогиным иная:

1 – «...У меня опасно заболела жена...» 2 – «...лежит как мертвая...» 3 – «...Поедемте ради бога !...» 4 – «...прошу... Во имя человеколюбия!...» 5 – «...Доктор... Умирает моя жена!...» 6 – «...Обманула!.. – Ушла!!...» 7 – «...Заболела и уснула меня за доктором...чтобы бежать с этим шутком...» (и так далее по тексту).

А. П. Чехов видоизменяет причины и порядок мифологизации:

- 1 – создание ложной действительности;
- 2 – провокация действительности действия;
- 3 – образование иллюзорной мифической реальности;
- 4 – адекватная действительность действия;
- 5 – сравнение героем собственной реальности с действительностью.

В рассказе А. П. Чехова «Мороз» автором предлагается иной вариант построения мифологического пространства, которое создается сразу несколькими реальностями различных персонажей рассказа, которые сопоставляются с действительностью действия:

1 – «...на то теперь и зима, чтобы был мороз!...» 2 – «...Вот так мороз! Ну, да и мороз же, бог с ним! Смерть!...» 3 – «...Такой проклятуший мороз, что хуже собаки всякой! Сушая казнь!...» 4 – «...Чай и мадамы озябли! Надо что-нибудь! Так невозможно!...» 5 – «...русский мороз имеет свои прелести...» 6 – «...но лучше б его вовсе не было...» 7 – «...Сытому и одетому мороз – одно удовольствие...» 8 – «...для человека рабочего, нищего... – он первейшее зло и напасть...» 9 – «...Горе, горе, владыка святой!...» 10 – «...При таком морозе и бедность вдвое, и вор хитрее, и злодей лютее...» 11 – «...Стоишь на холоде костенеешь...живот втянуло, сердце болит...» 12 – «...и трубы к губам примерзли...» 13 – «...Память отшибло, а мороз, ух, как можно!...» 14 – «...Господь в наказание нам его посылает, мороз-то...» (и так далее по тексту).

А. П. Чехов через различные реальности героев раскрывает сложную панораму действительности: 1- раскрытие действительности, объективизация действия; 2 – начало построения реальностей героев; 3 – противопоставление реальностей; 4 – ретроспективная оценка действительности; 5 – сопоставление действительности с реальностями героев.

За каждой, выведенной нами из текста фразой героев, следует текст, в котором автор дает ценностно-смысловую оценку данному герою или событию, т. е. действительности, сопоставляя ее с мифической реальностью, придуманной самим героем. При анализе механизмов и способов мифологизации действительности раскрывается структура художественного образа. И в этой связи становится понятным прием использования художественной конфликтологии, когда авторы противопоставляют объективной действительности мифологическую реальность героев.

В романе Г. Мелвилла «Моби-Дик, или Белый кит» [Мелвилл 2015: 8, 9–10, 14, 17] ситуация усложняется за счет столкновения различных проявлений действительности, достаточно противоречивых самих по себе, с символично-мифологическими реальностями героев. В сюжетной линии романа, один из героев, Измаил, оказывается в ситуации вынужденного выбора между различными действительностями. Даже его личная, построенная на прочной убежденности реальность, достаточно адекватно соотносимая с действительностью, не может согласиться и принять эту действительность.

Для анализа мы выбрали из романа небольшой юмористический фрагмент, где герой, устроившись на ночлег, оказывается в двусмысленном положении проживания в одном номере со странным мистическим персонажем. Мы приводим оригинальный текст первой публикации романа 1850 г., т.к. на протяжении более 150 лет переводы и сам текст подвергались неоднократным правкам. Автор показывает действительность, неприятие ее героем, пытающимся защитить свою реальность, но безуспешно:

1 – «...With halting steps I paced the streets, and passed the sign of “The Crossed Harpoons” – but it looked too expensive and jolly there...»

2 – «...Further on, from the bright red windows of the “Sword-Fish Inn”, there came such fervent rays...Too expensive and jolly, again thought I...»

3 – «...Moving on, I at last came to a dim sort of light not far from the docks... and looking up, saw a swinging sign over the door... and these words underneath “The Spouter Inn:... – Peter Coffin”... I thought that here was the very spot for cheap lodgings, and the best of pea coffee...» (и так далее по тексту).

Итак, выбор сделан в пользу “The Spouter Inn”, «действительность» определена героем вполне сознательно, но предложение владельца гостиницы было шокирующим:

“...you haint no objections to sharing a harpooner’s blanket, have ye?...”

Более того, его будущий сосед по комнате, по описанию хозяина, «a dark complexioned chap», что совсем не радует нашего героя.

Наступает момент вторичного выбора и окончательное решение принятия очередной «действительности». Однако его «реальность», к которой он апеллирует, содержит совершенно противоположный контент другой действительности, которую он пытается «втолковать» владельцу “The Spouter Inn”:

“...It was cold as Iceland-no fire at all – the landlord said he couldn’t afford it. Nothing but two dismal tallow candles, each in a winding sheet”.

И далее по тексту, разочаровавшись и негодуя, персонаж «выдвигает» свою реальность:

1 – “...No man prefers to sleep two in bed...”

2 – “...a good deal rather not to sleep with your own brother...”

3 – “...people like to be private when they are sleeping...”

4 – “...sleeping with an unknown stranger, in a stranger inn, in a stranger town, and...(!!!)...”

5 – “...why I as a sailor should sleep two in a bed...”

6 – “...than bachelor Kings ashore... they all sleep together in one apartment, but you have your own hammock, and cover yourself with your own blanket, and sleep in your own skin...”

7 – “...the more I abominated the thought of sleeping with him”.

Заключение. Цель исследования – не участие в дискуссиях, особенно политических, а выявление самого механизма мифологизации действительности. Возвращаясь к литературным примерам, мы можем утверждать, что в основе образования и утверждения личных «реальностей» лежат скрытый и вполне осознанный интерес или глубокое заблуждение, вызванное рядом искусственных или объективных обстоятельств.

В первом случае создаются определенные условия для того, чтобы миф или иллюзия новой реальности стали действительностью действия. Обычным приемом в данном случае является создание «ложной» действительности и принятие ее противоположной стороной.

Образцом искусственной мифологизации является использование во Второй Мировой войне в дипломатических переговорах актера Мейрика Клифтона Джеймса вместо реального генерала Монтоммери. Союзники воспользовались сходством актера с генералом для полной дезинформации немецкого командования. С подобным приемом искусственной подмены мы сталкиваемся почти во всех сказочных мифах и легендах народов мира [Губман 1998: 53–54, 152].

С неадекватным или поверхностным, неглубоким восприятием и пониманием действительности мы имеем дело в большинстве рассказов А.П. Чехова. Однако существует разница в целях и задачах мифологизации при создании художественного образа и при формировании осознанной или неосознанной новой реальности в политике и повседневной жизни [Додолев 1993: 236].

В первом случае – это создание и утверждение ценностей как неотъемлемой части действительности, а во втором – формирование ложных реальностей с целью запуска их в действительность действия и навязывание новых ценностей, связанных с корпоративными интересами противостоящих сторон.

Механизмы мифологизации действительности во втором случае неразрывно связаны с эффектом экспансии времени: отсрочка события, умышленное затягивание действия, выжидание, создание иллюзии быстрого перемещения и т. д. Во всех случаях используются изощренные трюки с подменой действительности иными реальностями.

Другой способ, который наглядно демонстрируется в рассказе «Мороз», – это выстраивание цепочки или одновременно нескольких объективных действительностей действия и умелая манипуляция ими посредством личных реальностей. Тогда ценностно-смысловое содержание этих действительностей теряется в хаосе многочисленных «оценок», мнений, суждений других реальностей.

Богатое наследие мировой литературы – это неисчерпаемый источник для исследования движения ценностей в историческом пространстве-времени. Он помогает аналитически рассматривать аудио-, видео-, текстовые и устно-речевые материалы оппонентов, в том числе в научных и общественно-политических дискуссиях.

Библиография

Галанина, Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры [Текст]: монография / Е. В. Галанина; Российская акад. естествознания, Изд. дом Акад. Естествознания. – Москва: Акад. естествознания, 2013. – 129 с.

Губман, Б. Л. Миф и религия / Б. Л. Губман // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. – Санкт-Петербург, 1998. – Т. 2. – 53-54 с.; 152 с. – Текст: непосредственный.

Додолев, Е. Ю. Мессии. Мифологизация религиозных вождей / Е. Ю. Додолев. – «Новый взгляд», 1993. – 236 с. – Текст: непосредственный.

Melville, G. Moby Dick or, The Whale / Melville G. – Cosimo Classics, New York, 2015. 8 с.; 9–10 с; 14; 17 с. – Текст: непосредственный.

Осаченко, Ю. С. Введение в философию мифа / Ю. С. Осаченко, Москва: Интерпракс, – 1994. – 176 с. – Текст: непосредственный.

Пивоев, В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Карелия, 1991. – 111 с. – Текст: непосредственный.

Пятигорский, А. М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа / А. М. Пятигорский. – Москва: Языки славянской культуры, 1996. – 289 с. – Текст: непосредственный.

Чехов, А. П. Собрание сочинений Т.5 / А. П. Чехов. – Москва, 1962. 18 с.; 31–44 с.; 45–54 с. – Текст: непосредственный.

Лингвориторика и изучение речевой агрессии

Бушев Александр Борисович

Тверской государственный университет, Россия
170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33
доктор филологических наук, профессор
Email: alex.bouchev@yandex.ru

Аннотация. В русле риторико-герменевтической парадигмы анализа текстов исследованию подвергается феномен вербальной агрессии в сетевом дискурсе – явление практически повсеместное. С языковой точки зрения вербальная агрессия представлена сниженной лексикой, оскорблениями, негативными оценками. С психологической точки зрения показательно желание создавать и комментировать тексты ради развлечения, присоединения к имиджу известной персоны, демонстрации проекций и решения своих психологических проблем. Исследование выводит к разговору о психологических функциях блоггинга.

Ключевые слова: риторика, речевая агрессия, блоггинг.

УДК 821.161.1.0:159.9

Linguistic & rhetorical and verbal aggression studies

Alexander B. Bouchev

Tver State University, Russia
33 Zhelyabov Str., Tver, 170000
PhD, Dr Habil. (Philology), Professor
Email: alex.bouchev@list.ru

Abstract. In line with the rhetorical-hermeneutic paradigm of text analysis, the paper studies the phenomenon of verbal aggression in network discourse – the phenomenon that is almost universal. From a linguistic point of view, verbal aggression is represented by vulgar, rude, and obscene words, insults, and negative assessments. From a psychological point of view, the research reveals the desire to create and comment on others' texts for the sake of entertainment, join the image of a celebrity, demonstrate projections and solve one's own psychological problems. The research highlights the psychological functions of blogging.

Keywords: rhetoric, verbal aggression, blogging.

UDC 821.161.1.0:159.9

Введение. Даже беглый взгляд на историю и проблематику Сочинской лингвориторической (ЛР) школы профессора А. А. Ворожбитовой убеждает нас в мысли, что предметом интереса Сочинской ЛР школы являются, в том числе, полифония и полистилизм дискурсов. Юбилей – повод взглянуть на пройденный путь, от-рефлексировать достигнутое. А. А. Ворожбитова – автор многих трудов, руководитель научных работ, объединённых этой теорией – лингвориторики. В этом и возрождение интереса к *риторике* – с ее пристальным вниманием к смыслу высказывания, пристальным изучением перехода смысла в логос, элоквенцию. При этом данная проблематика действительно *лингвориторическая* – внимание акцентируется и на речевых практиках говорящей и понимающей личности [Ворожбитова 2020].

Разнообразие речевых практик современного города представлено в указанной научной школе значительным числом речевых практик: дискурс туризма, дискурс рекламы, дискурс популярной психологии, дискурс науки, педагогический дискурс, деловой дискурс, историографический, публицистический и т.д. Это и интерес к литературному дискурсу как одному из модусов русской языковой личности. Теория лингвориторики имеет педагогический пафос, выходит к практике пользования языком, о чем свидетельствуют неоднократно проходившие Недели русского языка в Сочи. Исследователей лингвориторической школы характеризует способность слышать другого, способность быть чутким к другим мирам, которая, по сути, и должна отличать ученого. Так, например, памятно, что отдельный мемориальный раздел в выпуске журнала был посвящен оригинальному сочинскому исследователю профессору В. Г. Борботько с его крайне интересными дискурсивными построениями (Лингвориторическая парадигма, 2017, № 22-1).

Открытость ЛР парадигмы к новым веяниям, на наш взгляд, выражалась и в том, что руководитель школы активно знакомила с идеями и приглашала на конференции по исследованию русской литературы XX века – от исследования правоверной литературы метрополии к литературе нескольких поколений русского изгнания. Конгрессы по линии «Русского мира», полные любви и интереса к функционированию русского языка современности, свидетельствуют о фокусировке исследований не просто на структуре языка – а именно на функционировании языка в устах и сознании наших современников.

А.А. Ворожбитова и сама, кроме всего прочего, в своих видео- и аудиозаписях представляет и бардовский пласт русской культуры, и пласт культуры, связанный с началом века, с Серебряным веком и особенным феноменом русской культуры – романсом.

Последние годы законный интерес вызывает деловая практика. Внимание к вербальным и невербальным механизмам коммуникации, стремление к визуализации коммуникации с целью облегчения понимания смысла текста – проблемы вполне психологические. Исследуя рецепцию текста, мы даем обоснованные рекомендации

для текстопостроения. В психологии речи, также как и в ораторике, в стилистике, в риторике речь ведётся о **речевом воздействии**. И если в риторике или литературоведении все речевое воздействие сводится преимущественно к фигурам речи, то в психологии воздействие речи понимается как использование психологических механизмов аргументации, манипуляции, внушения и т.д.

Показательно здесь само понимание важности речи, языка и текста. Речь – объект исследования психологии и лингвистики. Речь в рекламе, новейших масс-медиа, PR служит для влияния и взаимовлияния и организации социальных контактов. Коммуникативная и когнитивная функции языка дополняются здесь речевой прагматикой. Работает текст, погруженный в коммуникацию, работает дискурс как вид разговорной практики. В союзе с социологией, социальной психологией обсуждаются способы организации такого дискурса, прежде всего интерактивные, прагматические, контекстные аспекты вербальной коммуникации. Новой фактурой речи является интернет-фактура [Иванов 2002, Социально-психологические проблемы современного общества 2021, Bühl 2000, Kroker 2001, Rheingold 1993]. Коммуникативные максимы, коммуникативные намерения, статус говорящего, весь арсенал древней риторики, техники манипулирования собеседником – вот некоторые из проблем, с которыми сталкивается речедатель в коммуникативных специальностях.

Налицо важность проблемы убедительного и кажущегося убедительным, проблемы аргументации, подбора доказательств, мысли о качествах речи. Риторическая проблематика связана сегодня с психологией речи, теорией речевой деятельности, представленной, например, в трудах А. А. Леонтьева. Прагматика речевой деятельности есть осознание задач, которые ставятся в речевой деятельности. Проблематика влиятельной речи, изобразительно-выразительных средств языка, речевого воздействия, внушения, аргументации и их рецепции никогда не может быть исключена из практики и науки.

Современная языковая личность полифонична. Она вбирает в себя все эти дискурсы, она открыта им. Дискурс нужно уметь интерпретировать. Оценим, например, такой феномен как **вербальная агрессия** – феномен, выражающийся прежде всего в использовании слов бранных, сниженных, слов с негативно-оценочной семантикой, оскорблений и т.д. Таким образом, **предметом** нашего исследования выступает **агрессия в интернет-дискурсе**.

Материалы и методы. Материалом выступают выборки из блогов на Yandex.Дзене и других площадках. Применялись количественные и качественные методы стилистической оценки речи с целью выявления агрессивной семантики. Нами, по сути, ставилась герменевтическая задача выявить агрессивную, оскорбительную семантику в повседневной продукции языковой личности в блогосфере (движение от логоса к интенции).

Обсуждение. После передачи с выступлением известной актрисы с пересудом коллег (жанр, прочно утвердившийся на отечественном ТВ) появляется шлейф в виде обсуждения в блогосфере. Клеветы в комментариях нет. Изобильны негативные агрессивные оценки, фамильярность, оскорбления, грубость, прямые бесцеремонные обращения к незнакомой лично героине телевизионной передачи, редко ироничные оценки.

Гражданка никанорова

Ну что поделаешь? *Чем старше, тем дурее.*

Qwerty Ytrewq

На старости лет Танюша похудела, а всю жизнь была огромная, женщина-гренадёр. Вот теперь от неё всем толстухам достаётся. *Танюша, оставь живых и мёртвых в покое, твоё мнение никому не интересно.* Имей такт и совесть.

Олег Бельский

Выжила из ума на старости лет и от злости и от одиночества и *звезданулась...* Ну и от *бабла в погоне успеть урвать* еще...

Елена М

Чем больше смотрю на *чужацества этой особы*, тем чаще вспоминаю старый анекдот: Сарочка, почему вы не замужем? Женихов нет? – Почему нет? Есть. Смотрят, пробуют..., не берут!

Надя Надина

В стане прокловой, поргиной, светличной пополнение, поздравляю!

Пелагея Игнатъева

У Васильевой *кукуха поехала* – это возрастное! Надо посочувствовать женщине!

Себириана Май

что таяна нашла в этом *страшном вечно пьяном алкаше*

maslunsvetlana

2 часа

Васильева вроде раньше не позволяла себе таких вещей, *кукундель что ли съехал* от пандемии?!

Margarita Goryachko

Да *"натянутая" старушка* только и вспоминает кто с кем и сколько, сплетни, сплетни. сплетни.

Улетучилась капелька таланта, осталась только злоба и ненависть на всех и вся, потому что состарилась... душой состарилась!

Салют

Говорят (пусть), что Тане не хватает тюбика зубной пасты, дабы за раз *навести порядок в своём безразмерном... орале*

Вера Мартынова

Какая гадость. Вот просто гадость. Ковид страшен? Ковид, он просто лёгкая простуда по сравнению с этими васильевыми. *Полощут своё нижнее, а заодно и чужое. И всё это лишь бы бабла срубить и поболеть.* Я вам такое расскажу, вы только заплатите. И рассказывают и ведь кто-то платит. Белая горячка!

Виктор Вовк

Как говорят – *отвязалась*. Жаль читать про *потаскух*.

Психолингвистические теории восприятия и понимания речи проливают свет на проблему смысла высказывания [Социальные сети 2021]. Психолингвистика оказывается связанной здесь с герменевтикой (теорией понимания), речевой диагностикой. Здесь перед нами предстает и современный вопрос: как анализировать «человека говорящего» в Сети? Мы имеем методологию анализа человека говорящего – языковой личности, ее проявлений в политическом, деловом, медийном и художественном дискурсах

Отметим разность авторства и комментирования события. Также приведем примеры агрессии в бульварной прессе. Желтая пресса – вид дискурса масс-медиа, характерный для современного телевидения и блогосферы. Задачи коммуникации в блогах могут быть разные, но часто это развлекательная коммуникация, коммуникация с целью присоединиться к имиджу известной персоны, возможность рядовому человеку быть на одной ноге со знаменитостями. Селебритиз чувствуют это. Им для того, чтобы не быть забытыми, нужен скандал. Возникает бульварный дискурс массовой культуры типа «светличной малаховщины» с тремя авторами *«известное лицо – ведущий передачи или автор статьи, блога о жизни селебритиз – широкая аудитория присоединяющихся к имиджу и готовых высказать свои суждения»*. Многие селебритиз в нем охотно участвуют. А их высказывания комментируются. В комментариях слышится речевая агрессия [Ильин 2014], прочитывается проекции собственной жизни, решение собственных психологических проблем, видимо желание присоединиться к известной персоне и бесцеремонно обсуждать в публичном пространстве, как правило, даже не работу, а личную жизнь известной персоны, ее правила жизни.

Одна из центральных проблем этики дискурса – проблема **изучения агрессии в массовой коммуникации**. Существует множество работ, пытающихся выявить лингвистические маркеры агрессии и буллинга (запугивания, травли) [Бушев 2021]. В сетевой коммуникации показательны агрессивные оценки – проявление кибербуллинга (интернет-травли). Основными формами кибербуллинга являются флейминг (замечания в грубой форме, вульгарные сообщения, унижительные комментарии, оскорбления), харассмент (домогательства с сексуальным подтекстом или целенаправленные кибератаки), гриферство (грифинг – буллинг игроков в многопользовательских играх), троллинг (провокационные сообщения, выводящие жертву из себя), клевета, раскрытие секретов, мошенничество, исключение, киберсталкинг (крайняя форма харассмента – долгое домогательство, в том числе с преследованием) (пояснения приведены по источнику: [Кибербуллинг 2021]). Оскорбление – одна из наиболее распространенных форм агрессии, как правило, выражается в грубом обращении, оскорбительных комментариях и необоснованных замечаниях [Вербальный буллинг 2018].

Психологический аспект просматривается и в выявлении функций коммуникации в блогах – кроме информационной, коммуникативной и развлекательной [Волохонский 2006]. Психотерапевтическая функция либо предполагается заранее, либо осознается в процессе ведения записей – «выплеснуть эмоции», «изложить наболевшее», «для успокоения нервов, в конце концов» [Кротов, Липаев 2016]. Данная функция традиционно дневника, ведущегося в укромной тетрадке, неоднократно упоминается различными авторами и, по всей видимости, приобрела новую форму и новые возможности, как способ пожаловаться на жизнь множеству людей сразу и получить в ответ успокоительные «поглаживания». Некоторые также отмечают, что публичность дневника вынуждает их продолжать его вести, а также заставляет учиться более грамотно структурировать свои мысли, что помогает им самим лучше понять переживаемые события. Ждут своих исследователей цифровой флирт и секстинг (обмен интимными сообщениями и фотографиями) [Зайцева 2021]. Отметим также, что авторы и комментаторы склоны раздавать свои оценки в бесцеремонной форме, навязывать свою точку зрения.

Функция саморазвития, или рефлексии выражается в том, что автор растет в плане опыта коммуникации. Эта функция связана с тем, что блог предоставляет возможность участникам создать образ иного «Я», возможно, такого, к которому автор стремится («Я начинал журнал как упражнение в открытости и спонтанности»). Это ведет к совершенствованию и усложнению способностей письма и коммуникации.

Заключение. Лингвориторическая парадигма изучает многообразие и полистилизм современных дискурсов, в том числе электронных. Материал блоггинга чрезвычайно разнообразен, но вполне пригоден для риторико-герменевтического и психологического анализа. Продемонстрированный в статье дискурс бульварной прессы сопровождается в блогосфере комментариями, избыточными вербальной агрессией. Показательны корреляты вербальной агрессии в лингвориторическом аспекте.

Библиография

Бушев А. Б. Языковая личность блогера / А. Б. Бушев. – Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Под редакцией Е. Г. Милогиной. – Тверь, 2021. – С. 71–76 (а). – ISBN 978-5-7609-1385-2 : 330.00. – Текст : непосредственный.

Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе: мат. Междунар. заоч. науч. конф. / отв. ред. О. В. Кравец [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. – 1 электрон., опт диск (CD-ROM); 12 см. 263. – ISBN 978-5-7972-2472-3. – Текст : электронный.

Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet/ Волохонский В. Л. – Блоги: новая реальность / Под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2006. – С. 118-131. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. – 176 с. – Текст : непосредственный.

Зайцева О. В. Секстинг: правовой статус, экспертная практика и особенности нарратива / Зайцева О. В. – Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / Под научной редакцией Н.Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2021. – Том 1. С. 70–91. – ISBN 978-5-8353-2776-8. – Текст : непосредственный.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Иванов Д. В. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2002. 96 с. ISBN 5-85803-154-4. – Текст : непосредственный.

Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения / Ильин Е. П. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 368 с. – ISBN 978-5-496-00991-1. – Текст : непосредственный.

Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / Центр правовой информации ЦБС Златоуста. – 9 февраля 2021 г. – URL: <https://vk.com/@-81504037-kiberbulling-travlya-v-prostranstve-sovremennyh-tehnologii> (дата обращения: 1.08.2022 г.). – Текст : электронный.

Кротов Н. И., Липаев А. П. Устная история, или Доктор память / Кротов Н. И., Липаев А. П. – Москва: Экономическая летопись, 2016. – 105 с. – ISBN 978-5-903388-23-3. – Текст : непосредственный.

Социально-психологические проблемы современного общества в условиях цифровизации: личность, организация, управление : коллективная монография / под ред. И. А. Бариляк, Е. Д. Короткиной, Е. С. Ребриловой. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2021. – 358 с. – ISBN 978-5-7609-1655-6. – Текст : непосредственный.

Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / Под научной редакцией Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2021. – Том 1. – 380 с. – ISBN 978-5-8353-2776-8. – Текст : непосредственный.

Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden / Bühl A: Westdeutscher Verlag, 2000. – ISBN 353123123. – Текст : непосредственный.

Kroker A. Weinstein M. Data Trash: The Theory of Virtual Class / Kroker A. Weinstein M. Montreal, New World Perspectives, 2001. – ISBN 0-920393-23-3. – Текст : непосредственный.

Rheingold Н. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. 1993. – URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (дата обращения: 19.01.2022 г.). – Текст : электронный.

Риторические особенности бесконфликтного общения в СМИ: когнитивный аспект¹

Ефименко Татьяна Николаевна

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
кандидат филологических наук, доцент
Email: tefimenko@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме конструирования бесконфликтной коммуникации в средствах массовой информации с точки зрения когнитивного подхода. Выявляются когнитивные механизмы формирования бесконфликтной риторики медиа текста. Доказывается, что использование таких когнитивных механизмов, как концептуальная метафора и метонимия, эвфемизмы, импликация, конкретизация и завуалированная репрезентация своего мнения, способствует элиминированию конфликта в СМИ.

Ключевые слова: риторика, бесконфликтное общение, когнитивные механизмы, СМИ.

УДК 81.119

Rhetorical specific features of conflict-free communication in mass media: cognitive aspect

Tatiana N. Efimenko

Derzhavin Tambov State University, Russia
33 Internationalnaya Str., Tambov 392000
PhD (Philology), Associate Professor
Email: tefimenko@mail.ru

Abstract. This article focuses on the issue of building conflict-free communication in the mass media based on a cognitive approach. The research has identified cognitive mechanisms of building conflict-free rhetoric of mass media. The results of the research demonstrate convincingly that such cognitive mechanisms as conceptual metaphor and metonymy, euphemisms, implication, substantiation and implicit expressing of one's opinion facilitate conflict elimination in the mass media.

Keywords: rhetoric, conflict-free communication, cognitive mechanisms, mass media.

UDC 81.119

Введение. Изучение языка средств массовой информации и коммуникации с позиции различных подходов стало крайне актуальным в последнее время, что обусловлено повышенным интересом к данной проблематике. Совершенно очевидно, что СМИ, посредством языка, оказывают сильное воздействие на формирование мировоззрения, ценностей, идеологии современного общества. Едва ли можно представить себе человека, который был бы изолирован от той среды, которую нам «диктует» современная жизнь.

Исследователи в области социологии, психологии, журналистики, лингвистики сходятся во мнении, что риторика языка СМИ характеризуется конфликтностью. Именно конфликтная риторика описания ситуации больше привлекает аудиторию, оказывая фасцинирующее воздействие на слушателей и читателей. Однако наше исследование свидетельствует о некоей тенденции к бесконфликтному общению, что обусловлено стремлением представителей СМИ (журналистов, ведущих, авторов статей) к эффективному общению, основным условием которого является использование определённых максим (см. максимы П. Грайса), выраженных различными языковыми средствами (лексическими, грамматическими, стилистическими, синтаксическими). В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать риторические особенности языка СМИ с точки зрения когнитивного подхода, определить когнитивные механизмы конструирования бесконфликтного общения.

Материалы и методы. С целью реализации цели настоящей статьи в качестве основных методов используются: описательный, текстологический методы и метод когнитивного анализа. Материалом послужили медиа тексты (новостные сообщения в газетах и подкастах) как результат масс-медийного дискурса.

Обсуждение. Риторика с позиции античности определялась как искусство находить способы убеждения, как учение о совершенстве речи. Современная риторика – учение об эффективном речевом построении развитого информационного общества, предполагающее исследование и овладение всеми видами общественно-речевого взаимодействия [Аннушкин 2017: 20].

Развитие информационного общества предполагает новые эффективные средства речевого взаимодействия. Появление коммуникации через World Wide Web внесло свой вклад в развитие новых каналов распространения информации. Динамическое развитие конвенциональных средств массовой коммуникации (газет, журналов, телевидения), информационных технологий привело к появлению так называемых смарт СМИ, что, в свою очередь, оказывает влияние на процесс производства и восприятия речи, на сам язык медийных текстов. Когнитивный подход к исследованию дискурса СМИ предполагает изучение восприятия знания, действий и эмоций, которые испытывает аудитория в процессе коммуникации («вступая в коммуникацию», проявляя интерес к сообщениям). Учитывая, что язык предоставляет оптимальный доступ к тому, что происходит в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

сознании людей [Прохоров 2010: 143], исследование риторических особенностей языка СМИ с точки зрения когнитивной лингвистики служит основой для объяснения посредством каких когнитивных механизмов формируется смысл высказывания, который способствует реализации бесконфликтного общения в СМИ.

Непосредственная причастность СМИ к конфликтным ситуациям неоднократно подчеркивалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей [Кара-Мурза 2014; Якова 2021; Галтунг 1999]. Е.С. Кара-Мурза определяет средства массовой коммуникации как «высококонфликтную рабочую сферу, где по социальным вертикалям и горизонталям коммуницируют разные страты общества, где социально значимая информация разного содержания (журналистского, рекламного, политического) производится в разных формах и транслируется разнообразным аудиториям и по разным каналам» [Кара-Мурза 2014: 60]. Современные масс-медиа не только освещают конфликты, но и являются важнейшими их участниками, способными повлиять на их развитие: могут не только обострить ситуацию, но и содействовать разрядке напряженности и разрешению проблем [Якова 2021: 682].

Акцентируя внимание на исследовании роли СМИ в урегулировании конфликтов, Й. Галтунг отмечает, что СМИ становятся «неотъемлемым каналом не только для гражданского общества (в его взаимоотношениях с государством и капиталом), но также и в контактах между государством и капиталом, направленных на достижение общественного согласия и налаживание диалога между ними» [Галтунг 1999: 6].

Конфликт определяется как «столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи» [Карасик 2000: 5; Третьякова 2010: 141]. Существенную роль в развитии любого конфликта вне зависимости от природы его возникновения играют когнитивные / интерпретативные механизмы, используемые участниками определенного дискурса, в частности дискурса СМИ.

Дискурс, с позиции когнитивного подхода, представляет собой письменный текст в видении отдельно взятого реципиента, который, в свою очередь, наслаивает полученное информационное наполнение на прелиминарную интерпретацию. В процессе описанного выше феномена человек воспроизводит трансцендентальное пространство, в масштабах которого интерпретатор проектировал дискурс [Демьянков 2005: 50].

Масс-медийный дискурс выступает «тематически сфокусированной, социокультурно обусловленной речемыслительной деятельностью в масс-медийном пространстве» [Кожемякин 2010: 16]. Масс-медиа динамично производят модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, выражаемых языком. Таким образом, масс-медийный дискурс постоянно транслирует информацию и конструирует знания в области средств массовой информации, результатом чего становится устный или письменный текст, характер которого обусловлен преобладающими в обществе нормами, идеологией, ценностями.

Средства массовой информации становятся неотъемлемой частью жизни большинства людей и оказывают воздействие на их мировоззрение. Впоследствии, люди начинают придерживаться новых материальных и духовных ценностей. Данный феномен трактуется как «концепты, которые содержатся в концентрированном виде, кодекс норм и правил, укоренившихся в культуре» [Prisyazhnyuk, Zilova 2014: 248]. М.Р. Желтухина подчеркивает, что «масс-медиа не только создают информацию, они предопределяют и те последствия, которые вызывают потребление их продукта, воздействуя на адресата» то есть на аудиторию читателей [Желтухина 2004: 8]. Помимо воздействующей функции, СМИ (посредством медиа текста) реализуют и функции формирования и общения. Ряд исследователей добавляет коммуникативную, идеологическую, организационную, функцию форума или функцию медиатора, функцию рекламирования или продвижения [Дзялошинский, Пильгун 2019: 220].

Освещая различного рода информацию, СМИ выступают посредником между автором сообщения и аудиторией. В печатных СМИ (в отличие от talk-show), где информация передается опосредованно чаще всего нет прямой конфронтации. Возможно, это обусловлено тем, что в масс-медийных текстах журналист выполняет роль медиатора, которых пересказывает сообщение, ссылаясь на слова самого автора. Сообщение нередко включает оценку (выраженную имплицитно или эксплицитно) события, ситуации, которая обусловлена видением автора, как носителя определенного опыта и знаний. Человек формирует языковые значения, учитывая и специфику ситуации, и наличие у него (человека) соответствующих знаний, интенций, определенной точки зрения [Болдырев 2021: 33]. Потенциально конфликтная ситуация имеет языковую репрезентацию, благодаря которой аудитория получает «доступ» к определенному знанию о событиях, об отношении говорящего к этому событию. Следовательно, формируется совокупный смысл (семантическое значение языковых единиц + отношение говорящего + коллективное и индивидуальное знание, стоящее за этими языковыми единицами). Таким образом, успешность бесконфликтного общения во многом зависит от эффективности концептуального взаимодействия между ее участниками, которое, в свою очередь, определяется структурным и содержательным соответствием индивидуальных концептуальных систем участников общения, степенью адекватности оценки концептуальной системы собеседника, уровнем владения коллективным знанием и языковым культурно и национально обусловленным опытом [Болдырев 2012; 2017].

Процессы формирования смысла основываются на обработке полученных знаний на ментальном и языковом уровнях. Такая обработка реализуется посредством использования определенных когнитивных механизмов формирования смысла. К ним относятся: конкретизация, эвфемизация, инференция, концептуальная метафора и концептуальная метонимия, импликация, см. подробнее: [Болдырев 2018, 2021; Болдырев, Григорьева 2020]. Специфика концептуального представления конфликтной ситуации в СМИ анализируется с позиции основных принципов концептуального взаимодействия участников коммуникации (журналиста и собеседника).

Рассмотрим непосредственно примеры, в которых используются когнитивные механизмы, способствующие реализации бесконфликтного общения.

«Ван И. подчеркнул, что все стороны должны *извлечь уроки* из украинского кризиса. Он также призвал стороны обсудить создание *сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры* европейской безопасности для достижения *прочного мира*» [Риа новости: электронный ресурс]. Использование **концептуальных метафор** *извлечь уроки, устойчивая архитектура безопасности, прочный мир* в таком контексте, на наш взгляд, способствует снижению градуса конфликтности всего высказывания за счет формирования некоего образа в сознании читателя.

«...Позиция была конструктивна со стороны наших партнеров по «двадцатке», за исключением «семьдесятников», пояснила Людмила Воробьева [Риа новости: электронный ресурс]. В данном примере речь идет о странах Большой двадцатки (G20) и Большой семерки (G7). В данном примере автор использует **импликацию** (выводное знание), когнитивный механизм, который с одной стороны, актуализирует определенное знание о странах Большой двадцатки и Большой семерки, с другой стороны, скрытое апеллирование к странам может служить инструментом создания бесконфликтности общения.

Использование конкретизации наблюдается в следующем примере: «По словам посла, обстановка на Саммите была *более или менее приемлемая; напряженная, но без эксцессов*» [Там же]. Именно посредством **конкретизации** в сознании читательской аудитории формируется знание о «рабочей» атмосфере, которая была на Саммите. Такого рода информация (о вполне спокойной обстановке) крайне важна в современных условиях конфронтации стран.

Еще одним механизмом формирования бесконфликтной коммуникации служит **эвфемизация**: «...В Финляндии неоднократно подчеркивалось, что вопрос о вступлении в НАТО будет вынесен на всенародный референдум. Однако не дожидаясь референдума, Финляндия подала заявление о вступлении в НАТО <...> Такая поспешность была вызвана реальной опасностью или по совету «старших партнеров?» [Фонтанка.ру: электронный ресурс]. Такое завуалированное название стран «старшие партнеры» безусловно снимает напряженность в интервью.

Не менее интересным с точки зрения построения бесконфликтной коммуникации представляется интервью с Андреем Соколовым, известным актером театра Ленком.

« – Может ли детское кино воспитывать патриотизм? Снимают ли сейчас такие фильмы?

– На сегодняшний день детского кино *как такового, на мой взгляд, не существует*» [Известия: электронный ресурс]. Такого рода завуалированный отрицательный ответ не только не способствует эскалации конфликта, но и значительно снимает напряжение в разговоре. Вместе с тем, в сознании собеседника посредством **импликации** формируется знание о том, что детского кино нет, и, следовательно, патриотизму оно не учит.

« – Вы ведущий актер «Ленкома Марка Захарова». Отчего всё чаще *театр попадает в скандальную хронику*?

– Я считаю, что *сор из избы выносить* не стоит. Это внутренние дела, и я думаю, что мы с этим разберемся. Достоинство и без сторонней помощи. Жаль, что «Ленком» ассоциируется сейчас со скандалами. Ну всякое в жизни бывает. *Время пройдет*» [Там же]. Сведение конфликтной коммуникации к минимуму является главной задачей как для интервьюируемого, так и для журналиста. В данном примере используются сразу несколько когнитивных механизмов формирования бесконфликтной коммуникации: концептуальная метафора (*попадает в скандальную хронику, сор из избы выносить*), конкретизация (*это внутренние дела, и я думаю, что мы с этим разберемся*), импликация (*время пройдет*) – актуализируется знание, что со временем все наладится. Использование **концептуальной метафоры** «*попасть в скандальную хронику*» снижает градус негативности и, в конечном счете, не подрывает репутацию хорошо известного театра. Помимо метафоры журналист намерено использует и **метонимию** (модель часть-целое) – «*театр попадает в скандальную хронику*», не называя имен актеров театра, которые являлись участниками «скандальной хроники».

Заключение. Таким образом, результаты проведенного исследования убедительно доказывают, что интенциональное использование авторами медиа текстов таких когнитивных механизмов как концептуальная метафора, концептуальная метонимия, импликация, эвфемизация, завуалированное высказывание своего мнения способствуют формированию бесконфликтной риторики, элиминированию напряженности в средствах массовой информации.

Библиография

Аннушкин, В. И. Филология – словесность – риторика – культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук / В. И. Аннушкин // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017. – С.15–22. – Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2012. – Вып. XI. – С. 39–45. – Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. № 2. – С. 5–14. – Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. 2-е изд. – Москва: Языки славянской культуры, 2018. – 480 с. – ISBN: 978-5-6040760-9-5. – Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – 236 с. – ISBN: 978-5-00078-451-8. –Текст : непосредственный.

Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: монография / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева. – Тамбов : Принт-Сервис, 2020. – 328 с. – ISBN: 978-5-6044327-3-0. – Текст : непосредственный.

Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. / Отв. ред. В. Н. Топоров. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – 55 с. – Текст : непосредственный.

Дзялошинский, И. М. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования: учебник для вузов / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во Юрайт, 2019. – 345 с. – ISBN: 978-5-534-11621-2. – Текст : непосредственный.

Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / М. Р. Желтухина. – Москва: Ин-т языкозн. РАН. – 2004. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка / Е. С. Кара-Мурза // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 55–68. – Текст : непосредственный.

Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000(а). – №5. – 20 с. – Текст : непосредственный.

Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №12. – С. 13–21. – Текст : непосредственный.

Прохоров, А. В. Потенциал когнитивной лингвистики в практике маркетинговой деятельности / А. В. Прохоров // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос.науч.конф. 28 мая 2010г. /отв.ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Т.Г. Державина, 2010. – С. 143–147. – ISBN:978-5-89016-585-5. – Текст : непосредственный.

Третьякова, В. С. Конфликт в лингвистических категориях / В. С. Третьякова // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул; Кемерово : Изд-во Алт. ун-та. 2010. – С. 141–149. – Текст : непосредственный.

Якова, Т. С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования / Т. С. Якова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 4. С.680–697. – Текст : непосредственный.

Galtung, J. State, Capital, and the Civil Society: The Problem of Communication / J. Galtung // eds. Vincent R., Nordenstreng K., Traber M. Towards Equity in Global Communication. – Cresskill : Hampton Press, 1999. – P. 3–12.

Prisyazhnyuk, T. Media Discourse in the Context of Value Studies / T. Prisyazhnyuk, E. Zilova // CBU International Conference on Innovation, Technology Transfer and Education. – Prague : Central Bohemia University, 2014. – P. 246–250.

Источники примеров

РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20220718/kitay-1803115609.html> (дата обращения: 18.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

РИА Новости: [сайт]. – URL: https://ria.ru/20220719/peregovory-1803355797.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Фонтанка.ру: [сайт]. – URL: <https://newssearch.yandex.ru/news/search?text> (дата обращения: 11.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Известия: [сайт]. – URL: <https://iz.ru/1366590/zoia-igumnova/nashi-deti-s-molokom-materi-vpityvaiut-chuzhuiu-kulturu-eto-katastrofa> (дата обращения: 11.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

**Английский язык для специальных целей в цифровую эпоху:
проблемы перевода на русский язык профессионально-ориентированной литературы**

¹Иванова Наталья Кирилловна

²Малкова Юлия Леонидовна

³Логачева Ольга Игоревна

¹Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия
153000, г. Иваново, Шереметевский пр., 27
доктор филологических наук, профессор
Email: nkisuct@mail.ru

²Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия
153000, г. Иваново, Шереметевский пр., 27
кандидат исторических наук, доцент
Email: julya_16@bk.ru

³Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия
153000, г. Иваново, Шереметевский пр., 27
магистрант
Email: o.logachiova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям работы над переводом на русский язык профессионально-ориентированной научной литературы студентами неязыковых направлений подготовки в условиях высокого уровня развития информационных технологий. Авторы описывают опыт работы кафедры иностранных языков и лингвистики (ИЯиЛ) ИГХТУ: отбор материала исследования, методы и технологии обучения ESP, возникающие в процессе работы сложности, применение студентами лингвистических знаний в профессиональной сфере. Также авторы описывают опыт сравнения компьютерного и «ручного» перевода технической литературы и обосновывают необходимость редактирования машинного перевода.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей (ESP), цифровизация, терминологическая компетентность, информационная компетентность, переводческие трансформации, программа-переводчик.

УДК 81`255.2

**English for specific purposes in the digital age:
Problems of translation of professional literature into Russian**

¹Natalia K. Ivanova

²Yulia L. Malkova

³Olga I. Logacheva

¹Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Russia
27 Sheremetevsky Prospect, Ivanovo 153000
PhD, Dr Habil. (Philology), Professor
Email: nkisuct@mail.ru

²Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Russia
27, Sheremetevsky Prospect., Ivanovo, 153000
PhD (History), Associate Professor
Email: julya_16@bk.ru

³Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Russia
27, Sheremetevsky Prospect., Ivanovo, 153000
Master's student
Email: o.logachiova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of translation into Russian of professionally oriented research literature by students of non-linguistic specializations in the conditions of a high level of information technology development. The authors describe the experience of the Department of Foreign Languages and Linguistics of Ivanovo State University of Chemistry and Technology: selection of research material, ESP teaching methods and technologies, difficulties arising in the translation process, application of linguistic knowledge by students in their professional field. The authors also compare computer and “manual” translation of technical literature and substantiate the need for editing machine translation.

Keywords: English for specific purposes, digitalization, information and terminological competencies, translation methods, translation programme.

UDC 81`255.2

Введение. Цифровая эпоха – связанный с построением глобального информационного/цифрового общества этап развития человечества. Важнейшим фактором структурных изменений в таком обществе является цифровизация социальной сферы и экономики [Быть готовым 2021].

Цифровизация – это внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни для повышения её качества и развития экономики. Суть цифровизации в автоматизации процессов и в переходе информации в более доступную цифровую среду, где её проще проанализировать. Одной из ключевых задач в эпоху цифровизации следует считать подготовку информационно и терминологически грамотных квалифицированных кадров, готовых к поиску, оценке, анализу и управлению цифровым контентом на русском и иностранном языках [Быть готовым 2021].

Подготовку современных технических специалистов осуществляют высшие учебные заведения, студенты которых – представители цифрового поколения – наряду с высокими навыками работы с информационными (и цифровыми) технологиями проявляют устойчивый интерес к науке и технике [Малкова, Логачева 2021]. Студенты неязыковых вузов и направлений подготовки в соответствии с современными образовательными стандартами изучают иностранный язык (ИЯ) для специальных целей (ESP). Доминантным показателем освоения подобной дисциплины следует считать уровень лексико-грамматической грамотности выпускника, его умение работать с научной профессионально-ориентированной литературой и техническими инструкциями, а также способность осуществлять деловую и/или научную коммуникацию [Врыганова, Иванова, Малкова 2021].

Определим понятие «язык для специальных целей» (LSP or ESP). Т.Н. Хомутова обращается к истории возникновения и развития данного понятия. Исследователь заключает, что «LSP представляет собой функциональную разновидность естественного языка, в которой аккумулировано и сохранено специальное знание и которая призвана обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области» [Хомутова 2008].

Согласно Т.А. Поскребышевой, ESP – это не просто языковой курс/общий курс английского языка. ESP – это обучение английскому (специальному) языку для определенной профессии. Специальный язык – это общий английский язык, включающий терминологию конкретной профессиональной области. ESP в русле технического образования можно рассматривать как связь двух разных областей: технической и языковой (т.е. комплекса лексико-грамматических норм и правил для осуществления коммуникации на английском языке в данной технической сфере) [Поскребышева 2021].

Официальный сайт кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова содержит следующее толкование ESP: «Под языком для специальных целей понимается набор языковых единиц разных уровней (прежде всего лексического), посредством которых специалисты в той или иной профессиональной сфере могут передавать сообщения специального характера. Такой набор языковых единиц принято называть научным функциональным стилем. Следует отметить, что данный функциональный стиль не является отдельной частью языка, но составляет подсистему внутри общей системы языка и, следовательно, живет по тем же синтаксическим и морфологическим законам, что язык в целом» [Кафедра 2022].

Ивановский государственный химико-технологический университет входит в список ведущих университетов согласно одному из известнейших рейтингов Times Higher Education – Impact Rankings 2022 [Ивановский 2022]. Университет осуществляет подготовку технических специалистов по различным направлениям программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Дисциплина «Иностранный язык» носит профессионально-ориентированный характер и обязательна для всех направлений и профилей подготовки в ИГХТУ. Работу по реализации курса данной дисциплины осуществляет с 1918 г. коллектив кафедры ИЯиЛ.

Цель освоения дисциплины (изучения ESP) в цифровую эпоху – формирование и совершенствование навыков работы (поиск, отбор, систематизация, анализ, использование) студентов с аутентичной англоязычной профессионально – ориентированной информацией (в том числе, с цифровым контентом) с её последующим применением в профессиональной деятельности. Для успешного достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- формирование и совершенствование навыков работы студентов с цифровым контентом (базы данных для поиска профессионально-ориентированного материала исследования, сайты компаний – производителей и разработчиков, корпус онлайн словарей), т.е. формирование информационной компетентности;

- развитие терминологической компетентности студентов посредством изучения лингвистического (терминологического) аспекта цифровизации, характерного для разных направлений и профилей подготовки [Малкова, Логачева 2021];

- формирование и совершенствование навыков работы студентов с онлайн программами, сервисами и платформами для осуществления корректного перевода профессионально-ориентированной научной литературы на русский язык с целью её применения в профессиональной сфере.

Материалы и методы. Отбор аутентичного материала исследования для студента (аспиранта) – первый и ответственный этап исследовательской работы. В настоящее время, когда английский по праву является языком международной научной коммуникации, актуальной представляется задача формирования информационной компетентности студентов. В работе по поиску и отбору аутентичного материала по исследуемой проблеме (научных или обзорных статей, монографий и пр. в электронных базах данных), четкой интерпретации узко профессиональных терминов студентам оказывают помощь представители специальных технических кафедр ИГХТУ, научные руководители студентов и аспирантов, с которыми коллектив кафедры ИЯиЛ осуществляет активную и эффективную коммуникацию.

Распространенной практикой в ИГХТУ стала организация студенческих учебных и научно-практических конференций с приглашением представителей спецкафедр (владеющих английским языком как средством научной коммуникации), встречи со студентами и аспирантами, прошедшими зарубежные стажировки, актив-

ное сотрудничество и обмен педагогическим опытом с представителями других вузов Иванова, Москвы, Ульяновска, Дубны, Петрозаводска.

В процессе формирования терминологической компетентности студентов (аспирантов) важную роль играет работа с корпусом словарей. На данном этапе студенты обращаются к следующим авторитетным одноязычным электронным словарям: Oxford dictionary, Cambridge dictionary, Longman dictionary of Contemporary English, Mcmillan Dictionary, Merriam Webster Dictionary, Collins Dictionary, а также англо-русской электронной версией словаря Multitran.

Для решения поставленных задач преподаватели кафедры ИЯиЛ ИГХТУ успешно применяют технологии междисциплинарного и интегрированного обучения [Врыганова, Иванова, Малкова 2019].

Обсуждение. Итак, после тщательного отбора материала исследования студент приступает к работе над ним. Итоговым продуктом должен стать корректный перевод на русский язык научной статьи (монографии и пр.) из соответствующей области исследования с целью дальнейшего анализа и применения информации из неё в профессиональной деятельности. Под корректным переводом авторы понимают терминологическую (четкое толкование профессиональных терминов), стилистическую (соответствие научному стилю речи), грамматическую (соответствие грамматическому строю русского языка) точность передачи информации при ее переводе с английского на русский язык.

Для развития и совершенствования терминологической компетентности и решения задачи грамотной интерпретации терминов под руководством преподавателей кафедры ИЯиЛ студенты изучают классификацию и структуру электронных словарей, принцип их пополнения новой профессиональной лексикой, особенности определения корректного значения и толкования профессиональных терминов, нормы их произношения. Так, в процессе работы со студентами эмпирически были выявлены следующие лексические трудности:

- часто некорректно произносимые вследствие интерференции родного и иностранного языков слова «atom», «metal», «molecule», «molecular», «industry», etc.,
- неправильное определение значения полисемантических слов «oil», «production», «food», «vegetable», «material», «cream», etc.,
- неумение пользоваться словообразовательной моделью N/N (N/N/N).

Грамотная работа с корпусом онлайн словарей и использование их преимуществ (доступность, скорость работы, регулярное обновление и пополнение новой лексикой, наличие гиперссылок, примеры использования профессиональных терминов, возможность работы с несколькими словарями одновременно, наличие звуковой транскрипции) позволяют достичь успеха в решении данной задачи и преодолеть терминологические трудности, поскольку одной из основных особенностей научной профессионально-ориентированной литературы является наличие профессиональных терминов (в т.ч., междисциплинарных) [Малкова, Логачева 2021].

Работа с научной профессионально-ориентированной литературой предполагает знание и понимание её стилистических и грамматических особенностей: наличие таких языковых средств, как сложносочиненные предложения, простые предложения, развернутые за счет однородных членов, обилие причастий и инфинитивов (в т.ч., оборотов), пассивных конструкций, а также вводных слов и двойных союзов. Для выполнения самостоятельного («ручного») перевода на русский язык студенту необходимо владеть такими переводческими трансформациями, как транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция, добавления, замена, перестановка и экспликация. Однако цифровая эпоха предлагает современному студенту/аспиранту (молодому исследователю) большое разнообразие программ-переводчиков для ускорения процесса перевода. Для сравнения качества «машинного» и «ручного» перевода студентами ИГХТУ была проведена работа по переводу профессионально-ориентированной научной литературы с помощью программы-переводчика Яндекс и с помощью корпуса словарей и переводческих трансформаций.

Анализ показал, что компьютерный переводчик полностью справляется с переводом тех слов и выражений, для грамотного перевода которых необходимо воспользоваться такими переводческими трансформациями, как транскрипция и транслитерация, калькирование и замена. Безусловным преимуществом такого способа перевода является наличие в базе программы широкого спектра синонимичных значений к одной переведённой лексической единице, что позволяет грамотно выстроить предложение. Компьютерный переводчик вполне корректно переводит простые предложения, а также помогает пользователю понять смысл грамматически нагруженных или сложных предложений.

Следует также отметить, что программа-переводчик использует в своей работе такие переводческие приемы, как транскрипция и транслитерация, калькирование и замена, что повышает качество компьютерного перевода. Тем не менее, «машинный» перевод имеет ряд недостатков. Например, при переводе полисемантических лексических единиц предпочтение отдается толкованиям из области общей лексики, которые зачастую не применимы в научной сфере. К недостаткам компьютерного перевода также следует отнести: некорректный (дословный) перевод терминов, исключение перестановки частей предложения (что крайне усложняет понимание переведенного фрагмента), отклонения от научного стиля речи.

Таким образом, программы-переводчики позволяют максимально ускорить процесс перевода на русский язык профессионально-ориентированной литературы. Однако для достижения высокого качества перевода и его терминологической точности необходимо редактирование материала специалистом с высоким уровнем владения ESP.

Заключение. Цифровая эпоха, с одной стороны, позволяет сделать работу технических специалистов с массивами аутентичной цифровой информации максимально быстрой и комфортной. С другой стороны, ставит перед ними новые задачи, соответствующие целям цифрового общества. Так, информационная компетентность, высокий уровень владения ESP и Hard Skills позволит максимально эффективно решать актуальные задачи. Очевидно при этом, что важным является и уровень владения русским языком.

Библиография

Быть готовым: какие сферы затронет цифровизация. – URL: <http://invlab.ru/tehnologii/kakiesfery-zatronet-sifrovizaciya> (дата обращения: 25.05.2021). – Текст : электронный.

Врыганова, К. А., Иванова, Н. К., Малкова, Ю. Л. Дисциплина «Иностранный язык» как компонент профессиональной подготовки: из опыта работы / К. А. Врыганова, Н. К. Иванова, Ю. Л. Малкова // Стратегические ориентиры развития высшей школы: сборник научных трудов участников Национальной научно-практической конференции / кол. авторов // Москва : РУСАЙНС, 2019. – 462 с. – 264–269. – Текст : непосредственный.

Врыганова, К. А., Иванова, Н. К., Малкова, Ю. Л. Интеграция профессиональной компетентности и студенческой науки: из опыта работы преподавателей кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ / К. А. Врыганова, Н. К. Иванова, Ю. Л. Малкова // Качество образования в современном университете: интеграция профессиональной компетентности, студенческой науки, воспитательного процесса: сб. материалов всероссийской науч.-метод. конференции (с международным участием) / Иван. гос. хим-технол. ун-т. – Иваново, 2021. – 212 с. – С. 163–164. – Текст : непосредственный.

Ивановский государственный химико-технологический университет. Официальный сайт. – URL: <https://www.isuct.ru/department/ighu/news/2022/04/28/vtoroy-god-podryad-v-spiske-vedushchih-universitetov>. – Текст : электронный.

Кафедра английского языка механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.eng.math.msu.su/special_language.htm. – Текст : электронный.

Малкова, Ю. Л., Логачева, О. И. Цифровизация и НИРС: из опыта работы кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ / Ю. Л. Малкова, О. И. Логачева // Вестник Гуманитарного института. – 2021. – № 2. – С. 187–193. – URL: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2021/1/bhi-2021-1-187.pdf>. – Текст : электронный.

Поскребышева, Т. А. Организация эффективного обучения ESP в вузе / Т. А. Поскребышева // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 2. С. 204–208. – Текст : непосредственный.

Хомутова, Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект / Т. Н. Хомутова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 96–106. – Текст : непосредственный

**Информационное поле российских СМИ XXI века:
функциональный статус англицизмов и «категория автора»**

Изыумская Светлана Сергеевна

Южный федеральный университет, Россия
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
кандидат филологических наук, доцент
Email: ssizumskuy@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционального статуса англицизмов в современном газетном тексте. В центре внимания – соотношение понятий «информационное поле СМИ», «газетный текст», «опозиционный дискурс», «категория автора» и «англицизм».

Ключевые слова: категория автора, газетный текст, оппозиционный дискурс, функция, стратегия, англицизм.

УДК 316.77:001.4

**The information field of the Russian media of the 21st century:
The functional status of anglicisms and the “category of the author”**

Svetlana S. Izyumskaya

Southern Federal University, Russia
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006
PhD (Philology), Associate Professor
Email: ssizumskuy@sfedu.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the functional status of anglicisms in the modern newspaper text. The author focuses on the relationship between the concepts of “media information field”, “newspaper text”, “opposition discourse”, “author’s category” and “anglicism”.

Keywords: author’s category, newspaper text, oppositional discourse, function, strategy, anglicism.

UDC316.77:001.4

Введение. Информационное поле современных российских СМИ «многолико» и, как известно, мгновенно реагирует на инновационные процессы в обществе. Доступ к информационным ресурсам и технологиям мирового значения определил динамику языковых процессов на лексическом уровне современного русского языка, тенденцию сокращения интервала между возникновением слова в языке-источнике и его заимствованием. Обладая высокой воздействующей функцией, СМИ по-прежнему влияют на «языковое чутьё», формируют языковую личность, определяют «языковую моду». Мы не наблюдаем «водопада» англицизмов, как в 90-е гг. XX века, но активное проникновение иноязычных слов из английского языка, прежде всего, как мы можем заметить, в наше время продолжается.

Материалы и методы. Основным методом исследования является метод лингвистического описания с привлечением элементов этимологического, типологического анализа, исследовательских приёмов классификации и обобщения.

Обсуждение. В современных условиях существования русского языка особую значимость приобретают исследования особенностей категории автора, дихотомии «автор-человек социальный» – «автор-человек частный» [Фортунов 1956: 98]. Впервые этот термин был обозначен в исследованиях В. В. Виноградовым как «пучок отношений, в котором главными, определяющими выступают отношение к действительности и тесно связанное с ним отношение к тексту (речи)» [Солганик 2010: 98].

Следует учитывать, что автор-публицист «всегда выступает как человек социальный» [Солганик 2010: 98], и обращается к различным языковым средствам (в том числе иноязычного происхождения) для воплощения данной дихотомии. Включение заимствованного слова в канву текста (преимущественно англицизмов), столкновение стандарта и экспрессии, различные приёмы языковой игры участвуют в реализации многообразных типов (специализаций) автора: *полемиста, пропагандиста (агитатора), аналитика, ирониста* и др.

Нередко заимствованное слова английского происхождения помогает раскрыть *автора-ирониста*, критически оценивающего какое-либо явление действительности. Например: «Важно тут то, что западный *истеблишмент* действует как опытный театральный актер, исполняющий хорошо знакомую роль уже не в первую сотню раз – в каждом истеричном надрыве, в каждой пустой угрозе, в каждом яростном вопле чувствуется утомленность и наигранность» («Завтра», №9, март, 2022).

Англицизмы в оппозиционном дискурсе могут участвовать в раскрытии негативной оценки, предопределяемой «идеологической позицией анализируемых изданий или конкретного адресанта», она может проявляться уже «в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их специфической интерпретации» [Солганик 2010: 10].

В пространстве оппозиционной прессы англицизмы нередко обладают экспрессивной функцией, участвуют в выражении эмоций. Высокая экспрессивность может быть связана с различными факторами, рассматриваться с учетом конкретного речевого акта, конкретной ситуацией общения. Ключевой причиной данного язы-

кового явления может быть манипулятивный характер оппозиционного дискурса: «в манипулятивном дискурсе неизбежно преобладание оценок над фактами, воздействия над информированием, эмоционального над рациональным» [Беляева 2008: 47]. Англицизмы в восклицательных и вопросительных конструкциях или в ответных репликах являются реализаторами авторских оценок, эмоций.

Пространство оппозиционного политического текста обладает имплицативностью, т.е. косвенно выраженным смыслом [Карасик 2004: 249], неоднозначностью интерпретации смысла или «глубиной текста». Глубина текста определяется «необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста» [Карасик 2004: 249].

Высоким эмоциональным зарядом обладают восклицательные конструкции, в которой имеет место столкновение англицизма с вкраплениями украинского языка. Данное столкновение различных по происхождению вербальных знаков привлекает внимание читателя к публикации, реализует воздействующую функцию. Следовательно, англицизм может выступать в предложении в качестве интенсифицирующего компонента. Как отмечает М. Ю. Глазкова, «экспрессивные синтаксические конструкции в текстах аналитических общественно-политических статей при их общей полифункциональности активно взаимодействуют с интенсифицирующими компонентами, используемыми авторами статей в качестве актуализатора прагматического эффекта в соответствии с авторскими интенциями» [Глаголев 1986: 5]. Например: «А затем даже поговорил по-украински: «Хай живе *байк!*» – закричал он с трибуны – и все поняли премьера без перевода» («Советская Россия», №78, 2010) и др.

Как показал материал исследования, в пространстве оппозиционного дискурса англицизм довольно часто включается в конструкции, представляющие собой аргументацию-рассуждение, содержащее доводы. Высокая частотность данных примеров напрямую связана с портретом языковой личности автора публикации, помогают определить различные манипулятивные стратегии в каждом конкретном тексте. Формирование оценки, анализ новостей, в котором имеет место информирование адресата о факте лжи, реализуется с помощью включения в препозицию к англицизму пейоративных прилагательных, дистанцирующих слов *прочего, прочих* (надстроечников), выражающих отрицательную оценку. При этом, особой выразительностью обладают примеры, в которых автор публикации помещает англицизм в ряд однородных членов предложения. Например: «Буквально на второй день после начала спортивной изоляции России наши чиновники заявили, что деньги, которые раньше обильно расходовались на весь этот международный фармацарк, теперь направят внутрь страны, грибами выстраивая спортивные арены, ледовые дворцы, бассейны, *фитнес-центры*, поля и прочие площадки» («Завтра», №9, март, 2022 г.); «Такой концентрации *фейков*, неумелых манипуляций, кривой идеологии и идеологических клише не было за эти дни, пожалуй, больше нигде» («Завтра», №9, март, 2022) и др.

Основными функциями оппозиционного дискурса являются функции ориентирования и воздействия [Рябцева 2009: 9]. Критичность, разоблачительность данного дискурса и определяют использование графических средств, которые вместе с англицизмом могут участвовать в реализации различных манипулятивных стратегий.

В оппозиционном газетном тексте в реализации тактики дистанцирования могут участвовать графические средства. Графическому оформлению с помощью кавычек подвергаются отдельные лексемы (англицизмы). Например: «Такие санкции живо вынудили российские власти реабилитировать ряд крупных *торрент-трекеров* и начать на разных уровнях говорить о пиратстве как о чем-то хорошем, плюс желающие всегда могут найти и купить ключи от лицензий на торговых площадках типа «eBay», так что без «*Фотшопа*» и «*Ворда*» страна точно не останется» («Завтра», № 9 (1470), март, 2022 г.) и др.

Языковая игра, в которой имеет место помещение англицизма во вставную конструкцию, может участвовать в реализации стратегии дискредитации. В данной стратегии ярко проявляется пейоративная оценочность, которая, как отмечает И. Г. Рябцева, «является стилиобразующим фактором оппозиционного дискурса» [Рябцева 2009: 10]. Например: «Мало того, что Плющенко, как уже говорилось, не тренировался систематически целых три года, приобрел лишний вес, по слухам, в сентябре вновь собирается жениться (о его бурном романе с небезызвестной в шоу-бизнесе Яной Рудковской не писал только ленивый)» («Правда», №23, 2009).

Как известно, авторское видение самого текста с точки зрения его мотивированности неотделимо от самой авторской концепции о мире. Языковая личность может включать такие понятия, как «языковое сознание» и «речевое поведение» [Карасик 2004: 8]. Именно языковое сознание запускает речевые механизмы, формируя вербальное поведение человека.

Прибегая к различным разговорным стратегиям, авторы современных газетных текстов стремятся реализовать свои прагматические установки. Политическая «многоликость» современной прессы отражает изменения в современном социуме, разнотипный характер институционального общения. В связи с этим, интерес представляет исследование оппозиционного дискурса, который является особым типом институционального политического дискурса, «основной прагматической установкой которого является изобличение политических оппонентов во лжи, восстановление истины с позиции адресанта и ориентирование адресата в политическом пространстве» [Рябцева 2009: 5]. Именно оппозиционный дискурс обладает, по мнению исследователей, «особым типом взаимоотношений между адресантом и адресатом» [Рябцева 2009: 5], своеобразной театральной агрессией [Демьянков 1995: 384], клиническим монологизмом [Шейгал 2004: 28].

В пространстве данной прессы коммуникативное намерение адресанта определяет использование манипулятивных стратегий и тактик. Языковая личность автора может быть раскрыта путем исследования языкового «арсенала» конкретного текста, учёта самого широкого контекста ситуации, всего комплекса лингвистических, паралингвистических средств [Беляева 2008: 46]. В этом языковом «арсенале» появление иноязычного слова (преимущественно англицизма) не случайно. Англицизм участвует в языковой игре, несёт необходимые ассоциации, значения, обладает воздействующим эффектом, участвует в манипулировании, которое «по сути своей

побудительно, нацелено на оказание скрытого влияния, на стимулирование реципиента к необходимым манипулятору действиям» [Беляева 2008: 47].

Являясь символом «чужого», англицизм активно участвует в реализации различных коммуникативных стратегий, помогающих раскрыть «портрет» языковой личности автора, коммуникативные намерения адресанта. Довольно часто включение англицизма в оппозиционный текст направлено на дискредитацию оппонента, затрагивает стратегию на понижение его социального статуса. Данная стратегия является «крайним проявлением агональности данного дискурса» [Рябцева 2009: 10], «игрой на понижение» [Иссерс 2002: 284].

Соединение в одном словосочетании вербальных знаков (один из которых англицизм), обозначающих разноплановые явления, реализуют сильное энергетическое смысловое поле, способное сообщить новый смысл, необычный для получателя речи. Например: «Поведенческий экономист, старший научный сотрудник Центра нейроэкономики и когнитивных исследований Ксения Паниди считает, что последствия такого «панического шоппинга» отразятся не только на кошельке, но и на эмоциональном состоянии покупателя» («Советская Россия», №24, 10.03.2022) и др.

Данный приём соединения вербальных знаков (*панический шоппинг и др.*) может «зацепить», привлечь внимание, так как подключается психологический механизм возвращения к языку подсознания, который называется термином «дипластия», т.е. «психологический феном отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга» [Карасик 2004: 291]. В результате данного приема отправитель речи (автор публикации) осуществляет манипулятивные стратегии. При этом в реализации различных стратегий участвует семантическая трансформация, которая может проявляться как в расширении, так и в сужении значения англицизма. Сужение или расширение семантики иноязычных слов обусловлены как тенденциями развития языка, так и спецификой самой российской действительности [Попова 2007: 54].

Заключение. Таким образом, в раскрытии личности автора помогает языковая игра, в которой особая «миссия» принадлежит иноязычному слову. В данной языковой игре имеет место соединение в одном словосочетании разных по значению, этимологии лексем, затрагивающих концепты *свое/чужое*, графическое выделение, обладающее дистанцирующим эффектом и др.

В современном российском газетном дискурсе англицизмы довольно часто участвуют в раскрытии дихотомии категории автора: *автор – человек частный, автор – человек социальный*. Языковая игра, в которой англицизмам принадлежит ключевая позиция, помогает раскрыть многообразные специализации (типы) автора (*аналитика, ирониста, пропагандиста, критика* и др.).

Библиография

Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Монография. – Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2008. – 244 с. – Текст: непосредственный.

Глаголев, Н. В. Приёмы буржуазной манипуляции потребностями реципиента // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. – Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. – С. 9–18. – Текст: непосредственный.

Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – Москва: МГУ, 1995. – С. 239–320. – Текст: непосредственный.

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва: Приор, 2002. – 288 с. – Текст: непосредственный.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с. – Текст: непосредственный.

Попова, М. А. О семантическом аспекте заимствований // Русская речь. – № 6. – 2007. – С. 53–55. – Текст: непосредственный.

Рябцева, И. Г. Оппозиционный политический дискурс в американских СМИ: коммуникативный и прагматический аспекты. специальность 10.02.04 «германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рябцева Ирина Геннадьевна; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 24 с. – Текст: непосредственный

Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса: монография / Г. Я. Солганик. – Москва: Флинта, 2010. – 136 с. – Текст: непосредственный.

Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение (Извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. – Москва: Госучпедгиз министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 203–261. – Текст: непосредственный.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва: Гнозис, 2004. – 324 с. – Текст: непосредственный.

Психические свойства в структуре языковой личности

Малевинский Сергей Октябревич

Кубанский государственный университет, Россия
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
Email: malevina9@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме выделения компонентов, формирующих структуру языковой личности наряду с элементами языкового сознания. Автор выделяет и описывает различные психические свойства человека, необходимые для осуществления речевой деятельности, такие как предрасположенности к неконтролируемым психическим процессам, речевые способности и речевые склонности. Речевые способности и склонности описываются как основные факторы, определяющие формирование индивидуального речевого стиля.

Ключевые слова: языковая личность, психическое свойство, предрасположенности к неконтролируемым психическим процессам, речевые способности, речевые склонности, индивидуальный речевой стиль.

УДК 159.95

Mental properties within the structure of the linguistic personality

Sergey O. Malevinskiy

Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040
PhD, Dr Habil. (Philology), Professor
Email: malevina9@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of distinguishing the main components, forming and constituting a structure of a linguistic personality moreover the elements of lingual consciousness. The author identifies and describes various mental properties necessary for the implementation of speech activity, such as predispositions to uncontrolled mental processes, speech abilities and speech inclinations. Speech abilities and inclinations are described as the main factors, determining the formation of an individual speech style.

Keywords: linguistic personality, mental property, predispositions to mental processes, speech abilities, speech inclinations, individual speech style.

UDC 159.95

Введение. Помимо присущих языковой личности мемориальных образований она включает в свое содержание еще и ряд имеющих непосредственное отношение к речи личностных качеств, именуемых обычно психическими свойствами. В концепции языковой личности, предложенной некогда Ю. С. Карауловым, психические феномены такого рода по большей части не учитываются совсем или упоминаются вскользь [Караулов 2014]. Хотя некоторыми другими лингвистами, работающими над данной проблематикой, некоторые личностные качества (или психические свойства), связанные с речепроизводством и восприятием речи, иногда назывались и описывались; более того, на основе их учета даже производились различные классификации типов языковых личностей. Попробуем и мы разобраться в этом вопросе.

Материалы и методы. В статье делается попытка объяснения самых разных прагматических, содержательных и формально-языковых индивидуальных особенностей человеческой речи на основе применения теоретических наработок и методологических установок, выработанных на протяжении последних десятилетий в отечественной персонологии как общей теории содержания и структуры человеческой личности.

Обсуждение. Начнем с того, что все психические свойства, понимаемые как предрасположенности людей к тем или иным формам и особенностям психической активности и внешнего поведения, подразделяются на такие группы, как 1) предрасположенности людей к не контролируемым волей психическим процессам и формам поведения, 2) деятельностные способности и 3) деятельностные склонности. И во всех этих группах могут быть выделены личностные качества, предопределяющие особенности именно речевой деятельности, – фигурально выражаясь, «заточенные» на речевую деятельность. А вот свойства темперамента, к примеру, хотя и оказывают влияние на человеческую речь, но имеют отношение не только к речи, но и ко многим другим присущим людям жизненным проявлениям, начиная от чувственного восприятия и эмоциональных переживаний и заканчивая сложными осмысленными действиями. И хотя речевое поведение людей, обладающих разными темпераментами, существенно различается по целому ряду показателей, свойства темперамента не рассматриваются нами в качестве составных компонентов языковой личности.

Из предрасположенностей к психическим процессам, не контролируемым человеческой волей, в содержание языковой личности могут быть включены такие психические диспозиции, как фонетический слух и предрасположенность к семантическому осмыслению воспринимаемых коммуникативных единиц. Эти диспозиции часто характеризуются как речевые способности. Но способностями в узкотерминологическом смысле называют обычно свойственные людям внутренние предрасположенности к осуществлению какой-то контроли-

руемой волей деятельности, а различие звуков речи и семантизация тех или иных её компонентов осуществляются чаще всего без напряжения воли того, кто воспринимает чужую речь. Включение задействованных здесь психофизиологических механизмов и нейродинамических стереотипов происходит как бы само по себе, автоматически. Поэтому рассматриваемые психические диспозиции нужно характеризовать не как деятельностные способности, а только как предрасположенности к не контролируемым волей процессам.

При разрушении соответствующих нейродинамических стереотипов и утрате человеком описываемых нами предрасположенностей появляются вполне определенные и хорошо описанные в психиатрии речевые афазии. Уже рассматривавшаяся нами в предшествующей главе патология, именуемая сенсорной афазией, может проявляться в затрудненном слуховом восприятии произносимых кем-то звуков и слов, что обусловливается нечеткостью возникающих при этом фонетических образов.

Амнестическая афазия, проявляющаяся в утрате возможности правильного понимания воспринимаемых слов, заключается в разрушении стандартных ассоциативных связей между представлениями слов и соотносимыми с ними значениями. Причиной тому может быть трансформация самих лексических значений, что может выражаться в видоизменении вызываемых теми или иными словами зрительных образов.

Утрата возможности осознания смысловых связей между словами является главным следствием уже упоминавшейся нами семантической афазии. Причем к проявлениям этой афазии относятся как затруднения в осмыслении синтаксических связей между словоформами в составе высказываний, так и отсутствие понимания смысловых отношений между семантически близкими друг к другу словами – такими как лексические синонимы, гипонимы и гиперонимы.

Одними из наиболее значимых среди не контролируемых волей психических переживаний являются переживания дезидеративного характера, или попросту человеческие желания. Определенные желания – что-то сказать, написать, прочесть или услышать, обменяться мнениями, проинформировать о чем-либо и т. д. – могут служить побудительными мотивами, обуславливающими осуществление соответствующих видов и форм речевой деятельности. Внутренние предрасположенности людей к переживанию желаний такого рода принято именовать коммуникативными потребностями. Эти потребности могут быть самыми разнообразными, как разнообразны бывают все связанные с речью желания людей, начиная от простой потребности в повседневном общении и заканчивая речевыми желаниями самого высокого порядка – вспомнить хотя бы пушкинское: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал».

В научной литературе коммуникативные потребности иногда отождествляют вообще с интенциями, направленными на осуществление различных форм речевой деятельности. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку интенциями, т. е. побудительными мотивами совершения тех или иных речевых действий, могут быть не только реализуемые в желаниях коммуникативные потребности, но и какие-то иные причины, скажем, сознание профессионального или гражданского долга, соображения личной выгоды или чувство элементарного самосохранения, когда человек говорит не то, что хочет сказать, а то, чего от него ждут.

Среди предрасположенностей к контролируемой волей мыслительной и практической деятельности современная психология, как уже было отмечено, различает свойственные человеку 1) деятельностные способности и 2) деятельностные склонности. Принципиальное различие этих двух типов психических свойств было установлено еще в 50-х годах прошлого века выдающимися советскими персонологами А. Г. Ковалевым и В. Н. Мясищевым. По утверждению этих ученых, под деятельностными способностями следует понимать такое сочетание психических свойств или сложное свойство человеческой личности, «которое обеспечивает продуктивность в том или ином направлении деятельности». Склонность же выражается в предпочтении или избегании человеком тех или иных видов ментальных или практических действий [Ковалев 1957: 121, 122]. Полностью солидаризируясь с Ковалевым и Мясищевым, уточним только, что и способности, и склонности человека могут распространяться не только на различные формы его сознательной деятельности, но и на какие-то отдельные аспекты и элементы этой деятельности.

Способности, имеющие отношение к речевой деятельности, можно рассматривать как внутренние предрасположенности людей, способствующие выработке различных речевых умений и навыков и обуславливающие успешность или неуспешность их практического использования. Как и все остальные человеческие способности, способности, касающиеся речевой деятельности, могут различаться по степени своей продуктивности, т. е. могут быть относительно низкими, средними и высокими (акцентированными). Что касается количества потенциально возможных речевых способностей, которыми способен обладать человек, то их может быть в принципе столько, сколько существует различных видов и аспектов речи.

Среди всех свойственных людям речевых способностей обязательно нужно выделить артикуляционные, предопределяющие выработку и меру успешности практического применения навыков произношения отдельных звуков, слов и цельнооформленных высказываний. И у разных людей продуктивность (т. е. сила проявления) этих способностей может быть различной. Это наблюдается, например, при овладении произношением звуков, характерных для какого-нибудь иностранного языка. У кого-то навыки их произношения формируются быстро и затем функционируют как положено, кому-то для того, чтобы научиться правильно воспроизводить непривычные иноязычные звуки и интонации, приходится изрядно попотеть, а кто-то так никогда и не научается правильно говорить на изучаемом языке, несмотря на все прилагаемые к тому усилия.

Важную роль в осуществлении речепроизводства играют лексические способности человека – способности, определяющие меру успешности осуществления словоупотребления в процессе речи. Они затрагивают и элементарное запоминание каких-то новых слов, и возможности их активного речевого использования, что особенно ярко проявляется при употреблении лексики, относящейся к таким специфическим слоям, как разного рода неологизмы, иноязычные заимствования, слова и выражения, свойственные книжной речи, узкоспециальные термины. Согласимся, что даже у людей, имеющих одно и то же образование и обладающих приближи-

тельно одинаковым уровнем общей культуры, успехи в речевом использовании такого рода слов могут существенно различаться, что может обуславливаться (в числе других определяющих факторов) и разным уровнем развития лексических способностей.

В качестве особой разновидности способностей данного типа можно рассматривать способности «художественного» словоупотребления, обуславливающие успешность в продуцировании широко используемых в художественной речи изобразительно-выразительных лексических средств и так называемых тропов, представляющих собой формы индивидуально-авторского (окказионального) использования общеупотребительных слов в не свойственных им значениях.

Особое место среди прочих речевых способностей занимают способности к созданию развернутых, цельноформленных высказываний, построенных в соответствии с синтаксическими нормами того или иного языка. Ведь даже обладая знанием необходимых для этого структурных схем и даже умениями воплощать эти схемы в речи (вкуче с соответствующими им нейродинамическими стереотипами), человек, тем не менее, может испытывать значительные затруднения в продуцировании мало-мальски сложных синтаксических построений (вспомним хотя бы тексты такого выдающегося теоретика литературы, как Виктор Шкловский), а также допускать ошибки и речевые недочеты в области синтаксиса, что особенно часто проявляется в неподготовленной (спонтанной) устной речи. Все это может рассматриваться как следствие отсутствия в содержании языковой личности сильных синтаксических способностей, необходимых для успешного речепроизводства. С другой стороны, наука и литература знают множество примеров обладания высокоразвитыми способностями этого типа, что проявляется в мастерском и безошибочном использовании учеными и писателями в продуцируемых ими текстах синтаксических конструкций любой сложности.

Рассмотренные речевые способности могут быть охарактеризованы как элементарные или базовые. Но кроме них существуют еще способности риторические и специализированные. Первые, при их достаточной развитости, обуславливают высокую эффективность продуцируемой речи, заключающуюся в безусловном достижении ставящихся коммуникативных целей. Это проявляется, например, в высокой степени доказательности производимой аргументации, в осуществлении убедительных монологических выступлений, в правильной организации диалогов и т. д.

Что же касается специализированных речевых способностей, то в своем акцентированном виде они бывают присущи только «избранным» языковым личностям, специализирующимся в каких-то особенных сферах речевого общения, где проявление этих способностей обуславливает высокую успешность в отдельных, специфических видах речепроизводства. К числу таких способностей могут быть отнесены поэтические, беллетристические, публицистические, дидактические, ораторские, юмористические и, возможно, еще какие-то другие, им подобные.

Наличие речевых способностей и степень их реализованности в применении конкретных речевых умений и навыков играют безусловно важную роль в речевой деятельности человека, определяя собой общий уровень потенциальных возможностей последней. Однако то, как эти возможности будут реализовываться в конкретных речевых актах, напрямую зависит от речевых склонностей человеческого индивида.

Под склонностями вообще мы, как уже было отмечено выше, понимаем свойственные людям внутренние психические диспозиции (предрасположенности), проявляющиеся в предпочтении или избегании по отношению к тем или иным видам, формам и отдельным аспектам сознательной деятельности. Применительно к человеческой речи склонности могут пониматься как предрасположенности человека к предпочтению или избеганию каких-то видов, форм и аспектов речевой деятельности, включая сюда практически все характеристики и особенности осуществления этой деятельности. Отсутствие информации о склонностях такого рода очень обедняет наши представления о структуре языковой личности вообще и своеобразии языковых личностей конкретных человеческих индивидов в частности.

Среди речевых склонностей, которые могут быть присущи человеку, в первую очередь необходимо выделить мотивационные склонности – внутренние предрасположенности, определяющие предпочтения и избегания в совершении различных речевых действий в соответствии с какими-то определенными мотивами.

Как уже отмечалось выше, мотивы осуществления тех или иных форм речевой деятельности отнюдь не ограничиваются одними лишь коммуникативными потребностями языковой личности. Да и потребности эти далеко не всегда реализуются в совершении конкретных речевых актов. Человек может осуществлять, а может и не осуществлять те речевые действия, к которым его побуждают его же собственные коммуникативные потребности. Более того, такие действия могут производиться и по мотивам, противоречащим этим потребностям, когда говорится не то, что хочется сказать, а то, чего требуют приличия, речевой этикет, соображения личной выгоды, карьерные соображения или просто чувство самосохранения, наконец. Ну как тут не вспомнить знаменитое, ставшее прецедентным молчалинское высказывание: «В мои года не должно сметь свое суждение иметь». Преимущественную ориентацию человека на какие-то из отмеченных нами или какие-либо иные мотивы осуществляемой им речевой деятельности мы и предлагаем называть мотивационными речевыми склонностями.

Помимо внутренних предрасположенностей к предпочтениям и избеганиям в сфере мотивированности речи, к числу свойственных людям речевых склонностей могут быть отнесены предрасположенности к преимущественному выбору или игнорированию каких-то тем, к использованию или неиспользованию тех или иных речевых жанров, к осуществлению композиционного построения продуцируемых текстов, к выбору определенных стратегий и тактик аргументации, к каким-то проявлениям эмоциональной экспрессии, к использованию различных средств художественной образности, а также стилистически маркированных и иных специфических и неспецифических лексических единиц, синтаксических конструктов и фразеологизованных выражений – словом, предрасположенности к продуцированию всех тех индивидуальных особенностей речи, которые

можно рассматривать в качестве характеристик индивидуального речевого стиля языковой личности (т. е. её идиостиля), не исключая из этого списка свойственных человеческому индивиду особенностей произношения, темпа и интонирования и речи.

Правда, в современном языкознании сложилось несколько иное, более узкое понимание рассматриваемого лингвистического феномена. В настоящее время под идеостилем языковеды понимают обычно свойственную тому или иному человеку индивидуальную манеру речи, проявляющуюся в каких-то личностных особенностях использования различных языковых единиц и вытекающей из этого специфике порождаемых человеком текстов. Так, по словам Ю. С. Степанова, любой речевой стиль, в том числе и индивидуальный, «характеризуется принципами отбора и комбинации наличных языковых средств», а «различия стилей определяются различиями этих принципов» [Степанов 1990: 494].

По-видимому, такого же понимания индивидуального речевого стиля, или, как говорили в XIX веке, слога, придерживался и Я. К. Грот, давший в свое время очень наглядное и предельно ясное определение этого понятия. По словам Грота, слог (т. е. индивидуально-авторский речевой стиль) – это «характер изложения», который по отношению к речи представляет собой то же самое, что походка по отношению к ходьбе или почерк по отношению к письму [Грот 1899, т. 2: 74]. В современных словарях значение слова *походка* определяется как «манера ходить» и не более того, по сути же своей походка есть некое интегральное свойство, включающее в себя какие-то определенные особенности ходьбы, свойственные тем или иным лицам. Аналогичным образом и почерк может быть определен как интегральное свойство письма, охватывающее все особенности написания отдельных букв. Думается, что в данном контексте и индивидуальный речевой стиль интерпретировался в том же духе – как общее языковое своеобразие речи того или иного человека, складывающееся из различных особенностей использования им конкретных речевых средств.

Более широкое, затрагивающее не только собственно языковые, но и содержательные особенности индивидуального речевого стиля мы находим в трудах по литературоведению. Правда, о том, какие именно особенности литературного творчества и литературных текстов должны учитываться при описании индивидуально-авторских стилей писателей и поэтов, ученые-литературоведы спорят и по сей день. Но, как совершенно справедливо заметил когда-то О. Г. Винокур, при любом возможном пути решения этой задачи в принципе она остается одной и той же – понять индивидуальные стилеобразующие свойства художественной речи как «не что отражающее в себе те или иные историко-литературные категории» [Винокур 1959: 243].

При самом широком понимании содержания литературно-художественного стиля, не важно, идет ли речь о стиле какой-то эпохи, литературного направления или какого-либо отдельного автора, принято говорить о целом ряде «факторов стиля» как о действующих силах, обладающих стилеобразующим значением. К числу таких факторов относят «предметно-идейное содержание конкретного художественного целого», образную систему, которая «приобретает значение не менее важного стилевого фактора, чем идейная система», «события и явления жизни, отложившиеся в художественных образах», художественный метод изображения действительности, «жанровую форму» литературных произведений, «характер повествования» (пишет ли автор от своего лица или поручает повествование рассказчику), «формы изложения», предполагающие ритм, строфику, мелодику, звукопись, интонацию, эмоциональную насыщенность и образность поэтической и прозаической речи, и многое еще другое, не исключая и использование конкретных языковых средств художественной выразительности [Соколов 1968: 102–125]. При таком подходе стиль определяется как «художественная закономерность, объединяющая все элементы формы художественного целого и определяемая идейно-образным содержанием, художественным методом и жанром данного целого» [Соколов 1968: 130].

Закключение. Для нас особо важным представляется то, что индивидуально-авторский стиль не ограничивается одними лишь только особенностями употребления тех или иных конкретных языковых единиц, а охватывает самые разные аспекты и составляющие человеческой речи. И внутренние психические predispositions человека к предпочтениям или избеганиям в использовании каких-то из этих аспектов и составляющих обязательно должны включаться в структуру языковой личности.

Библиография

Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 492 с. – Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 8-е изд. – Москва : URSS, 2014. – 263 с. – ISBN 978-5-3970-4172-0. – Текст : непосредственный.

Ковалев, А. Г. Психические особенности человека. Характер // А. Г. Ковалев, В. Н. Мясичев. – Ленинград : Изд-во Ленигр. гос. ун-та, 1957. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Соколов, А. Н. Теория стиля / А. Н. Соколов. – Москва : Искусство, 1968. – 223 с. – Текст : непосредственный.

Степанов, Ю. С. Стиль / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 494, 495. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.

Труды Я. К. Грота : в 2-х т. / под ред. К. Я. Грота. – Санкт-Петербург : Типогр. Министерства путей сообщения, 1899. – Текст : непосредственный.

Переводческие ошибки: креативность или начало конфликта?¹

Самарина Анастасия Геннадьевна

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
аспирант
Email: stasyasamarina1994@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению ошибок при переводе с русского языка на английский язык. В качестве вторичной языковой личности выступает переводчик, от которого зависит эффективность передачи текста на иностранный язык. Причинами переводческих ошибок становится ряд факторов. В результате научного исследования было выявлено, что недостаточный когнитивный опыт переводчика и его низкий уровень владения иностранным языком способствуют формированию межкультурного конфликта.

Ключевые слова: перевод, трансформация, межкультурная коммуникация, конфликт, языковая личность, переводческие ошибки.

УДК 81'2+81'25

Translation errors: creativity or an emerging conflict?

Anastasia G. Samarina

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Russia
33 Internationalnaya Str., Tambov 392036
PhD Student
Email: stasyasamarina1994@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of errors in translation from Russian into English. The translator acts as a secondary linguistic personality that influences the efficiency of transferring the text into a foreign language. Translation errors are caused by a number of factors. The research revealed the translator's insufficient cognitive experience and low level of the foreign language proficiency contributing to the formation of intercultural conflicts.

Keywords: translation, transformation, intercultural communication, conflict, linguistic personality, translation errors.

UDC 81'2+81'25

Введение. В современном мире межкультурная коммуникация является важной частью жизни каждого человека в условиях всемирной глобализации. В связи с этим, целесообразно рассмотреть проблему переводческих ошибок, возникающих при работе с иностранным языком, и способы достижения эффективного взаимодействия между представителями разных культур. Как известно, язык является неотъемлемой составляющей культуры. Без ее знания невозможно исследовать тот или иной язык, проникнуть в его глубинные структуры. Широкое многообразие языков позволяет общаться людям из разных стран. Переводчик играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации. В его задачи входит не только передача основной информации, а также установление взаимопонимания между представителями разных культур, чей родной язык отличается друг от друга. Однако при переводе нередко возникают ошибки, которые искажают текст, а иногда придают ему некую двусмысленность, что усложняет процесс межкультурной коммуникации. Так, переводчик должен быть достаточно эрудированным человеком, хорошо владеть языками, глубоко понимать не только свою культуру, но и чужую, чтобы избежать ошибок и сделать текст перевода ясным и понятным. При переводе нужно учитывать, что для разных народов и стран характерны свои культурные реалии, отличные от других культур, но в этом и проявляется профессионализм переводчика – сохранить их культурный окрас, адаптировав перевод для иностранных реципиентов.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили примеры неудачных переводов русскоязычных текстов на английский язык, отобранные методом сплошной выборки из сети Интернет.

Анализ теоретического и фактического материала проводился с использованием следующих методов: метод анализа и синтеза, метод логического вывода, метод компонентного анализа и сопоставительный анализ.

Обсуждение. Актуальность межкультурной коммуникации обусловлена рядом причин. Среди них отмечают интенсивное развитие средств общения, коммуникации, в разных сферах деятельности создаются и развиваются проекты международного уровня. Однако, несмотря на это, представителям разных культур не всегда удается найти взаимопонимание не только в содержательном аспекте, но и на основании различий в культурных традициях, ценностях, другом образе жизни, интерпретация которых обусловлена спецификой определенной культуры [Головлева 2008:24].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Как было отмечено ранее, язык невозможно представить без изучения феномена культуры. В качестве формы существования мышления и как средство коммуникации язык следует ставить в один ряд с культурой. Культура – неотъемлемое свойство языка, фон его реального бытия, присущая всем языковым уровням. Язык – это мощное общественное орудие, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания соответствующего речевого коллектива [Тер-Минасова 2000: 14].

Согласно Е. В. Белик, перевод является одной из разновидностей межкультурной коммуникации. Она определяет перевод следующим образом: перевод – синтез языков и культур, усложняющий процесс адекватной интерпретации действительности. С позиции теории межкультурной коммуникации при переводе сравниваются не только языки, но и культуры, а ситуативный контекст коммуникации рассматривается как часть культурного мира [Белик 2013: 289–290].

Для достижения адекватного перевода необходимо соблюдать определенные нормы перевода, связанные с его оценкой, нарушение которых ведет к формированию переводческих ошибок:

1) *Норма эквивалентности перевода*. Она означает необходимость большей общности содержания оригинала и перевода, но в пределах нормативных требований;

2) *Норма жанрово-стилистической нормы перевода*. Вышеуказанная норма определяется как соответствие перевода доминантной функции и стилистическим особенностям, типа текста, к которому принадлежит перевод;

3) *Норма переводческой речи*. Означает требование соблюдать правила нормы и узуса ИЯ (иностранного языка) с учетом узусальных особенностей переводных текстов на этом языке;

4) *Прагматическая норма перевода*. Подразумевает под собой требование обеспечения прагматической ценности перевода;

5) *Конвенциональная норма перевода*. Определяется как максимальная близость перевода к оригиналу, его способность заменять оригинал в целом, в деталях [Комиссаров 1990: 227–230].

Переводчик играет определяющую роль в процессе переводческой деятельности. Для достижения адекватного перевода ему важно владеть основами межкультурной коммуникации, т.е. не только знать язык оригинала и язык перевода, но и разбираться в культурах, к которым они относятся, чтобы избежать переводческих ошибок, усложняющие восприятие текста.

Переводческие ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста, затрагивают все аспекты текста как знаковой сущности: прагматический, семантический и синтаксический. Неверная трактовка прагматического аспекта возникает в случае, когда переводчик сталкивается с косвенными речевыми актами, высказываниями, внешняя форма которых скрывает истинные намерения автора. Для декодирования их прагматики требуется глубокое знание чужой культуры. Семантические искажения касаются простых и сложных понятий, смыслов целых высказываний. Синтаксические искажения обусловлены непониманием характера логических связей между элементами высказывания. Переводческие ошибки, происходящие от непонимания смыслов оригинального текста, возникают на разных уровнях речевой цепи, т.е. на уровне понятия, сложного понятия, суждения, представления о предметной ситуации [Гарбовский 2007: 516–517].

И. И. Халеева относит переводчика ко «вторичной» языковой личности, способной воспринимать и понимать текстовую деятельность другого лингвокультурного социума, формирование которой возможно через идентификацию вербально-семантического фонда иноязычной языковой личности, репрезентирующейся в текстовой деятельности, помогающей переводчику как «вторичной» языковой личности осмысливать картину мира другого социума [Халеева 1990]. Ю. Н. Караулов определяет языковую личность как совокупность (и результат реализаций) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов 2010: 245]. Процесс перевода – это не только механическое действие, он требует от переводчика творческого подхода, нестандартного мышления, реализации собственного психоэмоционального потенциала [Шичкина 2017: 58].

Для достижения прагматической адаптации переводчику необходимо установить между текстами исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ) отношения межкультурной эквивалентности путем применения в отношении культурем (языковой знак, имеющий культурно-символическое содержание) [подробнее см. Бухонкина 2002] тех или иных переводческих приемов, необходимых для того, чтобы его смысл был понятен иноязычным реципиентам. Неверный выбор переводческих трансформаций снижает эффективность восприятия текста, делает его сложным и непонятным, что приводит к отсутствию концептуального взаимодействия между реципиентами, способствует формированию конфликта как на языковом, так и на концептуальном уровнях, под которым Н. Н. Болдырев понимает не только разные точки зрения, мнения, но и конфликт знаний, опыта (в том числе языкового) в плане степени совпадения их объемов и способов их структурирования у разных коммуникантов, механизмов формирования и понимания смысла [Болдырев 2022].

Необходимо подчеркнуть, что создание креативного текста не связано с переводческими ошибками, а заключается в творческом подходе к его созданию, направленный на интерес и привлечение внимания иностранных реципиентов, в установлении эффективного концептуального взаимодействия между ними. В связи с этим, переводчик должен относиться внимательно к выбору того или иного переводческого приема, а главное, избегать дословного перевода, искажающий смысл текста. Так, можно выделить следующие классификации переводческих трансформаций:

1) Л. С. Бархударов: перестановка, добавление, опущение, замена [Бархударов 2008];

2) В. Н. Комиссаров:

– *лексические трансформации*: транскрипция, транслитерация, калькирование;

– *лексико-семантические замены*: конкретизация, генерализация, модуляция;

– *грамматические трансформации*: членение/объединение предложений, грамматическая замена;
 – *лексико-грамматические трансформации*: антонимический перевод, описательный перевод, компенсация [Комиссаров 1990: 172–173].

Рассмотрим примеры неудачного перевода русскоязычных текстов на английский язык, выявим переводческие ошибки и способы их устранения для достижения эффективной межкультурной коммуникации посредством переводчика как «вторичной» языковой личности между автором текста и его реципиентами.

1) Русская **баня**. Russian **Crematorium**. С легким паром! тел.:8-982-45-200-74 [Культурология. РФ: электронный ресурс].

В примере (1) представлена реклама со штендера, цель которой проинформировать иностранных туристов о рекламируемом общественном заведении, русской бани. Как известно, баня давно и прочно вошла в повседневную жизнь русского человека, она предназначена не только для осуществления гигиенических процедур, но и для укрепления физического здоровья (ср.: баня – специальное посещение, где моются и парятся [Толковый словарь Ожегова онлайн: электронный ресурс]). Однако переводчик вместо лексической единицы (ЛЕ) «bathhouse» для передачи вышеуказанного понятия выбирает такой эквивалент, как «crematorium», применив лексико-семантическую замену «модуляцию», под которой понимают замену слова/словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы [Комиссаров 1990]. Выбранная ЛЕ содержит отрицательную оценку, что не было учтено переводчиком, тем самым он оттолкнул иностранных туристов от посещения объекта рекламы (ср.: crematorium – a building where dead people's bodies are burned, usually as part of a funeral ceremony [Cambridge Dictionary: электронный ресурс]).

Переводческие ошибки могут встречаться при передаче названий улиц, что затрудняет передвижение иностранцев в городе.

2) ул. **Ружейная 2** – st. **Shotgun** [Комсомольская правда: электронный ресурс].

Так, в вышеприведенном примере переводчик применяет калькирование (ружейная – shotgun), под которым понимается способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей лексическими соответствиями в переводящем языке [Комиссаров 1990]. На английском языке ЛЕ «shotgun» означает следующее: (ср.: shotgun – a long gun that fires a large number of small metal bullets at one time, designed for shooting birds and animals [Cambridge Dictionary: электронный ресурс]). В результате неудачного перевода, данная улица будет ассоциироваться у иностранных туристов с чем-то негативным, с опасностью, посещение которой они, возможно, будут избегать. Кроме того, всем известно, что в Европе люди уделяют особое внимание защите животных. При передаче названий улиц лучше использовать транскрипцию или транслитерацию (способ перевода ЛЕ оригинала путем ее воссоздания с помощью букв языка перевода [Комиссаров 1990]) для избежания формирования двойных смыслов в переводе. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации – его графическая форма.

Наиболее частые переводческие ошибки возникают при переводе блюд, предлагаемых в различных Российских заведениях общественного питания, которые посещают огромное количество иностранных туристов.

Однако выбор блюд затрудняется в связи с искажением оригинальных названий на языке перевода.

3) Свекла с **заправкой**. Beet with **gas station**. Свекла, чеснок, **заправка** салатная. Beet, garlic, **gas station** salad. 25 руб. [Pikabu: электронный ресурс].

В примере (3) переводчик использует калькирование. Переводческая ошибка вызвана полисемией переводимой ЛЕ «заправка» (ср.: заправка – процесс заполнения резервуара/емкости, соус для салата, автомобильная заправочная станция [Картаслов.ру: электронный ресурс]). На языке оригинала предлагаемое блюдо «свекла с заправкой» означает, что свеклу заправляют соусом для салата, а в переводе название блюда, репрезентируемое ЛЕ «gas-station» (ср.: gas-station – a place where fuel is sold for road vehicles [Cambridge Dictionary: электронный ресурс]), интерпретировано буквально, что усложняет его понимание.

4) Сосиска в **тесте** – Sausage **in the father-in-law** [Дзен: электронный ресурс].

В примере (4) переводчик также использует калькирование. Переводческая ошибка вызвана омонимией переводимой ЛЕ «тесто» в результате изменения ее грамматической формы при помощи склонения (тесто-тесть = в тесте). Так, иностранный турист может неверно истолковать блюдо, ведь ЛЕ «father-in-law» передает родственные отношения в английском языке, а именно: (ср.: father-in-law – the father of one's husband or wife [Cambridge Dictionary: электронный ресурс]). Для устранения ошибки переводчику было бы лучше подобрать другой эквивалент к ЛЕ «тесто», например, «sausage roll» или «sausage in dough», но не «hotdog», который также может исказить смысл блюда для других культур (например, в Непале собака является священным животным).

Заключение. Таким образом, можно сказать о том, что переводчик как вторичная языковая личность играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации. Для того чтобы сделать вышеуказанный процесс эффективным, он должен не только владеть языками на высоком уровне, но и иметь фундаментальные знания о культурах языка оригинала и языка перевода, чтобы избежать переводческих ошибок, усложняющие понимание текста. В рассмотренных примерах переводческие ошибки встречаются на семантическом уровне при переводе рекламы общественных заведений, названий улиц, а также блюд, предлагаемых в кафе или ресторане. Достижение адекватного перевода является очень важным для избегания конфликта интерпретаций языковой семантики. В основном, переводческие ошибки вызваны неправильным выбором переводческих трансформаций, переводчик должен хорошо в них разбираться, а также обладать достаточным когнитивным опытом, чтобы отличить одно явление действительности от другого в контексте соответствующей культуры, чтобы сделать текст перевода максимально понятным для иностранных туристов, приезжающих в Россию.

Библиография

Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории переводов) / Л. С. Бархударов. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 235 с. – ISBN 978-5-382-00577-5. – Текст : непосредственный.

Белик, Е. В. Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // *Преподаватель XXI век* / Е. В. Белик. – Москва, 2013. – С. 289-294. – ISSN: 2073-9613. – Текст : непосредственный.

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // *Когнитивные исследования языка*. – 2022. – Вып. 4 (в печати).

Бухонкина, А. С. Типы ассиметрии культурем (на материале французского и русского языков): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание кандидата филологических наук / Бухонкина Анна Сергеевна; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.

Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Московского университета (МГУ), 2007. – 544 с. – ISBN 978-5-211-05333-5. – Текст : непосредственный.

Головлева, Е. Н. Основы Межкультурной коммуникации / Е. Н. Головлева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 222 с. – ISBN 978-5-222-12473-4. – Текст : непосредственный.

Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0 – Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7. – Текст : непосредственный.

Картаслов.ру. Карта слов и выражений русского языка. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 10.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 261 с. – ISBN 5-85050-240-8. – Текст : непосредственный.

Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 10.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Халеева Ирина Ивановна; Военный институт. – Москва, 1990. – 36 с. – Текст : непосредственный.

Шичкина, М. Г. Штрихи к пониманию роли интерференции личности переводчика в переводческом процессе // *Актуальные вопросы филологических наук* / М. Г. Шичкина. – Казань : Бук, 2017. – С. 58-61. – ISBN 978-5-906954-57-2. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/257/13062/> (дата обращения: 09.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Источники примеров

Дзен : [сайт]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/englishdom/smeshnye-liapy-perevodchikov-5f5226c41689a856f3beed16> (дата обращения: 11.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Комсомольская правда : [сайт]. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26172/3061039/> (дата обращения: 10.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Культурология. РФ : [сайт]. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/011015/26506/> (дата обращения: 10.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

Pikabu: [сайт]. – URL: https://pikabu.ru/story/i_vnov_o_lyapakh_perevoda_4525379?view=amp (дата обращения: 11.07.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный

Принципы формирования языковой ноосферы билингва

Свердлова Наталия Александровна

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134
кандидат филологических наук, доцент
Email: nsverdlova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения принципов формирования языкового сознания билингва. Объектом изучения является межъязыковая зона взаимодействия контактирующих в сознании билингва языков. Принцип природосообразности является системообразующим в процессе формирования языковой личности билингва. В процессе межъязыкового взаимодействия наряду с ролью психических и метапсихических категорий отмечено значение принципа языковой конвергенции и синергии, который указывает на дополнительный и взаимообогащающий, по отношению друг к другу, характер контакта языковых систем в сознании билингва. В статье также описаны онтогносеологический принцип и принцип антропоцентризма. Описание принципов языковой ноосферы билингва вносит вклад в изучение подхода к формированию эффективной речемыслительной деятельности билингва.

Ключевые слова: билингв, межъязыковое взаимодействие, языковое сознание, языковая ноосфера, принципы ноосферы.

УДК 81'246.2

Principles of formation of the bilingual language noosphere

Nataliya A. Sverdlova

Irkutsk Scientific Center of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, Russia
134 Lermontov Str., Irkutsk 664033
PhD in Philology, Associate professor
Email: nsverdlova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the principles of the formation of bilingual consciousness. The object of the study is the interlingual zone of interaction of languages contacting in the mind of a bilingual. The principle of conformity to nature is a backbone in the process of forming a bilingual linguistic personality. The author highlights the importance of the principle of linguistic convergence and synergy, which indicates the additional and mutually enriching, in relation to each other, character of the contact of language systems in the bilingual consciousness in the process of interlanguage interaction, along with the role of mental and metapsychic categories. The article also describes the principle of anthropocentrism and ontognoseological principle. The description of the principles of the bilingual noosphere contributes to the study of the approach to the formation of effective speech-thinking activity of the bilingual.

Keywords: bilingual, interlanguage interaction, linguistic consciousness, linguistic noosphere, principles of the noosphere.

UDC 81'246.2

Введение. Тема данной работы имеет теоретико-методологический характер и соотносится с решением задач в рамках решения проблемы моделирования языковой ноосферы билингва. Автор рассматривает идею билингвизма с точки зрения специфичности взаимодействия языковых систем в сознании билингва, которое имеет сложный нелинейный характер.

Основные направления научного поиска автора сконцентрированы в области проблем формирования языковой личности билингва и межъязыкового взаимодействия. Исследование включает разработку проблем сознания на фоне лингвокогнитологии и эпистемологии биологии познания и языка.

Материалы и методы. Материалом послужили научные источники, раскрывающие суть билингвизма, как психолингвистического феномена, а также исследования в рамках когнитивной науки и философии. Методы исследования – системный анализ, синтез, сопоставительный анализ, категоризация понятий. Инструмент исследования межъязыкового взаимодействия базируется на подходах и принципах, которые апробированы в научных материалах автора [Свердлова 2018, 2020, 2021].

Обсуждение. Переход от генеративной лингвистики в постгенеративную происходит на фоне развития когнитивной теории языка. Формирование новой парадигмы знаний связано с пониманием новой функции языка, как инструмента формирования сознания человека. Идея восприятия и организации мира в сознании человека с помощью языка восходит к размышлениям В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 2019], где языку отводится место "промежуточного мира" между мышлением и действительностью. Если Гумбольдт видит место языка и определяет его роль во взаимоотношении язык-сознание-действительность, то Л. Вайсгербер максимально приближается к объяснению процесса концептуализации, наделяя динамичностью сферу представлений о мире в сознании человека и способов объективации мира по причине «постоянного процесса мирозидания» [Вайсгербер 1993: 112].

Фиксируя и отображая мир специфичными средствами язык выступает как инструмент, направляющий сознание. Если говорить о внедрении новой языковой системы в сознание говорящего, то вместе с ней закладывается система представлений и понятий, формирующая новую картину мира.

Процесс и результат приобретения, хранения и развития знаний об окружающей действительности связывает когнитивную теорию с изучением языкового общения в определенных социальных условиях. Применительно к проблемам билингвального сознания У. Вайнрайх первым погружает проблему языкового контакта в сознании говорящего в сферу экстралингвистических условий: «Лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений» [Вайнрайх 1979: 26], а «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком», – уточнял лингвист [Вайнрайх 1979: 22].

Антропоцентризм, как один из принципов представления объекта изучения – речемыслительной деятельности индивида (билингва) – направляет исследование в плоскость изучения целей, мотивов; апеллирует к его сознанию, где формируется когнитивно-коммуникативная основа для вербального кодирования. Предположительно, именно здесь закладывается не только сама готовность к последующим коммуникативным действиям, но вместе с тем укрепляется стереотипное представление, которое может быть барьером в дальнейшем освоении действительности [Свердлова 2021: 71].

Когнитивная основа приобретает «коммуникативность» посредством ситуации «пред-общения» – ситуации диалога, когда адресат (ментальный субъект речи в данном случае) и адресант совпадают в речемыслительной деятельности, предшествующей коммуникативной. Уже в этой ситуации говорящий осуществляет выбор языковых средств, ориентируясь на адресата (реального субъекта коммуникации). То есть ведя внутренний диалог с самим собой, готовясь к реальной коммуникации, человек ориентируется на потенциального коммуниканта-адресата. Что происходит в случае, когда речь идет о билингве, использующим неродной язык для коммуникации? Очевидно, что механизм перехода от ситуации «пред-общения» к реальному общению остается неизменным, но содержательно говорящий билингв затрачивает иные дополнительные ресурсы сознания в соответствии с задачами репрезентации знаний.

Практическая деятельность человека, в том числе сопровождающая этот процесс коммуникация, способствует осознанному декодированию информации, заключенной в неродном языке, языке общения. Наполнение этого процесса гармонией связано с осознанием человеком себя как части совместного движения, эволюции [Свердлова 2021: 71]. В новых условиях реализации знаний (в среде неродного языка) или в условиях тесной связи с новой средой обитания (учебные условия) билингву предстоит формировать свой новый мир, где важное место отводится опыту. Следуя биокогнитивной философии языка [Матурана 2019], именно имеющийся опыт должен помочь человеку освоить новое и чужое. Но говорить о ведущей роли опыта применительно к ситуации учебного билингвизма, вероятно, не стоит, поскольку новые реалии входят в противоречие с имеющимся опытом: картина мира находится в стадии формирования, она подвижна и динамична. «Противоположности», наделенные отличными признаками (поведение, язык), наполняют среду обитания индивида [Свердлова 2021: 71].

Осмысление нового в процессе формирования суждений, понятий на фоне трансформации сознания человека подчеркивают мощную синергию биологического и социального в развитии билингва. **Принцип синергии** двух базовых параметров человека является основой формирования билингва, который погружен в аксеологическую сферу выбора языка, культуры. Пространственно-временные координаты бытия этого человека задают параметры этого выбора и восходят к смыслу жизни. И здесь мы уже можем говорить о «ноосферном смысле», который идентичен смыслу жизни [Дмитревская 2012: 4].

Принцип синергии реализуется на фоне актуализации **принципа природосообразности** в период объединения биологического (внутреннее осмысление, развитие способностей; опыт человека) и социального (в результате общественных контактов). Языковые знания и внеязыковые знания, как компоненты знания билингва, полностью будут ориентированы на репрезентацию в иных, в отличие от привычных, условиях жизнедеятельности.

Становление билингва характеризуется усложнением всех его систем: социальной, культурной, языковой. Онтология феномена ноосферного человека связана именно с таким усложнением. Точка-человек и поле-общество [Свердлова 2021] есть части гигантской ноосферы. Мысль о том, что мы являемся частями этой ноосферы идет от В. В. Вернадского [Вернадский 2002] и раскрывается позднее у Вяч. Вс. Иванова [Иванов 2004].

Освоение новых смыслов обогащает человека: новые семиотические установки позволяют билингву войти в космос смыслов новой культурной традиции. **Онтогносеологический принцип** формирования языковой ноосферы билингва реализуется в необходимости и способности воспринимать новые смыслы. С онтологией связан термин ноосферного сознания, которое характеризуется как «сознание человечества, ориентированного на достижение оптимизации взаимодействия общества и природы, создание условий для устойчивого развития космопланетарной среды обитания, самоорганизации ноосферы» [Смирнов 1998: 181]. Очевидно, что применительно к речемыслительной деятельности билингва мы можем употреблять понятие ноосферного сознания.

Этнокультурное сознание билингва связано с его языковой ноосферой через коммуникативное поведение. Погруженные в сознание билингва лингвистические единицы «могут быть элементами двух систем» [Хауген 1956] и находятся они в ведении человека до востребования в соответствии с коммуникативной задачей.

Заключение. Становление билингва, как ноосферного человека, связано с развитием его сознания под воздействием внутреннего и внешнего мира. Языку в этом процессе отводится главное место, поскольку вся энергия человеческого познания мира исходит из языка и приходит вместе с языком. Принципы его языковой ноосферы – природосообразность, антропоцентризм, онтогносеологический принцип, синергия – указывают на гармоничный и конвергентный характер взаимодействия лингвокультурных систем в сознании билингва.

Оптимизация взаимодействия природы человека и общества в его сознании ведет к пониманию билингва как субъекта ноосферного мировоззрения, а сформированную в его сознании билингвальную языковую систему как ноосферное образование.

Библиография

- Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев, 1979. – 343 с. – Текст : непосредственный.
- Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия / Й. Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 111–112. – Текст : непосредственный.
- Варела, Франсиско Х., Матурана, Умберто Р. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / Франсиско Х. Варела, Умберто Р. Матурана. – Едиториал УРСС, 2019. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- В. И. Вернадский: ноосферология и образование : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 21–22 мая 2002 г. – Москва : Изд. дом «Ноосфера», 2002. – 464 с. – Текст : непосредственный.
- Гумбольдт, В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 376 с. – Текст : непосредственный.
- Дмитревская, И. В. Ноосферные смыслы времени / И. В. Дмитриевская // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 2. – 2012. – С. 3–16. – Текст : непосредственный.
- Иванов, Вяч. Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: Курс лекций / Вяч. Вс. Иванов. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. – 196 с. – Текст : непосредственный.
- Свердлова, Н. А. К вопросу о моделировании процесса межъязыкового взаимодействия / Н. А. Свердлова // Языковое бытие человека и этноса : Сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений, Москва, 24–25 декабря 2020 года. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 163–167. – Текст : непосредственный.
- Свердлова, Н. А. Лингвопсихологические особенности формирования языковой личности билингва / Н. А. Свердлова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 6 (797). URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf (дата обращения: 06.12.21) – Текст : электронный.
- Свердлова, Н. А. О принципе природосообразности в процессе формирования билингвальной личности / Н. А. Свердлова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 26-2. – С. 70–72. – Текст : непосредственный.
- Смирнов, Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума / Г. С. Смирнов. – Иваново : Иван. гос. ун-т., 1998. – 244 с. – Текст : непосредственный.

Аристотелевское учение о топосах в свете развития современной лингвориторической парадигмы

Тарасов Михаил Иванович

Смоленский государственный университет, Россия
214000, г. Смоленск, ул. Прежевальского, д. 4
кандидат филологических наук, доцент
Email: tarasovmihail123@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о так называемых *общих местах риторических (топосах)*. В центре внимания оказываются не известные всем ментальные объекты типа *род и вид, целое и части, время, место, причина* и т.д., а не используемые в современной дидактической практике ментальные конструкции более сложного вида. Эти конструкции представляют собой выраженное на абстрактном языке суждение, выражающее связь двух явлений. Например: «если есть явление, то должна быть и его причина». Именно такие топосы рассматривал Аристотель в трактатах «Риторика» и «Топика». Такие общие места предлагается называть *сентенциальными*. В статье показывается, что современные публицистические, художественные и научные тексты часто представляют собой реализации сентенциальных топосов. Рассматриваются две функции сентенциальных топосов: аргументативная и аккумулятивная. Высказаны предположения о перспективности изучения сентенциальной топикой на материале современных русских текстов, в том числе в аспекте лингвориторической парадигмы как интегративного подхода в филологии и гуманитаристике.

Ключевые слова: общие места риторические, топос, топика, сентенциальные топосы, Аристотель, лингвориторическая парадигма, функции топосов, дидактическое значение топосов.

УДК808.5(075.8)

The Aristotelian doctrine of topoi in the light of the development of the modern linguistic & rhetorical paradigm

Mikhail I. Tarasov

Smolensk State University, Russia
4 Prezhevskii Str., Smolensk 214000
PhD (Philology), Associate Professor
Email: tarasovmihail123@yandex.ru

Abstract. The article tackles the issue of the so-called common rhetorical places (topoi). The focus is on mental objects such as genus and species, whole and parts, time, place, reason, etc., not known to everyone, rather than mental constructions of a more complex type used in modern didactic practice. These constructions are judgments expressed in an abstract language, reflecting the connection between two phenomena. For example, “If there is a phenomenon, then there must be its cause.” These were the topoi that Aristotle considered in the treatises Rhetoric and Topics. Such commonplaces are proposed to be called sentential topoi. The article shows that modern journalistic, artistic and scientific texts often represent the realization of sentential topoi. The author considers two functions of sentential topoi – argumentative and accumulative and makes assumptions about the prospects of studying the sentential topics based on the material of modern Russian texts, including in the aspect of the linguistic & rhetorical paradigm as an integrative approach in philology and the humanities.

Key words: rhetorical commonplaces, topos, topic, sentential topoi, Aristotle, linguistic & rhetorical paradigm, topoi functions, didactic meaning of topoi.

UDC 808.5(075.8)

Введение. В классической риторике существовало отдельное учение о способах организации речемыслительной деятельности человека. Ныне оно совсем забыто. Достояно ли оно возрождения – вопрос пока неясный. Ясно, однако, что с учением этим нужно ознакомиться и студентам, изучающим филологические науки, и преподавателям, курирующим этот процесс.

Итак, мы говорим о так называемых *общих местах риторических*, или *топосах*, причем не о тех топосах, которые относительно хорошо известны как речемыслительные категории типа *род и вид, целое и части, время, место, причина, действие и страдание* и т.д. (См. подробнее, например: [Граудина, Кочеткова 2001: 350–353]). Мы говорим о топосах как о целых речемыслительных конструкциях, рисующих *связку* двух событий или явлений. Бывает так, что в уме опытного оратора эта связка становилась похожа на дышло из русской пословицы: эту связку можно было повернуть и так и этак в зависимости от того, что хочет сказать оратор. Это хорошо видно в споре видного представителя философской и дидактической софистики Протагора со своим учеником Эватлом. Протагор, как известно, вступил с ним в спор по поводу оплаты, дело дошло до суда. Мнения спорщиков были противоположны, но выражены с помощью одной и той же ментальной конструкции. Ср.:

Протагор – Эватлу: «Ты мне заплатишь! Если ты проиграешь в суде, то ты должен будешь заплатить мне по решению суда. Если выиграешь, то ты тоже должен будешь мне заплатить, поскольку продемонстрируешь, что я тебя чему-то научил».

Эватл – Протагору: *«Я тебе не заплачу! Если я выиграю в суде, то не буду тебе платить по решению суда. Если я проиграю в суде, то за что же мне платить – ты меня ничему не научил!»* [Софизм Эватла: Электронный ресурс].

На абстрактном уровне топос, который использовали спорщики, можно сформулировать так: *оба результата можно трактовать одинаково.*

Материалы и методы. Материалом статьи послужили современные публицистические, художественные и научные тексты. Один из методов, который мы использовали при их анализе, – метод сопоставления материала «старого», аристотелевского, и современного. Аристотель и многие его последователи, в том числе и современные российские ученые (см., например: [Иванов 2007: 725–716]), пытались сформулировать когнитивные схемы микротекстов (риторические топосы), иногда подтверждая их адекватность примерами. Мы совершаем обратный путь: в современных примерах пытаемся выделить их ментальные схемы. Таким образом, второй метод нашего исследования – это метод выявления в тексте его метасмысла, т.е. выражаемой на абстрактном языке ментальной структуры. Образно говоря, мы собираем старую схему риторической топикой проверить новым материалом, чтобы выявить, насколько эта схема может быть апроприрована современной дидактической практикой. Наше исследование выполнено в рамках современной лингвориторической парадигмы – интегративной теории, аккумулирующей представления о разнообразных речемыслительных феноменах, способных занять своё место и в современной филологической науке, и в дидактической практике (см. подробно в [Ворожбитова 2019, Ворожбитова 2020: 20–26]).

Обсуждение. Предлагаем топосы, выражающиеся целым нравоучительным предложением, т.е. сентенцией, называть *сентенциальными*. В 22-й – 24-й главах «Риторики» Аристотеля описаны 28 «надежных» сентенциальных топосов [Аристотель 1978 а]. Мы не станем приводить их полный список в силу того, что он очень громоздкий (см. подробнее в [Тарасов 2021: 19–22]). Далее Аристотелем даны «ненадежные» топосы, самый известный из которых таков: *«после того – значит по причине того»*. Ещё более подробный анализ топосов подобного типа предложен Аристотелем в его трактате «Топика» [Аристотель 1978б].

Далее мы попытаемся показать, в каком виде сентенциальные топосы существуют в современном русском дискурсе, и выскажем мнение об их основных типах.

Сентенциальные топосы имеют в речи две основные функции: во-первых, они, как им и положено, используются для «приискания аргументов». Эту функцию топосов назовем *аргументативной*. Во-вторых, они могут как бы аккумулировать разные жизненные ситуации, обобщать их. Такую функцию топосов назовем *аккумулирующей*. Рассмотрим сначала, как проявляется *аргументативная* функция топосов на материале современной публицистики. Вот, например, реализация топоса *«Не всё, обладающее одним признаком, обладает и другим»*:

Полковник Квачков получил 13 лет за подготовку вооруженного мятежа. Откровенно говоря, я бы не видела в этом приговоре повода для рефлексии, если бы не появилось множество статей либеральных противников режима, суть которых сводилась к тому, что кровавый режим посадил сумасшедшего, в очередной раз проявив свою звериную сущность.

Помилуйте, Квачкова посадили не за то, что он считает, что власть в России захватили жидомасоны; <...>

Квачкову предъявляют вполне конкретные вещи: <...>

Если наши прекраснотушные либералы считают, что все это вранье <...>, то так и надо писать: оспаривать обвинения, предъявленные следствием.

Вместо этого обвинения даже не обсуждают, а восклицают: разве можно так обходиться с политическими противниками?

Господа, это не политика, это мятеж (Ю. Латынина. Следствие абсурда).

Тезис таков: *либералы, осуждающие приговор Квачкову, не правы*. Аргумент следующий: *Квачкова посадили не за то, что он против власти; Квачкова посадили за попытку мятежа*. В этом аргументе отчетливо просматривается общее генерализующее суждение: *«Не всякий репрессированный противник режима является невинной жертвой режима»*. На более абстрактном – метапредметном – уровне это формулируется с помощью сентенциального топоса: *«Не все, обладающее одним признаком, обладает и другим»*.

Ещё пример из статьи того же автора. В данном случае используется топос *«Если есть нечто, то есть и причина для того, чтобы оно было; если нет причины для того, чтобы оно было, то и самого события нет»*. Ср.:

Два приема, которые HRW (Human Rights Watch. – М. Т.) использует для постоянной критики Израиля, очень просты. Первый – это отказ от изучения причин конфликта. «Мы не изучаем причины конфликта, – говорит HRW, – мы изучаем, как стороны конфликта соблюдают права человека» (Ю. Латынина. Защита прав людоеда, или Либеральный фундаментализм).

Тезис организации “Human Rights Watch” таков: *«Мы критикуем Израиль»*. Аргумент, который используется в этой критике, следующий: *«Израиль нарушает права человека, а почему это происходит, нас не интересует»*. За этим аргументом видится трансформированный топос Аристотеля. Если в исходном виде этот топос констатирует наличие причины у явления, в трансформированном виде он эту причину отрицает: *«Если есть нечто, то это нечто может быть без причины»*. В данном случае хорошо видно, как сентенциальные топосы превращаются из «надежных» в «ненадежные» и становятся средством манипуляции.

Конечно, не одни только интеллектуалы в споре с другими интеллектуалами обращаются к таким мыслительным формам, которые мы здесь называем сентенциальными топосами. К ним обращаются и люди самые простые. Вот пример использования одного сентенциального топоса из речи дореволюционного купца-хулигана:

«Вышли мы с женой и дитёй погулять на Невский; видим, у Казанского собора драка... Я поставил жену и дитё к Милютиным лавкам, засучил рукава, влез в толпу и – жаль только двоим и успел порядком дать по шее... Торопиться надо было к жене и дите – одни ведь остались!» – «Да кого же и за что вы ударили?» – спросили у этого представителя малого и среднего бизнеса. «Да кто их знает, кого, а только как же, помилуйте, вдруг вижу, бьют: не стоять же сложа руки?!» (В. Жарков. Городские бунты. Эпизод девятый // Новая газета, 11.02.2013).

Аргумент: *«Не стоять же сложа руки?!»* представляет собой конкретизацию топоса *«Деяние совершается, потому что было бы ошибкой не совершить его»*.

Как видим, общая модель использования сентенциальных топосов достаточно стабильна: сначала дается тезис (эксплицитный или имплицитный), затем этот тезис подкрепляется аргументом, восходящим к тому или иному сентенциальному топосу.

Далее рассмотрим реализацию *аккумулирующей* функции сентенциальных топосов. Она заключается в том, что топос в тексте используется как некая матрица для наполнения конкретными смыслами, актуальными в данный момент, и – далее – для генерации текста, который представляет собой набор иллюстраций этого сентенциального топоса. Покажем это «выращивание» топологического текста на примере статьи Михаила Безродного *«...Зима иль русский бог?»*. Речь в ней идет о концепции *«русской кажущейся богооставленности при угадывающейся богоизбранности»*. Эта богооставленность vs богоизбранность декларируется, как считает Безродный, в нескольких «программных» заявлениях Ломоносова, Тютчева, Гоголя. Вот примеры таких заявлений:

*«Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами.
(Ломоносов)*

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
(Тютчев)*

Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе <...> ничто не обольстит и очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? (Гоголь)!» (Безродный 2006).

Как нам кажется, заявленная здесь идея кажущейся богооставленности при угадывающейся богоизбранности может интерпретироваться как реализация одного из сентенциальных топосов, а именно следующего: *«То, что на первый взгляд ведет к одному, на самом деле ведет совсем к другому»*. В приведенном примере автор собрал разные реализации одного топоса из разных источников и поместил их в свой. Так часто действуют авторы книг и научных статей. Возможно и другое: автор в своём собственном тексте рассматривает разные реализации одного топоса, сопоставляя их и противопоставляя, определяя как относящиеся к разным областям культуры, но при этом никого не цитирует, а называет возможные интерпретации одного общего смысла, беря их исключительно из ресурсов своей памяти.

Пример соположения нескольких интерпретаций одного топоса, различающихся идеологическим и философским наполнением, находим в рассуждениях современного философа фрейд-марксистского толка Славоя Жижека о смысловом наполнении феноменов актуальной культуры. Жижек, в частности, пишет о слогане, расположенном на рекламных плакатах одного косметического средства фирмы «Max Factor», и по-разному – в соотношении с разными дискурсами – его интерпретирует. Сначала он приводит этот слоган – высказывание *«Each has her own factor»*, которое само по себе, очевидно, представляет двусмысленность. С одной стороны, в нём читается вполне корректное заявление *«Каждая женщина нуждается в своём, подходящем для неё в наибольшей степени продукте фирмы “Макс Фактор”»*, с другой – слово *«фактор»* вполне отчетливо ассоциируется у носителей английского языка с обозначением некоего физиологического действия, о котором по понятным причинам говорить не будем. Жижек, однако, об этом, условно говоря, скабрёзном смысле прямо не говорит. Он выделяет в нём две его облагороженные разновидности: относящуюся к проявлениям мужского шовинизма и относящуюся к фрейдистской интерпретации мира. Ср.:

На каждом постере были изображены загоревшие женщины со спины в облегающих купальных костюмах, и это сопровождалось слоганом: «Для каждой свой фактор» (Each has her own factor). <...> в целом трудно уловить общий смысл рекламы, который несет в себе явное утверждение мужского шовинизма: “Любую женщину можно заполучить, если только мужчина сможет найти подход, ее личный фактор, который возбуждает ее!” Фрейдистская точка зрения относительно этой базовой фантазии была бы такой,

что у каждого субъекта, будь то мужчина или женщина, есть такой фактор, который регулирует ее или его желание... (Жижек 2012: 41).

Что позволяет одному высказыванию быть таким многозначным? Конечно, за сексуальную составляющую высказывания отвечает слово «*factor*», но только обусловленной этим словом тематикой многозначность высказывания не объясняется. В нем присутствует *метасмысл*, который можно сформулировать так: «если есть нечто, что можно использовать, то найдется и то, что следует применить для этого использования». У Аристотеля этот смысл сформулирован проще: «если [воздвигнуто] основание, [будет] дом».

Закключение. Подведём предварительные итоги. Нам удалось, по крайней мере, показать, что сентенциальные топосы существуют в современных текстах, что ими пользуются и делают это достаточно активно. Возможно ли в преподавании речи сейчас поступить так же, как поступали древние греки, т.е. перечислить и классифицировать эти смысловые модели с целью помочь обучающимся генерировать тексты? Этот вопрос, на наш взгляд, заслуживает дискуссии. Если всё-таки анализ сентенциальной топикологии будет признан целесообразным, то он может стать одним из направлений современной риторики в её научном и дидактическом вариантах, в том числе одной из составляющих педагогического инструментария в системе непрерывного лингвориторического образования.

Библиография

Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика. Под ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Изд-во Моск. ун-та. 1978 а. – С. 15–166. – Текст : непосредственный.

Аристотель. Топика / Аристотель // Аристотель. собрание сочинений : в 4 томах. – Москва : Мысль, 1978 б. – Т. 2. – С. 347–532. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Основы лингвориторической парадигмы / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. – 176 с. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как исследовательская призма: из 9-мерности в 16-мерность и 32-мерность / А. А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма. – 2020. – № 25–1. – С. 20–26. – Текст : непосредственный.

Граудина, Л. К., Кочеткова, Г. И. Русская риторика / Л. К. Граудина, Г. И. Кочеткова. – Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 669 с. – Текст : непосредственный.

Иванов Л.Ю. Топика / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – С. 715–716. – Текст : непосредственный.

Софизм Эватла. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Софизм_Эватла (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.

Тарасов, М. И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения / М. И. Тарасов. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. 284 с. – Текст : непосредственный.

Источники иллюстрирующих примеров

Безродный, М. Зима иль русский бог / М. Безродный // История и повествование: Сборник статей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 592–593. – Текст : непосредственный.

Жарков, В. Городские бунты. Эпизод девятый / В. Жарков // Новая газета, 11.02.2013. – Текст : непосредственный.

Жижек, С. Чума фантазий / С. Жижек – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2012. – 388 с. – Текст : непосредственный.

Латынина, Ю. Защита прав людоеда, или Либеральный фундаментализм / Ю. Латынина // Новая газета, 25.03.2011. – Текст : непосредственный.

Латынина, Ю. Следствие абсурда / Ю. Латынина // Новая газета, 15.02.2013. – Текст : непосредственный

Обусловленность языка экскурсии экспозиционно-музейным дискурсом

¹Филиндаш Лариса Васильевна

²Паудяль Надежда Юрьевна

¹Государственный университет управления, Россия

109542, Москва, Рязанский проспект, 99

кандидат философских наук, доцент

Email: lfilindash@mail.ru

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

119991, Москва, Ленинские горы, 1

кандидат философских наук, доцент

Email: ansyna@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи экскурсионного и экспозиционного дискурсов и специфике формирования речи экскурсовода. Экспозиционно-тематическая структура музея нового поколения усложняется в связи с технологическими, маркетинговыми, концептуальными инновациями, что сказывается на деятельности экскурсовода. Авторы приходят к выводу об изменении значения экскурсовода как языковой личности в связи с современным этапом коммуникации, основанной на дистанционном общении, и компьютеризацией информации.

Ключевые слова: гипер-/мега текст, музейная коммуникация, экскурсионный дискурс, экскурсионная речь, экскурсионно-тематическая структура, языковая личность экскурсовода.

УДК 338.48-32:069.536.4

The conditionality of the excursion language by the exposition & museum discourse

¹Larisa V. Filindash

²Nadezhda Yu. Paudyal

¹State University of Management, Russia

99 Ryazan Av., Moscow 198542

PhD (Philosophy), Associate Professor

Email: lfilindash@mail.ru

²Lomonosov Moscow State University, Russia

1 Leninskie gory, Moscow 119991

PhD (Philosophy), Associate Professor

Email: ansyna@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the relationship of excursion and exposition discourses and the specifics of the formation of the guide's speech. The exposition & thematic structure of the museum of the new generation has been getting more complicated due to technological, marketing, conceptual innovations, which affects the activities of the guide. The authors come to the conclusion about the change in the significance of the guide as a linguistic personality due to the modern stage of communication based on distance communication and the computerization of information.

Keywords: hyper-/mega-text, museum communication, excursion discourse, excursion speech, excursion & thematic structure, the linguistic personality of the guide.

UDC 338.48-32:069.536.4

Введение. Очевидно, что экскурсионная речь формируется на основе многих факторов, в том числе, музейной экспозиции, типе и задачах экскурсии, особенностях аудитории, а также профессиональных качествах [Паудяль, Филиндаш 2013: 83] экскурсовода.

Согласно «Единому квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и служащих» экскурсовод должен обладать информацией в области истории и культуры, права, коммуникации, психологии, медицины и владеть высокой речевой культурой [Единый квалификационный справочник 2018]. В его обязанности входит постоянное обновление «портфеля экскурсовода», что предполагает сбор и изучение профильных материалов, документов и экспонатов. Результатом исследовательской работы является составление собственного текста экскурсии, публичного выступления.

Материалы и методы. Обращение к заявленной в статье теме вызвано опытом работы авторов в музеях Москвы и интересом к проблемам, связанным с формированием языковой личности экскурсовода. Среди вопросов генерирования и внедрения новой концепции деятельности музея и экскурсовода в нем – условия успешного сервиса в музее [Паудяль, Филиндаш 2013: 78–86], проблемы музейной коммуникации [Паудяль, Филиндаш 2014 а: 44–56], жанровые особенности экскурсионной речи [Паудяль, Филиндаш 2014 б: 122–126]. Экскурсионный дискурс авторы рассматривали как в широком, так и в узком смыслах слова. Если в широком смысле слова экскурсионный дискурс понимается с точки зрения ментально-когнитивного подхода, как «соче-

тание традиционных норм ... речевого и социокультурного поведения взаимодействующих сторон и инновационных технологий в рамках заданного экспозиционного пространства», то в узком смысле слова, – это синтез вербально-невербальных форм взаимодействия [Паудяль, Филиндаш 2014 б: 125].

В настоящей работе исследуется изменение роли экскурсовода, обладающего подлинным знанием в социокультурной области, а также умеющего вести диалог в условиях непосредственного общения, что особенно важно в современном технологическом обществе, основанном на распространении компьютерной информации и дистанционном характере взаимодействия. Рассматривая экспозицию в качестве гипер- или мегатекста, авторы на примере кураторского проекта в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина французского искусствоведа постструктуралистского толка «Бывают странные сближенья...» обусловливают взаимосвязь экскурсионного языка и музейно-экспозиционного дискурса – с позиции множественности интерпретаций в контексте русской ментальности [Паудяль, Филиндаш 2022: 173].

Аналитико-описательный метод используется при характеристике параметров языковой личности экскурсовода. Структурный метод позволяет представить классический вариант экскурсионного текста. Индуктивный подход применяется для выявления связи между визуальными и понятийными конструктами. Описание гипертекста допускает обращение к типологическому, системному, сравнительному методам.

Обсуждение. Музейные экспозиции все чаще применяют современные инновационные технологии, используя 3D копии экспонатов (картины Ван Гога, И. Босха, П. Брейгеля), сложные проекции на экранах (чертежи дворца и усадьбы, руинированное состояние и постепенная реставрация, напр., Царицыно), масштабные видеоинсталляции (имитационные арт-объекты – кареты, оружие, мебель, одежда), клипы с участием известных артистов (праздники в парке усадьбы, приемы во дворцах). Музеи прибегают не только к зрелищным панорамам, но и аудио-эффектам с обращением к звуковым панелям, воспроизводя шум моря, пение птиц, шелест растений. Музей русского импрессионизма активно развивает интерактивность и инклюзивность своих выставок, используя запахи изображенных на картинах цветов. Названные технологии усиливают выразительность языка экскурсовода, обогащают речь, включая музей в ритм современной жизни. С другой стороны, всеобщая визуализация повышает значимость музейного дискурса, основанного на признании ценности подлинных памятников культуры.

Воспроизводимый в аудиозаписи текст экскурсии имеет конкретные особенности, рассмотрение которых не является задачей данной работы.

Роль экскурсовода как языковой личности увеличивается в связи с доступностью неограниченного, постоянно увеличивающегося в геометрической прогрессии объема информации и формированием у компьютерного поколения ложного представления о наличии достоверных сведений в любой области знания. Задача экскурсовода – продемонстрировать посетителям музеев свободное владение материалом, погружение в экспозицию. При этом полное корректное раскрытие темы возможно при условии широкого кругозора лектора, способного вести рассказ не только об экспонатах, но и о связанном с ними большом круге проблем.

В век технической обусловленности, углубляющегося дистанционного по характеру общения увеличивается роль экскурсионной коммуникации как непосредственной. Построенная на принципах обучающей дидактики, а не на основе диалога, речь утрачивает привлекательность. Кроме того, «экскурсия должна быть адресной и проводиться на основе дифференцированного подхода к группе. Заученный текст, произнесенный с монотонной интонацией безотносительно к аудитории, которой он адресован, – школьникам, туристам, специалистам, коллегам, – производит неприятное впечатление, резко снижает интерес экскурсантов» [Паудяль, Филиндаш 2013: 84].

Успешность музейной коммуникации во многом зависит от умения наладить контакт с аудиторией, а также от способности корректировать свое сообщение в соответствии с реакцией слушателей группы. Мастерство экскурсовода определяется навыком устанавливать «обратную связь» с участниками диалога. Подобное взаимодействие основано на вопросно-ответной форме беседы. Типы вопросов зависят от характера аудитории: в детской предпочтительнее прямые вопросы, то есть предполагающие однозначный ответ. Взрослой аудитории чаще адресуются вопросы риторического или косвенного вида, поскольку они предназначены не для продолжительного разговора, а для поддержания доброжелательного тона, то есть создания фатического общения. Как правило, они формулируются примерно так: «Можно ли считать его...», «Вы, конечно, помните, что...». Педагогическая направленность подобных речевых конструкций нивелируется личным обаянием ведущего экскурсию. Диалогическое общение гарантирует ролевой характер: участники взаимодействуют в рамках установленного регламента, в котором стиль поведения обусловлен заданными ролями – экскурсовода и экскурсантов.

Современный этап риторической культуры в целом характеризуется использованием конструкций разговорного стиля – просторечных выражений, сленга, незаконченных фраз, экспрессивно окрашенной лексики. В этой связи стоит подчеркнуть, что следование новым тенденциям чревато нарушением научной основы подачи материала и отступлением от дистанцированного характера общения, т.е., несоблюдением базовых критериев музейных норм в ходе экспозиционно-музейного дискурса.

Являясь формой устной речи, любая экскурсия имеет жесткую структуру: вступление, основную часть и заключение.

Вступление состоит из представления экскурсовода группе, краткой информации о музее, теме экскурсии, ее маршруте и продолжительности. Во вступлении внимание уделяется не объему информации, а налаживанию контакта с группой, установлению эмпатии.

Основная часть в большой мере зависит от музейной экспозиции – среды, искусственно созданной из комплексов экспозиционно-тематических структур, образованных на основе разработанной в музее научной концепции по отбору, совокупности и размещению музейных предметов, выражающих конкретное содержание,

образующих знаковую систему и формирующих уникальный текст. Поскольку «экспозиция, выявляя знаковую природу вещей в их взаимосвязях, становится особым синтетическим видом искусства, обладающим большой силой эмоционального воздействия» [Паудяль, Филиндаш 2013: 81], ее можно считать гипер- или мегатекстом, инициирующим ментальные интенции в новых современных реалиях [Паудяль, Филиндаш 2022: 172].

Экскурсионный дискурс предполагает умение ведущего стать участником группы, чтобы сфокусировать внимание зрителей на наиболее важных экспонатах и их деталях при переходе от показа к рассказу. Интерес к материалу можно вызвать и эмоционально насыщенной речью, способной создать особую атмосферу причастности, почувствовать красоту музейного предмета, понять заложенную в произведении авторскую идею. Экскурсионная речь не предполагает обилия дат, терминов, имен, чтобы не перенасытить основную обязательную информацию. Цитаты, события личной жизни наполняют рассказ чувствами, переживаниями, передавая настроения участникам музейного дискурса.

Музей предлагает вниманию посетителей не только постоянные экспозиции, но и временные выставки, часто с демонстрированием «заменителей подлинников» (копии, слепки), VR-инсталляций, с использованием экранных платформ для показа фрагментов, схем, карт, чертежей, письменных текстов, фонических и других научно-вспомогательных материалов.

Показательным примером постструктуралистского подхода к экспозиционному мега тексту может выступать выставка ГМИИ им. А.С. Пушкина 2011 – 2022 гг. «Бывают странные сближенья...». Французский искусствовед Жан-Юбер Мартен представил концепцию выставки как «новаторскую художественную прогулку», отказавшись от этикетаж, экспликации, традиционных методов построения экспозиции. Он руководствовался новым принципом в отборе экспонатов – комбинированием арт-объектов по разным видам искусства, материалам, по степени подлинности, художественному уровню. Он соединил экспонаты от Древнего до Новейшего времени: живописные произведения с чучелами птиц и животных, архитектурными деталями, статуэтками, бытовыми предметами и произведениями декоративно-прикладного искусства. Выставка задумывалась как система взаимосвязанных разделов с концептуально обоснованными темами. В целом, в рамках философии постструктуралистского понимания текста допустим принцип деления экспозиции на фрагменты в соответствии с собственной концепцией и конструирование иной тематической структуры.

Во время сопровождения группы по выставочным залам экскурсовод обращает внимание посетителей на «странные сближенья», казалось бы, несовместимых экспонатов, вызывающих неожиданные ассоциации. Используя прием столкновения, например, работы японского мастера и гравюры У. Хогарта («От возлюбленной к колдунье») или новгородских икон XVI века и фрагмента фильма художника-неоимпрессиониста («От черного квадрата к ташизму. Две школы»), ведущий вовлекает зрителей в игру чувств и воображения. Роль экскурсовода-интерпретатора заключается в представлении одной из возможных версий «прочтения текста» выставки, что предполагает индивидуальное осмысление концепции выставки каждым участником-экскурсантом. При этом значение комментатора разделов экспозиции дополняется задачами:

- психологической – пробуждение интереса;
- образовательной – самостоятельное получение дополнительных знаний;
- креативной – совершенствование ассоциативного восприятия;
- эстетической – развитие художественного вкуса;
- когнитивной – создание зрительно-смыслового единства образа.

Заключительная часть нацелена на активизацию ответной реакции, выяснение мнений о полученных впечатлениях, эмоциях. Экскурсовод обозначает ментальные ориентиры и перспективы музейного взаимодействия участников своей группы.

Заключение. Современная экспозиционная практика усложняет роль экскурсовода, делая его не просто лектором, сообщаящим сведения об экспонатах, а инициатором, побуждающим человека совершать открытия, углублять знания, способствовать личностному росту каждого.

Библиография

Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. Профстандарты. (утв. Постановлением Минтруда РФ от 21.08.98 N 37) – Редакция от 27.03.2018 г. – Постановление Минтруда РФ от 09.02.2004 N 9. Справочник профессиональных стандартов. // <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochniki-i-klassifikatory-i-bazy-dannykh/eksd/> (дата обращения 20.07.2022). – Текст : электронный.

Паудяль, Н. Ю. Актуальные условия успешного сервиса в музее / Н. Ю. Паудяль, Л. В. Филиндаш // Сервис plus : научный журнал. – 2013. – № 3. – С. 78–86. – Текст : непосредственный.

Паудяль, Н. Ю. Музейная коммуникация в современном социокультурном пространстве / Н. Ю. Паудяль, Л. В. Филиндаш // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи. – Иваново, 2014 а. – С. 44–56. – Текст : непосредственный.

Паудяль, Н. Ю. Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи / Н. Ю. Паудяль, Л. В. Филиндаш // Вестник университета. Москва : ГУУ, 2022. – № 1. – С. 169–174. – Текст : непосредственный.

Паудяль, Н. Ю. Экскурсионная речь – интегрированный коммуникативный жанр / Н. Ю. Паудяль, Л. В. Филиндаш // Жанры русской словесности: межвузовский сборник научных трудов. – Астрахань, 2014 б. – С. 122–126. – Текст : непосредственный.

Образовательный дискурс как один из видов институционального дискурса

Чалимбаева Анеля Далелхановна

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050040, г. Алматы, проспект Аль-Фараби, 71
докторант
Email: chalimbayeva_anel1@kaznu.edu.kz

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики образовательного дискурса как одного из видов институционального дискурса. Целью статьи является выявление характерных черт образовательного дискурса с точки зрения различных подходов к его изучению. В статье осуществляется обзор теоретической литературы, приводятся определения терминам «дискурс», «институциональный дискурс», «образовательный дискурс». Характеристика образовательного дискурса представлена с позиции социолингвистического подхода. В статье раскрываются особенности целей, стратегий, задач, хронотопа и жанров образовательного дискурса. В заключении автор статьи приходит к выводу о том, что исследование образовательного дискурса является одним из важных направлений в современной лингвистике, имеет большое значение как для педагогики, так и для науки о языке.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, образовательный дискурс, микроуровень и макроуровень общеобразовательного дискурса, коммуникация.

УДК 81'42

Educational discourse as a type of institutional discourse

Anelya D. Chalimbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71 Al-Farabi Avenue, Almaty 050040
Doctoral student
Email: chalimbayeva_anel1@kaznu.edu.kz

Abstract. The article considers the specifics of educational discourse as a type of institutional discourse. The article aims at identifying the characteristics of educational discourse from the point of view of various approaches to its study. The article reviews theoretical literature, provides definitions for the terms “discourse”, “institutional discourse”, and “educational discourse”. The characteristic of educational discourse is presented from the position of the sociolinguistic approach. The article reveals the features of goals, strategies, tasks, chronotope and genres of educational discourse. As a research result, the author comes to the conclusion that the study of educational discourse is one of important areas in modern linguistics, is of great importance both for pedagogy and for linguistics.

Keywords: discourse, institutional discourse, educational discourse, micro-level and macro-level of general educational discourse, communication.

UDC 81'42

Введение. На сегодняшний день дискурс как новый феномен языкознания, антропоцентрической парадигмы, отражающий реалии современного общества продолжает расширяться в границах своего существования. Наглядным примером этого процесса выступает наличие и функционирование дискурсивных разновидностей, которые охватывают различные сферы социальной жизнедеятельности. Так и образовательный дискурс является одним из видов институционального дискурса.

Существуют различные определения термина дискурс и многочисленные теории по его классификациям в зависимости от ситуации. Опираясь на мнения различных ученых-лингвистов и социолингвистов, можно определить, что дискурс был исследован и анализирован с позиции психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, прагматической лингвистики, лингвостилистики, социолингвистики и т.д. Тем не менее отмечается некоторая размытость понятия «дискурс», поскольку трактовки его содержания многочисленны и многообразны.

В Оксфордском словаре английского языка слово «discourse» трактуется как «беседа», но также и обладает такими дефинициями как, «диссертация», «трактат», «проповедь», т.е. как конкретный жанр, центром внимания которого первоначально являлась мысль в ее развитии [Oxford, 1975: 239]. В западных лексикографических словарях, подробное внимание уделено дискурсу и в Вебстеровском словаре США американского варианта английского языка, который, в свою очередь, трактует дискурс как «общение, коммуникация как предмет изучения, рефлексии», но также передает трактовку и о процессности общения (устный или письменный), сосредоточенный на предмете коммуникации и его развивающий. Здесь дискурс является, как полем деятельности, так и материальной формой его воплощения, структурой (форматом) вербальной коммуникации [Webster, 1957: 417]. Словарь французского языка не дает таких примечаний, однако при толковании основывается на двух немаловажных аспектах: содержательном (предмет разговора) и формальном (коммуникация с позиции ее организации, формы и грамматической заданности) [Nouveau, 1952: 308].

Наиболее полное определение термина дискурс, в котором отражается его многоплановость, дано Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, со-

циокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс является речью, «погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1999: 136–137].

Как мы поняли из вышеизложенного, дискурс отвечает определенным принципам и нормам, разным понятийным потребностям, отсутствует общепринятое научное определение термина «дискурс», в котором идеально отразились все характеристики, качества и основные случаи его использования. Дискурс же в свою очередь имеет две подкатегории: бытовой и институциональные дискурсы.

Институциональный дискурс в научном пространстве рассматривается в противопоставлении к бытовому дискурсу, при котором бытовой вид дискурса является изначально прототипом, а первый является его отклонением [Мейер, 2017: 14]. По мнению М. Мейер, сделанного на основе анализа работ ряда ученых, бытовой и институциональные виды дискурсов имеют определенные характеристики:

Бытовой дискурс симметричен, неуправляем, нормативен и свободен, основан на равноправии и партнерстве, участники данного вида дискурса имеют одинаковые права, возможности и знания на проявление активности в коммуникации, в то время как институциональный вид дискурса характеризуется как отклонение от нормы, является предписанным и регламентированным, асимметричным, управляемым и властным, основанным на подчинении участников и приоритете ведения коммуникации для одного из участников [Мейер, 2017: 33].

Одним из базовых критериев в классификации дискурсов является институциональность, который носит градуальный характер. В толковом словаре французского языка институциональным дискурсом (*discourse institutionnel*) называют коммуникативный акт, сложившийся в обществе институтов или взаимодействие и его условия, которое было создано деятельностью того или иного института. [van Dijk, 2008: 308] Так же, у зарубежных ученых институциональный дискурс был объектом изучения Н. Фейерклау (1985), Р. Уодак (1997). В российских трудах по лингвистике «институциональный дискурс» трактуется как «дискурс, подверженный к осуществлению в общественных институтах, где коммуникация является частью их составной организации» [Шейгал, 2000: 43]. У казахстанских источников схожее толкование, так, к примеру по мнению Л.В. Екшембеева, институциональный дискурс понимается как дискурс, определенный видами социальных институтов, сложившихся в обществе, специализированная, клишированная разновидность коммуникации, строящаяся в соответствии с нормами конкретного социума [Екшембеева, 2016: 17].

Ядром институционального дискурса является коммуникация базовой пары участников, которые именуется как – агент и клиент. В выделении видов институционального дискурса учитываются его цели (совершенствование основного вида деятельности) и прототипное место самой коммуникации [Карасик, 2004: 195]. Важно подчеркнуть большое количество основных разновидностей институционального дискурса: политический дискурс, образовательный дискурс, официально-деловой дискурс, массово-информационный дискурс, рекламный дискурс, научный дискурс, религиозный дискурс, спортивный дискурс, медицинский дискурс и мн.др. В нашем исследовании в качестве объекта нами выбран институциональный дискурс, в частности его подкатегория, именуемая как образовательный дискурс.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили научные источники (лексикографические издания, научные статьи, монографии и др.), посвященные описанию дискурса и его видов. Рассмотрены особенности образовательного дискурса как одного из видов институционального дискурса, основные подходы к исследованию данного явления. В ходе работы использованы следующие методы и приемы: анализ и синтез, обобщение и систематизация, описательный метод и др.

Обсуждение. Образовательный дискурс, как считает Г. Канелла, возник в период Просвещения по причине формирования осмысления проблематики образования детства и юношества. В то время ученые и философы впервые задумались о различиях потребности в знаниях общества разных возрастных категории, что они способны усвоить в конкретном возрастном периоде и какие методы и технологии применимы для преподавания необходимых сводов знаний [Canella, 1999: 47]. В работах, созданных в рамках постмодернизма и постструктурализма свидетельствуется, что опыт образования детского, подросткового и юношеского возраста, при этом и эксперименты этой области должны базироваться на системе фундаментальных теорий и научных открытий [Canella, 1995: 121-142]. Также следует упомянуть о том, что образовательный дискурс в прямую связан с нормами, принципами и приоритетными целями процесса образования определенной страны, в нашем случае образования Республики Казахстан и механизмом его действия.

Согласно закону Республики Казахстан «об образовании», образованием является непрерывный процесс обучения и воспитания, осуществляемый в целях нравственного, интеллектуального, культурного, физического развития и формирования профессиональной компетентности; [Закон Республики Казахстан «Об образовании», гл. 1., подпункт: 9.1].

На сегодняшний день система образования Республики Казахстан, представляет собой совокупность и взаимодействие следующих его составляющих: 1) государственных общеобязательных стандартов образования и учебно-образовательных программ; 2) организаций образования, независимо от форм собственности, типов и видов, реализующих образовательные программы; 3) органов управления образованием и соответствующей инфраструктуры, в том числе организаций учебно-методического и научно-методического обеспечения, осуществляющих образовательный мониторинг [Закон Республики Казахстан «Об образовании», гл.3., ст. 10].

Содержание образования Республики Казахстан определяется общеобразовательными учебными и образовательными программами, которые разрабатываются на основе государственных общеобязательных стан-

дартов образования, в соответствии с которым выделяются три типа образовательных программ: 1) общеобразовательные (типовые, рабочие); 2) профессиональные (типовые, рабочие); 3) дополнительные.

Наряду с общими целями (обучение и воспитание), которые являются актуальными для всех уровней образования, каждый из них, тем не менее, характеризуется более частными целями. Так, целью общеобразовательных учебных программ является решение задач формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе, на создание основы для осознанного выбора и освоения профессии, специальности. Целью профессиональной образовательной программы является подготовка квалифицированных кадров, в том числе рабочих, и специалистов среднего звена по направлениям профессиональной деятельности в отраслях экономики, последовательное повышение профессионального и общеобразовательного уровня личности. Цель образовательных программ дополнительного образования предусматривает создание условий для развития личностного самоопределения, творчества обучающихся, реализации их способностей, адаптации к жизни в обществе, формирования гражданского самосознания, общей культуры, здорового образа жизни, организации содержательного досуга [Закон Республики Казахстан «Об образовании», гл.4., ст. 13]. При описании образовательного дискурса мы полагаем, что цель образовательного дискурса соотносится с целями образовательных программ Республики Казахстан и их деятельности. Следует отметить, что исходя из направлений и сферы обслуживания образовательной деятельности можно отделить и его конкретные подвиды, такие как: образовательный дискурс дошкольных учреждений, школьный образовательный дискурс, образовательный дискурс высших учебных заведений и дискурс непрерывного образования (курсы по повышению квалификации, профессиональная сфера деятельности, СМИ и др.) [Богущая, 2010: 46].

Образовательный дискурс обладает такими компонентами как: административный дискурс и преподавательский и ученические дискурсы., в соответствии с этим рассматривается на двух фундаментальных уровнях – микроуровне (школьный класс, студенческая аудитория, семинар, лекция, конференция, коммуникация преподавателя с учеником и т.п.) и макроуровне, который требует участия больших социальных групп населения, вступающих в полемику по значимым вопросам социума, к примеру: проведение реформы образования, введение единого национального тестирования и т.д. Образовательный дискурс на микроуровне представляет собой разновидность социальной коммуникации, которая в свою очередь является вариантом взаимодействия его участников, опосредованного конкретным объектом. Для отделения данного вида коммуникации от других видов дискурса и способов коммуникации можно выделить следующие ее черты:

а) в качестве респондентов коммуникации выступают два противоположных субъекта именуемые «агент» и «клиент» или «коммуникант» и «реципиент», которые могут быть, как и одной персоной, так и группой людей;

а) обладание конкретного передаваемого объекта, который может быть материальным (книга, речь, жест, мимика и др.) или не иметь ее вовсе;

б) наличие целесообразности и функциональности для такого вида коммуникации;

В целесообразной, функциональной форме коммуникации коммуниканты и реципиенты намеренно стремятся к трем целям:

а) к познавательной – распространение от коммуниканта новых знаний, умений и навыков или их приобретение реципиентом;

б) к побудительной – стимулирование коммуникантом к каким-либо действиям или получение необходимых стимулов реципиентом;

в) к экспрессивной – выражение коммуникантом определенных переживаний, эмоции, или обретение их реципиентом [Соколов, 2002: 15-16];

Достижение вышеупомянутых целей является возможным, если содержание акта коммуникации включает в себя: знание и умение, которым обладает коммуникант; стимулы, побуждающие к активности и определенные волевые действия; взаимобмен эмоциональной составляющей коммуникантом и реципиентом [Veneniste, 1985: 52]; Следует отметить также об определенных коммуникативных стратегиях в соответствии с вышеуказанными целями, которыми обладает образовательный дискурс. Выделяются три основных вида коммуникативных стратегий: объясняющая, направляющая и контролирующая [Карасик, 2004: 256]. Помимо этого, образовательный дискурс обладает собственной тематикой, хронотопом и жанром [Денисова, 2008: 33].

Хронотопом образовательного дискурса является конкретное время и место, где осуществляется непосредственно коммуникативный контакт между коммуникантом и реципиентом (школьный класс, учебная аудитория, лекционный зал и др.). В такой ситуации в коммуникации участвует преимущественно один коммуникант (учитель, преподаватель, профессор и др.) и класс, группа (школьники, студенты), то есть реципиент вполне может быть коллективным. В образовательном дискурсе также имеет место и непосредственное индивидуальное общение между коммуникантом и реципиентом (индивидуальная консультация, устная форма экзамена и др.). Респонденты образовательного дискурса могут также быть разделены в пространстве и времени, когда процесс обучения происходит вне учебного заведения или с помощью конкретных пособий для обучения (СРС, дистанционная форма обучения, как часть процесса образования). Своеобразие дистанционной формы обучения состоит в полной или частичной асинхронности взаимодействия между преподавателем и студентом или учителем и учеником, так как происходит на расстоянии, посредством электронных технологий, позволяющих поддерживать коммуникацию между респондентами [Денисова, 2008: 35].

Жанры образовательного дискурса делятся на четыре основных вида: информативные, куда входят такие жанровые образования как: *расписания, объявления, рейтинги, информации для абитуриентов* и др., императивные, куда входят: *нормативные документы, заявления, приказы* и др., этикетные, куда входят: *приглашения, конкурсы, поздравления* и др., и оценочные куда входят: *итоги контрольных работ, аттестаций, результаты сессий* и др. Вышеупомянутые четыре вида жанров, не исчерпывают все задачи коммуникативного про-

цесса, тем не менее являются основными видами жанров в образовательном дискурсе. Так, компонентами речевых жанров образовательного дискурса на микроуровне зависят от роли «образа автора» и «образа адресата», или «коммуниканта» и «реципиента» в зависимости от того, кто осуществляет позицию автора в конкретном тексте. К примеру если преподаватель является автором учебно-методического пособия, сборника задач и упражнений, курса лекций, учебно-методических материалов, относящихся к определенной дисциплине, автором является коммуникант. Школьники и студенты могут быть авторами таких жанров как, реферат, презентация, статья, курсовые и дипломные работы и также выполнять функцию коммуниканта, а преподаватель – реципиента. Здесь следует отметить, что жанры образовательного и научного вида дискурсов тесно переплетены между собой, так как принцип научности является одним из фундаментальных приоритетов классической парадигмы образования [Плеханов]. Следующим компонентом жанров образовательного дискурса является «образ коммуникативного прошлого и будущего». Так, образ прошлого делит все четыре вышеупомянутых вида жанров на инициативные, которые входят в образовательный процесс после осуществления конкретного действия или реакции на другие жанры, например: подтверждение или опровержение, согласие или отказ, разрешение или запрет, благодарность и др. Жанрообразующий вид, образ будущего имеет два альтернативных речевых реакций (да или нет): на просьбу – согласие либо его отказ, на поздравление – благодарность и др. Следующим компонентом речевых жанров по мнению Т.В. Шмелевой является диктумное или событийное содержание. Диктумным содержанием коммуникации является предметно-смысловая исчерпанность. Так, одно и то же содержание текста или речи может быть одновременно представлена в информативном, императивном, этикетном или оценочном формате, тем самым переплетая разные типы между собой. Последним компонентом жанров образовательного дискурса является «языковое воплощение» или «языковая организация», который в свою очередь понимается как набор грамматических и лексических единиц, для идентификации того или иного типа жанра для авторского замысла и свободного конструирования речи или текста в соответствии с условиями коммуникации [Шмелева, 1997: 88].

Заключение. Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы о том, что изучение образовательного дискурса является одним из фундаментальных направлений как в педагогике, так и в лингвистике в целом. Благодаря его особой значимости в образовательном процессе всех уровней, многоаспектностью изучения, сложной системой видов и жанров, конкретным набором стратегий, тематик и целей изучение образовательного дискурса является одним из важных тенденций для современной антропоцентрической парадигмы. Проведение дальнейших исследований позволит сформировать более полную картину об образовательном дискурсе как об особом виде институционального дискурса.

Библиография

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 912 с. – ISBN 5-7859-0027-0. – Текст : непосредственный.
- Богуцкая И. Н. Школьный образовательный дискурс: лингвокультурологические основы его формирования: специальность 10.02.01. «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Богуцкая Ирина Николаевна; Тюменский Государственный Университет – Тюмень, 2010. – 48 с. – Библиогр. : 46 с. – Текст : непосредственный.
- Денисова Н. В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса: специальность 10.02.01. «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Денисова Наталья Владимировна; Томский Политехнический Университет – Томск, 2008. – 46 с. – Библиогр. : с. 33–35. – Текст : непосредственный.
- Дискурс анализ в лингвистике: учебное пособие / Л. В. Екшембеева, Г. К. Исхангалиевна, М. Ш. Мусатаевна, Ж. А. Нуршаихова, Ж. С. Нуржанова. – Алматы : Қазақ Университеті, 2016. – 155 с. – ISBN 978-601-04-2015-1. – Текст : непосредственный.
- Закон Республики Казахстан. Закон об образовании Ведомости Парламента Республики Казахстан: № 56-VII [принят Парламентом Республики Казахстан 27 июля 2007 года] – Нур-Султан : Акорда. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747 (дата обращения: 15.07.2022). – Текст : электронный.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 302 с. – ISBN 5–88234–552–2. – Текст : непосредственный.
- Методы анализа текста и дискурса / Е. Веттер, Р. Водак, М. Мейер, С. Тичер. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 179 с. – Текст : непосредственный.
- Плеханов Е. А. Приоритеты и ценности современного образования / Е. А. Плеханов – URL: <http://ricolor.Org/rus/6/pi/19> (дата обращения: 07.07.2022). – Текст : электронный.
- Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Изд-во В. А. Михайлова, 2002. – 461 с. – ISBN 5-8016-0091-4 – Текст : непосредственный.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. / Е. И. Шейгал – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с. – ISBN 9785733301440 – Текст : непосредственный.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1997. – 89 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422406> (дата обращения: 18.07.2022). – Текст : электронный.
- Benveniste E. On Discourse // The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. / E. Benveniste. – Manchester : Manchester University Press, 1985. – 152 p. – Текст : непосредственный.
- Cannella G. S. Deconstructing Early Childhood Education: social justice and revolution / G. S. Cannella. – New York : Teachers College Press, 1997. – 240 p. – ISBN 0-8204-3452-3 – Текст : непосредственный.

Canella G. S. The Scientific Discourse of Education: predetermining the lives of others: Foucault, education, and children // Contemporary Issues in Early Childhood / G. S. Canella. – New York : Teachers College Press, 1999. Vol. 1, №.1. – 210 p. – ISBN 978-3-319-02243-7 – Текст : непосредственный.

Dijk T. A., van. Discourse and Power / T. A. van. Dijk. – New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p. – ISBN 978-0230574090– Текст : непосредственный.

Nouveau Petit LAROUSSE illustre: dictionnaire encyclopedique / Paris : Librerie LaRousse, 1952. – 1800 p. – Текст : непосредственный.

The Oxford Illustrated Dictionary / – Oxford : Oxford University Press, 1975. – 272 p. – Текст : непосредственный.

Webster's New World Dictionary of the American Language / New York : The world Publ. Co, 1957. – 555 p. – Текст : непосредственный.

**Раздел III. Феномены литературного творчества в лингвориторической парадигме:
речемыслительные аспекты**

**Part Three. Phenomena of Literary Creativity in the Linguistic & Rhetorical Paradigm:
Speech and Cognitive Aspects**

Поэт мысли и слова: взгляд на творчество М. Ю. Лермонтова из XXI века

¹Ананьева Светлана Викторовна

²Джумагалиева Узим Зинешовна

¹Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан

050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29

кандидат филологических наук, доцент

Email: svananyeva@gmail.com

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби

050040, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71

магистр педагогических наук, докторант

Email: uzima8282@mail.ru

Аннотация. Статья, подготовленная в рамках научного проекта AP08855803 «Казахстан и мировое литературное пространство: компаративные исследования», посвящена анализу романа-эссе В. Михайлова «Лермонтов. Один меж небом и землей...», написанного в личностно-лирическом ключе. Жизненный и творческий путь русского поэта XIX века раскрыт В. Михайловым как неизъяснимая по своей притягательности и глубине тайна русской литературы, русской жизни и русской души. Автор романа-эссе, выдержавшего несколько изданий в Алматы и Москве, предпринимает попытку приподнять завесу над тайной поэтического мира М. Ю. Лермонтова, жизнью его души. Русский писатель и поэт Казахстана В. Михайлов воссоздает духовную биографию М. Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: поэт, путь, биография, автор, стихи-пророчества, стиль.

УДК 82.09

The poet of thought and word: a close look from the 21st century at the creativity of Mikhail Lermontov

¹Svetlana V. Ananyeva

²Uzim Z. Jumagaliyeva

¹ The Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

29 Kurmangazy Str., Almaty 050010

PhD (Philology), Associate Professor

Email: svananyeva@gmail.com

²Al-Farabi Kazakh National University,

71 Al-Farabi Avenue, Almaty 050040

Master of Pedagogy, Doctoral student

Email: uzima8282@mail.ru

Abstract. The article written within the research project AP08855803 “Kazakhstan and the Global Literary Space: Comparative Studies”, is devoted to the analysis of the essay novel by Valery Mikhailov “Lermontov. One between heaven and earth...,” written in a personal lyrical style. The life and works of the Russian poet of the 19th century is revealed by Mikhailov as a mystery of Russian literature, Russian life and the Russian soul, inexplicable in its attractiveness and depth. The author of the essay novel, which went through several editions in Almaty and Moscow, attempts to lift the veil over the mystery of Lermontov’s poetic world, over the life of his soul. The Russian writer and poet of Kazakhstan Mikhailov has recreated the spiritual biography of Lermontov.

Keywords: poet, path, biography, author, prophecy poems, style.

UDC. 82.09

Введение. Современным поэтам интересно читать о жизни своих кумиров, о любимых и непревзойденных мастерах художественного слова. Поэт и прозаик из Казахстана Валерий Михайлов вслед за эссе о Юрии Кузнецове и Павле Васильеве обратился к жизненному и творческому пути М. Ю. Лермонтова.

Поэт «пишет прозой о поэте, находя точные слова о стиле М. Ю. Лермонтова» [Ананьева 2015: 64]. Поэт «пишет словно бы не земными словами, а прозрачным, мерцающим светом и воздухом» [Михайлов 2011: 110].

Первое издание романа-эссе В. Михайлова «Один меж небом и землей... О Лермонтове» [Михайлов 2011] вышло в Казахстане. В Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова состоялся «круглый стол» с участием писателей, литературоведов, критиков, преподавателей Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахского национального педагогического университета имени Абая, Казахской Академии искусств имени Т. Жургенова, Академии спорта и туризма, представителей культурной общественности города Алматы, журналистов. «Роман-биография, роман-исследование, книга-молитва вызвала неподдельный интерес присутствующих. Поэт пишет о поэте, углубляясь в его творческое, душевное состояние и тонко чувствуя его... <...>... Академик НАН РК С. Каскабасов подчеркнул восточную направленность творчества Лермонтова и особо тот факт, что в Казахстане продолжают изучать русскую литературу, творчество русских писателей и поэтов» [Ананьева, Савельева 2015: 80].

Материалы и методы. Материалом исследования являются романы-эссе В. Михайлова «Один меж небом и землей... О Лермонтове», «Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие» и «Лермонтов: Один меж небом и землей». Методологической основой исследования избраны историко-генетический и историко-типологический методы, метод вдумчивого чтения литературного текста.

Обсуждение. Как признается в интервью авторам данной статьи автор романов-эссе о Лермонтове, он намного старше своего героя и смотрит «изнутри», а не «извне» (как биографы и литературоведы). Высоко ценит В. Михайлов ранние пьесы М. Ю. Лермонтова, его дар художника и карикатуриста. И проживи поэт дольше, он бы создал произведения, основанные на синтезе высшей духовности и высшей художественности.

Для появления поэзии, убежден В. Михайлов, требуется или обостренное восприятие жизни, или собственный труд, труд души, воплощенный в словесной формуле и форме.

Лирическое *я*, по мнению Л. Арутюнова, «может объективироваться в персонаже, который обретает даже собственный голос и стиль (“Завещание”, “Сосед”, “Узник”); оно обретает конкретность, реальность, как бы “рассредоточено” вовне его – и тем не менее художественный мир воссоздает все те же изменчивые и личные состояния души, отношение и позицию автора к воссоздаваемым им конкретным явлениям. Поэтому реальность позднего Лермонтова продолжает быть субъективной и символической, она есть символ, отпечаток, слепок его души и мысли» [Арутюнов 1981: 351].

Пронзительно по глубине чувств «Завещание» М. Ю. Лермонтова:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить! [Лермонтов 1981: 44].

Лирический герой посылает поклон родному краю, успокаивает родителей:

Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали [Лермонтов 1981: 44].

Тем самым и В. Михайлов, и Л. Арутюнов опираются на «концепцию внутреннего мира художественного произведения и его соотнесенность с другими литературоведческими категориями» [Егорова 2020: 151], созданную Д. С. Лихачевым, который «подчеркивал различия между фактом действительности и фактом литературным» [Егорова 2020: 151].

Лермонтов – странник и герой, бросающий вызов судьбе. Он искал идеал в любви, но в земной женщине найти его было невозможно. Перед ним, по мнению В. Михайлова, высказанному в интервью авторам данной статьи, не стоял вопрос: как писать – прозой или стихами. Главное, какого воплощения требовал замысел художественного произведения. Каждое свое произведение поэт доводил до совершенства.

В последние годы М. Лермонтов вел себя так, словно впереди, в запасе у него много жизней. Ему словно хотелось заглянуть в будущее, за роковую черту. Он уже все изведal и испытал: и муки творчества, и любовь, и упоение в бою... Предельный риск обострял чувства.

Вслед за А. С. Пушкиным он защищал на дуэли честь русского поэта.

Гений неисчерпаем. Это и доказывает русский поэт всем своим творчеством, запечатленный только в слове.

Как считает сам В. Михайлов, в московских изданиях, дополняя текст, увидевший свет в Алматы, он уделяет внимание все большей роли божественного как предвидения: «Ум не в силах разгадать тайны бытия, обещанные Богом, и только сердце, в созерцании ночных звёздных небес, чует, как не пустынно то, недостижимое. Жизнь сулит лишь одно – нескончаемость печальных дум в этом бесконечном познании...» [Михайлов 2014: 26].

Поэзия Лермонтова казахстанским исследователем прочитана заново, доказательно и убедительно. Проведены интересные параллели. Исследователи творчества Лермонтова заметили, что при всех внешних сходствах «Ночей» с байроновскими стихами «Тьма» и «Сон» «разница между ними существенная: картины гибели жизни на земле Байрон воспринимает как сторонний наблюдатель, у Лермонтова же авторское *я* – главное действующее лицо. И ещё: в отличие от английского поэта Лермонтов близок к бунту против земного существования и устроенного небом мирового порядка. Понятно, что чтение Байрона только подтолкнуло его к тому, чтобы высказать всё, что было в собственной душе, со всей откровенностью, прямоотой и правдивостью, не

стесняя себя жестокостью выражений и по отношению к самому себе, и ко всему на свете» [Михайлов 2014: 26].

Лермонтов «предсказывал свой скорый конец, видел вещие сны. Гибель двух величайших русских поэтов, Пушкина и Лермонтова, случившаяся чуть ли не подряд, с разницей всего в четыре года, – разве она не была страшным знаком для всей страны? Поэт – сердце нации, ее символ. Когда убивают поэта, попадают в самое сердце народа. И разве до сих пор не идет, не продолжается то, что, казалось бы, так очевидно прочитывалось в этих двух событиях?», – задает риторический вопрос автор книги «Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие» [Михайлов 2011: 5].

Постичь Лермонтова невозможно. В своем стремлении раскрыть тайну Лермонтова В. Михайлов, по его словам, отходит от жанра беллетризованной биографии, пытается понять творения русского поэта, что и помогает открывать личность художника.

Роман-эссе В. Михайлова о Лермонтове вошел в комплект подарочного издания «Молодой гвардии». «Поэтическая Россия» объединила биографию А.С. Пушкина, написанную Н. Скатовым, жизнеописание Ф. Тютчева – В. Кожановым и книгу о Лермонтове В. Михайлова.

Заключение. Гений творит себя сам. «Условия его существования и воспитания, среда и эпоха влияют на его формирование, но и он, в свою очередь, своим искусством создает, опережая время, новое открытие человеческих возможностей. И более всего благодаря индивидуальной специфичности художественного мира, имеющего самодовлеющую ценность» [Арутюнов 1981: 344].

Книги о Лермонтове В. Михайлова А. Большакова характеризует как редкие «по своей интеллектуальной напряженности попытки проникнуть в тайное тайн поэтического мира. Интуицией прозреть то, что можно разуть. Свое проникновение в мир Лермонтова автор книги выстраивает по двум сопряженным линиям. Первое – это осмысление фактов биографии: от самого рождения до трагического конца. Причем внешняя канва жизни «счастливого и беззаботного на вид юноши» причудливо переплетается со скрытой драмой его духовного бытия, глубины которого раскрылись лишь в творчестве. Вторую линию книги составляет филологическое прочтение лермонтовских текстов. Каждый из них, будучи пропущенным сквозь биографические факты и события, сквозь саму атмосферу лермонтовского времени, словно заново рождается на наших глазах» [Большакова 2021: 75].

Мы разделяем мнение А. Большаковой по поводу того, что название романа-эссе В. Михайлова «Один меж небом и землей...» более удачно, чем «Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие».

Несомненно, биография творчества М. Ю. Лермонтова, талантливо воссозданная В. Михайловым и представляющая взгляд на судьбу и творчество поэта из века XXI-го, будет в центре научных исследований не одного поколения литературоведов разных стран мира.

Библиография

Ананьева, С. В. «Навлет Родина сквозит...» Поэтический образ России в творчестве Валерия Михайлова / С. Ананьева // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20. – С. 63–68. – Текст : непосредственный.

Ананьева, С., Савельева, В. Русская литература / С. Ананьева, В. Савельева // Современная литература народа Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы : Evo Press, 2014. – С. 70–158. – ISBN: 978-601-230-046-8. – Текст : непосредственный.

Арутюнов, Л. Художественный мир Лермонтова / Л. Арутюнов // Лермонтов, М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Художественная литература, 1981. – С. 341–361. – Текст : непосредственный.

Большакова, А. Один меж небом и землей / А. Большакова // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы : Press Co, 2021. – С. 75–76. ISBN: 978-601-354-033-7. – Текст : непосредственный.

Егорова, Л. П. История филологии: учеб. пособие / Л. П. Егорова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. – 194 с. – ISBN: 978-5-88702-656-5. – Текст : непосредственный.

Лермонтов, М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Художественная литература, 1981. – 364 с. – Текст : непосредственный.

Михайлов, В. Один меж небом и землей... О Лермонтове / В. Михайлов. – Алматы : Мектеп, 2011. – 400 с. – ISBN: 978-601-293-252-2. – Текст : непосредственный.

Михайлов, В. Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие / В. Михайлов. – Москва : Алгоритм ЭКСМО, 2011. – 464. – ISBN: 978-5-699-50562-3. – Текст : непосредственный.

Михайлов, В. Лермонтов: Один меж небом и землей / В. Михайлов. – Москва : Молодая гвардия, 2014. – 624 с. – ISBN: 978-5-235-03567-6 – Текст : непосредственный

Стилистические особенности построения художественного образа (на примере англоязычных текстов)

Бондаренко Александр Иванович

Самарский государственный институт культуры
443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167
кандидат педагогических наук, доцент
Email: alexbond.55@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению глагольных конструкций в англоязычных текстах, определению концепции произведения, созданию художественного образа.

Ключевые слова: глагольные конструкции, концепция, художественный образ, «я-самость», миропонимание.

УДК 82.01:821.111

Stylistic features of constructing the artistic image (based on examples from English texts)

Alexander I. Bondarenko

Samara State Institute of Culture
167 Frunze Str., Samara 443010
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: alexbond.55@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying verb constructions in English texts, determining the concepts of literary works, and creating artistic images.

Keywords: verb constructions, concept, artistic image, “me-self”, worldview.

UDC 82.01:821.111

Введение. Формирование авторского стиля писателя неразрывно связано со становлением его художественного сознания.

Художественное сознание как психический процесс имеет специфическую форму и систему восприятия. По определению, его отличает особый статус каждого из компонентов:

- художественное мироощущение;
- художественное мировосприятие;
- художественное миропредставление;
- художественное миропонимание.

Все перечисленные компоненты образуют структуру художественного сознания.

Художественное миропонимание является частью общего мировоззрения индивида, т. е. его концептуальных, теоретических представлений, связанных с ценностно-смысловой оценкой мира. Оно неразрывно связано с понятием «самости» (К. Юнг, З. Фрейд, Г. С. Салливан, Б. Ф. Скиннер, Ф. Перлз, С. Гроф, К. Уилбер, Т. Маккена), с проблемой «Я-концепция», «Я-образ», т.е. системой представлений индивида о самом себе, осознаваемой, рефлексивной частью личности, устойчивом представлении о самом себе, а также активном проявлении подсознательного как формы творческого самовыражения. Противопоставляя себя задачам и целям искусства, «Я-концепция» может проявляться как удобная форма приспособления к действительности, привлечения внимания к «Я-личности», занимать соглашательскую позицию и переходить в «мы», теряя свою «самость».

В структуру художественного сознания входят следующие компоненты:

- авторский индивидуальный стиль осмысления и ретрансляции события;
- язык автора, индивидуальные лингвистические, музыкальные, звуковые, цветовые, пространственные приемы, выработанные самим автором;
- пластические формы мышления полисемантического охвата пространства-времени;
- индивидуальная внутренняя интонация и звучание пластической идеи;
- система художественного психического восприятия и созерцания с последующей фиксацией образа;
- особая знаково-символически-образная форма мировосприятия и осмысления пространства-времени;
- парадоксальность мышления.

При изучении стилистических особенностей оригинальных текстов англоязычных авторов удалось выявить способы и индивидуальные приемы создания художественных образов героев произведений, их психологических состояний, мотивов, устремлений, характеристики поведения и взаимодействия с окружающей средой и, главное, ведущей концепции автора [Бондаренко 2021: 25–30].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили следующие произведения: “The Old Man and the Sea”, E. Hemingway. Progress Publishers. Moscow 1967; “The Collector”, J. Fowles. Vintage Books. London. 2020; «Harry Potter and the Sorcerer’s Stone», J.K. Rowling. Scholastic Inc.2013; «The Green Mile», S. King. Orion Books 2021.

Для решения поставленной задачи использовался метод стилистического анализа, статистический метод (частоты использования автором глагольных конструкций), нарративный анализ текста и семиотический ана-

лиз вскрытия кодов (смыслов) мотивов поведения героев [Александрович 2016: 112; Дробинин 2021: 48; Леонтович 2011: 224; Никитина 2019: 200].

Обсуждение. В ходе исследования в оригинальных текстах были выявлены наиболее часто употребляемые глаголы, глагольные конструкции и выражения, которые, на наш взгляд, наиболее полно раскрывают характеристики героев и мотивы их поведения. Мы выделили следующие глаголы: to look (смотреть), to see (видеть), to watch (наблюдать), а также их конструкции и сочетания в различных ситуациях поведения героев. В связи с большим количеством полученного статистического материала, мы ограничились только некоторыми выдержками в качестве примера. Автор статьи дает свой перевод и интерпретацию текстов писателей, независимую от многочисленных вариантов перевода другими специалистами, с целью высказать свое понимание концепции литературного произведения.

По первому произведению, *“The Old Man and the Sea”*, *E. Hemingway*, были получены следующие результаты:

с. 33. “...sad to see the old man...” (...это заставляло мальчика с досадой и печалью смотреть на старика...);

с. 36. “...the old man looked at him...” (...он посмотрел на мальчика любящими глазами...);

с. 38. “...lonely to see...” (...такая ностальгия, увидев портрет жены...);

с. 70. “...he looked ahead and saw...” (...он вглядывался вперед, сквозь ветер и облака и видел...);

с. 70. “...he looked across the sea and knew how...” (он окинул просторы моря и осознал, что теперь был один...);

с. 70. “...he looked at the sky and saw...” (он разглядывал кучевые облака, такие знакомые и дружелюбные стаканчики мороженого);

с. 71. “...the old man saw...” (старик увидел... устрояющий хвост...) и т.д.

Разнообразие значений глагольных сочетаний раскрывает характер отношений между героями, их состояния, и выстраивает особую модель взаимодействия с Природой через олицетворение ее персонажей. В разных глагольных конструкциях используется глагол «to watch» (наблюдать): the man watched the dip...; watch the lines... (с. 49), he watched the bird...; he watched the flying fish... (с. 51), который в текстовых ситуациях имеет различное значение: вглядываться, следить, провожать взглядом и т.д. Глагол содержит ярко выраженную окраску направленности действия и пристального наблюдения за предметной средой и меняющимися обстоятельствами. Кроме того, глаголы меняют предлоги: ...looked down into ..., ...looked straight into..., ...looked up... (с. 50, 51, 53) и приобретают новое семантическое разнообразие.

По второму произведению, *“The Collector”*, *J. Fowles*, были выявлены следующие связки:

с. 9. “...used to see...”; «...used to look...»; «...look once...»; «...could watch...»; «...could see...» (с разными значениями: обычно смотрел, как-то видел, мог наблюдать и т.д.). Глагольные конструкции постепенно выстраивают подготовку героя к совершению действия – похищению героини; в других ситуациях, через иную модальность, звучит его попытка оправдать свои действия:

с. 10, 12, 15, 16: “...looked after...”, “...looking tired...”, “...look at...”, “...down to see...”.

По третьему произведению, *“Harry Potter and the Sorcerer’s Stone”*, *J. K. Rowling*, были установлены следующие связки с глаголом “notice” (замечать):

с. 2, 3, 10, 11: “...noticed a large...”, “...noticed the first...”, “...have noticed something...”, “...not to notice...”, “...noticed the first sigh...”, “...couldn’t help noticing...”. В значениях этих глагольных конструкций содержится скрытое, «таинственное» наблюдение, подглядывание, неопределенность и предполагаемость действия. Выбор глаголов предопределен сказочностью сюжета. В тексте появляются более эмоционально окрашенные выражения:

с. 2, 3, 7, 8, 9, 11, 13: “...he didn’t realize what he had seen...”, “... his eyes fell on a huddle...”, “...was enraged to see...”, “...he eyed him angrily...”, “...peered down into the...”, “...eyes fixed unblinkingly...”, “...looked distinctly ruffled...”, “...she threw a sharp...”, “...sideways glance...”, “...shot a sharp look at...”, “...fixed with such a piercing stare...”, “...looking very seriously...”.

В используемых моделях обнаруживается не просто сопровождение действия аурой таинственности и мистичности, а совершается акт волшебного осмысления происходящего и выстраивается своеобразное ценностное отношение к человеческой «самости» и сущностному содержанию бытия.

По четвертому произведению, *“The Green Mile”*, *S. King*, была обнаружена следующая частота глагольных конструкций:

с. 1, 13–17, 18–21: “...turning an irritable eye on a...”, “...it’s time to look for a new one...”, “...would see it rising in their eyes...”, “...the eyes, wide and blazing behind...”, “...they were the eyes of a woman...”, “...if you looked inside it...”, “...care enough to look them out...”, “...kept looking around as if...”, “...looked like a Black Samson...”, “...gave me a look that said...”, “...not to look or sound...”, “...his eyes found me...”, “...look up and down...”.

Автор произведения создает напряженную психологическую обстановку за счет «бегающих», неуспокоенных, метущихся в пространстве глаз, тревожных взглядов, нагнетающих безысходность настроения в ожидании предстоящих событий.

Предвидя возможную встречную, противоположную аргументацию оппонентов по поводу авторской интерпретации и перевода оригинальных текстов, автор статьи предлагает обратиться к сборнику стихов Р. Фроста [Фрост 1986], в котором представлены оригинальные тексты и варианты переводов одних и тех же стихотворений более чем десяти переводчиков. Нужно отметить, что каждый перевод – новое художественно-пластическое «видение» концепции поэта. Как пример, перевод одного из стихотворений Р. Фроста “Devotion” можно представить в следующих вариантах:

Таблица 1 – Варианты перевода “Devotion”

<p>DEVOTION The heart can think of no devotion Greater than being shore in the ocean- Holding the curve of one position, Counting an endless repetition.</p> <p style="text-align: right;"><i>Robert Frost</i></p>	<p>ПОСТОЯНСТВО Да будет сердце постоянно, Как будто берег океана, Оставшийся самим собою Средь вечных перемен прибою.</p> <p style="text-align: right;"><i>Перевод Б. Хлебникова</i></p>
<p>ДОЛГОТЕРПЕНИЕ Нельзя желать мне большего терпенья, Чем мощный берег бьется с океаном, Где каждый всплеск волны – одно мгновенье. Так бесконечно и мое терпенье.</p> <p style="text-align: right;"><i>Перевод автора статьи</i></p>	<p>САМООТВЕРЖЕННОСТЬ Пусть сердце каменным считают, Как этот берег в океане. Его и волны не сдвигают, От плеска их он тверже станет.</p> <p style="text-align: right;"><i>Перевод автора статьи</i></p>

Мы не претендуем на художественное совершенство формы, но все же постарались сохранить «идею» поэта, где смысл в его названии: преданность, приверженность, самоотверженность, самоотдача. Стилистический анализ текста не ограничивается глагольными конструкциями. Лингвистический инструментарий позволяет использовать весь арсенал методических приемов для установления истинного концепта произведения.

Заключение. В результате анализа текстов удалось установить, что все герои объединены одной идеей выживания и поставлены в общую ситуацию выбора. Э. Хемингуэй показывает единство человека и Природы, где «я-самость» растворена в этом Мире (море), и человек находится в диалоге с птицами и рыбой, несмотря на суровый поединок со стихией. В героях раскрываются самые лучшие качества человеческой эмпатии к этому Миру.

У Дж. Фаулза сущность «я-самости» коллекционера – это эгоистическое присвоение чужой «самости», насилие над личностью, лишение другого человека права на самостоятельный выбор и превращение его в предмет своей коллекционной страсти. И здесь вырисовывается иной, противоположный концепт отношения к Миру, не единства, а его поглощения и безумной манипуляции различными формами самооправдания этого выбора.

Герой Дж. К. Роулинг – фантастическое противопоставление «я-самости» Миру зла, последовательность и механизмы движения которого позволяют неумолимо захватывать социальное сознание. Более того, раскрывается перерождение человеческой сущности, превращение одной «самости» в абсолютную противоположность. Поэтому единство «я-самости» и Мира достигается через сложную цепочку выборов и решений.

Роман С. Кинга – одна из форм парадоксального мышления, одного из оснований искусства, позволяющего моделировать пространство-время и создавать особую синтетическую среду, в которой «я-самость» может приобретать различные сущности. Здесь «я-самость» оказывается незащищенной перед Миром, но именно это ее проявление значительно влияет на среду и трансформирует общественное сознание в понимание новых ценностей.

Использование глагольных или иных конструкций и частей речи для стилистического анализа является лишь одним из приемов для достижения цели исследования, однако как показали варианты переводов Р. Фроста, самая сложная задача заключается в дальнейшей интерпретации смысла самого текста. Например, на наш взгляд, переводы М. Лозинского и И. Ивановского в поэтической мощи и образности значительно уступают переводам Б. Пастернака и С. Маршака, в которых, как и следует гениям, появляется новая неожиданная семантика смыслов и образов, расширяющих понимание авторского текста писателя. Как ни парадоксально, для них образ в англоязычном тексте сам становится мотивом для творческого переосмысления и создания своего образа. Нам кажется, это особая тема исследования, которая ближе к художественному переводу и затрагивает области психосемантики, языкознания, философии, культурологии и социологии.

Библиография

Александрович Н. В. Стилистический анализ художественного текста. Теория и практика. – Москва : Флинта, 2016. – 112 с. – ISBN 978-5-9765-1974-98. – Текст : непосредственный.

Бондаренко А. И. Фундаментальные основания искусства как вида жизнесохранной деятельности // Мировоззренческие основания культуры современной России : сборник научных трудов XII Международной научной конференции, 14–16 мая 2021 г. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2021. – С. 25–30.

Дробинин Г. Д. Нарратологический анализ текста. – Самара, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-6045663-2-9. – Текст : непосредственный.

Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. – Москва : Гнозис, 2011. – 224 с. – ISBN 978-5-94244-042-8. – Текст : непосредственный.

Никитина Е. С. Смысловой анализ текста: психосемиотический подход. – Москва : Ленанд, 2019. – 200 с. – ISBN 978-5-9710-2929-8. – Текст : непосредственный.

Фрост Р. Стихи. Сборник. / Сост. и общ. ред. перев. Ю.А. Здорова. – На англ. яз. с параллельным русским текстом. – Москва : Радуга, 1986. – 432 с. – ISBN 5-05-000556-6. – Текст : непосредственный.

Fowles, J. The Collector. – Vintage Books. – London, 2020 – ISBN-978-0-099-47047-2. – Текст : непосредственный.

Hemingway, E. The Old Man and the Sea. – Progress Publishers. Moscow, 1967.

King, S. The Green Mil. – Orion books 2021. – ISBN-978-0-575-08434-6. – Текст : непосредственный.

Rowling, J. K. Harry Potter and the Sorcerer’s Stone. – Scholastic Inc. 2013– ISBN-978-1-338-29915-1. – Текст : непосредственный.

Номадические мотивы в лирике Б. Каирбекова

¹Демченко Алена Сергеевна
²Нурмаганбет Карлыгаш Ертаевна

¹Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан
050000, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71
кандидат филологических наук, доцент
Email: alenchika@mail.ru

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан
050000, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71
докторант
Email: inyaz.kz@mail.ru

Аннотация. В русле постнеклассической рациональности номадизм целесообразно рассматривать в трех аспектах: социокультурном, философском, транскультурном. В первом случае номадизм рассматривается как особый тип организации социальной супер-системы со специфическим типом хозяйствования и бытийствования. Во втором – это пересборка научной картины мира, в соответствии с которой происходит наращивание ризоматического потенциала знания. В третьем случае мы имеем дело с феноменом транслингвизма как одного из проявлений культурной мобильности писателя. Каждый из этих методов способен стать продуктивным способом познания и интерпретации литературного произведения. Мы попытались продемонстрировать, как происходит моделирование художественного дискурса творческой билингвальной личности – писателя и режиссера Бахыта Каирбекова. Используемые нами методы – диахронический анализ, текстовая выборка, транскультурный анализ художественного текста – стали релевантными инструментами, благодаря которым удалось подтвердить выдвинутую нами гипотезу.

Ключевые слова: мотив, номадизм, транслингвизм, культурно мобильные писатели.

УДК 81'246.3

Nomadic motifs in the lyrics of Bakhyt Kairbekov

¹Alyona S. Demchenko
²Karlygash Ye. Nurmaganbet

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71 Al-Farabi Avenue, Almaty 050040
PhD (Philology), Associate Professor
Email: alenchika@mail.ru

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71 Al-Farabi Avenue, Almaty 050040
Doctoral student
Email: inyaz.kz@mail.ru

Abstract. In line with post-non-classical rationality, nomadism should be considered in three aspects: socio-cultural, philosophical, and transcultural. In the first case, nomadism is considered as a special type of organization of a social super-system with a specific type of management and being. In the second case, it is a reassembly of the scientific picture of the world, according to which the rhizomatic potential of knowledge is being built up. In the third case, we are dealing with the phenomenon of translanguaging as one of manifestations of the writer's cultural mobility. Each of these methods can become a productive way of cognition and interpretation of a literary work. The authors tried to demonstrate how the artistic discourse of a creative bilingual personality – the writer and director Bakhyt Kairbekov – is modelled. The methods used – diachronic analysis, text sampling, and transcultural analysis of literary texts – proved to be relevant tools for the research, allowing the researchers to confirm their hypothesis.

Keywords: motive, nomadism, translanguaging, culturally mobile writers.

UDC 81'246.3

Введение. Разрабатывая теорию номадизма в рамках постнеклассической рациональности, мы упоминали, что одним из эвристических векторов в заданных координатах может стать исследование творчества культурно мобильных писателей – людей, чья идентичность выходит за пределы монолингвальных парадигм. В современной мировой науке писатели, использующие ресурсную базу усвоенного языка для передачи этноспецифического содержания, квалифицируются как транслингвальные [Kellman 2020]. Термин был впервые введен исследователем Сан-Антонио (США) С. Келлманом и поддержан впоследствии рядом крупных ученых, в том числе Дж. Хансен, Н. Львович, П. Антинуччи и др. В российской науке направление транслингвизма и художественного билингвизма активно разрабатывается У. М. Бахтикиреевой, З. Г. Прошиной, З. А. Кучуковой, М. В. Тлостановой, Е. Н. Кремер, Т. А. Лупачевой и др.

Транслингвальная ситуация всегда самобытна и индивидуальна. У.М. Бахтиреева предлагает говорить в этом случае о языковой онтологии личности как индивидуальном феномене, осознание которого способно привести к пониманию специфики целого этноса [Бахтиреева 2020: 83]. Транслингвальный текст современные исследователи дефинируют по-разному; большинство из них сходится во мнении, что это семиотическое пространство особой этиологии, в котором не происходит полного смешения гетерогенных «полей», но возникает зона их взаимного притяжения, отталкивания и циркуляции. Одно лингвокультурное поле не поглощает и не вытесняет другое: сквозь усвоенный язык «просвечивают», как в палимпсесте просвечивает архисюжет, паттерны и мотивы исходной культуры [Валикова, Шагимиреева, Кулиева 2020: 230], [Прошина 2017: 155].

Вероятно, писатель, находящийся на стыке культур, зачастую чувствует себя не только «посредником между мирами», но и всюду чужим, отчасти – детерриторизированным индивидом без принадлежности к конкретному «этнодому». Так, известный казахстанский поэт, эссеист, режиссер Бахыт Каирбеков задается вопросом: «Почему я по-русски пою?».

Е. Н. Кремер по этому поводу пишет: «Тем самым [поэт] выражает боль, вызванную оторванностью от жизни предков. Как и многим другим русскоязычным поэтам Казахстана, Каирбекову присуща мысль об измене своему народу. Мы убеждены, что эта измена – мнимая, так как сожаление, сопряжённое с раскаянием, выявляет истинный патриотизм поэта и его национальное самосознание, которые выражаются не в умении ловко пользоваться языком, данным по праву рождения, а в любви к Родине, в стремлении пропагандировать духовные ценности своего народа, что в поэзии Бахыта Каирбекова выражено не менее остро, чем у пишущих на казахском языке» [Кремер 2010: 203].

Материалы и методы. Наша гипотеза заключается в следующем: современные писатели (как казахстанские, так и мировые) – это языковые личности новой формации, которых закономерно определять как транскультурных. В результате номинализм правомерно рассматривать не только как определенный тип жизнеположения (вспомним концепцию кочевничества Д. Г. Гачева), но и как внутреннюю установку языковой личности к внутренним (а иногда и внешним) транскультурным миграциям, в результате которой рождается художественный текст нового уровня сложности – семиотически комплетативный, открытый, априори диалогизированный, не детерминированный монолингвальной парадигмой. Мы произведем ряд исследовательских операций, используя следующие методы:

- дескриптивный анализ концептуального поля термина «номадизм»;
- диахронический и синхронический обзор существующих концепций номадизма;
- выборку текстов, на материале которых возможна реконструкция концептуальных оснований номадизма.

Обсуждение. Несмотря на то, что языком овнешнения для Б. Каирбекова является русский, мотивы его творчества глубоко национальны. Мы неслучайно затронули тему номадического мотива: кочевой уклад, кочевой дух пронизывает лирику поэта как на уровне хронотопа, так и на уровне субъектной организации текста. Прежде, чем рассмотреть реализацию указанного мотива, определим для себя несколько теоретических предпосылок.

1. Под номадизмом мы понимаем совокупность факторов, которая приводит к специфическому способу миропостижения путем постоянного перемещения коллектива в пространстве. Для того, чтобы номадический принцип был реализован, требуется соблюдение нескольких условий:

- А) соответствующая организация географического и природно-климатического пространства;
- В) определенный (кочевой) способ передвижения;
- С) конкретный тип хозяйствования;
- Д) аутентичность культуры;
- Е) организация коммуникации, закреплённая в специфике языка.

Исследователи задаются вопросом, чем порожден сам тип номадического существования этноколлективов: способом производства, в основе которого лежит скотоводство, или повышенной адаптивностью к оседлым мир-империям? Еще один важный вопрос касается наличия у номадов собственной государственности: в силу отсутствия управленческо-рестрибутивного аппарата экономические процессы протекали в рамках отдельных хозяйств; давление на кочевника могло привести к его откочевке; каждый номад был также воином. Совокупность кочевников представляла собой ксенократическую систему в действии.

Номадические общества представляли собой амбивалентные организации: исходя из своих завоевательных интенций отобрать «излишки» экономического характера у земледельцев, они воспринимались как деспотичные государственноподобные системы, однако изнутри как система основывалась на племенных связях без налогообложения и эксплуатации скотоводов. Власть правителя была не консенсуальной; она зависела от его способностей распределять доходы от торговли, набегов и военной экспансии. Это сверхсложное общество без бюрократического центра управления.

Территория суперсложных вожеств кочевников была в сотни раз больше площади, необходимой вождествам земледельцев: управление такими пространствами облегчалось спецификой степного ландшафта и наличием мобильных животных. Как пишет Т. Барфилд, «Лошади были жизненно необходимы для успеха номадных сообществ во Внутренней Азии, поскольку они позволяли быстрое передвижение на огромные расстояния, допуская связь и кооперирование среди народов и племен, которые, по необходимости, были сильно рассеяны. Степные лошади были малы и крепки, жили на открытом воздухе всю зиму, обычно без фуража. Они обеспечивали второстепенный источник мяса, а кислое кобылье молоко (кумыс) был любимым напитком степи.

Лошади играли особенно большую роль в военных подвигах номадов, придавая их небольшим отрядам подвижность и силу в битвах, которые позволяли им наносить поражения намного превосходящим силам про-

тивника. Эпос народов Внутренней Азии воспел образ коня, а принесение лошадей в жертву было важным ритуалом в традиционных религиях степняков. Человек на спине лошади стал истинным символом номадизма, и как метафора вошел в культуры соседних оседлых сообществ» [Барфилд 2002].

Из перечисленных выше теоретических положений мы можем сделать предварительный вывод о наиболее рекуррентных для представителя кочевой культуры мотивах: хронотопе степи, мотиве кочевья, мотиве коня, свободы, ветра – атрибутивов широкого степного пространства.

Мотив – элемент наррации, своего рода «двигатель сюжета», который сообщает произведению некоторую пропозициональность – то есть событийность. Он может быть актуализирован как на уровне акцентуации смыслов – например, в метатекстовом комплексе заголовка, так и в определенных образах, в частности, архетипических. Рассмотрим стихотворение Б. Каирбекова «Степь».

Степь

Мне вольность гордая твоя
И жгучих трав родная горечь
Вновь перехватывает горло –
Петь об одной тебе веля.

Забуду я покой и грусть,
Столицы щедрые посулы,
И вновь кочующих аулов
На спину мне навьючен груз.

В крови кумыс взиграет вновь
Той самой гордой кобылицы,
Что по степи промчалась птицей,
Познав нежданную любовь.

Во мне твой голос победит, Строкой звенящей отзовется, –
Я буду петь:
Пусть в горле бьётся
Полынный ветер, –
Сердце рвётся
В простор разбуженной степи!

На уровне внешней организации текста стихотворение соответствует правилам классического русского стихосложения: оно написано в силлабо-тонической системе с соответствующим делением на строфы. Такой принцип архитектоники нетипичен для казахской поэзии, которая, как правило, восходит к протоэлементам бытия и сакральной геометрии. Так, один из ключевых принципов организации стихотворения – *ожук дажы* (камни очага) – трехстишие. В символике числа «три» заключена идея о трех уровнях мироздания: нижнем, в котором правит коварный и находчивый Эрлиг, срединный, «мир сынов человеческих» (именно так повествует об этом мире надгробная стела Кюльтегина), и верхний, мир божественного и справедливого правления Тенгри. Архимотивом стихотворения выступает мотив степи.

Степь в произведении одушевлена; лирический герой обращается к ней как к существу, наделенному душой, разумом и волей. Местоимение-обращение «твоя» создает между героем и степью отношения интимизированного характера: они близки, доверительны, трепетны.

«Гордая вольность», велящая поэту воспевать родные просторы, «родная горечь» трав рождают в сознании читателя многочисленные ассоциации и параллели, которые привносят в звучание стихотворения дополнительные смыслы. С одной стороны, знаток казахской литературы вспомнит многочисленные корреляции с образом извечной степной травы – полыни, в то время как русский читатель, вероятно, обратится к стихотворению А. Майкова «Емшан», повествующему о том, как горький запах родной травы – образ-концентрат, вобравший в себя всю сущность отчего края – заставил вернуться хана из сытой чужбины в родные степи.

Во второй строфе появляется мотив кочующих аулов – однако его реализация неожиданна, отчасти метонимична. Кочующие аулы знаменуют известную номадическую модель сезонных перемещений вслед за стадом: от летнего пастбища (жайляу) к осеннему (куздеу), оттуда – к зимовке (кыстау), и вновь к весеннему кочевью.

Кочующие аулы непременно связаны с мотивом юрты – жилища номада, организованного вокруг шанырака – вертикального «столба-отверстия», обеспечивающего кочевнику не только циркуляцию воздуха, но и хорошую слышимость. Если культура земледельца зрительна (достаточно «всмотреться» в слово «окно», внутренняя форма которого связана с «оком»), то культура кочевника – это культура слуховая. И юрта – мобильный микрокосм номада – ориентирована на реализацию этой функции.

Но неожиданность мотива в данном случае не в этом; груз кочующих аулов навьючен лирическому герою на спину – сам он уподобляется либо коню, либо верблюду – двум священным животным космоса казахской культуры. О том, что перед нами разворачивается иппический мотив, свидетельствует третья строфа, в которой звучит мотив кобылицы (сравнение которой с птицей – а это сравнение творительного падежа, восходящее к древнерусским летописям и «Слову о полку Игореве» – контекстуально «подпитывается» от русской культуры) и кумыса – особого продукта кочевой степи.

Кумыс, или молоко степной кобылицы, обладает бодрящим и хмельным эффектом; такова и кровь поэта, которая при встрече с родной степью начинает кипеть от восторга.

Степь для лирического героя Каирбекова – источник вдохновения и творчества, она отзывается в нем «звонящей строкой». В стихотворении «Степь – многотравный простор» также несколько примечательных особенностей.

Первая – его овнешнение средствами русского языка при полной сохранности архижанровой формы «ожук дажы» («камни очага»). Каирбеков выступает здесь как номад семиотических пространств: он мигрирует между двумя этнокультурами, но даже на территории «миграций» несет в себе «свой дом» (вспомним метафору Делеза) – субстрат родной культуры, которая кристаллизована в жанровом решении произведения. Русский язык как коммуникативный выход в пространство широкой рецепции – и пронизанность текста кодами исходной культурной онтологии генерируют номадологию, о которой мы рассуждали выше.

Три строфы, организованные по жанровому принципу «ожук дажы», восходят к тенгрианской идее о триединстве мироздания: Среднем, Верхнем и Нижнем мирах. Однако взаимопроницаемость элементов и синергетическое пространство номадизма рождается не только на уровне архитектоники целого. Каждый из элементов стихотворения – воспроизведение «кадра» кочевой жизни. Степь – топос бытийствования кочевых цивилизаций, атрибутированная эпитетом «многотравный» (протор) – аллюзия на устойчивый элемент «ала» («пестрый»), что в миропонимании кочевника – символ изобилия и благословения. «Горизонты походов травы» – еще один важный элемент стихотворения. Каирбеков не ошибся в выборе лексемы из деривационной цепочки однокоренных слов: именно «походы», а не «восходы» травы рождают перед читателем образ многотысячного войска во весь горизонт («тьмы, и тьмы, и тьмы»). Перед нами возникает орда – единое, цельное, подвижное, необъятное образование, готовое продолжить свою экспансию вширь познанных и неизвестных пока миров. Таким образом, в нескольких строках стихотворения принцип номадизма реализован во всех трех векторах: реальном социокультурном, метамодернистском, культурно-мобильном.

Мир кочевья для лирического героя Каирбекова одновременно «родной» и непознанный: он, житель суетливой столицы, говорящий по-русски, не играющей на домбре, словно стесняется своего незнания:

Степь. Цикады. За речкою юрта.
Полог поднят.
Кизяк задымил...
Мир кочевья – родного уюта –
Где я не жил...
И вроде бы жил.

Тень мою угловатую тонко
Тусклый свет на ковре удлинил.
Не допел я, –
Спросила сестрѐнка,
Будто сам у себя я спросил:

Почему на домбре не играю?
Почему я по-русски пою?..
Вот, глазастая стала какая,
Чуть примолкла, и вновь «почему?»

– Почему испугался ужонка,
Насмешил своим криком аул?
– Почему, – показала ручонкой, –
Так неловко держу пиалу?

Степь и ночь...
Степь и ночь...
И – дорога
Вдаль уходит в накрапах копыт...
Постою под луной у порога:
Что-то долго сестрѐнка не спит.

Описывая уникальное мировосприятие кочевника, Б. Каирбеков пишет:

«... народ... не просто кочует, а живѐт в этом кочевом состоянии.

Линия жизни русского человека – дойти до цели, достичь чего-то, создать что-то по возможности вечное и нетленное, тогда как образ жизни казаха – само движение, и не к какой-то намеченной, заранее определенной цели, а движение как способ жизни, способ познания окружающего мира и себя в нём».

Заключение. Таким образом, номадический мотив проявлен в лирике Б. Каирбекова на многих уровнях. Мы рассмотрели лишь три произведения, однако их поэтический корпус намного шире: его репрезентативная выборка позволит нам в дальнейшем верифицировать отдельные положения.

Библиография

Барфилд, Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – М. : РАН, 2002. – Режим доступа https://inafran.ru/sites/default/files/page_file/kochevaya_alternativa.pdf. – Текст : электронный.

Бахтикиреева, У. М., Шагигереева, Б. Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». – 2020. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 83 – 89. – Текст : непосредственный.

Кремер, Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кремер Елена Николаевна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2010. – 203 с. – Текст : непосредственный.

Прошина, З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – No 2. – С. 155 – 170. – Текст : непосредственный.

Kellman, S. 2020. Reflections on Nimble Tongues // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2020. – No 17 (4). – Pp. 562-565. doi: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-562-565. – Текст : непосредственный.

Valikova, O. A., Shagimgereeva, B. E., and Kulieva Sh. A. Kosmos v logose: translingval'naia poeziia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova [Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov] // New Research of Tuva. – 2020. – No. 4. – Pp. 230 – 249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16. – Текст : непосредственный.

Аспекты эволюции идиостиля Б. Пастернака

Джинджолия Гигла

Западнечешский университет, Чехия
30100, г. Пльзень, ул. Велеславинова, 42
кандидат филологических наук, доцент
Email: giglad.17@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению поэтической картины мира Бориса Пастернака в «призме» метафор, сравнений и перифраз, выражающих понятие времени. Их мы называем темпоральными тропами.

В темпоральных тропах имена времени в качестве опорных слов в разные периоды творчества поэта представлены неравномерно. Не совпадают и связанные с ними образные параллели. Имена *день, ночь, заря, время, год* проходят через все поэтическое творчество Б. Пастернака. В ранний период предпочтение отдается малым отрезкам времени (*миг, мгновение, минута*); в средний – временам года и месяцам, которые каждый раз осмысливаются как впервые увиденные; в поздний – именам *век, столетие, будущее, вечность*. Для поэтического видения Пастернака характерно расширение времени, мышление веками и вечностью.

Ключевые слова: темпоральный троп, метафора, сравнение, перифраза, образная параллель, поэтическая картина мира.

УДК 821.161.1

Aspects of the evolution of B. Pasternak's idiostyle

Gigla Dzhindzholia

University of West Bohemia, Czech Republic
42 Veleslavinove Str., Pilsen 301 00
PhD (Philology), Associate Professor
Email: giglad.17@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the research of Boris Pasternak's poetic picture of the world through the prism of metaphors, comparisons and paraphrases expressing time concepts the concept of time called 'temporal tropes'. In temporal tropes, the names of time as key words in temporal tropes are represented unequally in different periods of the poet's work. The figurative parallels associated with them do not coincide either. The words *day, night, dawn, time, and year* run through all the poetic work of B. Pasternak. In the early period, preference is given to small periods of time (*an instant, an instant, a minute*); in the middle period – to the seasons and months, which each time are comprehended as seen for the first time; in the later – to the words *age, century, future, and eternity*.

Pasternak's poetic vision is characterized by the expansion of time, by thinking in terms of ages and eternity.

Keywords: temporal trope, metaphor, comparison, paraphrase, figurative parallel, poetic picture of the world.

UDC 81'821.161.1

Метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа.

Б. Пастернак

Введение. Тропы являются носителями глубинных свойств человеческого мышления, поэтому внимание к ним – внимание к онтологии смыслопроизводства. Они показательны для осознания роли художественного отражения и познания мира поэтом.

Статья посвящена изучению поэтической картины мира Бориса Пастернака в «призме» метафор, сравнений и перифраз, выражающих понятие времени. Их мы называем темпоральными тропами. Это позволяет непосредственно выйти на категорию художественного времени, которая является одной из центральных в поэтике.

Повышенный интерес к проблеме художественного времени проявляют лингвисты и литературоведы. Специальные исследования художественного времени затрагивают следующие аспекты: выявление возможных методологических подходов к проблеме художественного времени [Храпченко 1975]; анализ пространственно-временных особенностей произведения, исследование художественного времени как элемента художественной структуры в общей системе художественно-композиционных приемов [Бахтин 1975]; типология временных отношений в искусстве [Флоренский 1993]; время грамматическое и время художественное [Тураева 1974], время в коммуникативном, нарративном режимах употребления языка [Падучева 1996].

Внимание к особому статусу времени в лирике привлекается в работах Т.И. Сильман [Сильман 1977], И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1986]. Лирика, по мнению Т.И. Сильман, «моделирует отношения между личностью и окружающим миром через парадигму субъективного переживания и с установкой на обнаружение подлинной сути этого переживаемого отношения» [Сильман 1977: 25]. Лирическое стихотворение отражает осо-

бое, предельно напряженное состояние лирического субъекта, которое Т.И. Сильман называет «состоянием лирической концентрации» и которое в силу своей природы не может быть длительным. Лирике органически присуща предельная краткость, стремление не выходить за пределы «заданного» состояния. Эмпирические факты и подробности в лирике излагаются отраженно, через переживания лирического субъекта. Время протекания событий заменено здесь временем их переживания лирическим субъектом. Так что непосредственного развития во времени в лирическом стихотворении не происходит. Время здесь «совсем не ощутимо» [Сильман 1977: 25].

Материалы и методы. Материалом исследования служат поэтические произведения Б. Пастернака. В работе используются методы и процедуры концептуального, компонентного и контекстуального анализа.

Обсуждение. Особую и очень важную роль в формировании художественного времени Б. Пастернака играют тропические обозначения времени (метафоры, сравнения, перифразы). Метафоры: *Ведь ночи играть садятся / В шахматы со мной / На лунном полу; И тихо, тихо ночь текла трусцой, / От тучки к тучке; Облетевшей листвою / И кладбищенским чертополохом / Дышит ночь.* Примеры сравнений: *Шатая ночь, как воспаленный зуб, / На полустанке лампочка коптила; Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко; И ночь пронеслась, как из тучи с корнями вырванный шар.* Перифразы: *Ночь – ттец за старым фолиантом; Не сумерки – карандаши для грима; И фартук мясника – закат.*

Имена времени могут получать множественные образные соответствия. Так строится, например, стихотворение «Июль», которое представляет собой развернутый метафорический образ:

*По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой...*

*Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.*

*Ног у порога не обтерши,
Вбегают в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.*

*Кто этот баловник-невежа
И этот призрак: и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.*

Для Б. Пастернака характерно взаимодействие тропов. Сравнение и перифраза входят в состав развернутой метафоры (стихотворение «Июль»). Генитивная метафора входит в состав другой генитивной метафоры: *Глаза зари в глаза воды глядят* и т. д.

Представленность имен времени в качестве опорных слов тропов в разные периоды творчества поэта неодинакова. Не совпадают и соответствующие им образные параллели. В зависимости от этого условно можно выделить три периода в творчестве поэта: ранний – до начала 30-х годов, средний – 30–40-е годы, поздний – 50–60-е годы.

Прослеживаются определенные закономерности. Имена *ночь, заря, время, день, год* в роли опорных слов тропов проходят через все поэтическое творчество Б. Пастернака. Они связаны с устойчивым кругом образов: мир человека, окружающий мир (светила, явления природы, растения и т. д.).

Для уподобления часто используются различные обозначения людей и названия частей тела (*бобыль, лыжник, изгнанник, уши, перст* и др.). В сравнительной конструкции сходятся *ночь* и *бобыль*: *И вот одна на свете ночь идет / Бобылём по усопшим урочищам* (творительный падеж со значением сравнения). *День* сравнивается с *лыжником* и *изгнанником*: *С утра на завтра с кровли, с можжевельин / Льет в три ручья. Бурда бурдой. С утра / Промозглый день теплом и ветром хмелен, / Точь-в-точь как сами лыжники вчера. Параллель день – изгнанник: Случается: отполыхав в признаньях, / Исходит снегом время в ноябре, / И день скользит украдкой, как изгнанник, / И этот день – пробел в календаре.* Активна генитивная метафора. *Ночь – уши*: *В час, когда писатель только вероять / Бледная догадка бледного огня / В уши душной ночи как не прокричать.* Уподобление *дни – перст*: *Но, как и земля, бывалым обессилен, / Но, как и снега, я к персти дней припал.*

Распространены (главным образом в ранний и средний период) образные ассоциации, относящиеся к внутреннему миру человека, выражению чувств, эмоций, к звукам, издаваемым человеком (*гнев, злоба, истома, вопль, поцелуй* и др.). *День* уподобляется *гневу, истоме, злобе; полдень – воплю* и т. д. Уподобление *день – гнев*: *О, верь, игре моей и верь / Гремящей вслед тебе мигрени / Так гневу дня судьба гореть / Дичком в черешенной коре.* Параллель *день – истома*: *Испытаннейшие часы в эфире / Переставляют, сверив по жару / Их переводят, сотрясают иглы / И сеют тень, и мают, и сверлят / Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло, / В истому дня, на синий циферблат. День – злоба: Жаль, что на свете принято скрести / У входа в жизнь*

одни подошвы: жалко, / Что прошлое смеется и грустит, / А злоба дня размахивает палкой. **Полдень – вопль:** Базары, озаренья / Ночных эспри и мглы / А днем, в сухой спирее / Вопль полдня и пилы.

Следующий весьма распространенный круг образов – предметы, сделанные человеком, строение, части строения (кегли, ящик, кувшин, ткань, банный сруб, флакон, купол и др.). **Дни – кегли:** Бывали дни: как выбитые кегли / Ложились в снег. **Ночь – ткань:** Двух иноходцев сменный черед, / На одном только вечер рьяней. / Тот и другой. Их соберет / Ночь в свои тусклые ткани. **Полдень – ящик:** С утра жара. Не отведи / Кусты, и грузный полдень... / Он рухнет в ребрах и тотчас, / В разгранке зайчиков дрожащих, / Как наземь с потного плеча / Опуцанный стекольный ящик. **Ночь – (банный) сруб:** Ночь горит, как старый банный сруб. **День – флакон:** В прозрачность заплаканных дней целиком / Губами и глаз полыханьем / Впивается, как в помутненный флакон / С невыдохшимися духами. **Полночь – купол:** Разве нынче и полночи купол / Не разросшийся гомон в ушах?

В разные периоды творчества поэта неоднократно повторяется уподобление дня с насекомыми, животными и совокупностями животных. **День – пчела:** День пел, пчелой роясь. **День – стадо:** Дни, словно стадо антилоп, / В испуге топчут прерии.

Для Б. Пастернака характерны образы живого мира. Это отражает взгляд поэта на мир как «одушевленный, одухотворенный, несущий в себе творческую динамику, мир, в котором всегда и везде присутствует живое творческое начало» [Ковтунова 2003: 132].

День, ночь, полдень иногда уподобляются растению, воде, светилам, природным явлениям. **День – камыш:** Как камыш, кирпич кольшиа, / Дни несутся в вечера. **Ночь – листья:** Стучатся опавшие годы, как листья / В садовую изгородь календарей. **День – волна:** К волне до вас прошедших дней. **Полдень – капля:** Клонит ко сну чельные капли полудня. **Ночь – солнце:** Нет ночи: жгла она, как солнце, / Наведенное на посев.

Вернемся к опорным компонентам тропов. В ранний период предпочтение отдается именам, обозначающим малые отрезки времени (миг, мгновение, минута): *И вот пришло заветное мгновенье. / Вот луч, покатайся с паутины, залег / В крапиве, но, кажется, это надолго, / И миг недалек, как его уголек / В кустах разожжется и выдует раду. Еще примеры: Мгновенье длился этот миг, / Но он и вечность бы затмил; Все так же, катаясь в ту начальную рань, / Стоят времена, исчезая за краешком / Мгновенья. Все так же тонка эта грань. / По-прежнему давнее кажется давнейшим.*

В средний период очень активны имена, обозначающие времена года и месяцы (зима, весна, июль, январь, ноябрь, октябрь). **Зима – баскак:** Мздой облагает зима, как баскак, / Окна и печи, но стужа в их книгах – / Ханский указ на воцеленных брусках / О наложении зимнего ига. Зима ассоциируется с действиями и чувствами человека: *На улице, шагах в пяти, / Стоит, стыдась, зима у входа / И не решается войти.*

То, что в природе периодически повторяется во времени и является закономерным, поэт изображает как увиденное впервые и неожиданное: *Зима, и всё опять впервые. / В седые дали ноября / Уходят ветлы, как слепые / Без палки и поводья. Еще пример: Тогда, как вечная случайность, / Подкрадывается зима.*

В поздний период в роли опорных компонентов тропов выступают имена *столетие, век, будущее*. Поэтическое видение мира Бориса Пастернака расширяется.

«Моментальное» «укрупняется», становится вечным:

*А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.
День «увеличивается» до «размеров» века:
И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

Еще примеры: *Не как люди, не еженедельно. / Не всегда, в столетье раза два / Я молил тебя: членораздельно / Повтори творящие слова; Воспоминание о полувек / Пронесшейся грозой уходит вспять. / Столетье вышло из его опеки. / Пора дороге будущему дать.*

Другая линия развития темпоральных тропов – движение от большого к малому. *Век* уподобляются малым отрезкам времени: *как август, жаркие века.*

В поздний период творчества время осмысливается через образные параллели, связанные с пространством, вечностью, с оппозициями «прошедшее-настоящее», «настоящее-будущее».

Ярко проявляется ассоциативный характер поэтического видения мира Б. Пастернаком. Показательно в этом плане расширение круга ассоциаций, связанных со временем, от раннего периода творчества к позднему. В ранний период преобладают ассоциации, связанные с отвлеченными понятиями: *И, как в неслыханную веру, / Я в эту ночь перехожу.* Для среднего и позднего периода характерна конкретизация ассоциаций. **Сумерки – карандаши:** *Не сумерки – карандаши для грима. **Время – тесьма:** По ветру время носилось, / Как с платья содранный тесьма.*

Заключение.

Темпоральные тропы отражают художественное время и поэтическую картину мира Бориса Пастернака.

Имена темпоральных реалий и их образные параллели в разные периоды творчества поэта не совпадают. Одни имена проходят через все его творчество (*ночь, заря, день, время* и др.), другие характерны для того или

инного периода. Основная тенденция – расширение времени, движение от малых промежутков времени к большому.

Сквозной образной параллелью является время – человек (названия человека, части тела, внутренний мир и др.), что отражает взгляд на мир «как одушевленный, одухотворенный» (И. И. Ковтунова).

В темпоральных тропах Бориса Пастернака возможен «переход» человека во время («И, как в несслыханную веру, / Я в эту ночь перехожу») и времени в человека (*Но век в своей красе / Сильнее моего нитья / И хочет быть как я; миг – как мы*), времени в пространство, большого времени в малое и «моментального в вечное».

Библиография

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 346 с. – Текст : непосредственный.

Ковтунова, И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / И. И. Ковтунова. – Москва : Наука, 1990. – С. 7–27. – ISBN 5-02-010997-5. – Текст : непосредственный.

Ковтунова, И. И. Очерки по языку русских поэтов / И. И. Ковтунова. – Москва : Азбуковник, 2003. – 206 с. – ISBN 5-98455-003-2. – Текст : непосредственный.

Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – Москва : Наука, 1986. – 486 с. – Текст : непосредственный.

Кожевникова, Н. А. Эволюция тропов в языке русской поэзии XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Н. А. Кожевникова. – Москва : Наука, 1995. – С. 6–79. – ISBN: 5-02-011204-6. – Текст : непосредственный.

Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с. – ISBN 978-5-9551-0431-7 – Текст : непосредственный.

Пастернак, Б. Полное собрание сочинений. В 11 т. / Б. Пастернак. – Москва : Слово, 2003. – ISBN 5-85050-680-2. – Текст : непосредственный.

Ревзина, О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / О. Г. Ревзина. – Москва : Наука, 1990. – С. 27–46. – ISBN 5-02-010997-5. – Текст : непосредственный.

Сильман, Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Ленинград : Сов. писатель, 1977. – 360 с. – Текст : непосредственный.

Тураева, З. Я. Время грамматическое и время художественное: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой доктора филологических наук / З. Я. Тураева; Ленинградский государственный университет. – Ленинград, 1974 – 36 с. – Текст : непосредственный.

Фатеева, Н. А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Н. А. Фатеева. – Москва : Наука, 1995. – С. 6–79. – ISBN: 5-02-011204-6. – Текст : непосредственный.

Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – Москва : Прогресс, 1993. – 220 с. – ISBN 5-01-004038-7. – Текст : непосредственный.

Храпченко, М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – Москва : Сов. писатель, 1975. – 386 с. – Текст : непосредственный.

«Слово» в художественном мире Достоевского

Добровольская Марина Георгиевна

Российский государственный гуманитарный университет, Россия
125993, г. Москва, Миусская площадь, 6, стр. 1
Кандидат педагогических наук, доцент
Email: marindo14@yandex.ru

Аннотация. Данная работа посвящена особенностям словесного употребления в произведениях Ф. М. Достоевского. В центре анализа находятся *слова* писателя в семантическом и синтаксическом окружении, которые требуют к себе особого внимания и понимания, поскольку являются либо устаревшими, либо придуманными автором, либо иностранными и, при этом, не вошедшими в изданные словари языка Ф. М. Достоевского. В исследовании выделяются три группы слов: словосочетания со «словом», заимствования и слова на французском языке. Исследование показало возможность расширения словаря Достоевского за счет включения новых слов из выделенных в работе трех лексических групп.

Ключевые слова: Достоевский, слово, заимствование, словарь, французский язык.

УДК. 821.161.1

The “word” in Dostoevsky’s artistic world

Marina G. Dobrovolskaya

Russian state university for the humanities, Russia
6, build. 1 Miusskaya Sq., Moscow 125993
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: marindo14@yandex.ru

Abstract. This research is devoted to the peculiarities of verbal usage in the works of Fyodor Dostoevsky. The analysis focuses on the writer’s *words* in their semantic and syntactic environment, which require special attention and understanding, since they are either outdated, or invented by the author, and at the same time, are not included into Dostoevsky’s published dictionaries. The study distinguishes three groups of words: phrases with a “word”, borrowings and French words. The research shows the possibility of expanding the vocabulary of Dostoevsky by including new words from the lexical groups identified in the research.

Keywords: Dostoevsky, word, borrowing, dictionary, the French language.

UDC 821.161.1

Введение. Внимательное прочтение произведений Федора Михайловича Достоевского дает возможность понять его особенное отношение к *слову*. Все, что написал писатель, по утверждению Бахтина, ««это слово о слове, обращенное к слову» [Бахтин 2017: 406]. Метод, с помощью которого Достоевский виртуозно играет словами в своих произведениях, Бахтин определил термином «полифонизм» или «многоголосие». По мнению Стариковой, в основе такого метода главным является «зеркальный принцип», когда «каждый или почти каждый герой дает свою оценку каждому – свое понимание чего-то важного в нем, свою догадку о нем» [Старикова 1983: 21]. Безусловно, как бы ни назывался авторский метод письма, главным для Достоевского является выбор правильного слова. В «Дневнике писателя» он обращает внимание на важность *слова* в жизни человека: «Тем не менее стыдиться своих убеждений нельзя, а теперь и не надо, и кто имеет сказать *слово*, тот пусть говорит, не боясь, что его не послушают, не боясь даже и того, что над ним насмеются и что он не произведет никакого впечатления на ум своих современников» [Достоевский 1877]. Соединение серьезности и комизма, «элементы мениппеи», «элементы карнавализации» встречаются во многих произведениях Достоевского, но, как подчеркивает Бахтин, нас интересует «слово языка» Достоевского [Бахтин 2017: 234–240]. В этой связи, оценка «искусства Достоевского» американской писательницей, Кэррол Апполонио, как «искусства слова, нарратива, сюжета» и «мощных визуальных образов» [Апполонио 2020: 14–15], является преувеличенной, поскольку Достоевский подчеркивал, прежде всего, значение «слова» в своем творчестве. Не случайно, выражения «искать слово», «подбирать слово», «терять слово», «находить слово» и другие многочисленные фразы со «словом» произносят герои Достоевского во всех его произведениях, например: «Ну да, орехи, и я то же говорю, ... как бы вовсе и не искал слова, подтвердил доктор...» [Достоевский 1982, т. 12: 194]; «... как бы **ниша ухватить потерянное словечко**, и уж никто не мог бы принудить его продолжать начатую речь, прежде чем он **не отыщет пропавшего слова**» [Там же: 191]; «...приготовлялся перед зеркалом и припоминал **все свои острые словца** и каламбурчики за всю жизнь, записанные отдельно в тетрадку, чтобы вставить в завтрашнее чтение» [Достоевский 1982, т. 8: 442].

Материалы и методы. В исследовании применяется тезаурусный подход, который позволяет наблюдать организацию ключевых слов в произведениях Достоевского с последующим выделением трех лексических групп как части литературного языка писателя.

Обсуждение. Попытки отобрать значимые для творчества Достоевского слова предпринимали составители нескольких словарей, изданных в двадцатом веке и начале двадцать первого века. Так, составители «Словаря языка Достоевского» учитывали при отборе «не все тридцать пять тысяч слов полного лексикона писателя», а только те слова, которые, по мнению составителей, характеризуют творчество писателя и его «неповтори-

мый идиостиль», а также играют главную роль в числе используемых им изобразительных средств и несут ключевые идеи миропонимания Достоевского [Словарь языка Достоевского 2001]. Действительно, в словарный перечень слов вошли значимые для общегуманитарного энциклопедического знания лексические единицы. Предложенный тезаурус состоит из давно бытующих в русском языковом сознании таких слов, как *ангел, авось, башмаки, взятка, водка, грубость, дурачок, душа, загадка, ключ, колокол, кукла, купчиха, лес, мечта, обида, память, радость, сон, улыбка, масленица, обет, осел, платок, платье, религия, сад, снег, стадо, страх, толпа, фантазия, церковь, чувство, шепот, эгоизм, юноша, юродивый, яма, ящик* и другие понятные для современного читателя слова, отражающие стереотипный взгляд на русскую культуру. Безусловно, «башмаки» из Швейцарии князя Мышкина в романе «Идиот» могли оказаться чем-то необычным для человека в «тулупе»: «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати... На ногах его были толстоподошвенные башмаки с штиблетами, – все не по-русски» [Достоевский 1983: 26]. При этом упомянутые слова встречаются в произведениях и других классиков русской литературы. Так, слово *башмак* обыгрывается в повести Гоголя «Шинель»: «Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки» [Гоголь 1968: 122]. Таким образом, слово «башмак», входящее в состав «Словаря языка Достоевского», не является типичным исключительно для языка Достоевского. Писатели разных эпох часто заимствовали у своих предшественников различные элементы стиля и языка. Об этом говорит и героиня повести Достоевского, обращаясь к князю: «Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить Фонвизина, Грибоедова, Гоголя!» [Достоевский 1982, т. 2: 27].

Другая задача была у составителей «Статистического словаря языка Достоевского», получивших данные графических слов современными программными средствами [Шайкевич 2002]. Безусловно, проделана большая работа по отбору значимой для творчества Достоевского лексики. Однако, изданные словари языка Достоевского обошли вниманием заимствования, лексику на иностранных языках, а также «слово», представленное в различных синтактико-семантических позициях, что и является предметом рассмотрения в данном исследовании.

Особую группу слов составляют часто встречающиеся в произведениях Достоевского словосочетания с лексической единицей «слово». Если обратиться к словарю сочетаемости слов, то «слово» обладает разнообразным набором синтактико-семантических позиций, среди которых встречаются: названия отдельного понятия – «короткое, длинное, непонятное... слово»; «слово какого-либо языка, какого-либо диалекта, стиля»; «возникновение, происхождение, значение, перевод, корень, приставка, суффикс ... слова»; «сказать, произнести, подобрать, понять ... слово»; «какое-либо слово принадлежит кому-чему-либо, остается за кем-либо слово»; «вступительное, заключительное... слово»; «слово отца, учителя...» [Словарь 1983: 515].

Словарный список может быть расширен за счет словосочетаний со «словом», встречающихся в произведениях Достоевского. При этом, «одним словом» употребляется чаще других словосочетаний: «а я, сударь, ведь **ни слова** вам в ответ не скажу, затем что сам не знаю, чего хочу» [Достоевский 1982, т.1: 219]; «...взяв с него предварительное **слово**, что он будет вести себя хорошо» ...» [Там же: 231]; «...Ефимов чванился только **на словах**...» [Там же: 231]; «Он водился преимущественно с театральными служителями, хористами, фигурантами – **одним словом**, с таким народом, между которым мог первенствовать...» [Там же: 232]; «... **словом**, надоед всему оркестру...» [Там же: 232]; «Он даже растягивал и разделял **слова**, ударял на слоги, букву *a* стал выговаривать как-то на э, **одним словом**, сам чувствовал и сознавал, что кривляется...» [Достоевский 1982, т. 2: 363]; «... **одним словом**, бранился, кричал, требовал лошадей, даже буянил из-за лошадей на станциях» [Там же: 16]; «Не обращаю ни на что внимания; **одним словом**, спешу напропалую!» [Там же: 16]; «**Одним словом**, она до того была оконфужена, что дней на десять решила распроститься со своим князем...» [Там же: 18]; «**Одним словом**, его считали превосходнейшим человеком» [Там же: 348]; «**Одним словом**, как начальник... желаю вам, сударыня (он обратился к новобрачной) ...» [Там же]; «**Одним словом**, на все эти игровые столы, рулетки и trente et quarante...» [Достоевский, т.3: 316]; «**Одним словом**, я имел счастье решительно заслужить...» [Там же: 433]; «**Одним словом**, он завел речь без начала и конца, а batons-rompus...» [Там же: 434]; «**Одним словом**, это признаки болезни» [Там же: 341]; «**Одним словом**, я его ненавидел» [Там же: 345]; «**Одним словом**, заключил я, я прошу только, чтобы барон развязал мне руки» [Там же: 347]; «**Одним словом**, – перебил он, – я вполне надеюсь на вашу врожденную любезность, на ваш ум и такт» [Там же: 348]; «... конечно, нужно сказать **несколько слов** и о самом князе К.» [Достоевский 1982, т.2: 9]; «Псевдонимов – ведь это происходит от **литературного слова** «псевдоним». Но, а Пселдонимов ничего не означает» [Там же: 370]; «**Два слова** о нем: начал он свою карьеру мелким необеспеченным чиновником...» [Там же: 348].

Своеобразная словесная полифония звучит в произведениях Достоевского на французском языке («Madame la baronne, – проговорил я отчетливо вслух, отчеканивая каждое **слово**, – j'ai l'honneur d'être votre esclave»), на латинском языке («Do nes plus ultra»), на немецком языке («Sind Sie resend?») [Достоевский 1982, т.3: 339]. Как известно, знание французского языка Достоевский применил в своем первом литературном опыте, переводе с французского языка романа Бальзака «Евгения Гранде», напечатанного в 1844 году. В дальнейшем, уже в собственных произведениях, Достоевский достаточно часто вплетает французские слова и фразы в язык своих героев. Если обратиться к текстам повестей «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», то можно убедиться в приверженности Достоевского традиции своего времени использовать в речи французские, латинские слова и фразы как показатель уровня образованности самого автора. Подобный контраст в словоупотреблении подчеркнут в приветствиях простого мужика и князя в повести «Дядюшкин сон»: «Когда же встречается с ним мужик и, остановясь в стороне, снимает шапку, низко кланяется и приговаривает: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сиятельство, наше красное солнышко!» – то князь немедленно наводит на

него свой лорнет, приветливо кивает головой и ласково говорит ему: “*Bonjour, mon ami, bonjour!*” [Достоевский 1982, т.2: 13]. Многие французские слова и фразы повторяются в произведениях Достоевского. Так, «*c'est charmant*» и производные конструкции этой фразы переходят из ранней повести в поздний роман Достоевского: «Это Катя – *cette charmante personne...*» [Достоевский 1982, т.12: 74], «*C'est charmant, приживальщик*» [Там же: 149]. Примечательно, что Достоевский выделял в своих произведениях отдельные слова, как бы указывая читателю, на что следует обратить особое внимание. Так, в романе «Игрок» на первых страницах выделенным курсивом становится французское слово *outchitel*, которое выступает в повествовании в качестве определения русской идиоме «невелика птица»: «а m-г le comte сам бывал в России и знает, как невелика птица – то, что они называют *outchitel*» [Достоевский 1982, т.3: 307]. В повести «Дядюшкин сон» автор использует французский язык в каламбурной речи своего героя, фразы которого составляют своеобразный словарь французского языка, представленный в алфавитном порядке:

Adieu – “*Adieu, ma charmante enfant!*” [Достоевский, т.2, 1982: 71, 123];

Au revoir – “*Au revoir...*”, сноска в тексте: «до свидания» (франц.) [Там же: 28]; «*Ну, да все рав-но! Au revoir, Au revoir!*» [Там же: 71];

Beaute – «*Mais quelle beaute! шепчет он, видимо пораженный*», сноска в тексте: «Но какая красота!» [Там же: 25];

Bonjour, mon ami – «...приветливо кивает головой и ласково говорит ему: *Bonjour, mon ami, bonjour!*», сноска в тексте: «Здравствуй, друг мой, здравствуй!» (франц.) [Там же: 13];

C'est deliceux – «*Анна Васильевна... C'est deliceux! Значит, я не туда заехал*», сноска в тексте: «Это восхитительно!» (франц.) [Там же: 25];

C'est charmant – «*C'est charmant! Впрочем, это со мной часто случается...*», сноска в тексте: «Это очаровательно!» (франц.) [Там же: 25]; **C'est une idee comme une autre** – «*Это тоже идея! C'est une idee comme une autre!* сноска в тексте: «Эта идея не хуже других!» (франц.) [Там же: 31]; **Charmante** – «*Это ваша дочь! Charmante, charmante!* – бормочет князь, с жадностью лорнируя Зину» [Там же: 25];

Cher prince – «*Но, cher prince, я к тому говорила, что вам надо серьезно подумать о своем здоровье*» [Там же: 29]; «*Но я клянусь вам в этом! Ah, Mon prince*» [Там же: 63];

Comme il faut – «*Марья Александровна всегда отличалась ... comme il faut*», сноска в тексте: «умением себя держать» (франц.) [Там же: 6]; «*Насчет comme il faut она не имеет соперниц в Мордасове*» [Там же: 63]; «*Совершенный comme il faut для служащего человека!*» [Там же: 27];

Furore – «*И вообще, когда я был за гра-ни-цей, я производил настоящий fu-ro-re*», сноска в тексте: «фурор» (франц.) [Там же: 27];

Gentilhomme – «*Наполеон не только не был из королевского дома, но даже был и не gentilhomme*», сноска в тексте: «дворянин» (франц.) [Там же: 6];

In quarto – «*Написавший ... in quarto*», сноска в тексте: «в одну четверть листа» (лат.) [Там же: 6];

Joli, c'est joli – «*C'est joli, не правда ли?*», сноска в тексте: «Это блестяще» (франц.) [Там же: 32]; «*Привед-ни-ца? c'est joli...*», сноска в тексте: «это хорошо» (франц.) [Там же: 71];

Ma belle enfant – «*Но я женюсь на вас, ma belle enfant...*», сноска в тексте: «прелестное дитя» (франц.) [Там же: 120];

Ma charmante enfant – «*Сударыня! сударыня! ma charmante enfant!..?*» сноска в тексте: «милое дитя» (франц.) [Там же: 119];

Maison bourgeoise, mais honnete – «...*maison bourgeoise, mais honnete, а я и смешал, что на именины*», сноска в тексте: «мещанская, но честная семья» (франц.) [Там же: 113];

Mon ami – *Друг мой, mon ami!* [Там же: 18]; «*Что с вами, mon ami!* – сказала она... *Как: mon ami! – вскричал он в бешенстве, – после того, что вы натворили, да еще: mon ami. Морген-фри, милостивая государыня!*» [Там же: 73]; «*Я даже как будто ничего не понял, mon ami*» [Там же: 120];

Mon cher Paul – «*Но, впрочем, вы сами ойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира*», сноска в тексте: «мой милый Поль» (франц.) [Там же: 20]; «*Побудьте здесь, mon cher Paul, я сама схожу наверх и узнаю о князе (франц.)*» [Там же: 20]; «*Но неужели вы полагаете, что я об вас не подумала, mon cher Paul!*» [Там же: 77];

Mon prince – «*Наконец-то я вас вижу, mon prince!* – вскричала Марья Александровна и бросилась на встречу вошедшему князю», сноска в тексте: «князь» (франц.) [Там же: 23];

Pardon – «*Ну да, луч-шего друга... pardon, pardon!* – шепелявит князь, заглядываясь на Зину», сноска в тексте: «простите! простите!» (франц.) [Там же: 25];

Pauvre, ce pauvre prince – «*Вот почему он и помнит теперь только об одном моем доме с благодарностью, ce pauvre prince!*», сноска в тексте: «этот бедный князь» (франц.) [Там же: 16];

Princesse... – «*У меня тоже была мать... princesse...*», сноска в тексте: «княгиня» (франц.) [Там же: 71];

Propos – «*А propos! ведь ты, кажется, кадуевским вице-губернатором был?*», сноска в тексте: «кстати» (франц.) [Там же: 28];

Quelle societe – «*Уведи ты меня куда-нибудь... Quelle societe!*», сноска в тексте: «какое общество!» (франц.) [Там же: 123].

Очевидно, что использование заимствованных слов в рассказе «Дядюшкин сон» создает своеобразную словесную игру, основанную на использовании в повести различных значений слов. Так, слово «приличие» дополняется схожим по значению заимствованным словом «комильфотность»; любовь к иностранным манерам подчеркивается словом «декламация» вместо слова «речь»; слово «монплеизир» указывает на садовые беседки, павильоны во французском стиле, а также, на название царского летнего дворца в Петергофе [Достоевский 1982, т.2: 542]. Помимо слов на французском и других языках в произведениях Достоевского встречаются

ся заимствования или необычные слова, придуманные самим автором. К таким словам относится слово *стриюцкие* из фантастического рассказа «Сон смешного человека» [Достоевский 1982, т.12: 505]. Обращая внимание читателей на вымирающую лексику в статье «Что значит слово: «стриюцкие»?», Достоевский представляет его как им же и выдуманное, поэтому дает словарное разъяснение и поясняет смысл этого слова: «*Стрюцкий* – есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а, может быть, и всегда – пьяница, пропойца, потерянный человек... главные свойства этого пустого и дрянного пьянчужки, заслужившие ему особое наименование, выдумку целого нового слова, это пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность. Это крикливая ничтожность» [Там же: 538]. Выяснилось, что «слово *стриюцкий* часто встречается в произведениях Лескова и других «петербургских» писателей XIX века» [Туниманов в кн. Достоевский 1982, т.12: 538]. Похожая история происходит с глаголом *стушеваться*, о котором Достоевский пишет: «...если я и употребил его в первый раз в литературе, то изобрел его все же не я. Слово это изобрелось в том классе Главного инженерного училища, в котором был и я, именно моими однокурсниками». Из текста «Дневник писателя» следует, что Достоевский мог участвовать в изобретении слова *стушеваться* вместе со своими однокурсниками, а после окончания училища «припомнил его и вставил в повесть» [Достоевский 1877]. В статье Г. Струве, посвященной иностранным словам Достоевского, подробно описывается происхождение слова *стушеваться* с ссылкой на своего отца, П. Струве, который оспаривал объяснение самого Достоевского в «Дневнике писателя» о его первенстве в употреблении этого слова, настаивая на том, что слово *стушеваться* было впервые употреблено П. А. Вяземским «за 18 лет до Достоевского» [Струве 1981: 617]. Вопрос о значении слова «скалдырнее» возникает при чтении романа «Игрок»: «Трудно представить себе что-нибудь на свете расчетливее, скупее и скалдырнее разряда существ подобных m-lle Blanche» [Достоевский 1982, т.3: 427-428]. В том контексте, который предлагает Достоевский, сравнительное прилагательное *скалдырнее* не имеет никакого смысла, но оно напоминает по звучанию английское слово *scold* (ругаться, ворчать). Вероятно, для писателя прилагательное *скалдырнее* означало *ворчливее*.

Таким образом, третья группа слов представлена заимствованной лексикой из двух повестей Достоевского: Визитка – *На нем какая-то визитка или что-то подобное* [Достоевский 1982, т.2: 23]; Декламация – *«Зина с удивлением слушала всю эту длинную декламацию...»* [Там же: 41]; Жуировать – *«Князь ...жуировал, волочился»* [Там же: 10]; *«Вскоре он забыл все мордасовские события, пустился в вихрь светской жизни на Васильевском острове и в Галерной гавани, жуировал...»* [Там же: 133]; Каламбур, каламбуришь – *«Но, помню, там было два-три каламбура таких что (и князь поцеловал свою ручку)...»* [Там же: 11]; *«Помнят, что князь был очаровательно весел на этом последнем обеде, каламбурил, смешил, рассказывал самые необыкновенные анекдоты...»* [Там же: 11]; Комильфотность – *«Марья Александровна едва успевала встречать их и издавать восклицания, требуемые в таких случаях приличием и комильфотностью»* [Там же: 99]; Монплизиры – *«... с монплизирами и другими затеями»* [Там же: 11]; Полькирует – *«Но зачем же уверяют ее, что она прекрасно полькирует»* [Там же: 22]; Салоп – *«...она накинула на себя салоп...»* [Там же: 124]; Франтиха, франтовский – *«Марья Александровна, кажется, очень рада, что князь не остался этой франтихе»* [Там же: 20]; *«Во всех манерах его что-то небрежное, заученное в продолжении всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь от этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже как-то бессознательно...»* [Там же: 24]; Фраппировало – *«Это меня, можно сказать, фраппировало...»* [Там же: 113].

Следует отметить, что в «Примечаниях» к собранию сочинений Ф.М. Достоевского, даются разъяснения лишь к некоторым заимствованным словам, которые могут представлять трудность для читателя в понимании содержания того или иного эпизода. Так, слово *фраппировало* используется в значении «поразило воображение» (франц. *frapper*) [9, с.543]; слово *комильфотность* объясняется по контексту повести как «порядочность» (франц. *la faut*) [там же], а слово *шечатон* – как «фат, прощелыга» [там же]. При этом, слова *визитка*, *декламация*, *жуировать*, *каламбур*, *каламбурить*, *монплизиры*, *полькирует*, *салоп*, *франтиха*, *франтовский* и другие заимствования не привлекли внимания составителей текстов в разделе «Примечания».

Заключение. В данном исследовании были отобраны три группы слов, которые не вошли в изданные словари языка Достоевского, но которые могут быть представлены в новых словарях языка писателя. Словосочетания со «словом» из произведений Достоевского могут служить дополнительным материалом для обновленного «Словаря сочетаемости слов». Представляется целесообразным расширение состава словаря языка Достоевского за счет заимствованных слов, а также слов французского и других языков, часто встречающихся в произведениях писателя.

Библиография

- Аполонио, Кэрл. Секреты Достоевского. Чтение против течения. Пер. с англ. Е. Цыпина. – Санкт-Петербург : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. – 320 с. – ISBN: 978-1-6446935-9-9 (Academic Studies Press); ISBN: 978-5-6044208-3-6 (БиблиоРоссика). – Текст : непосредственный.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 416 с. – ISBN: 978-5-389-10595-9. – Текст : непосредственный.
- Гоголь Н. В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. – Москва : Издательство «Правда», 1968. – 542 с. – Текст : непосредственный.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877, 1880, 1881 / Январь. Глава первая. I. Три идеи. – URL: <https://librebook.me> (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный.
- Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. – Москва : Издательство «Правда», 1982. – С. 5–135. – Текст : непосредственный.
- Достоевский Ф. М. История глагола *стушеваться*. Дневник писателя. Ноябрь 1877. – URL: <https://literaturus.ru/достоевский/история-глагола-стушеваться> (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинение в 12 томах. Т. 12. – Москва : Правда, 1982. – 542 с. – Текст : непосредственный.

Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – Москва : Рус. яз., 1983. – 688 с. – Текст : непосредственный.

Словарь языка Достоевского / гл. ред. Ю. Н. Караулов. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 508 с. – ISBN: 5-88744-040-6; ISBN 5-93786-032-2. – URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный.

Старикова Е. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» / Достоевский Ф. М. Идиот. – Москва : Художественная литература, 1983. – С.5–24. – Текст : непосредственный.

Струве Г. Кое-что о языке Достоевского: употребление Достоевским заимствованных слов и злоупотребление ими / G. Struve. *Revue des Etudes Slaves*. 1981. – С. 607–618. – URL: <https://persee.fr> (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный.

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Ф. М. Достоевского. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 832 с. – ISBN 5-94457-145-4. – URL: <https://cfri.ruslang.ru> (дата обращения: 25.01.2022). – Текст : электронный

Творческая индивидуальность писателя как феномен советской культуры

¹Калиева Альмира Кайыртаевна

²Ананьева Светлана Викторовна

¹Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
кандидат филологических наук
Email: Almira_kalieva.8@mail.ru

²Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
кандидат филологических наук, доцент
Email: svananyeva@gmail.com

Аннотация. В статье, выполненной в рамках научного проекта AP09259694 «Современное литературоведение и когнитивная парадигма», выявлено, что национальные культуры все более испытывают интерес к своим корням. В последние десятилетия наблюдается тенденция реконструкции историко-культурного процесса, восстановления памяти национальных культур и литератур, уходящих истоками в советское прошлое. Классик казахской литературы Г. Мусрепов в многочисленных выступлениях и докладах постоянно уделял внимание вопросам художественного мастерства, творческой манере казахских и русских писателей, творческой индивидуальности мастеров художественного слова.

Ключевые слова: литературное сотрудничество, советская литература, феномен, автор, перевод, социалистический реализм.

УДК. 821.161.1

Creative individuality of the writer as a phenomenon of Soviet culture

¹Almira K. Kalieva

²Svetlana V. Ananyeva

¹ The Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29 Kurmangazy Str., Almaty 050010
PhD (Philology)
Email: Almira_kalieva.8@mail.ru

²Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29 Kurmangazy Str., Almaty 050010
PhD (Philology), Associate Professor
Email: svananyeva@gmail.com

Abstract. The article carried out within the research project AP09259694 “Modern Literary Studies and the Cognitive Paradigm”, has revealed that national cultures are increasingly interested in their roots. The recent decades has seen a tendency to reconstruct the historical and cultural process, to restore the memory of national cultures and literatures dating back to the Soviet past. The classic of Kazakh literature Gabit Musreпов in his numerous public speeches and reports constantly paid attention to the issues of artistic skill, the creative manner of Kazakh and Russian writers, and the creative individuality of the masters of the artistic expression.

Keywords: literary collaboration, Soviet literature, phenomenon, author, translation, socialist realism.

UDC. 821.161.1

Введение. В литературе Казахстана происходят знаковые процессы. Литературоведы и критики выявляют наиболее важные тенденции развития литературы и культуры, жанровое и национальное многообразие, вопросы типологии, поэтики, стиля. Особое внимание уделяется исторической, мемуарной прозе в контексте развития литературного процесса республики и основных тенденций мировой литературы.

В современном литературном процессе трудно дифференцировать жанры, вычленив одно из другого, отделить, провести четкую грань. Литературная традиция совмещается с историческими документами и новыми теориями дискурсов. На первый план в мировой культуре выходят феномены мультикультуральности (культурного разнообразия) и мультикультурализма как свода теорий и практик для осмысления новой ситуации [Глостанова 2003: 241]. Но многое, на наш взгляд, имеет истоки в советской культуре, значение которой еще не осознано, поскольку «советская художественная культура как некий целостный феномен пока так и остается неизвестной или почти неизвестной для современного западного общества» [Булавка 2008: 5].

Материалы и методы. Изучение истории национальных литератур происходит в контексте сопоставлений, сравнений, контактных и типологических взаимосвязей, анализа многообразных процессов рецепции. Тема статьи: творческая индивидуальность писателя как феномен советской культуры раскрывается на основе анализа процессов восприятия русской литературы Казахстана классиком казахской литературы Г. Мусреповым. Анализ осуществляется системным методом и деконструктивизмом как методом анализа художественного текста.

Обсуждение. Палестинец по происхождению, американский культуролог и литературовед Э. Саид выработал концепцию нового «секулярного» междисциплинарного литературоведения, связав его с категорией «всемирности» [Тлостанова 2003: 240]. По мнению культуролога и литературоведа Хоми Баба, индивид эпохи глобализации существует в третьем времени-пространстве, в особой «вне-домности» [Тлостанова 2003: 240].

Печать творческой индивидуальности, мы разделяем точку зрения Л. П. Егоровой, «лежит на каждом значительном художественном произведении. Постановка проблемы творческой индивидуальности писателя отвечает задачам изучения художественной антропологии (человековедческого аспекта литературного произведения), ее теоретическому осмыслению в науке о литературе» [Егорова 2008: 3].

Творческую индивидуальность казахских и русских прозаиков убедительно раскрывал в исследованиях, научных статьях классик казахской советской литературы Г. Мусрепов. Анализируя факты исторических связей Казахстана и России, он считал, что из глубины прошлого начинается братство наших двух литератур – казахской и русской и отмечал роль русских писателей и ученых Н. Ильминского, А. Алекторов, В. Даля и других в сохранении ценных памятников духовной культуры казахского народа. Он высоко ценил подвижническую деятельность русского востоковеда А.Е. Алекторова и призывал современных ученых обратиться к его наследию, продолжить поиск неопубликованных материалов.

В русской и казахской литературах всегда происходило перетекание общих нравственных проблем, возникающих в эпоху социальных сдвигов и катаклизмов, из одной литературы в другую [Ровенский 1992: 6].

Общность проблематики подчеркивает в статье «Наши братья и друзья» Г. Мусрепов. Статья была написана во время Декады казахской литературы и искусства, проходившей в Москве 12–21 декабря 1958 года, затем опубликована в «Литературной газете». Размышляя о прозе И. Шухова, Г. Мусрепов особо останавливается на правдивом изображении исторической эпохи в романах «Ненависть» и «Горькая линия», яркости характеров, живых пейзажах, сочном языке. Русский прозаик И. Шухов показал неразрывную связь судеб казаха и казака, русского крестьянина и переселенца-украинца.

Темы исторического прошлого и современности – общие для двух литератур. «Читая очерки Шухова, художника большого, самобытного, мы зримо видим людей, слышим их колоритную речь, любимся ковильной степью и разливом пшеницы, ощущаем запахи трав и порывы тугого степного ветра. Краски писателя яркие, слово полновесно и точно» [Мусрепов 1986: 120].

Нельзя не сказать о стиле самого Г. Мусрепова, который мастерски владеет словом. В творчестве каждого писателя он подчеркивает только ему присущую стилевую манеру, образность мысли, поэтичность языка. Он совершенно уверен, что писателю-натуралисту М. Звереву, так много и так хорошо знающему жизнь природы, не нужно прибегать к ложной занимательности. «Он пишет просто, ясно, с той убедительной естественностью, которая возникает только от обилия жизненных впечатлений. В его очерках, рассказах и повестях точно и правдиво воспроизведены картины безводной пустыни и алтайских лесов, прибалхашских плавней и гор Тянь-Шаня» [Мусрепов 1986: 196].

Стараясь обратить внимание на все более или менее известные произведения маститых мастеров и только встающих на ноги, Г. Мусрепов в то же время пишет о нехватке подлинной писательской культуры, к которой он относит декларативность, созерцательность вместо образно-эмоционального воздействия. Он предупреждает о пагубности привычки вариться в собственном соку, о недостаточной художественной разработанности образов казахов в произведениях русских писателей Казахстана. Это происходит оттого, что «писатели недостаточно общаются со своими казахскими героями, плохо знают их быт, склад мысли, их привычки. Конечно же, немалую печальную роль играет здесь незнание языка» [Мусрепов 1986: 121].

В пример русским писателям страны Г. Мусрепов ставит Д. Снегина и И. Шухова, пишущих о Казахстане и являющихся признанными переводчиками произведений казахской литературы.

Подлинная дружба связывала двух крупных писателей Казахстана – Г. Мусрепова и И. Шухова. Книги И. Шухова открывают «нечто свое, неповторимое, потому что в них живет поэзия чувства», – отмечает в рецензии «Колокола жизни» на повесть «Колокол» И. Шухова Г. Мусрепов [Мусрепов 1986: 337]. Он раскрывает феномен таланта И. Шухова, считает, что главным героем повести является время, которое автор живописует «через восприятие человека, только-только входящего в сложный мир жизни. События видятся не воочию. Они просматриваются взором памяти, через огляд в прошлое. Отсюда, возможно, и некоторая пусть “не крутая”, но в отдельных местах заметная склонность к героизации. Особенно там, где речь идет о быте и народных, конкретней – казачьих, традициях» [Мусрепов 1986: 337]. Эта рецензия написана в 1972 году.

В 1992 году Н. Ровенский, анализируя цикл «Пресновские страницы» (повести «Колокол», «Трава в чистом поле», «Отмерцавшие марева») И. Шухова, отмечает: «...проза эта поражает необычным лиризмом, повествование здесь ведется по законам ярко метафоричной, насыщенной светом, красками, пространством поэзии. Ладная, причудливая русская речь перемежается здесь доброй гортанностью казахской речи. А в синюю, ветряную озерную поэзию казахстанских степей естественно и уютно вписывается поэзия теплой крестьянской домытости» [Ровенский 1992: 24]. Казахский прозаик и русский литературный критик словно вступают в диалог. В самом названии повести «Колокол», по мнению Г. Мусрепова, слышится «нечто вечное, призывное». Ему вторит Н. Ровенский: «Над “Пресновскими страницами” с постоянством океанского прилива проносятся гул колокола, зовущий и умиротворяющий, тревожный и духоподъемный» [Ровенский 1992: 25].

Спустя годы проникновенно вспоминает о творчестве отца в Послесловии к избранному И. Шухов: «По той многострадальной земле, по тем вольным травам в чистом поле, над которыми мерцали в благодатную пору далекие степные зарницы и марева, и звонил в “Пресновских страницах” спасавший когда-то в пургу сбившихся с дороги путников, воскресший в сердце старого писателя и вновь зовущий от гибели к добру и свету, неподвластный ни времени, ни глухому безвременью обетный отцовский “Колокол”» [Шухов 1992: 318].

О том, что поэтика «Пресновских страниц» И. Шухова «прозрачна, полувоздушна, сказочна» написано в статье «Чеховские мотивы родины и красоты в творчестве И. Шухова» [Ананьева 2000: 85]. Степь в произведениях И. Шухова одновременно величавая и царственная, дремучая и пустынная, с пленительным царством матово-серебристого, зыбкого ковыльного моря. Простор. Покой. Воля. Вот ключевые слова в описании степных просторов. Ключевые слова поэтики «Пресновских страниц».

«Звук колокола всегда сопровождает у И. Шухова деятельную жизнь души героя и замирает в среде бездуховности, в условиях дегуманизированной культуры. И снова поднимается то над серебристыми маревами травяных и озерных просторов Северного Казахстана, то над черной и теплой бездной ночной Адриатики» [Ровенский 1992: 24].

Г. Мусрепов расставляет точные, тонкие акценты. «Ивану Шухову, – пишет он, – влюбленному в свою родную станицу Пресновку, неразрывно связанному сыновними узами с отчим краем, трудно, конечно, и как человеку, и как художнику, быть холодно отстраненным от некоторой идеализации того, что дорого ему как память о детстве, юности, о пережитом. Не случайно так теплы, так поэтичны пейзажные отступления во всех его книгах. Он создал свою, шуховскую степь с ее холмами, с “глазами озер”, перелесками березовой чистоты, с ее людьми... Это живые образы, выписанные сильными красками. “Колокол” – повесть от лица времени. Она где-то оправданно элегична, ее лиризм, язык – непосредственный, по-шуховски емкий, подкупают своей душевной искренностью...» [Мусрепов 1986: 338–339].

Высокое художественное мастерство и любовь к тем, кого он изображает – отличительные черты творческого почерка И. Шухова, человека большой души и щедрого таланта. Печать высокой требовательности и взыскательности отличала творчество известного русского писателя Казахстана. В 1976 году Г. Мусреповым написана статья-воспоминание «Дорогой мой земляк и друг», в которой он вспоминает личное знакомство с И. Шуховым, встречи в Москве, Пресновке, Алма-Ате. Творческая дружба двух писателей-земляков была задушевной и бесхитростной. Высокий авторитет, кристально чистое отношение к литературе, к гражданскому и художническому долгу позволяют Г. Мусрепову поставить И. Шухова в один ряд с А. Твардовским и С. Баруздиным как трех редакторов журналов «Простор», «Новый мир» и «Дружба народов».

Многим писателям И. Шухов дал путевку в жизнь. «Своей искренностью, добротой и оригинальностью он вносил, как говаривали в старину, божественный дух дружества – дружбы чистой, благородной, той, что не знает ни зависти, ни корыстного расчета. Поэтому рядом и вместе с ним всегда столь хорошо дышалось и работалось» [Мусрепов 1986: 385]. Отмечая заслуги И. Шухова в переводческой деятельности, Г. Мусрепов выше ставит его собственное, оригинальное творчество: «Он был, что называется, писатель до мозга костей, талант милостью божьей и потому обладал счастливой способностью мыслить по-своему и только по-своему, по-шуховски, выражать эти мысли» [Мусрепов 1986: 385]. Следующий факт характеризует И. Шухова как нельзя лучше: А. Фадеев, Л. Соболев предлагали ему перебраться в Москву. Он дружил с И. Эренбургом, Н. Тихоновым, М. Шолоховым, но жить и работать предпочитал в Казахстане, с которым навсегда связал свою судьбу. Святому делу литературы служил он преданно, смело и самозабвенно.

Заключение. Итак, творческая индивидуальность писателя как феноменальное явление советской литературы рассмотрена нами на примере оценок творчества и личности русских писателей Казахстана признанным мэтром казахской литературы Г. Мусреповым. Социалистический реализм как «метод творческого социокультурного разотчуждения по своей природе принципиально субъектен (что нетождественно субъективности). Этот метод творим самим художником, ведущим диалог с бытием, к которому творец относится критически-преобразующе (в художественной сфере) и потому он предполагает авторскую, во всяком акте художественного творения неповторимую субъектную деятельность – поступок художника» [Булавка 2008: 283].

Библиография

Ананьева, С. В. Чеховские мотивы родины и красоты в творчестве И. П. Шухова / С. В. Ананьева // «Правдиво, то есть художественно...». – Алматы : КазГУ. 2000. – С. 78–86. – Текст : непосредственный.

Булавка, Л. Феномен советской культуры / Л. Булавка. – Москва : Культурная революция, 2008. – 288 с. – ISBN: 978-5250-06021-9. – Текст : непосредственный.

Егорова, Л. П. Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций / Л. П. Егорова // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения: сб. материалов Междунар. научной конф. / ред.-сост. Л. П. Егорова. – Ставрополь : изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. – С. 3–12. – Текст : непосредственный.

Мусрепов, Г. Наши братья и друзья / Г. Мусрепов // Мусрепов Г. Черты эпохи. – Алма-Ата : Жазушы, 1986. – С. 118–122. – Текст : непосредственный.

Мусрепов, Г. Колокола жизни / Г. Мусрепов // Мусрепов Г. Черты эпохи. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – С. 336–339. – Текст : непосредственный.

Мусрепов, Г. Дорогой мой земляк и друг / Г. Мусрепов // Мусрепов Г. Черты эпохи. – Алма-Ата : Жазушы, 1986. – С. 380–387. – Текст : непосредственный.

Ровенский, Н. С. Концепция личности в литературе Казахстана 60-70-х гг.: специальность 10.01.02 «Казахская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Николай Степанович Ровенский : Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. – Алма-Ата, 1992. – 29 с. – Текст : непосредственный.

Султанов, К. От Дома к Миру / К. Султанов. – Москва : Наука, 2007. – 302 с. ISBN 978-5-035682-5 : 270. – Текст : непосредственный.

Тлостанова, М. Эра Агасфера, или как сделать читателей менее счастливыми / М. Тлостанова // Иностранная литература. – 2003. – № 1. – С. 238–251. – Текст : непосредственный.

Шухов, И. Избранное / И. Шухов. – Алматы, 1996. – 320 с. – Текст : непосредственный.

Примета в дискурсивном пространстве художественного произведения

Лян Мэнцзе

Мурманский арктический государственный университет, Россия
183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15
аспирант
Email: mentsze2018@gmail.com

Аннотация. В статье представлены способы введения текста русских народных примет в художественный текст – «эксплицитный» и «имплицитный». Доказано, что в случаях «эксплицитного» введения текста приметы в ткань художественного произведения примета выполняет композиционную и стилистическую функции. Отмечена особая важность отражения смысла приметы, соотношенного с задачами художественного произведения, символикой текста и этнофилософскими воззрениями автора; а также его соответствие художественному методу автора произведения и его тематической доминанте.

Ключевые слова: примета, дискурс, художественный текст.

УДК 81'42

Omen in the discursive space of a literary work

Liang Mengjie

Murmansk Arctic State University, Russia
15 Captain Egorov Str., Murmansk 183038
PhD student
Email: mentsze2018@gmail.com

Abstract. The article presents means of introducing the texts of Russian folk omens into literary texts – “explicit” and “implicit”. The author proved that in case of “explicit” introduction of the texts of omen into the fabric of literary texts, omen perform compositional and stylistic functions. The article highlights the special importance of reflecting the meaning of the omen, correlated with the tasks of the literary text, the symbolism of the text and the ethnophilosophical views of the author, as well as its compliance with the method of the author of the literary work and its thematic dominant.

Keywords: omen, discourse, literary text.

UDK 81'42

Введение. Актуальность исследования функционирования примет определяется парадоксом, сложившимся в современной речевой практике носителей русского языка: во-первых, необходимостью осознания и объяснения факта необычайной востребованности примет в современном русскоязычном речевом употреблении (по данным ВЦИОМ, треть людей в России верят в порчу и сглаз, 42% женщин старше 45 лет верят в колдовство [Давыдова, Алеева 2022]) и, во-вторых, ограниченным представлением примет в ткани русскоязычном художественном текстовом пространстве при общепризнанной их «авторитетности в национальном сознании» [Харченко, Тонкова 2008: 95].

Особенности употребления примет в художественном тексте представляются в научной литературе с нескольких позиций. Во-первых, анализируются функции примет в художественном тексте [Харченко, Тонкова 2008: 87-93; Андрамонова 2012: 13 и др.]. Во-вторых, рассматривается содержательная структура контекстов, включающих народные приметы [Андрамонова 2012 и др.]. В-третьих, представлен анализ использования примет в текстах русских писателей (Н. Лескова, И. Гончарова, Д. Мамина-Сибиряка и др.) [Ильинская 2009: 20–21; Коноплева 2005: 8 и др.].

Как известно, существует несколько подходов к определению дискурса, в которых дискурсивное пространство рассматривается с разных точек зрения. В науке сформировалось два понимания дискурса: дискурс как текст и дискурс как дискурсивная практика. По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990], т. е. дискурс следует понимать и как речевую / коммуникативную деятельность, и как дискурсивную практику, которую можно изучать с точки зрения лингвориторической парадигмы [Ворожбитова 2020: 20]. Мы придерживаемся функциональной трактовки дискурса как всякого «употребления языка» и считаем важным рассмотреть дискурсивный процесс в сфере литературно-художественной коммуникации – синтезе фольклорной и литературной дискурсивной практики.

Мы основываемся на идее о том, что любой текст обладает дискурсивной целостностью, которая обеспечивается триединством тематического содержания, стиля и композиционного построения. В текстах художественных произведений, особенно тех, где в ткань эпического нарратива вводятся элементы лирической составляющей (в частности, элементы «народной мудрости»: пословицы, поговорки, приметы), интересно проследить, как эта лирическая составляющая интегрирована в архитектуру текста, т. е. как денотативно-ситуативное содержание подвергается художественно-образной и символической интериоризации [Алефиренко 2012: 6–7]. В этом и состоит новизна настоящего исследования.

Цель статьи – представить способы «освоения» текста русских народных примет дискурсивным пространством художественного произведения.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты художественной литературы, в которых употреблены русские народные приметы. В рамках настоящего исследования проанализированы произведения И. А. Бунина, Л. И. Добычина, Н. А. Лейкина, М. В. Ломоносова, М. М. Пришвина, М. Г. Успенского, Г. Н. Щербаковой, различные по тематике, структуре и стилиевой специфике.

В работе использованы метод лингвистического анализа текста, заключающийся в выявлении композиционной специфики, системы языковых средств и приемов художественного текста, и метод контекстуального анализа, состоящий в выделении концептуальных единиц и прагматических установок, заложенных в тексте художественного произведения.

Обсуждение. *Способы введения текста примет в ткань художественного произведения*

Исследованный материал показал наличие в текстах художественных произведений двух вариантов введения текста примет: «эксплицитный» и «имплицитный».

В первом случае («эксплицитное» введение) текст примет обнаруживается в произведении без особого когнитивного усилия даже если использованы разные структурные и содержательные варианты примет. Например: *Когда он сел читать в первый раз, все явились, заинтересованные, и расположились вокруг. – Вот, – сказал он и прочел, что «не должно избегать встреч со священником». – Некоторые, – читал он, – считают, что встречи сии предвещают несчастье. Но мысль сия внушена самим дьяволом [Добычин 2022].* Ср. соответствующие приметы: *Встретить монаха – к несчастью / к неудаче; Поп да девка, да порошние ведра – дурная встреча; Если встретится поп, монахиня, монах, женщина, девица, свинья, лысая лошадь – к неудаче [Никитина, Рогалева, Иванова 2009: 11, 15, 141]*

Во втором случае («имплицитное» введение) текст примет не только трансформирован структурно и / или содержательно, но и требует определенных знаний разного уровня, чтобы правильно интерпретировать замысел автора, учитывая, что в основе когнитивного базиса дискурсивных практик в русском языке лежат и энциклопедические знания, представляющие собой социокультурный уровень, и индивидуальные знания реципиента, представляющие собой индивидуально-культурный уровень [Синицына 2008: 6]. Чаще всего в ткань художественного произведения включается «вольное» переложение смысла, заложенного народным сознанием в примету. Так, в произведении М. М. Пришвина заключено предсказание, представленное в приметах *«На Филиппа вороны каркают – к оттепели» [Моргунова, Кривошапова, Осипова 2021: 461]; «На Филиппа (27 ноября) ворона каркнет – к оттепели»; «Ворона кричит на полдень (на юг) – к теплу» [Никитина, Рогалева, Иванова 2009: 161, 233], в следующем тексте *Дня три уже стоит оттепель, ворона кричит, скоро весна [Пришвин 2022].* Рассмотрим способы «эксплицитного» введения примет в художественный текст.*

«Эксплицитное» введение текста приметы в ткань художественного произведения

Эта группа ограничена текстами художественных произведений, которые построены на воспроизведении текста приметы, хотя и не обязательно ее прямого цитирования.

Использование приметы в «закрепленной» форме встречается в редких случаях, обычно в специальной литературе или в качестве стилистического приема – прямого цитирования. Ср.: (1) *Ежели журавль высоко летает или когда сова в ненастье кричит, то значит ведро; Ежели кукушка около праздника святого крестителя Ионна перестанет кричать, то осень рано начнутся морозы; Когда утки и другие водяные птицы с великим купаются криком, или вороны ввечеру грают, или так же в воде купаются, так же ежели галки или сороки поутру очень кричат; или буде сова в ведро кричит, если ласточки поутру над водою летают и крыльями об воду ударяют, или когда пчелы в ульях своих сидят, или недалеко от ульев своих летают, сие все значит дождь [Губертус 2022]; И воронь проклятый за это самое. Ему за все это приказано каркать и несчастье накликают. ГдѢ воронь пролетитъ да каркнетъ – тамъ ужь добра не жди. Всегда передъ несчастьемъ [Лейкин 2022]; (2) *Был молодой историк человек компанейский, любил на уроках отвлекаться на вещи посторонние: на что, к примеру, лучше рыба ловится и какая? Кто знает? И какая погода будет, если курица перья в пыли чешет? То-то бывало веселого разговору [Щербакова 2022].**

Примеры (1) представлены русским переводом «Лифляндской эномонии» С. Губертуса, выполненным М. В. Ломоносовым [Губертус 2022] и служившим руководством по ведению различных отраслей сельского хозяйства – земледелия, полеводства, скотоводства, птицеводства, рыболовства, лесоводства, пчеловодства, с указанием наиболее благоприятного календарного времени и метеорологических условий для определенных крестьянских работ, а также рассказом из жизни рыбака [Лейкин 2022]. В примере (2) текст приметы является частью конструкции синтаксического параллелизма – серии вопросов для описания атмосферы на уроках молодого учителя.

Иногда на тексте приметы построен сюжет произведения или фабула одной из его частей.

Например, в последней части юмористической трилогии о богатыре Жихаре М. Успенского «Кого за смертью посылать» [Успенский 2022] «обыграны» в том числе и приметы о смерти *«Ворон каркает – к несчастью» [Никитина, Рогалева, Иванова 2009: 11] и «Петухи распелись не вовремя – предсказывают покойника» [Никитина, Рогалева, Иванова 2009: 210]: *Тут сверху послышались отвратительные звуки. Мара задрал голову. Над ним кружилась большой черный ворон, непрерывно разевая клюв и хрипло каркая. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, кому именно предназначено карканье, ворон еще и опростался на красную рубаху. Мара вскинул вверх долгие свои руки, но черный оскорбитель уже был таков. – Ой-ой, – сказал Жихарь. – Это уже точно к покойнику. Мара, ругаясь по-своему, оттирал рукав. Где-то в глубине ярмарки ни с того ни с сего заорали петухи. – Дяденька Мара, берегись! Где-то смерть твоя ходит! [Успенский 2022].* Сюжет произведения построен на покупке коня, который приносит несчастье своим хозяевам, поэтому очередной хозяин старается его сбыть, а продать получается только за меньшую цену, чем сам купил. Таким образом, использование примет, предвещающих смерть, объясняет события повести, а примета в этом случае выполняет сигнальную функцию предвестника событий [Харченко, Тонкова 2008: 91].*

В. К. Харченко и Е. Е. Тонкова, анализируя «пластику» ввода календарных примет в текст, отмечают, что приметы занимают в художественном тексте определенное место, потому что художественный текст отражает реальность, «готовность встретить примету», социальные практики «общения» с арсеналом примет в повседневности [Харченко, Тонкова 2008: 87–88].

Чтобы продемонстрировать специфику ввода примет в ткань художественного произведения, обратимся к следующему отрывку из рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки»: *Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, – с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабым летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето – осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег* [Бунин 2022].

В данном отрывке представлен полный текст двух примет – «Осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик» и «Много тенетника на бабье лето – осень ядреная», которые в лексикографических источниках имеют еще и другие варианты: *На Лаврентия (23 августа) смотрят в полдень на воду в реках и озерах: коли тиха, то осень будет тихая, без вьюг и злых метелей; Много паутины (тенетника) на бабье лето – к ясной осени и холодной зиме* [Никитина, Рогалева, Иванова 2009: 158].

Использование примет в рассказе «Антоновские яблоки» оценивается О. Ю. Юрьевой как этнопоэтическая особенность рассказа, в котором сквозит «сакральный православный смысл крестьянской и помещичьей жизни». Ученый отмечает, что «в восприятии героя (рассказа «Антоновские яблоки». – М. Л.) особенности окружающего его мира фиксируются в народных приметах, что рождает образ соборного бытия русского народа, нераздельно слитого с миром природы» [Юрьева 2020: 274]. Во второй главе «Антоновских яблок», где используется еще одна примета: «Ядреная антоновка – к веселому году». *Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.* [Бунин 2022] – заложен глубокий символический смысл и формулируется мысль о том, что такова бунинская формула национального благополучия: если в барских садах уродилась антоновка, то на крестьянских полях – хороший урожай хлеба, и что благополучие помещика и крестьянина тесно связаны и взаимозависимы [Юрьева 2020: 284]. Текст рассказа «Антоновские яблоки» относится к лирикопрозаическому, чья тематическая доминанта предопределяется экзальтированностью, а стилистическая маркированность создается, в том числе, интертекстуальными пассажами [Алефиренко 2012: 6]. Таким образом, можно утверждать, что причиной введения текста примет в ткань рассказа И. А. Бунина является отражение не только реальности, но и символики текста и этнофилософских воззрений автора.

«Эксплицитное» введение текста примет чаще всего заключено в отражении не столько текста примет, сколько его смысла, соотношенного с задачами художественного произведения.

Рассмотрим это положение на примере из повести Л. И. Добычина «Шуркина родня»: *Калитку им открыла земледельцева жена и сразу же послала Шурку натаскать соломы из соседских крыш. Три курицы квохтали, и она хотела посадить их. Люди же советовали ей, чтобы подстилка была краденая. Шурка сказал «есть такое», сделал ей под козырек и через несколько минут примчался с ворохом соломы* [Добычин 2022]. В данном отрывке «обгырывается» смысл двух вариантов приметы «Чтобы курицы неслись лучше, в гнездо принято класть рождественскую солому / свежую солому» [Приметы про кур – курица и яйцо, народные суеверия и поверья 2022; Дельфийский оракул 2022]. В тексте рассказа прилагательные *рождественская* и *свежая* заменены на слово *краденая*. Таким образом, реализуется и прогностический потенциал приметы, и замысел автора при создании образа главного героя. Главному герою – кормильцу семьи, промышляющему воровством и мародерством, потенциальному убийце Шурке не исполнилось еще девяти лет, но он изображен как взрослый. Воруя и мародерствуя по необходимости, Шурка не лишен и романтических представлений об этом промысле, для него это отчасти игра. Так что, соглашаясь украсть солому с чужой крыши («есть такое»), Шурка следует и законам суеверной приметы, и правилам игры. А лексема «*краденая*» соответствует тематической доминанте повести: Шурка – вор, и красть для него – нормально, хотя к этому его склоняет провинциальная жизнь военных и революционных лет. Таким образом, с одной стороны, использование приметы в тексте отражает писательскую (добычинскую) стратегию репрезентации повседневности, т. е. реальной повседневной жизни, форм советского быта [Кувшинов 2019: 3–4], в том числе и мира суеверий, поверий и примет. С другой стороны, можно предположить, что контраст, который является одним из способов подчеркнуть абсурдность реальности для Л. И. Добычина, реализуется в данном отрывке в возможном подсознательном противопоставлении: *рождественская* солома (т. е. святая, «чистая») и *краденая* солома (т. е. «нечистая»). Трансформация текста приметы, следовательно, оправдана спецификой художественного мира писателя. Тем самым подтверждается, что примета в повести Л. И. Добычина – это не инородный элемент. Использование приметы полностью соответствует художественному методу автора: нейтральной позиции «хроникера» и установке на «инфантилизм» [Арьев 2022].

Заключение. В результате анализа выявлено, что текст примет интегрирован в архитектуру художественных текстов разными способами: отмечено «эксплицитное» и «имплицитное» введение текста приметы в ткань художественного произведения. В случаях «эксплицитного» введения приметы ее текст представлен либо полностью, либо частично. При этом примета выполняет композиционную функцию, когда на основе текста приметы построен сюжет произведения или фабула одной из его частей, или стилистическую функцию, когда использование приметы является изобразительным средством. Специфика «освоения» текста русских народных примет дискурсивным пространством художественного произведения состоит в том, что для художественного простран-

ства важно отражение не столько текста примет, сколько его смысла, соотношенного с задачами художественного произведения; не только реальности, но и символики текста и этнофилософских воззрений автора; а также соответствие художественному методу автора произведения и его тематической доминанте.

Библиография

- Алефиренко, Н. Ф. Лирикопрозаический речевой жанр: феноменологическое обоснование / Н. Ф. Алефиренко // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2012. – № 12 (131). – Т. 14. – С. 5–11. – Текст : непосредственный.
- Андрамонова, Н. А. Народные приметы в пространстве художественного дискурса / Н. А. Андрамонова // Филология и культура. – 2012. – № 3(29). – С. 10–14. – Текст : непосредственный.
- Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Энциклопедический лингвистический словарь / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137. – Текст : непосредственный.
- Арьев, А. Ю. Добычин Леонид Иванович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 тт. / А. Ю. Арьев. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10547> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.
- Бунин, И. А. Антоновские яблоки / И. А. Бунин. – URL: <https://ilibrary.ru/text/95/p.1/index.html> (дата обращения: 11.02.2022). – Текст : электронный.
- Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как исследовательская призма: из 9-мерности в 16-мерность и 32-мерность / А. А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2020. – № 25-1. – С. 20-25. – Текст : непосредственный.
- Губертус, С. Лифляндская экономия (перевод Ломоносова) / С. Губертус. – URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/perevody/gubertus-liflyandskaya-ekonomiya/index.htm> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
- Давыдова, Е., Алеева, Е. Рай для взрослых инфантилов: почему нас захватила эпидемия саморазвития // Forbes. – 30 января 2022 / Е. Давыдова, Е. Алеева. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/453839-raj-dla-vzroslyh-infantilov-pocemu-nas-zahvatila-epidemia-samorazvitiya> (дата обращения: 30.01.2022). – Текст : электронный.
- Дельфийский оракул. – URL: https://magya-online.ru/statyi/primeti_pro_kur (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.
- Добычин, Л. И. Шуркина родня // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год / Л. И. Добычин. – URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD-na-1990-god.pdf> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.
- Ильинская, Т. Б. Суеверные приметы в творчестве Н. С. Лескова (фельетон «Старых баб философия» и художественное творчество) / Т. Б. Ильинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. – 2009. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 17-24. – Текст : непосредственный.
- Коноплева, О. С. Фольклоризм «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических / Коноплева Оксана Сергеевна ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.
- Кувшинов, Ф. В. Репрезентация повседневности в русской прозе 1920–1930-х гг. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кувшинов Феликс Владимирович ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2019. – 32 с. – Текст : непосредственный.
- Лейкин, Н. А. Рыболовы / Н. А. Лейкин. – URL: http://az.lib.ru/l/lejkin_n_a/text_1898_rybolovy_olderfo.shtml (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
- Моргунова, О. В., Кривошапова, Ю. А., Осипова, К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / О. В. Моргунова, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. – 544 с. – Текст : непосредственный.
- Никитина, Т. Г., Рогалева, Е. И., Иванова, Н. Н. Большой словарь русских примет / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева, Н. Н. Иванова. – Москва : АСТ: Астрель, 2009. – 687 с. – Текст : непосредственный.
- Приметы про кур – курица и яйцо, народные суеверия и поверья. – URL: <https://astroonlain.ru/primety-pro-kur-kurica-i-jajco-narodnye-sueverija-i-роверья.html> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.
- Пришвин, М. М. Дневники / М. М. Пришвин. – URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/dnevnik-otdelno/1922.html> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст : электронный.
- Синицына, Ю. Н. Интерпретационный потенциал дискурсивных практик (на материале русского и английского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Синицына Юлия Николаевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2008. – 23 с. – Текст : непосредственный.
- Успенский, М. Кого за смертью посылать. Приключения Жихаря – 3 / М. Успенский. – URL: <https://knijky.ru/books/kogo-za-smertyu-posylat> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
- Харченко, В. К., Тонкова, Е. Е. Лингвистика народной приметы / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. – Белгород: Издательство ОАО «Белгородская областная типография», 2008. – 224 с. – Текст : непосредственный.
- Щербакова, Г. Крушение / Г. Щербакова. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=38400&p=1> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
- Юрьева, О. Ю. Категория соборности в рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки» / О. Ю. Юрьева // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 271–297. – Текст : непосредственный.

Детская литература в Казахстане: тренды развития

Орда Гульжахан Жумабердиевна

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
доктор филологических наук, профессор
Email: orda_68@mail.ru

Аннотация. В статье Г. Орды по исследовательскому проекту ИРН АР08855695 «Тенденции развития современной казахской детской литературы» (1991–2021 гг.) рассматривается преемственность в развитии детской литературы Казахстана, истоки которой – в устном народном творчестве. Современная детская литература Казахстана представлена интересными художественными произведениями разных жанров. Истоками своими она уходит в фольклор, в устную народную литературу. Загадки, считалки, скороговорки, пословицы и поговорки, песни-небылицы, сказы об Алдар Косе и Ходжа Насыре составляют ее золотую сокровищницу. Одна из основных функций художественной литературы для детей – воспитание читателя на лучших гуманистических традициях.

Ключевые слова: детская литература, жанр, сказка, легенда, рассказ, повесть, художественный образ.

УДК 821.161.1.0

Children's literature in Kazakhstan: development trends

Gulzhakhan Z. Orda

The Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29 Kurmangazy Str., Almaty 050010
PhD, Dr Habil. (Philology), Professor
Email: orda_68@mail.ru

Abstract. The article within the research project IRN AR08855695 “Trends in the development of modern Kazakh children's literature” (1991–2021) examines the continuity in the development of children's literature in Kazakhstan, which originates in oral folk art. Modern children's literature of Kazakhstan is represented by interesting works of art of different genres. It has its origins in folklore, in oral folk literature. Riddles, counting rhymes, tongue twisters, proverbs and sayings, fairy tale songs, tales about Aldar Kose and Khoja Nasyr make up its golden treasury. One of the main functions of fiction for children is to educate the reader in the best humanistic traditions.

Keywords: children's literature, genre, fairy tale, legend, short story, essay, artistic image.

UDC 821.161.1.0

Введение. Изучение литературы, адресованной детской и юношеской аудитории, – одно из направлений современного мирового литературоведения. «История развития стихотворного жанра в русской классической и современной литературе, романа-воспитания и литературной сказки» рассматривается финским исследователем Б. Хеллманом [Хеллман 2016: 29].

В коллективной монографии Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова «Мировой литературный процесс XXI века» развитие детской литературы освещено в разделах «Литература Беларуси» и «Литература Финляндии». Активно проявляет себя в Беларуси «литература для детей. В. Мозго, Е. Мальчевская, Е. Стельмах. Н. Галиновская, О. Гапеева, Г. Авласенко, В. Кудлачев, И. Фоменкова, В. Гапеев, Я. Жабко, М. Чернявский, Е. Масло, В. Липский – явные лидеры на этом участке литературного фронта» [Карлюкевич, Ананьева 2017: 13].

В литературах стран Центральной Азии появляются семейные хроники. Один из примеров – повесть С. Сусловой «Предрасветный полет стрекозы». Повесть является, по мнению Б. Койчуева, «прозо-метрическим произведением, в котором событийный ряд излагается прозаическим слогом, а эмоционально-символическое значение выражается метрической речью. ... <...>... Содержание книги представляет семейную хронику в форме лирического дневника на фоне широкого контекста, осмысляемого в эмоционально-мистической символике философско-эстетических учений Востока» [Койчуев 2017: 75].

Теме семьи и гендерной политике уделяется большое внимание в современной финской литературе. Традиционно издается много книг для детей. Детские писатели получают престижные международные премии. «Литература, предназначенная детям, эволюционирует в своем развитии. От сказки, стихотворения, повести, поэмы (баллады) – до рассказа, романа, фэнтези» [Ананьева 2017: 300].

Материалы и методы. Материалом данной статьи являются художественные произведения современных казахских авторов, адресованные детям. Проводимое в данной статье исследование базируется на теории критического анализа дискурсов художественных текстов, сравнительно-сопоставительном методе и методе филологического анализа текста.

Обсуждение. Детская литература Казахстана представлена интересными художественными произведениями прозаических и поэтических жанров. В жанре литературной сказки, истоки которой уходят в казахский

фольклор, привлекают внимание «Толгагай» А. Тажибаева, «Сказка про горох» Ж. Смакова, «Муравьи и пчелы – неразлучные друзья», «История наивного оленя, хитрой лисы, большого льва, царя зверей» О. Турманжанова. Литературные сказки «Яблочная девочка и ее героические братья» К. Толыбаева, «Легенда о дедушке Саду» С. Калиева, «Легенда о хитрой мухе, хитром жуке, голой саранче и жуке» К. Кузенбаева, «Поездка слоненка в город» М. Жаманбалинова, «Встреча у ханского шатра» Б. Сулейменова и другие пользуются любовью у маленьких читателей.

Родоначальниками детской казахской литературы являются И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, М. Сералин, С. Донентаев, С. Кобеев, С. Торайгыров, С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Жансугуров, М. Ауэзов, С. Муқанов, С. Бегалин, О. Турманжанов, создававшие для детей художественные произведения разных жанров. Стихотворения С. Сейфулина, сказки Б. Майлина, написанные в стихотворной форме, поэмы о природе И. Жансугурова, «Коксерек» М.О. Ауэзова и книги С. Муқанова «Дитя пастыря», «Мои школы» воспитали не одно поколение читателей. Они учат детей познавать жизнь и окружающий мир.

Ж. Аймауытов, М. Жумабаев, М. Дулатов, А. Ермаков подчеркивали в своих научных трудах особое значение художественной литературы в формировании любви к знаниям, воспитании и образовании детей. В школьные учебники по казахской литературе включены художественные произведения в соответствии с возрастными особенностями детей. Изучению истории и жанровых особенностей казахской детской литературы уделяют большое внимание Ш. Ахметов, Б. Ыбырайым, К. Ергобек. Они исследуют произведения С. Кобеева, О. Турманжанова, С. Омарова, Б. Сокпакабаева, К. Абдикадырова, М. Алимбаева, А. Дуйсенбиева, Ж. Смакова, М. Жаманбалинова, К. Баянбаева, Н. Алимкулова, Ж. Карбозина, Т. Дауренбекова.

В казахской школе изучаются сказки А.С. Пушкина, басни А.И. Крылова, рассказы Л.Н. Толстого и других русских писателей. Усвоение нравственных ценностей, воспитание любви к Родине, родной земле – одна из основных функций художественного произведения. Издательская политика государства направлена на пропаганду детской литературы, детского чтения. Новое время создает образы новых героев, на которых равняется молодежь.

Особое внимание воспитанию подрастающего поколения уделяют М. Алимбаев, Т. Молдагалиев, С. Оспан, М. Кабанбай, Т. Нурмаганбетов, Т. Абдирайым, С. Калиулы, С. Садуакас, А. Кайран, Н. Акыш, А. Естенов, Б. Усенбаев, Н. Ораз, З. Жуманова, К. Баянбай, А. Табылды, С. Акирамулы. Многие из них воссоздают героические страницы истории казахского народа. Д. Рамазан в пьесе «Ребенок Казыбек» повествует о том, что Казыбек би с детства был верен данному слову. Как важно, подчеркивают современные авторы, иметь мечту с раннего детства и стремиться к ее реализации.

А. Кайран в романе «Ерасыл» рассказывает о молодых годах Кабанбай батыра, об исторических личностях стихотворения А. Естенова. Б. Ыбырайым и А. Алтай пишут о последствиях испытаний атомного оружия на Семипалатинском полигоне. Герои рассказа Н. Акыша «Где настоящая бабушка?» задаются вопросом, где же бабушки, сохраняющие национальные традиции? Об интересных приключениях маленьких героев повествует Т. Нурмаганбетов в повести «Прощай, дедушка!» и в рассказах «Двадцать лет», «Ребенок», «Мои братья».

Истории городов, национальным святыням и реликвиям, современной жизни посвящены «Алфавит» Б. Кошым-Ногай, «Щенки и медведи» Т. Жакыпа, «Борьба» С. Нугымана, «Какие буквы изменились» Б. Мажитова, «Ель» Е. Женисулы, «Детская книга» К. Кайыма, «Святой Казахстан» С. Хасана, «Загадочные города» А. Тилегена.

Интересным и содержательным изданием стала «Антологии современной литературы: Независимый Казахстан» в трех томах. Первый том посвящен детской литературе. В Предисловии «Эта антология – еще один духовный мост между нашими народами» К. Келимбетов пишет: «Антология показывает состояние нашей современной литературы, связанной с многовековой литературной традицией, тысячами нитей вплетенной в выпавшее каждому автору и его творениям время. Это – своеобразный мост, который ведет к более глубокому знакомству с нашей культурой, крепит духовные основы многовековой российско-казахстанской дружбы» [Келимбетов 2013: 7].

Чистым родником среди горных камней, бескрайним простором вселенной называет родной язык, бесценный и гордый, лирический герой стихотворения М. Алимбаева «Родной язык»:

Он – подарок родителей добрых моих ... [Алимбаев 2013: 23].

Авторы многих лирических произведений – современные казахские поэты вспоминают Родину, аул, дом. Стихотворение К. Мырзалиева так и называется «Дом»:

Как память,
Пьянит нас медовый кумыс.
Хоть мы горожане
Давно,
Но разве аула
Неспешную жизнь
Понять нам уже не дано?

Вон дед –
Борода, как Хан-Тенгри,
Бела,
В седле его мир
И уют,

И запах кочевий
Идет от седла,
И вечности запах –
От юрт [Мырзалиев 2013: 32-33].

Поэтические произведения в данной антологии сменяют рассказы и повести, сказки и загадки. Многие прозаические произведения, адресованные детской читательской аудитории, синтезируют мотивы древних сказаний, мифов и легенд казахского народа. «Зачем архару большие рога?» называется рассказ К. Сегизбаева. Его главный герой – старый лесник рассказывает внуку Кошану о жизни диких животных, убеждая, что многое можно узнать из книг или наблюдая за зверями в лесу.

Р. Маженкызы с читателями своих книг путешествует по многим интересным местам родины, так, со Знайкой и его друзьями она попадает в книжный городок. Дети слушают рассказ Старца о том, почему город называется Книга. Потому что книга – «оставленное нам предками самое богатое наследие, священное звено, связывающее одно поколение с другим, а прошлое с будущим» [Маженкызы 2013: 491].

Дети любят перечитывать тексты литературных сказок, рассказов и повестей, размышлять над прочитанным, способны определить назначение художественного элемента в тексте, увидеть авторское отношение к героям и событиям, авторскую позицию и идею произведения. Все это очень важно как в плане эстетического развития ребенка, так и формирования его читательской культуры, расширения кругозора, обогащения новыми знаниями.

Сказочные сюжеты художественных произведений современного казахстанского прозаика Ю. Серебрянского тонко вплетены в реальность, бывшую и настоящую, что в значительной степени завораживает и увлекает читателей в яркий мир, в котором художник едет на черепахе по вполне современному городу, а король отправляет письма своим подчиненным, и они плывут к адресатам по арыкам.

Особым видением мира отличается творчество Б. Сулейменова, автора самобытных произведений для детей. У писателя своя, уникальная Вселенная. Сказки, повести, рассказы Б. Сулейменова полны приключений. Его историко-познавательная повесть-сказка «От Хан Шатыра до Солнечного дворца» – новое явление в детской казахской литературе. Книга Б. Сулейменова «От Хан Шатыра до Солнечного дворца», включающая повести, сказки и рассказы, выдвинута на соискание Государственной премии имени Абая в области литературы и искусства 2022 года.

Книга открывается обращением к юному читателю:
У тебя есть Отечество под названием КАЗАХСТАН,
Оно – твоя Золотая колыбель!
В этой стране живет народ, прозванный казахами,
Прибывший от Солнца,
Жизнеспособный и созидательный.
Ты – потомок этого Великого народа! [Сулейменов 2021: 5].

Переплетение вымышленного мира и мира реального даёт возможность читателю любого возраста найти для себя нечто интересное: для детей это волшебные герои, предметы, слова, а для взрослых – идеи, мысли, заложенные автором.

Драматург, сценарист и прозаик С. Елубай в повести «Медное копыто» повествует о жизни степных антилоп – джейранов. Человек несет ответственность за жизнь обитателей степи и леса, за сохранение экологического равновесия в природе.

Повесть С. Елубая адресована читателям школьного возраста, подросткам, молодежи. Многие картины беспощадного и жестокого отстрела джейранов даны через восприятие вожака стаи: «Бежать, бежать!.. Джейраны устремились за своим вожаком, но, когда они выскочили из оврага, навстречу им злобно сверкнули огненные глаза беспощадного врага. Животные повернули назад, в спасительную черноту оврага. Вожак кинулся следом, но земля вдруг исчезла под его ногами – это погас свет. Он испуганно отпрянул. В тот же миг раздалась новая выстрелы, от которых небо будто расколосось на мелкие осколки. Вновь запахло дымом. В темноте заплясали огненные блики» [Елубай 2013: 352].

Ведущим трендом развития современной детской литературы Казахстана является ее патриотическая направленность.

Родную степь в одноименном стихотворении воспевают У. Есдаулет:
Степь – пространство без предела.
Здесь, среди полыни белой,
От движенья устает
Даже время... [Дорог небесных вежи 2013: 254].

Степной мотив звучит и в «Колыбельной» К. Бакбергена:
Укачай меня, мать,
В колыбели степной.
Укачай меня, конь,
В колыбели седла.
Укачай меня, степь,
На качелях забытых кочевий [Дорог небесных вежи 2013: 250].

За годы независимости Республики Казахстан растет число произведений, на страницах которых возрождается история Золотой Орды, Казахского ханства. А. Кодар в стихотворении «Золотая Орда» задается вопросом:

Золотая Орда, как ты стала, скажи, золотой?

Твои воины пали, и величье развеяно в прах... [Дорог небесных вехи 2013: 283].

Традиции казахского народа, национальные ценности необходимо передавать от поколения к поколению. В стихотворении Б. Бекетовой «Аул. Мама. Осень» трепетно передана забота матери о детях, где бы они ни жили... Навстречу веренице журавлей бредет погруженная в свои думы мама:

Над аулом осень. Вечер. Грустно, мама.

Вздых о детях, о любимых вечен, мама [Дорог небесных вехи 2013: 289].

Заключение. Таким образом, современная художественная литература Казахстана для детей и о детях имеет свою целевую аудиторию – читателей дошкольного возраста, читателей младшего школьного возраста, старшего школьного возраста и подростков. Своими художественными произведениями современные авторы Казахстана способствуют воспитанию подрастающего поколения, любящего семью, Родину, свою страну.

Каждое художественное произведение, несомненно, несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности его автора, отражает нравственные, социально-политические проблемы времени, в котором живёт и творит писатель, поэт, драматург.

Библиография

Алимбаев, М. Родной язык / М. Алимбаев // Антология современной литературы: Независимый Казахстан. Домбра и колыбель. Т. I. / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин. – Москва : Художественная литература, 2013. – 568 с. – ISBN: 978-5-280-03639-0. – Текст : непосредственный.

Ананьева, С. Литература Финляндии / С. Ананьева // Мировой литературный процесс XXI века / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Әдебиет әлемі, 2016. – С. 265–306. – ISBN: 978-601-7414-66-5. – Текст : непосредственный.

Дорог небесных вехи. Антология современной литературы. Т. III. Жемчужная поэзия / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин. – Москва : Художественная литература, 2013. – 464 с. – ISBN: 978-5-280-03641-3. – Текст : непосредственный.

Елубай, С. Медное копыто // Антология современной литературы: Независимый Казахстан. Домбра и колыбель. Т. I. / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин / С. Елубай. – Москва : Художественная литература, 2013. – С. 337–353. – ISBN: 978-5-280-03639-0. – Текст : непосредственный.

Карлюкевич, А., Ананьева, С. Литература Беларуси // Мировой литературный процесс XXI века / Отв. редактор С. Ананьева / А. Карлюкевич, С. Ананьева. – Алматы : Әдебиет әлемі, 2016. – С. 8–40. – ISBN: 978-601-7414-66-5. – Текст : непосредственный.

Келимбетов, К. Эта антология – еще один духовный мост между нашими народами // Антология современной литературы: Независимый Казахстан. Домбра и колыбель. Т. I. / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин / К. Келимбетов. – Москва : Художественная литература, 2013. – С. 7–8. – ISBN: 978-5-280-03639-0. – Текст : непосредственный.

Койчуйев, Б. Литература Кыргызстана (на материале творчества русскоязычных писателей и поэтов) / Б. Койчуйев // Мировой литературный процесс XXI века / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы : Әдебиет әлемі, 2016. – С. 58–82. – ISBN: 978-601-7414-66-5. – Текст : непосредственный.

Маженкызы, Р. Путешествие Знайки и его друзей в книжный городок / Р. Маженкызы // Антология современной литературы: Независимый Казахстан. Домбра и колыбель. Т. I. / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин. – Москва : Художественная литература, 2013. – С. 490–492. – ISBN: 978-5-280-03639-0. – Текст : непосредственный.

Мырзалиев, К. Дом / К. Мырзалиев // Антология современной литературы: Независимый Казахстан. Домбра и колыбель. Т. I. / Сост. Р. Маженкызы, Г. Пряхин. – Москва : Художественная литература, 2013. – С. 31–32. – ISBN: 978-5-280-03639-0. – Текст : непосредственный.

Сулейменов, Б. От Хан Шатыра до Солнечного дворца, или Путешествие в мир сказок / Б. Сулейменов. – Алматы : Литера – Москва, 2021. – 336 с. – ISBN: 978-601-80856-6-6. – Текст : непосредственный.

Хеллман, Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. / Б. Хеллман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с. – Текст : непосредственный.

Легенды о поэтах Средней Азии: понимание сущности поэзии

¹Пэн Лин

²Янгутова Рита Робертовна

¹Сианьский университет Цзяотун, Китай
710049, г. Сиань, ул. Синин западная дорога, 28
кандидат исторических наук, доцент
Email: peng_ling@126.com

²Сианьский университет Цзяотун, Китай
710049, г. Сиань, ул. Синин западная дорога, 28
кандидат философских наук, доцент
Email: maryyang@mail.ru

Аннотация. Феномен поэзии привлекал внимание мыслителей всех времён и народов. Поэтическое постижение мира – сложнейший духовный, философский, психологический, эстетический процесс. Будучи объектом изучения в широком спектре гуманитарных дисциплин, феномен поэзии не поддаётся пониманию ни одной из них по отдельности.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть некоторые теоретические положения этой проблемы через призму легенды. Ввиду своей лаконичности, образности, многослойности, жанр легенды удивительно поэтичен – всё это помогает нам погрузиться в тайну поэзии как бы изнутри, изнутри легенды как поэтического текста, рассмотреть некоторые аспекты собственно поэзии.

Авторы приходят к выводу, что феномен поэзии – это поэтическое волшебство, в котором языковые средства вкупе со смыслом никого не оставляют равнодушным и вызывают сопереживание такой силы (катарсис), что «очищают» душу читателя.

Ключевые слова: феномен поэзии, поэт и творчество, волшебство и тайна, реальность и легенда, воздействие и глубина.

УДК 821-1.2

Legends about the poets of Middle Asia: understanding the essence of poetry

¹Peng Ling

²Rita R. Yangutova

¹Xian Jiaotong University, China
28 Xining West Road, Xian 710049
PhD (History), Associate Professor
Email: peng_ling@126.com

²Xian Jiaotong University, China
28 Xining West Road, Xian 710049
PhD (Philosophy), Associate Professor
Email: maryyang@mail.ru

Abstract. The phenomenon of poetry has attracted thinkers of all the times and nations. Poetic comprehension of the world is the most complex spiritual, philosophical, psychological, and aesthetic process. As a research object of a large scope of humanities, the phenomenon of poetry succumbs to none of them separately.

This work attempts to consider some theoretical positions of the problem through the prism of legend. Due to its conciseness, figurativeness, and multi-layeredness, the legend genre is surprisingly poetic – all these help us to plunge in the mystery of poetry as if from the inside, from inside the legend as a poetic text, to consider some aspects of poetry proper.

The authors conclude that the phenomenon of poetry is poetic magic, in which linguistic means, coupled with meaning, leave no one indifferent and cause empathy of such power (catharsis) that they “purify” the reader’s soul.

Keywords: phenomenon of poetry, poet and creativity, magic and mystery, reality and legend, impact and depth.

UDC 821-1.2

Будь всемогущим, как маг, проживи сотни лет, –
В тёмной бездне веков не увидят твой свет.
Лишь в легендах порой наши судьбы мерцают,
Стань же искрою счастья среди этих легенд!

Омар Хайям

Введение. Центральная Азия вступила в свой золотой век (X–XV в.) с богатым культурным и интеллектуальным багажом как в светской, так и в религиозной сферах. Наука и культура в то время активно развивались именно на территории современных Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, а также частично Афганистана, Пакистана и Китая. Немногие регионы отличались таким обилием внутренних

связей, как Большая Центральная Азия. Длинные маршруты на Ближний Восток, в Индию, Китай и Европу были налажены ещё за 1000 лет до того времени, когда халиф аль-Мамун начал привлекать учёных для работы в своей библиотеке и приглашать поэтов. Правители понимали социальную значимость поэзии и огромное влияние поэтов на умы людей. Литературными центрами были такие города Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Балх, Мевр, Нишапур, сыгравшие важную роль в жизни и творчестве поэтов «Золотого века». Небезынтересно привести следующий факт: из 415 поэтов, чьи имена приведены в антологии Саалаби «Ятимат-уд-Дахр», 124 проживали в Хорасане (большая часть современного Ирана, половина современного Афганистана, часть Туркменистана) и Мавераннахре (др. назв. Трансоксиана, территория междуречья Амударьи и Сырдарьи). О великих слагались легенды.

Материалы и методы. Феномен поэзии многогранен, потому в понимании и исследованиях данного явления необходим междисциплинарный подход. «Он (феномен поэзии. – Авт.) выходит далеко за рамки литературоведческой проблематики и находится на пересечении интересов не только словесности и литературоведения, но и психологии, социологии, педагогических наук и даже философской антропологии» [Иванченко, Леонтьев 2015: 9]. Данное положение является методологической базой исследования данной статьи. В работе были использованы герменевтический, компаративистский, культурно-исторический, антропологический, аксиологический, комплексный подходы, а также аналитический, синтетический, структурный и системный методы [Ворожбитова 2019], позволяющие всесторонне и многоуровнево раскрыть содержание статьи. Теоретическую основу составили положения лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта. Образы и понятия человеческого языка берут своё начало в чувственном восприятии, но поэзия – «наивысшая чувственность» [Гумбольдт 1985: 262]. Она рождается в глубинах нашего бессознательного, некоего хаоса, и, подобно объективу фотоаппарата, наводит ясность и чёткость, – так наше бессознательное становится сознательным.

В текстах легенд о поэтах Средней Азии мы видим, как правитель, услышав стихи, вдруг осознаёт необходимость возвращения домой и тут же седлает коня и скачет без остановки три дня; как другой правитель, хотя и слишком поздно, неожиданно осознаёт ценность поэтического творения и отправляет дары поэту; как поэтическое восприятие мира простого башмачника свершает чудеса; как великий Омар Хайям говорит юноше о том, что поэзия – ключ к пониманию действительности. Огромный спектр чувств героев легенд переходит на новый качественный уровень – на рациональный. От бессознательного к сознательному, от чувственного к рациональному, – к «закону наивысшей чувственности» (поэзии). Таков путь познания истины выдающегося философа-лингвиста, В. фон Гумбольдта.

Обсуждение. Один из легендарных рассказов о жизни основоположника классической поэзии на фарси, Абу Абдаллаха Джафара Рудаки – это повествование о том, как его стихотворение повлияло на эмира Наср Саманида. Этот рассказ приводит Низами Арузи Самарканди в своей книге «Чахар макале». Правитель Наср ибн Ахмед Саманид, при дворе которого служил Рудаки, жил по сезонам: в столице, Бухаре, проводил зиму, а лето проходило в Самарканде или в одном из городов Хорасана.

Однажды во время одного из своих походов, он сделал остановку в г. Герате, которая продлилась на 4 года. Благоприятные условия жизни в этом городе, сыграли немаловажную роль. И потому он даже не думал о возвращении на родину. Но его приближённые скучали по родным местам и мечтали вернуться на родину, в Бухару. Но эмир оставался глух ко всем обращениям многочисленных вельмож, и все их старания были напрасными. И тогда они решили обратиться к поэту Рудаки, чтобы он повлиял на эмира, интуитивно полагая, что только поэтическое слово способно тронуть окаменевшее сердце правителя. И они не ошиблись.

Поэт пришёл к правителю, взял в руки свой чанг и начал петь о Бухаре. Сила импровизации оказалась такова, что вся свита пришла в необычайное волнение, а эмир Наср поднялся с трона, вскочил на коня и помчался в сторону переправы через Амударью. В спешке он забыл поменять свои домашние туфли и только на втором перегоне обул сапоги и до самой Бухары не делал остановок. Какие волшебные слова нашёл поэт, чтобы эти слова оказали такое невероятное магическое влияние на правителя? (перевод И.С.Липкина)

«Плещет, блещет Мулиён меня зовёт,
Та, в которую влюблён, меня зовёт.
Под ногами, словно шёлк, пески Аму,
Трудный брод, зелёный склон меня зовёт.
Там, где пена по колена скакунам,
Там Джейхуна слышен стон: меня зовёт.
Ты – луна, а Бухара – небесный свод,
Что луною озарён, меня зовёт.
Ты – платан, а Бухара – цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон меня зовёт ...»

Было ли это на самом деле? Как гласит легенда, да, было! Обратимся к самому термину «Легенда – (от лат. – то, что должно быть прочитано) – 1) первонач. – жизнеописание святого; впоследствии – предание, необыкновенная и недостоверная история, обычно связанная с каким-л. местом» [Спиркин 1984: 274]. Хотя мы читаем, что легенда – это «необыкновенная и недостоверная история», но в народном представлении легенда воспринимается и рассказчиком, и слушателем как реальная чудесная история, как достоверность. В основе представленной легенды – чудо поэзии, что её воздействие на души людей обладает магией. Как видим, действующие лица этой легенды испытали необыкновенное чувство – катарсис: духовное состояние, при котором ощущение колоссальной потери сталкивается с предощущением обнаружения огромных ценностей [Яковлев 1999: 167]. И это является достоверным фактом! Так, вследствие этого состояния, правитель Наср ибн Ахмед

Саманид, осознал дилемму: родина-чужбина. Неожиданное понимание этого явилось величайшим импульсом его действия – «поднялся с трона, вскочил на коня, даже забыл переобуться, и до самой Бухары скакал не оттапливаясь».

В чём же специфика чар поэзии? Сначала обратимся к пониманию слова «Поэт». Слово «поэт» в переводе с древнегреческого означает «создатель, творец». Античность подчеркнула существенную черту поэта: он изображает не мир людей и вещей, а творит иную реальность, другой, высший мир – мир идей и чувств. Именно это качество художественного текста очень ярко представлено в поэзии. Так, в нашем стихотворении об эмире эта иная реальность представлена картиной родных просторов. Ключевым стало слово «зовёт». «...Мулиён, тёмный брод реки, листьев шум, пернатых звон», и, наконец, «... та, в которую влюблён, Бухара!» зовёт ... Поэт своим искусством смог «перенести» эмира в другую реальность, в которой он «увидел» и «улышался»: «Бухара меня зовёт». Это воздействие поэтического слова равносильно чуду, а поэт – магу.

Автор, Низами Арузи писал, что ни у кого не получалось сочинить ответ на эту касыду. Многие пытались создать такое стихотворение в этом размере и с такой рифмой, но почему-то не могли. Как известно, поэтическое произведение воздействует на читателя своей звуковой стороной. Фонетическая составляющая в стихах имеет более важное значение, нежели в прозе, ввиду того, что сам звук, ритм, интонация вызывают определённые чувства, и эмоции становятся носителями смысла. Потому, именно поэзия оказывает глубочайшее воздействие на души людей, поэт в буквальном смысле выпевает свои стихи. Он сначала слышит стихи, а потом пишет, придавая каждому творению свою форму. Достаточно убедительно об этом сказал И. Бродский: «Поэт, стремящийся сделать свои высказывания реальностью для аудитории, должен придать им форму лингвистической неизбежности, языкового закона. Рифма и стихотворный размер суть орудия для достижения этой цели, имеющиеся в его распоряжении. Именно благодаря этим орудиям читатель, запоминая сказанное поэтом, впадает от сказанного в зависимость – если угодно, обрекается на повиновение реальности, данным поэтом создаваемой» [Бродский 2001: 30]. Великий поэт Рудаки нашёл рифму и размер, создал ту единственную форму, максимально настроенную на восприятие содержания. Хотя стихи казались простыми, но это была та недоступная простота, присущая гениям, потому что их творениям присуща удивительная музыкальность, это стихи-песни. Поэт Абу Абдаллах Джафар Ибн Рудаки – признанный корифей «Золотого века» Средней Азии. «Ода на старость» (перевод И. Сельвинского):

«Я сердце превратил своё в сокровищницу песен,
Моя печать, моё тавро – мои стихи простые».

Таким образом, это история о поразительной силе искусства вообще, в нашем случае – необъяснимом воздействии поэзии, которое приводит нас в состояние катарсиса, когда человек порывает со своим эгоизмом и живёт высокими духовными и социальными интересами.

Стремление понять природу художественного творчества, тайну создания высоких творений человеческого духа постоянно привлекали внимание как исследователей, так и поэтов.

В одной из сказок Шахерезады, Маруф-башмачник вдруг среди бела дня увидел сон. То был сказочный сон, ибо в нём ему привиделся караван, принадлежащий ему. И, однажды, он рассказал всем что это, действительно так. И ...случилось чудо, воображаемый караван превратился в реальность и пришёл к нему.

В этой легенде в аллегорической форме дана попытка понять природу поэзии. Маруф-башмачник – Поэт, который среди бела дня видит свой «караван» – замечает «невидимое», слышит «несказанное». И, однажды, своим искусством словесного творчества, он, как маг и волшебник, преображает действительность: «невидимое» становится «видимым», «несказанное» – сказанным, «воображаемый караван» – реальным караваном, т.е. картиной, увиденной художником и ставшей реальностью для всех. В свете этого, слова М. Горького звучат в унисон: «Джон Рескин провозгласил великую истину, сказав, что закаты в Англии стали прекраснее после картин Тернера» [Янгутова 2016: 98]. Этими словами великий советский писатель подчёркивает способность поэта создавать красоту, отсутствующую в действительности, подобно каравану, увиденному во сне среди бела дня башмачником Маруфом (Поэтом). Как правило, в момент создания произведения, художник находится в особом состоянии между явью и сном. Эта легенда удивительно перекликается со стихотворением А. Ахматовой «Муза», в котором идёт диалог поэта с Музой, то ли во сне, то ли наяву:

«Когда я ночью жду её прихода
Жизнь, кажется, висит на волоске ...»

В этих строках автор как бы признаётся, что процесс творения, это некое волшебство, которое требует высочайшего напряжения всех сил поэта (моральных, физических, психологических, эмоциональных), которые буквально опустошают его – только так воображаемый караван становится реальным. Только поэзия может материализовать, выговорить, выгнать из бездны бессознательного – сознательное. В этом магическом действии сон преобразовывается в явь, при этом необходимо обладать не только эмоциональной способностью, но и умением проникать в сущность, т.е. осмысливать рационально. Своеобразной формой такого отражения мира является метафоричность его мышления, иными словами умения совмещать жар души и хлад ума, бессознательное сна и сознательное яви. Ввиду этого метафора глубока, волшебна, так как точность и красота поэтического слова выражает сущность бытия.

Таким образом, легенду о башмачнике Маруфе можно маркировать как легенду-метафору о природе поэзии. Поэтическое видение мира сообщает дополнительный смысл реальности, общий для всех, но увиденный с иного ракурса. То, что говорит поэт, не говорилось до него никогда, но будучи метафорически сказанными,

его слова как по волшебству, приобретают реальность: караван приходит к нашему герою (поэту), а он отдаёт его нам. Об этом полученном сокровище пишет Б. Окуджава:

«То ли мёд, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его – нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам».
Великий поэт «Золотого века» Фирдоуси писал об этом 1000 лет назад:
«Моё тело невидимо, дух мой незрим.
Прими! – и мой образ будет твоим.
Осядет он в сердце и, точно цветок,
Расцветёт, вспыхнет...»

Вопрос о роли искусства, литературы в жизни общества всегда волновал истинных художников, писателей и поэтов. Знаменитые слова Е. Евтушенко «Поэт в России – больше чем поэт!», можно отнести к любой стране, «Поэт, как в России, так и где бы то ни было, – больше чем поэт!», ибо он является совестью своего народа, певцом красоты своего края и выразителем интересов страны.

Существует много легенд о причинах конфликта между правителем и поэтом. Одна из них обработана Генрихом Гейне.

В основе этой легенды реальные факты из жизни величайшего поэта древности – Фирдоуси, автора историй 50 правителей Персии, знаменитого эпоса «Шах-намэ». Над первой редакцией поэт трудился около двадцати лет, испытывая и голод, и холод, и жестокую нужду, но в надежде на вознаграждение от царей Саманидов. Но к 994 году, когда он закончил эту редакцию, династия Саманидов уже пала. Вторую редакцию поэмы поэт закончил в 1010 году, сложил шестьдесят тысяч двустиший, в общем, на создание этого труда ушло 30 лет. Но новый правитель султан Махмуд отверг творение Фирдоуси.

Как рассказывает легенда, правитель обещал заплатить за каждое двустишие по золотому динару. Наконец прибыл караван от султана, но когда развязали тюки, оказалось, что золото заменено серебром. Поэт в этот момент находился в бане и узнав об обмане, был оскорблён, но промолчал. Он разделил серебро на три части: одну часть отдал банщику, другую – людям из каравана, а на третью купил прохладительные напитки. Когда об этом узнал правитель, он приказал бросить поэта под ноги слону. И поэт вынужден был бежать. Много лет он скитался вдали от родины, и лишь в старости решил вернуться на родину.

Однажды главный министр в присутствии султана произнес двустишие из великой поэмы, эти строки произвели огромное впечатление на султана, и он сменил гнев на милость, решив вознаградить поэта. Но когда караван с дарами входил в ворота города, из противоположных ворот вынесли носилки с телом Фирдоуси.

В этом повествовании – тема поэта и поэзии. Несмотря на удары судьбы и отсутствие признания, поэт всегда идёт вперёд. Он пронесёт своё жизнеутверждающее творчество через всю жизнь. Великий поэт всегда осознаёт свою значимость и значение своих стихов, он верит, говоря словами М. Цветаевой, что «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд!». И это, действительно, произошло... Султану потребовалось время «настояться», «созреть», подобно вину. Стихи за это время не изменились, но стали понятны и оценены новым временем и поколением. Эпопея «Шахнаме» вошла в сокровищницу мировой литературы, бессмертные строки Фирдоуси и поныне звучат на языках многих народов мира.

В основе поэмы Г. Гулия «Сказание об Омар Хайяме», легенда о встрече великого поэта и учёного с юношей, который пришёл к нему из дальних стран, преодолев пески пустыни, чтобы узнать у мудреца тайну поэзии и личности поэта. Омар Хайям ответил в присущей ему лаконичной манере, что поэт должен быть осведомлённым во всех науках, его значение в духовной жизни общества покажет лишь время, а поэзия – это сама жизнь во всех ее проявлениях. Без легендарного Омара Хайяма, не был бы золотым и радостным век поэзии, и до сегодняшнего дня он остаётся самым цитируемым поэтом всех времён и народов. Его слова оказались пророческими:

«Будь всемогущ как маг, проживи сотни лет.
В тёмной бездне веков не увидят твой свет.
Лишь в легендах порой наши судьбы мерцают.
Стань же искрою счастья среди этих легенд!»

Как удаётся поэту достичь глубины понимания мира, задеть самые сокровенные струны нашей души, заставить нас восхищаться, страдать, любить, таять от нахлынувших чувств, и, даже плакать!? Как удаётся поэту «дойти до сути, до основания»? Эта притягательная тайна всегда привлекала исследователей. И на сегодняшний день нет разгадки этого поэтического волшебства, этого таинства воображения, вдохновения, интуиции, инсайта! Механизм восприятия и воздействия поэтических произведений – малоизученная область междисциплинарных исследований. Этот феномен необходимо изучать в широком спектре гуманитарных дисциплин. Выделяют 4 контекста, в которых раскрывается это волшебство: 1. Философско-антропологический (Легенда о Фирдоуси). 2. Социокультурный (Легенда об Омаре Хайяме). 3. Литературоведческий (Легенда о башмачнике Маруфе). 4. Психологический (Легенда о Рудаки) [Поэзия. Опыт междисциплинарного анализа, 2015: 11]. Жанр легенды позволяет рассмотреть эти сложные контексты – поэтическим языком, образным и лаконичным. Благодаря такому подходу густые философско-поэтические смыслы становятся ясными и понятными. Именно такой междисциплинарный подход позволяет рассмотреть феномен поэзии во всей её многогранности, фило-

софско-лингвистической глубине и красоте. Теоретическое осмысление этой тайны всегда будет актуальным, так как является неперенным условием дальнейшего развития человека.

Заключение. Вышеизложенные 4 контекста понимания сущности поэзии были рассмотрены нами через призмы легенд о поэтах Средней Азии. Только в единстве всех подходов возможно понимание сущности поэзии. Поэтическая форма легенды позволяет точнее, выразительнее передать понимание этого удивительного феномена человеческого духа. Легенды о великих ... они всегда будут жить, они будут передаваться из уст в уста, ибо события, происходящие в легендах – одновременно и чудо, и достоверность. Ярчайшие представители «Золотого века» Средней Азии – это поэты, ставшие легендами: Абульхасан Рудаки, Шахид Балхи, Абулькасим Фирдоуси, Омар Хайям, Низами Гянджеви, Афзалатдин Хакани, Ибн Сина (Авиценна), Алишер Навои, Амир Хосров Дехлеви, Джалалатдин Руми, Саади Ширази, Хафиз Ширази, Аттатр Нишапури, Махмуд Пахлеван, Насир Хусроу, Абдурахман Джами. Жизнь и судьба этой блестящей плеяды поэтов «Золотого века» окутана множеством легенд. Дошедшие до нас из глубины веков легенды о поэтах свидетельствуют об огромном влиянии поэтов на умы всех поколений и народов. Творчество златоустов этой поры является сокровищницей не только национальной, но и мировой литературы. В строках великого родоначальника узбекской литературы Алишера Навои гимн поэтическому слову:

«Ведь слово – дух, что в звуке воплощён,
Тот словом жив, кто духом облачён.
Речь – лепесток тюльпана в цветнике,
Слова же – капли роз на лепестке.
Бог человека словом одарил
Сокровищницу тайн в него вложил...
Что жемчуг, если слово нам дано?
Оно в глубинах мира рождено,
О, боже, дай мне бедному в удел,
Чтоб я искусством слова овладел».

Библиография

- Брагинский, И. С. Персидско-таджикская литература (IX–X вв.) / И. С. Брагинский. – URL: <http://www.philology.ru/literature4/braginskiy-84.htm> (дата обращения: 19.06.2022). – Текст : электронный.
- Бродский, И. А. Поэзия как форма сопротивления реальности // Сочинения Иосифа Бродского Т.VII / И. А. Бродский. – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001. – 122 с. – ISBN: 5-89803-086-7. – URL: <http://booksonline.com.ua> (дата обращения: 19.01.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.
- Ворожбитова, А. А. Филолог-исследователь как профессиональная языковая личность: лингвориторический подход : учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. – 176 с. – ISBN 978-5-88702-641-1. – Текст : непосредственный.
- Выготский, Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1987. – 344 с. – Текст : непосредственный.
- Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры. Переводы с немецкого языка / под ред. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1985. – 449 с. – Текст : непосредственный.
- Демченко, Л. Н. Средневековая поэзия народов Средней Азии и Закавказья. Материалы по истории литературы народов СНГ: учебное пособие / Л. Н. Демченко. – Усть-Каменогорск : Издательство ВКГУ им. С. Аманжолова, 2013. – 112 с. – ISBN 978-601-7196-57-8. – Текст : непосредственный.
- Маслова, В. А. Русская поэзия 20 века. Лингвокультурологический взгляд / В. А. Маслова. – Москва : Высшая школа, 2006. – 256 с. – ISBN 5-06-005313-X. – Текст : непосредственный.
- Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. – Москва : Смысл, 2015. – 480 с. – ISBN 978-5-89357-343-5. – Текст : непосредственный.
- Рудаки. Избранное / предисловие И. Брагинский. Перевод с таджик-фарси С. Липкина, В. Левика. – Москва : Художественная литература, 1958. – 150 с. – Текст : непосредственный.
- Спиркин, А. Г., Акчурин И. А., Карпинский Р. С. Легенда // Словарь иностранных слов / А. Г. Спиркин и др. – Москва : Русский язык, 1984. – С. 274. – Текст : непосредственный.
- Старр, Ф. «Утраченное Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана» / Ф. Старр. – URL: <https://nauchkor.ru/media/tak-govoril-al-horezmi-kak-uchenye-iz-tsentralnoy-azii-povliyali-na-razvitiye-nauki-v-srednie-veka-585455fa5f1be747934c44c2> (дата обращения: 19.06.2022). – Текст : электронный.
- Фирдоуси. Шах-наме. Поэмы / Вступ.статья Б. Гафурова, примечания Н. Османова, перевод С. Липкина и В. Державина – Москва : Художественная литература, 1972. – 798 с. – ISBN 978-00-1456232-0. – Текст : непосредственный.
- Яковлев, Е. Г. Эстетика : учебное пособие / Е. Г. Яковлев. – Москва : Гардарики, 1999. – 464 с. – ISBN 5-7975-0121-X. – Текст : непосредственный.
- Янгутова, Р. Р. Вильгельм фон Гумбольдт. От этики к эстетике: «Закон наивысшей чувственности» / Р. Р. Янгутова. – Издатель: Германия, Lap Lambert Academic Publishing, 2016. – 120 с. – ISBN 978-3-659-86420-9. – Текст : непосредственный.

**Анализ предмета сравнения как части компаративной конструкции
(на примере рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет»)**

¹Разуваева Людмила Владимировна
²Шерстникова Светлана Валентиновна

¹Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Россия
394000, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10
кандидат филологических наук, доцент
Email: razuvaeva_79@mail.ru

²Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Россия
394000, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10
преподаватель
Email: s.scherstnikowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структурного компонента компаративной конструкции – предмет сравнения, встречающегося на страницах рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет». В ходе анализа было выявлено семантическое разнообразие используемых предметов, дана частотная классификация когнитивных сфер описанных предметов сравнения, сделан вывод об антропоцентрической модели художественного дискурса.

Ключевые слова: компаративная конструкция, предмет сравнения, когнитивная сфера, дихотомия, антропоцентризм, художественный дискурс.

УДК 821.161.1

**Analysis of the object of comparison as part of a comparative construction
(On the example of A. Kuprin's story "The Garnet Bracelet")**

¹Lyudmila V. Razuvaeva
²Svetlana V. Sherstnikova

¹Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Russia
10 Studencheskaya Str., Voronezh 394000
PhD (Philology), Associate Professor
Email: razuvaeva_79@mail.ru

²Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Russia
10 Studencheskaya Str., Voronezh 394000
Lecturer
Email: s.scherstnikowa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structural component of the comparative design – the object of comparison found on the pages of A. I. Kuprin's story "The Garnet Bracelet". The analysis resulted in revealing a semantic diversity of the used objects, and providing a frequency classification of the cognitive spheres of the described objects of comparison, and making a conclusion of an anthropocentric model of artistic discourse.

Keywords: comparative construction, object of comparison, cognitive sphere, dichotomy, anthropocentrism, artistic discourse.

UDC 821.161.1

Введение. Компаративная конструкция включает в себя три структурных компонента: предмет, основание и образ сравнения, также в эту конструкцию могут входить союзы. Например, союзы *как*, *будто* и др. Сравнение используется с целью более ярко и наглядно изобразить предмет речи, дать эмоциональную оценку явлению, действию. В связи с этим сравнение широко встречается в языке художественных произведений. Авторы текстов стараются подобрать такие компаративные конструкции, которые смогли бы добиться правдивости изображения, зримости предметов. Обычно используют яркие, ёмкие, но в тоже время понятные и известные читателю образы. Наблюдая за употреблением сравнений, А. Ф. Ефремов, например, отмечал, что в языке художественной литературы обычно «сопоставляются неоднородные предметы и явления, что приводит к возникновению пластически зримых и акустически достоверных образов» [Ефремов 1968: 59]. Под сопоставлением неоднородных предметов понимается использование в одной компаративной конструкции одушевленных и неодушевленных предметов, человека и животного, абстрактного и конкретного явления.

Предмет сравнения – это именно та часть компаративной конструкции, которая дает толчок автору текста для создания ассоциации. В центре сопоставления оказывается не только человек и его действия, но и неодушевленные предметы, окружающие человека, абстрактные явления. Предмет сравнения как компонент компаративной конструкции художественного текста выявляет природу явления, подчеркивает характеристику предмета, являющуюся, с точки зрения автора текста, наиболее важной. Все это дает возможность писателю выразить свою позицию к предмету сравнения, раскрыть суть описываемых явлений.

В современном художественном дискурсе выявлены и классифицированы по степени частотности когнитивные сферы первого компонента компаративной конструкции – предмет сравнения. Название и описание данных сфер дано в автореферате диссертации Разуваевой Л.В.: «1) антропологическая, 2) артефактная, 3) зоологическая, 4) натурфактная, 5) абстрактная, 6) мифологическая» [Разуваева 2009: 13].

Материалы и методы. Опираясь на данную классификацию, рассмотрим компаративные конструкции в рассказе А. Куприна «Гранатовый браслет». Будем анализировать предметы компаративных конструкции по принадлежности к той или иной сфере указанной классификации. Описание расположим по степени частотности в рассказе, от меньшего к большему.

Обсуждение. Наименее частной в анализируемом художественном тексте выступает группа зооморфов. В рассказе появляется только одно животное. Это рыба, которую планировали приготовить на ужин в честь именин главной героини Веры Николаевны: «...от громадной хищной морды шли в стороны два нежно-голубых складчатых, как веер, длинных крыла» [Куприн 1987: 152]. Здесь прослеживается дихотомия (часть-целое). Дихотомия проявляется в том, что в качестве предмета сравнения выступает не целая реалья, а ее часть. Так в рассказе сравнению подвергается не сама рыба, а только ее части – плавники-«крылья», придающее этой рыбе индивидуальность и видовое своеобразие. Зооморфы в этом рассказе больше не появляются, т.к. рассказ посвящен теме любви, а значит человеческим чувствам: внутреннему состоянию героев и отношению к другим персонажам.

Следующая по частоте использования группа артефактов. Артефактная группа, как правило, включает те предметы сравнения, которые необходимы автору для создания внешнего пространства героев. Артефакты в качестве предметов сравнения подчеркивают детали быта, его особые черты, которые в свою очередь характеризуют персонажи или ситуации с ними связанные. Так подарок княгине от сестры говорит об утонченности обеих героинь. Анна долго искала необычный предмет, зная, что Вера его сможет оценить: «Книжечка была прикреплена к тоненькой, как нитка, золотой цепочке...» [Куприн 1987: 150]. А при описании комнаты Желткова Куприн обращает внимание читателя на нелепые, не подходящие к этому месту окна: «**Два круглых окна, совсем похожие на парходные иллюминаторы...**» [Куприн 1987: 178]. Нелепость ситуации, когда двое взрослых мужчин пришли обвинять третьего в чувстве любви к женщине, отражается в этих нелепых окнах ничем не примечательной на первый взгляд среднестатистической арендуемой комнаты.

Три следующие группы (антропологическая, натурфактная и абстрактная) представлена в рассказе «Гранатовый браслет» наиболее широко. Автор затрагивает тему великой любви, любви-трагедии. Именно поэтому один из героев, генерал Аносов, сводит все свои военные рассказы к описанию взаимоотношений мужчин и женщин, встречавшихся на его жизненном пути. Он, старый человек, прожил жизнь без любви, но верит в то, что она должна существовать «...бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды... **«сильная, как смерть»**» [Куприн 1987: 171]. Такая любовь дается людям как подарок, награда. И здесь в рассказе только один достойный подобной любви герой, счастливый человек – Г. С. Желтков: «...богу было угодно послать мне, **как громадное счастье, любовь к Вам**» [Куприн 1987: 183]. Компаративная конструкция «любовь, как громадное счастье» относится к абстрактной сфере и подчеркивает не только силу чувства героя рассказа, но и отношение самого автора к любви. Любовь у Куприна – божественный дар, достойным которого может быть только избранный.

Избранным в данном художественном тексте оказывается мелкий скромный чиновник Г.С. Желтков. Он счастливый обладатель большого сердца и большого чувства. Очевидно, в связи с тем, что фигура Желткова ключевая в рассказе, при создании его образа Куприн использует много компаративных конструкции, дополняющих и уточняющих образ героя. Здесь также наблюдается дихотомия (часть – целое): «...губы у него были белые и не двигались, как у мертвого» [Куприн 1987: 180]; «...Глаза его блестели и были так глубоки, как будто наполнены непролитыми слезами» [Куприн 1987: 182].

Описание внешности персонажа через детали, с использованием сравнения как средства выразительности, говорит о том, что для Куприна важно создать подробный образ этого героя. Желтков только на первый взгляд не примечателен, обыден. При внимательном анализе его лица мы видим необычность и красоту его черт. Губы и глаза героя говорят нам о том, что перед нами интересный и привлекательный человек. Губы «как у мертвого» выражают временное чувство неловкости перед пришедшими мужчинами, близкими Вере. Чувство неловкости связано с обещанием молчать о своей любви, чтобы не обидеть замужнюю женщину. Глаза же указывают на постоянный признак Желткова. Глаза – зеркало души – были «глубоки, как будто наполнены непролитыми слезами» [Куприн 1987: 182], слезами возможного счастья. И при описании выражения лица Желткова после смерти опять внимание автора падает на детали: «...губы улыбались блаженно и безмятежно, как будто он перед расставанием с жизнью узнал какую-то глубокую и сладкую тайну, разрешившую всю человеческую его жизнь» [Куприн 1987: 187]. Данная компаративная конструкция подчеркивает мысль Куприна о том, что настоящая любовь настолько сильна, что и после смерти влюбленный счастлив.

Немаловажную роль в рассказе автор отдает и натурфактной сфере. Природа в его произведении живая, создающая необходимую атмосферу действиям героев, подчеркивающая важность событий и чувств произведения.

Так в начале рассказа говорится о плохой погоде: «...шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик» [Куприн 1987: 144]. То «от него [урагана] верхушки деревьев раскачивались, пригибались и выпрямлялись, точно волны в бурю» [Куприн 1987: 145]. Только в день именин Веры Николаевны был тихий спокойный осенний день: «...бутоны и розы, но уже измельчавшие, редкие, точно выродившиеся» [Куприн 1987: 146] или «...закат догорал. Погасла последняя багровая, узенькая, как щель, полоска...» [Куприн 1987: 165]. Увядавшие розы, догоревший закат демонстрируют отсутствие перспективы радости, яркости, остроты в жизни героев. Не случайно муж Веры Николаевны скажет о жителях города, да и о себе, вероятно, «Все живут точ-

но в стеклянных банках» [Куприн 1987: 177], то есть – спокойно и обыденно, закрываясь от различных потрясений. В таких «банках» нет места сильным чувствам. Эмоции могут «разбить банки», привлечь внимание, выставить в смешном неблагоприятном свете. Этому почтенные семьи опасаются и всячески избегают. Живут от сезона к сезону, боясь непогоды, т.к. в это время «...огромная сирена на маяке ревели...точно бешеный бык» [Куприн 1987: 144]. Погодные невзгоды – самые сильные перипетии в жизни героев данного произведения. В конце рассказа после смерти Желткова и прощания с ним у Куприна также встречается компаративная конструкция, где предметом сравнения выступает явление природы – ветер. И это не ураган, буря, шквал, захватывающий все на своем пути. Это легкий, едва ощутимый ветерок. На Веру «налетел легкий ветер и, точно сочувствуя ей, зашелестел листьями» [Куприн 1987: 189]. Ветер был легким, так как сильного чувства героиня испугалась. Он «точно сочувствуя» шумел вокруг героини, потому что великая и сильная любовь только слегка коснулась героини, не задев ее чувств. Понимание случившегося было и у самой героини: «И душа ее как будто бы раздвоилась» [Куприн 1987: 188]. Предмет сравнения «душа» относится к абстрактной сфере, но напрямую связан с антропологической, т.к. речь идет о душе человека.

К антропологической сфере относятся компаративные конструкции рассказа, где предметом сравнения выступает не только внешность героев (описание лица Желткова, например), но и сами герои – мужчины и женщины. Еще в начале рассказа генерал Аносов противопоставляет их друг другу, когда рассуждает о великой любви, вернее о ее отсутствии. «Виноваты мужчины ... с цыплячьими телами и заячьими душами...» [Куприн 1987: 173] или «Они [женщины] будут одеваться, как индийские идола. Они будут попирали нас, мужчин, как презренных, низкопоклонных рабов» [Куприн 1987: 174]. Мужчины и женщины в рассказах генерала разнообразны, поэтому и компаративные конструкции содержат различные образы сравнения: «...он [муж] ухаживал... Как нянька, как мать» [Куприн 1987: 173] или «И вот ...светлое сокровище [жена]... с денщиками собачится как кухарка» [Куприн 1987: 170] и др. Антропологическая сфера самая частотная. Предмет сравнения – человек – в рассказе А. Куприна «Гранатовый браслет» наиболее популярен и значим, т.к. рассказ посвящен чувствам и взаимоотношениям мужчин и женщин, а точнее их способности любить.

В особую группу можно выделить компаративные конструкции, встречающиеся в шуточном рассказе мужа Веры Николаевны о ее тайном поклоннике юности. Здесь выбивающийся манерой и содержанием из всего повествования рассказ Василия Львовича содержит устойчивые сравнения, штампы. Например: «Дитя, ты ... летишь, как мотылек на блестящий огонь» [Куприн 1987: 164] или «Твой взгляд, как ядовитый змей...» [Куприн 1987: 164] или «...как благовоспитанная и воспитанная девица, она показывает письмо» [Куприн 1987: 164]. Устойчивые сравнения в данном контексте говорят о сухости и неуместности при описании великого и вечного чувства любви.

Заключение. Таким образом, семантика лексической единицы, называющей предмет сравнения, помогает увидеть все выделенные писателем детали, подчеркивает особые ассоциативные связи автора, погружает в мир произведения, созданного его воображением.

В рассказе А. Куприна «Гранатовый браслет» встречаются компаративные конструкции, где предмет сравнения может принадлежать ко всем шести концептуальным сферам, заявленным в начале работы. По степени частотности они распределяются следующим образом: зооморфная, артефактная, абстрактная, натурфактная, антропологическая. Такое распределение закономерно, т.к. рассказ посвящен уникальной способности человека любить. Внешность, характеры персонажей, их взаимоотношения актуализируются автором при помощи компаративной конструкции, семантика которой дает нам возможность точнее понять замысел художественного произведения. В ходе анализа прослеживается и стремление использовать не весь предмет для сравнения, а его детали. Например, части лица героя (губы, глаза), части рыбы (плавники). Также проведенный анализ подтверждает антропоцентризм художественного дискурса, т.к. человек выступает как основной предмет сравнения, а предметы сравнения из других концептуальных сфер так или иначе опосредовано связаны с человеком.

Библиография

Ефремов, А. Ф. Сравнение как основная стилистическая категория / А. Ф. Ефремов // Некоторые вопросы теории и методики преподавания русского и иностранного языков [Текст]. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. – 114 с. – Текст : непосредственный.

Куприн, А. И. Гранатовый браслет / А. И. Куприн // Рассказы. – Москва, 1987. – 191 с. – Текст : непосредственный.

Разуваева, Л. В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира (на материале русской прозы конца 20 – начала 21 веков): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Разуваева Людмила Владимировна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2009. – 23 с. – Текст : непосредственный.

**Федор Степун как литературная личность русского зарубежья:
лингвориторический аспект (Ф. Степун. Встречи)**

Стеркина Наталья Иосифовна

Всероссийский институт кинематографии (ВГИК), Россия
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3
старший преподаватель, член Союза писателей Москвы, член Союза российских писателей
Email: nataliasterkina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается текст Ф. Степуна с точки зрения лингвориторики. В первую очередь уделяется внимание структуре предложения. Кроме того, внимание уделяется лексике и стилистике. Ф. Степун, философ и писатель, обладая необыкновенно тонким чувством языка, создавал уникальные по силе тексты.

Ключевые слова: текст, глагол, структура, Ф. Степун, лингвориторика, стилистика, литературная личность, грамматика, лексика, русское зарубежье.

УДК 808+81'42

**Fyodor Stepun as a literary personality of the Russian diaspora:
the linguistic & rhetorical aspect (F. Stepun. Meetings)**

Natalia I. Sterkina

All-Russian Institute of Cinematography (VGIK), Russia
3 Wilhelm Pieck Str., Moscow 129226
Senior lecturer, member of the Union of Writers of Moscow, member of the Union of Russian Writers
Email: nataliasterkina@yandex.ru

Annotation: The article considers the text by F. Stepun from the point of view of linguistics & rhetoric. First of all, attention is paid to the structure of the sentence. In addition, attention is paid to lexis and style. F. Stepun, philosopher and writer, possessing an unusually subtle sense of language, created texts that were unique in their power.

Keyword: text, verb, structure, F. Stepun, linguistics & rhetoric, stylistics, literary personality, grammar, lexis, the Russian diaspora.

UDC 808+81'42

Введение. Приступая к данной теме, необходимо объяснить понятия «литературная личность» и «лингвориторика». Литературной личностью является далеко не каждый пишущий и даже публикующийся человек. Недостаточно быть автором статей, книг, диссертаций и т.п. Посмотрим, какое определение личности дается в словарях. «Личность, одно из центральных понятий философии и психологии, человек, рассматриваемый преимущественно как автономный носитель и субъект культуры, исторически сложившихся форм мироотношения, которые он реализует в своей деятельности» [БРЭ 2004: 397]. «Личность – это индивид» [Словарь синонимов 1975: 587]. «Личность – это субъект культуры, являющийся автором своей жизни» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 374]. «... С позиций ЛР парадигмы категория литературная личность, в отличие от языковой личности, подразумевает специфические наслоения на инвариантном ядре последней в виде: профессиональной, значительно превышающий обычный уровень лингвориторической компетенции, реализующей тот или иной тип идеоречецикла; риторского статуса, художественно-эстетического (собственно литературного) статуса. Соотношение данных категорий можно наглядно представить формулой: ЯЛ + ЛРК + ИРЦ + РС + ЛС = ЛЛ, т.е. языковая личность + лингвориторическая компетенция (тип идеоречецикла) + риторский статус + литературный статус = литературная личность (с ее диалектическими гранями «субъект речи – образ автора»)» [Ворожбитова 2019: 167–168].

Если обобщить все вышесказанное, получается, что «литературная личность» – это индивид, имеющий свое мироощущение, строящий свою жизнь сознательно и творчески, проявляющийся преимущественно в сфере литературы. Такая личность не может не иметь обратной связи с аудиторией, с кругом образованных современников. В нашем случае мы обсуждаем литературную личность русского зарубежья. Русским зарубежьем принято называть эмигрантов первой волны (20–40 гг. XX в.)

Материалы и методы. Материалом для исследования явились тексты русского писателя и философа Ф. Степуна, изобилующие приемами лингвориторики: богатой лексикой, фразеологизмами, синтаксическими конструкциями. Методы исследования – описательный, системный анализ, текстологический, интуитивный, интерпретативный.

Обсуждение. В статье литературная личность Федора Степуна рассматривается как мастер слова, носитель высокого уровня профессиональной лингвориторической компетенции. Лингвориторика – это интегративный системно-структурный подход к речемыслительной деятельности человека, когда в речевых событиях разных типов языковой и литературной личностью реализуется весь семантико-синтактико-прагматический потенциал языка С позиций ЛР подхода выделен 4-й аспект семиотики, «теоантропокосмика» (отношения «знак – Высшие Силы»). ЛР парадигма определяется как интегративная научная призма исследования речемыслительных феноменов и коммуникативных явлений, различных дискурс-практик и дискурс-ансамблей,

формирующаяся на пересечении терминологических платформ: 1) лингвистики (антропоцентрической, системно-структурной, когнитивной, культурологической и др. направлений языковедения); 2) риторики (классической и неориторики, теории текста и дискурса, стилистики и др. направлений речеведения) [Ворожбитова 2019: 8]. Таким образом, лингвориторическая парадигма Сочинской школы неразрывно связана с риторикой, но при этом равноценное внимание уделяется и собственно языковой стороне высказывания.

Русский язык (как и любой другой) – это система, все элементы которой взаимосвязаны. В данной статье, так как речь идет о письменной речи, на первый на первый план выходят лексический, морфологический и синтаксический уровни. Очень важен грамматический состав, то есть использование морфологических норм разных частей речи, синтаксических конструкций. Не менее важна лексика – выбор слов. Лексика у исследуемой литературной личности (Ф. Степуна) тесно связана с синтаксисом. Очень важна структура предложения, порядок слов. Но, пожалуй, самым главным является отбор выразительных средств, делающих письменную речь красочной и эффективной. Языковое высказывание, безусловно, должно обладать своим стилем.

Автор художественного текста – литературная личность – должен иметь определенный багаж знаний, умений. Использование речевых фигур, украшающих речь (устную и письменную) – необходимая компетенция литературной личности.

Федор Августович Степун родился в России в 1884 году в смешанной немецко-шведской семье. Рос и воспитывался в русской среде в Калужской губернии, то есть, как и В. Даль, впитал в себя язык родины.

Закончив реальное училище в Москве, отбыв воинскую повинность, он отправился изучать философию в Гейдельбергский университет. Его интересовала немецкая философия, творчество немецких романтиков. Позже все больше и больше привлекала русская философия, диссертацию он написал о философии В. Соловьева. С 1922 г. (был выслан из России) жизнь Ф. Степуна связана с Германией, а творчество, по-прежнему, с Россией.

Ф. А. Степун – крупная личность Русского зарубежья. Он преподавал в Берлине в Русском научном институте, был одним из редакторов журнала «Новый град», преподавал философию культуры на созданной им кафедре истории русской культуры в Мюнхенском университете.

Дм. Чижевский, российский и немецкий славист, говорил, что Ф. Степун (эта мысль может показаться парадоксальной) утверждал, что существует теснейшая связь между истиной и ее носителем, личностью. И поэтому, делая вывод чужой, творчество Степуна отличает особое целеполагание – как философ он указывает пути достижения этой цели. Чижевский писал: «Этой задаче посвящено всегда содержание его писаний и речей, и этой же задаче служит и увлекательная художественная форма, которую он придает этому содержанию» [Цит. по: Степун 1998: форзац].

Попробуем с позиции лингвориторики разобраться в специфике «писаний и речей» Ф. Степуна на материале его сборника «Встречи». Если каждый текст – это «монтаж предложений», а стержнем предложения является глагол, то и начнем с анализа предикатов. Рассмотрим глагол с точки зрения грамматики (вид) и стилистической окрашенности.

В «Предисловии автора» употребляется глагол «прикидывать». «Я долго думал, прикидывал, как мне озглавить свою книгу» [Степун 1998: 5]. Используя глаголы несовершенного вида в прошедшем времени, автор сразу погружает читателя в процесс работы, рассказывает, как именно это происходило в его «творческой лаборатории», делает его сотворцом. Такой риторический прием представляется очень выигрышным. «Прикидывал» – это литературно-разговорная лексика, конечно, а «думал» – литературная. Поставленные рядом глаголы дают наиболее сильный эффект, быстрее приближают к цели – донести до читателя основную мысль. Кроме того, здесь есть и наречие «долго». К наречиям Ф. Степун относится не менее внимательно. Академик А. А. Шахматов считал, что они служат, в том числе, и для выражения чувств рассказчика (писателя), отношения к тем или иным действиям [Шахматов 2001].

Так, в предисловии встречается рассказ о разборе романа Л. Леонова «Вор». «Я охотно разбирал... с моими студентами и охотно свидетельствую, что это был один из самых живых и увлекательных моих семинаров» [Степун 1998: 6]. Глагол «свидетельствовать» относится к специальной лексике. Степун и здесь использует несовершенный вид, но настоящее время. «Я свидетельствую» звучит несколько торжественно, может быть, даже пафосно. Но если помнить о «целеполагании», то становится понятно – автор укрупняет, усиливает деталь. Этот семинар запоминается. Яркое заявлено позиция автора – ведь свидетельствовать очень ответственно. Интересно сочетание с наречием «охотно» – более мягким, почти домашним. С радостью, с готовностью... Степун – участник, очевидец действия – семинара. Сильное личностное начало подкреплено дважды повторенным местоимением. «С моими студентами...». «Моих семинаров...» Вокруг глагола – стержня существуют эмоционально подкрепляющие его части речи.

В своем предисловии Ф. Степун обращается к литературоведам, которым «может быть, будет интересно проследить разницу стили и словаря между самой ранней статьей... и самой последней» [Степун 1998: 4]. Здесь важны слова «стиль» и «словарь». В предложении «Удачно только название, которое является как бы портретом книги, указанием на ее сущность» [Степун 1998: 4], речь, безусловно, идет о лексическом выборе единственно верного слова. Книга названа «Встречи». К существительному подбираются прилагательные, эмоционально окрашенные эпитеты. «Мимолетные» и «вековечные» – антонимы. Кроме того, что слова разнятся по смыслу: непродолжительное и постоянное (одно из значений), они еще интересны по звукописи: два М в первом случае, два В – во втором; ТН – в первом, ЧН – во втором. Но далее автор усложняет задачу: он расширяет представление о «встречах», нанизывая на временную нить еще один эпитет: мимолетные иногда «остаются на всю жизнь незабвенными» [Степун 1998: 4].

Говоря о своих «встречах» с Л. Толстым и Ф. Достоевским, Ф. Степун употребляет эпитет «углубленный». «Настоящие углубленные встречи... произошли, однако, позднее...». Эмоционально окрашенный эпитет!

Именно «тематику и окрашенность» считает автор отличительной чертой своих статей. Да, именно интересная тематика и прекрасное оформление делают письменную речь образцом лингвориторики.

Вот еще пример, как Степун использует «увлекательную художественную форму» (Дм. Чижевский). Ф. Степун рассказывает о своих встречах с Буниным. «Это была непередаваемая ворожба: он исходил светом вдохновения, был как облаком охвачен им» [Степун 1998: 8]. Он излучал (вновь глагол несовершенного вида) свет и – усиление – сам был им охвачен (краткая форма причастия, пассив). Вот она – «ворожба». Здесь тоже ощущается энергия, действие. Сильнее чем, например, в слове «волшебство» или «магия». Оторванный от стола поэт «продолжал писать вслух» [Там же]. Точный подбор слов, казалось бы, антонимичных создает напряжение, усиливает внимание.

Интересно работает Ф. Степун и с фразеологизмами. Говоря о Бунине в связи с его отношением к Блоку, он использует выражение «ни ухом ни духом не слышал» [Там же] Конечно, в основе «ни ухом ни рылом», но в данном случае зарифмованные слова точно характеризующие звериную (всеми отмечаемую) чуткость Бунина и его глубинну, интуитивность, достигают своей цели – останавливают внимание, запоминаются.

И еще пример, может быть, не столь яркий, но, тем не менее, демонстрирующий отношение к слову. Вспоминая Б. Зайцева, тоже связанного с Калужской губернией, Степун употребляет слово «земляк». «Солдатское слово “земляк” приобрело для меня вдруг какое-то новое содержание».

Сам Ф. Степун называл в «Предисловии» свою манеру письма «лирически- психологической» [Там же: 2].

Посмотрим, как эта манера проявляется в первой главе книги «Духовный облик Пушкина».

Стержнем первого абзаца является глагол «знать». «Образованные люди Западной Европы... много знают о Пушкине: они знают, что Россия считает его своим величайшим поэтом... знают они и то, что историки литературы... связывают его имя с именами таких великих людей, как Байрон, Гете и Шекспир... Но зная... европейцы Пушкина по существу не знают» [Степун 1998: 11]. Утверждения, отрицания – все держится на одном глаголе несовершенного вида! Далее Степун работает с существительным «незнание». Главной причиной незнания становится созданный Пушкиным «и в сущности, непередаваемый язык» [Степун 1998: 11].

Писатели и философы Русского зарубежья – говорит Степун – Дм. Мережковский, Вяч. Иванов, П. Струве, С. Франк, следуя за Достоевским, видели в Пушкине человека «всеобъемлющей любви и всепонимающего сердца». И, продолжая рассуждение на эту тему, добавляет: «Для понимания Пушкина очень важно выяснение духа и стиля его служения своему высокому званию и призванию» [Степун 1998: 12]. Здесь важно все и «выяснение» – существительное, имеющее в основе яркий глагол «выяснять», и конечно, любимые слова Степуна дух и стиль.

В этой главе Ф. Степун подробно разбирает стихотворение «Пророк». Он рассуждает о рождении поэта в человеке. Опираясь на слова Н. Бердяева, утверждающего, что человек не сразу становится личностью, Степун пишет: «...человеческая личность не рождается вместе с человеком, а создается повторным творческим актом...» [Степун 1998: 13]. Здесь важен глагол «созидать(ся)». Книжная лексика, безусловно, подходит для описания произошедшего с человеком: «...таким же актом создается, по Пушкину, и поэт в человеке» [Степун 1998: 13].

Не менее важен и глагол «пробуждать». «Почему все же в Пушкине был пробужден поэт, сказать, конечно, невозможно». Здесь краткая форма причастия. Конкретность, однократность. Перфект. Здесь интересно именно сочетание «был пробужден» – точная отсылка к поэтапному описанию акта творения в «Пророке». (См. в связи с этим анализ имплицитного лингвориторического сценария пушкинского «Пророка» [Ворожбитова 2019 : 38–45]).

Заключение. Итак, Федор Степун – языковая и литературная личность, одаренная особым слухом. Он слышит слово. Он – философ и писатель, для него важны идея, дух и стиль. Работая над текстом, Степун выстраивает каждое предложение, прислушиваясь к себе, используя богатый инструментарий русского языка. Выбор слов, порядок слов, эмоционально окрашенные эпитеты, повторы – все это становится элементами его «индивидуальной лингвориторики». Его сборник статей, рецензий эссе «Встречи» – прекрасный образец творчества яркой литературной личности Русского зарубежья.

Библиография

Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – Москва : Русский язык, 1975. – 600 с. – Текст : непосредственный.

Большая Российская энциклопедия. – Москва : Текст, 2004. – С. 397. – ISBN5-85270-320-6. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова А. А. Основы лингвориторической парадигмы: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. – 176 с. – ISBN 978-5-88702-645-9. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова А. А. Универсальный модуль: «Лингвориторическая парадигма как интегративный подход в филологической науке» (теоретические предпосылки) // Modern engineering and innovative technologies. – 2019. – Issue № 10. – Part 4. – С. 6–14. – DOI: 10.30890/2567-5273.2019-10-04-051. – Текст : электронный.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – С.319. – ISBN5-86547-070-1. – Текст : непосредственный.

Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 374. – ISBN5-93264-026-X. – Текст : непосредственный

Степун Ф. А. Встречи : сборник статей, рецензий эссе. – Москва : Аграф, 1998. – 256 с. – ISBN 5-7784-0054-3. – Текст : непосредственный.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Москва : Урсс, 2001. – С. 620. – ISBN 5- 8360-02363-0. – Текст : непосредственный.

Средства и способы формирования эмоционального фона «счастье» в малой прозе З. Прилепина

¹Шемелева Татьяна Владимировна
²Сапожникова Альбина Витальевна

¹Кубанский государственный университет, Россия
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: shemelevatv@mail.ru

²Кубанский государственный университет, Россия
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
студент
E-mail: 2001albina@gmail.com

Аннотация. Художественный текст – это модель действительности, реальность, которую создает писатель, опираясь на свою систему ценностей, культурологический опыт и на собственное видение мира. Автор ощущает некий импульс, который посылает эпоха, и откликается на него своим произведением. Писателю необходимы особые средства, которые помогут ему подготовить почву для адекватного восприятия текста, сформировать правильное отношение к описываемому явлению, поэтому любые средства: от слова до паралингвистических маркеров – должны работать на авторскую идею. В статье рассматриваются механизмы кодирования и декодирования эмоционального фона «счастье» в рассказе З. Прилепина «Какой сегодня случится день недели».

Ключевые слова: эмоция и эмоциональность, вербализация эмоций, эмотема, внутритекстовые и интертекстовые средства.

УДК 821.161.1

Means and methods of forming the emotional background in Z. Prilepin's short prose

¹ Tatiana V. Shemeleva
² Albina V. Sapozhnikova

¹Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040
PhD (Philology), Associate Professor
E-mail: shemelevatv@mail.ru

²Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040
Student
E-mail: 2001albina@gmail.com

Abstract. A literary text is a model of reality, a subjective reality that a writer creates based on his own system of values, cultural experience and his own vision of the world. The writer feels a certain impulse that the epoch sends, and responds to it with his work. The writer needs special tools that help him prepare the ground for an adequate perception of the text, form the right attitude to the phenomenon described, therefore any means – from words to paralinguistic markers – should work for the author's idea. The article discusses the mechanisms of encoding and decoding the emotional background of "happiness" in Z. Prilepin's story "What day of the week will happen today".

Keywords: emotion and emotionality, verbalization of emotions, emoticons, intratextual and intertextual means.

UDC 821.161.1

Введение. В последние годы текст интересует ученых как сложное единство, структурно-смысловая целостность, как результат взаимодействия многих систем. С представлением о тексте как о системе теснейшим образом связаны проблемы текстовых единиц, структурно-смысловых принципов организации текста. Изучение языка художественной литературы, который рассматривается как язык «отраженный», неминуемо приводит к рассмотрению его основной эстетической функции, базирующейся на эмоциональном воздействии на читателя. Художественный текст отличается непереносимое авторско-читательское взаимодействие, при котором происходит вовлечение сторон в своеобразный диалог. В большинстве случаев мотивом к коммуникации становится сама форма общения: повествование, описание или рассуждение [Азнаурова 1988: 94].

Одна из главных функций эмоций состоит в том, что они помогают ориентироваться в окружающей действительности, оценивать предметы и явления с точки зрения их желательности или нежелательности, полезности или бесполезности. Те эмоциональные состояния, которые характеризуются длительностью и переживаются чаще других, получают отражение в языке. Таким образом, в нём закрепляются слова, которые обозначают наиболее частые и стойкие чувства, но они не исчерпывают всей эмоциональной палитры переживаний человека. Счастье как этическое понятие может быть рассмотрено с нескольких позиций: счастье – это наслаждение (гедонизм), счастье – это успех (утилитаризм), счастье – это отсутствие страдания, безмятежность души (эпикуреизм). Какими средствами, согласно эстетической концепции писателя, будет создан эмоциональный фон «маленькой повести», нам и предстоит выяснить. Цель исследования заключается в установлении

вербальных и невербальных средств выражения эмоционального фона «счастье» в малой прозе З. Прилепина с выявлением механизмов создания эмотемы произведения.

Материалы и методы. В работе использованы сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа текстовых смыслов, при котором учитываются словарные дефиниции и заложенные в них интегральные и дифференциальные признаки сопоставляемых явлений, а также метод целостного анализа художественного произведения. Объектом исследования послужил рассказ З. Прилепина «Какой случится день недели» из сборника «Грех» [Прилепин 2012].

Обсуждение. Эмоции являются основой содержания художественного текста, кодирование эмоций языковыми знаками формирует категорию эмотивности. Хотя эта категория имеет дискуссионный характер и ее содержательная природа не раскрыта достаточно четко и полно, также до конца не оформлен терминологический аппарат, статус эмотивности как категории последовательно доказывается рядом исследователей. Прежде всего, раскрывается отличие эмотивности от эмоции: «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции – психологическая категория, эмотивность – языковая» [Шаховский: 13]. Соглашаясь с тем, что эмотивность – категория языка, лингвисты подходят к описанию ее объема по-разному. Можно обнаружить узкое и широкое понимание эмотивности. В первом случае, эта категория соотносится с экспрессивной эмотивной лексикой и либо отождествляется с коннотацией [Шаховский 2009; Телия 1986], либо отождествляется с каким-либо из компонентов коннотации: эмоциональным компонентом [Гальперин: 25], оценочностью [Вольф: 38]. Во втором случае, эта категория охватывает все языковые, в том числе и лексические средства отображения эмоций [Квасюк 1983]. Подобное осмысление категории эмотивности предполагает, что она объединяет языковые единицы разных уровней. В работы мы придерживались такого широко взгляда.

Автор художественного произведения в качестве средства воздействия может использовать несколько эмоциональных тем текст, формируя, таким образом, эмотивный фон текста. Так, в анализируемом рассказе эмотема строится на принципе общности фоновых знаний автора и потенциальных читателей текста. Писатель отбирает в качестве темы произведения такие эпизоды жизни, которые, как он предполагает, окажутся понятными читателю, будут созвучными его эмоциональному миру, вызовут ответные чувства. Несмотря на то, что эмоциональный фон «счастье» как основа повествования проходит через весь текст (начало рассказа: «Сердце отсутствовало. Счастье – невесомо, и носители его – невесомы. А сердце – тяжелое. У меня не было сердца. И у нее не было сердца, мы оба были бессердечны»; конец рассказа: «Счастья будет все больше. Все больше и больше»), главный герой погружается в несколько микротем и испытывает несколько эмоциональных фонов.

Первым (гедонизм) является время, которое он проводит со своей возлюбленной: «Все вокруг стало замечательным», «пульсировала невесомость», «Ничего не могло коснуться настолько, чтобы вызвать какую-либо иную реакцию, кроме хорошего и легкого смеха», «Марысенка добредала до меня, с безупречным изяществом приседала рядом...», «Мы смеялись над продавцом, нас не могло унижить ничье брезгливое раздражение». Автор активно использует дериваты с уменьшительно-ласкательным значением (Марысенка, колоколец, блинчики и др.), подчёркивающие нежность и любовь, которая связывает героев; особую тематическую группу составляют слова и словосочетания, придающие лёгкость всему происходящему «невесомость», «легкий смех», «безупречное изящество». Даже наречие «тихо» поддерживает особое таинство, существующее между героями: «Мы тихо пошли домой».

Одним из способов вербализации эмоционального состояния говорящего является употребление в речи эмотивно-оценочных личных имен. С помощью этих языковых средств говорящий не только фиксирует границу личного пространства, но выражает эмоционально-оценочное отношение к собеседнику или ситуации в целом. Ярче всего это проявляется во внутреннем монологе героя, когда имена-обращения эмотивно-оценочного характера выступают как маркеры культурных и этнических традиции: «Бровкин – крепкий бродяга веселого нрава; Японка – узкоглазая, хитрая, с рыжиной псинка; Беляк – белесый недоросток; Гренлан – принцесса с навек жалостливыми глазами».

Состояние непрекращающегося счастья окутывает героя: новая ступень ощущения радости и удовлетворения (эпикуреизм) проявляется при сопоставлении между любовью к девушке и заботой о щенках: «Ну-ну, ты чего, милаха!», «пята», «ребятки», «...закружили рядом, неистово ласкаясь», «какие вы прекрасные ребята». При мягкой смене одного эмоционального фона на другой возникает некий «мост», а именно «шлёпанцы»: «...выбежал на улицу в шлёпанцах, которые неведомым образом ассоциировались у меня с моим счастьем, моей любовью и моей замечательной жизнью». Акцент на лексему «шлёпанцы», как на символ свободы, отсутствия условностей, сделан для соединения комнаты, где находится Марысенка – любовь всей его жизни, к улице, где слышен «забубенный лай щенят», к которым герой искренне привязался.

Третьим эмоциональным фоном является так называемая форма негативного восприятия. Первый конфликт возникает в старой «хрущёвке», где герой ищет своих щенков, а второй – во дворе дома, когда женщина натравливает свою собаку на беззащитную Гренлан. В данных эмоциональных фонах герой использует сниженную лексику: «твари грязные», «гады», «Где щенки, гнида?!», «людоеды», «бесхвостая тварь», «сука», «падаль». Данные лексемы способствуют пониманию всей боли и переживаний, которые испытывает рассказчик. Использование лексемы «дармоеды», которая имеет отрицательное значение, разговорно-неодобрительное, в тексте автором используется в качестве положительного. «Ну-ка, мою любимую встречать быстро! Зря ли я вас блинами кормлю, дармоеды!».

Возникшая оппозиция «счастье» (любовь) – «несчастье» (неприятность), выступает дополнительным фоном для понимания «счастья», т.е. именно чувства-антагонисты, как это ни странно, и составляют гармоническое равновесие внутреннего мира человека.

Темпоральная структура повествования выстроена автором параллельно: с одной стороны, сюжетная линия не прерывается во времени, с другой, герои живут или хотят жить вне времени: «Сегодня понедельник, –

сказала она. Хотя была суббота»; «Определенно, сегодня сместилось время. Вторник стал пятницей. Что же будет завтра?». Особое отношение героев ко времени выступает как константа, удерживающая эмоциональный фон, связанный со смысловым полем эмоций различного качества и интенсивности. Тема счастья, понимание его как недостижимой реальности или неосуществимой мечты является одной из важнейших мировоззренческих тем мировой культуры. В тексте художественного произведения «счастье» всегда присутствует как оценочное отношение человека к миру и себе, к самореализации в этом мире.

Эмотивные синтаксические идиомы в речи персонажей реализуют прагматические установки говорящего, опосредованно выражая эмоциональное состояние или отношение к собеседнику:

– Чего украли-то? – спросила она, когда я уже спускался.

“Невесту”, – хотел пошутить я, но передумал.

– Так... одну вещь...

Доминирование эмоциональной оценки проявляется, прежде всего, в том, что в соответствующих высказываниях эмоциональное отношение субъекта речи к действительности не называется, а выражается. Диалог мы рассматриваем как важные составляющие текста рассказа, описания или рассуждения; они служат средством репрезентации так называемого «персонажного плана». В условиях общения палитра речевых средств текста, в отличие от его языкового каркаса, оказывается более гибким прагматическим каналом передачи исходного намерения адресата. Несобственно-прямая речь включает риторические вопросы и восклицания:

«Почему в таких квартирах всегда оборваны обои? Они что, нарочно их обрывают?»

– Ты что плюешься? – спросил сильный голос.

В результате анализа было выявлено наличие двух типов диалога: прескриптивного и фатического. В отличие от прескриптивного фатический диалог не имеет непосредственной цели, но служит регулятором психологического состояния людей. Инициатором фатического диалога выступает герой-рассказчик, поскольку все происходящее, весь эмоциональный сплав эмоций передается через внутренний и внешний диалог молодого человека, через его отношения к миру, его ощущения счастья, его представления о будущем. Эмоциональное оценивание действительности автором происходит через актуализированный отбор языковых средств, писатель-творец постоянно находится в многомерном пространстве диалога, что не только отражает замысел автора, но и многое говорит об авторском самосознании. Являясь носителями определенной информации, паралингвистические средства также приобретают особую значимость в тексте, в речевом портретировании активно используется прием художественно-стилевого варьирования пунктуационных знаков (восклицательные и вопросительные знаки, многоточие).

В ходе анализа были выявлены различные способы маркирования эмоционального фона «счастье»: 1) лексемы, именующие эмоции, связанные с эмотемой «счастье»; 2) эмотивная лексика, способствующая описанию эмотемы «счастье»; 3) словообразовательные элементы (суффиксы субъективно-оценочные); 4) форманты, слова, словосочетания, ассоциативно связанные с эмотемой «счастье»; 5) стилистические средства; 6) паралингвистические средства. Специфика и эмоциональная неповторимость анализируемого рассказа связана с понятием эмоциональной доминанты, с представлением об эмоциональном переживании счастья, которое при разных проявлениях является универсальным.

Заключение. Эмотема «счастье» является ядром эмоционального содержания анализируемого рассказа, выступает в качестве текстообразующего фактора. Исследование показало, что к наиболее эксплицитным средствам создания эмоционального фона «счастье» относится само существительное «счастье» и производный антропоним «Марысенька». В рассказе проявляется эмоциональная компетенция автора, его знания об эмоциональных явлениях, его способность формировать межтекстовые компетенции читателей за счет приращения смысла. Принцип абсолютного антропоцентризма художественного текста проявляется через психологизацию внешней реальности, включение ее в сферу сознания главного персонажа и в различные языковые формы выражения. Особенность повествования в малой прозе Захара Прилепина состоит в сближении художественности и повседневности. При этом проза его – всегда конкретна и изобразительна. Стиль подчинен стремлению «хватить кусок жизни» в его каждодневной правдивости.

Библиография

Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова; Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. – Ташкент : Фан, 1988. – 119 с. – Текст : непосредственный.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 228 с. – Текст : непосредственный.

Гальперин, И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения, XI: сб. ст. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва: Наука, 1982. – С. 18–28. – Текст : непосредственный.

Квасюк, И. И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: (На материале разных частей речи соврем. англ. яз.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : (10.02.24). – Москва, 1984. – 28 с. – Текст : непосредственный.

Прилепин, З. Какой случится день недели. – URL: <https://avidreaders.ru/book/rasskazy7.html> (дата обращения: 20.05.22). – Текст : электронный.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1986. – 141 с. – Текст : непосредственный.

Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: [монография] / В. И. Шаховский. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2009. – 204 с. – ISBN 978-5-397-00204-2 – Текст : непосредственный

Раздел IV. Непрерывное лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система

Part Four. Continuing Linguistic & Rhetorical Education as an Innovative Pedagogical System

Проект «Звучащая метафора»: выбор поколения

Беляева Марина Юрьевна

Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Россия
353560, г. Славянск-на-Кубани, ул. Кубанская, 200
доктор филологических наук, профессор
Email: fliny@mail.ru

Аннотация. В статье представлены условия и результаты проекта «Звучащая метафора» для студентов-филологов в рамках учебной дисциплины «Лексикология». Целью проекта является формирование восприятия и классификации тропов, демонстрация представления метафор в современном песенном творчестве. В песнях выявлено преобладание языковых, аутоsuggestивных метафор. Тяготение к классическим метафорическим контекстам проявляется в выборе модели словосочетания с родительным падежом имени.

Ключевые слова: метафора, метафора языковая / авторская, метафорический контекст.

УДК 81'373:811.161

Project "Sounding Metaphor": The choice of a generation

Marina Yu. Belyaeva

Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban branch), Russia
200 Kubanskaya Str., Slavyansk-on-Kuban 353560
PhD, Dr Habil. (Philology), Professor
Email: fliny@mail.ru

Abstract. The article presents the conditions and results of the project "Sounding Metaphor" for philology students within the framework of the academic discipline "Lexicology". The aim of the project is to form the perception and classification of tropes, and to demonstrate the representation of metaphors in modern songwriting. The predominance of linguistic, autosuggestive metaphors was revealed in the songs. The inclination towards classical metaphorical contexts is manifested in the choice of the phrase model with the genitive case of the name.

Keywords: metaphor, language / author's metaphor, metaphorical context.

UDC 81'373:811.161

Введение. Под многозначным термином «метафора» понимается как «перекидывание лёгкого мостика, в одну былиночку, – частный признак, случайно подмеченное сходство, – к другому «понятию» и потом постепенное создание особого целого» [Ветухов 1913:73], так и «любой способ косвенного и образного выражения смысла, бытующий в художественном тексте и в изобразительных искусствах [Арутюнова 1999: 372]. «Экспансию метафоры в разные виды дискурса» [Там же] можно иллюстрировать материалом и выводами работы белгородских исследователей в области разговорной речи. ими отмечено «обилие метафор... в обычных будто бы репликах (где и когда меньше всего ждешь эстетки, а она есть!)» [Харченко 2013: 189].

В то же время за лишь 3 из 43 перечисленных в параграфе «Метафора» коммуникантов по возрасту и статусу принадлежит к молодежному контингенту [Харченко 2013: 103–107]. Ни в одном из примеров разговорного дискурса нами не были обнаружены песенные интертексты. Бедность, а чаще полное отсутствие в неофициальной речи молодежи цитации фрагментов из наиболее востребованного и доступного ресурса вызывает необходимость серьезной работы над обогащением речи обучающихся путем актуализации песенных интертекстов в речи.

Материалы и методы. На занятиях по дисциплине «Лексикология» мы предлагаем студентам-бакалаврам, обучающимся по профилям «Русский язык, Литература», представить свои мини-проекты, объединяя их в единый макропроект «Звучащая метафора». Целью последнего является формирование восприятия и анализа метафор в песнях популярных современных исполнителей на русском языке. Использовался метод учебных индивидуально-коллективных проектов, лексический анализ.

Работа над проектом предполагает три этапа. На первом этапе студенты выписывают примеры 3–4 метафор из песен (по выбору) с указанием авторов текста, музыки, исполнителей. Второй этап включает характеристику метафор в рамках одной из песен (по усмотрению студента).

В задачи каждого из участников проектирования входит выбор текста песни, краткое представление творчества авторов и (или) исполнителей музыкального произведения; выявление метафор в тексте, характеристика их по ряду параметров. Разработана схема анализа, состоящая из зон, несущих определенный вид лингвистической информации:

1. Прямое значение лексической единицы
2. Значение лексической единицы в тексте

3. Тип метафоры (языковая / авторская, речевая; аутосуггестивная / социосуггестивная)
4. Основание переноса (по сходству формы, цвета...)
5. Метафорический контекст (предикативной / непредикативной единицы)
6. Фоновые знания

Обязательным компонентом является запись звучания песни в формате MP 3 или на видео. Краткие сведения об авторах и (или) исполнителях музыкального произведения, истории его создания, а также контексты, включающие метафорику, выносятся в презентацию.

На третьем этапе подводятся итоги исследования, обобщаются результаты мини-проектов, делается вывод о роли и месте метафор в текстах песен популярных современных исполнителей.

Обсуждение.

1. Музыкальные предпочтения.

Дискурс, в отличие от текстов, позволяет выявить популярность тех или иных музыкальных произведений в молодежной среде, наличие тропов в текстах. На первом этапе среди исполнителей песен преобладали солисты: Анита Сай, Полина Гагарина, Макс Корж, Юлия Карнаухова, Фогель, Фрэнк, Оххуитгон, Земфира. Указывались песни групп «ЛСП», «Пицца», «Сплин».

Второй этап обнаружил ощутимые различия в выборе музыкальных произведений для анализа у студентов разных лет поступления. Так, бакалавры, поступившие в вуз в 2018 году, предпочли классику рок-музыки в лице таких групп, как «ДДТ», БИ-2, «Сплин», «Наутилус Помпилиус», «Ногу свело», «The Retuses»; из исполнителей – Виктора Цоя, Сергея Безрукова. Фолк-рок был скупо представлен отечественной группой «Мельница». Студенты, поступившие позже, в 2020 году, отдали предпочтение песням групп «Ария», «Пикник», «Сплин» (БИ-2, официально причисленный к рок-музыке, по сути, представляет поп-музыку); привлекались песни МакСим, Андрея Звонкого, а также исполнителей, выделенных на первом этапе проектной работы. Больше внимание уделялось фолк-року: «Не время для драконов» от «Pyrokinesis» (альбом «Корми демонов по расписанию»), «Проклятие русалки» от Green Apelsin (альбом «Северный ветер»).

Студентами разных годов поступления использовались музыкальные произведения на стихи русских и зарубежных классиков: С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...», Ф. И. Тютчева «На заре ты её не буди...», М. Исаковского («Катюша»); Р. Л. Стивенсона («Вересковый мёд») (поступавшие в 2018 году); В. В. Маяковского («Лиличка! Вместо письма»), «Ее глаза» на слова сонета В. Шекспира (поступавшие в 2020 году).

2. Характеристика метафор

2А. *Определение переносных значений*, с которым обучающиеся при помощи семонимических словарей справились достаточно успешно. (Напомним, что семонимические словари – «такие словари, в которых собраны и толкуются не отдельные слова, а два слова и более, при объединении которых учитываются отношения между их звучанием и значением. Подобные объединения могут состоять из слов, сходных или близких по значению, но разных по звучанию (они называются синонимами) или имеющих противоположные значения (антонимы); абсолютно сходных по звучанию, но разных по значению (омонимы) или не полностью сходных по звучанию, но имеющих различные значения (омонимы)» [Введенская 2011: 165]). Например:

Мои одежды залатаны ветром («Пикник», «Иероглиф» Э. Шклярского):

1. Прямое значение: «заплатать, починить, положить заплату, излатать, поставить заплату, заштопать, заштоковать».

2. Значение в тексте: «в дырах, старые, рваные, через них пробивается ветер.

Танцуют листья на ветру («Пицца», «Романс»):

1. Прямое значение: «исполнять какой-либо танец».

2. Значение в тексте: беспорядочно двигаться в разных направлениях.

И эти звёзды в темноте – тобой зажжённый фонарик (Баста, «Сансара»):

1. Прямое значение: «осветительный прибор (уменьшит. от фонарь)».

2. Значение в тексте: «источник света, созданный усилиями влюбленной».

И стены голые, вокруг, да около (Pyrokinesis, «Не время для драконов»):

1. Прямое значение: «вертикальная ограждающая конструкция, отделяющая помещение от окружающего пространства или соседнего помещения».

2. Значение в тексте: «преграды, пустота».

Только ты расплавишь мою сталь, не давая медленно тонуть (Андрей Звонкий, «Голоса»):

1. Прямое значение: «твёрдый ковкий металл серебристо-серого цвета».

2. Значение в тексте: «собственный, закрытый от других мир».

Обращение к данным толковых словарей не всегда приносило ожидаемый результат. Так, при объяснении значения метафоры «*Девочка с глазами из самого синего льда тает под огнём пулемёта*» (песня «Выхода нет» рок-группы «Сплин») значение слово *лед* было истолковано студентом 1 как «имеющий определенную окраску», тогда как студента 2 это был «символ холодности, бесчужденности». Тем не менее без работы с лексикографией цели проекта не могут быть достигнуты.

2Б. Тип метафоры (языковая / авторская, речевая)

Поскольку метафоризация – результат естественной категоризации мира, поиски нужных форм приводят к несколько неожиданным выводам о соотношении нового и известного при выборе метафор. Наше время отличается повышенным интересом к новому, мы заражены кайнрастией [Харченко 2011: 125]. В то же время большая часть выделенных студентами метафор принадлежит к традиционным, языковым, более того – потухшим, стёртым: *Чтоб измерить линию судьбы*, линейка не годится; один из нас сегодня *потеряет голову*; *И стены голые, вокруг, да около; сердце болит* («Не время для драконов», «Pyrokinesis»); *Дома растут* (Мак

Корж «Мой друг»), Время *ушло*; Чувства *растут* («Сплин»). Традиционна метафорика «Проклятия русалки» – песни молодой исполнительницы Green Arpelsin (альбом «Северный ветер» 2021 года) про девушку, что утонула и, став русалкой, отомстила капитану пиратов, затопив его корабль и убив его самого. Вот некоторые метафоры из текста песни: *горечь смерти, судьбы жестокой, одинокий взгляд, мести сладкий вкус*. К сожалению, широкая известность подобных тропов оборачивается утратой их образности.

В тексте песни «Иероглиф» (группа «Пикник» во главе с Эдмундом Шклярским) ключевое слово суть языковая метафора: «фигурный знак в системе иероглифического письма» в тексте получает значение «непомятое для окружающих»:

Моё имя – стёршийся иероглиф,
Мои одежды залатаны ветром,
Что несу я в зажатых ладонях
Меня не спросят, и я не отвечу.

Связь с традициями обнаруживается при обращении к материалам сайта Slovary.ru [Образный инструментарий русской лексики]. В «Образный инструментарий русской лирики» слово *иероглиф / гьероглиф* входит как ЗВЕЗДА 27, МЕЧТА 25 / ПРИРОДА 12 [Slovary.ru]. Слово *звезда* входит в 61 блок, формирующий фито-, зоо- и другие метафоры, однако в тексте песни «Сансара» Басты *И эти звёзды в темноте – тобой зажжённый фонарик* реализована наиболее традиционная из них – «слабый, но жизнеутверждающий источник света».

В песне «Письмо» А. Васильева (группа «Сплин») традиционная метафора – *Пляшут буквы. Я пишу и не жду никогда ответа* – соседствует с авторской: «*Гаснут цифры. Я звонил, чтобы просто услышать голос*»: цифры на клавишах телефона перестают подсвечиваться, общения не происходит.

2В. Тип метафоры (аутосуггестивная / социосуггестивная)

Аутосуггестивная метафора способна воздействовать на самого говорящего, а социосуггестивная – на общество с его менталитетом [Харченко 2011: 129]. Самой апелляцией к чувствам отдельной личности круг метафор ограничен аутосуггестивными: *Давай выбираться из этой дыры* (Анет Сай, «Слёзы»); *Тело пело* («Сплин»).

2Г. Метафорический контекст

Метафорический контекст предполагает выбор непредикативных и предикативных единиц [Тураева 2009: 111]. Тяготение к классическим метафорическим контекстам проявляется в выборе генетивной конструкции – И. п.+ Р. п., например: *Ты уснула в кольце рек, а хотела в кольце рук; разрывать тугих сансар круг*. (Андрей Звонкий, «Голоса»); *огонь души* («БИ-2», «Её глаза»); *языки пламени надёжней языков людских* («Deer-ex-sens», «Инквизитор всегда прав»).

Метафоры в песнях современных исполнителей отражают более типичную для русского языка предикативную модель простого предложения: *любовь – тяжкая гиря* ведь («Сплин», «Маяк»); *И эти звёзды в темноте – тобой зажжённый фонарик* (Баста, «Сансара»). Имеет место народно-фольклорный творительный падеж сравнения: *огнем горит твой взгляд* (Земфира, «Lightballs»); *или гореть звездой* (П. Гагарина / В. Цой, «Кукушка»); *Весна рвётся каплями с крыши* («Пицца», «Париж») (б). Сложное предложение, как подтвердил анализ, не характерно для языка поэзии [Тураева 2009: 111].

3. Фоновые знания

Необходимость фоновых знаний для определения типов метафор остро ощущается при толковании заимствований-экзотизмов. Так, без знания о *Сансаре* как о реинкарнации, повторных рождениях невозможно понять метафору «*Таков закон Сансары – круговорот людей*» из одноименной песни Басты. Аналогично: *И если ты найдёшь во мне Инь-Янь, останови это мученье* (Jony, «Комета»); «мужское и женское начало»; *Везде слепые люди открыты хотят третий глаз* («Pyrokinesis», «Не время для драконов»); «провидческий орган, якобы утраченный человечеством»; *Вереницы стран, вместе в Астрал!* («Пицца», «Романс»); «понятие в оккультном, эзотерике, философии, обозначающее отличный от материального объём мироздания».

4. Изобразительный ряд

С конца 1960-х гг. на смену линейному способу мышления пришла гиперцепция – более глобальное восприятие через образы телевидения и другие электронные средства [http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221]. Проект «Звучащая метафора» стимулирует комплексное восприятие метафоры – через письменную и устную формы речи, с опорой на изобразительные средства в презентациях и видеороликах. Используя готовые ролики из интернета, мы стараемся расширить кругозор обучаемых. Надежда на адекватное воплощение словесного метафорического ряда средствами изобразительного искусства, как правило, не оправдывается: если метафора создает индивидуальные образы, то изобразительное искусство, напротив, способствует генерализации, обобщению. Даже лучшие образцы видеороликов к песням, вроде «Осени» в исполнении ДДТ, не в состоянии передать глубину представления об осени как о времени, когда «в небе жгут корабли». Тем не менее видеосведения о песне, ее авторах, исполнителях и речевых метафорах более доступны молодежи, с её клиповым мышлением.

Заключение. В итоге проектной деятельности «Звучащая метафора» было выявлено, что в текстах песен популярных в среде молодежи современных исполнителей наблюдается преобладание языковых, аутосуггестивных метафор. Тяготение к классическим метафорическим контекстам проявляется в выборе модели непредикативного словосочетания с родительным падежом имени. Результаты проекта обосновывают необходимость сосредоточения внимания обучаемых на работе с семонимическими словарями, отработке понятия «метафорический контекст», а главное – актуализации песенных интертекстов в своей речи.

Библиография

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896с. – ISBN 5-7859-0027-0. – Текст : непосредственный.

Введенская, Л. А. Русская лексикография : учебное пособие / Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – 379 с. – ISBN 978-5-222-18175-1. – Текст : непосредственный.

Ветухов, А. В. Заметки по поводу книги проф. Погодина «Язык как творчество / А. В. Ветухов. – Сергиев Посад : Типография Св.-Тр.-Сергиевой Лавры, 1913. – 86 с. – Текст : непосредственный.

«Образный инструментарий русской лирики» // Словари.ру [сайт]. – URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5619> (дата обращения: 02.07.2022). – Текст : электронный.

Туралина, Н. А. Метафора и метафорический контекст в женской поэзии начала XX века / Н. А. Туралина, Л. И. Никитенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7 (41). – С. 109–112.

Харченко, В. К. Белые пятна на карте современной лингвистики : учебное пособие / В. К. Харченко. – 2-е издание, переработанное и дополненное; Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2011. – 158 с. – Текст : непосредственный.

Харченко, В. К. Мозаика разговорной речи: аспекты исследования, электронная база высказываний / В. К. Харченко. – Москва : Издательство Литературного института имени А. М. Горького, 2013. – 192 с. – ISBN 978-5-7060-0140-7. – Текст : непосредственный.

**Профессиональная направленность содержания текстов
по русскому языку для неязыковых специальностей**

¹Емельянова Елена Владимировна

²Абдуллина Назгуль Утегуловна

³Имашева Индира Асылбековна

¹Казахско-Русский Международный университет, Казахстан
030000, Казахстан, г. Актобе, ул. Айтеке би, 52
кандидат педагогических наук, доцент
Email: jemeljanowa@mail.ru

²Казахско-Русский Международный университет, Казахстан
030000, Казахстан, г. Актобе, ул. Айтеке би, 52
магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
Email: nazgulua@mail.ru

³Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Казахстан
030000, г. Актобе, пр. А. Молдагуловой, 34
магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
Email: indi-01-78@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают особенности формирования коммуникативной компетенции в рамках профессиональной деятельности у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Основное внимание уделяется работе с профессионально-ориентированными текстами, включающими определенный лексический минимум и построенными в официально-деловом, публицистическом и научном стиле. Алгоритм работы включает предтекстовый анализ, работу с лексическим минимумом, извлечение необходимой информации из текста и интерпретации текста в соответствии с культурно-стилевыми универсалиями. Такая работа помогает формированию метакоммуникации, приучает к анализу причин возникновения коммуникативного барьера, приводящего к разного рода коммуникативным недоразумениям как в бытовой, так и в профессиональной сфере. Работа со специальной лексикой на занятиях по русскому языку требует от преподавателя, ведущего практический курс русского языка, высокого уровня лингвистической компетенции и общезыковой подготовки, необходимости контакта с преподавателями-предметниками, а также творческого подхода и системности в профессионально-ориентированном обучении русскому языку как неродному.

Ключевые слова: инновационные процессы, коммуникативная компетенция, лексический минимум, профессионально-ориентированный текст, профессиональная речь, дифференцированный подход.

УДК 811.161.1(0.054.6)

Professional orientation of the content of texts in the Russian language for non-linguistic specialties

¹Elena V. Emelyanova

²Nazgul U. Abdullina

³Indira A. Imasheva

¹Kazakh-Russian International University, Kazakhstan
52 Aiteke bi Str., Aktobe 030000
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: jemeljanowa@mail.ru

²Kazakh-Russian International University, Kazakhstan
52 Aiteke bi Str., Aktobe 030000
Master of Humanities, Senior Lecturer
Email: nazgulua@mail.ru

³Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Kazakhstan
34 A. Moldagulov Avenue, Aktobe 030000
Master of Humanities, Senior Lecturer
Email: indi-01-78@mail.ru

Abstract. The authors consider specific features of forming communicative competence in the framework of professional activities among students studying Russian as a foreign language. The attention is focused on working with professionally oriented texts that include a certain lexical minimum and are built in an official business, journalistic and scientific style. The work algorithm includes pre-text analysis, work with a lexical minimum, extracting necessary information from the text and interpreting the text in accordance with cultural and stylistic universals. Such work helps to form metacommunication, teaches to analyze the causes of the emergence of a communicative barrier, leading to various kinds of communicative misunderstandings, both in everyday life and in the professional sphere. Working with

special vocabulary in the Russian language classes requires a teacher who conducts a practical course of the Russian language to have a high level of linguistic competence and general language training, the need for contact with subject teachers, as well as a creative approach and consistency in professionally oriented teaching of Russian as a non-native language.

Keywords: innovative processes, communicative competence, lexical minimum, professionally oriented text, professional speech, differentiated approach.

UDC 811.161.1(0.054.6)

Введение. Современный этап развития высшего профессионального образования в нашем государстве характеризуется стремительно разворачивающимися научно-инновационными процессами, направленными на непрерывное совершенствование учебно-воспитательного процесса на всех стадиях обучения. Одним из важных дисциплин для студентов всех специальностей казахских отделений является дисциплина «Русский язык».

Основная цель курса русского языка для всех специальностей казахских отделений – формирование у будущих специалистов коммуникативной компетенции, способность решать лингвистическими средствами реальные коммуникативные задачи в конкретных речевых ситуациях из научной сферы, а именно: умение давать оценку полученной информации, извлекать новую информацию из текстов, составлять тексты основных учебно-научных, научно-профессиональных жанров, выступать на профессиональные темы. Достижению этой цели в наибольшей мере способствует работа с профессионально-ориентированными текстами, включающими определенный лексический минимум и построенными в официально-деловом, публицистическом и научном стиле.

Материалы и методы. Явления культуры, выраженные через художественное слово, помогают понять особенности национального видения мира, этнокультурные особенности народа. Именно поэтому на основе текста реализуется одно из основных направлений лингвистики – исследование языковой картины мира, того, как реальная действительность находит свое отражение в языке народа. Идея В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей язык в зеркало мира, получает интенсивное развитие в изучении национальной ментальности и форм ее воплощения «если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого» [Корниенко 1996: 8]. Тексты – подлинники хранители и трансляторы культуры. Как свидетельствует С.И.Ожегов, «В лингвистике текст – это письменная или звучащая речь, которая организована и закончена» [Ожегов 2017: 1163]. Тексты помогают каждому из нас глубже понять как свою собственную, так и общечеловеческую культуру, быть толерантным к особенностям этнокультур. Профессиональная и деловая речь и тексты соответствующей направленности также несут специфическую культурную направленность, ибо данная лексика отражает уровень развития материальной культуры как отдельно взятой конкретной общественно-экономической формации, так и всего общества в целом. Таким образом, материалами для нашего исследования послужили профессионально-ориентированные тексты из разных отраслей науки и способы работы с такими текстами на практических занятиях. В процессе работы использовались как общенаучные методы, такие как наблюдение, опрос, анализ научной литературы, так и специфические методы – структурный анализ текста, сопоставительный анализ, интерактивные методы формирования устойчивого уровня лексической компетенции и активного словаря.

Обсуждение. Итак, для студентов всех специальностей основным объектом при обучении русскому языку является научная и профессиональная речь. Следует учесть, что довузовский уровень языковой компетенции студента может быть низким или недостаточным для выполнения поставленных перед ним задач. В таком случае неизбежно понижение или полное исчезновение познавательного интереса студента к изучению дисциплины, что влечет за собой определенные сложности при получении и обработке информации студентом на неродном для него языке, в частности на русском.

Как же избежать таких ситуаций? Включение дисциплины «Русский язык» в состав предметов на ЕНТ для выпускников казахских школ является большим стимулом для изучения русского языка. Но этого недостаточно для постоянного поддержания высокого познавательного интереса к предмету. В этом случае предлагается обеспечение мотивационной основы освоения второго языка. Для студента важно непрерывное получение интересующей его информации по своей специальности.

Следовательно, изучение русского языка должно вестись в непосредственной связи с одной отраслью знаний в соответствии со специальностью студента. Так как наибольший интерес у студента будет вызывать именно та информация, те тексты, которые непосредственно связаны с их специальностью.

При работе с ориентировано-отобранными текстами, содержащими определенный пласт специальной лексики и учитывающими профессиональную ориентацию обучаемых, возникает необходимость подбора терминологических единиц. Под специальной лексикой понимаются термины и терминологические сочетания, составляющие отдельные терминосистемы в определенных науках и отраслях знаний.

Наиболее удачным средством обучения в плане выполнения таких заданий мы считаем аутентичные тексты, которые хорошо использовать для аналитического изучения культурной специфики нового понятия. Одним из эффективных способов такого изучения является составление ассоциативной мнемосхемы. Этот способ предполагает усвоение в структурно-схематичной форме определенного объема содержания текста и установлении ассоциативных связей в процессе познавательной деятельности между объектами и явлениями по определенным признакам и отношениям. Приобретение нового знания об изучаемом объекте, осознание и осмысление его места в системе социального опыта носителей языка происходит путем ассоциативного расширения социокультурного фона ключевого понятия и осознанного построения социального значения этого понятия.

Студенты должны выявить максимальный объем социокультурной информации, позволяющий сделать глубокий анализ содержания ключевого понятия.

Ассоциограмма, составленная студентами на основе содержания текста и на основе собственного опыта общения с носителями языка (в нашем случае со студентами, преподавателями и работодателями, говорящими на русском языке), позволяет семантизировать значение терминов и иной специальной лексики определенного текста.

Такое рассмотрение социокультурного потенциала текста путем ассоциативных цепочек позволяет наглядно представить заложенную в тексте страноведческую информацию, на основе мнемосхемы создать смысловые опоры и стимулы для речевого высказывания и эксплицировать все уровни структуры текста [Емельянова 2011: 152].

Для раскрытия культурно – специфического значения иноязычного (русского) понятия мы использовали также прием «поисковых вопросов». Этот прием способствует формированию умений наблюдения, постановки вопросов, повышает мотивацию к исследованию русской культуры.

Особый интерес вызывает у студентов работа с текстами, содержащими конкретную коммуникативную проблему. Задания, которые выполняют студенты при работе с такими текстами, должны иметь ярко выраженную социокультурную направленность.

На предтекстовом этапе мы использовали приемы для дифференциации языковых единиц и речевых образцов, тренировки их семантизации:

- сгруппировать слова по лексическому признаку, характерному для русского языка;
- найти в тексте слова, соответствующие изучаемой теме;
- перевести слова и словосочетания, имеющие аналогичное значение в родном языке;
- выразить предлагаемую информацию другими средствами;
- найти в словаре нужное для данного контекста значение многозначного слова, устойчивые и фразеологические сочетания;
- определить по заглавию и по первым предложениям дальнейшее развитие событий или характер информации, представленной в тексте.

Текстовый этап предполагает использование различных приемов извлечения информации и трансформаций структуры и языкового материала текста:

- найти в тексте элементы, несущие информацию;
- выделить элементы, имеющие страноведческую или культурно-специфическую информацию;
- оценить значение такой информации с позиции русской культуры и своей собственной;
- оценить содержание выбранных элементов и их значение для всего текста;
- заменить культурно-специфические реалии и фразеологизмы дефиницией;
- передать общий смысл текста с помощью вариативных лексических средств;
- расширить отдельные части текста;
- определить позицию автора;
- воспроизвести текст, выражая собственное отношение к рассматриваемой проблеме;
- обобщить смысл текста в одном высказывании, сделать выводы по содержанию текста и по использованию в нем культурных универсалий.

На послетекстовом этапе студенты выполняют задания по выявлению основных элементов содержания текстовой информации, их оценке и адекватной интерпретации:

- выявить слова, выражающие тему в отрывке текста и в тексте в целом;
- самостоятельно сформулировать тему и основную идею текста;
- сгруппировать фрагменты, содержащие идею текста, которые могут быть использованы как материал для собственных выводов;
- оценить значение отдельных эпизодов и культурно-специфической информации для развития сюжета и его адекватного восприятия;
- подобрать фрагменты текста, содержащие авторскую оценку событий, явлений, поступков персонажей;
- найти в тексте факты, влияющие на ваше отношение к событиям, описанным в тексте;
- найти в тексте оценку событий и явлений другими персонажами (носителями иноязычной культуры);
- сопоставить авторскую и собственную оценку, аргументировать собственную оценку и свои выводы [Емельянова 2011: 154].

В первую очередь надо обратить внимание на текстовую информацию, в которой студенты могут найти рекомендации по трудоустройству в России, оформлению необходимых документов, прохождения собеседования. Рассмотрим предлагаемый алгоритм работы на примере текста «Я хочу жить и работать в России!» [Волкова, Попова 2018: 20–22].

Перед прочтением текста анализируем новую лексику: административный регламент выдачи разрешения на временное проживание, процедура получения разрешения на временное проживание, вид на жительство, легальное пребывание, срок пребывания, безвизовый режим, уплата государственной пошлины, квитанция, срок рассмотрения, квота, регистрация по месту жительства, перевод паспорта. Особое внимание уделяем аббревиатурам и сокращениям, так как они образуют дополнительные трудности в понимании материала:

РВП – разрешение на временное проживание

РФ – Российская Федерация

УВМ ГУ МВД России – управление по вопросам миграции Главного управления Министерства внутренних дел России.

Я хочу жить и работать в России!

Когда я решил переехать в Россию, найти там работу, возможно, потом пойти учиться, я сначала читал о России вообще. Я хотел узнать об истории, литературе, искусстве, традициях и современной жизни России. Мне было очень интересно. Россия – страна больших возможностей!

Мой друг, который уже четыре года живет и работает в Москве, помог мне разобраться, с чего начать, если я хочу переехать в Россию. Он посоветовал мне прочитать Административный регламент выдачи разрешения на временное проживание. Это такой документ, в котором подробно описывается процедура получения разрешения на временное проживание (сокращенно – РВП). Читать его было нелегко, но я узнал много полезного для себя. И конечно, мне помог мой друг.

Он рассказал мне, что РВП нужно обязательно получить, чтобы легально жить на территории Российской Федерации. Без РВП я могу находиться на территории России только 90 дней. Это максимальный срок пребывания по визе или без визы для граждан тех стран, с которыми у России есть безвизовое соглашение. А РВП выдают сроком на три года. С РВП я могу устраиваться на работу. Это очень важно для меня, потому что я еду в Россию, чтобы искать работу. Надеюсь, что потом я получу вид на жительство и гражданство.

После того, как я обращаюсь в УВМ ГУ МВД России и подаю документы и заявление на выдачу РВП, мне придется ждать шесть месяцев. Это срок рассмотрения документов для граждан государств, с которыми у России нет безвизового режима. Еще надо уплатить госпошлину 1600 рублей. Но РВП получают не все. В России в каждом субъекте Федерации есть квоты на выдачу РВП. Есть несколько условий, при которых можно подавать заявления на получение РВП без квот. Например, такое право имеют граждане, состоящие в браке с гражданином России.

Если мне повезет, и я получу РВП, то у меня будет семь дней для того, чтобы зарегистрироваться по месту жительства в Москве. Поэтому мой друг уже присматривает для меня комнату.

Самое главное, что я узнал, – это список документов, которые требуются при подаче заявления на РВП. Нужны фотографии, копия паспорта с переводом на русский язык, сертификат о владении русским языком (уровень не ниже РВП), медицинская справка, квитанция об уплате госпошлины. Все это требует времени: перевод паспорта, сдача экзамена, медицинское освидетельствование... Надеюсь, что мой друг мне поможет. И, конечно, я буду внимательно читать информацию на сайте УВМ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Там можно узнать, где и как сдавать экзамен по русскому языку, где можно получить медицинскую справку, часы работы УВМ ГУ МВД России, проверить готовность РВП.

Пожелайте мне удачи!

Анализ уровня понимания текста, первичное закрепление лексики рекомендуется провести с помощью фронтальной работы с вопросами и подстановочных упражнений.

Варианты вопросов:

1. Какой документ поможет узнать о РВП?
2. Зачем нужно получать РВП?
3. На какой срок выдается РВП?
4. Можно ли получить РВП без квот?
5. Какие документы нужны для подачи заявления на получение РВП?

Мы привели неполный перечень вопросов. Желательно, чтобы практически вся текстовая информация была обработана с помощью вопросов-ответов. Особенно это важно для граждан, имеющих только пороговый уровень владения русским языком.

Пример подстановочного упражнения:

1. Для того, чтобы получить РВП, необходимо _____
2. Срок _____ заявления на РВП составляет шесть месяцев.
3. Перед подачей заявления необходимо уплатить _____
4. Для граждан стран с безвизовым режимом _____ составляет два месяца.
5. Сдача _____ по русскому языку и получение _____ занимает много времени.
6. На сайте МВД можно узнать _____ и проверить _____.

Слова для справок: обращаться в УВМ ГУ МВД России, рассмотрение, госпошлина, срок рассмотрения, экзамен, медицинская справка, часы работы УВМ ГУ МВД России, готовность РВП [Волкова, Попова 2018: 20–22].

Для активизации речемыслительной деятельности и развития коммуникативных навыков в завершении работы необходимо провести с обучаемыми деловую игру, максимально соответствующую условиям реального общения.

Для примера хотелось бы предложить опыт работы с небольшими текстами на практических занятиях по русскому языку для студентов специальности «Биология». Содержание данных текстов будут представлять интерес именно для студентов-биологов, нежели для студентов-юристов, или будущих экономистов, для которых в свою очередь можно подбирать тексты из юридической или экономической сферы.

Текст 1

Что такое бионика?

Бионика – это пограничная между биологией и техникой наука. Она изучает возможности использования человеком различных конструкций, приспособлений, выработанных живой природой, для решения инженерных задач. Эта идея принадлежит Леонардо да Винчи, который пытался построить летательный аппарат с машущими крыльями.

Займствование у природы различных устройств и конструкций производится человеком уже давно, вероятно, на заре его становления. Так, по древнегреческой легенде, юноша Икар бежал из места заключения,

улетев на крыльях из перьев, изготовленных его отцом Дедалом. Перья были скреплены воском, а юноша слишком близко подлетел к солнцу. Солнечный жар расплавил воск, крылья развалились, и Икар упал в море.

В современной технике многое напоминает живую природу. Подвесные мосты, самолеты и вертолеты, передвижение на гусеничном ходу, стрелы подъемных кранов, землеройные машины – все это подсказала человеку природа. (По Г. Галазию)

Задания:

1. Прочитайте текст. Объясните значение слова «бионика».
2. Найдите аналогии с живой природой: каких представителей животного мира напоминают летательные аппараты, гусеничные и землеройные машины.
3. Грамматические задания. Выражение объектных отношений. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными.
4. Найдите в тексте причастия, выделите суффиксы [Розенталь 2018: 324].

Текст 2

Клюква

Кто никогда не видел, как растет клюква, тот может долго идти по болоту и не замечать, что он идет по клюкве. Вот чернику видишь: стебелёчек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны, зеленые маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички.

У брусники, кроваво-красной ягоды, листики темно-зеленые, плотные, не желтеют даже под снегом. И так много бывает ягоды, что место кажется кровью политым.

Еще растет в болоте голубика, ягода голубая – не пройдешь, не заметишь.

В глухих местах, где живет глухарь, встречается костяника – красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зеленой оправе.

Единственная клюква прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только когда очень много ее соберется на одном месте, заметишь и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Возьмешь одну попробовать и тянешь вместе с одной ягодкой зеленую ниточку со многими клюквинками. (По М. Пришвину.)

Задания:

1. Прочитайте текст. О чем рассказывается в тексте? Расскажите, о каких растениях узнали из текста?
2. Объясните происхождение следующих слов: стебелёчек, ягодка, черничка, клюквинка. Сделайте словообразовательный разбор данных слов.
3. Дополните словами из текста синонимический ряд: красный, ..., ...,
4. Выпишите из текста глаголы в форме 2-го лица единственного числа настоящего времени. Объясните правописание этих глаголов.
5. Найдите предложение с прямой речью. Составьте схему предложения.
6. Сделайте синтаксический разбор первого предложения [Розенталь 2018: 328].

Данные тексты также можно использовать как учебный материал при дифференцированном подходе в ходе учебно-воспитательного процесса. Тексты, вызывающие профессиональный интерес легче запоминаются и являются для студента своего рода дополнительной информацией по специальным дисциплинам.

В то же время формирование всесторонне-гармонично развитой личности, имеющей широкий кругозор и разносторонние интересы не может осуществляться без воспитания любви к искусству. Способствует активизации познавательного интереса и стимуляции мотивации к обучению вне зависимости от профессиональной ориентации использование на занятиях наглядного материала в виде картин, репродукций, фотоиллюстраций. Поэтому предлагается постоянное включение в учебный процесс ознакомления и работы с картинами известных художников. Огромный выбор картин на тему природы, животного и растительного мира дает неограниченные возможности для работы по развитию навыков речи со студентами различных специальностей.

В качестве примера приведем алгоритм работы с картиной В. Г. Перова «Трапеза» (1834–1882) по теме «Внутренний мир человека. Что значит быть благородным?». Целью данного занятия является расширение активного лексического минимума обучаемых и формирования знаний по грамматической категории «имя прилагательное».

Активный словарь:

Церковь, алтарь, монах, ряса, священнослужитель, прихожанин, трапеза, свод, милосердие, сострадание, равнодушие, чревоугодие.

Задания:

Внимательно посмотрите на картину. Что вы видите? Кто изображен на картине? Есть ли сюжетная линия? Как ведут себя служители церкви? Какое время дня указано на картине? Заметили ли вы разницу в одеянии прихожан? Какое отношение священнослужителей к богато одетым людям? Замечают ли священнослужители людей, просящих милостыню? Как вы думаете, что олицетворяет изображение Иисуса Христа на кресте на заднем плане картины? Одобряет ли художник то, что творится во время трапезы в церкви? Опишите одного из изображенных персонажей картины, используя прилагательные: «добрый», «милосердный», «щедрый», «богатый», «красивый», «бедный», «равнодушный», «жестокий», «черствый».

Опишите внешний вид одного из персонажей картины, используя словосочетания: богатый наряд, красивое платье, черное одеяние, богатое убранство, самодовольные лица, обеденное время.

Объясните значения следующих словосочетаний: богатство души, богатое воображение, богатые люди, богатый внутренний мир, богатая фантазия, богатый выбор.

Как наглядный материал можно использовать фоторепродукции, фотоколлажи с изображением природы. Студентов-экологов обязательно заинтересуют такие фото и картины, которые будут отражать наряду с красотами природы и некоторые производственные процессы, к примеру, действующие фабрики, заводы, какие-либо агрегаты, работа которых негативно влияет на окружающую природную среду.

Для активизации познавательного интереса предлагается следующий вид работы по теме «Великие открытия. Объектные отношения».

Информация об изобретениях и открытиях

1. Первый термометр был изобретен итальянским ученым Галилео Галилеем (1564–1642). (Что еще вы знаете об этом ученом?)
2. Рентгеновские лучи были открыты немецким физиком Конрадом Рентгеном (1845–1923) в 1895 году.
3. Проект первого парашюта был сделан итальянским ученым, инженером и художником Леонардо да Винчи (1452–1519).
4. Электрический ток был открыт итальянским анатомом и физиологом Луиджи Гальвани (1737–1798).
5. Динамит был изобретен шведским инженером-химиком Альфредом Нобелем (1833–1896).
6. Первое кругосветное путешествие было совершено в 1519 году португальским мореплавателем Фернандо Магелланом.
7. Телефон был изобретен американцем Александром Беллом (1847–1922) в 1876 году.
8. Первая космическая ракета была создана в России конструктором Сергеем Павловичем Королевым (1906-1966).
9. Первый полет в космос был совершен советским космонавтом Юрием Гагариным в 1961 году.
10. Первое в мире метро было построено в 1863 году в Лондоне.
11. Первый в мире словарь был создан в Китае, а бумага изобретена в Китае во втором веке.

Этот список можно продолжать бесконечно. Студентам предлагается дополнить данный список открытий и изобретений той информацией, которая интересует его, или является наиболее актуальной. Интересная информация расширяет кругозор, активизирует познавательный интерес, помогает развивать навыки устной речи. Можно поработать с текстами «Предвидение и открытие» (Ю. Коптев) и «Открытие» (По рассказу А. П. Чехова).

Задания.

Сравните тексты. Как вы понимаете значение слова «открытие»? О каких открытиях идет речь в данных текстах? Есть ли разница между открытиями, которые сделали герои текстов? [Розенталь 2018: 346].

Рассмотренные виды работ направляют преподавателя к активному, творческому поиску, стимулируют его научно-исследовательский интерес, помогают установить контакт со студентами, не владеющими русской речью на высоком уровне. Успешность работы будет зависеть от организации работы по сбору текстового и учебного материала, также от умения преподавателя контактировать со студентами.

Заключение. Выполнение аналогичных заданий и упражнений помогает формированию метакоммуникации, приучает к анализу причин возникновения коммуникативного барьера, приводящего к разного рода коммуникативным недоразумениям. Мы хотим обратить внимание на тот факт, что сама тематика коммуникативных проблем не закреплена ни в одном учебном плане и лишь эпизодически появляется на страницах учебных пособий.

Обсуждение на практических занятиях подобных ситуаций позволяет выделить социокультурный фон межкультурного общения. Студенты учатся выявлять межкультурные недоразумения в конкретных ситуациях общения, анализировать их причины, находить возможные пути разрешения критической ситуации.

Используя межкультурный опыт студентов, а также навыки и умения, полученные в ходе экспериментального обучения, мы можем привести примеры ситуаций с элементами различий между культурами и соотнести их с определенными коммуникативными сферами (в нашем случае с профессиональной сферой).

Работа со специальной лексикой на занятиях по русскому языку требует от преподавателя, ведущего практический курс русского языка, высокого уровня лингвистической компетенции и общезыковой подготовки, необходимости контакта с преподавателями-предметниками, а также творческого подхода и системности в профессионально-ориентированном обучении русскому языку как неродному. Преподаватель должен обладать хорошей осведомленностью в социально-культурной, социально-бытовой, социально-экономической и других сферах жизни.

Библиография

Волкова, Л. Б., Попова, Т. И. Деловой русский язык на каждый день: учебно-методическое пособие / Л. Б. Волкова, Т. И. Попова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2018. – 214 с. – ISBN 978-5 288 05823-3. – Текст: непосредственный.

Емельянова, Е. В. Методика формирования социокультурной компетенции у студентов-переводчиков: учебно-методическое пособие / Е. В. Емельянова. – Актобе ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. – 376 с. – ISBN 9965-02-210-0. – Текст: непосредственный.

Корниенко, Е. Р. Смысловое восприятие и понимание иноязычного текста (при чтении) / Е. Р. Корниенко. – Москва: ГПИ Искона, 1996. – 155 с. – ISBN 5-85844-089-5. – Текст: непосредственный.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. Изд. 27, испр. / С. И. Ожегов. – Москва: изд-во: АСТ: Мир и Образование, 2017. – 1360 с. – ISBN 978-5-17-078925-2 (Изд. АСТ). – ISBN 978-5-94666-712-8 (Мир и Образование). – Текст: непосредственный.

Розенталь, Д. Э. Сборник упражнений и диктантов для школьников и поступающих в вузы / Д. Э. Розенталь. – Москва: Мир и образование, 2018. – 448 с. – ISBN 5-94666-145-0. – Текст: непосредственный.

Экскурсионно-музейная педагогика как один из актуальных путей формирования профессиональной творческой личности при обучении русскому языку как иностранному

¹Ерофеева Инна Николаевна

²Жукова Марина Юрьевна

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
кандидат педагогических наук, доцент
Email: inerof2018@gmail.com

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
кандидат филологических наук, доцент
Email: nefetari2004@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления новых путей использования методов экскурсионной и музейной педагогики в преподавании русского языка как иностранного, разработке заданий, основанных на материале экскурсионного дискурса и созданных на основе принципов активизации познавательной деятельности и погружения в культурную среду изучаемого языка. Развивается идея гармонизации личности культурной образовательной средой. В качестве результатов исследования дается описание рабочих программ дисциплин основной образовательной программы (магистратура) Санкт-Петербургского государственного университета «Русский язык и русская культура в аспекте РКИ», посвященных изучению русской культуры и формированию умений экскурсовода, а также примеры инновационных форм заданий, включенных в программы.

Ключевые слова: экскурсионная и музейная педагогика, культурная образовательная среда, инновационные формы заданий, русский язык как иностранный.

УДК 378:811.161.1(0.054.6): 379.822

Excursion & museum pedagogy as one of actual ways of forming a professional creative personality while teaching Russian as a foreign language

¹ Inna N. Erofeeva

² Marina Yu. Zhukova

¹St. Petersburg State University, Russia,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: inerof2018@gmail.com

²St. Petersburg State University, Russia
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034
PhD (Philology), Associate Professor
Email: nefetari2004@yandex.ru

Abstract. This article covers the problem of identifying new ways of using the methods of excursion & museum pedagogy in teaching Russian as a foreign language, development of assignments based on materials of excursion discourse and created on the basis of the principles of enhancing cognitive activity and immersion in the cultural environment of the studied language. The article develops the idea of harmonization of the individual by the cultural educational environment. The authors develop the idea of the harmonization of personality through the cultural educational environment. As a result of the study, the author provides a description of the graduate (Master's) programme of St. Petersburg State University "The Russian language and Russian culture in the aspect of Russian as a foreign language", devoted to studying Russian culture and forming the skills of the guide, as well as innovative forms of assignments included in the programmes.

Keywords: excursion & museum pedagogy, cultural educational environment, innovative forms of assignments, Russian as a foreign language.

UDC 378:811.161.1(0.054.6): 379.822

Введение. В современном мире, подверженном глобальным и зачастую катастрофическим по своим последствиям изменениям, в университетском образовании необходимо стремиться к воспитанию человека культуры, сохраняющего свою национальную идентичность и заинтересованного в глубоком погружении в культуру изучаемого иностранного языка. При данном подходе, помимо получения новых знаний и совершенствования профессиональных навыков, учащийся как поликультурная языковая личность осознанно формирует новое для него аксиологическое пространство, осмысляя универсальные и национально специфические, исторически обусловленные ценности изучаемой культуры. Исходя из этого, в нашем исследовании мы продолжаем развивать идею гармонизации личности культурной образовательной средой. Такой образовательной средой являются музейные экспозиции и экскурсионные маршруты. Разнообразная и целенаправленная дея-

тельность в этой среде позволяет студентам сформировать осознанное отношение к своей миссии участников и инициаторов диалога культур, приобрести серьезные профессиональные навыки, а также способность выстраивать модели развития различных коммуникативных ситуаций.

Материалы и методы. Основными методами анализа собранного материала и накопленного практического опыта являются методы описания, анализа и обобщения.

В качестве исследуемых материалов мы используем письменные работы студентов (сочинения, эссе, отзывы на проведенные экскурсии, конспекты экскурсий), а также собственные методические разработки. Важно отметить, что наша рабочая программа образовательной дисциплины «Экскурсионно-музейная технология в преподавании русского языка как иностранного» создана на основе образовательных стандартов и карт компетенций, представленных в характеристиках основной образовательных программы магистратуры «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного», реализуемой коллективом Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В общей характеристике данной образовательной программы предьявлены различные виды возможной профессиональной деятельности выпускников программы. Помимо научно-исследовательской и педагогической деятельности, определяются также следующие: проектная деятельность, экспертно-консультативная, организационно-управленческая. Именно эти три рубрики содержат в себе указания на различные виды экономической деятельности, в частности, отметим важные для нашего исследования: деятельность туристических агентств, деятельность туроператоров, деятельность по предоставлению экскурсионных туристических услуг.

Обсуждение. Для дальнейшего обсуждения представленной темы необходима краткая историческая справка: термин «музейная педагогика» и сама идея использования музея в качестве образовательного учреждения в России относится к середине XIX века. В 1864 г. в Санкт-Петербурге был создан первый Педагогический музей военно-учебных заведений, который, кроме экскурсионной деятельности, вел широкую образовательную работу. В дальнейшем уже в первые послереволюционные годы был разработан особый экскурсионный метод обучения, который активно применялся с целью совершенствования образовательной системы. В самом понятии «экскурсия» четко выделялась ее педагогическая направленность, таким образом, начала формироваться концепция экскурсионно-музейной педагогики, включающая не только получение учащимися знаний, но и формирование у них ценностного отношения к культурному наследию [Московкин, Шамонина 2017: 21–23]. Именно эта установка является определяющей для нашего подхода к описанию экскурсионно-музейной концепции обучения и использования ее в процессе подготовки будущих преподавателей русского языка как иностранного. Безусловно, экскурсия в этом случае не заменяет учебный процесс, но восполняет то, что невозможно получить в образовательном учреждении. Что касается самого термина «музейно-экскурсионная / музейная педагогика», он нам представляется вполне уместным как в современном образовательном процессе, так и в современном музейно-экскурсионном деле.

В наше время инновационное развитие экскурсионного дела и развитие методики преподавания иностранного языка характеризуются общей тенденцией, речь идет о стремлении к совместной познавательной деятельности экскурсовода и экскурсантов в музейной практике, а также к субъект-субъектной форме организации учебного процесса в практике преподавания иностранного языка. Помимо этой частной задачи обучения, мы выполняем и важнейшую общеобразовательную задачу, которая состоит в расширении междисциплинарных границ и «проецировании ценностей гуманистического образования в систему дидактических приёмов и техник, обеспечивающих личностное развитие и саморазвитие учащихся» [Мишатина, Цыбулько 2015: 4].

В нашем исследовании мы хотели бы представить экскурсионно-музейную концепцию обучения, осуществляемую в рамках двух элективных курсов магистерской программы «Русский язык и русская культура в аспекте РКИ». Программа первого из них – «Теория и практика экскурсионной деятельности» находится в стадии разработки, второй элективный курс «Музейно-экскурсионные технологии в преподавании русского языка как иностранного» успешно реализуется на протяжении последних пяти лет.

Программа учебной дисциплины по теории и практике экскурсионной деятельности включает ознакомление с экскурсоведением как наукой, структурой, содержанием и методами экскурсионной деятельности; получение студентами практических навыков по планированию, подготовке и проведению экскурсии. Для этого студент должен овладеть коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами, принятыми в разных сферах коммуникации, и адекватно использовать их при решении профессиональных задач.

Достижению поставленных целей, помимо теоретической работы, должны послужить задания для самостоятельной работы студентов, например, подготовка ими презентаций, материалов для экскурсий, подготовка самих экскурсий, а также разнообразных групповых либо индивидуальных проектов на заданные темы с последующим предьявлением и обсуждением результатов в аудитории. В процессе финального обсуждения студенты решают конкретные коммуникативные задачи в сфере профессионального общения.

Необходимыми методическими приемами здесь являются направляющие установки преподавателя и заданный преподавателем алгоритм самоконтроля, а также алгоритм оценки результатов деятельности коллег по группе. Отметим здесь одну из важных, с нашей точки зрения, профессиональных компетенций, которую необходимо сформировать в процессе обучения: умение планировать комплексное информационное воздействие на аудиторию и осуществлять руководство им.

По окончании курса студенты должны иметь возможность пройти практику гида-экскурсовода прямо в стенах своего университета, т.к. с 2017 г. Санкт-Петербургский государственный университет официально осуществляет музейную деятельность и является членом Союза музеев России. Коллекции СПбГУ насчитывают более 3 млн. единиц хранения, которые широко используются в научных исследованиях и различных образовательных программах [Сайт «Санкт-Петербургский государственный университет»]. Таким образом,

студенты, выбравшие элективный курс по теории и практике экскурсоведения, могут выбрать для прохождения практики в роли гида-экскурсовода один из следующих музеев: Музей истории СПбГУ, Музей-архив Д. И. Менделеева, Музей В. В. Набокова, Музей современных искусств имени С. П. Дягилева, Музей истории физики и математики, Минералогический музей, Палеонтологический музей, Ботанический сад СПбГУ и другие. В перспективе возможно заключение договоров с музеями Санкт-Петербурга и пригородов с целью прохождения музейной практики студентами университета, успешно освоившими данную программу. В дальнейшем, пройдя необходимую государственную сертификацию, наш выпускник сможет работать по профессиональному стандарту «Гид-экскурсовод», что существенно расширяет возможности трудоустройства.

Расширению профессиональных возможностей современного преподавателя РКИ, обогащению его методического инструментария, переходу от изучения к обучению призван способствовать второй элективный курс – «Экскурсионно-музейная технология в преподавании русского языка как иностранного». Большой интерес к этому курсу студенты проявляют на протяжении последних пяти лет. Здесь нашей целью является формирование у обучаемых компетенции в области применения экскурсионных и музейных методик в практике обучения русскому языку как иностранному. Современная учебная экскурсия в данном случае является одной из форм обучения иностранному языку.

В данном случае мы находимся в сфере распространения принципов культуроведческой методики преподавания (термин Ольги Даниловны Митрофановой), связанной с пониманием языка как системы культурных ценностей. Процесс обучения по нашей программе включает в себя постоянно обновляющиеся инновационные формы работы, основанные на базовой методологической установке формирования и гармонизации личности культурной образовательной средой. Далее приведем примеры нескольких типов инновационных аналитических и оценочных заданий: задания, использующие приём реконструкции, персонализации, ролевой игры разных типов, тестовые задания разных типов.

Инновационные типы аналитических и оценочных заданий, использующихся в освоении материала модуля:

1. Задания, основанные на **приеме реконструкции**: погружение обучающегося в виртуальную/воображаемую ситуацию прошлого, когда студент представляет себя внутри ситуации прошлого.

Пример:

Представьте: Санкт-Петербург, 10 сентября 1777 года. Неожиданно ночью началось наводнение – ужасающее по масштабам бедствие (уровень подъема воды – 3 м 24 см). Больше всего была затоплена Коломна (район между устьями Мойки и Фонтанки). Именно в этих районах жили бедные Петербуржцы: солдаты, матросы, строители. Дома здесь были очень непрочными.

Задание:

Вы – иностранный гость Петербурга того времени. Вы живете в постоялом дворе около Николо-Богоявленского морского собора (архитектор – Савва Чевакинский, 1753 г. Район – Коломна). Из окна вашей комнаты вы видите то, что происходит на улице. Опишите это.

2. Задания, использующие **прием персонализации** – погружение в воображаемую историческую ситуацию, когда студент должен описать свои действия и их причины.

Пример:

Вы – архитектор начала 18-го века, времени Петра Первого. Вы участвуете в конкурсе на лучший план-проект резиденции (пригородного дворца и парка), где все будет подчинено идее показать морскую мощь России и прославить победу России в борьбе за выход к Балтийскому морю. Как оформить въезд в царскую резиденцию со стороны моря?

Вы предлагаете свой проект, в котором показываете, где будет дворец, где будет канал к морю, как он будет оформлен (при этом не забудьте о любви Петра Первого к фонтанам и воде).

3. Задания, использующие **прием ролевой игры**: погружение в воображаемую ситуацию, когда студент принимает на себя роль конкретной исторической личности, должен действовать в сложившейся ситуации и доказывать свою правоту.

Пример:

В начале XIX века Александр I решает расположить государственный административный центр на Дворцовой площади. Для выполнения указа царя был приглашен Карл Иванович Росси – архитектор, член Комитета строений и гидравлических работ (основное градостроительное учреждение, ответственное за проектирование мостов и застройку улиц и площадей). Он сумел создать удивительный архитектурный ансамбль площади, где соединяются разные архитектурные стили. Одним из элементов ансамбля Дворцовой площади является Триумфальная арка Главного штаба. Арка соединяет два корпуса здания и расположена точно напротив парадного въезда в Зимний дворец.

Когда К. Росси начал проектировать арку, перед ним встала проблема. Дело в том, что от Невского проспекта к Дворцовой площади шла улица. Но шла она не по прямой линии, а дугой.

Задание: Представьте, что Вы – Карл Росси. Вам необходимо найти решение: как сделать так, чтобы напротив входа в Зимний дворец была Триумфальная арка, которая тоже как арка выходила бы на Невский проспект. Улица, которая в это время уже была ограничена стоящими там домами и выходила на Невский проспект, имела форму дуги. Ваш проект:

4. Задания, основанные на **тестовой методике контроля/самоконтроля/взаимоконтроля**. Это могут быть задания различных типов: закрытого типа (на выбор правильного ответа, на нахождение соответствия, на нахождение правильной последовательности); открытого типа (на составление устного/письменного речевого продукта). Данные задания позволяют за минимальное время проверить умения аудирования, чтения, устной речи.

Пример 1:

Ярким представителем барокко в архитектуре Петербурга является

А. Монферран

Б. Леблон

В. Растрелли

Пример 2:

На картине профессора Угрюмова представлен сюжет: молодой богатырь останавливает бегущего быка, схватив его за кожу.

Эта картина называется:

Автор картины –

Сюжет картины:

Идея картины:

5. Задания типа «тест-квест». Такие задания часто включают в себя материал поликодовых текстов, изображения с «закодированной» информацией. Несомненно, увлекательность таких заданий повышает мотивацию к изучению темы. Работа с такими заданиями будет способствовать «погружению в контекст» как эпохи, так и истории жизни/истории создания знаковых личностей или объектов, будет активизировать познавательные способности студентов, все когнитивные процессы.

Пример:

Посмотрите на труды, созданные М. В. Ломоносовым. Назовите области науки, которые представлены в данных иллюстрациях.

Известно, что Ломоносов занимался многими науками и имел большие достижения в их изучении. Так, он изучал:,,

Представляются иллюстративные материалы – обложки книг:

а) «*Российская грамматика*» б) «*Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого*» в) «127 заметок к теории света и электричества», г) «Первые основания металлургии, или рудных дел» – а также «Карта околполярных стран, составленная М. Ломоносовым» [Сайт «М. В. Ломоносов»].

Итак, Ломоносов по праву считается выдающимся,

На завершающем этапе освоения данного курса студенты включаются в активную работу по разработке и проведению учебной экскурсии. Этот процесс на определенных (обязательных) этапах должен совпадать с деятельностью по подготовке профессиональной экскурсии, что, безусловно, повышает требования к уровню владения русским языком иностранных студентов, выбравших данный элективный курс.

Кратко характеризуя данный вид обучающей деятельности, нужно подчеркнуть, что приведённые здесь типы упражнений обеспечивают личную направленность учебного процесса, приоритет исследовательских и творческих элементов в обучении, преобладание диалогического типа передачи культурной информации над монологическим.

Заключение. Итак, в данном обсуждении нами было представлено применение Экскурсионно-музейной технологии обучения в современном учебном процессе. Главная особенность данной технологии, на наш взгляд, состоит в том, что она даёт возможность глубокого погружения иностранного студента в культуру изучаемого языка. Музейная педагогика в нашем понимании и предъявлении способствует развитию профессиональной творческой личности студента, формируя окружающее его аксиологическое пространство.

Библиография

Мишати́на, Н. Л., Цибу́лько, И. П. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания / Н. Л. Мишати́на, И. П. Цибу́лько. – Москва: Национальное образование, 2015. – 232 с. – ISBN – Текст : непосредственный.

Московин, Л. В., Шамонина Г. Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному / Л.В. Московкин, Г. Н. Шамонина. – Москва: Русский язык. Курсы, 2017. – 144 с. – ISBN 978-5-88337-450-9 – Текст : непосредственный.

Источники

М.В. Ломоносов : [сайт]. – URL: <https://narfu.ru/lomonosov/anniversary/opening/> (дата обращения: 06.07.2022).

Санкт-Петербургский государственный университет : [сайт]. – URL: <https://spbu.ru/universitet/muzei-i-kollekcii-spbgu> (дата обращения: 06.07.2022).

**Лингвориторические факторы эффективности речевой деятельности чиновника
(основные направления программы дополнительного образования в сфере государственной службы)**

Иванчук Ирина Анатольевна

Северо-Западный институт управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект, 57

доктор филологических наук, профессор

Email: ivanchukia@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются продуктивная, собственно коммуникативная фаза речевой деятельности чиновника, параметры лингвориторической грамотности в аспекте трансформационных процессов цифровой эпохи. Предлагаемые способы усиления лингвориторической составляющей дополнительных образовательных программ (спецкурсы, грантовая научная деятельность) демонстрируют процессы управляемости и достижения эффективности методических механизмов в формировании профессиональной компетенции госслужащего, в том числе студента – будущего чиновника.

Ключевые слова: государственный служащий, лингвориторическая компетенция, речевая коммуникация, языковая личность, речевой портрет.

УДК: 371.13:37.034:81'246.3

**Linguistic & rhetorical factors of the effectiveness of the officer's speech activity
(The core directions of the additional educational programme in the field of public service)**

Irina A. Ivanchuk

The Northwestern Institute of the Management, The Russian Presidential Academy of the National Economy and the Public Administration, Russia

57 Sredny Avenue, St. Petersburg 199178

PhD, Dr Habil. (Philology), Professor

Email: ivanchukia@rambler.ru

Abstract. The article examines the productive communicative phase of an officer's speech activity, parameters of linguistic & rhetorical literacy in the aspect of transformational processes of the digital age. The proposed ways to enhance the linguistic & rhetorical component of additional educational programmes (optional courses, grant research activities) demonstrate the processes of manageability and achieving the effectiveness of methodological mechanisms in the formation of the professional competence of a civil servant, including a student – a future state officer.

Keywords: civil servant, linguistic & rhetorical competence, speech communication, linguistic personality, speech portrait.

UDC: 371.13:37.034:81'246.3

Введение. Речь государственного служащего в аспекте общих рисков современной функциональной стилистики. Письменная и устная деловая коммуникация охватывает весь спектр официально-делового общения, посредством которого реализуется управление. Коммуникативная целесообразность, соответствие основным коммуникативным качествам (точность, чистота, выразительность, понятность речи, богатство) большинством исследователей признается одной из главных категорий официальной речи [Введенская 2011: 83]. В социологических, культурологических, лингвистических исследованиях остро ставится вопрос о современном состоянии русского языка и имеющих место кризисных явлениях, связанных со слабыми способностями носителей языка в целом пользоваться его богатством (О. Б. Сиротина, И. П. Лысакова, Н. И. Клушина, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, С. Н. Цейтлин). Цифровая эпоха изменяет и содержание основных коммуникативных принципов общения (богатство и разнообразие речи, следование узаконенному словоупотреблению). Т. Б. Радбиль видит в этом явлении и глубокий философский аспект: «лексическое богатство, уникальные возможности вариативности выражения ... в системе современного литературного языка, причем не только к мыслям, но и к предметам реального мира, действиям, поступкам и их признакам, в результате оказались под угрозой утраты» [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты 2018: 232]. Серьезными стилистическими-регистровыми нарушениями, употреблением эстетически некорректной лексики (следствие десятилетий «раскрепощения» языка) нередко отличаются и публичные выступления чиновников различного уровня. Поэтому столь важным представляется формирование коммуникативной культуры языковой личности чиновника, определяемой «в широком смысле как *речемыслительная культура*, т.е. высокий уровень лингвориторической компетенции (ЛР) в целом...», формирующийся «...только на следующей за лингвистической, второй ступени, находящейся на уровне риторического знания» [Ворожбитова 2020: 63].

Материалы и методы. В исследовании используются различные методы получения информации: анкетирование, эксперимент, наблюдение, интервью, опрос и пр. Лингвистическая экспертиза текстов, результаты анализа устной и письменной речи государственных чиновников различного уровня (стенограммы заседаний ГД РФ); сравнительным материалом послужили аудиозаписи речи государственных и муниципальных служащих, проходивших курсы повышения квалификации и переподготовку на ФДПО СЗИУ РАНХ и ГС). Однако

для получения достоверных выводов представляется необходимым усиление методологической научной базы исследования, использование новых методов изучения лингвориторического опыта отдельной языковой личности политика, ориентированных наряду с традиционными подходами (описательный, историко-сравнительный, сопоставительный) на методологию цифровой эпохи – статистический; метод контент-анализа (с применением компьютерной программы WordSmith – проведение статистических подсчетов частоты употребления внешних топов в корпусе для определения содержания системы нравственных ценностей публичной речи); присоединение информации о количестве просмотров публичных выступлений на канале Youtube пр.) [Хуа Эрчжи 2020].

Обсуждение. *Деловое общение цифровой эпохи: изменение параметров.* Современное деловое общение возможно назвать гибридным (характерна многовариантная гибридность коммуникации; носитель деловой речи только основной адресат, а адресат может быть носителем любого другого функционального стиля) [Эффективность коммуникации 2021]. Понятие гибридности деловой коммуникации следует рассматривать в широком спектре проблем трансформационных явлений в современном литературном языке. Моделью трансформации функционально-стилевой дифференциации явилась теория В. Г. Костомарова, отрицавшего вообще сохранение функциональных стилей, но при этом видевшего в текстах влияние на речь конструктивно-стилевых векторов [Костомаров 2017]. Соотношение разных вариантов реализации русского языка в речи в XXI в. настолько изменилось, что Н. И. Клушина отказалась признавать, что СМИ вообще используют в своей речи литературный язык [Клушина 2018]. Изученные материалы свидетельствуют, что чиновники различных уровней в основном проявляют достаточную компетентность в риторических процессах современности, владеют основными жанрами деловой риторики, однако не всегда эффективно пользуются конструктивно-смысловыми векторами создания текста публичного выступления, системой образно-выразительных элокутивных средств. Однако трансформационные процессы цифровой эпохи требуют от говорящего / пишущего во всех сферах разножанровой деловой речевой деятельности повышения уровня лингвориторической компетентности. Особое значение отводится требованиям к речи руководителей власти. Коммуникативное поведение руководителя следует рассматривать с позиций общей ориентации на адресата, соблюдения правила «коммуникативного равновесия», функционирования «большого» и «малого» речевых «пулов» и пр.; в аспектах актуальных направлений развития управленческой риторики. Коммуникативная деятельность руководителя в целом должна быть нацелена на исполнение нравственного долга – определение позиции правдивого и объективного представления истины (философская значимость истинности высказывания, отразившаяся еще в речах древнегреческих ораторов – Сократа и Платона, имеющая глубокие исторические корни в теории мирового красноречия, актуальна и по сей день). Развитие культуры речи государственных служащих призвано содействовать превращению чиновников в элиту лично ориентированного гражданского общества России.

Роль публичного слова в деятельности различных уровней власти. Воздействие публичного красноречия и его теории, степень влияния на характер политической власти и состояние разных сфер государственной жизни очень велики, и теоретики риторики, начиная с Аристотеля, отмечают социальную значимость и публичного слова, и его изучения. В российской коммуникативистике роль публичной речи как социально воздействующей, теория речевого влияния выделяется исследователями публичного дискурса в самостоятельную науку, а состояние публичного красноречия определяется, прежде всего, политическим устройством страны [Стернин: 2011]; [Паршина: 2005]. Теорию наибольшей значимости идеологизации речи публицистического дискурса поддерживает и Н. И. Клушина, выделяя два основных типа идеологем: социальные базовые, онтологические идеологемы любого социума, но имеющие конкретное этноспецифическое наполнение; и личностные «идеологемы, помогающие формировать стереотипы социального поведения, выполняющие морально-дидактические функции» [Клушина: 2008 67–70]. Речевое поведение политической элиты закономерно привлекает пристальное внимание исследователей. Эффективность деятельности политика во многом зависит от умелого сочетания определенных стратегических и тактических решений, общего уровня лингвориторической грамотности. Среди наиболее заметных речевых тенденций, характеризующих языковую личность государственного служащего, актуальна теория выделения речевых стратегий политика как необходимых в любой государственной практике (стратегия создания положительного образа в глазах народа – самопрезентация, соответствующая тактике «своего круга»; стратегия дистанционирования; нейтрализации негативного представления о себе и пр.) [Паршина: 2005]. Также значимой является целевая реализация и оптимальное использование воздействующих риторических средств (метафор, градаций, общей образности, синтаксического параллелизма и пр.), элокутивной функции речевого общения в современном дискурсивном пространстве [Иванчук: 2021]. Существенным фактором современной языковой политики становится и практический компонент, связанный с усилением лингвистической составляющей в образовательном формате, который нуждается в теоретических разработках и практической реализации. В создании специальной дополнительной программы лингвориторического образования для государственных служащих (реализуемой в рамках спецкурсов и научных направлений грантовской деятельности) для студентов, магистрантов, аспирантов, курсов переподготовки и повышения квалификации госслужащих в СЗИУ РАНХ и ГС мы ориентируемся на концептуальные положения исследований, представленных научной филологической Школой ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»: «...определение перспектив научных изысканий в теоретическом и прикладном аспектах ЛР парадигмы на пересечении смежных областей гуманитарного знания» [Ворожбитова 2012: 77–78].

Создание целостной системы лингвориторической подготовки государственного служащего. В ряду актуальных проблем современного лингвориторического образования чиновника значимой представляется создание целостной системы речевой подготовки к разносторонней коммуникативной деятельности, расширение опыта участия в различных жанрах риторической практики. «Речевая (речемыслительная) культура есть высокий уровень ЛР компетенции, т.е. этически ответственное и технологичное совершение субъектом речи язы-

ковых операций, текстовых действий и коммуникативной деятельности в рамках речевых событий разных типов» [Ворожбитова 2020: 123]. При этом цель говорящего (пишущего) – эффективная, гармонически диалогизированная взаимно обогащающая коммуникация. В общей концепции словесности политики В. И. Аннушкина, подчеркивающей главенство речевых отношений в сфере управления, обозначается приоритетность речевого воспитания государственного чиновника в России (от истоков – Царскосельского Лицея) [Аннушкин 2016] до современной структуры обучения: «*Всякий политик – прежде всего ритор* (оратор и писатель), занимающий определенную позицию и отстаивающий ее в словесных единоборствах» [Аннушкин 2016]. Направления совершенствования общей культуры речевой коммуникации должны быть обращены на формирование научного представления о *российском риторическом идеале*, его параметрах в речевом пространстве современной деловой России [Михальская 1996], на воспитание толерантности как ведущей черты русского коммуникативного поведения. Речемыслительная культура личности и «риторический идеал» в большей степени соотносится с 3-м этапом формирования готовности к речевому самосовершенствованию – проективно-мировоззренческому. А. А. Ворожбитова выделяет понятие «лингвориторический идеал» (ЛР идеал), способствующий более детализированной интерпретации категории речевого идеала – за счет погружения в концептуальное поле системы лингвориторического образования [Ворожбитова 2020: 84].

Риторизация филологического образования в системе государственной службы. Ю. Н. Караулов видит неотъемлемое свойство русскоязычной языковой личности в любви говорящего к своему «великому, могучему, свободному» (И. С. Тургенев), «поющему» (И. А. Ильин) русскому языку. В этой связи понятие о русском языке как государственном должно занять необходимое место во всей системе преподавания коммуникативных дисциплин (от программ бакалавриата до послевузовской подготовки). Любовь к родному языку неотделима от высокой речевой и – шире – речемыслительной культуры. Выработка навыков публичного выступления в конкретных жанрах делового общения, формирование языковой личности, обладающей оптимальными знаниями современных направлений деловой речевой коммуникации, является целью образовательной программы «Деловая риторика»; «Деловая риторика»; «Стилистика и литературное редактирование»; «Деловой речевой этикет»; «Документная лингвистика»; «Этнолингвистика»). Освоение теоретического материала, проводимые тренинги по культуре и технике речи, преодолению речевых и риторических «рисков» (программа особо эффективна на базе изучения лингвистических дисциплин на уровне магистрского образования и послевузовской подготовки – аспирантура, ФДПО, ФПК) способствуют итоговому формированию лингвориторической компетенции. Предпосылкой является сформированность базовых компетенций при изучении данных дисциплин (дисциплина «Русский язык и культура речи» – ОК-3, ОК-5, ОК-8: ОК-3 – владеет моральными нормами и основами нравственного поведения; ОК-5 – способен последовательно и грамотно формулировать и высказывать свои мысли, владеет русским литературным языком, навыками устной и письменной речи, способен выступать публично и работать с научными текстамии ...)» [Ворожбитова 2020: 149].

В эпоху цифровизации неотъемлемой частью государственной службы становится деловое интернет-общение (правила грамотного ведения электронного документооборота как норма этикета социального административного и архивирования документов; оказание государственных услуг посредством функционирования электронного правительства; официальные интернет-порталы, создаваемые и регулируемые представителями органов власти). Соответствие реквизитной сетки языковому оформлению текста документа, его жанровой разновидности определяет предмет изучения «Документной лингвистики», представляющей специфику письменной формы деловой коммуникации и находящейся на пересечении областей знаний документоведения, стилистики, лингвистики текста, культуры речи (спецкурс эффективен на базе изучения основных программных дисциплин лингвистического цикла – «Русский язык и культура речи», «Практическая стилистика»).

Все обозначенные направления помогают объективно представить портрет языковой личности государственного служащего. Современная лингвоперсоналогия широко и многосторонне обновляет терминологический аппарат (наряду с «портретом» появляются термины «паспорт» (В. И. Карасик), «идиолект» (О. В. Кузнецов, В. А. Виноградов), «идиостиль» (П. А. Кагышев, Ю. С. Паули). Языковое портретирование приобретает особый дидактический аспект в случае рассмотрения речевой деятельности конкретных политиков. Так, педагогическое значение культуры слова в политической деятельности – ораторское искусство, изучение иностранных языков, литературное редактирование – могут быть освещены на примере лингвориторической практики языковой личности полилингвального типа – выдающегося мирового трибуна Ф. Энгельса. Универсализация и типизация свойств языковой личности Ф. Энгельса способствует определению параметров межкультурной риторической компетенции (тематика эффективна в системе обучения на бакалавриате, в магистратуре, в системе ФПК для иностранных госслужащих).

Заключение. Считая основной стратегической задачей выработку интегральной ЛР компетенции [Ворожбитова 2020: 64], предлагаем следующие направления Программы дополнительного лингвориторического образования государственных служащих:

1. Государственная языковая политика России как основа управляемости и системности. Законодательный аспект формирования языковой личности политика. Модели системности управления речевой деятельностью современного государственного служащего (спецкурсы «Русский язык как государственный язык РФ»; «Этнолингвистика»).

2. Лингвориторическое портретирование (теория языковой личности в отечественной лингвистике: анализ подходов. Языковая личность государственного служащего как объект лингвориторического описания).

3. Формирование положительного имиджа государственного служащего. Анализ лингвориторического опыта различных жанров речевого общения в письменной и устной речи государственного чиновника (федеральный и региональный уровни).

4. Языковая личность политика.

4.1. Речь чиновника: позитивные и негативные тенденции (реализация авторского научного Проекта «Речь города. Социолингвистический портрет различных профессиональных категорий Санкт-Петербурга»).

4.2. «Культура речевого общения и речевой этикет в системе государственной службы» (спецкурс); «Документная лингвистика» (спецкурс).

5. Практические основы деловой коммуникации. «Деловая риторика» (спецкурс).

6. Проектная деятельность как системно-структурный подход к изучению речевой практики чиновника.

6.1. Формирование общественного мнения о государственном служащем средствами массовой информации, отражение позиции государственной власти в современных СМИ, их влияние на мировоззрение личности (реализация авторского научного Проекта «Язык и стиль СМИ как части информационной структуры общества»).

6.2. Проблемы «власть – речь» в средствах массовой информации, отражающей в СМИ позиции государственной власти. Анализ влияния сложных речевых событий на речь представителей власти (спецкурс «Публицистический стиль. Основные тенденции развития языка современной прессы»).

Результатом внедрения спецкурсов и научно-проектной деятельности в систему дополнительного лингвориторического образования госслужащего является формирование идеальной модели современного специалиста как профессиональной языковой личности, фиксирующей 4-й этап готовности к речевому самосовершенствованию – профессионально-пропедевтический. В результате достигается стратегическая цель образовательного процесса в области лингвориторики, определяющая социокультурную модель «Профессиональная языковая личность (сильная языковая личность диалогического типа, обладающая высокой ЛР компетенцией) [Ворожбитова 2020: 126–132]. Языковая личность студента – будущего чиновника представляет собой мобильную саморегулирующуюся систему, находящуюся под влиянием разнообразных социальных факторов; управляемый процесс, эффективность которого повышают различные лингвометодические и организационные механизмы. Существование этой саморегулирующейся системы находится также под воздействием многочисленных ситуативных факторов. Однако данная модель не должна иметь облик некой исключительно позитивной, канонизированной концепции. «Попытка сконструировать особый тип деятельности – нравственную деятельность – приводит к тому, что скрывается уникальность нравственного содержания человеческих деяний, которая... и является условием развития и обогащения нравственной реальности» [Александров 2019: 53]

Библиография

Александров, В. Б. Общественное сознание как социальная реальность. Дайджест / В. Б. Александров. – Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХ и ГС, 2019. – 122 с. – Текст : непосредственный.

Аннушкин, В. И. Политика как искусство речи и политическая риторика / В. И. Аннушкин – URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 01.12.20). – Текст : электронный.

Аннушкин, В. И. Речь Н. Ф. Кошанского 19 октября 1811 года / В. И. Аннушкин. – Москва: Форум, 2016 г. – 112 с. – Текст : непосредственный.

Введенская, Л. А., Павлова, Л. Г., Кашаева, Е. Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. – 544 с. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. – 176 с. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа / А. А. Ворожбитова // Вестник РУДН. Серия: Язык и специальность, 2012. – № 4. – С. 77–83. – Текст : непосредственный.

Иванчук, И. А. Риторические средства в современном дискурсивном пространстве / И. А. Иванчук. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. Санкт-Петербургский Политехнический университет, 2021. – 110 с. – Текст : непосредственный.

Клушина, Н. И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Н. И. Клушина. Мир русского слова, № 4, 2008. – С. 67–70. – Текст : непосредственный.

Костомаров, В. Г. Стилистика, любовь моей жизни / В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург : Златоуст; Москва : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. – 184 с. – Текст : непосредственный.

Михальская, А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – Москва : Академия, 1996. – 192 с. – Текст : непосредственный.

Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Языкознание и литературоведение / О. Н. Паршина. – Астрахань, 2005. – С. 137–144. – Текст : непосредственный.

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова; под ред. Л. В. Рацибурской. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 232 с. – Текст : непосредственный.

Стернин, И. А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить / И. А. Стернин. – Воронеж, Истоки, 2011. – 169 с. – Текст : непосредственный.

Эрчи, Хуа. Топика как источник риторической аргументации в русской предвыборной речи (на материале кампании по выбору президента РФ в 2018 году): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хуа Эрчи; ИРЯ им. А. С. Пушкина. – Москва, 2020. – 25 с. – Текст : непосредственный.

Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / Под редакцией О. Б. Сиротининой. – Саратов : ООО Издательский Центр «Наука», 2021. – С. 113. – Текст : непосредственный.

К вопросу о профессиональной подготовке переводчиков экономического профиля

Ковалевская Ирина Ивановна

Белорусский государственный экономический университет, Беларусь
220070, г. Минск, пр. Партизанский, 26
кандидат филологических наук, доцент
Email: vickostserg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются профессиональные компетенции переводчика экономического профиля, в перечень которых входят лингвистическая, коммуникативная, тематическая, межкультурная, технологическая, информационная компетенции и компетенция по обеспечению переводческих услуг. Каждая из выделенных составляющих ввиду своей многофункциональности имеет особый компонентный состав, определяющий специфику её формирования.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, знания, навыки, умения, способности, готовность.

УДК 811.161.1'25

To the issue of professional training translators specialising in economics

Iryna Iv. Kovaleuskaya

Belarus State Economic University, Belarus
26 Partizanski Av., Minsk 220070
PhD (Philology), Associate Professor
Email: vickostserg@mail.ru

Abstract. The article discusses the professional competences of an economic translator, including language, communicative, thematic, intercultural, technological competencies as well as information mining and translation service provision competencies. As each of the competencies fulfills multiple functions, it consists of a specific scope of components determining the specifics of its formation.

Keywords: professional competence, knowledge, skills, abilities, capacities, readiness.

UDC 811.161.1'25

Введение. Современная система высшего образования характеризуется сменой приоритетов в постановке задач. В качестве главных из них можно выделить качество и конкурентоспособность, фундаментальность, практико-ориентированность, актуальность содержания подготовки учащихся и связь с рынком труда.

Решение поставленных задач предполагает достаточно высокие требования к профессиональной подготовке будущих специалистов, включая переводчиков экономического профиля. Данные требования находят отражение в содержании нормативно-программной документации, с опорой на которую составляется необходимое для образовательного процесса учебно-методическое обеспечение.

Материалы и методы. В основе разработанного на базе Белорусского государственного экономического университета нового учебного плана специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)» лежит компетентный подход, акцентирующий внимание на результатах образования как способностях человека действовать в различных проблемных ситуациях и включающий в профессиональную подготовку выпускника особые компетенции. В выделении и рассмотрении этих составляющих заключается цель данной статьи, которая достигается посредством их сравнительно-описательного анализа.

Обсуждение. Компетенции определяются И. А. Зимней как «некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования: знания, представления, программы, алгоритмы действий, систем ценностей и отношений», ключевые из которых будут в дальнейшем применяться для успешной деятельности в определённой профессиональной области [Зимняя 2004: 11].

Профессиональные компетенции, формирование которых начинается с момента выбора и овладения профессией и продолжается в течение всей трудовой деятельности, рассматриваются в качестве интегративных характеристик, объединяющих такие дефиниции как «профессионализм», «квалификация», «профессиональные способности», «профессиональные личностные качества» и т.п.

Одним из наиболее полных представляется перечень профессиональных компетенций переводчиков, включающий шесть главных составляющих их профессиональной подготовки – лингвистическую, тематическую (предметную), межкультурную, технологическую, информационную и компетенцию по обеспечению переводческих услуг [Competences].

Основными компонентами *лингвистической* компетенции являются *языковой* и *речевой*. Первый компонент подразумевает владение орфоэпическими, грамматическими, лексическими и стилистическими нормами языка и умение оформлять высказывания в соответствии с литературными нормами; другой – умение применять знания о нормах языка в таких видах деятельности, как говорение, аудирование, чтение, письмо, а также корректировать речевое поведение в зависимости от коммуникативной ситуации.

Изучение языка как системы, включая фонетику, лексику, фразеологию, грамматику, наряду с умениями их применения способствует формированию лингвистической компетенции, но не достаточно для общения с

носителями языка. Это стало причиной введения Д. Хаймсом понятия *коммуникативной компетенции*, охватывающего всю область речевого поведения. Данная компетенция приобретает в результате взаимодействия человека с социальной средой и предусматривает владение социолингвистическими кодами и их вариантами, а также критериями перехода от одного кода или варианта к другому. Формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя прагматические знания условий высказывания, принятых в определённом обществе, лежит в основе методики преподавания иностранных языков с позиций коммуникативного подхода. Согласно В. Н. Комиссарову, под коммуникативной компетенцией подразумевается «способность к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или “смысле” на основе фоновых знаний», являющаяся основной составляющей профессиональной подготовки будущих переводчиков [Комиссаров 2001: 329]. В научном мире нет единства мнений относительно структуры коммуникативной компетенции, поэтому в ней выделяют такие компоненты, как *лингвистический* (знание самого языка, его устройства и функционирования, языковых норм, а также способность использовать эти знания); *социолингвистический* (знания, навыки, умения использовать и преобразовывать языковые формы в зависимости от ситуации общения, темы и места общения, социальных ролей общающихся и т. п.); *дискурсивный* (способность соединять предложения в связное сообщение, дискурс); *стратегический* (умение использовать вербальные и невербальные стратегии); *социокультурный* (знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка); *интерактивный* (готовность к непосредственному взаимодействию); *энциклопедический* (знание кодов для интерпретации и умение использовать эти коды); *социальный* (умение вступать, поддерживать общение); *речевой* (умение формировать и формулировать мысли) и входящий в него *ситуативный* (умения использовать язык в рамках определённых типов речевого общения); *компенсаторный* (умение находить выход из сложной речевой ситуации при недостаточности опыта речевого общения и языковых знаний); *когнитивный* (умения и способности мыслить и решать познавательные задачи).

Тематическая компетенция, включённая в перечень требований к профессиональным переводчикам, определяется как умение осуществлять поиск специализированной информации (экономического, юридического характера и др.), способность развивать свои знания в специальных областях посредством освоения системы понятий, методов, рассуждений, презентации, терминологии и пр., а также учиться, развивать способности к анализу, синтезу и обобщению в конкретной сфере деятельности [Образцов 2005].

В отечественной практике преподавания тематическая компетенция будущих специалистов описывается в терминах *профессионально ориентированной* составляющей их подготовки и квалификации, которая имеет особую значимость в неязыковых вузах, где способности иноязычного общения у студентов приобретаются в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учётом особенностей профессионального мышления. Тематическая компетенция формируется посредством овладения профессионально-ориентированным иностранным языком и приобретения специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях, в рамках интегрированного обучения профессионально-ориентированному иностранному языку и специальным дисциплинам. В основе интегрированного обучения лежит профессионально социально-коммуникативная позиция будущего выпускника вуза, представляющая собой набор коммуникативных ролей конкретного специалиста при использовании им своих профессиональных обязанностей. Её определение возможно только с опорой на оригинальный текстовый материал, качественная оценка которого должна происходить с профессиональной точки зрения, то есть при участии специалистов, имеющих образование в той сфере, для которой составляется учебно-программная документация.

Поскольку профессиональная деятельность будущего переводчика определяется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, его подготовка рассматривается через призму межкультурного взаимодействия, где он является основным посредническим звеном. Показателем сформированности способности эффективно осуществлять данную функцию служит *межкультурная компетенция*, понятие которой активно используется в теории преподавания иностранных языков с конца 90-х годов XX столетия. К основным требованиям, раскрывающим содержание данной компетенции, относят умения употреблять иностранный язык в аутентичных ситуациях межкультурного общения; объяснять и усваивать на определенном уровне чужой образ жизни, поведения; расширять индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка.

В неязыковых вузах развитие межкультурной компетенции осуществляется посредством изучения иностранного языка как инструмента общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Р. П. Мильруд, А. А. Мироллобов, В. В. Сафонова, С. Г. Тер-Минасова, Е. И. Пассов). Такое понимание социального назначения языка обеспечивает его усвоение в тесной связи с иноязычной культурой, включающей в себя разнообразные познавательные сведения об истории, литературе, архитектуре, быте, нравах, образе жизни и традициях народа страны изучаемого языка и иных материалов культуры, и, безусловно, повышает мотивацию учения студентов.

К *технологической* компетенции относят умения работать с различными инфокоммуникационными ресурсами, эффективно и быстро интегрировать спектр программного обеспечения для редактирования и коррекции текста перевода, работать со специальными технологиями переводческой памяти и терминологическими базами данных, использовать программное обеспечение по распознаванию речи. В отечественной методике преподавания данный вид компетенции рассматривается как базовая интегративная характеристика учащихся, обеспечивающая единство и взаимосвязь когнитивно-информационного, специально-технологического, социального компонентов и отражающая уровень сформированности профессиональных знаний, умений и навыков и развитие профессионально важных качеств учащихся применительно к конкретной профессиональной деятельности [Непогода 2008: 5]. Что касается технологической компетенции переводчика, она включает не только способность использовать компьютерные и аппаратные средства, но и владение технологиями проведения

предпереводческого анализа, сбора информации о переводимом тексте и области его применения, редактирования полученного перевода, подготовки к выполнению устного перевода» [Мартынова 2017: 122].

Следует подчеркнуть неразрывную связь технологической компетенции с **информационной** (или информационно-поисковой), являющейся неотъемлемым компонентом информационной культуры личности. Данная компетенция характеризуется особой структурой, включающей три уровня: «базовый», «технологический» и «профессиональный». К «базовому» уровню относятся освоение общих приёмов создания, редактирования, сохранения, копирования и переноса информации в электронном виде; представления информации средствами презентационных технологий; а также владение навыками поиска информации в сети Интернет и определения наиболее оптимального способа сетевого взаимодействия или комбинации данных способов для решения поставленных задач. «Технологический» уровень определяется готовностью будущего специалиста к осуществлению прикладной деятельности, к качественной оценке потенциала интернет-ресурсов, степени их информативности с позиций целевой предметной области, качества средств и форм представления в глобальной сети Интернет информационного обеспечения. На «профессиональном» уровне предусмотрено создание новых инструментов для осуществления информационной деятельности [Красавина 2012: 36].

В условиях развития информационного общества, превращения переводческой деятельности в разновидность индустриальной важным компонентом профессиональной подготовки будущих переводчиков представляется компетенция по **обеспечению переводческих услуг**, то есть созданию переводческого продукта в соответствии с запросами клиента, его целями в определенной ситуации, владению стратегиями перевода документов, навыками оценки и контролирования качества перевода [Надысев 2012]. Данная составляющая составляет ядро профессиональной компетенции современного переводчика и включает два блока дескрипторов, описывающих способности в области межличностных отношений и умения в области осуществления перевода. В силу высокой степени динамичности сферы переводческой деятельности среди дескрипторов первого блока значимыми представляются осознание социальной роли переводчика; соответствие требованиям рынка; умение договариваться с клиентами и другими заинтересованными лицами о цене, сроках, условиях труда, доступе к необходимой информации и т.п.; постоянное повышение собственной квалификации; умение калькуляции стоимости предоставляемых услуг; соблюдение обязательств, сроков, инструкций, поведенческих норм; знание стандартов, которые используются на рынке переводческих услуг; соблюдение профессиональной этики переводчика; умение работать под началом, в команде, в том числе и в виртуальной команде. Медиаторские способности переводчика основываются на знании того, как создать и предложить перевод, соответствующий запросу клиента; а также умениях правильно определить этапы и выбрать стратегию перевода, оценить перевод в соответствии с содержащимися в нем трудностями и найти способы их преодоления, обосновать свой выбор стратегии перевода, корректировать и редактировать выполненный перевод [Липатова 2012: 17].

Заключение. Все рассмотренные выше компоненты профессиональной подготовки будущего переводчика многофункциональны, поскольку способствуют становлению учащегося как профессиональной личности и определяют стартовые возможности в успешности его деятельности. Перечень выделенных компетенций является открытым ввиду необходимости сформировать у учащихся не собственно знания, умения и навыки, а способности, благодаря которым эти знания, умения и навыки сравнительно легко приобретаются, и готовность, характеризующуюся направленностью на выполнение того или иного действия и предусматривающую наличие определённых знаний, умений, навыков. В этой связи в процессе профессиональной подготовки переводчиков экономического профиля актуальным представляется активизировать их мотивационно-волевые ресурсы, сформировать основы их готовности к речевому самосовершенствованию и тем самым заложить фундамент сознательного становления каждого из них в качестве профессиональной языковой личности, обладающей рассмотренными выше компетенциями.

Библиография

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – Москва : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.
2. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication. – URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/programmes/emt/key_documents/emt_competences_translators_en.pdf (дата обращения: 20.07.2021). – Текст : электронный.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС. – 2001. – 424 с. – Текст : непосредственный.
4. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие / П. И. Образцов, О. Ю. Иванов. – Орел : ОГУ, 2005. – 114 с. – Текст : непосредственный.
5. Непогода, Л. И. Формирование профессионально-технологической компетенции учащихся старшего школьного возраста в образовательном процессе: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Л. И. Непогода / Смоленский государственный университет, Смоленск, 2008. – 21 с. – Текст : непосредственный.
6. Мартынова, О. Н. Формирование технологической компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации / О. Н. Мартынова, М. В. Сергеева // Вестник ТГПУ. – 2016. – №6(17). – С. 120–123. – Текст : непосредственный.
7. Красавина, О. И. Информационная компетенция переводчика / О. И. Красавина // Вопросы методики преподавания в вузе = Teaching methodology in higher education: сборник научных статей / Санкт-

Петербургский государственный политехнический университет. – №1(15).– 2012. – С. 34–42. – Текст : непосредственный.

8. Надысев, А. М. К вопросу о составляющих профессиональной компетенции переводчика в европейском контексте / А. М. Надысев, Р. Г. Горбатенко, А. А. Атабекова // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 4. – URL: <https://human.snauka.ru/2012/04/1037> (дата обращения: 20.06.2021). – Текст : электронный.

9. Липатова, В. В. Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчиков в российских языковых вузах / В. В. Липатова, А. В. Литвинов // Russian Journal of Linguistics. – 2012. – №2. – С. 13–32. – URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s2687-00880000617-9-1-ru-467> (дата обращения: 26.07.2021). – Текст : электронный.

**Формирование национальной идентичности билингвальной языковой личности:
ресурс учебного курса регионально-мультикультурной направленности**

¹Курьянович Анна Владимировна
²Серебренникова Елена Александровна

¹Томский государственный педагогический университет, Россия
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
доктор филологических наук, доцент
Email: kurjanovich.anna@rambler.ru

²Томский государственный педагогический университет, Россия
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
аспирант
Email: mangustelena22472@gmail.com

Аннотация. Речь идет о формировании национальной идентичности поликультурной языковой личности посредством развития ее языковой способности в контексте теории мультикультурализма. В качестве варианта решения данной задачи предлагается обучение поликультурной языковой личности (в данном случае билингва) русскому языку как неродному с привлечением учебного курса регионально-лингвокультуроведческой направленности.

Ключевые слова: поликультурная языковая личность, лингвокультура, диалог культур, билингвальная языковая личность, языковая и культурная идентичность, учебный курс по русскому языку как неродному.

УДК 81'246.2

**Formation of the national identity of a bilingual linguistic personality:
A resource for a training course with a regional and multicultural orientation**

¹Anna V. Kuryanovich
²Elena A. Serebrennikova

¹Tomsk State Pedagogical University, Russia
60 Kievskaya Str., Tomsk 634061
PhD, Dr Habil. (Philology), Associate Professor
Email: kurjanovich.anna@rambler.ru

²Tomsk State Pedagogical University, Russia
60 Kievskaya Str., Tomsk 634061
PhD student
Email: mangustelena22472@gmail.com

Abstract. The article tackles the issue of forming the national identity of a multicultural linguistic personality by developing its linguistic ability in the context of the theory of multiculturalism. As an option for solving this problem, the authors propose to teach multicultural linguistic personalities (in this case a bilingual person) the Russian language as a non-native language, using a training course of a regional linguistic and cultural studies.

Keywords: multicultural linguistic personality, linguistic culture, dialogue of cultures, bilingual linguistic personality, linguistic and cultural identity, training course of Russian as a non-native language.

UDC 81'246.2

Введение. Включенность современных носителей языка во множество пересекающихся коммуникативных практик, предполагающих разнообразные межкультурные контакты в мировом глобализационном пространстве, обуславливает возрастающий интерес ученых к изучению языковых личностей разных типов. Все большее количество носителей языка приобретает статус *поликультурных*, использующих в коммуникации в качестве вербального кода два или несколько языков, при этом за каждым национальным языком стоит система воплощаемых им национальных культурных смыслов и в целом языковая картина мира. Языковая личность эксплицирует в коммуникативном поведении своеобразие родной *лингвокультуры*, манифестируя принадлежность к ней, в связи с чем современную коммуникацию справедливо определяют как *диалог культур*. В основе такого представления лежит *теория мультикультурализма* (Э. Дюркгейм), суть которой сводится к утверждению принципов уважения к национально-культурным различиям и равноправного существования национальных форм культурной жизни. Диалог культур сегодня воспринимается как социальная потребность в условиях расширения взаимодействия между этносами, в том числе в сфере языкового контактирования. Обязательным условием при этом является сохранение «существующего культурного разнообразия человечества» [Ешич 2002: 9], этнической идентичности, культурной уникальности и толерантности в отношениях между этносами, составляющими мультикультурную и многоязыковую современную цивилизацию.

Миграционные и интеграционные процессы, происходящие сегодня в мире, позволяют характеризовать по размерам любой – от страны до регионального города – пространственный локус как полиэтнический, опреде-

ленную часть населения которого будут составлять полилингвы. Особый тип поликультурной языковой личности представляют *билингвы*, владеющие, помимо родного, неродным языком. Актуальной для изучения считается проблема формирования и развития языковой личности билингва в мультикультурном региональном контексте.

Материалы и методы. В силу междисциплинарной проблематики в ходе анализа привлекается методологический инструментарий из разных областей гуманитаристики: лингвокультурологический и кросскультурный анализ, элементы концептуального и дискурсивного анализа, технологии лингводидактики, а также педагогический инструментарий предметной методики, применяемый для решения задач поликультурного и полиязыкового образования.

Обсуждение. Исследование вопросов культурно-языкового межэтнического взаимодействия определяем в качестве междисциплинарной области приложения усилий лингвистов, психологов, педагогов, социологов, культурологов. С учетом постоянно меняющихся социокультурных обстоятельств, в которых возможны столкновения культурных ценностей и разных способов идентификации человека, остро стоит задача воспитания личности, толерантно относящейся к фактам чужих языков как инокультурных проявлений. Особая роль в ее решении принадлежит педагогам и методистам. В связи с чем аспектом рассмотрения заявленной проблемы в данной статье является методический аспект: как связать воедино язык и культуру и экстраполировать результаты осмысления этой взаимосвязи в образовательный процесс в качестве способа формирования и развития языковой личности посредством предметной области «русский язык»?

Билингвальная языковая личность владеет, пусть и на разном уровне, двумя национальными языками, что позволяет ей воспринимать и осмыслять неповторимость каждого из них, формируя, тем самым, специфично работающее языковое сознание. У. М. Бахтиреева видит преимущества деятельности языкового сознания билингвальной языковой личности в более чутком восприятии фактов языкового универсализма. Владея типовым способом осмысления действительности средствами своей («первичной») языковой культуры, при изучении второго языка она овладевает типовым способом осмысления действительности, выработавшимся в сознании другого народа (через «вторичную» языковую культуру), что позволяет ей познать особенности смысловой схемы типовых высказываний в обоих языках [Бахтиреева 2005]. По словам Л. П. Халяпиной, поликультурная языковая личность имеет такую компетентностную базу, которая «позволяет ей ориентироваться в концептосферах универсального, этнокультурного, социокультурного и индивидуально-культурного типов, что обеспечивает развитие её готовности и способности к активному позитивному взаимодействию с представителями поликультурного мира» [Халяпина 2006: 22].

Но вместе с тем существует целый ряд трудностей, сопровождающих формирование и развитие языковой способности носителей языка поликультурного типа с учетом специфики личностного роста, социализации, самоидентификации, в том числе национально-культурной, и связанных с их вовлеченностью в процессы аккультурации и инкультурации. Например, для многих детей-билингвов доминирующий (в ряде случаев это государственный для страны их проживания, а потому подлежащий обязательному изучению) язык не является родным, что может осложнять их языковую идентификацию в мультикультурном многоязычном пространстве.

Именно поэтому «диалог культур» понимается сегодня не только как способ воплощения межнациональной коммуникации, но и как педагогическая технология [Пассов 2001], реализуемая в образовательном поликультурном пространстве. Последнее определяется в качестве «системы обучения и воспитания, которая учитывает культурную, этническую и религиозную специфику учащихся, развивает у них толерантность, уважение к представителям иной лингвокультурной общности» [Азимов, Щукин 2009: 203]. Философия нового методического направления – с актуализированной мультикультурной воспитательной доминантой – противостоит наблюдающемуся в мировом информационном пространстве усилению конфликта культур, который в образном преломлении С. Г. Тер-Минасовой интерпретируется как «война и мир языков и культур» [Тер-Минасова 2007].

Основой данного подхода выступает методическая установка: на развитие языковой способности влияет фактор осознания носителем языка своей *национальной – языковой и культурной – идентичности*. Особенно важна данная установка для еще только формирующейся билингвальной языковой личности: находящийся в возрасте 10–12 лет ребенок способен к осознанному выстраиванию своей образовательной траектории, у него наблюдается высокий уровень мотивации к познанию окружающего мира во всей полноте вариантов его культурной и языковой маркированности.

Идентичность как совокупность осознанных представлений индивида о своем Я является опытом самопознания. Человек постоянно встречается с миром и другими людьми, которые отзеркаливают, отражают его, поставляют новую информацию о его действиях, поступках: «Ты – такой-то». Большая доля в выражении информации о человеке принадлежит его речи, которая, в свою очередь, является слепком с представлений человека о культуре, которая является сосредоточением «всех иных (социальных, духовных, логических, эмоциональных, нравственных, эстетических) смыслов человеческого бытия» [Библер 1989: 38]. Следовательно, взаимосвязь компонентов триады «идентичность – язык – культура» неоспорима. В пространстве пересечения культур и языков проблема осознания собственной идентичности проявляется особенно четко. Ее экстраполяция в образовательную плоскость позволяет формирующейся языковой личности развивать или корректировать свое владение языком с учетом культурных ориентиров.

Национальная идентичность складывается из таких «элементов этничности», как язык, комплексы культуры, традиции поведения и образ жизни, самосознание, номинат-этноним [Ешич 2002: 22]. Ее осознание основывается на понимании «своего родства с каким-то множеством людей по ряду параметров – по общности языка, по образу жизни или некоторым элементам образа жизни, по общности тех или иных специфических

комплексов культуры (фольклор, мифология, религия, нормы поведения), по своеобразным традициям в быту и семье, по «историческим корням» и исторической памяти» [Там же: 25–26].

Обобщив ряд ключевых положений по заявленной проблеме, продемонстрируем возможности одного из вариантов ее методического решения.

Нами, как представителями коллектива ученых из Томского государственного педагогического университета, осмысливается идея создания учебного курса по русскому языку для детей-билингвов в контексте регионального мультикультурного образовательного пространства «Учим русский в Томске». Для Томска – исторически многонационального сибирского города – актуальна проблема взаимодействия этносов в мультикультурном городском пространстве. В Томске проживают представители порядка 120 национальностей и народностей. В этом контексте осуществляется идентификация индивидов с точки зрения принадлежности к родной культуре и выстраивания диалога с неаутентичной культурой на основе понимания обеих культур как самоценных и равнозначных. Проектируемый учебный курс рассматривается как дополняющий подготовку по русскому языку обучающихся-билингвов 5-го класса средней общеобразовательной школы, осуществляемую с использованием рекомендованных Министерством просвещения РФ учебно-методических комплексов.

В большинстве общеобразовательных учреждений города функционируют классы смешанного мультикультурного типа. Обучающиеся-билингвы демонстрируют недостаточную степень освоенности русского языка, что делает крайне необходимым более качественное его изучение с применением современных научных подходов и методического инструментария.

В основу курса может быть положен блочно-тематический принцип освоения учебного материала. Каждая тема связана с отработкой умений и навыков в освоении русского языка в контексте культурно значимых смыслов, формируемых, в том числе, за счет регионального дидактического материала. Языковедческое наполнение курса коррелирует с содержанием базовых УМК по русскому языку для 5-го класса и включает освещение следующих вопросов: Язык и общение; Стили и функционально-смысловые типы речи; Русский алфавит; Звук и буквы; Произношение и правописание; Части речи; Словосочетание, синтаксис; Предложение, члены предложения; Лексика; Культура речи; Морфемика; Морфология, имя существительное, имя прилагательное, глагол.

Примерное тематическое наполнение курса может выглядеть так:

Тематический блок 1. Сибирские Афины. Общие сведения о городе. *1.1. Говорим по-русски.* Русский язык – язык межнационального общения мультикультурного региона. *1.2. Город, в котором я живу.* Томск на карте мира и региона. *1.3. Томск и томичи.* Население Томска. Выдающиеся люди Томска. *1.4. На экскурсии в томском музее.* Из истории многонационального Томска.

Тематический блок 2. Я живу в Томске. Язык и культура как средства формирования национальной идентичности и личностного развития. *2.1. Я и моя семья.* Национальные, религиозные, семейные обычаи и традиции. Национальная кухня. *2.2. Мои сверстники.* Школа, класс, друзья. *2.3. Мои увлечения и хобби.* Организация досуга, интересы, круг чтения, фильмы, музыка. *2.4. Мой родной язык.* Русский и родной языки как основа уникальной образовательной траектории в поликультурном мире.

Тематический блок 3. Томичи – одна дружная семья. Этно-культурно-языковая карта города. *3.1. Языки, на которых говорят в Томске.* Языковой ландшафт Томска. Национальные диаспоры и лингвокультуры современного Томска. *3.2. Прогулки по Томску.* Достопримечательности Томска. Мультикультурализм архитектурного пространства Томска. *3.3. Праздник в нашем городе.* Национальные праздники и обычаи. *3.4. Люди, которыми мы гордимся.* Выдающиеся деятели национальных культур и мастера слова на томской земле.

В качестве иллюстрации приведем вариант задания, выполняемого на региональном дидактическом материале. Обучающимся предлагается фрагмент текста из книги томского писателя С. Заплавного «Томск изначальный»: «*Не только остяки, но и сибирские, в том числе томские татары-зушитинцы, издавна обожествляли реки, возле которых жили. Они считали их своими повелительницами, центрами мироздания, дорогами в страну предков. Но ведь праславянское слово руса тоже означает река, а понятие русы вполне можно прочитать как люди рек, речной народ. Тот же корень легко различим в таких словах, как русский, Русь, Русия, Россия, или, скажем, в понятиях русло, роса... Не удивительно, что многоликий и многонациональный отряд Писемского и Тыркова, включавший в себя не только русских, малороссов (украинцев), поляков, литву (это название распространялось в ту пору и на белорусов), чувашей, мордву, остяков, татар и еще целый ряд народностей России, восприняли ключевой чистоты Томь как родную сестру тех рек, на которых они выросли и которые свято хранили в своем сердце. Томе предстояло объединить их с «речными людьми» Зушты, окончательно сделать частью Руси. История не сохранила точной даты, когда на «песках» в устье Ушайки под высоким «крепким холмом» высадились первостроители Томска, но можно с уверенностью сказать, что произошло это с 6 по 10 июня 1604 года» [Заплавный 2017: 10]. С анализом этого текста могут быть связаны такие задания на отработку языковедческих знаний и навыков: указать предложения с однородными членами, объяснить правописание отдельных слов, выписать слова с безударными проверяемыми гласными в корне, найти в тексте глаголы прошедшего времени, определить их род и пр. Культурологические акценты в работе обучающегося помогут расставить задания типа: Какие реки Томской области можете назвать? Как на вашем родном языке звучат названия этих рек? и т.п.*

Заключение. Таким образом, формирование национальной идентичности билингва как языковой личности поликультурного типа имеет методический вариант своего решения. Учебный курс по русскому языку как неродному для детей-билингвов на лингвокультурной основе с привлечением дидактического материала региональной направленности, погружающего обучающегося в контекст культурной атмосферы того региона, в котором он проживает, оценивается как эффективный способ развития не только языковой способности билингва, но и его самосознания. Использование такого учебного курса позволит улучшить освоение неродного

(русского) языка в контексте установления взаимосвязей с родным языком, а также воспитать в носителе-билингве уважительное отношение как к родной, так и неродной культуре.

Библиография

Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с. – Текст : непосредственный.

Бахтикиреева, У. М. Творческая билингвальная личность: Национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста : монография / У. М. Бахтикиреева. – Москва : Триада, 2005. – 190 с. – Текст : непосредственный.

Библер, В. С. Культура. Диалог культур: опыт определения / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42. – Текст : непосредственный.

Ешич, М. Б. Этничность и этнос / М. Б. Ешич / Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) : коллективная монография / Отв. ред. Г. П. Нешименко. – Москва : Наука, 2002. – С. 7–28. – Текст : непосредственный.

Заплавный, С. А. Томск изначальный: историческое повествование / С. А. Заплавный. – Томск : [б. и.], 2017. – 319 с. – Текст : непосредственный.

Пассов, Е. И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты / Е. И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – № 2. – С. 54–58. – Текст : непосредственный.

Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации : учебное пособие / Тер-Минасова С. Г. – Москва : АСТ [и др.], 2007. – 287 с. – Текст : непосредственный.

Халяпина, Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам : автореф. дис. ... д-ра пед. н. / Л. П. Халяпина. – Санкт-Петербург, 2006. – 48 с. – Текст : непосредственный.

Конструктивистский подход к структурированию вузовского учебного пособия по межкультурной коммуникации

Маслов Юрий Всеволодович

Белорусский государственный экономический университет, Беларусь
220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26
кандидат педагогических наук, доцент
Email: maslove@tut.by

Аннотация. В материале рассматривается одна из проблем разработки методической системы обучения иностранным языкам в вузе – проблема развития содержания обучения, являющегося частью информационно-образовательной среды, в которой происходит формирование профессиональной би- и полилингвальной личности специалиста. Содержание находит материальное выражение в авторских пособиях. Объектом рассмотрения является новое учебное пособие по дисциплине «Практикум по межкультурной коммуникации» (2022 г.), разработанное в логике педагогического конструктивизма. Рассмотрены принципы построения пособия, приведены примеры заданий. Выявлены положительные стороны конструктивистского подхода, намечены перспективы совершенствования деятельности преподавания и учения, в том числе с помощью игровых приемов.

Ключевые слова: педагогический конструктивизм, иноязычная подготовка, методическая система, содержание обучения, учебное пособие, межкультурная коммуникация, стимулирование инициативной речи.

УДК 811.1:378(082)

The constructivist approach to elaboration of a university student manual on intercultural communication

Yuri V. Maslov

Belarusian State Economic University, Belarus
26 Partizanski Av., Minsk 220070
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: maslove@tut.by

Abstract. The article considers one of the problems of developing a methodological system for teaching foreign languages at a university – namely, the problem of educational content development that is part of the information and educational environment, in which bi- and poly-lingual personalities of would-be specialists are formed. Educational content is delivered in the form of original manuals for students. The author analyzes a new manual entitled “Practicum in Intercultural Communication” (2022), elaborated in the logic of pedagogical constructivism. The article describes principles of elaborating the manual, and provides examples of assignments. The author highlights some strengths of the constructivist approach, and underlines the prospects for improving the activities of teaching and learning, including the use of gamification techniques.

Keywords: pedagogical constructivism, foreign language training, methodological system, educational content, student manual, intercultural communication, stimulation of initiative in speaking.

DC 811.1:378(082)

Введение. Проблематика данной работы затрагивает как теоретические основы педагогики высшей школы, так и прикладные задачи, которые необходимо решать в практике вузовской иноязычной подготовки на продвинутом этапе (специальность – лингвистическое обеспечение международной экономической деятельности). Описываемый подход может претендовать на определенную универсальность, особенно применительно к иноязычной подготовке, которую мы рассматриваем с точки зрения педагогики высшей школы. Таким образом, наш опыт есть еще одна попытка придать практике преподавания системный характер.

Необходимость системного подхода в обучении иностранным языкам является аксиоматичной. Очевидно, что задача формирования профессиональной би- и полилингвальной языковой личности (ЯЛ) будущего педагога может успешно осуществляться только в условиях реализации системного подхода к образовательному процессу. Это объясняется тем, что ЯЛ, особенно тот ее аспект, который описывается термином «вторичная языковая личность» (этот термин, введенный И. И. Халеевой, вряд ли можно признать самым удачным для описания данного феномена), имеет сложную структуру. Именно поэтому столь интенсивно продолжается сегодня разработка данной проблематики – в частности, в трудах Сочинской школы [Ворожбитова 2021].

Цель работы – обоснование необходимости системного использования всех без исключения компонентов содержания в ходе профессионально-педагогической иноязычной подготовки в вузе в логике педагогического конструктивизма (в практике преподавания одной дисциплины учебного плана специальности – «Практикума по межкультурной коммуникации»).

Необходимость системного подхода в обучении иностранным языкам является аксиоматичной. Неоднократно указывалось на необходимость разрабатывать целостные *методические системы обучения* (МСО) иностранному языку в конкретном вузе, с учетом всего комплекса институциональных и иных условий [Романова 2009: 8–10; Сафроненко 2006: 90–92]. Системность иноязычной подготовки тем выше, чем более четко организована МСО.

По нашему мнению, МСО иностранному языку представляет собой частично соединенное множество объектов образовательной действительности, образующих специфическую информационно-обучающую среду, основанную на определенных принципах и имеющую вероятностный характер. В определении акцентирован *проектировочный аспект* разработки системы – создание определенной информационно-обучающей среды. Именно «среда» оказывает четко отслеживаемое (и, как следствие, диагностируемое) воздействие на развитие умений участников образовательного процесса.

В настоящей работе мы рассмотрим ведущий подход к развитию содержания иноязычной подготовки – *педагогический конструктивизм*. Известно, что истоки конструктивистского подхода лежат в трудах Ж. Пиаже и Л. С. Выготского [Tarnopolsky 2016: 100]. основополагающая идея подхода в том, что познавательная деятельность есть активный процесс конструирования нового знания, основанный на осознании цели и эффективный в условиях коммуникации. Усвоение знаний происходит в процессе интеллектуальной деятельности, в ходе которой поощряется мышление вслух, высказывание предположений и т.п. [Пустовойтов 2016].

Конструктивизм, новая педагогическая парадигма, стал активно обсуждаться в зарубежной педагогике в 1980–1990-е гг. По-прежнему, однако, существуют разночтения в терминологии, используются разные понятия («конструктивизм» и «конструкционизм», например), основой исследований могут становиться несколько теорий – Джорджа Келли, фон Глазерфельда, Умберто Матураны [Raskin 2002].

Shuell (1988) формулирует основные характеристики процесса учения в этой парадигме. По мысли автора, процесс обучения в логике конструктивизма отличается тем, что является активным, интегративным, кумулятивным и целенаправленным. Иными словами, обучающийся включен в деятельность по обработке учебной информации, блоки информации соединяются с уже имеющимися, а усвоение идет на основе ранее усвоенного [цит. по Simons 1993: 291–292].

Надо сказать, что подобные характеристики еще не делают конструктивистский подход отличным от иных подходов, т.к. все перечисленные черты свойственны большинству МСО. Тем не менее, ученые единодушны в оценке роли, которую в конструктивистском подходе играет диалог, поскольку понимание всегда формируется исключительно в социальном контексте, в ходе обмена мыслями, причем главную роль играет собственно *язык общения* [Knuth et al. 1993: 171].

Учитывая все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что в обучении иностранному языку – особенно в вузовских условиях, где собственно обучение отходит на второй план – конструктивистский подход является *предпочтительным*: процесс иноязычной подготовки представляет собой в идеале профессионально-ориентированную коммуникацию, целью которой выступает всестороннее развитие интеллекта студентов.

Этим объясняется частое обращение специалистов в сфере обучения иностранному языку для специальных целей (ИЯСЦ) к конструктивистской проблематике. Одним из самых последовательных пропагандистов данного подхода к обучению ИЯСЦ является украинский ученый, профессор О. Б. Тарнопольский, под руководством которого разработан ряд учебных пособий для студентов. Автор подчеркивает, что одной из актуальных исследовательских проблем является разработка конкретных *вариантов* конструктивистского подхода.

Ученый дает собственное развернутое определение описываемого явления. Конструктивистский подход представляет собой специальное проектирование курса ИЯСЦ, в результате чего у студентов появляется потенциальная возможность *непрямого* овладения умениями коммуникации посредством реализации различных видов иноязычной речевой деятельности, моделирующих ситуации профессионального общения [Tarnopolsky 2016: 100]. Заметим, что в английском оригинале у автора сказано *subconsciously*, т.е. говорится о «подсознательном» овладении, что все-таки не совсем точно.

Украинский ученый и его коллеги предлагают, по меньшей мере, три варианта проектирования курса ИЯСЦ, причем основные аспекты проектирования остаются неизменными (их можно именовать *принципами*).

Первый из них – опора на так называемое *учение на основе опыта* (*experiential learning*). Истоки этой педагогической идеи находим в философии прагматизма и ее педагогическом воплощении (работы Джона Дьюи), а также в модели учения на базе опыта (*Experiential Learning Model*) Дэвида А. Колба. В практике обучения ИЯСЦ этот аспект подхода выражается в том, что все предлагаемые студентам задания «работают» на конечную цель – развитие целевых умений.

Второй аспект – использование идей так называемого *обучения на основе тематического содержания* (*content-based instruction*). Данный подход получил наиболее ясное обоснование в работах именно специалистов по обучению иностранным языкам на продвинутом этапе, в том числе в вузе. При этом следует отметить, что данный аспект проектирования курса ИЯСЦ является аксиоматичным, т.к. такой курс невозможно представить себе никаким иным образом. Иными словами, содержание курса ИЯСЦ должно отражать тематику ведущих курсов специальности.

Третий аспект проектирования – постоянная реализация возможностей интерактивного обучения. Это особенно актуально для современных условий, когда студенты могут пользоваться всем богатством возможностей, предоставляемых современными информационными технологиями.

Дополнительное измерение, описываемое в цитируемой работе, состоит в том, что образовательный процесс организуется на основе постоянного использования *непрерывного моделирования* (*continuous simulation*), т.е. ролевого / сценарного подхода к проведению занятий [Tarnopolsky 2016: 101–104].

Нельзя не согласиться с тем, что целесообразная, профессионально-ориентированная иноязычная коммуникативная деятельность является фактором развития умений профессионального общения, причем этот фактор действует как прямым, так и косвенным образом.

Для грамотной реализации собственно конструктивистского подхода в обучении ИЯСЦ важно учитывать *системно-методическую сторону* процессов преподавания и учения (поскольку иноязычная деятельность

исключительно сложна). Если этого не сделать и ограничиться только описанием репертуара приемов обучения (которые, как правило, достаточно известны), целостной картины конструктивистского подхода к обучению не сформируется.

Так, например, описан опыт преподавания – по мнению автора, на основе конструктивистской парадигмы – курса академического письма на английском языке для магистрантов. Преподаватель одного из украинских университетов предлагает конкретные приемы преподавания – проведение дебатов, взаимное обучение, ролевые игры профессиональной направленности, взаимное рецензирование и редактирование учебных письменных работ, проведение презентаций, «цеховых» интервью или мастер-классов [Lapina 2021: 43–45]. Но все это – известные приемы работы, поэтому остается не вполне понятным, в чем состоит специфически «конструктивистская» реализация цели и задач данного курса ИЯСЦ.

По нашему мнению, конструктивистский подход к разработке учебного курса по ИЯСЦ – и, соответственно, основного пособия по такому курсу – состоит в проектировании методически целесообразной «мозаики» значимых компонентов содержания, в ходе овладения которым у обучающегося могут сформироваться, прежде всего, знания, а также коммуникативно-операционные иноязычные умения. Проектирование подобной «мозаики» должно быть основано исключительно на принципах методической системности.

Материалы и методы. Материалом исследования выступает процесс и результат разработки учебного пособия «Английский язык. Практикум по межкультурному общению». Объем пособия 15 печатных листов. Учебное пособие является основным при освоении содержания учебного курса «Практикум по межкультурному общению» (60 аудиторных часов). Оно представляет собой методически завершенный комплекс заданий *к каждому занятию*, включая аудио- и видеотрекеры, а также материал для самостоятельной работы.

Основными методами исследования выступают анализ научной литературы по проблеме, экспертная оценка качества данного пособия независимыми экспертами (при присвоении грифа Министерства образования Республики Беларусь), опытное обучение на основе пособия (проведено тремя преподавателями в осеннем семестре 2021/2022 учебного года).

Обсуждение. Данное пособие разработано для весьма специфического курса ИЯСЦ, целью которого является развитие умений межкультурного общения. Известно, что степень владения умениями межкультурного общения находится в прямой зависимости от уровня развития так называемого «культурного интеллекта» [Соловьева 2021: 115–116].

Мы исходим из того, что целью практических занятий в рамках подобного курса ИЯСЦ должно быть овладение определенными знаниями о теории межкультурной коммуникации (МК), развитие умений практического применения знаний в общении, а также – что не менее важно – формирование позитивных ценностных установок. Учитывая тот факт, что теория МК изучается студентами на предшествующих этапах обучения на родном языке (русском), возникает дополнительный аспект обучения, связанный с необходимостью обязательной работы с терминологическим аппаратом теории МК (в современной русскоязычной науке практически все термины являются заимствованиями из английского языка).

Материал пособия построен системно – тридцать практических занятий, каждое занимает два разворота учебной книги, весь материал объединен в четыре модуля. На занятии предлагается, как правило, 12 заданий по уровням усвоения: три задания на уровне узнавания / припоминания, три – на уровне понимания, три – на уровне репродукции, три – на уровне переноса навыков.

На уровне узнавания и понимания установки заданий направлены на овладение знаниями из области теории и практики МК; уровень репродукции – это, в первую очередь, развитие умений; задания на уровне переноса навыков представляют собой площадку для более точной «калибровки» ценностных установок. Легко увидеть, что здесь соблюдаются упомянутые выше принципы проектирования (например, учение на основе опыта и/или тематического содержания).

Однако самое важное заключается в том, какого типа задания используются на практике. Здесь следует помнить рекомендации опытных англоязычных специалистов тех стран, где, собственно, и возникла современная теория МК, перекочевавшая затем в пособия и учебники на русском языке. Так, Deardorff (2006) указывает, что задания по развитию умений МК должны стимулировать рефлексию по поводу собственной культуры студентов, давать возможность взглянуть на собственную культуру «со стороны», стимулировать интерес, любопытство, желание узнать больше о другой культуре. Выполнение заданий должно давать возможность развивать умения сравнивать, сопоставлять, оценивать культурные коды и значения, умения проводить рефлексию. Важным аспектом обучения должна становиться возможность напрямую общаться с представителями иных культурных сообществ [Deardorff 2006: 241–266].

Далее в Табл. 1 приведен пример начала занятия третьего из нашего пособия; его заголовок «Культура или цивилизация?». Как видим, задания 1–2 имеют целью уточнить содержание культурных кодов и значений, а задние 3 стимулирует рефлексию по поводу родной культуры. При этом используется прием визуализации (рисунок «луковичной» модели, таблица с терминами), а формы работы варьируются – от фронтальной (задание 1) к индивидуальной (задание 2), и далее к работе в малых группах (задание 3). Весь этот материал, вместе с предваряющими материал четыремя вопросами для обсуждения, занимает одну страницу учебной книги.

В Табл. 2 приведен пример заданий на уровне понимания из того же третьего занятия.

Легко увидеть, что задания 4–5 имеют целью стимулировать интеллектуальный интерес, а задание 6 прямо направлено на развитие умений оценивать, сравнивать и сопоставлять. Выбор персоналий всегда обусловлен их значимостью для обсуждаемой проблематики: идеи Хантингтона являются частью западного «канона» теории МК. В равной степени это справедливо для работ Г. Хофстеде (1928–2020).

Таблица 1 – Описание серии заданий на уровне узнавания/припоминания

Уровень узнавания / припоминания	Задание 1. Представлен визуальный стимул: модель культуры «луковица» (Г. Хофстеде). Предлагается сообщить, каким образом студенты <i>могут описать</i> данные составляющие культуры более подробно.
	Задание 2. Представлена таблица, в которой надо соотнести термины с их определениями (термины из модели Хофстеде). Проводится <i>краткое уточнение</i> содержания всех используемых в модели терминов.
	Задание 3. В малых группах студенты <i>приводят примеры из родной культуры</i> , демонстрирующие содержание данных терминов (ценности, ритуалы, культурные герои, символы).

Таблица 2 – Описание серии заданий на уровне понимания

Уровень понимания	Задание 4. Представлен портрет и краткая текстовая информация об ученом С. Хантингтоне (1927–2008). Предлагается сообщить, как студенты <i>понимают</i> суть теории о конфликте цивилизаций.
	Задание 5. Представлен список из 10 цивилизаций (из книги Хантингтона). Предлагается <i>поспорить с автором</i> по поводу выбора критерия для выделения цивилизаций (критерий – религия).
	Задание 6. Представлен краткий текст, содержащий описание различий между терминами «культура» и «цивилизация». Предлагается <i>объяснить</i> , в чем видится отличие между ними.

Рамки настоящей публикации не позволяют подробно останавливаться на описании двух следующих уровней. Достаточно сказать, однако, что задания на уровне репродукции на всех без исключения занятиях реализуются на основе «прямого общения» с представителями иных культурных сообществ (в форме просмотра и обсуждения в разной форме специально отобранных коротких видео фрагментов, причем тексты этих выступлений студенты могут найти в приложении к пособию). В частности, «гостя» данного занятия – д-р философии Саба Сафдар, канадский профессор иранского происхождения, она рассказывает о различиях в восприятии юмора представителями разных культур.

Завершая обсуждение, необходимо подчеркнуть, что процесс общения на занятиях строится в логике *поисковой беседы* под руководством преподавателя. Понятно, что все-таки сохраняется необходимость использовать также внешние способы стимулирования участия каждого студента в коммуникации. В нашем опыте высокая активность студентов поддерживается посредством введения фактора игры и состязательности: студенты «зарабатывают» фишки (chips) за каждое развернутое высказывание, проблемный вопрос к члену группы, аргументацию несогласия и т.п. (см. рис.1).

По окончании занятия производится подсчет «заработанного», и результат фиксируется (опыт показывает, что студент в группе из 12 человек при активном участии в общении может получить до 12 фишек). Разумеется, фишка может не выдаваться при наличии грубой речевой ошибки, что является дополнительным стимулом развития внимания и т.п. На этапе промежуточной аттестации и подведения итогов семестра общее количество фишек конвертируется в академический балл (критерием служит их среднее количество в пересчете на одного студента в данной группе).

Рисунок 1 – Фишки, используемые в опытном обучении

Наблюдения показывают, что подобная технология поощрения инициативной речи поначалу вызывает неоднозначную реакцию студентов, но затем быстро становится неотъемлемой частью процесса общения. Положительные результаты оценки самими студентами эффективности данного приема опубликованы [Maslov 2021]. Любопытно, что схожие приемы (правда, в несколько более упрощенном виде) практикуют вузовские педагоги других стран [Saydalieva 2022: 37].

Опытное обучение на материале данного пособия проведено тремя преподавателями в сентябре – декабре 2021 г. в Белорусском государственном экономическом университете. Беседы с педагогами и студентами, а также результаты экзамена по дисциплине позволяют говорить о том, что конструктивистский подход к проектированию содержания обучения ИЯСЦ способствовало развитию не только иноязычных коммуникативных умений, но и интеллектуальных способностей студентов.

Заключение. Приведенный выше короткий анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно проектирования образовательной среды обучения ИЯСЦ в вузе.

1. Несмотря на тенденции к глобальной цифровизации образования учебные пособия на бумажном носителе по-прежнему могут играть важную роль в системной организации образовательного процесса.

2. Организация обучения ИЯСЦ на принципах конструктивистского подхода диктует необходимость специального проектирования процесса развертывания учебной информации, которое можно эффективно осуществить в формате традиционного учебного пособия на бумажном носителе.

3. Содержание такого пособия должно развертываться по уровням – от узнавания/припоминания к пониманию, далее к репродукции и уровню переноса умений в новую ситуацию.

4. В процессе иноязычной подготовки специалистов по МК все задания должны проектироваться с учетом требований методической системности, а также проверенных международным опытом рекомендаций специалистов по МК.

5. Важнейшим компонентом организации процесса иноязычного общения выступает стимулирование инициативной речи, осуществляемое с помощью введения фактора игровой состязательности.

Библиография

Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как исследовательская призма: из 9-мерности в 16-мерность и 32-мерность / А. А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 25–1. – С. 20–25. – Текст : непосредственный.

Пустовойтов, В. Н. Идеи конструктивистской дидактики как базовые условия эффективности индивидуализации обучения школьников / В. Н. Пустовойтов // Современное образование. – 2016. – № 4. – С. 87–96. – Текст : непосредственный.

Романова, Н. Н. Лингводидактическая система профессионально-коммуникативной подготовки специалистов в высшей технической школе: специальность 13.00.08 : дис. ... д-ра пед. наук / Н. Н. Романова. – Москва, 2009. – 467 с. – Текст : непосредственный.

Сафроненко, О. И. Система и качество языковой подготовки студентов в условиях многоуровневого образования в неязыковых вузах России: специальность 13.00.08 : дис. ... д-ра пед. наук / О. И. Сафроненко. – Ростов-на-Дону, 2006. – 465 с. – Текст : непосредственный.

Соловьева, С. В. О современных подходах к исследованию культурного интеллекта / С. В. Соловьева // Управление в социальных и экономических системах: м-лы XXX Межд. научно-практ. Конференции (Минск, 14 мая 2021 г.) / редкол.: Н.В. Суша (предс.) и др. Минск: Минский инновационный ун-т, 2021. – С. 115–116. – Текст : непосредственный.

Deardorff, D. K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization / D. K. Deardorff // Journal of Studies in International Education. – 2006. – Volume 10 (3). – Pp. 241–266. – URL: <https://doi.org/10.1177/1028315306287002> (дата обращения: 10.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

Knuth, R. A. Tools for Constructivism. In: Designing Environments for Constructive Learning / R. A. Knuth, D. I. Cunnigham // Edited by Thomas M. Duffy, Joost Lowyck, David Jonassen, Thomas M. Welsh. – Berlin: Springer-Verlag, 1993. – 374 pp. – ISBN: 978-3-642-78069-1. – Текст : непосредственный.

Laptinova, Y. Constructivist Delivery Mode for Academic English Students / Y. Laptinova // Norwegian Journal of development of the International Science. – 2021. – No 53. – Pp. 42–46. – URL: https://www.nor-ijournal.com/wp-content/uploads/2021/01/NJD_53_3.pdf (дата обращения: 11.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

Maslov, Y. Communicative Course Design at Non-Linguistic University: Student Perspective on Just One Technique. [Virtual presentation] / Y. Maslov // Current Issues of Education and Science. – Riga, Latvia; Kharkiv, Ukraine. – URL: <https://doi.org/10.26697/CIES-21> (дата обращения: 12.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

Raskin, J. D. Constructivism in Psychology: Personal Construct Psychology, Radical Constructivism, and Social Constructivism / J. D. Raskin // American Communication Journal. – 2002. – Volume 5. – Issue 3. – Pp.1–25. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/2002-02012-001> (дата обращения: 13.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

Saydalieva, D. The Major Principles of Assessment and the Ways in which the Effectiveness of Teaching / Learning Activities (TLAS) Can be Evaluated / D. Saydalieva, G. Khusenova // Sciences of Europe. – 2022. – No. 89. – Pp. 36–38. – URL: <https://www.europe-science.com/wp-content/uploads/2022/03/Sciences-of-Europe-No-89-2022.pdf> (дата обращения: 15.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

Simons, R.-J. Constructive Learning: The Role of the Learner. In: Designing Environments for Constructive Learning / R.-J. Simons // Edited by Thomas M. Duffy, Joost Lowyck, David Jonassen, Thomas M. Welsh. – Berlin: Springer-Verlag, 1993. – 374 pp. – ISBN: 978-3-642-78069-1. – Текст : непосредственный.

Tarnopolsky, O. Varieties of the Constructivist Approach to Teaching English for Specific Purposes to University Students / O. Tranopolsky // Norwegian Journal of development of the International Science. – 2016. – No 1. – Pp. 100–103. – URL: https://www.nor-ijournal.com/wp-content/uploads/2020/09/NJD_1.pdf (дата обращения: 25.06.2022). – Режим доступа: для авторизир. пользователей. – Текст : электронный.

**К вопросу формирования речемыслительной культуры
в процессе лингвориторического образования**

Пантелеева Елена Анатольевна

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1

кандидат филологических наук, доцент

Email: panteleevaEA17@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные научно-методические положения, реализуемые в процессе формирования речемыслительной культуры и становления коммуникативной компетенции, которые обеспечивают практическую риторическую подготовку, формируют основы речевого мастерства и навыки эффективного речевого поведения в различных ситуациях профессионального общения.

Ключевые слова: языковая личность, культура речи, коммуникативная компетенция, речевая деятельность, коммуникативная установка субъекта речи.

УДК 372.881.161.1

To the issue of the formation of speech-thinking culture in the process of linguistic & rhetorical education

Elena A. Panteleeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

82, build. 1 Vernadsky Prospect, Moscow 119571

PhD (Philology), Associate Professor

Email: panteleevaEA17@yandex.ru

Abstract. The author considers the main scientific and methodological provisions implemented in the process of forming a speech and thinking culture and communicative competence, which provide practical rhetorical training, form the foundations of speech skills and skills of effective speech behaviour in different situations of professional communication.

Keywords: linguistic personality, speech culture, communicative competence, speech activity, communicative attitude of the subject of speech.

UDC 81'246.3

Введение. В настоящее время к числу основных тенденций современных образовательных парадигм относятся всё более расширяющаяся и углубляющаяся информатизация, диверсификация (усложнение), гуманизация и гуманитаризация, многоуровневость, индивидуализация, обновление и непрерывность и, как следствие – новое видение в наполнении структуры образования. Несомненно, следует отметить все большую заинтересованность в формировании лингвориторической компетенции как основного постулата коммуникативно успешной личности современного образовательного пространства. Широким становится и профессиональное поле, где владение искусством слова является залогом успешной реализации коммуникации. В связи с этим обучение студентов грамотному речевому взаимодействию в рамках их профессиональной деятельности – насущная задача, которую решают сегодня специалисты в рамках частных риторик и общих риторик.

Материалы и методы. Материалом явились данные преподавательского опыта; методы – описательный метод с применением приемов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения и типологизации; анализ научной и учебно-методической литературы.

Обсуждение. В своей практике профессиональной деятельности в преподавании курсов «Русский язык и деловое общение», «Деловая риторика и основы ораторского искусства» мы придерживаемся основных положений Сочинской лингвориторической школы как действенной методической платформы в практике преподавания риторических дисциплин. Изучение основ деловой прагматической коммуникации создает предпосылки для овладения студентами моделями составления документов, ведения служебной переписки, составления рекламных объявлений. Не менее значимым становится освоение основных постулатов риторики, которые, в их лингвориторической интерпретации [Ворожбитова 2020, 2021], способствуют выработке умений быстро воспринимать речь во всех видах слова, эффективно создавать полилингвальное пространство и осваивать правила и приемы эффективного делового общения. Результативность речи становится тем практическим показателем овладения инструментарием ораторской речи, приемами риторики, уроками речевого мастерства, который обеспечивает в демократическом обществе персональный рост, престиж и конкурентоспособность языковой личности. Терминологический аппарат, определяющий центральные понятия культуры речи: «коммуникативная установка», «эффективность речевого общения», «коммуникативный замысел», «осуществление коммуникативного замысла», «коммуникативно-прагматическая ситуация», «успешность общения» – имеет близкие соответствия в других филологических дисциплинах («интенция», «иллокуция», «осуществление интенции», «осуществление иллокуции», «перлокутивный эффект», «персуазивный эффект» и др.). Все перечисленное корреспондирует при анализе качественного уровня владения языком и речью с понятиями «интегральная лингвориторическая компетенция», «коммуникативная компетенция», «текстовая компетенция»,

«языковая компетенция». «Владеть языком значит: (а) уметь выражать заданный смысл разными способами; (б) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности – различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); (в) уметь отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных» [Апресян 1988: 8–9].

Отдельная роль речетворчеству уделяется в профессиональной деятельности. Это предоставляет возможность человеку одновременно развиваться и вести успешное общение в социуме, а также обладать навыком грамотного выстраивания устного общения и письменной речи. В научно-методическом содержании преподавания риторических дисциплин мы исходим из концепции исследования языка с позиции анализа его коммуникативной предназначенности, что определяется «антропоцентрическим принципом» [Степанов 1975: 49]. В самой антропоцентрической концепции язык предстает как семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. В философских категориях антропоцентризм трактуется как особая концепция мировидения, в которой человек – центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий [ФЭС: 25]. Антропоцентризм языка, по определению Э. Бенвениста, есть «субъективное в языке, способность говорящего создавать язык, а затем присваивать себе этот язык в процессе его применения» [Бенвенист 1974: 447], а сам процесс понимания речи обусловлен таким существенным фактором, как «модус общения», то есть желанием каждого из коммуникантов понять друг друга [Андрющенко 1981: 84]. Данное утверждение основано на определении речевого общения как целенаправленной активности людей, подчиненной целям деятельности, которую общающиеся коммуниканты разворачивают совместно. В решении проблемы соотношения речевой деятельности и деятельности общения важно, чтобы мы разграничиваем следующие аспекты в исследовании фактов речи:

- психологический, направленный на исследование механизмов речепорождения и особенностей индивидуального речетворчества;
- коммуникативно-прагматический, направленный на исследование, по определению С. Л. Рубинштейна, речи как «языка в действии», или коммуникативно-прагматической деятельности.
- этический, предписывающий знание и применение правил языкового поведения в конкретных ситуациях.

В тренинговых формах обучения нами успешно рассматривается и внедряется в практику взаимодействия модель обобщенной коммуникативно-прагматической ситуации, чаще всего это модификация схемы, предложенной К. Бюлером и активно применяемая в современных научных исследованиях. Известный психолог и лингвист К. Бюлер, говоря о формах существования конкретных языковых явлений, определял *модель полного конкретного речевого события* в совокупности с жизненными обстоятельствами, в которых оно встречается «до некоторой степени регулярно». В качестве структурных элементов ситуации речевого общения ученый рассматривал в первую очередь: отправителя и получателя языкового сообщения, понимаемых как «психофизические системы» [Бюлер 1993:30–34]. Однако в коммуникативной модели К. Бюлера выделяются три «вершины», которые другой известный лингвист Р. Якобсон обозначил соответственно: *первое лицо* – говорящий, *второе лицо* – слушающий и *третье лицо* – собственно некто ли нечто, о ком идет речь [Якобсон 1975: 200]. Общепринятым считается утверждение о том, что речевое общение осуществляется в двух формах: устной или письменной. В коммуникативно-прагматическом аспекте между двумя формами речевого общения существуют принципиальные различия. Так, устное общение характеризуется сиюминутностью, спонтанностью, эллиптичностью, экзотичностью, то есть тесной вплетенностью в экстралингвальный контекст. Такое речевое общение получило в лингвистике определение *непосредственного* (полноценного, или канонического), когда говорящий и адресат не отделены ни в пространстве, ни во времени друг от друга и от восприятия отправленного текста. В разработке проблем лингвориторического содержания в процессе речевого общения мы исходим из следующего представления одноактной субъектно-объектной или адресантно-адресатной, деятельностной модели:

- *субъект коммуникативно-прагматической деятельности* (или в сокращенном варианте – *субъект речевого общения*) – это коммуникант, или *говорящий*, который наделен речемыслительной способностью ставить и реализовывать цели деятельности вообще, деятельности общения, речевого общения и акта речевого общения в частности, получившего в современных научных исследованиях определение *коммуникативного акта*;
- *объект коммуникативно-прагматической деятельности* – это активно воспринимающий речь коммуникант, или *адресат*, который наделен способностью *восприятия, понимания и интерпретации* целого текста, отдельного высказывания;
- *речевая активность* – в континууме и в дискретности которой коммуниканты используют и интерпретируют различные средства языка.

Коммуникативная целесообразность считается одной из главных категорий современного преподавания дисциплин теории культуры речи, поэтому важно знать основные коммуникативные качества речи, которые реализуют прагматическую воздействие на адресата с учетом конкретной коммуникативно-прагматической ситуации и в соответствии с поставленными коммуникативно-прагматическими установками. По мнению Л. А. Вербицкой, «искажение, а зачастую разрушение русского языка неминуемо ведет к разрушению культуры, общественного сознания, нравственности и морали. Именно поэтому во второй блок [блок общегуманитарного образования] должен обязательно включаться, а главное, профессионально читаться курс культуры русской речи». [Вербицкая 2011: 48]. Языковая личность владеет коммуникативной ситуацией, обозначает «потребности, мотивы речевого поведения» [Ворожбитова 2018: 15], придавая речевому ходу определенную иллокутивную силу. Являясь субъектом дискурса, она вместе с тем способна этот дискурс создавать. Это означает, что в дискурсе воплощаются присущие его субъектам темпераменты, способности к осуществлению

определенных видов деятельности, в том числе и коммуникативной. Следовательно, методическая система преподавания данных дисциплин исходит из таких параметров учебной ситуации, которая предполагает включение студентов в предметную деятельность, которую он осуществляет в разных коммуникативно-прагматических ситуациях, демонстрируя уровень языкового сознания, качественный отбор языковых средств, аналитико-синтетическую деятельность восприятия и понимания высказывания и текста.

Таким образом, концептуально итоговыми результатами теоретического и прикладного содержания обучения должны определяться такими параметрами владения речью, которые бы выражались в качественном ведении бесед на различные темы, корректном оппонировании и аргументированном возражении, активном участии в дебатах, дискуссиях и полемиках, умением грамотно излагать свои мысли и формулировать общериторическую оценку прослушанного или прочитанного.

Заключение. Качественная коммуникация представляет собой неотъемлемый компонент всех сфер деятельности человечества. основополагающим подходом в обучении культуре речи должна стать опора на развитие самостоятельности мышления, индивидуального творчества, а использование в работе образцов и эталонов ораторского искусства поможет избежать слепого подражания и будет способствовать развитию индивидуальных возможностей. Не вызывает сомнений, что будущий специалист, получивший не только профессиональные навыки в вузе, но и имеющий навыки ораторского мастерства, умеющий отстаивать свою точку зрения и вести дискуссионные споры, обладающий умениями убеждать, будет востребован в различных сферах профессиональной деятельности.

Библиография

Андрющенко, Т. Я. Лингвосемиотические интерпретации речевого сообщения / Т. Я. Андрющенко // Общение, текст, высказывание. – Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1981. – С. 83–100. – Текст : непосредственный.

Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности (Сборник научных трудов) / Москва : Институт языкознания АН СССР, 1988. – 302 с. – Текст : непосредственный.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с. – Текст : непосредственный.

Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс, 1993. – 502 с. – Текст : непосредственный.

Вербицкая, Л. А. Роль языковой нормы в практике обучения русскому языку / Л. А. Вербицкая // Rhema. Рема. – 2011. – № 1. – С. 47–53. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-88702-659-6. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Лингвориторика: самопроектирование сильной языковой личности (схемы, таблицы, самонастройки, алгоритмы): учеб.-метод. пособие / А. А. Ворожбитова. – 2-е изд., испр. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2018. – 84 с. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова, А. А. Лингвориторическое самопроектирование трилингвальной языковой личности: русский, родной национальный, иностранные языки // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 26-2. – С. 11–15.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – Москва : ИНФРА, 1997. – 576 с. – Текст : непосредственный.

Лингвориторический компонент как средство повышения мотивации будущих учителей к профессиональной деятельности в ходе изучения дисциплины «Педагогическая риторика»

¹Усанова Ольга Григорьевна
²Семёнова Ольга Ростиславовна

¹Челябинский государственный институт культуры, Россия
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а
кандидат педагогических наук, доцент
Email: ogu@mail.ru

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 69
кандидат филологических наук, доцент
Email: semenovaor@cspu.ru

Аннотация. В представленном материале постулируются лингвориторические аспекты как одно из средств повышения мотивации будущих учителей к профессиональной деятельности, где целью выступает становление обучающегося как сильной языковой личности на основе скоординированного межпредметного развития готовности к формированию речемыслительной культуры. В настоящее время студенты испытывают затруднения при решении организационных, воспитательных, обучающих задач, поскольку не владеют умениями и навыками ведения диалога, вербального воздействия, взаимодействия, поэтому обозначенный лингвориторический компонент реализуется в рамках дисциплины «Педагогическая риторика».

Ключевые слова: лингвориторика, лингвориторическая парадигма, лингвориторический компонент, мотивация, риторический идеал, педагогическая риторика, коммуникативно-речевые умения.

УДК 372.881.161.1:378:37

Linguistic & rhetorical component as a means of increasing the motivation of future teachers for professional activities while studying the course of “Pedagogical rhetoric”

¹Olga G. Usanova
²Olga R. Semyonova

¹Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia
36a Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk 454091
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Email: ogu@mail.ru

²South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Russia
69 Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080
PhD (Philology), Associate Professor
Email: semenovaor@cspu.ru

The presented article postulates linguistic & rhetorical aspects as a means of increasing the motivation of future teachers for professional activities, where the goal is the formation of students as strong linguistic personalities on the basis of a coordinated interdisciplinary development of readiness for the formation of a speech and thinking culture. Currently, students are experiencing difficulties in solving organizational, educational, training tasks, because they do not have proper skills and abilities to conduct a dialogue, verbal influence, interaction, and therefore, the designated linguistic & rhetorical component is implemented within the course of “Pedagogical rhetoric”.

Key words: linguistic rhetoric, linguistic & rhetorical paradigm, linguistic & rhetorical component, motivation, rhetorical ideal, pedagogical rhetoric, communicative skills.

UDC 372.881.161.1:378:37

Введение. Лингвориторика образует базовое лингводидактическое и методическое ядро для дальнейшего развития и для целенаправленного формирования языковой личности обучающегося, а существенными факторами, обуславливающими позитивную стабильную мотивацию студентов к осваиваемому предмету, являются: содержание учебного материала; организация учебной деятельности; коллективные формы учебной деятельности; оценка учебной деятельности; стиль педагогической деятельности. Деяние как простейшее образование, хранящее все важнейшие особенности человеческой деятельности, было подвергнуто П. Я. Гальпериным, его учениками и последователями всестороннему исследованию. Впоследствии П. Я. Гальперин совместно с Н. Ф. Талызиной осуществил эту теорию на практике в процессе обучения.

Результативным обнаруживается такое обучение, при котором принимаются во внимание следующие *этапы*.

1 этап – формирование мотивации.

2 этап – создание схемы ориентировочной основы деятельности. Обучающиеся получают информацию о цели деятельности и ее предмете, что обеспечивает подготовительное ознакомление с деятельностью, с обстоятельствами ее выполнения.

3 этап – этап формирования материальной деятельности. Обучающиеся сами выполняют деятельность.

4 этап – этап внешней речи. Действие подвергается обобщению благодаря его вербализации в устной или письменной речи.

5 этап – этап внутренней речи. Действие проявляется в обобщенном виде. Вербальное освоение действия происходит без участия внешней речи.

6 этап – этап интериоризации действия. Действие становится максимально автоматизированным умственным процессом, актом мысли [Теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий: электронный ресурс].

В современном социуме России проблема овладения свободным, подлинно культурным словом для любого члена общества в связи с новизной социальных условий и потребностей как никогда актуальна. Особенно важно это для тех, кто пользуется словом, как основным или одним из основных инструментов своей профессии, в первую очередь для педагогов, чья речь не только основа профессиональной деятельности, но и образец, сознательно или бессознательно усваиваемый, всегда в той или иной степени воспринимаемый учениками.

Материалы и методы. Риторика учит свободно владеть словом, строить фразы, придавать речи образность и выразительность, избегать элементарных стилистических ошибок [Голуб 2005: 24].

Педагогическая риторика – одна из частных современных риторических дисциплин, теория эффективной речевой коммуникации в сфере педагогического общения, а также практика ее оптимизации [Педагогическое речеведение 1998: 135].

Теория педагогической риторики разрабатывается на базе синтеза достижений наук гуманитарного круга: лингвопрагматики, неориторики, коммуникативной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, психолингвистики, социологии, антропологии и др.

В основу теории общей и педагогической риторики была положена система общериторических идей и понятий, концепция, разработанная доктором педагогических наук, профессором А. К. Михальской. Данную концепцию можно назвать концепцией *гармонизирующего диалога*. Ключевое положение в системе понятий, использующихся в ней, принадлежит категории *риторического идеала*. В концепции А. К. Михальской термин *риторический идеал* означает исторически сложившуюся иерархически организованную систему наиболее общих требований к речевому произведению и речевому поведению, т.е. парадигму речевых категорий, отражающих парадигму категорий общеэстетических и этических, характерную для той культуры, в которой данный *риторический идеал* сформировался и функционирует [Михальская 1998: 11].

Методы и приемы обучения, накопленные методической наукой, применяются и на аудиторных занятиях со студентами, но особенная заинтересованность направлена на специальные методы обучения риторике: риторический анализ, риторическая задача и риторическая игра.

Обсуждение. Лингвориторическая парадигма как система научных координат, позволяющая осуществлять на новом уровне социокультурно значимую речемыслительную деятельность и предложить современную концепцию интеграции языкового и речевого образования, представляет важную составляющую в лингвориторической подготовке будущих учителей [Ворожбитова 2019]. В продолжение обсуждения темы, вслед за обозначенной Е. В. Барышниковой [Барышникова 2020: 335–340] как мотивация обучения в вузе, необходимо отметить, что внимание к речевой подготовке специалиста вызвано заметным падением общего уровня речевой культуры, явившееся результатом процесса, начавшегося многие десятилетия ранее.

В Челябинском государственном институте культуры осуществлять профессиональную речевую подготовку педагога призвана дисциплина, обозначенная как «Педагогическая риторика», которая может служить для студентов негуманитарных специальностей основой их лингвистического образования (для студентов консерваторского факультета по направлению подготовки 53.03.06 Музыкальное и музыкально-прикладное искусство, квалификация: Преподаватель (музыкальная педагогика). Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет данную дисциплину обозначил для студентов: 44.03.01 Педагогическое образование, направленность (профиль): Дополнительное образование (в области хореографии); 44.03.01 Педагогическое образование, направленность (профиль): Дополнительное образование (в области народной художественной культуры); 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль): Физическая культура. Безопасность жизнедеятельности, 44.03.01 Педагогическое образование направленность (профиль): Русский язык как иностранный; особое значение имеет дисциплина и для студентов 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль): Русский язык. Литература как учебный предмет во взаимодействии с дисциплиной «Русский язык и культура речи» выступает в качестве основы, включающей актуальную проблематику современной лингвистики и лингвоэтнологии.

Цель дисциплины – на базе категорий, законов и принципов общей риторики использовать модель профессиональной речевой подготовки будущих бакалавров в рамках частной – *педагогической* – риторики. Профессионально-ориентированный курс риторики позволяет сформировать коммуникативную компетентность будущих специалистов. В процессе освоения данной дисциплины студент формирует и демонстрирует компетенции на уровне: знать – основы деловой коммуникации, нормы, правила и особенности ее осуществления в устной и письменной формах на русском и иностранном(ых) языке(ах) и концепции, принципы и методы построения эффективной работы в команде наименования индикатора; уметь – осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на русском и иностранном(ых) языке(ах) и определять свою роль в ко-

манде и выполнять обозначенные функции; выявлять и устранять языковые ошибки; владеть навыками выступления коммуникации и ведения дискуссии в различных профессиональных ситуациях в зависимости от поставленных задач, накапливать педагогический репертуар речевых жанров и владеть навыками координации общих действий для достижения целей команды.

Вышеизложенное приводит к формулированию следующих задач, стоящих перед *педагогической риторикой*: дать представление о базовых понятиях педагогической риторики: общение – речевая деятельность – педагогические речевые жанры речи; рассмотреть ситуации профессионального общения в сфере обучения, особенности коммуникативно-речевых ситуаций, характерных для профессиональной деятельности обучаемых; выработать практические навыки создания профессионально-значимых типов высказываний; совершенствовать коммуникативные способности, выработать систему речевого самосовершенствования; способствовать формированию открытой для делового общения коммуникативной личности, имеющей высокий рейтинг в системе социальных ценностей.

Для реализации намеченных задач, стоящих перед педагогической риторикой, необходимо обратиться к реализации коммуникативно-речевых умений, являющихся центральным понятием всех речеведческих дисциплин. В зависимости от причин, взятых за основу классификации, следует отметить, что М. Т. Баранов под коммуникативно-речевыми умениями фиксировал умения, связанные с подготовкой к работе над текстом и с работой над созданием текста; М.С. Соловейчик классифицировал данные умения с позиции теории речевой деятельности [Методика преподавания риторики 2014: 115]. Профессор доктор педагогических наук Т. А. Ладыженская предложила разделить коммуникативно-речевые умения на:

- умения, в основе которых лежит смысловое восприятие речи (умение слушать, читать);
- умения, суть которых составляет порождение речи (умение излагать свои мысли в устной и письменной форме) [Ладыженская 2013: 29].

На занятиях со студентами активно используется данная классификация, и примером тому может быть (одно из ряда практических) задание, которое включает творческую составляющую и инициативу обучающихся «Личность, которая меня вдохновляет». Данное задание предполагает риторический анализ личности музыканта, писателя, политика, педагога, актера и т.д., что позволяет коррелировать коммуникативно-речевые умения через восприятие речи (составить план, определить основные компоненты речевой ситуации, оценить вид общения и т.п.) и порождение речи (создавать тексты различных речевых жанров, владеть различными видами изложения, составлять и реализовывать на практике «голосовой сценарий» и др.). Практические занятия проходят активно и всегда с включением профессионального тезауруса.

Мотивация как «внутренняя энергия» связана с интересом, поэтому для выступлений в качестве оратора студентам закономерно предлагаются темы, ориентированные на их выбор будущей деятельности. Например, для направления, связанного с народной художественной культурой, даются такие темы, как «Русское красноречие в фольклоре», «Русские пословицы и поговорки о «красном слове»», «Краснобай» в русской культуре», «О народном красноречии». Для будущих учителей физкультуры важно обращение к словарям спортивного жаргона, задания по сбору и анализу спортивной жаргонной лексики. Иностранные студенты всегда испытывают дискомфорт, выступая перед русской аудиторией. Темы, раскрывающие специфику их культуры, стереотипы, вклад родного языка в русский язык, способствуют положительному настрою к подаче и восприятию излагаемого материала. Такая работа становится источником личностного роста, расширяет и углубляет знания студентов о языковых законах, заставляет задуматься о себе как языковой личности. Стремление к совершенствованию своей речи, получение позитивных эмоций и новых знаний выступают дополнительной двигательной силой для желания учить русский язык и развивать коммуникативную компетенцию.

Заключение. Педагогическая риторика, как формулирует А. А. Мурашов, – это синтетическая прикладная дисциплина, формирующая влиятельную аргументацию в процессе преподавания – учения – образования и практически обеспечивающая логику форм выразительного речевого воздействия и взаимодействия в учебной ситуации и в системе коммуникативных намерений, характерных для различных видов, структур и этапов учебно-воспитательной деятельности [Мурашов 2001: 26].

Таким образом, можно констатировать, что лингвориторический компонент как средство повышения мотивации обучающихся к профессиональной деятельности, реализующийся в рамках дисциплины «Педагогическая риторика», раскрывает прекрасные перспективы для будущих учителей в качестве ораторов, так необходимых в современной педагогической действительности, и способствует максимальному развитию творческого потенциала, обеспечивая успех в инновационных поисках независимо от характера будущей трудовой деятельности студента.

Библиография

Барышникова, Е. В. Развитие профессиональной мотивации будущих педагогов-психологов в условиях дистанционного обучения с применением инновационных технологий / Е. В. Барышникова // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта», № 8 (186). – 2020. – С. 335–340. – Текст : непосредственный.

Ворожбитова А. А. Основы лингвориторической парадигмы: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2019. – 176 с. – ISBN 978-5-88702-645-9. – Текст : непосредственный.

Голуб, И. Б. Искусство риторики. Пособие по красноречию / И. Б. Голуб. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.

Ладыженская, Т. А. и др. Обучение общению: методика школьной риторики. Учеб. пособие для педагогов, студентов педвузов, преподавателей и слушателей системы повышения квалификации. – Москва : Баласс, 2013. – 224 с. – Текст : непосредственный.

Методика преподавания риторики: учебное пособие / под ред. док. пед. наук, проф. Н. А. Ипполитовой. – Москва : Издательство «Экзамен», 2014. – 335 с. – Текст : непосредственный.

Михальская, А. К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пос. для студ. пед. универ. / А. К. Михальская. – Москва : Изд. Центр «Академия», 1998. – 432 с. – Текст : непосредственный.

Мурашов, А. А. Педагогическая риторика / А. А. Мурашов. – Москва : Педагогическое общество России, 2001. – 480 с. – Текст : непосредственный.

Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Т. А. Ладьженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – Москва : Флинта, Наука, 1998. – 312 с. – Текст : непосредственный.

Теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_планомерно-поэтапного_формирования_умственных_действий_и_понятий (дата обращения: 31.01.2022). – Текст : электронный.

Формирование знаний и умений на основе теории поэтапного формирования умственных действий / Ред. П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина. – Москва : Изд-во МГУ, 1968. – 135 с. – URL: <http://webkonspect.com/?id=3540&labelid=190481&room=profile> (дата обращения: 31.01.2022). – Текст : электронный

**Раздел V. Творческая лаборатория исследователя-методиста:
закономерности речемыслительной деятельности профессиональной языковой личности**

**Part Five. Creative Laboratory of the Methodologist Resercher:
Professional Linguistic Personality's Tendencies of Communicative Cognitive Activity**

**Речь как ведущий способ коммуникации языковой личности в системе реализаций
субъекта дискурсивных процессов**

Страхова Заира Петровна

354000, г. Сочи, Россия
лектор-музыковед, преподаватель, журналист, поэт, художник
Email: strakhovazaira@mail.ru

Аннотация. В I части статьи автор рассматривает частотно-импульсные способы обмена информацией в природе, роль пространства при формировании мыслей, особенности звуковых волн, характеризующие речь. Во II и III частях проанализированы особенности жанра диалога: мотивация его возникновения, разновидности, время подготовки, функции жестикюляции, параметры эмоций при обмене информацией.

Ключевые слова: языковая личность, дискурсивные процессы, эволюция, природа, частотно-импульсная информация, пространство, мысль, жанр диалога, его разновидности.

УДК 81'23

**Speech as a leading way of the linguistic personality's communication
within the system of realizations of the subject of discursive processes**

Zaira P. Strakhova

Sochi, 354000, Russia
Lecturer and teacher of music theory, journalist, poet, painter
Email: strakhovazaira@mail.ru

Abstract. In the first part of the article, the author examines the frequency-pulse methods of information exchange in nature, the role of space in the formation of thoughts, the features of sound waves characterizing speech. Parts 2 & 3 analyze the features of the dialogue genre: the motivation for its occurrence, varieties, preparation time, gesture functions, and parameters of emotions in the exchange of information.

Keywords: linguistic personality, discursive processes, evolution, nature, frequency-pulse information, space, thought, dialogical genre, varieties.

UDC 81'23

Введение. Цель статьи – рассмотреть основные виды обмена информацией, существующих в природе, в ходе анализа выявить роль речи как ведущего способа коммуникации языковой личности в системе ее реализаций в качестве субъекта дискурсивных процессов, прежде всего – в ситуации ведения диалога. В ходе изложения мы анализируем и представляем коммуникативные реалии современности, особенности индивидуума в его ипостаси языковой личности и профессиональной языковой личности.

Материалы и методы. Наблюдение, описание, сопоставление в виде «смысловых арок», аналитико-синтетическая работа в ходе изложения фактов окружающей действительности послужили основой для авторских умозаключений, выводов, которые могут быть интересными и полезными для современной научной и образовательной сфер.

Обсуждение. Возможно, у читательской аудитории возникнет вопрос о частом использовании в статье примеров, взятых автором из его наблюдений за действительностью в подтверждение правильности своих взглядов. Но их многочисленность (свыше 100) объясняется технологическими аспектами функционирования человеческой памяти, а именно индивидуальными особенностями работы мнемонического механизма лингвориторической компетенции автора. Не только однородные, но и разнородные явления часто имеют одинаковую частоту, которую автор (при необходимости) ощущает с детства: в сознании обозначается интересующая частота, не в числовых значениях, а в ощущениях. «Оживленный архив памяти» автоматически начинает выдавать примеры на запрашиваемую частоту, – и надо только успевать точно описывать поступающие картинки.

По ощущениям, например, голос рядом говорящего человека воспринимался как «аромат красивого цветка», а мысли другого человека подобны «звукам гремящих пустых коробок». Откуда-то возникали параллели, формулировки: «люди и динозавры – насекомые и мы», «он казался себе Орлом, а был всего лишь Кузнечиком».

Время благословляет на жизнь всех (почти) новорожденных: бабочки выходят из кокона, расправляя усики, крылья; бутоны раскрываются под действием тепла и света. Звуками жизни пропитана земная тишина. Космическая тишина абсолютная(?) отличается от «дышащей» земной. (А. Тарковский. «Солярис». Воспоминания о шуме дождя). Возможно, такой разброс ассоциаций и является какой-то разновидностью синестезии?

Часть I. Импульс мысли. Сущность эволюции состоит в продвижении к цели посредством взаимообусловленности и взаимодействия всех составляющих.

На вершине своей пирамиды эволюция расположила силы природы, чей язык всегда и всем был понятен. Хорошая ли установится погода, будет ли гроза, наводнения, штормы, землетрясения, извержения вулканов, сход лавин, ураган, цунами, смерчи? Будет ли смещения полюсов и перепланировка в расположении континентов?

1. Импульсно-энергетическое общение в природе. Беззвучное, беспрепятственное зондирование пространства биотоками остается достижением среди изобретений эволюции. Всё и все имеют к нему доступ. Каждому предназначается энергия в той мере, которая необходима для его жизнеспособности.

* *В лесу всех настораживает появление едва уловимой звуковой волны, – крик сороки сообщает о появлении чего-то нового, чуждого.*

* *Перед грозой или иным экстримом замолкают птицы, планета начинает «испуганно (учащенно) дышать».* (Из показаний приборов и наблюдений).

* *Крупные обитатели океанов передают друг другу информацию на десятки километров; киты, выпускают пузырьки воздуха в виде сетки, охотясь «командой»; косяки рыб виртуозно меняют стратегию своего коллективного поведения.*

* *Перед штормом медузы, рыбы уходят подальше от берега в глубину.*

* *Вылупившиеся на песчаных просторах черепашки «слышат» позывные океана и спешат добраться до него, безошибочно выбирая направление.*

* *Негласные соглашения наблюдаются и в симбиозе, когда птички чистят кожу копытным, зубы – крокодилам, бегемотам. Симбиоз присутствует и среди людей, но в обогащенном эмоциями и традиционными узлами, что мы называем семьей, дружбой, приятельскими отношениями. Осознание (не)счастья при этом определяется (не)присутствием «шарма» эмоций.*

* *Известно, что даже обыкновенная кошка вернулась к своим хозяевам, переплыв на корабле через океан, преодолев сотни километров сквозь леса и поселки, ориентируясь на биополе хозяев и волновую характеристику местности.*

* *Домашние животные заранее чувствуют приближение своего хозяина, а также уход... человека, – начинают выть, комнатные фикус, герань засыхают.*

* *В пансионате для престарелых в одном из штатов Америки кот усаживался на кровать к тем, кто вскоре должен был уйти... даже вопреки прогнозам врачей.*

2. Зарождение мысли. Телепатия. Уподобляясь ревностным последователям френологии, неврологи и сегодня усиленно ищут в мозге участок, где зарождается мысль. Но априорное понимание – «мысль» присутствует в каждой живой клетке. Мы, как подвижные носители энергии Пространства, ежесекундно черпаем его энергию, где мозг – лишь биорадар, улавливающий и излучающий одновременно.

В городах наблюдается и световое, и шумовое загрязнение. В саморегуляции природа сбрасывает свои излишние накопления. Весной снега «дарят» избыточную энергию ручьям, а те несут ее флоре, фауне, людям. Свою красоту и накопленные калории всем «радостно» отдают овощи, фрукты. «Мартовскую» энергию сбрасывают коты на заборы и колеса стоящих машин. Человек, являясь одним из достижений эволюции, предназначен излучать собой свет красоты души. К нему, как умному защитнику жизни «из глобальной службы МЧС», за помощью в экстремальных ситуациях могут обращаться и животные, птицы, растения. *Раз разумен – будь добр. Fantasy?*

Человеку для самоочищения избыточную энергию надо доброжелательно отдавать и прошлому, и настоящему, близким и незнакомым, мысленно быть благодарным за дар восприятия мира, за «хлеб насущный», за возможность помогать другим. Движение «зеленых» уже начало защищать наших «братьев меньших». Если нет возможность «предметно» помогать бедствующим, то можно мысленно послать свою доброжелательность во «Всеобщую Аптеку», которая витает над Землей. *Она существует для всех нуждающихся!* От излученной доброты и жалости просветляется внутренний мир «отправителя», укрепляется его здоровье. (Раньше осеяли себя крестом, самоочищались, наполнялись благодарностью за жизнь, сдерживали нрав, направляли свою энергию на добрые дела, иначе (и это знали) появлялись неудачи, недуги, недовольство. Мысли, идеи в виде волн разной частоты издавна невидимо пребывают в Пространстве. Они поддаются улавливанию тем личностям, чья нравственная частота соответствует частотному уровню самих идей. Диапазон восхождения к совершенству подобен расстоянию от Марианской впадины – до звездных высот. Высокий уровень нравственности мыслителя обеспечивает «чистоту биорадара» его мозга. Нейронная сетка мозга входит в резонанс с частотой идеи, которая осмысливается, разрабатывается и преподносится как *открытие* обществу. Его значимость становится достоянием эпохи, поколения или личным достижением.

Перед человеком, достигнувшим совершенства, открываются законы Вселенной с ее микро и макромирами, где Мироздание и Личность едины. Не это ли доказывает Единство Начала, которое называли Создателем, и где люди – носители Его замысла?

Тихое присутствие чужого биополя можно определить в помещении и без реально слышимой звуковой подсказки:

* *Можно почувствовать присутствие людей, спящего кота, рыбок в аквариуме, их состояние, т.к. все объекты излучают свою персональную частотную волну.*

* *Сидя в вагоне метро, вдруг ощутила на своих руках чей-то взгляд. По его «глиссаве» вышла на лицо, – оказался мужчина. Взглянула на миг в его глаза – всепостигающий разговор ни о чем и обо всем.*

* *Почти за минуту до основного звукового сигнала в «дыхании» закипающего чайника чуткое ухо может услышать ультразвуковую вибрацию обертонов, которые чуть позже трансформируются в звуковую волну.*

Человек постоянно излучает в пространство информацию о себе, особенно глазами. Но считывать и посылать таким способом информацию могут (могли) лишь избранные, вроде царя Соломона, М. Нострадамуса,

Кейси, В. Мессинга, Ванги... и влюбленные (или хорошо знавшие интересующий объект), а также «наши братья меньшие».

Телепатия – уникальное изобретение природы в виде беззвучного, мгновенного зондирования биоимпульсами пространства, для которых нет препятствий. Это разновидность биоэнергии, способной мгновенно передавать суть мысли в нужном аспекте в виде образа. Природа изначально дала всему живому этот энергетический «двойник» беззвучного образного мышления. Но человечество отдало предпочтение «синицам» – штампованию словесных форм, а не «белому лебедю в небе», забывая изначально, всеобщий априорный язык природы – язык чувственных образов.

В детстве услышанная и собственная речь необходимы. Речь, как «инженер-наладчик», включает в *работу систему мозга*, обеспечивая скоростное прохождение импульсов по его извилинам, от чего мозг растет, ум развивается. Но в ходе эволюции человек телепатии предпочел изложение собственных мыслей вслух, получая удовольствие от словесного излияния, доказывая себе и всем наличие ума, его специфику, зрелость. А замысел эволюции был не в противопоставлении этих двух ветвей вариантов коммуникации, а их совмещение! Когда словесное (протяженное) изложение параллельно сопровождается его образное содержание. Это подобно одновременному излучению из двух глаз, где «образный глаз», пожалуй, является ведущим.

3. Параметры звуковой волны. В уникальной природе все таинственно и тишина тоже, она звучит, но только чуть слышно. Ветер, рождающийся от разности температур и давления. Он вьется вокруг разных форм, играя на струнах сфер, воспроизводя звуки шорохов, трепета, гула, шелеста, шелчков, шлепков. Цветные арки поднимаются вверх над плеском, грохотом, стуком, вздохами, писком, свистом, скрежетом, воплем в лабиринтах рельефов. Едва уловимый шепот передает эху стрекотанье, пение, речь, но слыша при этом далекую «музыку сфер».

Громкость. Речь – это способ выдачи информации посредством звуковой волны в виде словесных знаков. Ухо человека воспринимает от 16 до 20 000 Гц. В пространстве многочисленные волны *пси энергии* пересекаются со *звуковыми волнами*, имеющими более крупную внутреннюю структуру. Пси импульс может находиться и в инфра, и ультразвуковой зоне. Ультразвуки имеют частоту, превышающую 20 000 Гц, инфразвуки – ниже 10 Гц. Звуковая волна может быть в слышимом и неслышимом диапазоне. Приемлемая громкость – от 0 до 120 децибел – дБ; болевой предел начинается с 130 дБ. Запредельные децибелы природа прячет в глубине «ящика Пандоры».

У детей диапазон слухового восприятия шире, чем у взрослых. «Тонкий» слух корректирует громкость голоса. У малышей этой регулятивной связи с голосом еще нет, поэтому дети «не слышат», что *говорят, кричат* очень громко. Людей с пониженным слуховым барьером выделяет специфичность тембра их голоса и его громкость.

* На эстрадных концертах звукооператоры, для подчеркивания модной «крутизны», используют по максимуму громкость, а находящиеся «под кайфом децибел» уподобляются «зомби». Но над этим звуковым «смогом» висит вопрос: «Зачем?».

* Помню, как в санатории после обеда нас всегда пугал ее громкий, как удар грома, прокуренный голос. (Помнится, как дети, играя, выпрыгивают с кличем «Гав!»). Это она без микрофона так озвучивала предстоящие культурные мероприятия).

* Педагогический прием: чтобы успокоить разговаривавших между собой студентов, педагог продолжает излагать материал, но очень тихо.

* Глуховатый вдруг начинает говорить тихо, отчего собеседник вынужден его переспрашивать. Но ему в ответ: «Видишь, и ты плохо слышишь».

* Артисты, по сюжету «умирая» на сцене, говорят тихо, с паузами, зная, что слабея физически, даже говорить трудно.

Скорость речи выдает возраст говорящего и значимость самого содержания. Речам молодых свойственна поспешность, будто бояться, что их прервут. Умение войти в резонанс со скоростью работы мысли аудитории – важный признак мастерства оратора.

* Опытные лекторы неторопливо рассказывают слушателям о важных фактах в науке, искусстве, проявляя компетентность, остроумие, убежденность; темпом речи и интонацией усиливая внимание аудитории, столь необходимое для усвоения смысла сказанного.

* М. Мусоргский в «Борисе Годунове» (сцена в корчме) сопоставил темпераменты подвыпившего монаха Варлаама, с удалью исполнявшего песню: «Как во городе было, да во Казани», и захмелевшего Мисаила – «партнера по их «теневому бизнесу» – сбору подаяний «на храм», пытавшегося тоже «петь»: «Едет Ион...».

Увеличение скорости – показатель хода эволюции. Эта тенденция наблюдается в спорте, гонках, повышении частот в камертоне; в речи ведущих на ТВ, радио, где своим рекордным по скорости произношению запомнилась Т. Канделаки в передаче «Самый умный», исполнении на скорость в музыке, чудных соревнованиях на скорость... Скорость речи является показателем способности мыслить, и пропорциональна величине эмоций. Подчеркнутое управление скоростью речи настораживает. Встречаются ситуации, где необходимо учитывать особый темпоритм произношения: в разговоре с большими, с людьми преклонного возраста, в педагогике (при диктовке, объяснении новой темы, разговоре с детьми), при экспресс-допросах, воинских приказах, экстренных сообщениях. О физическом и эмоциональном состоянии человека можно судить по его речи. (А. Даргомыжский. Опера «Русалка». I д., сцена помутнения сознания Наташи в конце ее разговора с Князем).

При нарушении взаимосвязи мыслей и эмоций происходит смещение сознания в зону «травмированного разума». Мозг, пронзенный яркой вспышкой, может слышать и шум от прокручивания пластинки на чуждой скорости, и «белый шум» с реверберацией, с эхом на низких частотах, и вездесущий гул-звон огромного колокола; может воспринимать речь, как фонетическую последовательность из одних гласных.

Манипуляции со скоростью издавна используются в гипнозе. Быстрая речь утомляет внимание слушателя и снижает качество восприятия. Манера быстро говорить свидетельствует о нервном типе личности, о недополученном в детстве сердечного тепла, о неосознанном (не подозреваемом?) одиночестве. (Ведь *быть не в одиночестве* – тайная мечта каждого и смысл нашего пребывания на Земле).

4. Причины возникновения речи. Рождение речи зависит от направления энергии тела в энергию мысли и желания высказаться: выступить на собрании, сделать объявление, вступить в диалог. На экзаменах монолог студента экзаменатор может прерывать, предлагая форму диалога, отчего отвечающий теряется в ответах. (Аналогичное наблюдается в процессуальных судах, в др. ситуациях, связанных с выяснением обстоятельств).

Словесное общение с «братьями меньшими» часто является уделом обреченных на одиночество натур. Речь с самим собой может быть и ораторским тренингом, например, выучиванием стихов, партий к спектаклям. Но это является и признаком диагноза, когда индивид хронически испытывает потребность в непрерывном (до изменения) излиянии речи и при отсутствии мотивации. Если неосторожно затронуть его вопросом, он будет говорить долго, любуясь собой, вдохновляясь, не замечая, что повторяется, что его давно никто не слушает, – в его мышлении отсутствует «тормоз», – это болезнь мозга. Энерговампир сливает свой «приступ говорливости» в уши неосторожному слушателю, и, «наколов» монологом жертву, «обглаживает», упиваясь чужой энергией.

5. Эмоциональный уровень речи. Пытливый слушатель с самого начала определяет, интересной ли будет речь выступающего. Выступающие с докладами порой тонко «вуалируют» свои новые идеи, чтобы их не опубликовали к утру слушатели-плагиаторы. На серьезных форумах деятели из сферы искусства своей артистичной манерой изложения оживляют атмосферу на фоне выступлений маститых «зубров» от науки.

Угнетенное состояние психики может быть вызвано: 1. Нездоровьем или внешними обстоятельствами; плохое самочувствие может быть вызвано воздействием на процесс мышления негативных волн недоброжелателей. Попаданием в сферу коммуниканта, окрашивающего пространство вокруг себя «скунс-выпадами». 2. Находясь в среде умных, присутствующие становятся умнее: включается коллективный мозг, «закон сотой обезьяны». А среди «неумных» у присутствующих «мысли сходятся» – по пословице...

От депрессии есть средства защиты: 1. Наполниться доброжелательностью, любовью к миру, жизни, к людям, благодаря этому стать недостижимым для происков недоброжелателей. 2. Мысленно дать себе установку: «Работать для Бога, а аудитория просто присутствует». 3. Не выискивая недоброжелателей, передать их мысленно на «Небесный Суд» – пусть Он определяет меру их «баловства».

6. Качество речи выявляет темперамент, живость ума, компетентность, убежденность в сказанном, коммуникабельность, креативность, нравственные устои личности. Об уровне ораторского мастерства говорят объем лексики, логика речевой интонации, отсутствие повторов, слов-паразитов, досадных нисходящих глоссандо «э-э-э».

Анализируя поведение и внешний облик выступающего, можно определить его психологический тип, к кому из известных ораторов, медийных личностей он ближе: к И. Андроникову, П. Капице, Р. Плятту, В. Шукшину, Г. Вицину, Н. Бехтеревой, Л. Гурченко, М. Попович...

Можно определить и социальные корни, региональную особенность его говора, или где преимущественно бывал: прибалтийскую неторопливость, украинскую певучесть, одесский колорит, кавказский акцент, узнаваемое «однако» народов севера, интонационную резкость японцев, внешнюю «зажатость» жителей периферии, экспрессию «итальянских» жестов.

Остроумной ли была реакция лектора на неожиданные (подставные?) реплики? Запомнились ли его удачные импровизации в ответах на вопросы? Обращаясь к аудитории, проявлял ли он должную культуру, уважение, учитывая ее социальные и возрастные особенности?

7. А чем является речь для Вас? Поразмышляем над этими наблюдениями:

* «Слово – не воробей...» – часто говорят, но уже с сожалением; Заметить в глазу другого соринку, но не говорить об этом; «Чихая» лестно, дарить «десерт из комплиментов в виде сахарной пудры»; Перевести разговор на другую тему, чтобы казус друга был незаметен; Просто «болтать», не задумываясь, что это никому не интересно; Лгущего не уличать во лжи, зная, что правда его не исправит; Не задавать вопроса, зная, что в ответ солгут.

* «За здоровье врага», – пытаются обмануть Небо, зажигая свечу в храме; Обратиться к Небу за помощью, но только когда совершенно иссякли силы; Мысленно обратиться к ушедшим Великим Личностям, или близким тебе по Духу, или когда-то любившим тебя – и станет легче; Словами подвести человека к тому, чтобы он сам обратился за советом; не раздражать его правильными наставлениями, чувствуя, что он не видит последствий. (За чем насильно раскрывать лепестки бутона?); Печаль мудрых – не говорить о будущем, зная, что их совет не исполнят; Не было произнесено слов, но глаза выдали их суть; Размышляя о Времени, Пространстве, Энергии, Всеобщих Законах, мысленно получать ответы на сформулированные вопросы.

Часть II. Диалог. Жанр диалога с давних времен у разных народов является основной формой общения. Dialogos (греч.) – «речь двоих», форма общения двух и более лиц. Это способ представления сюжетных линий, характеров в драме, прозе, поэзии; жанр в публицистике, философии... (Платон. «Диалоги»).

Время подготовки к диалогу может быть различным: от случайных встреч «на бегу», подготовки к экзаменам, конференциям, мысленным обращениям к давно ушедшим друзьям-единомышленникам – до диалога со временем. Для передачи информации на большие расстояния люди издавна использовали разноцветный дым. В морском деле в 1857 году была изобретена семафорная сигнализация. Позже – передача информации флажками, импульсами световых пучков, азбукой Морзе, а в быту – введением пальцевой, жестикулярной, пазовой техники языков. Можно представить, что на какой-то планете человек оказался один или в виде умной клеточной субстанции, то как он был бы рад и Бабе Яге, и Змею Горынычу, заговорившим с ним на его языке. (Если бы в Раю Адам не оставлял надолго Еву в одиночестве, то она бы и не откликнулась на речь Змея, предло-

жившего «вкусить яблоко с Древа Познания»). Так и мы испытываем радость в чужой стране, услышав родную речь.

Учеными доказано, что в ДНК человека, как и у представителей высших животных, заложено желание общаться: деловые реплики, нравоучения, исповеди, диалоги tet-a-tet, обмен новостями, разговор ни о чем: о погоде, моде. «*Omnia in modum*» (лат.) – «всё в меру». Но если нарушить допустимый лимит общения, то из удовольствия оно может стать даже пыткой. Работники сферы обслуживания с годами отмечают, что у них наступает хроническая «нервная аллергия» на постоянное словесное общение: они восстанавливают силы лишь в молчании, при выключенных источниках звука, избегают мест скопления народа. (Именно по физиологическим допускам и по шкале рисков обществом определяются сроки выхода на пенсию).

1. Причины и условия для возникновения диалога. Постоянное пребывание в одиночестве побуждает человека к диалогу с природой, с «братьями меньшими» в поисках взаимопонимания.

* С. Саровский однажды встретил в лесу медведицу с медвежонком. Та приняла агрессивную позу, на что монах-отшельник стал ей кланяться. И она ушла. «Диалог» состоялся, но в «технике» обмена информацией **позами**.

* Если не нарушать «диалог» между телом и сознанием, то тело направит свою силу в силу сознания – мудрость.

* Умение слушать. Как-то Ф. Шаляпин ехал в купе с немецким профессором, который, извинившись, вслух вычитывал свой будущий доклад. Певец, не владея немецким, лишь изредка одобрительно произносил: «*Jawohl!*». Позже в прессе он прочитал и о себе, как попутчике профессора: «Лучшего собеседника профессор не встречал!».

* «Диалог» взаимопонимания. Д. Шостакович в пору творческих поисков пригласил к себе домой М. Ростроповича. Сидя в креслах, они оба молча размышляли более часа. Провожая друга, композитор сказал: «Хорошо мы поговорили. Спасибо».

* В армии: «Я тебя спрашиваю, почему ты это сделал?» «Я думал...» «Молчать! Почему... ты это сделал? «Я хоте...» «Молчать! По-че-му?.. Понял?.. – Иди».

* В городах людей много, и в них явление человека обесценено. А в селах до сих пор и старые, и малые, встречая незнакомого человека, уважительно его приветствуют, а по сути, в его лице приветствуют саму Жизнь.

2. Эмоциональный уровень диалогов. Но бывали случаи, когда дебаты участников конференций, круглых столов превращаются в поединки интеллектуалов, сражающихся на «острых шпагах» реплик, с выпадами и жесткими приемами.

* Помнится трансляция заседания Думы РФ по I каналу ТВ с некорректным поведением ее спикера, не раз отключившим микрофон у академика А. Сахарова, выступавшего там с критическими замечаниями в адрес текущей политики и участия наших войск в Афганской войне.

* Сцены политических «коррид» случаются и на заседаниях депутатов Гос. Думы, что становится известным благодаря ТВ трансляциям.

* Не вызывают симпатий и ТВ передачи В. Соловьева, где он приглашает известных политиков, общественных деятелей для участия в ток-шоу. Но, репликами сталкивая точки зрения выступающих, превращая диалог в перебранку участников, не желающих никого и ничего слышать.

* А. Даргомыжский – специально посещал суды, чтобы в ходе разбирательств наблюдать за эмоциями конфликтующих сторон, что позже отражал в своих песнях-сценках: «Титулярный советник», «Червяк». «Великий учитель музыкальной правды», – говорил о нем М. Мусоргский.

3. Диалог в мифах, сказках, песнях-сценках. Психологи доказали, что процесс понимания происходит от суммирования и анализа совокупности поступающей информации с последующим принятием решения на уровне соответствующих эмоций и действий. В драматургии диалог – это основной способ изложения мыслей автора, но на более высоком уровне восприятия текста (в книжном и театрализованном варианте). Диалог, как демократический жанр, часто использовался, используется в разговоре между людьми, сказочными персонажами: горами, лесами, реками.

* «И ответила молочная речка, кисельные берега: «Съешь моего киселька, тогда скажу». («Гуси-лебеди»).

* «Колобок, колобок! Я тебя съем». – «Не ешь меня, косой зайчик».

* «Янко, потуши наш горящий муравейник!» («Златовласка»).

* «Чего тебе надобно, старче?» «Смилуйся, государыня рыбка...».

* Кот Леопольд: «Друзья, давайте жить дружно».

* Казачья застольная песня – «По Дону гуляет». Слова Д. Озناбихина.

4. Диалог в изобразительном искусстве не раз передавали художники разных стран и эпох на своих полотнах: Л. Винчи – «Тайная вечеря», И. Босх – «Сад земных наслаждений» и др.

* Передвижники: И. Репин – «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану», «Торжественное заседание Государственного совета», В. Перов – «Охотники на привале», В. Иванов – «Явление Христа народу», К. Брюллов – «Последний день Помпеи», М. Савицкий: «Летний театр», «Проклятье», «Надсмотрщик», «Побег», «Эти выжили».

5. Диалоги в мультфильмах. Производство мультфильмов возникло в России в 1906 и сразу было подхвачено кинематографами мира. Адресатом были взрослые, позже дети. Этому жанру повезло, – его возможностями увлеклись наблюдательные, умные подвижники, полные оптимизма и юмора. Созданные ими мультфильмы стали для детей любимыми воспитателями, учителями, заменив «Арин Радионовых», красавиц «Шехеразад», сказочников. В этом жанре через преувеличенные, но понятные эмоции, мимику, жесты, позы, реплики «братьев меньших» детям прививались основные нравственные нормы их дальнейшей жизни. Их содержание оставалось в памяти на всю жизнь в виде любимых видео басен, притч, верных друзей. Мультфильмы в доступной форме объясняли суть справедливости, радости дружбы, счастья в любви, чувств терпения, уважения к окружающим, смелости, не озлобленности, веры в happy end и где всегда осуждались пороки.

Желающим убедиться в скорости своего мышления, предлагается Тест, где надо быстро мысленно прочитывать (за 80–82") названия мультфильмов, представляя на «экране мысли» один из его кадров. (Выбор названий определялся параметрами табличной формы):

Таблица 1 – Тест на определение скорости работы «экрана мысли»

Аленький цветочек	Кот в сапогах	Серебряное копытце
Белоснежка и 7 гномов	Котенок по имени Гав	Синдбад-мореход
Бременские музыканты	Крошечка-хаврошечка	Сказка о царе Салтане
Бюро находок	Лампа Алладина	Скатерть-самобранка
Буква Я	Лисичка и волк	Снежная королева
Василиса прекрасная	Малахитовая шкатулка	Соломенный бычок
Вершки и корешки	Мальчик с пальчик	Сотворение мира
Вини-Пух	Мальчиш-Кибальчиш	Старик Хоттабыч
Волк и семеро козлят	Мальш и Карлсон	Стрекоза и муравей
Волшебный клад	Матч-реванш	Тайна третьей планеты
Гадкий утенок.	Маугли	Теремок
Гуси-лебеди	Маша и медведь	Три медведя
Двенадцать месяцев	Мойдодыр	Три поросенка
Доктор Айболит	Морозко	Три толстяка
Дюймовочка	Муравьишка	Тысяча и одна ночь
Дядя Степа	Ну, погоди	Федорино горе
Жил-был пес	Персей	Цветик-Семицветик
Золотое Руно	Приключения Буратино	Царевна-лягушка
Золотая антилопа	По щучьему велению	Черепаша и заяц
Золушка	Репка	Черная курица
Зазеркалье	Рикки-Тикки-Тави	Чип и Дейл
Карлик Нос	Русалочка.	Шайбу! Шайбу!
Колобок	Садко	Шапокляк.
Кот Леопольд	Серая шейка	Щелкунчик (72 примера)

Замечено, что если на сцене представление поднимается до уровня искусства, то в зале лица слушателей становятся светлее, красивее, моложе. На лицах детей, когда они смотрят мультики, видна их красота, вдохновение, умный взгляд, увлеченность происходящим на экране. Это *то, что им нужно*, интересно, через них познаются грани будущей жизни. Да, они наивны, открыты, но чисты и талантливы! Мультфильмы освещают сферу души человека. Отсюда растут чувства любви к первой учительнице, дружеская привязанность к своим одноклассникам, самоотверженность в дружбе, любви. Непослушными дети становятся, когда взрослые не находят правильный подход к ним, не находят «светлую (может быть единственную) тропу» к их сердцу.

* В фильме «Джентльмены удачи» заведующий детским садом, чтобы уговорить детей поест, сообщает им, что это надо сделать для «совершения ими полета в Космос», – и сработало!

* Диалог обиды: «Няня старая, злая, Мишеньку обидела. У няни носик запачкан, чепчик на боку. Миша больше не будет любить свою нянюшку». (М. Мусоргский. Цикл «Детская». Песня-сценка «В углу»).

* Человек не всегда бывает прав. У животных диалог часто проявляется через их поведение. Незаслуженные побои в щенячьем возрасте дог запомнил, и став огромным псом, улучив момент, отомстил хозяину – загрыз его.

* У людей от злости талант убывает. «Гений и злодейство – две вещи несовместимые». (А. Пушкин. «Моцарт и Сальери»).

Детский ум не в состоянии понять причинно-следственную связь в окружающем мире. Для понимания перед ним открывается жанр сказки, фантастики, чуда. Поломка игрушек, «каскадерская» активность, опыты с огнем, – это от любознательности! Диалог, обмен информацией между родителями и их ребенком поначалу состоит на уровне ДНК и поддерживается в течение жизни. Но люди, в основном, перестали прислушиваться к своим ощущениям – «голосу крови», доверяя лишь показаниям теста. Почему большинство взрослых не стесняются задавать вопрос, ломающий психику ребенка: «Кого больше любишь: папу или маму?» Родители для ребенка – единое целое, оберег, данный природой. Упустив этот «сказочный» период в жизни ребенка, родители необратимо утрачивают личностный контакт с ним в будущем.

Часть III. Круглый стол. I. Ведущий: Мы собрались за традиционным «круглым столом» для обмена информацией в рамках заседания нашей секции: «Речь – как средство коммуникации». Присутствующие могут высказывать дополнения о наблюдениях за обменом информацией в природе, роли жестикуляции при общении, о современных технических видах получения информации, их плюсах и минусах. Общаясь, люди в той или иной мере жестикулируют: итальянцы, англичане, глухонемые, водители на дорогах, во время ссор, в состоянии опьянения. Почти не жестикулируют: «первые лица», дипломаты, разведчики, «магистры» мысли; телеведущим это запрещено; не рекомендовано: элите, некогда попавшим в экстремальные ситуации.

В учебных заведениях, готовящих экономистов-международников, дипломатов, разведчиков, агентов, присутствует специальная дисциплина, разъясняющая «говорящие» жесты, мимику, интонации, позы. Список ненормативной лексики, которая может встретиться в обиходе конкретного народа, раздается на языковых факультетах в конвертах в конце курса обучения, и студенты понимают их необходимость. Бизнесмены, политики специально осваивают спецжесты, чтобы узнавать мысли партнера (противника), уверенно владеть приемами расположения к себе, показывать свою «непосредственность», надежность. Существуют профессии, где изучают специальные жесты, особенности поведения, которые необходимы разведчикам, работающим под водой, в горах, пещерах.

Чем выше социальный статус, интеллект выступающего, тем его жесты сведены до минимума. (Сравнить представителей демоса, размахивающих руками и речь королей, жрецов, дипломатов, Учителей... Королева на приеме не может почесать щеку, а министр – нос, – их жесты будут потом разрекламированы «доброжелателями»). Меру и

стиль жестикюляции, его амплитуду и рисунок диктуют социальные и возрастные традиции, а также условия ситуаций: юбилеи, ритуальные нормы.

Психолог: Но навязчивая жестикюляция может быть и признаком диагноза. Больных с нервными отклонениями легко узнать по рукам, вытянутым при ходьбе вдоль тела. Но даже легкий жест показывает готовность к общению. Настораживает и отсутствие жестикюляции, что говорит о внутреннем напряжении, или допускает знание оккультных приемов. (Выступающие В. Ленин, М. Горбачев, депутаты Думы сопровождали свою речь активными жестами. А. Меркель остается «закрытой», сцепляя перед собой руки в «замок»). Исследуя фильмотеку нацистов, знатоки по склейке кадров разглядели, что руки А. Гитлера, выступающего перед воинами, заменялись руками мага с профессионально убеждающими, «говорящими» жестами.

2. Poleмика. Ведущий: Жестикюляция отвлекает от звучащего слова. Давайте подумаем, можно ли считать диалогом выдачу информации в виде бессловесного потока междометий, без мимики и жестов? – Можно, если это юмористическая задача из репертуара В. Винокура. – Медики считают, что жестикюляция – это проявление атавизма в виде произвольного движения рук, от которого надо избавляться. – Но когда-то и миндалины, аппендицит медицина считала излишними. – Жестикюляция – это признак потенциального творческого начала.

Врач: У новорожденных наблюдаются непроизвольные движения рук и ног, что свидетельствуют о продолжающемся установлении связей между мозгом и конечностями. Вскоре судорожную угловатость сменяет жест в виде указующего движения ведущей руки, направленной к интересующему предмету. Часто это сопровождается звуками голоса, что помогает им изъясняться. Взрослея, ребенок увереннее пользуется языком жестов, мимики. Так жестикюляция становится привычным «двойником-единомышленником» во время «всплесков» красноречия, когда человек, будто из воздуха, набирает энергию для полета мысли. (Так в гнезде птенец усиленно машет крыльями, набирая силу перед полетом).

Психолог: Жестикюляция активизирует работу мозга, помогая быстрее находить необходимые слова. Но искать в ней осмысленную знаковую систему напрасно, – она лишь отвлекает своим «броуновским» движением внимание от высказанных мыслей.

* Студенты, отвечая на экзаменах, подыскивая слово, учащенно шевелят пальцами или ручкой в руке, жестикюлируют, касаются головы.

* Сидящие «мирно» дети, продолжают двигаться, но болтая ногами под стульями, чем поддерживается процесс их физического развития.

* Пользующиеся веером могут скрывать свое волнение за учащенными его движениями. Это тоже разновидность жестикюляции.

* Жесты в быту: когда несут ведро с водой, расплескивание гасится введением более мелких волн; грозят детям указательным пальцем.

В жестах проявляются темперамент. На вопрос: «Что такое рябь?» – холерик отвечает, сопровождая ответ движением «играющих» пальцев. Сангвиник ограничивается словами: «Это небольшие волны на поверхности воды».

Этимолог: На «постах», расставленных Временем, по утрам поют птицы, давая шанс и надежду человечеству жить дальше. Человек существует в природе, где все уникально и удивительно. Наблюдая за пауками, поражает доведенная до совершенства их прозрачная нить, в графике которой отражается и звездная карта неба, и прогрессия волн, и параллели/меридианы полюсов, сетка радужек глаза, векторы нервных путей. Пауками на практике освоены свойства круга, окружности, радиусов, хорд, перспектив, фракталов, «золотого сечения». Он расчетливо поджидает прилета мошек, находясь в центре паутины, откуда быстрее добраться до жертвы. В движениях его лапок тоже жесты, но понятные лишь особям его вида. При воздействии транквилизаторами пауки начинают плести уродливо «смятую» паутину, как уродливыми становятся и снежинки от воздействия отрицательных слов. Природа всем выдает способы для выживания. Варианты движений рассчитывались веками. Крокодилы, лягушки, кошки, пауки, выюнки... все верят в успех своей охоты, и могут часами терпеливо ожидать желаемое. Люди, пораженные вирусом немалого аргумента в потреблении даров природы, к сожалению, еще не сознают печальную перспективу своего неразумного в этом отношении поведения.

Искусствовед: Рисование, игра на музыкальных инструментах, приготовление пищи, пластика рук в танце – все это разновидности жестов. Жестикюляция – это своеобразный двойник мысли, поддерживающий ее полет. ПИАНИСТ Г. Нейгауз как-то сказал: «Пауза – это звук, окутанный тишиной». Но музыка – это мысль, окутанная в звуки, живопись – окутанная в краски, танец – это мысль, окутанная движениями, приготовление пищи – мысль, окутанная вкусовыми ощущениями. Жесты – энергия, в которую окутывается сама мысль.

Социолог: Как наивная мошара летит на свет, так в юности многие мечтают о красивой жизни, не предполагая, что популярность влечет за собой *опасность облучения энергией толпы*. В организме публичного человека с годами «шагреново» истает энергия жизни, возникает хроническая усталость, когда силы восстанавливаются лишь частично в тишине, одиночестве, во сне. Каждому от рождения дается определенный объем энергии на жизнь. Если эта энергия выжигается «облучением» толпы (или обстоятельствами), то остается лишь выживать в слабых доводах разума и выжженных эмоциях. Так стоит ли популярность в молодости эмоциональной инертности, энергетического минимума в финале?

Философ: Как повар не должен изобретать блюда с отвратительным вкусом, так и Художники... не должны материализовать безнравственность, преступления, боль. Поколение предприимчивых «неосапиенсов» уничтожают огромные массивы леса, загрязняются воды океанов, отравляют атмосферу, на что Земля стала «недобрыми жестами» заявлять о себе, отвечая наводнениями, цунами, непредсказуемостью погоды. Всё на Земле находится в согласии с законами Мироздания. Манипуляции с *ложью* блокирует ясное видение будущего. «Будут ли люди подобны «красивым цветам на альпийских лугах Времени?» – сказал бы поэт.

Педагог: Не так давно ученые обнаружили в африканских глубинках племена аборигенов, язык которых едва набирает 50 слов, дополняемых звуками, жестами, мимикой, позами. Путь развития их мышления пролегал от динамичного использования поз, жестов, мимики, звуков – до создания речи – универсального средства общения.

В наши дни система обучения формирует из детей интересных Личностей. Но встречаются и взрослые индивиды, которые определяют себе с детства минимум знаний. Размашистыми жестами они «дорисовывают» подразумеваемое, о котором не сумели высказаться. А пересказывают только «прямую речь». Их жестикюляция удивляет: «То

ли их руками правит невидимый «кукловод»? То ли некие «невидимки» раскачиваются на их кистях?» Могут ли они разбираться в школьных дисциплинах детей?

Искусствовед: Полет мысли и жестикация представляют своеобразный «дуэт», с проявлением потенциально-го артистизма. Даже оставшись наедине, человек, высказывая мысли вслух, начинает жестиковать. Часто мысль и жест являются инерцией привычки, но с «шармом» артистичности, а аудитории остается только слушать и наблюдать за работой этой чудной чудной пары.

Ведущий: Но есть и выступающие, которые вообще не пользуется жестики, что свидетельствует о том, что их мысль летает очень высоко, черпая энергию из космического пространства. По моим наблюдениям это генеральный конструктор МИТ Юрий Семенович Соломонов, который лаконично рассказывал по ТВ «О ракетах...», и ни разу не позволил себе малейшего движения рук, выдавая только значимые, *четко сформулированные мысли*.

3. Завершение. Ведущий: Наша встреча подходит к концу. Спасибо всем участникам «Круглого стола», где были высказаны интересные мысли о формах ведения диалога, телепатических и вербальных способах передачи информации, об ораторском мастерстве, о роли жестикации при изложении мысли. Все понимают, что «говорящие» жесты не должны присутствовать там, где собирается интеллектуальная элита и молодое поколение.

4. «Домашнее задание». В заключение предлагается желающим на досуге проверить своё знание языка жестов, мимики – для дополнительного осмысления их выразительные возможности. Не исключено, что в своем кругу кто-то даже захочет сюжетно, как режиссер, выстроить предложенные 300 позиций в виде пантомимического спектакля. Домашний спектакль? Новогодний конкурс с фантиками? Почему бы нет!

Можно ли передать суть пантомимически, без слов?

Природа: встряска, дождь, рябь. Дятел, заяц, кобра, коза, комар, кукушка, медведь, обезьяна, полет птицы, свинья, змея.

Голова: «пустая голова», сосредоточенность. Думать, вспоминать, качать/крутить головой, мыть голову, причешаться, соглашаться, чесать затылок/за ухом.

Лицо: маска комедии/трагедии. Восхищаться, восторгаться, гримасничать, дразниться, замереть, нервничать, обидеться, размышлять, скривиться, соглашаться, сомневаться, удивляться, улыбаться, ухмыляться.

Эмоции: недовольство, поцелуй 1, 2, равнодушие, исподтишка. Гневаться, испугаться, канючить, кокетничать, медитировать, поступать, отказывать, отчаиваться, плакать, решиться, радоваться. «А, сойдет». «От души». «Убрать, уйди».

Глаза: соринка. Восхищаться, высматривать, гипнотизировать, жмуриться от яркого света, искать, «коситься», «стрелять», моргать, разглядывать мелкое/крупное, читать.

Нос: вдыхать аромат, «Выше нос», принюхиваться («+», «-»), фыркать.

Рот: говорить, дуть, жевать, закусить губу, кривить, курить, лузгать, плевать, полон, пробовать еду, тише, хочется(?) пить/есть, чистить зубы, язык показать. «Щеки во!».

Уши: «лох». Заложило, заткнуть, подслушивать, попала вода, шевелить.

Шея: Быть повешенным, «достало», выпить, отрезать голову, подавиться.

Руки: клятва. Вопрошать, вручать, замахнуться, запачкаться, колотиться, крестить, молиться, обнять, отгонять, приветствовать, приглашать, прощаться, раскладывание карт, пассы, рукопожатие, сдаваться, согреть. «Внимание!», «Который час?».

Пальцы: рябь изображать, деньги. Пальцем/кулаком грозить/указывать, жизнь/смерть (Др. Рим), смотреть на ногти/грызть/стричь, считать на пальцах, чесаться.

Занятие: рулить, играть на скрипке/виолончели/фортепиано/тромбоне/дудочке/горне/ударных/тарелках; гнуть, голосовать, дирижировать, печатать, завертывать, загребать, кидать, листать, крутить, писать, раздвигать.

Быт: вязание, драка детей. Брызгать, вдевать нить в иглу/шить, гасить свечи на торте, гладить кошку/белье, дотить, есть ложкой/вилкой (посолить/разместить), звонить в колокольчик, качать дитя, копать, мести, мыть, стирать, раскладывать, танцевать.

Спорт: боксировать, грести, ходить на лыжах, метать, прыгать, плавать, стрелять, играть в теннис/шахматы /«морской бой», удить, целиться.

Состояние: забитость, заторможенность, зомби, настороженность, обморок, ожидание, покойник, пьяный, старость, сумасшедший, тик, умиротворение, усталость.

Сон: сонный вид. Дремать, зевнуть, очнуться, потягиваться, храпеть.

Тело: борец, дистрофик, сутулость, боль, больной, одышка, зуб, сердце, спина, колено. Высокий/низкий, хромой/слепой, худой/толстый.

Позы: смирение, в развалку. Звать, красться, рассматривать, на цыпочках.

Звук: аплодировать, брэнчать на губах/зубах, всхлипывать, дышать громко, играть воздухом на зубах, икать, кашлять, кричать, петь, свистеть, клацать, причмокивать, полоскать горло, поперхнуться, смеяться, сморкаться, стрелять пулей/из рогатки, стучать, ронять, фукать, чечетку выбивать, чихать, шагать громко; хрустеть суставами пальцев, щелкать ими: «Официант!».

Типажи: девушка, женщина, старость, босс, «Наполеон», нищий (пустой карман), кокотка, бандит, вор, наездник, регулировщик, ямщик, слуга, монах.

Знаки: деньги, метр, «стоп», 100 г, тюрьма. Большой/малый, вверх/вниз, вокруг, вертикально, влево/вправо, выше/ниже, жменя/щепоть, тяжелый/легкий, много/мало, назад/вперед, по часовой/против, черпать ладонями, холодно/жарко. «О'кей» (два способа), «И так, и эдак», «Ах, брось», «Я? – Нет». (307 примеров).

Заключение. Вопросы вербального и импульсно-образного общения, рассмотренные в статье, представляются принципиально важными для самопроектирования профессиональной языковой личности. Частотно-импульсная природа пси-энергии, особенности звуковых и биоволн, трактовка мысли как «ДНК» личности, мотивации возникновения диалога и роли жестикации при формировании мыслеобраза – все представленные нами вопросы на уровне знаний, умений, владений, компетенций, «неосознанных компетенций» могут и должны включаться в фундамент речемыслительной культуры специалиста в самых разных областях профессиональной социокультурно-образовательной деятельности.

Мышление как фундамент речемыслительной деятельности языковой личности

Страхова Заира Петровна

354000, г. Сочи, Россия
лектор-музыковед, преподаватель, журналист, поэт, художник
Email: strakhovazaira@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются важные моменты влияния среды на протекание процесса мышления, объективные и субъективные причины его эффективности, роль сна, вдохновения и т.д. Для активизации процесса мышления автор предлагает некоторые пси-приемы, включая технику развития «зрения ума».

Ключевые слова: мышление, речь, «коллективный мозг», память, чувства, «зрение ума», частотно-импульсная информация, речемыслительная деятельность, языковая личность.

УДК 81'23

Thinking as a fundamental of the speech-cogitative activity of the linguistic personality

Zaira P. Strakhova

Sochi, 354000, Russia
Lecturer and teacher of music theory, journalist, poet, painter
Email: strakhovazaira@mail.ru

Abstract. The article discusses important aspects of the influence of the environment on the course of the thinking process, objective and subjective reasons for its effectiveness, the role of sleep, inspiration, etc. To activate the thinking process, the author suggests some psi-techniques, including the technique of developing of “mind vision”.

Keywords: thinking, speech, “collective brain”, memory, feelings, “mind vision”, frequency-pulse information, speech-thinking activity, linguistic personality.

UDC 81'23

Введение. В своей словесно-логической ипостаси мышление образует речемыслительный фундамент функционирования языковой личности. Цель статьи – рассмотреть процесс мышления как один из элементов, органично действующих в системе законов Мироздания, которым подчинено всё сущее в живой и неживой природе. Всеобщей взаимообусловленностью объясняется и большой диапазон приведённых примеров с их проекцией на судьбы людей.

Материалы и методы. Описание, сопоставление, анализ фактов послужили основой для размышлений и умозаключений, сделанных на основе наблюдений за окружающей действительностью в течение жизни. В целях аргументации приводятся многочисленные примеры (свыше 100) и ссылки на произведения искусства и литературы (более 20). Взяв процесс мышления за отправную точку, автор делает выводы, которые могут быть полезными для современных сфер науки и образования, базирующихся на эффективной речемыслительной деятельности.

Обсуждение. *Биоэнергия* – энергия жизни, априори данная каждому человеку, это субстанция души. *Мышление* – познавательный процесс, свойство мозга, оперирование понятиями и образами. *Воображение* – способность сознания создавать придуманный человеком образ; творческое воображение напоминает мышление, в процессе деятельности они едины. *«Зрение ума»* – это способ зондирования настоящего, прошлого, будущего во взаимодействии сознания и подсознания. *Ассоциативное восприятие* – чувствование схожих частот в окружающем пространстве. *Пси-энергия* – мера способностей, таланта, гениальности, «голоса крови», состояния любви. Волны эмоций могут (не)проявляться в виде веры, надежды, любви, воли, лени, благодарности, чувства долга, всплеска сексуальной энергии; в виде сочувствия, вдохновения, озарения, усталости, ностальгии, религиозности, подозрительности, мести...

Взаимодействие с внешней средой проявляется через *зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, ориентацию* в пространстве (чувство равновесия, позы тела, ощущение его веса и веса как такового). Обмен информацией может осуществляться посредством телепатии, гипноза, «коллективного мозга». К внутренним ощущениям относятся биоритмы «сов/жаворонков», импульсы в виде голода/сытости, боли, «мороза по коже», сигналов интуиции и др.

Природа продолжает приоткрывать свои тайны, снабдив человека мозгом – прибором для восприятия окружающего мира и познания универсальных функций этого инструмента. С его помощью исследуются причины объективно существующих феноменов, в том числе и «сов/жаворонков», «правшей/левшей», характера влияния неравномерного вращения Земли на скорость мышления и т.д.

Человеческий разум – это своего рода «бонус эволюции», представляющий собой универсальное «зрение ума», рождающееся в органичном синтезе мышления (предметно-действенного, наглядно-образного, словесно-логического) и воображения. Мысль является энергоёмким резервом, работающим даже при отключении комплекта ощущений (кроме зрения и слуха, – по Р. Моуди). Это извечный и надёжный ключ для проникновения в тайны окружающего мира. Мысль – это «язык разума», а ощущения так и остались «языком тела», они поступают в сознание раньше облечения их в слова.

Например:

* При прикосновении к горячему человек мгновенно одергивает руку.

* Наступая на камешек, мы нарушаем вертикаль тела, но, сбалансировав, восстанавливаем прежнее положение. Это биоимпульсы передаются от ноги в мозг, а тот даёт нужные указания телу.

Итак, мышление является проявлением энергии мозга в пределах физических возможностей человека, который в конце жизни возвращает «кубок души, наполненный обретенным знанием, в звёздный улей»; так считал С. Хокинг – физик, математик-гений, прикованный к инвалидной коляске. Правильно мыслить – значит влиять на свою судьбу: «Мысль рождает действие, действие – привычку, привычка – характер, характер – судьбу».

«Коллективный мозг» – двигатель эволюции, его пульт управления находится в ноосфере, о чём говорил В. Вернадский. Им руководствуются пчёлы, муравьи, киты, дельфины. В обществе умных людей мышление присутствующих корректируется стилем и значимостью высказанных мыслей. «Коллективный мозг» присутствует и в семьях, и при совместных организованных действиях, например, войнах, природных катаклизмах, авариях, моментах паники.

* Два изолированных муравья выглядят дезориентированными, «потерянными». Но если их 3 и больше, то они начинают двигаться, как команда, управляясь уже коллективным мозгом.

* «Эффект сотой обезьяны» как не до конца доказанная, но красивая теория быстрого распространения позитивных изменений при достижении критического числа их носителей.

* Встретив ординарное развитие ума, иные рады, что их «мысли сходятся».

Геоклиматические условия – объективные факторы, тонизирующие или тормозящие мышление. В экваториальных странах и местах крайнего холода не рождаются яркие мыслители, там люди просто вынуждены выживать. В благодатном, умеренном климате рождаются и продолжают развиваться философские школы, науки, литература, искусство. У народов Севера на генном уровне наблюдается некоторая замедленность восприятия, – близость к полюсу с его магнитосферой в виде полярных сияний, влиянием низких температур. Жителям южных стран свойственна большая скорость мышления и экспрессия поведения. (Хитрость, с её быстротой мышления – особое качество психики, которое в данной статье не рассматривается).

Наследственность. Качество мышления часто является результатом родовой селекции черт психики, проявляющихся на генном уровне: роды Кутузовых-Голенищевых, Михалковых, Кончаловских и др. Гениальность может как постепенно накапливаться в роду, так и проявляться вспышками в результате запретной страсти, что скрывает туман времени. «Запретный плод сладок», и гении часто рождались от любви в её максимуме.

Народ подмечает-шутит: «Все дети рождаются гениальными, но от того, как часто их роняет мать, становятся обыкновенными». «Природа гениев на детях отдыхает»,

Социокультурная среда – это важное внешнее условие при формировании сознания, мышления и определения будущей социальной принадлежности. Она даёт возможность наблюдать за характером взаимоотношений в (не)благополучных семьях, за мотивацией поступков окружающих, нормами поведения в коллективе, на улице, в «местах не столь отдалённых». Среда (не)представляет возможности для развития способностей человека: расширение кругозора через чтение, занятия в кружках, секциях, обучение в обычных и специальных школах, военных училищах. Встречаются и варианты бродяжничества, «воспитания у Жучки в собачьей будке». Полученные в детстве впечатления и знания формируют лексику, определяют социальную позицию в будущем, говорят об уровне материальной обеспеченности семьи в детстве, о возрасте окружения, общении с природой.

Общение с умными людьми всегда было важным и запоминающимся явлением, «отдушиной» в обществе любой страны. Из литературы и биографий видных деятелей мы узнаём о существовании аристократических салонов, где собиралась мыслящая элита для обсуждения актуальных событий политики, вопросов, связанных с открывающимися учебными заведениями: лицеями, пансионами, академиями, институтами – с их лучшими для того времени педагогами.

* В доме поэта В. Жуковского (наставника детей царской семьи), собирались поэты, прозаики: А. Дельвиг, К. Батюшков, П. Вяземский, Н. Языков, А. Пушкин, М. Стендаль. Повзрослевшим детям разрешалось присутствовать на таких вечерах, вникая в смысл высказываемых идей.

* В салоне баронессы Ж. Санд собирались известные музыканты: Лист, Шопен, Берлиоз, Беллини, Мейербер; поэты и прозаики: Мицкевич, Гюго, Гейне, Бальзак; художники: Делакруа, Ш. Маршал.

Привычка читать книги свойственна всем известным учёным, писателям, путешественникам. Языковой личности в XX веке нормой было прочитать в день не менее 30 страниц для поддержания здоровья мозга и тонуса памяти.

Биографии Нобелевских лауреатов свидетельствуют: почти у всех в детстве были **занятия музыкой**. Музыка – уникальный способ материализации времени, особый звуковой язык, передающий процесс возникновения чувств, мыслей при общении с людьми, природой, Вселенной, с Богом!

Эмоции и чувства могут обходиться и без явных мыслей, например, у детей; могут быть и мысли – почти без чувств. Лишь гармоничное соединение мысли и чувства (когда включается так называемый «эмоциональный интеллект») обеспечивает правильность того или иного важного для личности решения. Интенсивность чувств определяет скорость мышления, их разнообразности придают мышлению и речи энергию, с её особой эмоциональной окраской. Причин для возникновения эмоций в их максимальных проявлениях может быть бесконечно много; разнообразными примерами насыщены произведения классической литературы.

Уделяя внимание определенному объекту, постоянно подпитывая его своей энергией, личность может аккумулировать в нём собственные чувства:

* В легенде о Пигмалионе и Галатее юноша воплотил воображаемый образ девушки в скульптуре и безнадежно влюбился в него.

* *Гуру Саи Баба, по утверждению очевидцев, энергией мысли мог материализовывать ювелирные изделия, чтобы дарить их толпе.*

Влюблённость стимулирует возможности Художника, являясь причиной создания его лучших произведений: Сонеты Шекспира, «Лунная соната» Бетховена, «Божественная комедия» Данте, «Неоконченная симфония» и песни Шуберта, Первый концерт Шопена. «В жизни есть лишь одно счастье – любить и быть любимым» (Ж. Санд).

Талант нельзя скрыть, и он проявляется в трудолюбии. «Гений – это 99% пота и 1% вдохновения». П. Чайковский считал, что «вдохновение – это гостья, которая не любит посещать ленивых». (Эту же мысль мы выразили в стихотворении «Шекспир»: «Ты есть лишь то, что создал сам, а время судит по делам»).

И вряд ли оставили бы потомкам свои замечательные произведения И. Левитан, И. Репин, А. Куинджи, Н. Рерих, если бы тратили время жизни на суету, «паркур бытия». Следуя своему высшему предназначению, они чувствовали, что находятся на службе у Времени и приносили ему свои дары.

Серые мышцы и мотыльки-однодневки природе, наверное, тоже нужны, но талант – это прерогатива Homo sapiens, и его не скрыть, не развить насильно, – он либо есть, либо его нет. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, он непременно, хоть когда-то проявляется – и это *элитный фонд эволюции*.

В XX веке было подсчитано, что только переписывание произведений И. Баха заняло бы у переписчика более 65 лет. Но композитор сочинил всё это, и при этом кантором выходил на службу, давал концерты, обучал своих детей музыке (их было 13), являя тем самым работоспособность гения.

Чувство меры в творческом труде. Непрерывное рисование привело И. Репина к невозможности держать кисть в правой руке, и ему пришлось научиться рисовать левой. Пианист А. Скрябин переиграл правую руку, – так родились Прелюдия и Ноктюрн для левой руки. Композитор-пианист Р. Шуман механическим приспособлением для развития виртуозности пальцев повредил сухожилия ладони.

Некоторых мастеров Муза, как хозяйка Медной горы, держит в возвышенных условиях творчества, но почти в одиночестве: скульптора В. Мухому, физика Н. Теслу, математика Г. Перельмана. По разным причинам не имели собственных семей: А. Данте, И. Кант, Л. Бетховен, Ф. Шуберт, И. Ньютон, М. Мусоргский, М. Балакирев, П. Чайковский.

Мы помним о ярко вспыхнувших в творчестве и рано ушедших из жизни личностях: Н. Рушева – 17 лет, пейзажист Ф. А. Васильев – 23, Д. Перголези, М. Лермонтов – 26, Моцарт и Василий Калинин – 35, Ника Турбина – 28, С. Есенин – 30, Ф. Шуберт – 31, Ван Гог – 37, А. Пушкин – 38, Ф. Шопен – 39 лет.

Судьба явно сократила недугами творческие возможности многих гениев и выдающихся личностей, среди которых Л. ван Бетховен, К. Циолковский, Ф. Рузвельт, В. Ванга, астрофизик С. Хокинг.

Прав был Иван Павлов, сказавший: «Смена занятий – есть отдых». Всякому Творцу, Художнику, познавшему одержимость в труде, надо помнить, что нельзя заступать за «черту собственных возможностей» и «не открывать 13-ю дверь, имея от неё ключи» (сказка «Синяя борода»). Перенапряжение может затянуть в смертельную воронку безумия, вереницу достоинств оборвёт умственный сдвиг. Нужно не только следовать установке поэта Н. Заболоцкого: «Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь!», но и знать о финалах жизни царя Б. Годунова, композитора Р. Шумана, художников Ф. Гойи, М. Врубеля, С. Дали, композитора и художника М. Чюрлёниса...

При признаках утомления полезно заняться массажем головы, дать телу возможность физически размяться. (Вспомним: в русских сказках Иванушка часто чешет затылок, за ухом). Дать глазам отдохнуть на 10–20 сек.: посмотреть вдаль, создать ладонями темноту. Лучше работает натошак, позже в качестве подпитки хороши шоколад, фрукты, аптечные витамины. Эффект плацебо: булочка, съеденная мысленно, добавляет в кровь калории, будто она уже съедена. Но обманывать организм не следует, иначе он не будет выполнять установку мысли в нужный момент, например, «Выздороветь!».

Вы бы не дали своему дорогому человеку крепкий кофе и таблетки для улучшения работы памяти и мозга, зная, что «энергия не возникает из ничего» и за всякий допинг в будущем непременно будет расплата.

Природа, ее благотворное действие. Для Л. Бетховена и П. Чайковского выход на природу был излюбленным видом отдыха, и их творческое наследие было огромным. Т. Эдисон – изобретатель лампы накаливания, фонографа, кинескопа, аппарата для киносъёмки, распределителя электроэнергии, телеграфного аппарата, микрофона – позволял себе отдыхать на рыбалке в тишине, размышляя о законах физики, механики, но так и не поймал ни одной рыбки.

Рекомендации по организации творческой деятельности своего мышления. Важным при выборе профессии, связанной с работой мозга, является обустройство пространства, располагающего к его активной работе. Рабочее место должно быть оборудовано в стиле минимализма, одежда располагать к мышлению. В помещении необходим свежий, слегка прохладный воздух; крики, звонки, шумы ремонта должны отсутствовать, освещённость – располагать к творчеству.

* *На сцене, в ТВ павильоне яркий свет софитов слепят пианиста, затрудняя игру на рояле, на что указывал и С. Рихтер перед каждым своим выступлением.*

* *Перед «мозговым штурмом» нужно соблюдать меру сытости. Пилотам перед полетом выдаётся плитка шоколада для тонизирования в полёте работы мозга.*

* *Излишняя сытость мешает в работе, следует «заморить червячка и только». Но порой причиной недоедания были тяжёлые социальные условия. Жизнь впроголодь была у художников П. Гогена, Ф. Васильева (умер в 23 года), критика В. Беллинского, поэта Н. Некрасова.*

Трудовой ритм. Гении, как никто, ощущают весомость секунд.

* *Пианист Г. Нейгауз (его аспирантами были С. Рихтер, Э. Гилельс) в день концерта не отвечал на звонки, не подходил к роялю.*

* В «Доме-музее» в Клину хранится табличка с обозначением времени для приёма гостей, – так Петр Ильич охранял своё время для творчества.

Вслушайтесь! Вглядитесь! Убивают время.

Убивают время сообща и в одиночку.

Будто бы друг с другом соревнуясь: кто скорее?

Убивают в полдень, убивают ночью.

(Р. Рождественский)

Сон. Полноценную работу мозга обеспечивает сон. Это время для набора физических сил, средство для активной мыслительной работы. Методом переключения мозг даёт отдельным своим участкам отдохнуть, сортирует поступившую информацию, гармонизирует работу организма.

* Л. да Винчи считал, что утро более располагает к творчеству, и работал по 4 часа, а затем спал 15 мин. – полифазный сон гения! Наполеон спал 4 часа: с 0 до 2 и с 5 до 7 часов, считая, что «больше шести часов спят только дети и набитые дури».

С. Дали вообще не спал, и если наступала дремота, то зажата в руке ложка с шумом падала на поднос и будила его. У. Черчилль спал с 3 до 7 и днём 1 час.

О. Бальзак работал ночью до 5–6 утра, потом спал до часу дня. Н. Тесле лучше работалось в темноте, днём он плотно задвигал шторы.

А. Суворов, не проигравший ни одного из 60 сражений, был в быту непривлекателен, в еде и одежде – минималистом, спал по 4 часа, на жестком.

Зато гений А. Эйнштейн ежесуточно спал по 10–12 часов.

(Кстати: работая над документами, канцлер ФРГ К. Аденауэр опускал ступни в таз с холодной водой для лучшей работы мозга – и это действовало).

* Мозг спящей кошки работает интенсивнее, чем при бодрствовании.

Управление сном. Во сне мозг продолжает работать, и порой учёным подсказывает ценные идеи, музыкантам даёт прослушать их будущие произведения, художникам являет композиции их следующих картин, писателям диктует ценные мысли в лаконичных формулировках.

* Д. Менделеев долго и напряженно размышлял о явно существующей логике расположения химических элементов, в результате чего во сне ему явился ответ в виде знаменитой «таблицы Менделеева» – «Периодическая система химических элементов».

* Г. Берлиоз во сне услышал звучание новой симфонии. Проснувшись, он быстро начал ее записывать, но остановился, представив все необходимое время для написания партитуры, выписывания оркестровых партий, репетиций, представил скромный бюджет семьи... И заставил себя забыть дивную музыку!

* Н. Бор – создатель квантовой теории и ядерных реакций, увидел во сне модель атома в виде модели солнечной системы Н. Коперника.

При активной речемыслительной деятельности важно знать, что хроническое недосыпание ослабляет не только здоровье, но и память, мышление. В эксперименте на добровольцах было доказано, что ночь без сна организм может компенсировать в течение многих суток. (Лишение сна часто являлось средством пытки: у жертв нарушались память, психика в целом, что становилось причиной даже летального исхода).

Изменить свой режим ради напряженного аврала можно: сместить часы сна, приёма пищи, работы, но надо помнить о сложностях возвращения к прежнему, более здоровому распорядку.

Психологические приёмы управления своим состоянием. Собственный внутренний настрой языковой личности является основным фактором для активизации мышления: это и осознание необходимости мозгового штурма в период сессии, для защиты диссертации при получении научного звания, участие в дискуссиях, в конфликтных ситуациях, при экстренной подготовке того или иного вербального материала в сжатые сроки. При этом очень важна **позитивная самооценка**:

* Одна студентка-вокалистка каждое утро перед зеркалом говорила себе: «Я – королева!». И, правда, хорошо пела.

* Самооценка (противоположная) есть и в словах романса А. Даргомыжского на стихи П. Беранже: «Ведь я червяк в сравнение с ним – с его сиятельством самим».

«**Мазохистский**» метод управления собой состоит в мобилизации сил в момент крайней опасности, когда в самоощущении, как пружина, сжимается вся жизненная сила до полного убеждения: «Всё! Крах! Ужас! Конец!». Но на самом концерте при подходе к роялю (микрофону) срабатывает внутренняя «катапульта», и выдаётся почти гениальный вариант. Это психологический приём, производимый над самим собой в вынужденных обстоятельствах. Получается, что «почти умер», но вот опять живёшь.

* Так, сброшенная с высоты кошка, взаимодействуя с энергией пространства, приземляется мягко на лапы. («Чёрный юмор»: в момент забавного чихания кошки появляются кадры с растущим где-то атомным грибом – аллюзия к «бабочке Брэдли»).

Плен бесконечных усовершенствований. В него попадают, когда начинают править и вычищать свой текст, а он гипнотически затягивает в бесконечное «ничто»... Время «зависает», теряется общий замысел, притупляется мышление. Тогда нужно срочно остановить работу, усмирив досаду ироничной мыслью: «Ты, дошлый, ему надоел, и он хочет от тебя отдохнуть».

Возможности воображения можно использовать, если собственные силы в процессе работы совершенно иссякли. Представить, что вас внимательно слушает близкий по духу маэстро-профессионал, который доброжелательно укажет на недостатки. (Этот приём возможен, если сам человек, при скромной собственной самооценке, все же считает, что имеет право на такое внимание). Музыканту-исполнителю можно представить, что его слушают не только зрители, но и сам И. С. Бах, или Л. ван Бетховен, или С. Рахманинов. Журналисту – что его слушают К. Циолковский, Н. Рерих, В. Гюго, В. Шекспир... Иные обращаются за помощью к образу (аму-

лету, тотему и т.п.), в которые верят. Верующие знают, что «их всегда видит Бог», и это корректирует и направляет их деятельность.

Если разум выдаёт более объективную (по возможности!) оценку существующим явлениям, ситуациям, ощущениям, то наш «экран мысли» романтически открыт для проникновения в него воображаемых, а порой и «пришлых», чуждых образов.

Феномен «зрения ума» даёт человеку для полноты его восприятия, наряду со зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом, ощущениями внутренней среды тела, температуры, боли, голода; чувствами восприятия времени, ориентации и положения тела в пространстве, ощущениями статики/динамики, кинетики, сигналами интуиции.

Некоторые феноменальные личности априори наделены даром ясновидения, получая информацию о любой точке пространства и времени: Нострадамус, монах Авель, Ванга, Мессинг и др. Их дар – это способность входить в космическую базу Времени, прислушиваясь к собственным ощущениям и мыслям в их единстве. Чёрный маг-злодей может мысленно швырнуть негативный комок энергии во врага, а белый маг – мысленно пройти лучами света по больному индивиду, излечив его, а порой и возвратив к жизни.

Заинтересовавшемуся такими возможностями человека нужно знать, что этот древнейший дар природы даёт только Личностям, доброжелательным к Миру, природе, людям. В противном случае у них навсегда исчезнет чувство радости жизни, «шагренево» сократятся их лета от осознания душевного груза, даже за неумышленно причинённый ими вред.

Очистка мыслей. Можно прислушаться к совету мудреца: «Когда я ел – думал только о еде, купался – думал о купании, гладил кошку – думал о кошке, не позволяя появляться иным мыслям. При вопросах, удалённых в пространстве и времени, сосредотачивал мысль, отправляя её туда, откуда она сразу возвращалась, но с уже готовым ответом».

Для активизации внутреннего зрения можно представить человечка, двигающегося вперед/назад, по лестнице вверх/вниз, который по вашей воле встаёт/садится/ложится, летит/бежит, останавливается. Если всё удастся представить, то к этому приёму можно не возвращаться. Представим табурет большим, маленьким, стеклянным, тяжёлым, лёгким, на небе из облаков, облепленный живыми муравьями... Если получается, то это значит, что у вас «зрение ума» заложено априори. Воображение может обходить зону контроля разума, проецируясь в виде рисунков на листах бумаги, музыкальных импровизаций. (Так рождаются графические образы у автора статьи).

* При многочасовых перелётах многие спортсмены мысленно дают себе нагрузки, тем самым, продолжая тренироваться.

Среди артистических натур часто встречаются личности, одаренные яркими чувствами. Постоянно прислушиваясь к себе, они натренировали свои мысли-чувства умением концентрировать внимание на объекте, зная, что без должного сосредоточения невозможно добиться желаемого результата. В мысленном представлении обычно совмещаются различные ощущения, идущие от зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания, восприятия степени освещенности, температуры, характера передвижения в разных видах транспорта и т.д.

«Внутренний слух» – это когда сознание воспринимает звук, которого нет во внешней среде. Внутренний слух, как и бесконечный ряд обертонов в отдельном звуке, и цифровое значение «Пи» после запятой – всё это открытые каналы для входа в другое измерение (Ш. Бронте «Джен Эйр»; В. Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 5).

При бодрствовании можно представить на «экране мысли» родных и знакомых, «ушедших в мир иной». Представить, что они находятся «в других местах», почувствовать на несколько секунд их лёгкое присутствие, их внимательный, молчаливый взгляд на несколько минут или на мгновение.

У тех, у кого «ум сдвинут», этот канал постоянно открыт, и они «слышат голоса». В деревнях до сих пор есть примета, что нельзя откликаться на голос «ниоткуда», даже на имя, когда за дверью никого нет, – это не к добру, даже к уходу кого-то из близких.

Малыши могут спать и при шуме, а в старости время сна сокращается, сон становится чутким, прерывистым.

Скорость мышления. Перефразируя В. Маяковского: «Говорим движение – подразумеваем скорость, говорим скорость – подразумеваем движение». Скорость – свойство времени, она указывает на активность энергии. Сказалось ли увеличение жизненных скоростей на эволюции флоры и фауны или они так и продолжают «валяжно» жить своей жизнью? Современный темп развития человеческого общества не коснулся природы? Археологи пытаются докопаться до истин эволюции, но пока их старания напоминают ситуацию из басни о «слепцах, исследующих слона».

Скорости свойственно отражать общественный уклад, по ней узнаются страницы истории. Деятели искусства часто удавалось предвосхищать исход исторических событий: М. Равель – «Болеро», с изображением эффекта крушения в конце, В. Верещагин – «Апофеоз войны», Н. Рерих – «Армагеддон».

Для прошлых времен характерен неторопливый уклад жизни, с отдыхом после обеда. Так, в гильдии купцов был выявлен иностранный «засланный казачок» по необычному для россиян признаку, – «он не отдыхал после обеда».

В аристократической среде особое внимание уделялось плавности вокальной и инструментальной музыки; неторопливым и элегантным движениям в таких танцах, как гавот, менуэт, сарабанда, полонез, хороводы. В народе были популярны быстрые танцы: жига в Англии, полька в Чехии, чардаш в Венгрии, гарантелла в Италии, лезгинка на Кавказе. На Руси – гопад, трепак, камаринская, выбивание чечёток.

При характеристике явлений важным признаком является *темп*. Так, в музыке XIII века преобладали крупные длительности: бревис, целая, половинная, что являлось отражением неторопливого уклада жизни с её размеренной речью, весомостью пауз, неторопливыми жестами, неспешным движением на дорогах. «Vita

brevis, ars longa» («Жизнь коротка, искусствоечно»), – слова Гиппократ. Кардиологи могли бы сказать: «Был век «брадикардий», сегодня – «тахикардий».

Скорость стала показателем уровня мастерства во многих видах спорта, – повысилась планка мировых рекордов. В прежние эпохи невозможно было и представить скоростную речь Т. Канделаки на ТВ шоу, быструю речь дикторов новостей, исполнение на скорость танцев, произведений классики, которое наблюдается сейчас. Например:

* «Полет имеля» Н. Римского-Корсакова из оперы «Сказка о царе Салтане» заметно ускорился: вместо 1 мин. 10 сек. по версии композитора полёт совершается за 54 сек. – в сольном, хоровом, вокальном, инструментальном исполнении.

* С. Прокофьев и А. Барто с юмором обрисовали в песне «Болтунья» эффект ускорения речи: «Это Колька выдумал, что болтунья Лида, мол».

* В эталонном метрономе тоже увеличилась частота колебаний: было 405,3 Гц, а сейчас 442 Гц и более. Струнники с абсолютным слухом плохо чувствуют себя в ансамблях с настройкой не в 440 Гц.

* Уже на двух поколениях видно изменение темпа жизни. В мегаполисах ускорился шаг пешеходов, превратившихся в быстро движущийся поток из фигурок людей.

Ускорение мыслительной деятельности сказывается на возросшей быстроте действий. Хотя имеются и национальные особенности: манера речи эстонцев отличается спокойствием, неспешностью, а итальянцы и евреи расположены к быстрому говорению, что является их национальной чертой.

В погоне за скоростью стали появляться «виртуозы», забалтывающие – как будто бы и верными словами – саму суть проблемы. Они явно получают удовольствие от своего «пыльного словесного облака», им не стыдно, а слушателям тошно. Такие типажи где-то, возможно, и нужны: они усыпляют внимание публики.

Экстремальные условия выявляют более высокую скорость мышления для принятия правильных решений в создавшихся обстоятельствах. И в таких случаях нередко проявляется удивительная способность времени – «растягиваться». Те, кто побывал в таких экстрим-ситуациях, говорили о возникновении в сознании быстро мелькающих «кадров», отражающих важные моменты прожитой жизни.

* У летчика-испытателя Марины Попович в полёте загорелся самолёт, но её руки действовали автоматически. При разборе того полёта коллеги заключили, что в экстремальных условиях сознание пилота работает в сверхскоростном режиме, т.к. такое количество правильных операций и с такой скоростью в обычных условиях выполнить невозможно.

Субъективное ощущение времени. О предназначенном жизненном сроке знают лишь по внутреннему ощущению. У человека не сразу включается ощущение времени; в молодости оно кажется бесконечным, о нём не задумываются, а в старости время быстро летит.

* Малыш оправдывается: «Я заигрался и не заметил, что уже пора...».

* «Влюблённые часов не наблюдают»; причина – их взаимный интерес плюс взаимная чувственность.

* Время ускоренно навёрстывает упущенное по окончании летаргического сна.

* Выступающему на сцене кажется, что вместо 20 мин. прошло 2–3 мин.

* Сравним: танец на горячей сковороде дрессированного петуха в рассказе Д. Лондона и тянущийся день Обломова в романе И. Гончарова; ожидание своего сильно запаздывающего рейса и свист падающей рядом бомбы.

* Наши биочасы – это автоматическое ощущение времени.

* Интуиция дано право всегда ощущать момент времени (М. Мусоргский, «Картинки с выставки»: «Гном», «Избушка на курьих ножках» – композитор вводит персонаж Времени).

Низкая скорость мышления наблюдается:

– в состояниях засыпания, выхода из сна, опьянения, гипер/гипотонического криза, при сильной боли или специально тормозящем мышление гипнозе;

– в экстремальных условиях среды: холод полюсов, жара пустыни, «парилка», разряжённый воздух горных высот, давление морских глубин, полёт на сверхскорости, тренировки на центрифуге (9g);

– при травмах мозга, бредовых состояниях, генных сбоях, анорексии, в последние минуты ухода из жизни...

Речь отражает скорость мышления. Однако скороговорочный поток слов далеко не является показателем качественного мышления; при определении качества публичной речи профессиональной языковой личности важны мотивация, целесообразность и информационная точность.

Интонирование. С первых же слов лектора можно определить, будет ли его речь интересной или нет, т.к. профессионализм языковой личности проявляется через энергичный темп подачи материала, чёткое произношение, логичность интонирования, деликатное акцентирование внимания на важных моментах лекции. Публике видны наличие таланта, степень опытности, идеологическая позиция.

Мудрость неторопливых слов Д. Кабалевского в Колонном зале запомнилась тогда всем. Он рассказывал «о трёх китах в музыке». И это была встреча с профессионально состоявшейся, красивой Языковой Личностью. Казалось, что композитор обращался к каждому из присутствующих, а ведь тогда ему было уже за 80...

Управление свойствами речи зависит от опыта жизни, сложившегося в ходе общения с разными группами людей, мотивации, характера самой личности. Ситуативно:

* С малышами: «Ой, какое на тебе красивое платье!».

* Педагог на занятиях должен использовать оптимальный темп для диктовки.

* С людьми почтенного возраста говорить уважительно, неторопливо, отражая скорость их мышления (Д. Карнеги, – «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично»).

* С большими и ослабленными людьми лучше говорить негромко, неторопливо, передавая им своё доброе отношение и настраивая их на хорошее самочувствие.

** В ситуациях повышенной речевой ответственности следует говорить осмысленно, неторопливо: на саммит-тах, «стрелках», переговорах с невменяемыми людьми.*

Среди талантов лётчика-испытателя Марины Попович был и талант просветителя. Выступая перед аудиторией, она сразу находила нужную скорость для полёта мысли. Её голос излучал частоту самой Правды, завораживал искренностью – казалось, будто открывалось само Небо. Это было необычно для почти каждой аудитории, не избалованной правдой. В её голосе не было привычного шумового фона от «верчения протезного хвоста» фальши, ставшего привычной практикой для многих выступавших публично. И аудитория это ценила. К её речам тянулись, как к дивному голосу Р. Лоретти, А. Герман, М. Калласс, настолько она была красива в открытости души, в своей доброжелательности к Миру. Не этой ли чистотой (и «частотой» – вибрацией!) мы любуемся, глядя на детей, на красивую природу? Всех присутствующих М. Попович объединяла энергией молодости, делая их здоровее, лучше, хотя об этом напрямую и не говорила. Видимо, так мыслят те, кто видел красоту Неба! На одной из таких встреч она рассказала: «Набрала высоту, но почувствовала что-то неладное – самолёт попал в «рукав», ветер дул в «хвост» самолёта, отчего скорость постоянно возрастала. Вывести его из этого «захвата-туннеля» никак не удавалось. Даже начала мысленно прощаться с семьёй, родиной, жизнью.

Но «рукав» внезапно исчез, и самолёт нормально сел на полосу.

А всё это время на земле зрители рукоплескали запредельной скорости моего самолёта: «Вот что значит советская школа! Какое мастерство пилотажа!». Оказалось, там, в небе был достигнут мировой рекорд».

Память – это разновидность материи, что присутствует во всех клетках организма и в концентрированном виде сосредоточена в мозге. Её объем, качество отобранной информации, тематика, оперативность при пользовании накопленным багажом выявляют и качества ума. Хорошая память – прерогатива сильной языковой личности, «личная подпись» под текстом прожитой жизни. Объем архива памяти определяется её цепкостью, своего рода «липучестью» к объектам окружающего мира. Его мини-копии автоматически вносятся «на внутренний экран» памяти мозга в течение жизни, помещая информацию в хронологически расположенные ячейки, – это для удобства пользования.

Чтобы человек не впадал в «самоедство», депрессию и продолжал жить дальше, память выдаёт ему большей частью хорошие воспоминания о былых побуждениях, фактах опыта, удачных результатах, позволяя даже выдумывать недостающее желаемое как имевшее место в прошлом.

Виды памяти: «детская», «девичья», «профессорская рассеянность», генная память, профессиональная, автоматическая, данная в ощущениях (зрительная, слуховая и т.д.), двигательно-механическая (А. Беляев, «Голова профессора Доуэля»), память прошлых воплощений – «дежавю» и память при склерозе:

** «Наша подружка обещала, но так и не угостила нас именинным пирогом». «А разве мы были на дне рождения?»*

Память генов – это когда лишь в самый трудный момент мысленно обращаешься к тем, кто тебя истинно любил и придёт на помощь. (Меня очень любила прабабушка по отцу (я это помню, мне было тогда года 2–3). К Создателю мне еще не приходится обращаться: не тонула, не горела в печах, не теряла близких, а если бы это было – значит, Богу виднее).

Если в долгосрочной памяти хорошо помнятся события «минувших лет», то краткосрочная лучше хранит последние факты, фразы:

** «Нет ли у тебя таблетки от головной боли?» – в конце разговора спросил Штирлиц у Айсмана, в кабинете которого и находился чемодан радистки.*

** «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой ум» (16-я страница «Литературной газеты»).*

** Информация, наполненная яркими эмоциями, сохраняется дольше: «Мы с ней страшно рассорились, не помню из-за чего, но этого я ей никогда не прощу».*

Укрепление памяти. В.И. Ленин предлагал (особенно молодежи) не прибегать к помощи записной книжки, а стараться запоминать, чтобы таким образом развивать свою память.

Представителям среднего и высшего сословий рекомендовалось вести дневник для самовоспитания и осознания того, на что уходит время жизни. Читая книги, выписывать понравившиеся мысли. На студенческих вечеринках развлечения были не только танцы, но и IQ-соревнования в игровой форме: кто больше прочитает наизусть глав из «Евгения Онегина» или стихов других поэтов; кто больше запомнит за 30 сек. разложенных мелких предметов и назовёт их в том же порядке. Присутствующие по кругу могли цитировать мудрые высказывания великих; выигрывал последний. Ценилось развитие интеллекта. (Подобные развлечения направлены на развитие верхних чакр).

Если забывание стало чаще давать о себе знать, значит, на горизонте уже показался жизненный финиш. К сожалению, с возрастом энергия памяти, как и эмоций, угасает. Постоянно нагружать память – значит поддерживать её в рабочем тоне. Психологи рекомендуют, с учетом состояния здоровья, вести активный образ жизни, чувствовать любовь и заботу близких, отвечая взаимностью, чаще бывать в «романтическом» настроении, выучивать стихи, осваивать языки, быть доброжелательным к окружающим.

** В озёрах глубоких пещер находят и живых рыб, но у них нет глаз, – из-за неволевого неостребованности они атрофировались.*

Манипуляции с памятью. Быстрый сбор информации состоит в том, что мышление выставляет, как на аукционе, характерные свойства явления, – и тут же всё, имеющее к нему отношение, собирается вокруг него. Остаётся только успевать записывать свои ассоциации, что особенно важно для ритора, готовящего речь на нужную тему, для преподавателя, учителя.

Самогипнозом можно отключить память, (чтобы кое-что скрыть от полиграфа), – эта техника отработывается в разведшколах. Можно отключить работу своего мышления, память(?) в ситуации, где надо скрыть своё

присутствие. Но нужно знать: при отключении памяти на какую-то ситуацию, она может отключить и другие зоны. В память своей ограниченной волей лучше не вторгаться.

* *Чтобы быстрее уснуть, нужно:*

– научиться «освободить» голову от инерции перевозбуждения: не быть голодным, расслабить мышцы, положить на грудь что-то тёплое;

– придумать себе персональную (кодую) «Колыбельную», например, пересчитывать (с удовлетворением) светлые ситуации прожитой жизни;

– представить себя в детском возрасте, – тогда спокойно и быстро уснете. Дети быстро засыпают, потому что «океан их мыслей» ещё не знает о «штормах» жизни;

– не допускать приближения к себе никаких мыслей: они «безличностно» движутся по инерции в любые «вежливо открытые» головы;

– «Оум!» Утроба Вселенной! Представить «спящий Космос». Сон!

Брать энергию из памяти души. Можно дарить радость своей душе, глядя на фото любимых, кумиров, предметов, от которых на душе становится теплее, спокойнее, светлее. При этом человек тоже черпает энергию, но только из самого себя, из своей памяти.

* Любимыми композиторами П. Чайковского были В. Моцарт и М. Глинка, и в дальнейшем в его книжном шкафу на видном месте стояли клавиры, партитуры их произведений. В кабинете висел большой портрет его Учителя по занятиям в консерватории Петербурга – А. Рубинштейна.

* В музее Клина рассказывают о рояле, на котором играл Чайковский, о берёзке, посаженной им; за давностью лет на её месте высадили новую.

Пси-энергия аккумулируется и **в неодушевлённых предметах**, (не)вступая в резонанс с пси-энергией человека:

* Барон из пушкинского «Скупого рыцаря» всю жизнь пополнял золотом свои сундуки – и при виде их его переполняла энергия наслаждения.

* На юбилее сочинского литобъединения «Золотая осень» поэтесса В. Саакова проникновенно прочитала свои стихи, посвященные бабушке: «Чашка от бабушки – память о ней».

* Если предмет подарен плохим человеком, то он диссонирует с частотой вашей энергии, от него хочется скорее избавиться.

* Стены хранят энергетику событий, происходивших в помещении.

По местам боевой славы, музеям люди ходят не столько за информацией, сколько за тем, чтобы почувствовать энергию духа борющегося народа, погрузиться в то время, глубже понять жизнь выдающихся и интересных личностей:

* «За этим столом работал Лев Толстой», «на этом диване умирал Пушкин», «это место, где проходило Бородинское сражение».

* Пользуется известностью сочинский музей-сад «Дерево Дружбы», где на цитрусовом дереве сделали прививки известные люди планеты: академик-полярник О. Ю. Шмидт, руководители нашего государства, лидеры многих зарубежных стран, В. Клиберн, космонавты, герои труда.

Память у флоры и фауны. У животных, и спасённых человеком, и незаслуженно побитых, есть долгосрочная память, – и тому масса примеров:

* В одной из легенд Африки рассказывается, как юноша, очищая участок и зная, что нельзя причинять вред растению в пору его цветения и плодоношения, изрубил цветущую лиану. Шли годы. Однажды он прилег отдохнуть у вьющегося куста. Уснул и не проснулся: был задушен побегами растения, потомками той изрубленной лианы.

* Человек «в состоянии овоща»? Но у растений есть собственная память. Хочется верить, что и у современных «потеряшек» память восстанавливается, – время лечит, и у них «наступит весна», как в природе.

* Собака никогда не ложится на то место, где её когда-то побили.

Агрономы на юге в конце июля отмечают наступление 2-й весны, это приблизительно «точка золотого сечения» года: появляются новые побеги, можно делать прививки растениям. Такая «точка» имеется и у человека, когда в его уже почтенном возрасте седина уступает место изначальному цвету, утерянные памятью события восстанавливаются, а эмоции оживляются – «бес в ребро». По этой точке – «~ 65%» – можно узнать и свой итоговый возраст. По убеждению автора, если выявить в прошлом все максимумы реализации своих возможностей, то это равно примерно 65% от предназначенного срока жизни. Хочешь жить дольше – снова и снова выдавай максимум и тем увеличивай срок своей жизни. (Не забывая о режиме труда и отдыха, общении с природой – см. выше).

Умение забывать является не менее важным для человека, чем запоминание.

* Долгожители утверждают: «Чтобы жизнь была радостной, легкой, надо научиться забывать». Они свободны от чувства мести, провокаций злости и недовольства, не позволяют себе пребывать в плохом настроении.

* При бессоннице «механизм торможения» потока мыслей сломан. Надо научиться освобождаться от инерции дневного возбуждения, чтобы мысли послушно исчезали в «пустоте». Хроническая бессонница – состояние автомобиля без тормозов. Помогают: сытость, тёплый душ, ведение счёта не «баранам», а лишь светлым жизненным воспоминаниям.

Способность забывать плохое, обиды – мудрый приём для сохранения семьи. При отсутствии этого качества можно отметить лишь начальные годовщины свадеб: «ситцевую» (1 год), «бумажную» (2 года), «кожаную» (3 года), но не «серебряную» (25 лет) и не «золотую» (50 лет).

Традиционно отмечают прожиточный min/max совместной жизни: 4–8 лет – «льняная», «деревянная», «чугунная», «медная», «жестяная» свадьбы; 10–12 лет – «оловянная», «стальная», «никелевая». Свадьбы «фарфоровая» (20 лет), «изумрудная» (55 лет), «бриллиантовая» (60 лет). Имеют свои названия и свадьбы, если совместная жизнь супругов была 70 лет – «благодатная», 80 лет – «дубовая», 100 лет – «платиновая (красная)»!

Запрещенные или опасные психологические приемы.

Так называемый **«вампиризм»** – запрещенный пси-приём. Некоторые люди в момент испытаний нуждаются в психологической поддержке. И это видно: у них нет уверенности в себе, «вздыхая, по жизни они ходят под кружевным зонтиком», выискивая взглядом доброжелателей или просто сочувствующих. Такие неокрепшие натуры для погашения своего избыточного волнения перед выступлением используют успокоительные капли, принуждают близких к «словесному поглаживанию», т.е. (не)сознательно «вампируют». (Встретив таких людей, гипотоникам не следует прикасаться к их холодным пальцам). Пообщавшись с такими людьми, чувствуешь бессилие, энергетическую выжатость. В семьях такие люди обычно сначала доводят до слёз свою жертву, а потом стараются её успокоить. Или весело хихикают, когда беззащитный комнатный кот фырчит и истошно орёт при виде меха, надетого на руку.

* В одной из сказок змея попросила черепаху перевезти её на другой берег. «Но ты ведь меня укусишь!» «Нет, никогда! – завершила змея, взбираясь на панцирь. Но переплыв реку, змея всё же ужалила черепаху. «Ну что же ты!?» «А вот такая я, такая!»

* Одна возрастная певица каждый раз затевала за кулисами скандал для «пробуждения» своего «артистического духа». После чего она выходила к публике и шёлковым голосом проникновенно пела: «Молодая пряха у окна сидит».

* Однажды коллега разоткровенничалась о том, что не было такого праздника, чтобы мать не доводила её до слез, – не терпела радости у своей дочери.

Обращение к гипнозу. Если считаешь себя сильной личностью, то своей пси-установкой сам разрешай появившиеся проблемы: «Ты лучше себя знаешь, ты сам для себя «профессор». Но если ты слаб духом, так и продолжай обращаться к другим за помощью, допуская предательство собственных, априори данных возможностей, сдав «ключи от ворот» своей души какому-то гипнотизёру, ведь он – властелин душ! Если гипнотизёр с нравственным изъяном, то он может в любой момент затормозить работу твоего мышления, – ведь ты добровольно стал его «послушным зомби».

* На одном из концертов В. Мессинг снял со студента, вышедшего на сцену, пси-блок его низкой самооценки. И прежний «гадкий утёнок» стал в яркой лексической манере рассказывать о важных проблемах науки, легко мыслить на публике. Но ведь до этого он был «бесталанным», «бездарным»...

Людей всегда интересовали проявления гипноза с демонстрацией на сцене, где «добровольцы» «собирали грибы, укачивали дитя, удили рыбу, добирались вплавь, боксировали, искали утерянное», вызывая смех у зрителей. Отметим, что по шкале наличия пси-энергии у Мастера – это уровень «полёта самолёта», у Нострадамуса – «полёт спутника», у пользователя «экраном мысли» – «полёт стрекозы».

Выше уже говорилось о феномене «зрения ума», этом когнитивном сплаве мышления и воображения. Предлагаем читателю потренировать это врожденное свойство человека как языковой личности.

Техника развития «зрения ума». «Экран мысли» – это внутреннее зрение, где воображение представляет все сопутствующие характеристики объекта. Чтобы убедиться в хорошей работе своего воображения, указываем ориентировочное время для чтения и представления словесных картин, в рамках которого автор статьи (художник, композитор и поэт) остался доволен качеством своего воображения.

1. Весна. Наконец после зимы повеяло теплом. Птицы поутру начинали распевать пораньше. День заметно увеличился. Светло-зеленые облака, крадучись, приближались к деревьям, и, обнимая их, шептали: «Пришла Весна. Просыпайтесь. Пора давать силу ветвям!»

На углу нашего дома начала расцветать вишня. Её ветки с каждым днём удлинялись, на её прямых «шпагах» стали появляться одиночные, а затем целые гроздья белых цветов. Невидимый художник ежедневно менял свою тонкую кисть на более толстую. Всё дерево превращалось от этого в белое чудо из цветов, где в волнах запахов трудились пчёлы.

Зимой это вишня-дичка была серой, незаметной, а сейчас полыхала белым факелом, расточая вокруг сладковатый аромат. – Весна! (~ 1 мин. 07 сек.)

2. Море. Как-то летним вечером я задержалась на его берегу, то ли от того, что по пляжному репродуктору транслировался Первый концерт Шопена, то ли от того, что в тот вечер море, действительно, выглядело спящим. (Вспомнился рассказ А. Грина, где он ранним утром впервые увидел море «спящим»).

В тот вечер воедино слились и исповедь о первой любви польского гения, и яркие звёзды, и доверительное дыхание уснувшей водной стихии. Чуть заметные волны тихо вздыхали, нежно целовали берег, копируя людей в пору их ухаживания, по-детски лепеча: «Шлёп-шлёп».

Но кто же вспоминает скорость этого едва слышного «шлёп-шлёп» в часы шторма, когда огромные волны стройными рядами неукротимо несутся к берегу, разбиваясь о его камни, утягивая за собой шипящую от возбуждения пену.

Обитателей моря, не успевших укрыться в глубине, волны кромсали в своём бурлящем месиве. (Так и в семьях порой возникают конфликты с битьём посуды, разделом имущества, что всегда является нелёгким испытанием для детей, не успевших «уйти в глубину» понимания жизни с её обстоятельствами).

А на берегу камни-наблюдатели каждый раз внутренне вздрагивали от ударов волн, приносящих важные морские новости. Прислушиваясь к торопливому говорку гальки, бегущей за откатывающимися волнами, они, отполированные, становились всё красивее от сверкающих в лучах заходящего солнца мельчайших брызг, рассеянных над морем. Но в тот вечер заботливые звёзды окутывали уснувшее море прозрачным покрывалом из музыки Фридерика Шопена. (~1 мин. 50 сек.)

3. Звёздное небо. В один из летних дачных вечеров над притихшей землёй распахнулся сказочный ларец с драгоценною россыпью звёзд. Их было так много! Они рассыпались по небосводу, перемигиваясь, пританцовывая под музыку небесных сфер; украшали блёстками открывшиеся Врата Вселенной, излучали целительные

волны ласки, любви, надежды... Изредка проносились метеориты в виде мелькнувших полос света; они появлялись неожиданно и быстро исчезали. (Только ли для того, чтобы романтики не забывали о своих заветных желаниях? Однако исполнение главного из них всегда было знаком итогового приближения человека к Вратам Вечности).

Ни облачка, ни намёка на туман. Видимо, все испарения превратились в гигантскую линзу над землёй, чтобы сквозь её прозрачность, в увеличении, можно было бы наблюдать за магическим действием светил.

Мерцающая красота звёздного ковра была бесценным приобретением Души, её богатством! Пульсирующая красота неба несравнима с рукотворной статичностью пирамид, замерших в хрустальном воздухе дворцов, куполов храмов, взывающих к небу, привычной суетой бытия.

Время шло. С одной стороны небо начало заметно светлеть: это сквозь темноту пробивался светлый овал Луны. Он разрастался, превращаясь в огромное Полнолуние, из которого изливался мягкий поток сказочного, «русального» фосфора, словно кварцевавшего притихшую землю. (Но по каналам тишины весть о ярком Полнолунии уже была известна всей Вселенной).

Продолжая свой путь среди звёзд, Луна готовилась к встрече с всемогущим Солнцем, чтобы раствориться в его лучах, стать невидимой, исчезнуть... (~ 3 мин.).

Заключение. Наблюдая за разнообразием окружающего мира, автор непрестанно убеждался в отражении всем сущим уникальных законов Мироздания. С этих позиции в статье было рассмотрено и синкретическое явление мышления и речи: акцентированы моменты влияния среды на протекание процесса мышления, объективные и субъективные причины его эффективности, роль сна и вдохновения, приемов развития «зрения ума» как синкретической основы мышления разных видов, прежде всего наглядно-образного, и воображения.

Если мысль – это выдача, прежде всего, логически выстроенной информации о мире («Логос»), то «экран мысли», или «внутренний экран», – это наш, своего рода, «бытовой биоприбор», предназначенный:

- для видения прошлого, настоящего и будущего;
- для познания тайной сути явлений, ее интуитивного схватывания («Софийный синтез», в терминах лингвориторической парадигмы);
- для воплощения игры воображения в виде импровизаций, с проекцией на бумагу в виде рисунков и/или музицирования;
- для осуществления своих возможностей в экспресс-режиме отбора нужных вариантов.

... О всегда присутствующих и непостижимо действующих в синхронически-диахроническом континууме универсума всеобщих законах мира уже в XVIII веке хорошо сказал замечательный английский поэт Уильям Блейк:

«В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка»....

Рецензия / Book Review

Иванова Ирина Николаевна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
доктор филологических наук, доцент
Email: ivanovairinna@mail.ru

Егорова Людмила Петровна (1932 – 2019): биобиблиографический указатель / научные редакторы: А. А. Фокин, П. К. Чекалов; составители: М. В. Агаркова, С. В. Колесова, Т. Ю. Кравцова; ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова», отдел краеведческой литературы и библиографии. – 2-изд., доп. – Москва: Альпен-Принт, 2022. – 138 с. – ил.

УДК 821.161.1

Irina N. Ivanova

North Caucasus Federal University, Russia
1a Pushkin Str., Stavropol 355009
PhD, Dr Habil. (Philology), Associate Professor
Email: ivanovairinna@mail.ru

Lyudmila Egorova (1932 – 2019): Bio-bibliographic index. Eds by A. A. Fokin, P. K. Chekalov; compiled by M. V. Agarkova, S. V. Kolesova, T. Yu. Kravtsova; GBUK "Stavropol Regional Library n. a. Lermontov", Department of local history literature and bibliography. – 2nd ed., add. – Moscow: Alpen-Print, 2022. – 138 pp. – ill/ UDC 821.161.1

Рецензируемый биобиблиографический указатель посвящен юбилею выдающегося ученого, доктора филологических наук, профессора Людмилы Петровны Егоровой. Цель издания – максимально полно представить научное наследие Л. П. Егоровой, осветить ее роль в становлении и развитии северокавказского и российского литературоведения, познакомить заинтересованного читателя с личной, научной и педагогической биографией, общественной и культурно-просветительской деятельностью ставропольского ученого. Избранный составителями формат биобиблиографического указателя как нельзя лучше соответствует этой цели.

Безусловно, украшением издания служит включение в него автобиографических заметок Л. П. Егоровой «О себе», являющих читателю личность филолога, историю формирования индивидуального научного почерка, педагогических принципов, интересов, собственного неповторимого стиля. Эти заметки могут заинтересовать адресата и как пример самовоспитания и самообразования личности, работы над собой, уникального слияния человеческого, социокультурного, научного в единый феномен жизни как творчества.

Указатель представляет библиографию трудов Л. П. Егоровой в хронологическом порядке, с первых публикаций 1957 года до уже посмертно изданных работ 2020 – 2022 гг. Для удобства читателей в издание включен и алфавитный указатель работ с годом издания, отсылающий к полному описанию статьи или книги, данному в хронологическом библиографическом указателе. Кроме этого, имеется и именная указатель, содержащий фамилии и имена авторов включенных в указатель работ и лиц, упоминаемых в библиографических описаниях и аннотациях, что также может быть полезным всем, кто будет работать с материалами издания.

Раздел «Литература о жизни и научной деятельности» включает рецензии, заметки, критические очерки, посвященные Л. П. Егоровой и ее книгам. Этот раздел, как и приведенные ниже статьи и письма к Л. П. Егоровой от известных ученых, профессоров вузов, писателей и поэтов Северного Кавказа и России позволяет читателю в полной мере оценить масштаб филологического дарования Л. П. Егоровой, разнообразие ее научных интересов, широчайшую эрудицию и значение ее работы для современной филологической науки.

В издании приводятся также материалы секции научной конференции в рамках «Культурного лектория», проведенной в СКФУ в апреле 2021 года. Секция была посвящена культурному и научному наследию профессора Л. П. Егоровой и современному литературному процессу. Републикация этих материалов, выступлений учеников, студентов, аспирантов и докторантов Людмилы Петровны, вспоминающих ее личность, преподавательскую деятельность и научное творчество, усиливает особое, «человеческое» измерение указателя и дополняет информационно-научную составляющую издания глубоко личностной.

Ту же роль выполняет и включенный в издание фотоальбом, представляющий Л. П. Егорову в студенческие годы, в начале преподавательской деятельности, в кругу семьи, коллег, учеников, писателей. Указатель также иллюстрирован цветной вклейкой с изображением книг ученого-филолога с краткими аннотациями к ним.

Очевидно, что составители и редакторы биобиблиографического указателя проделали большую работу по поиску редких изданий, систематизации и структурированию огромного материала, его редактированию и т.д., итогом которой стало серьезное издание, представляющее деятельность выдающегося современного ученого-литературоведа.

Рецензируемый указатель адресован широкой аудитории читателей – ученым-филологам, студентам и аспирантам, всем, кто знаком с научным творчеством Л. П. Егоровой или только приобщится к нему, кто интересуется теоретическим литературоведением и историей русской литературы XX века, литературы Ставрополя и народов Северного Кавказа.

Индексирование:

ISSN 2307-6364

